

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

55 лет на службе науке и образованию..... 6

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Ананичева С.Р. Социальная адаптация мигрантов:
социологический анализ 11

Аторин Р.Ю., Фёдоров Е.В., Солнцев Ф.С.
Национальная безопасность в контексте музейной
деятельности 15

Бересток Т.Б. Исследования выбранных личностных
характеристик, позволяющих улучшить уровень
воздействия благополучия в информационном
пространстве 18

Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Марюшко А.В.
Социально-правовые и культурные регуляторы
общественной жизни 25

Стебляк В.В., Пищагина Ю.А., Буцан А.С.,
Чернов А.С. Исследование ценностных основ
современных российских студентов..... 29

Гончарова Е.Н., Гетманская М.Ю. Анализ образа
современного туриста как инструмент оценки
социокультурного потенциала региона: на примере
курортного региона Кавказские Минеральные Воды..... 32

Гурбанов А.Г. Роль социальной аксиологизации
потребления в становлении жизненного мира
современного человека 37

Евсеева О.Е. Роль библиотечно-информационного
центра в формировании эффективного
социального актора 43

Зайцев И.Д., Воложанина М.А., Караев А.А.,
Васильева Т.А., Терешина А.Н. Социальные проекты:
основные принципы и особенности 47

Мельников А.И. Социальная инженерия в цифровой
эпохе: анализ методов манипуляции человеческим
фактором в целях кибератак 50

Юрченко Е.Д. Формирование и изменение
этнических стереотипов, как ключевой фактор
формирования иноэтнического образа 55

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистриро-
ван в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслу-
женный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН,
РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Со-
юза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт

центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО)

РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педа-

гогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова**

Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Ин-

ститута журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов

России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор,

Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регио-

нальной социологии ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских

наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михай-**

лович – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва);

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный на-

учный сотрудник ИПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологи-

ческих наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный дея-

тель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор,

заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного

технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор

социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша);

Криволюков Виктор Владимирович – доктор социологических наук, профессор

Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Василье-**

вич – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования обра-

зовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск);

Матюхин Андрей Викторович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой

философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Мо-

сква); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руко-

водитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии

и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская**

Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор департамента социоло-

логии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Вален-**

тина Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор,

почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профес-

сор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью

Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев**

Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии

гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

(Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук,

профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев**

Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоратив-

ного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий**

Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ,

заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы,

директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ

им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.01.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецен-

зированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Арамян К.А.</i> Уроки истории: формирование исторической памяти через диалог с «живым прошлым»	59
<i>Джибилова Е.Г., Побываев Н.С.</i> Анализ российского и зарубежного опыта применения ChatGPT и искусственного интеллекта в политике и социальной сфере	64
<i>Каймаразова А.К.</i> Особенности социальной мобильности молодежи в современном российском обществе.....	70
<i>Зозуля О.А.</i> Карьерные стратегии молодых специалистов: к постановке проблемы	75
<i>Каймаразова А.К.</i> Социально-проектная деятельность молодежи как инструмент реализации общественной миссии университета	79
<i>Камнева Е.В., Симонова М.М.</i> Теория самодетерминации и управление персоналом	82
<i>Карамышева Е.Ю., Щанина Е.В.</i> Социально-профессиональные установки преподавателей гуманитарного профиля.....	84
<i>Кифичак Т.Ю.</i> Актуальное состояние и перспективы регулирования социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих.....	89
<i>Кокорева М.Е., Стражиц А.А.</i> Технология социальной маршрутизации студентов-инвалидов в условиях высшего учебного заведения.....	93
<i>Сережко Т.А., Толстик В.А., Кохан Д.А.</i> Концептуальные основы исследования жизненных стратегий молодежи приграничного региона.....	97
<i>Красовский А.В.</i> Перспективы взаимодействия региональных органов власти и некоммерческих организаций в реализации социальных проектов	100
<i>Мещанинова Е.Ю.</i> Деньги как элемент ценностно-нормативной системы общества	103
<i>Мкртумова И.В., Грачева О.Е.</i> Цифровизация как инструмент развития социальной регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока	106
<i>Моряков С.В.</i> Трансформация культуры управления военной организации в условиях неопределенности.....	112
<i>Пушкарёва Н.Н.</i> Грантовые конкурсы как механизм финансовой поддержки деятельности региональных общественных организаций	117
<i>Родованская Н.А.</i> Развитие института реализации функций уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации.....	122

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Андреева А.В., Рукавицына Е.А., Феньвеш Т.А.</i> Влияние конструкта «новой этики» на рекламную коммуникацию в индустрии моды: социально-философский аспект	125
<i>Гринь М.В., Терещенко О.В., Гнатенко Н.И.</i> Российско-польские отношения: историософское осмысление польской русофобии.....	130
<i>Жуков А.В., Ковалев В.А.</i> Обоснование стратегий адаптации иностранных абитуриентов военных вузов России в контексте теорий миграции и этнической социализации	136
<i>Мельников В.Л.</i> Влияние на русскую культуру сотрудничества востоковедов В.В. Голубева и Н.К. Рериха.....	141
<i>Музыка О.А., Попов В.В., Еременко У.А., Плужникова А.М.</i> Специфика интерпретации основных ступеней включения индивида в инклюзивное социальное пространство (на примере студенческой группы).....	145
<i>Савостьянов И.В.</i> Виртуальное пространство как фактор формирования социокультурных качеств личности	150
<i>Шамилева Р.К., Седиева М.Б.</i> К вопросу об актуализации представлений о социальной справедливости в современном мире на рубеже XX–XXI вв.	156

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Аванесова Г.А., Миронов А.В.</i> Постигание России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII – начало XXI вв.).....	159
---	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Внук В.К.</i> Исследование процесса становления политической системы: сравнительный анализ активности политических партий в кампаниях выборов депутатов Государственной Думы 2021 года и дополнительных выборов 2023 года	166
<i>Васильева Т.А., Волжанин Д.А., Дубков Н.С.</i> Особенности использования социальных сетей, как инструмента политической мобилизации в современной России.....	171
<i>Даниелян М.Г.</i> Языковой аспект в национальных государствах.....	175
<i>Файзулина А.А., Терешина А.Н., Шенер Э.А., Алексеев Д.Ю.</i> Феномен политического популизма в России на примере политической программы А.А. Навального: причины и появление	178

<i>Фельдман П.Я., Ненин Н.М., Стерликов А.В.</i> Особенности участия современных российских профсоюзов в электоральных процессах.....	181
<i>Хлынин А.П.</i> Трансформация властной элиты в современной России: 2013–2023 гг.....	186
<i>Цвяк А.А.</i> Возможности и пределы деятельности частных военных компаний: политический контекст	193
<i>Цуй Ханьюй, Би Юй.</i> Геополитические аспекты международной инициативы «Один пояс, один путь»	197

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Жарков С.Е., Самбилова А.А., Набойченко М.С., Едич Г.С., Литвиненко Д.В.</i> Этапы становления системы региональной безопасности России на постсоветском пространстве.....	201
<i>Файзулина А.А., Разумовский А.И., Ким Дон Ер, Алексеев Д.Ю.</i> Санкции, как инструмент политического давления	204

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Белков А.Д.</i> Международные транспортные коридоры как фактор глобальной и региональной интеграции: на примере Индии и стран Персидского Залива.....	207
--	-----

<i>Миняйленко Е.В.</i> Космополитизм в учении стоиков: имперские амбиции, транснациональное влияние и эволюция мирового порядка на примере концепций «Pax Britannica» и «Pax Americana»	214
---	-----

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Гаврилова Ю.В., Самилык А.А.</i> «Университетские субботы» в МГТУ им. Н.Э. Баумана: опыт формирования навыка самоорганизации у школьников	217
<i>Иванова Г.П., Марченко А.А., Ширкова Н.Н.</i> Поликультурное воспитание младших школьников и его особенности во внеурочной деятельности	222
<i>Куровский С.В., Старикова М.М., Мишин Д.А.</i> Разработка программы поддержки пожилых людей на основе развития социального предпринимательства.....	227
<i>Николенко А.А.</i> Идеологическая безопасность российской цивилизации	234
<i>Моисеев А.В., Епхиев О.М.</i> Социально-правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта в современной России (обзорно-аналитическое исследование)	237
<i>Тагаков Н.Е.</i> Реализация здоровьесберегающей модели организации массового спорта как элемента городской социальной инфраструктуры.....	249
<i>Николенко А.А.</i> Унификационный тренд в развитии локальных цивилизаций.....	255

TABLE OF CONTENTS

55 years in the service of science and education..... 6

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Ananicheva S.R.</i> Social adaptation of migrants: a sociological analysis.....	11
<i>Atorin R.Y., Fedorov E.V., Solntsev P.S.</i> National security in the context of museum activities.....	15
<i>Berestok T.B.</i> Studies of selected personal characteristics that improve the level of well-being impact in the information space	18
<i>Bikmetov E. Yu., Lukyanov A.V., Maryushko A.V.</i> Socio-legal and cultural regulators of social life	25
<i>Steblyak V.V., Pishchagina Yu.A., Butsan A.S., Chernov A.S.</i> Study of the value foundations of modern Russian students	29
<i>Goncharova E.N., Getmanskaya M. Yu.</i> Analysis of the image of a modern tourist as a tool for assessing the sociocultural potential of the region: using the example of the resort region Caucasian Mineralnye Vody.....	32
<i>Gurbanov A.G.</i> The role of social axiologization of consumption in the formation of the life world of modern man	37
<i>Evseeva O.E.</i> The role of the library and information center in the formation of an effective social actor	43
<i>Zaitsev I.D., Volozhanina M.A., Karaev A.A., Vasilyeva T.A., Tereshina A.N.</i> Social projects: basic principles and features.....	47
<i>Melnikov A.I.</i> Social engineering in the digital age: analysis of methods of manipulating the human factor for cyber attacks	50
<i>Yurchenko E.D.</i> Formation and change of ethnic stereotypes as a key factor in the other-ethnic image	55

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Aramyan K.A.</i> Teaching history: the formation of historical memory through dialogue with the “living past”	59
<i>Dzibilova E.G., Pobyvaev N.S.</i> Analysis of russian and foreign experience in the application of ChatGPT and AI in politics and social sphere	64
<i>Kaymarazova A.K.</i> Features of social mobility of youth in modern russian society.....	70
<i>Zozulya O.A.</i> Career strategies of young specialists: to problem statement.....	75
<i>Kaymarazova A.K.</i> Social project activities of youth as a tool for implementing the public mission of the university	79
<i>Kamneva E.V., Simonova M.M.</i> Theory of self-determination and personnel management.....	82
<i>Karamysheva E.Y., Shchanina E.V.</i> Social and Professional Attitudes of Teachers in the Humanities	84
<i>Kifichak T. Yu.</i> Current state and prospects for regulation of social health and social well-being of military servicemen.....	89
<i>Kokoreva M.E., Strazhits A.A.</i> Technology of social routing of disabled students in a higher education institution.....	93

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.01.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”.

<i>Serezhko T.A., Tolstikov V.A., Kohan D.A.</i> Conceptual foundations for the study of life strategies of youth in the border region	97
<i>Krasovsky A.V.</i> Prospects for interaction between regional authorities and non-profit organizations in the implementation of social projects	100
<i>Meshchaninova E.Y.</i> Money as an element of the value-normative system of society	103
<i>Mkrtumova I.V., Gracheva O.E.</i> Digitalization as a tool for the development of social regions of the North, Siberia and the Far East	106
<i>Moryakov S.V.</i> Transformation of the management culture of a military organization under conditions of uncertainty	112
<i>Pushkareva N.N.</i> Grant competitions as a mechanism for financial support for the activities of regional public organizations	117
<i>Rodovanskaya N.A.</i> Development of the institution for implementing the functions of the Commissioner for Children's Rights in the constituent entities of the Russian Federation	122

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Andreeva A.V., Rukavitsyna E.A., Fenvesh T.A.</i> The influence of the "new ethics" construct on advertising communication in the fashion industry: socio-philosophical aspect	125
<i>Grin M.V., Tereshchenko O.V., Gnatenko N.I.</i> Russian-polish relations: a historiosophical understanding of polish russophobia	130
<i>Zhukov A.V., Kovalev V.A.</i> Justification Strategies of adaptation of foreign entrants to Russian military universities in the context of Theories of migration and ethnic socialization	136
<i>Melnikov V.L.</i> The influence on Russian culture of cooperation between orientalist V.V. Golubev and N.K. Roerich	141
<i>Muzika O.A., Popov V.V., Eremanko U.A., Pluzhnikova A.M.</i> Specifics of interpretation of the main stages of an individual's inclusion in an inclusive social space (using the example of a student group).....	145
<i>Savostyanov I.V.</i> Virtual space as a factor in the formation of sociocultural qualities of an individual	150
<i>Shamileva R.K., Sedieva M.B.</i> On the issue of updating ideas about social justice in the modern world at the turn of the 20th and 21st centuries	156

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Avanesova G.A., Mironov A.V.</i> Understanding Russia: Breakthroughs and Dead Ends in the Development of Russian Humanitarian Thought (XVIII – early XXI centuries).....	159
	159

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Vnuk V.K.</i> Study of the process of formation of the political system: comparative analysis of the activity of political parties in the campaigns for the elections of State Duma deputies in 2021 and by-elections in 2023.....	166
---	-----

<i>Vasilyeva T.A., Volzhanin D.A., Dubkov N.S.</i> Peculiarities of using social networks as a tool of political mobilization in modern russia: problems of increasing effectiveness	171
<i>Danielyan M.G.</i> Linguistic aspect in nation states.....	175
<i>Fayzulina A.A., Tereshina A.N., Shener E.A., Alekseev D. Yu.</i> The phenomenon of political populism in Russia using the example of A.A. Navalny's political program: causes and emergence	178
<i>Feldman P.J., Nenin N.M., Sterlikov A.V.</i> Main features of the participation of modern Russian trade unions in electoral processes	181
<i>Khlynin A.P.</i> Transformation of the power elite in modern Russia: 2013–2023.....	186
<i>Tsvyak A.A.</i> The limits and possibilities of using private military companies: the political context.....	193
<i>Cui Xanyu, Bi Yu.</i> Geopolitical aspects of the international initiative "One Belt, One Road"	197

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Zharkov S.E., Sambilova A.A., Naboychenko M.S., Edich G.S., Litvinenko D.V.</i> Stages of formation of the Russian regional security system in the post-Soviet space	201
<i>Fayzulina A.A., Razumovsky A.I., Kim Dong Yer, Alekseev D. Yu.</i> Sanctions as a tool of political pressure.....	204

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

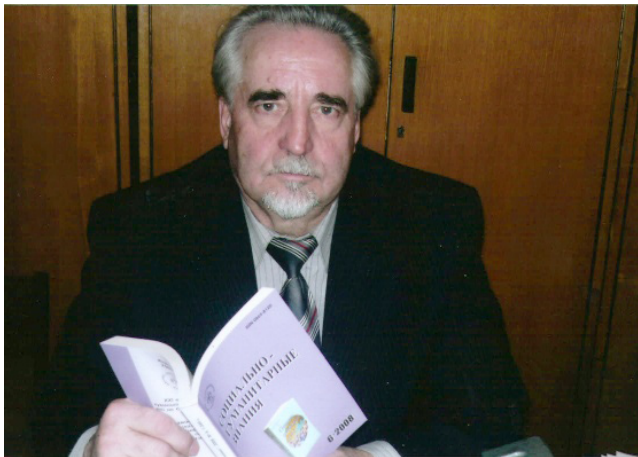
<i>Belkov A.D.</i> International transport corridors as a factor of global and regional integration on the example of India and the Gulf Countries.....	207
<i>Minyailenko E.V.</i> Stoic cosmopolitanism: imperial aspirations, transnational influence and the evolution of world order through the concepts of «pax britannica» and «pax americana»	214

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Gavrilova Y.V., Samilyk A.A.</i> «University Saturdays» at Bauman Moscow State Technical University: the experience of developing self-organization skills among schoolchildren	217
<i>Ivanova G.P., Marchenko A.A., Shirkova N.N.</i> Multicultural education of younger schoolchildren and the peculiarities of this process in extracurricular activities.....	222
<i>Kurovsky S.V., Starikova M.M., Mishin D.A.</i> Creation of a support program for elderly people based on the social entrepreneurship development.....	227
<i>Nikolenko A.A.</i> The ideological security of russian civilization	234
<i>Moiseev A.V., Epkhiev O.M.</i> Social and legal aspects of regulation of artificial intelligence in modern Russia (Review and analytical study)	237
<i>Tagakov N.E.</i> Implementation of a health-saving model for organizing mass sports as an element of urban social infrastructure	249
<i>Nikolenko A.A.</i> Unification trend in the development of local civilizations.....	255

55 ЛЕТ НА СЛУЖБЕ НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИЮ

К 85-летию МИРОНОВА Анатолия Васильевича – главного редактора научно-образовательного журнала «Социально-гуманитарные знания», Заслуженного работника Высшей школы РФ, почетного работника Высшего Профессионального Образования РФ, доктора социологических наук, профессора

Биография Анатолия Васильевича Миронова – это отражение той эпохи, которая вместила и драматические страницы истории страны, и великие достижения и крутые повороты, радикально менявшие жизнь. И все эти события проходят через личную судьбу любого человека, оставляют свой след, но, преломляясь через индивидуальные качества, личное мировосприятие.

Опаленное войной детство и нелегкая послевоенная жизнь; романтика 1960-х гг., полет Ю.А. Гагарина, который каждый воспринял и как личную победу, дающую уверенность в светлом будущем; провозглашенное возвращение к подлинному, гуманному социализму, с энтузиазмом поддержанное народом, и жестокое разочарование 1990-х.

Слишком многое выпало на долю этого поколения, слишком наполненным, спрессованным оказалось социальное время. Время жизни не выбирают, но каждый выбирает свой путь.

Детство

Исконно русская земля, рязанщина, Мещерский край – здесь в большой крестьянской семье в 1939 г. родился Анатолий Васильевич Миронов. Это была семья тружеников, не представлявших себе праздной жизни. Да она была и невозможна в многодетной семье, в условиях сельского труда, требующего постоянного напряжения. Родители, при воспоминании о которых у Анатолия Васильевича светлеет лицо, оказали огромное влияние на воспитание сына.

Отец, Василий Филиппович и мать Анастасия Матвеевна, дополняя друг друга, создавали удивительную гармонию отношений в семье. Строгий, требовательный, принципиальный отец и воплощение добра и теплоты – мама. Простые крестьяне, они не были обывателями. Далекие от участия в политической жизни, были патриотами, радовались успехам страны, отличались трудолюбием и бескорытием.

Конечно, из семьи истоки таких качеств Анатолия Васильевича, как упорство и настойчивость в достижении цели, ответственное отношение к любому делу, за которое он берется, твердость в отстаивании своей позиции

и вместе с тем – боязнь обидеть человека, переживание, если приходится отказывать в какой-либо просьбе даже по объективной причине.

Любовь к малой родине хранит Анатолий Васильевич всю свою жизнь. Став с далеких студенческих лет москвичем, живя в городе, где родились его дети, внук, он при первой возможности стремится вырваться в рязанские края, где ему, как он утверждает, всегда легко дышится. Он даже продал дачу в престижном ближнем Подмосковье и обустроил родовое гнездо в родной деревне, где сохраняется память поколений. Это очень важно в наше время, разбросавшее людей не только по всей стране, но и по всему миру. Люди утрачивают свои корни, забывают традиции отцов.

Взросление, первые мечты, надежды, увлечения

В деревне, где родился и рос Анатолий Васильевич, не было средней школы, и после окончания семилетки встал вопрос о дальнейшем пути. Продолжать учебу можно было лишь в районном центре, Спас-Клепиках, до которых было 17 километров. Значит, нужно снимать жилье, к тому же оплачивать обучение. В то время за обучение в старших классах нужно было платить. И хотя это были очень небольшие деньги, но для крестьянской семьи это уже была серьезная проблема, ведь денежной оплаты труда в колхозах тогда не было, потому на счету – каждая копейка. На семейном совете было решено, что сын должен пойти работать в колхоз. Но стремление мальчишки учиться дальше было настолько сильным, что он, никогда прежде не возражавший отцу, стал настаивать на своем. Отец не выдержал, увидев на глазах сына слезы.

Началась новая жизнь в школе, где учился Сергей Есенин, любимый поэт Анатолия Васильевича. Съемный угол, привезенные из дома картошка и крупа, которые нужно было дотянуть до следующей поездки домой, вечера за книжкой – это удивительно точно описано в замечательном рассказе Василия Шукшина «Космос, нервная система и шмат сала», где он тонко прочувствовал, «схватил» эпизоды судьбы тысяч полуголодных деревенских ребятишек, стремившихся любой ценой выучиться. Возможно, и поэтому Анатолий Васильевич так ценит творчество этого писателя.

В школе зародилась особая любовь Анатолия Васильевича к книге, которая стала на всю жизнь не просто увлечением, но страстью. Где бы ни приходилось бывать А.В. Миронову, ставшему потом ученым, ответственным работником министерства, редактором журнала, в любой командировке, в поездках по городам и странам, первое, куда он шел, был книжный магазин.

Сейчас в его библиотеке несколько тысяч томов книг. Среди них – огромное количество произведений художественной литературы, в том числе, конечно, классической, а также научной: по философии, истории, социологии, политологии, другим отраслям знаний; научно-популярной; справочники, энциклопедии, словари и т.д. После окончания средней школы было твердо решено начать самостоятельную жизнь.

Его университеты

Трудовая биография А.В. Миронова началась на Заводе тяжелого кузнечно-прессового оборудования в г. Рязани. Получив после обучения достаточно высокий разряд, он стал работать токарем. Воспитанное в семье чувство ответственности, недопустимость «халтуры» в работе сказались и здесь. К концу второго года работы молодой токарь освоил целый ряд других специальностей: слесаря-сборщика, фрезеровщика, расточника. Званием рабочего гордился.

Этот период своей жизни Анатолий Васильевич всегда вспоминает с большой теплотой как школу жизни в трудовом коллективе. Вспоминает своих наставников, коменданта общежития, проявляющего заботу и опекающей своих поселенцев, и, конечно, друзей по комнате, где вечерами, а то и ночами были долгие разговоры «про жизнь». А еще было увлечение спортом. Все занятия в секциях как заводских, так и городских, были бесплатными, в отличие от сегодняшних времен. Нужно было одно – желание и настойчивость.

А впереди ждал новый поворот судьбы – действительная служба в советской армии. Это сейчас служба в армии стала поистине пугалом, родители изыскивают способы, чтобы сын не пошел служить, фирмы предлагают услуги по поиску «законных» методов избежать армейской службы. Конечно, причины здесь и объективные и субъективные. В конце 1980-х и в 1990-е годы «демократами» многое было сделано для дискредитации армии, здесь особенно постарались средства массовой информации, использовавшие полученную свободу для очернения истории своей страны; офицерский состав был унижен нищенским положением. Все это не могло не сказаться самым пагубным образом на армии, где стали получать распространение так называемые неустановленные отношения.

Но в те, советские, времена службу в армии рассматривали как почетный долг, а об отношениях среди солдат говорит хотя бы тот факт, что нередко сослуживцы сохраняли дружбу на долгие годы. И, конечно, было престижно быть офицером. Поэтому на действительную службу новобранец Миронов пошел с большим желанием и, впервые надев армейскую форму, с гордостью ощутил себя защитником отечества. К ратному труду относился с той же ответственностью, с какой привык выполнять любое дело, был все годы армейской службы отличником боевой и политической подготовки.

В наши дни практически перестали писать письма, мобильный телефон теперь у каждого первоклассника, «smsэски», телеграфный стиль, ритм жизни ускоряется; некогда говорить о чувствах, рассказывать о переживаниях и сомнениях. А тогда письмо, особенно в армии – это было событие, это связь с родными и близкими, с домом. Почти каждого солдата ждала любимая девушка. Сержанту Анатолию Миронову писала красивая голубоглазая девушка Люда, его первая любовь, с которой он познакомился перед окончанием школы. Она вспоминала, что письма получала очень часто, иногда по два в день и бережно хранила их.

Людмила была москвичкой, и это определило выбор места учебы после службы в армии. Анатолий стал студентом исторического факультета Московского областного педагогического института. Они создали семью.

Жизнь сложилась так, что 25 лет назад судьба развела их. Но они оба сумели сохранить самые добрые и теплые чувства друг к другу, сберечь светлое воспоминание о первой любви. К сожалению 4 года назад первая любовь Анатолия Васильевича Людмила ушла из жизни, но до последнего дня она говорила, что он остается для

нее близким и дорогим человеком, которого она глубоко уважает.

В вузе А.В. Миронов учился увлеченно, проявляя особый интерес к философии, которую вел профессор В.И. Прокофьев. Он-то и обратил внимание на любознательного и вдумчивого студента, предложил продолжить обучение в аспирантуре. Но после окончания исторического факультета Анатолий Васильевич пошел работать в среднюю школу, где, по воспоминаниям бывших учеников, стал одним из самых любимых учителей. Ребята ценили не только интересные уроки истории, но и неформальное общение в походах, на внеклассных часах, где в своем учителе они видели не назидателя, а старшего товарища, не поучавшего, но внимательного к проблемам подростков, готового тактично высказать свое мнение, дать совет.

Проработав четыре года учителем, Анатолий Васильевич выполнил обещание, данные профессору В.И. Прокофьеву – непременно продолжить обучение. Он вернулся в институт в качестве преподавателя.

Наверное, человек, поступивший в аспирантуру со студенческой скамьи, вряд и избрал бы тему, которая заинтересовала А.В. Миронова. Но за его спиной к этому времени была уже большая жизненная школа: он знал крестьянский труд, был рабочим, солдатом, учителем. И он обратился к *проблеме смысла жизни*.

Этапы творческого пути

С этого времени начинается новый период жизни Анатолия Васильевича Миронова, непосредственно связанный с научной и большой организаторской и педагогической деятельностью в разных ипостасях. В нем четко выделяется несколько этапов.

1. Первый этап (годы 1969–1978)

Первый, который можно назвать «пробой пера», связан с педагогической работой в родном вузе в качестве ассистента, старшего преподавателя, доцента, работой над диссертацией под руководством профессора Василия Ивановича Прокофьева, человека высокой ответственности, того же требовавшего от своих учеников. Тема диссертации: «Категория смысла жизни в коммунистической и христианской этике» была исключительной интересной, актуальной, но и крайне сложной. Она требовала глубокого знания философской, культурологической, а также христианской, богословской литературы. Работать с первоисточниками приходилось не только в Ленинке, но и в библиотеке существовавшего в то время Комитета по делам религий при Совете Министров СССР.

После успешной защиты кандидатской диссертации А.В. Миронов был избран на должность старшего преподавателя, а позже получил звание доцента.

Сюда же, в МОПИ им. Н.К. Крупской в этот период меня пригласил на работу В.И. Прокофьев, ставший также и моим научным руководителем. Здесь, на кафедре, мы и познакомились с Анатолием Васильевичем. Он был моим рецензентом по кандидатской диссертации, отнесся очень внимательно и, нужно сказать, дал весьма ценные советы.

Вспоминается также один эпизод из тех времен. Кафедра ежегодно издавала сборники научных трудов. Один из них был принят к изданию в МГУ им. М.В. Ломоносова. Отдавая верстку на вычитку, редактор издательства сказала: «В сборнике есть интересная статья, ее автор – Миронов, она единственная, не потребовавшая редактирования, это большая редкость».

Наверное, уже тогда проявились качества будущего главного редактора.

Лекции Анатолия Васильевича всегда вызывали неизменный интерес студентов и нередко заканчивались аплодисментами.

А.В. Миронов активно занимался общественной работой в вузе, возглавлял лекторскую группу, сам выезжал с лекциями в область.

Коллектив кафедры, которой руководил наш учитель В.И. Прокофьев, был дружным, работал всегда слаженно, активно. В общую работу непременно включались аспиранты кафедры, приехавшие из разных концов страны.

Не случайно, когда Анатолия Васильевича пригласили на работу в Минвуз СССР, члены кафедры, а их активно поддержали ректорат и партком, долго не хотели отпускать его. У руководства вуза были свои планы относительно карьеры молодого перспективного доцента. Но Министерство настояло на своем решении.

II этап. Выход на всесоюзную арену (годы 1978–1987)

Придя в Министерство в качестве инспектора, А.В. Миронов вскоре возглавил отдел в Управлении преподавания общественных наук.

В период работы в Минвузе СССР А.В. Миронов уделял большое внимание учебно-методическому обеспечению преподавания общественных наук, которые в тот период занимали особое место в системе подготовки специалистов любого профиля. Внимание к ним было повышенным, поэтому большая ответственность лежала на авторских коллективах, готовивших учебники, учебно-методические пособия, программы, типовые планы семинарских занятий и т.д. Работа Анатолия Васильевича по подбору авторских коллективов, куда входили известные обществоведы, требовала серьезного отношения и умения работать с людьми.

Что касается последнего, нужно отметить, что Анатолий Васильевич, обладая таким замечательным качеством, как доброжелательность, всегда мог найти общий язык с самыми разными людьми – от чиновников высокого ранга и известных всей стране ярких личностей, до самого простого человека, будь то рядовой студент, крестьянин и т.д. И, если необходимо, всегда был готов помочь.

Работая в это время в Министерстве просвещения, я нередко встречалась с А.В. Мироновым по возникавшим деловым вопросам. Как-то раз застала его за чтением письма. Студент – выпускник Николаевского кораблестроительного института писал, что он не смог сдать экзамен по научному коммунизму, хотя ответил на все вопросы. При этом ему прямо сказали, что связано это с тем, что он верующий, и подчеркнули, что пересдать также никогда не разрешат. Анатолий Васильевич был возмущен: «Кажется в нашей стране ни конституция, ни закон не предусматривают наказания за веру, что за самоуправство творят в этом вузе!» Было подготовлено соответствующее письмо Минвуза СССР, и студент благополучно пересдал экзамен в другом вузе, получив диплом инженера. Думаю, у этого выпускника навсегда останется вера в то, что и в высоких кабинетах есть не только равнодушные чиновники, но и те, кто, кто свою работу рассматривают как служение людям.

III этап. Начало журнальной деятельности. Перестройка, смена парадигм жизни (годы 1987–1992)

Следующий период совпал с новым этапом в жизни страны. Глубокие трансформационные процессы привели к радикальному преобразованию всех сфер общественной жизни. Сменились целевые ориентиры общества,

идеалы и ценности. И обществоведение оказалось в эпицентре событий. Оно призвано было дать ответ на то, что происходит в обществе и куда оно движется. Но само российское обществоведение только начало становление в условиях мировоззренческого плюрализма и переосмысления устоявшихся концепций и подходов. Это было трудное время, время испытаний.

Именно в «эпоху перемен» А.В. Миронов возглавил отмечающий ныне свой 55-летний юбилей журнал «Социально-гуманитарные знания».

Здесь нельзя не сказать об истории журнала, в котором Анатолий Васильевич работает более 30 лет в качестве главного редактора.

В 1990-е годы в сложнейшей ситуации вместе со всеми средствами массовой информации оказались и специализированные научные журналы системы высшей школы.

Новое время диктовало новые условия. СМИ должны были выполнять не свойственную им ранее функцию в условиях перехода на рыночные принципы деятельности – функцию коммерческих предприятий. Прекратилось государственное финансирование и необходимо было думать о выживании и сохранении изданий. Освободившись от идеологического диктата, многие средства массовой информации не сумели сохранить независимости, оказавшись под властью капитала.

В этот сложный период были предложения о финансировании и нашего журнала со стороны коммерческих организаций и частных лиц при условии радикального изменения его направленности или реперофилонирования. Но это означало бы прекращение его функционирования как научно-образовательного издания и, конечно, эти предложения не были приняты.

Главной задачей журнала являлось принципиальное обновление содержания, связанное в значительной степени с введением в программы учебных заведений новых дисциплин – социологии, политологии, культурологи и др.

Хорошо представляя проблемы российского социально-гуманитарного образования, их масштабность и сложность, он как главный редактор выстраивал стратегию деятельности журнала, исходя из приоритетности наиболее актуальных задач. Таковой, бесспорно, была помощь преподавателям, а прежде всего преподавателям вновь введенных дисциплин. В журнале появилась постоянная рубрика «В помощь преподавателю социально-гуманитарных дисциплин», где стали в большом объеме публиковаться лекционные и иные материалы, в том числе переводные, авторами которых были ведущие ученые и вузовские преподаватели. Эти материалы пользовались такой популярностью, что приходилось периодически восполнять, по просьбе сотрудников Государственной библиотеки им. В.И. Ленина, фонд номеров журнала, из которых некоторые читатели целиком изымали лекции.

Второе направление – издание учебников и учебных пособий по обществоведческим дисциплинам для школ и вузов.

Получив лицензию на издательскую деятельность, А.В. Миронов возглавил работу по подготовке и изданию учебных и учебно-методических пособий нового поколения в условиях смены парадигмы преподавания общественных наук и введения в образовательный стандарт новых дисциплин. Журнал издал 10-тысячным тиражом первую в стране хрестоматию по обществоведению для учащихся средних общеобразовательных школ «Человек и общество. Основы современной цивилизации» (1992 г.) и первые же хрестоматию и практикум по социологии (1993 г.), разошедшиеся по стране и получившие положительные отзывы научно-образовательной

общественности. Затем была издана серия учебных изданий по политологии, социологии, религиоведению и другим дисциплинам, немалая часть которых получила гриф Министерства образования. Тиражи охотно брали на реализацию книжные магазины Москвы, Санкт-Петербурга и других городов: книги были востребованы. Можно по праву считать, что журнал стоял у истоков научного и учебно-методического обеспечения становления социально-гуманитарного образования в России. В большинстве этих изданий Анатолий Васильевич выступал в качестве автора, соавтора или редактора.

Избранная стратегия оказалась эффективной и верной по целевой направленности. Она позволила успешно реализовать основную задачу журнала как научно-образовательного издания, ориентированного на преподавателей социально-гуманитарных дисциплин и студентов, и в то же время – обеспечить его экономическую независимость. Значение этого факта трудно переоценить: журнал получил свободу в выборе основных проблемно-тематических направлений, отражения различных подходов и концепций, предоставления своих страниц авторам, выражающим различные точки зрения и позиции. У него была только одна зависимость – от своих читателей.

Нужно сказать, что в 1990-е гг. многие издания практически табуировали имя Маркса, а если и говорили о нем, то в аспекте критики «марксистских утопий». Это сейчас мировой финансовый кризис заставляет опять обращаться к Марксу, а в те годы его труды поспешили даже изъять из многих библиотек. Журнал всегда проявлял взвешенную позицию, солидаризируясь с очень верным призывом П. Штомпки в его предисловии к русскому изданию «Социологии социальных изменений»: «Давайте изучать и использовать прозрения, содержащиеся в теориях социальных изменений, включая аутентичный гуманистический и энергичный посыл Карла Маркса. Давайте «опираться на плечи гигантов», и тогда мы будем видеть дальше и лучше, наши дилеммы приобретут более соразмерные пропорции, и взору откроются пути, выходящие из нынешнего хаоса»¹.

В условиях разрыва интеллектуального и образовательного пространства журнал стал одним из центров, реализующих функцию интеграции научно-образовательной деятельности в России.

В этом плане важным направлением работы стало активное участие журнала в Государственной научно-исследовательской программе «Народы России: возрождение и развитие».

Это особая, очень яркая и значимая страница в истории журнала, в открытии которой велика личная заслуга Анатолия Васильевича.

Возглавлял Программу доктор экономических наук, профессор, директор ИППК преподавателей социально-гуманитарных и экономических наук Санкт-Петербургского государственного университета Вячеслав Тихонович Пуляев. Многие журналы готовы были предоставить свои страницы для публикаций результатов исследований по Программе, но договор был заключен с нашим журналом. Позже В.Т. Пуляев вспоминал: «Я выбрал именно ваш журнал, выбрал не только потому, что он охватил широкий круг общественных наук, что в наибольшей степени отражало направления исследований Программы, но именно А.В. Миронов вызвал у меня особое доверие, я как-то почувствовал, что с Анатолием Васильевичем у нас сложится очень плодотворное сотрудничество и не ошибся».

Несколько лет журнал вел специальную рубрику, в которой публиковались основные результаты исследований, круг их включал проблемы анализа состояния и тенденций развития общества, стратегии реформирования России, теоретико-исторические проблемы взаимодействия человека и общества, духовного возрождения страны. Важное место занимали проблемы национальных отношений, взаимодействия культур и традиций народов России. Особое место с учетом специфики журнала занимали публикации, отражающие опыт и новации в сфере науки и образования. И в этой проблематике Анатолий Васильевич был одним из самых активных авторов.

Благодаря участию в Программе журнал «открыл» много новых авторов, в том числе молодых ученых из разных регионов страны, которые стали регулярно выступать на его страницах.

Будучи человеком творческим, Анатолий Васильевич реализовал идею, работающую на объединение научно-образовательного сообщества России. Это практика предоставления ученым из отдельных регионов специальных рубрик, а иногда целых номеров, что позволяет читателям получить целостное представление о развитии социально-гуманитарных наук в регионах, ознакомиться с интересным опытом инноваций в образовании. Здесь, как правило, наряду с известными учеными выступают молодые, в том числе аспиранты. Журнал планирует развивать эту практику.

Журнал продолжает также практику издания монографий, учебников, учебных и учебно-методических пособий.

Нельзя не сказать и об особом таланте Анатолия Васильевича – привлекать в журнал авторов, чьи работы вызывают неизменный интерес читателей. Большой резонанс вызывали «авторские страницы» академика Н.Н. Моисеева, выдающегося ученого А.А. Зиновьева, ученого С.Г. Кара-Мурзы, которые много лет вели в журнале.

Конечно, успешная работа журнала была бы невозможна без квалифицированной и ответственной работы редакции. Это небольшой, но сплоченный, дружный коллектив, в создании и организации деятельности которого безусловная заслуга главного редактора. Здесь никого не нужно контролировать, не нужно напоминать о сроках выполнения того или иного этапа работы, подталкивать. Слаженная и ответственная работа на единую цель, четкий ритм, доброжелательное и внимательное отношение к каждому автору, взаимопомощь – это устоявшаяся практика. Сотрудники редакции не зря называют ее вторым домом, и, пожалуй, это лучшая характеристика. Сам главный редактор, занимаясь большой организаторской работой, продолжает активную научно-педагогическую деятельность. Сфера научных интересов Анатолия Васильевича прежде всего – образование.

IV этап. Образовательная деятельность в новых экономических условиях (годы 1992–2003)

Имея богатый опыт в сфере образования глубоко неравнодушный к его судьбе в современной России, А.В. Миронов сосредотачивает внимание не только на обобщении этого опыта, но стремится к теоретическому анализу и исследованию наиболее актуальных и болевых проблем.

В период активной работы над докторской диссертацией по социологии «Социально-гуманитарное образование в России: современное состояние, проблемы, тенденции развития» А.В. Миронов издает целый ряд серьезных работ, в том числе монографий. Среди них – «Социально-гуманитарное образование в России: состояние, проблемы, перспективы». М., МГОПУ им. М.А. Шо-

¹ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; Пер. с англ. Под ред. В.Я. Ядова. М., 1996. С. 11.

лохова, 2001, 20,5 п.л.; «Социально-гуманитарное знание и образование: новые реалии, иные измерения, информационная безопасность». М., Социально-гуманитарные знания, 2001, 9 п.л.; «Идеологические ориентиры в социокультурном пространстве России». М., Социально-гуманитарные знания, 2001, 9,5 п.л., а также большое количество статей, прежде всего по актуальным проблемам образования.

Защищенная в Институте социально-политических исследований РАН диссертация имела целью разработку ценностей концепции социально-гуманитарного образования в России, рассчитанной не только на современную социокультурную ситуацию и динамичный процесс социальной трансформации, но и на перспективу. И эта цель, как отметил в своем отзыве официальный оппонент член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор А.В. Дмитриев, была успешно решена.

Работу в журнале Анатолий Васильевич Миронов всегда совмещал с преподавательской деятельностью. Доцент, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Им написано и издано более 300 публикаций, в числе которых более 30 монографий, учебников и учебных пособий по социально-гуманитарным дисциплинам. Будучи научным руководителем, консультантом он подготовил более 20 кандидатов и докторов наук, являлся на протяжении многих лет членом ряда диссертационных советов.

Он избран академиком пяти общественных академий наук, в том числе двух международных академий наук: Российской академии социальных наук; Академии гуманитарных наук; Российской академии естественных наук; Международной славянской академии наук; Международной академии наук (русская секция).

По итогам своей научной и образовательной деятельности он был награжден 8 грамотами Минвуза СССР и Минобрнауки России, знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР» (приказ Гособразования СССР от 05.06.89 № 2412); медалью «Ветеран труда» (решение Моссовета от 15.05.84); медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени (Указ Президента РФ от 22.11.99); знаком «Заслуженный работник Высшей школы РФ» (Указ Президента РФ от 23.11.2004 № 1211); знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (приказ от 20.02.2009 № 208к-н); медалью «За доблестный труд» (приказ Префекта Юго-Восточного административного округа от 30.03.2007); Большой серебряной медалью Международной педагогической академии за достижения в области образования, культуры и науки, а также 16 юбилейными и именными медалями.

Профессор В.В. Панферова

Коллектив журнала «Социально-гуманитарные знания» поздравляет Анатолия Васильевича с юбилеем и желает ему здоровья, и творческого долголетия.

Социальная адаптация мигрантов: социологический анализ

Ананичева Софья Робертовна,

доцент, кан. соц. наук, Высшая школа социальных и политических наук, Институт социально-политических технологий и коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: sofyakhv@yandex.ru

В статье рассмотрено и концептуализировано понятие «социальная адаптация мигрантов», определены составляющие и особенности данного процесса. Миграция изменяет устоявшийся социальный порядок, трансформирует нормы и ценности, изменяет социальную реальность, как на повседневном уровне, так и на уровне социальной политики. Автором анализируется понятие «социальная адаптация» применительно к социальной группе мигрантов, определяется ее структура, выявляются внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на адаптацию мигрантов. В статье рассматриваются процессы социальной адаптации мигрантов: как теоретико-методологические основы исследования социальной адаптации мигрантов, так и современные особенности ее реализации с позиции социологической науки. Описываются правовой, социально-экономический, социокультурный и социально-психологический аспекты адаптации, устанавливаются условия успешной адаптации мигрантов на новом месте жительства.

Ключевые слова: миграция, мигранты, социальная адаптация, интеграция, социальная дезорганизация, адаптация мигрантов, принимающее общество, мультикультурализм.

В современном мире, где границы и преграды для перемещения людей становятся все меньше, адаптация мигрантов становится актуальной задачей, требующей внимания от государственных органов и общества. Увеличивающиеся миграционные потоки влекут за собой изменения в социокультурном пространстве, которые проявляются в разных формах, начиная от конфликтов и заканчивая интеграцией мигрантов в новое общество. Миграция – это сложное социальное явление, затрагивающее все аспекты жизни и принимающего общества, и самих мигрантов. Государственные структуры принимающего общества могут применять различные концепции инкорпорации мигрантов, от мультикультурализма до «плавильного котла». Чтобы понять особенности социальной адаптации мигрантов в глобализирующемся обществе, необходимо социологически осмыслить изменения в миграционных процессах. Массовые миграционные перемещения, вызванные различными проблемами и противоречиями, ставят проблему социальной адаптации в числе ключевых для общественного развития и стабильности. Миграция изменяет установленные социальные порядки, трансформирует нормы и ценности, влияет на социальную реальность на повседневном и политическом уровнях. Рассмотрение миграции только в экономическом или политическом контексте не позволяет полностью понять глубину изменений в общественном развитии. Миграция является полноценным социальным явлением, которое меняет жизнь общества, устанавливает новые цели и задачи для человека и общества. Поэтому понимание миграции становится синонимом изучения формирования цивилизации.

Современная социология исследует проблемы адаптации через призму приспособления и привыкания социальных индивидов и групп к различным условиям социальной среды. В контексте миграции, социальная адаптация рассматривается как сложный и противоречивый процесс вхождения мигранта в новые социокультурные, экономические и политические пространства. Социальная адаптация мигрантов предполагает целостный, системный, интегрированный и дифференцированный процесс, который способствует соответствию мигранта внешнему социокультурному пространству путем гармонизации его отношений с ним и достижения равновесия. Адаптация мигранта – это процесс создания новых форм взаимодействия между естественным и социальным, где мигрант приспособливает свой организм и мировоззрение для успешной адаптации на новом месте. Мигранты, переезжая на новую территорию, сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новым социокультурным условиям своего существования. Они разрывают прежние связи искусственно создают новые. Проблемы преодоления социокультурного разрыва между мигрантом и принимающим обществом усугубляются необходимостью приспособления мигранта к новому социальному статусу и принятием новых форм поведения и ус-

ев. Эффективность функционирования мигранта в новой общественной системе зависит от того, насколько успешно он адаптируется к новой культуре и пространству. Масштабы, направления и интенсивность миграционной мобильности становятся неотъемлемой частью социальной реальности. Изучение как ближайших, так и долговременных последствий миграционных процессов на содержание и характер социальных процессов в обществе становится необходимостью. В связи с этим, методологические, теоретические и инструментальные возможности социологии становятся важными для изучения и понимания сложности миграционных процессов и адаптации мигрантов. Социологическая теория социальной адаптации, как процесса освоения социальных норм, подробно рассматривается в работах Макса Вебера, Роберта Мертона, Фритц Бока. Особенности адаптации сельских жителей в городах исследовались социологами Менхемом Кастелем, Чарльзом Тилли и социальными психологами Абрахамом Фурманом, Стивеном Бочнером и Кийо Обергом. Миграцию как социокультурный процесс изучали Варул Берри, Маккало Тодаро, Оскар Старк, Алехандро Портес, Дуглас Массей и другие. С.В. Блантер и Е.А. Нагайцева классифицируют теории, изучающие миграционные процессы и адаптацию мигрантов, на три основных типа. Первый тип относится к структурному подходу, включающий следующие подходы:

1) Позитивистский подход изучает закономерности миграции и оценивает социальные последствия и эффективность мер управления. Его суть заключается в том, что миграционное поведение отдельных лиц или групп является результатом выбора, который зависит от многих факторов, включая географические, экономические и экологические. Отдельные люди играют важную роль в принятии решения о миграции, но внешние факторы и обстоятельства, которые могут повлиять на их выбор, не учитываются. Основным мотивом миграции в данном случае является заинтересованность в улучшении материального положения индивида или группы и увеличении их дохода.

2) Яркими представителями поведенческого подхода являются В.А. Томас и Ф.В. Знанецкий, которые первыми типизировали адаптивное поведение мигрантов, чтобы объяснить процесс усвоения индивидами социального опыта. Адаптация выступает как взаимодействие социальных ценностей и установок с точки зрения индивида и общества; В.А. Томас и Ф.В. Знанецкий исследовали систему социальных установок и показали, что когда определение ситуации индивидом не совпадает с ценностями и интересами группы, возникает социальный разлад и конфликт. Они также выделили группы человеческих потребностей (потребность в новых впечатлениях, безопасность, стабильность образа жизни, потребность быть признанным окружением, стремление к контролю над средой), которые играют ведущую роль в определении необходимости миграции. Авторы показали, что процесс адаптации мигрантов носит преимущественно социальный характер. К такому выводу они пришли на основе типологии личности мигранта через призму его социального статуса и прошлого опыта.

3) Теория человеческой экологии была разработана Р. Парком и Р. Маккензи в результате интереса социологов к влиянию индустриализации и урбанизации на социальное поведение; Р. Парк сосредоточился на связи между адаптацией и процессом миграции; Р. Маккензи утверждал, что процесс миграции – это процесс адаптации, который представляет собой процесс адаптации и миграции. Рассматривая элементы, из которых состоят человеческие общества, он перечислил их – признаки,

то есть население, традиции, верования (нематериальная культура, представляющая собой социальный комплекс), артефакты (технологическая культура) и природные ресурсы среды обитания. Человек и среда его обитания составляют основу миграционных перемещений, поэтому характер адаптации человека к социальной среде проявляется в конкуренции и борьбе за выживание между людьми. Социальная адаптация в данном случае служит одним из средств разрешения противоречия между необходимостью достижения гармонии с другими людьми и стремлением человека к индивидуализму. Когда равновесие нарушается, возникает миграция. Социальная адаптация представляет собой форму сложного коллективного действия и способствует возникновению новых форм конкуренции и социальной жизни.

4) Теория ассимиляции (М.М. Гордон, О. Хэндлин и Р. Парк) основана на принципе унитарности процесса адаптации мигрантов к обществу. Она представляет собой более частный случай общей функционалистской парадигмы, применяемой к проблемам иностранных меньшинств. Идея заключается в полном растворении мигрантов в принимающем обществе. Хотя ассимиляционизм не пользуется широкой популярностью из-за своей этноцентрической и идеологической окраски, он является важным элементом в изучении процесса адаптации иммигрантов.

5) Концепция притяжения-отталкивания (Э. Ли, Г. Джером) основана на том, что для возникновения желания сменить место жительства необходимо наличие определенных условий, которые могут заставить людей мигрировать на другую территорию. Эти условия можно разделить на три группы. Отъезд (факторы, определяющие миграцию из страны: трудные условия выживания, экономический спад, этнические конфликты, войны), притяжение (набор привлекательных черт или условий для жизни на другой земле) и пути миграции (доступность другой территории, наличие барьеров, информационных, экономических и языковых возможностей).

Ко второму интерпретационному типу относятся этносоциологические подходы и теории социального поведения. Этносоциологический подход, преобладающий в миграционных исследованиях в России и активно развиваемый российскими учеными, основан на концепции культуры как коллективного способа адаптации к окружающей среде. Для этого подхода характерен глубокий уровень знания и понимания механизмов миграции, неотделимый от рассмотрения исторических традиций и практик этнических групп, в том числе отражающих прошлый миграционный опыт (Э. Мейрес, Д. Берри).

Теория социального действия рассматривает механизмы и модели социального взаимодействия в ситуациях контакта «место и мигрант». Она основана на использовании качественных методов в различных интерпретациях социальной реальности: «понимания» М. Вебера, системно-структурного Т. Парсонса, феноменологический П. Бургера, Т. Лукмана, этнометодологический Г. Гарфинкели. Эта группа подходов рассматривает взаимодействие индивида и общества (общества, принимающего мигрантов) как неотъемлемую часть процесса взаимной адаптации. Если теории предыдущей группы позволяют рассматривать процесс адаптации с точки зрения индивида в его взаимосвязи с процессами, происходящими вокруг него, то вторая группа рассматривает его как единое социальное явление в его общей взаимосвязи.

Третья группа является диалектической и включает в себя теорию «миграционных цепочек», сетевую гипотезу теории социального капитала и теорию социальных изменений. Теория цепей мобильности (или системы связей мобильности) основана на концепции социаль-

ного капитала. Она используется при оценке формирования в семьях и сообществах набора нематериальных (например, родственных, общинных, дружеских) ресурсов, способствующих адаптации и социальному развитию индивидов и групп (Г. Лоури).

Согласно сетевой гипотезе теории социального капитала, люди, которые социально связаны с нынешними или прошлыми мигрантами, имеют более широкий доступ к социальному капиталу и, как следствие, значительно чаще сами становятся мигрантами (Д. Мэсси). Здесь важен набор межличностных отношений, которые связывают мигрантов с бывшими мигрантами, потенциальными мигрантами и местным населением через дружбу, родственные связи и другие формы сплоченности. Сетевые связи снижают риски и издержки миграции, увеличивают ожидаемую отдачу от миграции и повышают вероятность самой миграции. Связь с мигрантами увеличивает социальный капитал, который может быть использован для получения доступа к экономическим ресурсам (например, к более высоким зарплатам за рубежом). Таким образом, социальные миграционные структуры лежат в основе миграционного процесса. Теории социальных изменений более детально исследуют и интерпретируют социальные функции миграции, рассматривая миграционный процесс как акт серии социальных взаимодействий, которые приводят к изменениям атрибутов, функциональной и структурной природы социальной реальности (Д. Аранго, А. Портес, С. Касл и Д. Мэсси).

Третья группа теорий наиболее глубоко рассматривает адаптационный процесс миграции. Ее значимость заключается в том, что изучаются такие социальные связи, как происхождение, семья, дружба и товарищество. Это, прежде всего, ресурсы, обеспечивающие стабильность адаптационного процесса. Именно от их качества зависит успешность адаптации мигрантов.

Несмотря на то, что наша страна остается страной с огромными потоками (добровольной и вынужденной) иммиграции, процесс иммиграции во всех его проявлениях в нашей стране практически не изучен. Еще менее изучена проблема адаптации мигрантов. Если в советский период миграционный процесс и миграция в целом изучались исключительно со статистической, экономической, демографической и исторической точек зрения, то в современной России наметилась тенденция начать изучение миграции с применения западного опыта к российской действительности, в том числе рассмотреть социальную адаптацию мигрантов через призму социологии.

В российской социологии первой рассмотрела миграционный процесс с точки зрения миграционного поведения Т.И. Заславская. Эта школа изучает причины миграции и процесс принятия решения о смене места жительства, включая как объективные факторы (производство, работа), так и субъективные (личные стереотипы и установки). Эта школа сделала первые шаги на пути изучения адаптации мигрантов и индивидуальных причин миграции. Впервые были всесторонне рассмотрены характер мигрантов и способы их адаптации к новому месту жительства. Т.И. Заславская заложила основу для изучения миграционного процесса не только с позиций социологии и социальной антропологии [3].

Методологические основы адаптационной теории миграции рассматриваются с позиций социологии миграции. Значительный вклад в разработку теоретико-методологических основ проблемы миграции в социологическом ракурсе и легитимацию социологии миграции как новой отрасли социологического знания в современной российской науке внесла Юдина Т.Н. Т.Н. Юди-

на внесла значительный вклад в разработку общих и специальных социологических тенденций социальной адаптации субъектов миграции. Рассмотрено соотношение общих и специальных социологических тенденций социальной адаптации [7]. Зотова О.И., Славина М.А., Сахно А.В., Ольшанский В.Д. и др. также занимались разработкой методологии изучения проблемы социальной адаптации. В их исследованиях используются методы социологических исследований для изучения адаптации мигрантов и объективного определения происходящего. Они рассматривают как индивидуальные, так и коллективные стратегии адаптации. Западные методы изучения адаптации мигрантов были адаптированы и трансформированы к российским реалиям. Разработаны и уникальные методики. Особое внимание уделяется природе экономических и социально-демографических факторов, определяющих и формирующих условия для перераспределения рабочей силы, в том числе с точки зрения направления миграционных потоков. Миграция как вид трудовой миграции рассматривается в работах Рязанцева С.В., Суворовой В.А., Попова А.Н., Атискова О.А. и др. [6].

Социальная адаптация мигрантов с точки зрения условий адаптации, времени, различных типов ситуаций, вопросов толерантности и конфликтности во взаимодействии мигрантов и местных жителей, социальной стабильности, национальной безопасности и влияния правителей мигрантского пространства на модели поведения мигрантов рассматривается в работах Л.Л. Рыбаковского, В.В. Америкина, Е.-А. Назаровой, Г.С. Витковской и в работах А.Ю. Заваришина [4]. Кроме того, практика взаимодействия изучается Орловой М.Ю., Солдатовой Г.У., Малаховым В.С. и Петуховым А.Г. [5]. Изучается взаимная адаптация и ее механизмы. В рамках связи «мигрант-общество» впервые уделяется пристальное внимание принимающему обществу как одному из аспектов исследования адаптации мигрантов, что помогает понять реальную картину происходящего [4].

В настоящее время набирает обороты изучение вопросов культурного взаимодействия с различных методологических позиций. В российской науке широкое распространение получила теория межкультурной коммуникации (например, Т.Г. Грушевицкая, А.П. Садохин). Авторы обращаются к проблеме адаптации иммигрантов к принимающему обществу, что помогает понять процессы, происходящие в социуме [1]. В исследовании Гриценко В.В., Лебедевой Н.М. и Бирюковой М.А. этнопсихологический и культурологический подход помог лучше понять природу культурных различий и национальных особенностей отдельных этнических групп, процессы межкультурного взаимодействия в эпоху глобализации, особенности социальной адаптации как явления, особенно миграции. Это помогает лучше понять [2]. По их мнению, для успешной адаптации необходимо знакомство с культурой других людей. Это помогает как понять, так и принять их. Изучение моделей поведения друг друга (как мигрантов, так и принимающего общества) способствует сглаживанию социальных противоречий и разрешению возможных социальных конфликтов. Кроме того, растет интерес к изучению управления миграцией. Это связано с тем, что неконтролируемая миграция, если ее не принимать во внимание, может иметь множество негативных последствий.

Таким образом, существует множество научных подходов к изучению социальной адаптации мигрантов. Однако четкой, детальной и структурированной общей теории социальной адаптации пока не появилось. Поэтому сложно получить убедительное объяснение того или иного явления с точки зрения конкретного научно-

го подхода, хотя все вышеперечисленные теории являются продуктом исследовательской деятельности ученых, тесно связанных с практикой. Они объясняют те или иные аспекты социальной адаптации мигрантов, помогают понять, объяснить и управлять процессом социальной адаптации мигрантов. Разрабатывая ту или иную теорию адаптации мигрантов, ученые руководствуются не конкретной моделью, а набором научных инструментов, позволяющих прийти к окончательному выводу. Несмотря на разнообразие конструктивных концепций, проблемы миграционной мобильности ставят перед учеными новые задачи, побуждая их к разработке новых научных подходов, теорий и концепций.

Литература

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2003. 352 с.
2. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002. 252 с.
3. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002. 152 с.
4. Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М., 2007. 200 с.
5. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. М., 2033. 241 с.
6. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М., 2007. 576 с.
7. Юдина Т.Н. Социология миграций: к формированию нового научного направления. М., 2003. 399с.

SOCIAL ADAPTATION OF MIGRANTS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Ananicheva S.R.

Pacific State University

The article examines and conceptualizes the concept of "social adaptation of migrants", defines the components and features of this process. Migration changes the established social order, transforms norms and values, and changes social reality, both at the everyday level and at the level of social policy. The author analyzes the concept of "social adaptation" in relation to a social group of migrants, determines its structure, identifies internal and external factors that influence the adaptation of migrants. The article examines the processes of social adaptation of migrants: both the theoretical and methodological foundations of the study of social adaptation of migrants, and the modern features of its implementation from the perspective of sociological science. The legal, socio-economic, socio-cultural and socio-psychological aspects of adaptation are described, and the conditions for successful adaptation of migrants to a new place of residence are established.

Keywords: migration, migrants, social adaptation, integration, social disorganization, adaptation of migrants, host society, multiculturalism.

References

1. Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.P. Fundamentals of intercultural communication. M., 2003. 352 p.
2. Gritsenko V.V. Socio-psychological adaptation of immigrants in Russia. M., 2002. 252 p.
3. Zaslavskaya T.I. Societal transformation of Russian society: Activity-structural concept. 2nd ed., ispr. and additional M., 2002. 152 p.
4. Malakhov V.S. Let's go here... Essays on nationalism, racism and cultural pluralism. M., 2007. 200s.
5. Rybakovsky L.L. Demographic security: population and geopolitical aspects. M., 2033. 241 p.
6. Ryazantsev S.V. Labor migration in the CIS and Baltic countries: trends, consequences, regulation. M., 2007. 576 p.
7. Yudina T.N. Sociology of migration: towards the formation of a new scientific direction. M., 2003. 399c.

Национальная безопасность в контексте музейной деятельности

Аторин Роман Юрьевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии ГУУ
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Фёдоров Евгений Владимирович,

аспирант кафедры Философии ГУУ
E-mail: EvVIFedorov@rosatom.ru

Солнцев Филипп Станиславович,

ведущий специалист АО «Гиредмет»
E-mail: FiSSolntsev@rosatom.ru

Вопросы национальной безопасности сегодня стали первостепенными в условиях существующих экономических, социальных, психологических и других противоречий с некоторыми недружественными странами. В контексте музейной деятельности (отметим, что музеи являются государственными культурно-историческими институтами), эти вопросы обретают актуальность и новое осмысление. В нормативно-правовой документации разработаны требования к осуществлению охраны музеев и размещающихся в них экспонатов, а также правила поведения для посетителей и работников. Однако, в сегодняшних условиях, достаточно важной тенденцией является вопрос национальной безопасности в данном контексте, так как смысл всех информационных войн заключается борьба за сознание граждан.

Ключевые слова: национальная безопасность, музеи, информационные войны, когнитивные искажения.

Обеспечение национальной безопасности граждан реализуется в ходе национально-патриотического воспитания с использованием ценностных ориентиров участниками государственной воспитательной системы. Это представители науки, образования и культуры, СМИ, компаний, организующих досуг граждан, музеев, галерей, библиотек и т.д. Субъекты воспитательного процесса, являясь профессиональными специалистами различных направлений, обеспечивают деятельность политических интересов в отрасли реализации национальной политики государства [1, С. 14–22].

Поэтому музейным работникам, как участникам воспитательного процесса и носителям (реализаторам) информационной безопасности, очень важно всесторонне быть настроенными на процесс формирования национально-патриотического развития с целью реализации национальных ориентиров развития. Такой подход способствует обеспечению национальной безопасности государства [2].

Государство, в свою очередь, ставит цель, заключающуюся в осуществление такой информационной деятельности, которая способствовала бы укреплению национальной безопасности.

Главными составляющими информационной деятельности в сфере формирования общих ценностей и национального сознания, с учетом информационно-философской безопасности, является культивирование патриотических умонастроений граждан, уважение к национальной культуре [3].

Основным инструментом, способствующим формированию национального сознания, является разработка и совершенствование нормативно-правовой базы, а также контроль исполнения этих норм в действительности. Нормативно-правовая база Российской Федерации по национально-патриотическому, культурному и другим видам воспитания достаточно объемна [4]. Но опять же, не все участники воспитательного процесса, в том числе и те, кто относится к сфере управления культурой, должным образом реализуют положения нормативно-правовых актов.

Однако на практике возникали ситуации, когда воспитательная национально-патриотическая работа на местных уровнях, в учреждениях культуры и т.п. велась формально должностными лицами (работниками учреждений культуры), которые не поддерживали политику государства в данной сфере. Более того, иногда возникает проблема несогласованности во взаимоотношениях власти с общественными организациями, которые также осуществляют мероприятия по патриотическому воспитанию, которые могут иметь собственную культурно-историческую направленность, и отличаться от государственной концепции политики национально-го воспитания, регламентированной государством. Иными словами, может произойти нарушение правил культурной информационной безопасности, а также измена общественного сознания у населения из-за отсутствия единого культурологического концепта. Негативными последствиями в этом случае могут стать искажение или подмена традиционных культурно-нравственных ценностей, проявление сепаратизма, самоотчуждение человека от государства и общества [5, С. 14].

Национально-патриотическое воспитание с учетом национальных интересов, является одной из главных

составляющих общественной безопасности государства в эпоху гибридных войн. Его качество зависит от того, насколько совпадают интересы общества и государственных институтов.

В свою очередь, компетенции государственных служащих органов власти (руководителей госучреждений) являются одним из главных факторов благополучия участников общественных отношений и страны. А когда интересы отдельных представителей государственной власти (руководителей учреждений) и общества расходятся, возникают трансгрессивные явления, которые могут угрожать национальной безопасности [6]. В таких обстоятельствах участники общественных отношений выступают в роли «кризисного менеджера» и осуществляют стихийные ценностно-патриотические мероприятия, иногда с угрозой для собственной жизни, жизни членов семьи, здоровья, работы и тому подобное. По нашему убеждению, это последствия потери контроля в сфере информационной безопасности в культурно-исторических учреждениях [7].

Работа музейных комплексов должна быть более конкретно определена в государственной политике по реализации программ формирования патриотической культуры граждан. В частности, для достижения надлежащего, адаптированного к настоящему культурно-нравственного развития сознания граждан, базирующегося на ряде аспектов информационной безопасности, необходимо следующее.

1. При формировании и обновлении экспозиций особое внимание следует уделять исторической целостности, логике и научному характеру сферы влияния, ради которой и был основан музей.

2. Создание новых историко-культурологических комплексов (или филиалов существующих музеев) как целевых центров национально-патриотического воспитания с учетом требований к информационной безопасности граждан.

3. Актуализация и популяризация на базе музейных учреждений научных исследований и освещение основных периодов научного развития с акцентом на роль видных общественных деятелей и ученых, через реализацию комплекса мер культурного национально-этического воспитания.

4. Проведение научных исследований, организация конференций, чтений, семинаров, круглых столов и т.д., с целью освещения истории и культуры Отечества в целом, регионов в отдельности, а также ряда отдельных территорий.

5. Вовлечение региональных ученых, особенно краеведов и заинтересованных сторон в конференциях, семинарах, круглых столах национально-патриотической направленности.

6. Издание различного типа направленности научно-популярных периодических изданий (журналов, альманахов, сборников).

7. Организация, освещение подобных в социальных сетях, мотивация деятельности молодых ученых, историков, культурологов, философов, краеведов и других представителей научного сообщества

8. Осмысленное и целенаправленное углубление PR-деятельность учреждений культуры через сотрудничество с высшими и профессиональными учебными заведениями.

9. Привлекать к сотрудничеству преподавателей и студентов (маркетологов, журналистов, историков, искусствоведов, социологов, IT-технологов и других смежных специальностей, студентов, участвующих в профильных кружках, клубах и т.д.).

10. Использование всероссийских проектов по поддержке талантливой молодежи и молодых ученых (напр.

программы «Менделеевская карта», «Пушкинская карта»).

Профессиональный музейный работник, наряду с другими представителями системы культурно-нравственного воспитания, должен оказывать положительное воздействие на сознание посетителя, вести информационную работу с учетом интересов национальной политики государства, опираясь на достоверные исторические факты. В данном случае необходима совместная работа сторон, заинтересованных в национально-патриотическом воспитании, в условиях информационных войн.

Сегодня, как никогда хотелось бы обратить внимание на важную тему – необходимость создания единого координирующего научного центра, способного обеспечить баланс интересов всех участников данной сферы. Такой центр станет своеобразным научным музейным культурно-нравственным объединением, который поможет добиться эффективного целеполагания и рационального использования ресурсов в этой деятельности. Существует идея создания заметного объекта, такого как пример, павильон «АТОМ», который не только будет информировать о видных достижениях нашей страны в сфере науки и культуры, но и будет способствовать усилению идей патриотизма, традиционных ценностей. Такой единый координирующий научный центр поможет собрать вместе ресурсы и потенциал государственных, ведомственных и общественных организаций, создав единую и сильную платформу для достижения общих целей. Объединение всех заинтересованных сторон стимулирует обмен знаниями, опытом и идеями, а также позволяет эффективно распределить средства и ресурсы между проектами и инициативами. Этот центр будет настоящим научным открытием, культурной ценностью музеем, способным вдохновить и образовать молодое поколение [8].

Наша страна имеет богатое историческое и научное наследие, и важно сохранить его и передать будущим поколениям. Такой координирующий научно-музейный центр как Павильон «АТОМ» станет не только местом, где мы сможем гордиться нашими достижениями, но и местом, где будущие поколения смогут узнать об уникальных научных исследованиях, которые помогли развить и укрепить нашу страну.

Наконец, создание единого координирующего научного центра позволит эффективно использовать ресурсы страны. В современном мире, где каждый ресурс имеет ценность, необходимо осуществлять рациональное распределение средств между различными проектами и инициативами. Центр будет играть роль курирующего органа, определяя приоритеты и обеспечивая надлежащую координацию деятельности всех участников.

Таким образом, создание единого координирующего научного центра научного музейного культурно-нравственного воспитания, подобного павильону «АТОМ», является важным и актуальным шагом для обеспечения баланса интересов всех участников философской национально-патриотической просветительской деятельности. Это не только способствует эффективному целеполаганию и рациональному использованию ресурсов, но и способствует развитию научного потенциала, сохранению и передаче исторического и научного наследия нашей страны.

Литература

1. Артамонов Ю.В. Патриотическое воспитание как важнейшая составляющая сохранения и укрепления российской государственности и обеспече-

ния национальной безопасности России / Ю.В. Артамонов // Теория и практика военного образования в гражданских вузах: педагогический поиск: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 10–12 декабря 2018 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019.

2. Национальная безопасность России: методология комплексного исследования и политика обеспечения: [Монография] / А.В. Возжеников; Рос. Акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва: РАГС, 2002. – 423 с.: ил., табл.; 21 см.; ISBN5–7729–0101-X
3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2021–2025 годы». – URL: <http://static.government.ru/media/files/LkiAgAELFrIGoAFgKCjKdAWdi6jbZU5.pdf> (дата обращения: 03.01.2024).
4. Алюбаева Г.Н. Краткий обзор нормативной правовой базы современного состояния патриотического воспитания в России / Г.Н. Алюбаева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 23 (418). – С. 202–205. – URL: <https://moluch.ru/archive/418/92906/> (дата обращения: 03.01.2024).
5. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ Рос. Акад. образования. – М.: Просвещение, 2009.
6. Реализация стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на региональном уровне: подходы, субъекты, процессы, практики [Электронный ресурс]: монография / Под научной редакцией Е.А. Малянова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2021. – 2,82 Мб; 243 с. – URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/realizaciya-strategiigosudarstvennoj-nacionalnoj-politiki-rf.pdf> (дата обращения: 03.01.2024).
7. «Museum Security and Protection: A Handbook for Cultural Heritage Institutions» by Rome Group. – URL: <https://silo.pub/qdownload/museum-security-and-protection-a-handbook-for-cultural-heritage-institutions-the-heritage-care-preservation-management.html> (дата обращения: 03.01.2024).
8. Музей, его смысл и назначение Н.Ф. Федоров. – URL: http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_muzey.html (дата обращения: 03.01.2024).

NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF MUSEUM ACTIVITIES

Atorin R.Y., Fedorov E.V., Solntsev P.S.
GUU, JSC «Giredmet»

National security issues have become paramount today in the context of existing economic, social, psychological and other contradictions with some unfriendly countries. In the context of museum activities (we note that museums are state cultural and historical institutions), these issues are gaining relevance and new understanding. The regulatory and legal documentation has developed requirements for the protection of museums and exhibits housed in them, as well as rules of conduct for visitors and employees. However, in today's conditions, the issue of national security in this context is quite an important trend, since the meaning of all information wars is the struggle for the consciousness of citizens.

Keywords: national security, museums, information wars, cognitive distortions.

References

1. Artamonov Yu.V. Patriotic education as the most important component of preserving and strengthening Russian statehood and ensuring national security of Russia / Yu.V. Artamonov // Theory and practice of military education in civilian universities: pedagogical search: collection of materials of the I All-Russian Scientific and Practical conference (Yekaterinburg, December 10–12, 2018). – Yekaterinburg: Uralsky Publishing House university, 2019.
2. National security of Russia: methodology of complex research and policy of provision: [Monograph] / A.V. Vozzhenikov; Russian Academy of State Services under the President of the Republic of Belarus. – Moscow: RAGS, 2002. – 423 p.: ill., table.; 21 p.; ISBN5–7729–0101-X
3. The state program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2021–2025”. – URL: <http://static.government.ru/media/files/LkiAgAELFrIGoAFgKCjKdAWdi6jbZU5.pdf> (accessed: 03.01.2024).
4. Albayeva G.N. A brief overview of the regulatory legal framework taking into account foster care in Russia / G.N. Albayeva. – Text: categorical // A young scientist. – 2022. – № 23 (418). – Pp. 202–205. – URL: <https://moluch.ru/archive/418/92906/> (accessed: 03.01.2024).
5. A.Ya. Danilyuk, A.M. Kondakov, V.A. Tishkov. The concept of spiritual and moral development and upbringing of the personality of a citizen of Russia in the field of general education: project / Ros. Acad. – Moscow: Prosveshchenie, 2009.
6. Implementation of the strategy of the state national policy of the Russian Federation at the regional level: approaches, subjects, processes, practices [Electronic resource]: monograph / edited by E.A. Malianov; Perm State National Research University. – Electronic data. – Trans., 2021. – 2.82 Mb; 243 s. – URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/realizaciya-strategiigosudarstvennoj-nacionalnoj-politiki-rf.pdf> (accessed: 03.01.2024).
7. “Security and ownership of museums: a guide to creating cultural heritage”, Rome Group. – URL: <https://silo.pub/qdownload/museum-security-and-protection-a-handbook-for-cultural-heritage-institutions-the-heritage-care-preservation-management.html> (accessed: 03.01.2024).
8. Museum, its meaning and purpose N.F. Fedorov. – URL: http://dugward.ru/library/fedorov/fedorov_muzey.html (access date: 01.03.2024).

Исследования выбранных личностных характеристик, позволяющих улучшить уровень воздействия благополучия в информационном пространстве

Бересток Татьяна Борисовна,
аспирант кафедры Московского гуманитарного университета
(МосГУ)
E-mail: bertat1@yandex.ru

Результаты корреляционного анализа показали при воздействии информационного пространства и трудового и семейного положения пожилого возраста на психологическое благополучие, внушаемость, и локус контроля и при активности в сети Интернет, подвергаются манипулированию, низкой стрессоустойчивости, высоком уровне зависимости от сети. Когда пожилой возраст лишен психологического благополучия, они в большей степени подвержены воздействию информационного пространства, так как у них отсутствует устойчивость к информационному воздействию, контроль над переживаниями. В статье показана взаимосвязь между личностными характеристиками и показателями психологического благополучия в ситуации информационного воздействия. Подтверждено, что отношение к себе и оценка жизни служит базисом не только развития состояния психологического благополучия в рамках информационного пространства, но также отражает оценку себя в различные временные промежутки, с позиции ответственного человека. Выявлена взаимосвязь между особенностями социальной коммуникативной сферы пожилого возраста, которые позитивно отражаются на уровне психологического благополучия.

Ключевые слова: психологическое благополучие, трудовое, семейное положение, пожилой возраст.

Анализ основных факторов информационного воздействия выделим:

Первым из них является активность в сети Интернет, которая занимает 54% от общего числа факторов. Это связано с тем, что в настоящее время Интернет стал неотъемлемой частью жизни многих людей и используется для самых различных целей – от поиска информации до общения с друзьями. Однако, при этом возникает ряд проблем, связанных с безопасностью, таких как утечка личной информации, кибербуллинг и другие.

Вторым фактором является подверженность манипуляциям, который занимает (24%). Этот фактор связан с тем, что в Интернете существует большое количество информации, которая может быть ложной или искаженной. Кроме того, некоторые пользователи могут специально распространять ложную информацию с целью манипулировать другими людьми. Это может привести к серьезным последствиям, таким как неправильное принятие решений или дезинформация.

Третьим фактором является уход от реальности, который занимает (22%). Этот фактор связан с тем, что некоторые люди могут стать зависимыми от Интернета и проводить в нем слишком много времени. Это может привести к тому, что они начинают уходить от реальности и перестают общаться с окружающими людьми. Такая зависимость может негативно сказаться на психологическом состоянии человека и привести к различным проблемам, таким как депрессия или социальная изоляция.

Особенности внушения, локус контроля, просоциального поведения, потребность в познание **работающих** лиц пожилого возраста

Проведем анализ полученных данных теста на определение степени внушаемости. Полученные оценки внушаемости связаны с характером активности человека. При определении степени внушаемости нами было проведено тестирование, связывающее эту категорию со степенью активности человека. При этом могут быть выделены следующие диапазоны: 20–30 – пониженная внушаемость; 31–45 – средняя внушаемость; 46 и более – повышенная внушаемость. В результате обработки анкет получены следующие данные по группе работающие пожилого возраста и степени внушаемости: низкий уровень внушаемости – 26 человек; средний уровень внушаемости – 18 человек; повышенный уровень внушаемости – 14 человек.

Таким образом, мы можем констатировать, работающим пожилого возраста свойственен низкий уровень внушаемости (44,8%). При определении взаимосвязи между внушаемостью и подверженностью манипуляциям коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена составил ($r = -0,41$, при $p \leq 0,05$), то есть при повышении уровня внушаемости снижается возможность манипулирования работающими лицами пожилого возраста. При определении взаимосвязи между внушаемостью и зависимостью от сети Интернет коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена составил ($r = 0,89$, при $p \leq 0,05$),

то есть при снижении уровня внушаемости уменьшается Интернет-зависимость. По полученным данным, можно сделать вывод о том, что низкий уровень внушаемости у работающих пожилых людей способствует благоприятной обстановке с точки зрения обеспечения. Подверженность манипуляциям находится в обратной зависимости от внушаемости. Работающим пожилого возраста свойственна связь с информационным воздействием при низком уровне внушаемости. При повышении уровня внушаемости снижается возможность манипулирования работающими лицами пожилого возраста. У пожилого возраста работающих лиц наиболее значимым критерием в области информационного пространства является активность в сети Интернет. По полученным данным, можно сделать вывод о том, что низкий уровень внушаемости у работающих лиц пожилого возраста способствует благоприятной обстановке с точки зрения обеспечения информацией. Мы полагаем, что с уровнем **занятости** пожилого возраста коррелирует и со степенью их **внушаемости** и с уровнем доверия. По результатам исследования выявлено, что пожилой возраст, которые работают, больше обладают оптимизмом, поэтому больше принимают ответственности и самостоятельности, чем те, кто не работает. В основной массе лица пожилого возраста в независимости от трудового положения обладают довольно высоким уровнем оптимизма: мужчины (60%) и женщины (92%).

Локус контроля. Для выявления различий в проявлении интернального и экстернального локуса контроля необходимо провести опрос по уровню субъективного контроля, результаты которого представлены в таблице 1.

Таблица 1. Анализ показал различия в проявлении интернального и экстернального локуса контроля

Показатель	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Интернальный локус контроля	5	57	38
Экстернальный локус контроля	0	52	48

Таким образом, у работающих пожилых людей преобладает средний и высокий уровни интернального и экстернального локуса контроля. Из-за доминирования высоких уровней внешнего и внутреннего локуса контроля, работающий пожилого возраста благодаря своим личностными особенностями самостоятельно берет на себя ответственность за события и поступки. У него возникает произвольная контролируемая внутренняя локализация. Данная тенденция положительно сказывается на положительной работе в информационном пространстве. Работающие лица пожилого возраста, обладают средним уровнем интернального и экстернального локуса контроля (57% и 52%) соответственно. Это доказывает, что работающие пожилого возраста – ответственные и поэтому меньше нуждаются в обеспечении информационного воздействия угрозы.

Просоциальное поведения. Для анализа просоциального поведения пожилого возраста был выбран метод Д.В. Сочивко, С.К. Бондыревой [3]. Показатели рассчитываются по личностным факторам: эмпатия, нарциссизм, социальная тревожность, альтруизм, инфантилизм, манипулятивизм.

Таким образом, у занятых лиц трудовой деятельностью пожилого возраста выражены личностные факторы, – эмпатия, альтруизм. Установлена закономерность,

согласно которой просоциальное поведение является значимым фактором обеспечения у пожилого возраста. Человек с большой просоциальной активностью имеет широкие социальные связи, активен и гибок и удовлетворенность жизнью. У занятых лиц пожилого возраста, трудовой деятельностью выражено просоциальное поведение: эмпатия, альтруизм. Альтруизм связан с оказанием помощи и поддержки у работающих лиц пожилого возраста. Уровень информационной угрозы снижается, если снижается фактор эмпатии. Эмпатия (10,01) показывает, что работающие лица пожилого возраста больше склонны помогать в ущерб своим интересам. В рамках информационной угрозы эмпатия способствует обеспечению дистанционного поведения, что дает высокий уровень противостояния информационным угрозам, так как альтруизм способствует потере бдительности в информационной среде на фоне многочисленных обращений и контактов. Установлена закономерность, согласно которой просоциальное поведение является значимым фактором обеспечения информационной воздействия у пожилого возраста. Человек с большой просоциальной активностью имеет широкие социальные связи, активен, гибок и удовлетворенность жизнью

Таблица 2. Результаты анализа просоциального поведения работающих лиц пожилого возраста

Критерии	Лица пожилого заняты трудовой деятельностью
Эмпатия	10,01
Нарциссизм	3,97
Социальная тревожность	4,15
Альтруизм	7,85
Инфантилизм	3,10
Манипулятивизм	4,72

Потребность в познании. При увеличении показателей уровня познания, потребность в благополучии будет снижаться. Для определения взаимосвязи между уровнем потребности в познании и потребностью работающих лиц пожилого возраста, был произведен корреляционный анализ с применением коэффициента Пирсона составил ($r=1$, при $p \leq 0,05$), следовательно, при высоком уровне познания увеличивается потребность от благополучия.

Особенности внушения, локус контроля, просоциального поведения, потребность в познание у **неработающих** лиц пожилого возраста.

Таким образом, для **неработающих** лиц наиболее значимым критерием является активность в сети Интернет (51%), подверженность манипуляциям (27%), уход от реальности – интернет зависимость(22%).

По полученным данным, можно сделать вывод о том, что высокий уровень **внушаемости у неработающих** лиц пожилого возраста способствует неблагоприятной обстановке с точки зрения обеспечения информационного пространства. В результате обработки анкет по выявлению уровня внушаемости получены следующие данные по группе неработающие лица пожилого возраста: низкий уровень внушаемости – 11 человек; средний уровень внушаемости – 22 человек; повышенный уровень внушаемости – 25 человек.

Выявлено, что средний уровень **локус контроля** наделает **неработающих** лиц пожилого возраста ответственностью. По уровню субъективного контроля результаты опроса представлены в таблице 3.

Таблица 3. Проявление интернального и экстернального локуса контроля у неработающих лиц пожилого возраста

Показатель	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Интернальный локус контроля	18	52	30
Экстернальный локус контроля	5	54	41

Таким образом, у **неработающих** лиц пожилого возраста преобладает средний и высокий уровни интернального и экстернального локуса контроля.

Внешний **локус контроля** предполагает, что неработающие пожилого возраста часто думают, что их неудачи и успех являются результатом внешних сил, основанных на удаче, случайности и т.д. Психологические качества пожилого возраста могут деформироваться из-за технологических данных информационного пространства при низком уровне субъективного контроля. Если на человека нападает множество противоречивых мнений, ему будет трудно выбрать «правильные», которые соответствуют моральным нормам общества и ориентируют ценность личности. Как следствие психологические особенности пожилого возраста могут претерпевать изменения из-за технологических данных информационной среды при низком уровне субъективного контроля. При обилии противоречивых точек зрения может усложняться процесс – выбора и психологические особенности пожилого возраста может претерпевать изменения из-за технологических данных информационной пространства при низком уровне субъективного контроля. При обилии противоречивых точек зрения может усложняться процесс выбора и немотивированная тревожность, появляется и закрепляется депрессивность, формируются асоциальные личностные черты.

В таблице 4 представим результаты анализа **просоциального поведения неработающих** лиц пожилого возраста.

Таблица 4. Результаты анализа просоциального поведения неработающих лиц пожилого возраста

Критерии	Лица пожилого возраста неработающие
Эмпатия	9,12
Нарциссизм	4,86
Социальная тревожность	8,02
Альтруизм	5,97

Таким образом, у неработающих лиц пожилого возраста выражены личностные факторы: эмпатия и социальная тревожность. Эмпатия положительно влияет, благодаря отстранению и дистанционному поведению. Социальная тревожность пожилого возраста выражается в смущении и физическом бегстве от негативных тенденций информационной среды, что также подкрепляет положительную динамику. Для определения взаимосвязи между уровнем потребности в познании и потребностью неработающих лиц пожилого возраста был произведен корреляционный анализ с применением коэффициента Пирсона. С точки зрения **просоциального поведения** выявлено, что у неработающих лиц пожилого возраста преобладают эмпатия и социальная тревожность, которые при взаимодействии помогают им справиться с воздействием информационного пространства.

Уровень **познания у неработающих лиц** пожилого возраста чаще всего основан на впечатлении и любознательности, что дает предпосылки для потребности в обеспечении знаниями. При увеличении показателей **уровня познания**, потребность будет снижаться.

Итак, неработающие пожилого возраста, испытывают больший эмоциональный дискомфорт при низком уровне стрессоустойчивости и тем самым больше подвергаются воздействию информационного пространства. Чтобы обеспечить уверенность в завтрашнем дне, необходимо постоянно вовлекать неработающих людей пожилого возраста к информационным технологиям, то есть проводить социальную адаптацию.

Сравнительная характеристика в информационном пространстве работающих и неработающих пожилого возраста.

По результатам эмпирического исследования выявлена взаимосвязь между благополучием, информационным пространством и трудовым положением пожилого возраста. Психологическое благополучие, внушаемость, локус контроля, просоциальное поведение, познание подвержены воздействию информационного пространства при активности в сети Интернет, подверженности манипулированию, низкой стрессоустойчивости, высоким уровне зависимости от сети Интернет, внешнем и внутреннем контроле при получении информации.

Внушаемость является опасным социально-психологическим фактором пожилого возраста. Многие пожилого возраста очень восприимчивы к чужому мнению и легко попадают под влияние различных пропагандистов. Через какое-то время полученная таким способом информация начинает выдаваться за собственную мысль. С помощью негативной информации происходит воздействие на индивидуальное сознание. Следовательно, при обеспечении негативной информации пожилых людей следует учитывать, что чем ниже уровень внушаемости, тем выше способность противостоять информационным воздействиям и рискам, даже при активном взаимодействии с сетью Интернет. Уровень внушаемости пожилых людей находится зависимости от личностных и ситуативных факторов. Чем выше степень внушаемости, тем больше наблюдается рост доверчивости, впечатлительности, тревожности, которые влияют на обеспечение информационных воздействий не с лучшей стороны. При низком уровне внушаемости срабатывает групповой фактор, который обеспечивается наличием работы. Чем больше группа, тем меньше зависимость от информационного пространства. Внушаемость у неработающих лиц пожилого возраста значительно выше внушаемости у пожилого возраста, которые продолжают работать в своем возрасте. У пожилого возраста, лиц продолжающих работать, отмечается полное эмоциональное благополучие, а у пожилого возраста, находящихся на заслуженном отдыхе – умеренный эмоциональный комфорт. У неработающих лиц пожилого возраста эмоциональный дискомфорт выше на (35%), чем у тех, кто работает.

Особенности внушения, локус контроля, просоциального поведения, потребность в познании **одиноких** пожилого возраста.

По полученным данным, можно сделать вывод о том, что снижение уровня внушаемости у одиноких пожилого возраста способствует благоприятной обстановке. В настоящее время для одиноких людей по уровню внушаемости актуально повышение информационного воздействия.

Одинокие пожилого возраста имеют умеренный комфорт и выраженный эмоциональный дискомфорт (44,8% и 41,4%). Данный показатель имеет обратную зависи-

мость от стрессоустойчивости в информационном пространстве. Повышенный уровень **внушаемости** (44,8%) способствует уменьшению активности в сети Интернет либо повышению зависимости от информационной среды. В настоящее время для одиноких людей по уровню внушаемости актуально повышение информационного воздействия.

Потребность в информационном воздействии одиноких пожилого возраста обусловлена также уровнем **внушаемости**. Согласно проведенному исследованию, можно выделить три уровня внушаемости у одиноких пожилого возраста: низкий, средний и повышенный. Низкий уровень **внушаемости** выявлен у 9 человек (15,5%) от общего числа опрошенных. Средний уровень внушаемости был обнаружен у 23 человек (39,7%). Повышенный уровень внушаемости выявлен у 26 человек (44,8%).

Можно сделать вывод, что у большинства одиноких пожилого возраста имеется **средний или повышенный уровень внушаемости**, что делает их более уязвимыми к влиянию со стороны окружающей среды и потенциальных угроз в сфере информационной защищенности.

Для определения взаимосвязи был рассчитан коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена, который составил ($r = 0,94$, при $p \leq 0,05$). Следовательно, наблюдается то, что **уровень внушаемости** одиноких пожилого возраста напрямую зависит от **активности в сети Интернет**.

При снижении активности уменьшается уровень внушаемости. Выявлено, что средний уровень **локус контроля** наделяет одиноких пожилого возраста ответственностью, тем самым обеспечивая информационно-психологической безопасностью. Анализа **локус контроля** одиноких пожилого возраста, проведен опрос по уровню субъективного контроля. Анализ показал различия в проявлении интернального и экстернального локуса контроля. Таким образом, у одиноких пожилого возраста преобладает средний уровень интернального и экстернального локуса контроля. Полученное значение коэффициента корреляции говорит о наличии обратной связи между низким уровнем экстернального локуса контроля у одиноких пожилого возраста и потребностью. С повышением значения уровня экстернального локуса контроля при одиночестве будет происходить снижение величины потребности **в удовлетворении благополучия** и наоборот. Существует обратная связь между низким уровнем экстернального локуса контроля у одиноких пожилого возраста и потребностью. С повышением значения уровня экстернального локуса контроля при одиночестве будет происходить снижение величины потребности в удовлетворении безопасности и наоборот. Для анализа **локус контроля у одиноких** пожилого возраста, проведен опрос по уровню субъективного контроля. Анализ показал различия в проявлении интернального и экстернального локуса контроля (таблица 5).

Таблица 5. Проявление интернального и экстернального локуса контроля у одиноких пожилого возраста

Показатель	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Интернальный локус контроля	18	64	8
Экстернальный локус контроля	11	53	36

Таким образом, у одиноких пожилого возраста преобладает средний уровень интернального и экстернального локуса контроля, (64% и 53%) соответственно. Рассчитан коэффициент корреляции при низком уровне экстер-

нального локуса контроля у одиноких пожилого возраста. Полученное значение коэффициента корреляции говорит о наличии обратной связи между низким уровнем экстернального локуса контроля у одиноких пожилого возраста и получением информационного воздействия. С повышением значения уровня экстернального локуса контроля при одиночестве будет происходить снижение величины потребности.

С точки зрения **просоциального поведения** выявлено, что у одиноких пожилого возраста преобладают нарциссизм и инфантилизм, которые при взаимодействии способствуют развитию зависимости от информационного пространства. Таким образом, у одиноких пожилого возраста выражены личностные факторы – нарциссизм и инфантилизм. Нарциссизм предполагает высокий уровень публичности, но при этом человек осторожен, чтобы не стать объектом насмешек в результате негативного воздействия информационной пространства. Чаще всего такие люди, действуют в своих интересах, просчитывая риски. Но в то же время преобладание инфантилизма, говорит о том, что одинокий пожилого возраста имеет узкий круг общения, замкнутость, индивидуальность в информационной среде. Чаще именно эта черта поведения становится предпосылкой к уходу от реальности, то есть зависимости от сети Интернет

У одиноких пожилого возраста большему уровню **потребности в познании** соответствует большая величина потребности. Для определения взаимосвязи между уровнем потребности **в познании** и потребностью у одиноких пожилого возраста был произведен корреляционный анализ с применением коэффициента Пирсона. На всех уровнях **познания** (впечатление, любознательность, целенаправленность) коэффициент Пирсона составил ($r = 1$, при $p \leq 0,05$). Следовательно, большему уровню потребности в познании соответствует большая величина потребности в информационном пространстве.

Итак, одинокие пожилого возраста воспринимают мир и свою жизнедеятельность более пессимистично. У них больше нет активной позиции и ответственности. Что не позволяет им нормально адаптироваться и принять жизненные позиции, современное мировоззрение. И в данном случае они наиболее подвержены информационным воздействиям. В рамках обеспечения информационного воздействия данное исследование говорит о том, что интернет для одиноких пожилого возраста является источником, который может негативно влиять на самооценку и мотивы поведения. Одинокие пожилого возраста имеют склонность выбирать уход от реальности, путем погружения в виртуальный мир.

Особенности внушения, локус контроля, просоциального поведения потребность в познание у **семейных** лиц пожилого возраста

Для определения взаимосвязи был рассчитан коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена, который составил ($r = 0,92$, при $p \leq 0,05$). Следовательно, наблюдается то, что уровень **внушаемости семейных** людей пожилого возраста напрямую зависит от активности в сети Интернет. При снижении активности уменьшается уровень внушаемости. Таким образом, для семейных лиц наиболее значимым критерием является активность в сети Интернет. При определении взаимосвязи между внушаемостью и подверженностью манипуляциям коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена составил ($r = 0,51$, при $p \leq 0,05$), то есть при снижении уровня внушаемости снижается возможность манипулирования лицами пожилого возраста, которые проживают в семье. При определении взаимосвязи между внушаемостью и зависимостью от сети Интернет коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена составил ($r = 0,06$, при $p \leq 0,05$),

то есть при снижении уровня внушаемости уменьшается Интернет-зависимость. По полученным данным, можно сделать вывод о том, что низкий уровень внушаемости у семейных, пожилого возраста способствует благоприятной обстановке с точки зрения обеспечения информационного воздействия. Анализ, зависимости внушаемости пожилого возраста от их семейного положения, показал, что наиболее низкий уровень внушаемости выявлен у пожилых лиц, которые проживают в семье о различиях в проявлении **внушаемости** одиноких пожилого возраста и лиц, проживающих в семье, не подтвердилась. Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что у семейных людей, пожилого возраста может быть разная степень внушаемости. Некоторые люди более склонны верить в то, что им говорят, чем другие. Это может иметь значение при общении с такими людьми и при принятии решений, которые могут повлиять на их жизнь. По полученным данным, можно сделать вывод о том, что низкий уровень внушаемости у семейных лиц, пожилого возраста способствует благоприятной обстановке с точки зрения обеспечения информационного воздействия. Для анализа локус контроля людей пожилого возраста, проживающих в семье, проведен опрос по уровню субъективного контроля. Анализ показал различия в проявлении интернального и экстернального локуса контроля (табл. 6).

Таблица 6. Проявление интернального и экстернального локуса контроля у семейных пожилого возраста (%)

Показатель	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Интернальный локус контроля	14	78	8
Экстернальный локус контроля	8	63	29

Таким образом, у **семейных лиц**, пожилого возраста преобладает средний уровень интернального и экстернального локуса контроля. Для определения взаимосвязи между уровнем потребности в познании и потребностью семейных лиц пожилого возраста был произведен корреляционный анализ с применением коэффициента Пирсона. На уровне впечатления коэффициент Пирсона составил ($r = 1$, при $p \leq 0,05$). Следовательно, большему уровню потребности в познании соответствует большая величина потребности. На уровне любознательности и целенаправленности получено значение ($r = -1$, при $p \leq 0,05$). Таким образом, потребность у данной категории пожилого возраста имеет обратную зависимость. При увеличении показателей уровня познания, потребность будет снижаться. Выявлено, что при преобладании среднего уровня локус контроля семейные лица пожилого возраста могут контролировать окружающую информационную реальность и владеть ею. Семейные пожилого возраста имеют выраженную эмпатию (9,1) и манипулятивизм (7,2), что говорит о низкой потребности. На уровне любознательности и целенаправленности получено значение ($r = -1$, при $p \leq 0,05$). Следовательно, при увеличении показателей уровня познания, будет снижаться психологическое благополучие семейного пожилого возраста и его стрессоустойчивости после получения негативной информации в сети интернет существует обратная зависимость. Они испытывают больший эмоциональный дискомфорт при низком уровне стрессоустойчивости и тем самым больше подвергаются информационным воздействиям. Главной составляющей обеспечения информационного воздействия на семейных лиц пожилого возраста, является про активная про-

социальная стратегия «забота о другом». Она и выступает как стабилизатор субъективного контроля (табл. 7).

Таблица 7. Результаты анализа просоциального поведения семейных лиц пожилого возраста

Критерии	Лица пожилого возраста, проживающие в семье (замужем/женаты)
Эмпатия	9,12
Нарциссизм	3,02
Социальная тревожность	3,75
Альтруизм	4,15
Инфантилизм	3,12
Манипулятивизм	7,16

Таким образом, у **семейных** лиц пожилого возраста выражены, эмпатия и манипулятивизм. Эмпатии положительно влияет. Манипулятивизм предполагает ответственность, личную выгоду, тщательное взвешивание. В купе с эмпатией, манипулятивизм способствует развитию способности в раскрытии другого человека, что говорит о низкой потребности в обеспечении информационной угрозы. Семейные пожилого возраста имеет значительно выраженный эмоциональный комфорт (58,6%), но это не дает гарантии благополучия в информационном пространстве, в связи с тем, что уровень стрессоустойчивости становится довольно низким при получении негативной информации и минимальной удовлетворенностью жизнью. Для семейных граждан значимым является активность в сети Интернет. Низкий уровень внушаемости у семейных лиц пожилого возраста (48,3%) способствует благоприятной обстановке. При высокой зависимости и возможности манипуляций.

Сравнительная характеристика благополучия **семейных и одиноких** пожилого возраста

Гипотеза о различиях в проявлении **психологического благополучия** одиноких пожилого возраста и семейных, не подтвердилась. Психологическое благополучие лиц пожилого возраста, семейных и у одиноких находится в большей степени в зоне умеренного эмоционального комфорта. Следовательно, внушаемость у одиноких пожилого возраста не выше внушаемости у пожилого возраста, которые проживают в семье. Анализ степени внушаемости у участников двух групп по семейному положению показал, что лица пожилого возраста, проживающие в семьях, менее подвержены данному фактору по сравнению с одинокими лицами данной возрастной категории. При этом, для семейных граждан наиболее значимым критерием является активность в сети Интернет. Для одиноких – подверженность манипуляциям в сети Интернет. Результаты корреляционного анализа показали при воздействии информационного пространства и трудового и семейного положения пожилого возраста на психологическое благополучие, внушаемость, и локус контроль и при активности в сети Интернет, подвергаются манипулированию, низкой стрессоустойчивости, высоком уровне зависимости от сети. Многие пожилого возраста очень восприимчивы к чужому мнению и легко попадают под влияние различных пропагандистов. Через какое-то время полученная таким способом информация начинает выдаваться за собственную мысль. С помощью негативной информации происходит воздействие на индивидуальное сознание. Надо помнить, что внушаемость является опасным социально-психологическим фактором пожилого возраста. Следовательно, при обе-

спечении негативной информации пожилых людей следует учитывать, что чем ниже уровень внушаемости, тем выше способность противостоять информационным воздействиям и рискам, даже при активном взаимодействии с сетью Интернет. Уровень внушаемости пожилого возраста находится в зависимости от личностных и ситуативных факторов. Чем выше степень внушаемости, тем больше наблюдается рост доверчивости, впечатлительности, тревожности, которые влияют на обеспечение информационных воздействий не с лучшей стороны. При низком уровне внушаемости срабатывает групповой фактор, который обеспечивается наличием работы. Чем больше группа, тем меньше зависимость от информационного пространства. Психологическое благополучие является уровнем удовлетворенности пожилого возраста в зависимости от жизнедеятельности, позитивного отношения. Процесс старения напрямую связан с эмоциями, выраженными увеличением аффективных реакций, грустью, сентиментальностью, тревожностью, утомляемостью, беспомощностью. В общем виде эмоциональный фон пожилых лиц чрезвычайно понижен с постоянной загруженностью в свой внутренний мир, либо, наоборот, связан с эксцентричностью. По мере взросления человека, выхода на пенсию его жизненная ситуация меняется, он играет определенную роль в обществе и семье. Эта неопределенность часто негативно сказывается на психическом состоянии пожилого возраста. Им не хватает жизненного опыта, знаний и таланта. Они очень нуждаются в общении, ощущении своей полезности и участия в любой работе. Когда пожилой возраст лишен психологического благополучия, они в большей степени подвержены воздействию информационного пространства, так как у них отсутствует устойчивость к информационному воздействию, контроль над переживаниями. Исследования подтверждают, что пожилой возраст обладает достаточно стабильным психологическим благополучием, внушение активизирует жизнь человека и является наиболее незаметным видом воздействия на человека, его психику и поведение, феномен просоциального поведения является стимулятором личностного развития в пожилом возрасте. В настоящее время при влиянии информационного воздействия активные пожилые люди испытывают эмоциональную тревожность, сопротивление, адаптацию либо истощение. Высокий уровень психологического благополучия семейного пожилого возраста полностью взаимосвязан с высоким уровнем стрессоустойчивости в информационном пространстве ($r = 1$, при $p \leq 0,05$), то доказано, что со стороны психологического благополучия практически не требуется поддержки. Работающие лица, пожилого возраста, испытывают меньший эмоциональный дискомфорт при высоком уровне стрессоустойчивости и тем самым меньше подвергаются информационным воздействиям. Снижение уровня внушаемости у одиноких пожилого возраста способствует благоприятной обстановке. В настоящее время для одиноких людей по уровню внушаемости актуально повышение информационного воздействия. Исследования показали и подтвердили, что человек пожилого возраста обладает достаточно стабильным психологическим благополучием, внушение играет важную роль, пожилого возраста достаточно оптимистичны, уверены в себе, обладают субъективным контролем. Чаще всего это и оказывает решающую роль при влиянии информационных воздействий. Психологическое благополучие является уровнем удовлетворенности пожилого возраста в зависимости от жизнедеятельности, позитивного отношения. Процесс старения напрямую связан с эмоциями, выраженными увеличением аффективных

реакций, грустью, сентиментальностью, тревожностью, утомляемостью, беспомощностью.

Критериями обеспечения информационного воздействия по уровню психологического благополучия были определены стрессоустойчивость и удовлетворенность жизнью.

Высокий уровень стрессоустойчивости и низкий эмоциональный дискомфорт определяют более высокий уровень психологического благополучия у пожилого возраста. Корреляционный анализ показал, что уровень психологического благополучия одиноких пожилого возраста и проживающих в семье, находится в прямой зависимости от уровня стрессоустойчивости и в обратной зависимости от уровня эмоционального дискомфорта, от жизнедеятельности, позитивного отношения. В работе показано, что в структуре представлений психологического благополучия у пожилого возраста одно из ключевых мест занимает воздействие информационного пространства. У респондентов пожилого возраста преобладает ориентация на ценности семейного характера. В структуре предоставлений о благополучии при информационном воздействии именно компоненты, связанные с общением поддержанием тесных духовных связей с семьей, трансляция ценностей представляются базовыми для пожилого возраста, уступая материальным ценностям. Показана взаимосвязь между личностными характеристиками и показателями психологического благополучия в ситуации информационного воздействия. Подтверждено, что отношение к себе и оценка жизни служит базисом не только развития состояния психологического благополучия в рамках информационного пространства, но также отражает оценку себя в различные временные промежутки, с позиции ответственного человека. Выявлена взаимосвязь между особенностями социальной коммуникативной сферы пожилого возраста, которые позитивно отражаются на уровне психологического благополучия. Позволяющие всегда сделать пожилому возрасту правильную оценку получаемой информации. Содержательно, наши предложения иллюстрируются сравнительным и корреляционным анализом результатов.

Литература

1. Донцов А.И. Доверие и субъективное благополучие как основание психологической безопасности современного общества / А.И. Донцов, Е.Б. Перелыгина, О.Ю. Зотова [и др.]. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. – 578 с.
2. Ежевская И.Т. Личностные ресурсы в обеспечении информационной угрозы. Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология № 1(25),-2014, Чита: УДК 152.3 ББК Ю952 ISSN2307–1818
3. Сочивко Д.В. Методология и метод исследования просоциального поведения / Д.В. Сочивко, С.К. Бондырева // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 4(49). – С. 23–33.

STUDIES OF SELECTED PERSONAL CHARACTERISTICS THAT IMPROVE THE LEVEL OF WELL-BEING IMPACT IN THE INFORMATION SPACE

Berestok T.B.

Moscow State University for the Humanities (Moscow State University)

The results of the correlation analysis showed that under the influence of the information space and the labor and marital status of the elderly on psychological well-being, suggestibility, and locus control, and during Internet activity, they are manipulated, low stress resistance, and a high level of dependence on the network. When the elderly are deprived of psychological well-being, they are more ex-

posed to the information space, since they lack resistance to information influence, control over their experiences. Research confirms that the elderly have a fairly stable psychological well-being. The article shows the relationship between personal characteristics and indicators of psychological well-being in a situation of information influence. It has been confirmed that the attitude towards oneself and the assessment of life serves as the basis not only for the development of a state of psychological well-being within the information space, but also reflects the assessment of oneself at various time intervals, from the position of a responsible person. A relationship has been identified between the characteristics of the social communicative sphere of the elderly, which have a positive impact on the level of psychological well-being.

Keywords: psychological well-being, work, marital status, old age.

References

1. Dontsov A.I. Trust and subjective well-being as the basis of psychological safety of modern society / A.I. Dontsov, E.B. Perelygina, O. Yu. Zotova [and others]. – Ekaterinburg: Humanitarian University, 2018. – 578 p.
2. Ezhevskaya I.T. Personal resources in ensuring information threat. Humanitarian vector. Series: Pedagogy, psychology No. 1(25), –2014, Chita: UDC152.3 BBK Yu952ISSN2307–1818
3. Sochivko D.V. Methodology and method for studying prosocial behavior / D.V. Sochivko, S.K. Bondyрева // Applied legal psychology. – 2019. – No. 4(49). – pp. 23–33.

Бикметов Евгений Юрьевич,

д.с.н., профессор кафедры цифровых технологий в экономике и управлении, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: bicprof@mail.ru

Лукьянов Аркадий Викторович,

д.ф.н., профессор кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий
E-mail: ark.lukjanov@yandex.ru

Марюшко Анна Валерьевна,

аспирант кафедры философии, истории и социального инжиниринга, Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: awm08@list.ru

В статье авторы исследуют социально-правовые и культурные регуляторы общественной жизни. Научная новизна работы заключается в том, что право соотносится с трансцендентальным подходом к познанию общественной жизни, что предполагает относиться к человеку как к самоценной личности. Необходимо исходить из трансцендентального принципа интерперсональности, согласно которому человек есть цель, а не средство для достижения справедливой жизни. Право проявляется через способность людей к творчеству, что связано с нравственным долгом и свободой человека. Другим элементом новизны выступает оценка способа производства, который формирует политическую и духовную жизнь. Правовое государство есть субстанциальная форма духовности, ориентированная на общечеловеческие и нравственные ценности.

Ключевые слова: социально-правовые и культурные регуляторы, общество, личность, государство, свобода, право как регулятивное измерение ценности, способ производства как политическая и духовная жизнь, правовое государство.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена возрастанием в современных кризисных условиях роли права как регулятора социальных и культурных отношений, необходимостью осмысления его роли в философском аспекте. Цель настоящего исследования состоит в исследовании социально-правовых и культурных регуляторов общественной жизни. Научная новизна работы заключается в том, что рассмотрение права в рамках трансцендентального подхода к познанию общественной жизни предполагает отношение к людям как самоценным личностям. Право проявляется через способность людей к творчеству, что связано с нравственным долгом и свободой человека. Другим элементом новизны выступает оценка способа производства, который формирует политическую и духовную жизнь. Правовое государство есть субстанциальная форма духовности, ориентированная на общечеловеческие и нравственные ценности.

Аксиологическое измерение правовой культуры, сознания представлено в ряде исследований отечественных авторов [1]. Проводятся исследования соотношения категорий права и нравственности [2]. Исследователи полагают, что если правовые установления отрываются от духовно-нравственного начала общественной жизни, то возникает риск утраты законодательно-нормативными актами функции обеспечения справедливости [3, с. 110].

Право есть то, что погружает человека в глубину опыта, а это вызывает необходимость духовного признания другого человека и в то же время признание «закона» [4, с. 365]. Право, правовое сознание имеет основную ценность, которая проявляется в способности к творчеству. А творчество есть нечто стихийное и целенаправленное регулирование. Но закон есть «святыня» всего мира. Жизнь в праве есть некая «совершенная жизнь» [5, с. 34].

Исследование социально-правовых и культурных регуляторов общественной жизни требует конкретизации содержания права. Право как целенаправленное и стихийное регулирование находится под влиянием морального самосознания. Долг человека – это культурно-нравственный регулятор социальной жизни, поскольку любовь и уважение к людям, в целом, способствуют развитию регулятивного измерения ценности. Право не только социальный и культурный регулятор. Оно выступает и как целенаправленно регулируемое. Право выражается в человеколюбии как главной добродетели, предполагает преодоление человеконенавистничества, смягчает антигуманный дух. Трансцендентальный подход к исследованию регуляторов общественной жизни становится мотивом, который соотносится с долгом. Право, опираясь на наличные условия, способно стать силой, которая формирует общество [6, с. 169]. В обществе действуют стихийные силы, которые зачастую являются сверхчувственными, нематериальными. Не следует исходить из «умопостигаемого мира», поскольку он связан с «трещиной», которая проходит через бытие. Законы, будучи соотнесенными с непродуктивностью человеческого бытия, обусловлены социально-исторической конкретностью. Поэтому возникает проблема единения силы права, правовой культуры с силой закона.

Современное российское общество нуждается в повышении нравственной и правовой культуры. Нравствен-

ность составляет предпосылку общественной гармонии. Общество не подчиняется юридическому позитивизму. В массовом сознании доминирует установка, что если «очень хочется, то все возможно» [6, с. 174].

Право есть многоаспектное понятие гуманитарных дисциплин. Обоснование нравственной ценности создаст позитивное состояние духа и способствует утверждению правовой жизни, в которой действует принцип: человек ограничивает свою свободу, чтобы дать реализоваться свободе другого «Лица». В истории общества «действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» [7, с. 306]. В данном отношении право, как социальный регулятор общественной жизни заключает в себе стихийное и сознательное начало. Право, как целенаправленное регулирование есть гармоническое единство стихийного и целенаправленного регулирования.

Общество фундирует концепции, которые развиваются в русле социального реализма. Акцентируя внимание на истории духа, оно связано с «индивидуальными импульсами совершения человеком того ли иного поступка» [8, с. 709]. Общество – фундаментальная универсалия философии и социологии. Заметим, что философско-социологический анализ права как социального регулятора возможен только на основе исследования его идеальной модели. Но выявление внутренней необходимости социального процесса возможно лишь при условии освобождения управления социальными процессами от конкретно-исторической культурной формы. Заметим, что общество есть целостный организм. Части организма оказывают влияние друг на друга. В то же время они находятся в отношении соподчинения.

Заметим, что в современных условиях наиболее полное обоснование культурных регуляторов общественной жизни возможно в контексте понимания человека, который должен рассматриваться в контексте социального действия, и это действие связано с установлением «смысла», понимания намерений и целей взаимодействия. Люди осознают общие цели и задачи, причем, нравственность, благодаря праву, приподнимается до совершенства. Полагаем, что эволюция общества может быть рассмотрена как мегаэнтропийный процесс, который приводит к повышению уровня социальной организации. Культурные регуляторы жизни связаны с культурными поколениями людей. Постмодернистская философия рассматривает общество как то, что претендует на статус универсального, которое противостоит индивидуальному бытию человека. Но общество существует благодаря культуре. В качестве специфической может выступать маргинальная культура, которая именуется периферийной, пограничной, отличной от «срединной» культуры. Такая культура рождается при отказе людей от традиционной культуры. Сегодня люди не могут развиваться, если отсутствует самосознание. Научная методология познания должна обеспечивать основу целодостижения субъекта управления. При этом органы государственной власти регулируют цели человека, но они не составляют абсолютный авторитет. Культура есть универсалия, которая обращается к чувству эстетического удовольствия. В критике «Практического разума» И. Кант рассматривал волю человека как автономную волю, которая лежит в основе «категорического императива» [9]. Воля человека связана с гуманитарной культурой, формированием личности человека. Но путь к свободе пролегает через красоту человеческих взаимоотношений, через решение духовных задач общества. Не следует сущность идеализма связывать с фи-

лософским образованием. Целостность организма осуществляется через взаимную связь. Человек не приходит к желаемому результату, поскольку выдвигает свой результат, исходя из представления агностических пределов. Метафизика истории не допускает догматизма. Поэтому из человеческой истории следует исключить поступки свободной воли, ноуменальную реальность. Однако философия истории часто не соответствует действительной сути. История в основном связана с пониманием ее закономерного хода, уходит своими корнями в тот тезис, «чтобы делать все, что угодно» [10, с. 80]. Понятие воли есть «единственное из всех возможных, которое имеет свой источник не в явлении... а исходит изнутри, вытекает из непосредственного сознания каждого, сознания, в котором каждый познает собственную индивидуальность в ее существе...» [11, с. 141]. Нравственная воля может иметь сильную и слабую формы. Но воля есть средство властности. Нравственная воля связана с обществом. Но сильной волей обладают немногие. Власть есть нечто иррациональное, влияющее на достижение целей. Воля влияет на властные отношения. Политическое уничтожение связано с падением авторитета политических лидеров. Воля как единство рационального и иррационального начал жизни выступает основанием управленческого творческого потенциала. Но страсть человека должна соотноситься с образованностью человека, его высокой нравственностью. Занятие ключевых позиций во властных структурах связано с амбициями, ярко выраженной потребностью во власти, волей человека, политической групповой поддержкой.

Право, как социальный регулятор общества, связано с поведением человека и его устремлениями. Воля лежит в фундаменте власти, есть определенная потенция, связанная с утверждением независимости. Человек не в состоянии принуждать другого к совершению действия. Но нравственная воля обладает духовным носителем, который развивается свободно и в самом себе. В данном отношении право, как регулятивное измерение ценности, есть единство стихийного и целенаправленного регулирования общественных отношений. Право, как дух закона, есть его некая глубинная сущность. Но право, правовое сознание имеет ту основополагающую ценность, согласно которой человек имеет способность к творчеству. А творчество есть нечто стихийное и одновременно целенаправленное регулирование. Однако закон – это «святыня» всего мира. Поэтому право означает некую совершенную духовность, которая обращает нас к конкретизации права как регулятора жизни.

Право, как рациональное и иррациональное регулирование, находится под определяющим воздействием общества. Способ производства, который находится под непосредственным влиянием научно-технического базиса, определяет политическую и духовную жизнь, формирует интересы человека. Российскому обществу необходимы реформы, которые продвигали бы его в направлении правового государства. Современное общество и государство, пронизывая человека духом гражданственности, наращивают духовный, интеллектуальный и технологический потенциал, который постепенно освобождает человека от смыслового разрыва «между мотивом и действием» [12, с. 171]. Власть, особенно государственная, гармонизирует общие и отдельные интересы. При этом необходимо реализовывать «непосредственное укоренение особенного во всеобщем» [10, с. 330]. Право в этом плане есть источник силы государства.

Право и власть взаимодействуют в диалектическом плане. Нам думается, что право не только нуждается в государстве, но и выходит за границы государственной власти. Право есть некая сущность закона. Еще М. Ве-

бер считал политику как стремление людей и народов к участию во власти чем-то процессуальным, которое направлено на реализацию интересов человека в форме конфликта или консенсуса [13, с. 646]. Право, правовое сознание имеют ту ценность, которая выражает себя в способности к творчеству. Творчество есть единство сознательного и бессознательного. Заметим, что право не может существовать без творческой деятельности людей. Но право все же требует своей реализации. Политика, в отличие от права, не может существовать без политической культуры. Последняя связана с формированием демократического государства. Демократия хотя и является несовершенной, тем не менее, лучше, чем она человечество не придумало.

В современной России рыночная экономика нуждается в системе твердых правил. Человек при этом нуждается в развитом правосознании и нравственности. Но сила государства состоит в обеспечении правопорядка, который основан на гуманном духе как важнейшей ценности. Именно право, на наш взгляд, способно служить основой для справедливой политики. Политическая культура отражает интересы большинства населения. В связи с этим в России политические силы вполне могут проводить общенародную политику, способствуя развитию и совершенствованию механизмов правового государства.

Мудрость есть знание порядка. Ведь порядок – это некий союз людей. Демократия, на наш взгляд, связана с устойчивостью, базирующейся на культурных традициях. Люди должны следовать «золотой середине» в своих поступках. А это и есть добродетель, которая является организационным фактором осуществления порядка. Право как культурный регулятор общественных отношений означает добродетель, устойчивость и упорядоченность.

Социально-правовые и культурные регуляторы общественной жизни формируются в направлении синергетики. Но право приходит в соприкосновение с согласованностью действий, что не противоречит синергетическому восприятию мира [14, с. 20–21].

Общественные системы есть системы самоорганизующиеся. При этом самоорганизация формируется благодаря отклонениям от точки равновесия, от флуктуаций. Социальные системы связаны с творческой деятельностью людей. Заметим, что духовная, творческая деятельность подчиняется диалектике стихийного и сознательного. Социальные и культурные регуляторы жизни включают в себя новое, а источником нового является нечто случайное. Игнорирование случайного обедняет общественную жизнь. В настоящее время открытые неравновесные системы отличаются случайными отклонениями. Но эволюционная лестница отличается смертью систем. Смерть ускоряет эволюции. Именно поэтому процессы самоорганизации, протекающие в социальной системе, являются очень сложными [15, с. 229–252].

Когда мы переходим к рассмотрению процесса перехода от хаоса к порядку, то можно заметить, что порядок содержит потенцию самоопределения социальной системы. Открытое общество как духовная система основано на той идее, согласно которой процессы самоограничения самосознания и его самоопределения связаны с тем, что субъекты принимают «личные решения» [16, с. 218]. Но свободный выбор человека сопряжен с законом и правом. Право, как целенаправленное и стихийное регулирование, определяет духовную жизнь общества. Ведь право есть первая стадия духовной жизни, и она необходима для формирования правового государства.

Социально-правовые регуляторы общественной жизни связаны с вопросом о границах исследования реаль-

ности. Но действительность не поддается конструированию, измышлению реальности. Душа человека есть нечто самостоятельное, она выходит за границы эмпирического опыта, есть основа душевной и духовной жизни. Дж. Локк полагал, что ощущения есть источник познания реальности. Д. Юм подвергал сомнению силу возможности познания. Однако познание правовой реальности – это то, что связано с объективным миром. Душевный мир человека все же соотносится с идеальными образами. Но социально-правовые регуляторы опираются на правовую и гуманитарную культуру. Эта культура расширяет границы и возможности познания в осмыслении пределов жизни людей. Культурные регуляторы представляют собой массив правомерного поведения.

В гуманитарном познании «деятельность» играет в методологическом отношении центральную роль. Социально-правовые регуляторы отталкиваются от идеи универсальной характеристики человеческого мира». Универсальный человек, т.е. человек всех своих потенций, есть целенаправленный процесс. В данном отношении правовая деятельность выражается в активном, нравственном отношении субъекта к системному и сложному миру. Опыт взаимосвязи социального субъекта и правовой реальности формирует предпосылки правовых условий существования.

Право выступает важнейшим регулятором социальных и культурных отношений. Свобода как субстанция права имеет антиномичную природу, имеющую не только созидательный, но и разрушительный потенциал, если «она не будет ограничена ценностями высшего порядка» [17, с. 96]. В данном отношении право соотносится с совестью человека. Право как регулятивное измерение ценности есть единство стихийного и целенаправленного регулирования, находится под воздействием общества.

Современному российскому обществу необходимы социально-ориентированные реформы. Выходом из сложно ориентированной ситуации является совершенствование механизмов и институтов правового государства, которое регулирует политическую и духовную жизнь.

Литература

1. Кисенко Н.П. Проблемы формирования правовой культуры в современном социокультурном пространстве // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10. С. 194–199.
2. Прончев К.Г. Чичерин и Толстой: два взгляда на отношение права и нравственности // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 335–348.
3. Циткилов П.Я. Культурно-религиозные, политические и нравственно-правовые особенности функциональной матрицы евразийско-общерусской цивилизации // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 9. С. 106–113.
4. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т.: Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – 620 с.
5. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Республика, 1994. – 367 с.
6. Иконникова Г.И. Философия права / Г.И. Иконникова, В.П. Ляшенко. – М.: Юрайт, 2012. – 364 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 745 с.
8. Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 532 с.

9. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / Вступ. ст. Я.А. Слина. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с.
10. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
11. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Пер. с нем. Ю. Айхенвальда; вступит. ст. А. Маркова. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 616 с.
12. Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В., Пушкарева М.А. Интерпретация собственности в социально-политических концепциях И.Г. Фихте и И. Канта // Kant. 2019. № 2 (31). С. 167–171.
13. Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено; коммент. А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
14. Хакен Г. Синергетика / Пер. с англ. В.И. Емельянова / Под ред. Ю.Л. Климонтовича, С.М. Осовца. – М.: Мир, 1980. – 404 с.
15. Рузавин Г.И. Концепции современного естествознания. – М.: Проект, 2004. – 332 с.
16. Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ., под общ. ред. В.Н. Садовского. В 2 т.: Т. 1. – М.: Культ. инициатива, 1992. – 525 с.
17. Полозова И.В. Свобода как субстанция права // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 94–96.

SOCIO-LEGAL AND CULTURAL REGULATORS OF SOCIAL LIFE

Bikmetov E. Yu., Lukyanov A.V., Maryushko A.V.

Ufa University of Science and Technology, Ufa State Petroleum Technical University

In the article the authors study socio-legal and cultural regulators of public life. The scientific novelty of the work lies in the fact that law correlates with the transcendental approach to the cognition of social life, which implies treating a person as a self-valuable individual. It is necessary to proceed from the transcendental principle of interpersonalit, according to which a person is an end and not a means to achieve a just life. The right is manifested through the ability of people to create, which is connected with moral duty and human freedom. Another element of novelty is the evaluation of the mode of production that shapes political and spiritual life. The rule of law is a substantive form of spirituality, oriented to universal and moral values.

Keywords: socio-legal and cultural regulators, society, personality, state, freedom, law as a regulative dimension of value, mode of production as political and spiritual life, legal state.

References

1. Kisenko N.P. Problems of formation of legal culture in the modern socio-cultural space. *Society: philosophy, history, culture*, 2023, no. 10, pp. 194–199. (In Rus.).
2. Prontchev K.G. Chicherin and Tolstoy: two views on the relationship between law and morality. *Social and humanitarian knowledge*, 2020, no. 3, pp. 335–348. (In Rus.).
3. Tsitkilov P. Ya. Cultural-religious, political and moral-legal features of the functional matrix of the Eurasian-Common Russian civilization. *Social and humanitarian knowledge*, 2023, no. 9, pp. 106–113. (In Rus.).
4. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness // Ilyin I.A. *Collected Works in 10 vol. Vol. 4.* – Moscow, Russkaya kniga, 1994,– 620 p. (In Rus.).
5. Vysheslavtsev B.P. The Ethics of Transformed Eros / intr. art. V.V. Sapov. – Moscow, Respublika, 1994,– 367 p. (In Rus.).
6. Ikonnikova G.I. Philosophy of law / G.I. Ikonnikova, V.P. Lyashenko. – Moscow, Yurait, 2012,– 364 p. (In Rus.).
7. Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 21. – Moscow, Politizdat, 1961,– 745 p. (In Rus.).
8. *The Newest Philosophical Dictionary*. 3rd ed., corrected. – Minsk: Knizhny Dom, 2003. – 532 p. (In Rus.).
9. Kant I. *Foundations of the Metaphysics of Morality. Critique of Practical Reason. Metaphysics of Morals* / intro. by Y.A. Slinin. – St. Petersburg: Nauka, 1995. – 528 p.
10. Hegel G.V.F. *Philosophy of Law*. – Moscow: Mysl, 1990. – 524 p. (In Rus.).
11. Schopenhauer A. The world as will and representation / Per. from germ. Y. Aikhenwald; intro. by A. Markov. – Moscow: RИPOL Classics, 2020. – 616 p. (In Rus.).
12. Bikmetov E. Yu., Lukyanov A.V., Pushkareva M.A. Interpretation of property in the socio-political concepts of I.G. Fichte and I. Kant // Kant, 2019, no. 2 (31), pp. 167–171. (In Rus.).
13. Weber M. *Selected Works* / comp. ed. and afterword. Y.N. Davydov; foreword by P.P. Gaidenko; commentary by A.F. Filipov. – Moscow: Progress, 1990. – 804 p. (In Rus.).
14. Haken G. *Synergetics* / transl. from engl. by V.I. Emelyanov; ed. by Y.L. Klimontovich, S.M. Osovets. – Moscow: Mir, 1980. – 404 p. (In Rus.).
15. Ruzavin G.I. *Concepts of Modern Natural Science*. – Moscow: Project, 2004. – 332 p.
16. Popper K. *Open Society and its Enemies* / transl. from engl., ed. by V.N. Sadovsky. In 2 vol. Vol. 1. – Moscow, Kult. initiative, 1992. – 525 p. (In Rus.).
17. Polozova I.V. Freedom as the Substance of Law. *Social and humanitarian knowledge*, 2022, no. 5, pp. 94–96. (In Rus.).

Исследование ценностных основ современных российских студентов

Стебляк Виктор Вадимович,

кандидат искусствоведения, доцент, кафедры театрального искусства и социокультурных процессов, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: steblyakvv@list.ru

Пищагина Юлия Александровна,

бакалавр кафедры театрального искусства и социокультурных процессов, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: julia_2001@inbox.ru

Буцан Анастасия Сергеевна,

кандидат культурологии, доцент, декан хореографического факультета, Московский государственный институт культуры
E-mail: anastasiagalkina@mail.ru

Чернов Алексей Сергеевич,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедры Социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры
E-mail: Chernov82@mail.ru

Целью статьи является изучение восприятия молодежи советских и либеральных ценностей в социокультурных условиях современной России. Для понимания происходящих процессов необходимо применение социокультурного подхода (М.С. Каган, А. Кребер, Л. Уайт) позволяющего с помощью анализа выявлять отношение молодежи к системным ценностям советской эпохи и их адаптация к ценностям современной культуры. Гипотеза исследования состоит в том, что советские ценности положительно воспринимаются современной молодежью.

Для проверки гипотезы нами было проведено анкетирование 150 респондентов среди молодых людей в возрасте от 16 до 23 лет, преимущественно студентов колледжей и ВУЗов. Молодым людям были заданы вопросы, касаемо реалий граждан советского периода. Респондентам предлагалось выбрать, принимают ли они особенности советской жизни, или нет.

Для реализации цели статьи авторами было проведено социологическое исследование на основе анкетирования и интервьюирования респондентов в возрасте от 16 до 23 лет. Проанализировав данные анкетирования нами, были сделаны выводы, что у современной молодежи Советский Союз ассоциируется со страной, в которой сильно развито образование, наука и культура. Граждане этой страны патриотичны и равны друг между другом.

Несмотря на позитивные ассоциации, представленные респондентами, анкетирование показало, что современным молодым людям ближе российские жизненные реалии и ценности, чем советские. Молодые люди принимают российские ценности практически во всех сферах: экономической, общественной, политической, досуговой, культурной. Данное анкетирование полностью опровергает гипотезу близости советских ценностей российской молодежи.

Мы систематизировали и применили в логике своих рассуждений исследования ученых, анализирующих ценности современной молодежи Ильина А.Н., Куликова С.В., Лукьянова О.В., Малаховой Е.В., Стебляка В.В., Тенгизовой Ж.А., Шапоренко А.Н. [4,5,6,7,8]

Ключевые слова: молодежь, социокультурный подход, советские ценности, современные ценности, анкетирование

Введение

Союз Советских Социалистических республик на протяжении всего своего существования формировал у граждан определенные нравственные принципы, которые складывались в четкую общенациональную идеологию. Советский союз имел официальную идеологию марксизма-ленинизма, которая закрепилась в 1977 году Конституцией СССР. Основными ценностями советского народа, согласно Программе Коммунистической партии Советского Союза 1961 года являлись «преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективная и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству; дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни...» [1]

В Конституции Российской Федерации, принятой после распада Советского Союза в 1993 году, в статье 13 указано, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие», а также то, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [2].

Однако 9.11.2022 года Указом Президента РФ был опубликован закон «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Основными ценностями российского общества являются: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, взаимное уважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». [3]

В Советское время идеологическому воспитанию молодежи уделялось особое внимание. Воспитание проходило как напрямую (воспитание в учебных заведениях, общественных организациях), так и через искусство (пролетарскую литературу, кинематограф, музыку, живопись и скульптуру).

Нами было сделано предположение, что современные молодые люди положительно относятся к нравственным и жизненным устоям, сформированным Советским государством. По нашему мнению, внедрение определенных ценностей, которые воспитывало государство в Советской молодежи, можно использовать для нравственного воспитания современных молодых людей. Это помогло бы в воспитании таких качеств, как преданность родине, стремление к сплоченности народа и достижению поставленных целей.

Основная часть

Актуальность данной статьи обусловлена отсутствием у современного российского населения общенациональной и общепризнанной идеологии, и как следствие, нехватки нравственных ориентиров у современной молодежи. Гипотеза исследования состоит в том, что советские ценности положительно воспринимаются современной молодежью.

Для проверки гипотезы нами было проведено анкетирование 150 респондентов среди молодых людей в возрасте от 16 до 23 лет, преимущественно студентов колледжей и ВУЗов. Молодым людям были заданы вопросы, касаемо реалий граждан советского периода. Респондентам предлагалось выбрать, принимают ли они особенности советской жизни, или нет.

Исходя из полученных данных, нами был сделан анализ опроса. Одним из самых популярных слов, с которым ассоциируется Советский Союз у молодых людей – стало слово «патриотизм». Его выбрали 101 респондент из 150. Наиболее популярными ассоциациями также оказались «образование», «космос» и «наука», «равенство», «культура», «величие». Если рассматривать негативные ассоциации, то респондентами были указаны «тоталитаризм» и «репрессии».

112 респондентов из 150 предпочитают самостоятельную покупку квартиры в противовес приобретению кооперативной квартиры, либо получению жилья за годы работы, на время работы.

Респондентам были заданы вопросы о советском и российском образовании и медицине. Как известно, в Советское время получить образование и медицинские услуги можно было полностью бесплатно, частных клиник и учреждений образования в то время не существовало.

Говоря о советском образовании, хотелось бы отметить, что поступить в ВУЗ мог только человек, обладающий набором определенных знаний и умений. В современной России граждане имеют возможность лечиться и получать образование как бесплатно, так и частным образом. Сейчас недостаток знаний, и как следствие, непоступление в учебное заведение на бюджетной основе можно компенсировать учебой за деньги.

На вопрос о способе предоставления медицинских услуг большая часть (119 респондентов) отметило, что предпочитает возможность лечения, как платно, так и бесплатно. Аналогичные ответы были получены и на вопрос о способе получения образования – 95 респондентов предпочитают возможность получения как платного, так и бесплатного образования.

В СССР «тунеядство» (отсутствие работы на государственном предприятии) каралось законом. В России применяют различные меры по борьбе с безработицей, к тому же безработные граждане имеют право получать пособие по безработице от 3 до 6 месяцев. В данном вопросе мнение респондентов разделилось: 70 респондентов считают российские действия по борьбе с безработицей более правильными, 70 считают – советские. 10 респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

В СССР путевки в санатории, дома отдыха, детские оздоровительные лагеря, на туристические маршруты выдавали практически всем государственным организациям. В России путевки выдают лишь некоторым сотрудникам ведомственных учреждений, однако сейчас граждане ездят на курорты, самостоятельно разрабатывая план своего отдыха. Больше половины респондентов (80 человек) предпочли возможность свободно планировать свой отдых. Однако и в этом вопросе мнения респондентов оказались практически равнозначными.

119 респондентов считают, что досуговая жизнь в России гораздо разнообразнее советской. Они отметили, что этому способствует большее разнообразие видов досуга, а также мест для его проведения; новые технологии – возможность проведения досуга в виртуальном мире; открытость с другими странами – как следствие, заимствование зарубежных видов досуга; больше свободы в выборе досуга из-за ослабления цензуры со стороны государства. Респонденты, которые считают советскую досуговую жизнь более разнообразной, отметили, что в советское время существовало гораздо больше организаций для молодежи (клубы, кружки по сферам деятельности, пионерское движение, молодежные союзы – Комсомол и т.п.); также респондентами было отмечено, что новые технологии наоборот пагубно повлияли на досуговую жизнь российской молодежи – постоянное проведение времени в интернете и социальных сетях уменьшило интерес молодежи к досугу в реальной жизни.

На вопрос об уровне безопасности граждан, многими респондентами (81 человек) было отмечено, что в России уровень преступности ниже, чем в СССР. 9 респондентов считают, что ни одна из предложенных стран не имеет достаточно низкий уровень преступности, 7 респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

СССР стремился к определенной социальной справедливости и равенству людей. В России отмечается большее социальное неравенство, однако у каждого человека есть возможность стать тем, кем он хочет, независимо от социального статуса. Большинство респондентов (101 человек) считают наиболее приемлемым получение благ по собственным заслугам, чем равное их распределение.

Согласно Конституции СССР, власть принадлежала народу (верховный орган власти – Совет народных депутатов), так же как и в России (верховный орган власти – Федеральное собрание РФ). Однако было отмечено, что некоторые респонденты (14 человек) не считают ни одну из вышеперечисленных стран демократичными, 7 респондентов затруднились ответить, 2 респондента думают, что страны Европы в сравнении с Россией и СССР более демократичные. Несмотря на это, большая часть считают, что в России демократия развита наиболее ярко.

Практически все респонденты (138 человек) считают, что более патриотичным было население Советского союза. По их мнению, этому способствовало патриотическое воспитание с детства и идеологическая пропаганда. К тому же немалое влияние на формирование патриотизма у советских граждан оказала Великая отечественная война, которая объединила народ во имя общей одежды. Как отмечают респонденты, также повлияли такие факторы, как всеобщее стремление строительства коммунизма, относительно равные условия жизни населения и «железный занавес», из-за которого советские граждане не знали, как живут люди в других странах.

88 респондентов считают, что в России культура и искусство развиты больше, чем в Советском Союзе.

Заключительный вопрос, который был задан респондентам, сформулирован так: «Как Вы считаете, в какой стране граждане чувствовали/чувствуют себя счастливыми?». 85 респондентов ответили, что в СССР люди чувствовали себя более счастливыми. Этому способствовала идеологическая пропаганда, сплоченность народа, общая для всех граждан цель, относительное равенство, уверенность в завтрашнем дне. Некоторые респонденты выдвинули мнения, что у советских людей было меньше потребностей, поэтому чувство счастья

для них было более достижимы. Некоторыми респондентами было сделано предположение, что современные технологии, гаджеты и интернет повлияли на формирование счастья у людей, так как они перестали жить в настоящем мире, все больше погружаясь в виртуальный.

49 респондентов отметили, что в России люди счастливее, потому что живут более свободно, имеют больше возможностей; к тому же бедности в России стало гораздо меньше, чем в Советском Союзе. 12 респондентов, однако, считают, что счастье человека зависит не от страны, а от него самого.

Заключение

Проанализировав данные анкетирования нами, были сделаны выводы, что у современной молодежи Советский Союз ассоциируется со страной, в которой сильно развито образование, наука и культура. Граждане этой страны патриотичны и равны друг между другом.

Несмотря на позитивные ассоциации, представленные респондентами, анкетирование показало, что современным молодым людям ближе российские жизненные реалии и ценности, чем советские. Молодые люди принимают российские ценности практически во всех сферах: экономической, общественной, политической, досуговой, культурной. Данное анкетирование полностью опровергает гипотезу близости советских ценностей российской молодежи.

Литература

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.)
2. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2020).
3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”
4. Молодёжная субкультура [Открытый интернет-источник]: статья. – <https://cyclowiki.org/wiki/> (дата обращения: 25.02.2023)
5. Стебляк В.В., Генова Н. Динамика социокультурных процессов в современном российском обществе // Культура и цивилизация 2019. – № 3 с. 13–21
6. Стебляк В.В. Ценностные модели современной российской цивилизации // Культура и Цивилизация. 2018. Том 8. № 6А. С. 109–118.
7. Тенгизова Ж.А. Влияние молодежных субкультур на процессы патриотического воспитания молодежи // Евразийский юридический журнал. – 2016. – N8 (99). – С. 318–320.
8. Фролов С.С. Социология. Учебник. Для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994–256 с.

STUDY OF THE VALUE FOUNDATIONS OF MODERN RUSSIAN STUDENTS

Steblyak V.V., Pishchagina Yu.A., Butsan A.S., Chernov A.S.

Omsk State University named after. F.M. Dostoevsky, Moscow State Institute of Culture

The purpose of this article is to study the perception of young people of Soviet and liberal values in the sociocultural conditions of modern Russia. To understand the ongoing processes, it is necessary to use a sociocultural approach (M.S. Kagan, A. Kroeber, L. White), which allows, through analysis, to identify the attitude of young people to the systemic values of the Soviet era and their adaptation to the values of modern culture. The research hypothesis is that Soviet values are positively perceived by modern youth.

To test the hypothesis, we conducted a survey of 150 respondents among young people aged 16 to 23 years, mainly college and university students. Young people were asked questions regarding the realities of citizens of the Soviet period. Respondents were asked to choose whether they accepted the features of Soviet life or not.

To realize the purpose of the article, the authors conducted a sociological study based on questionnaires and interviews with respondents aged 16 to 23 years. Having analyzed the survey data, we came to the conclusion that today's youth associate the Soviet Union with a country in which education, science and culture are highly developed. The citizens of this country are patriotic and equal to each other.

Despite the positive associations presented by respondents, the survey showed that modern young people are closer to Russian life realities and values than Soviet ones. Young people accept Russian values in almost all spheres: economic, social, political, leisure, cultural. This survey completely refutes the hypothesis of the similarity of Soviet values among Russian youth.

We systematized and applied in the logic of our reasoning the research of scientists analyzing the values of modern youth A.N. Ilyina, S.V. Kulikova, O.V. Lukyanova, E.V. Malakhova, V.V. Steblyak, Zh.A. Tengizova, Shaporenko A.N.

Keywords: Youth, sociocultural approach, Soviet values, modern values, survey

References

1. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977)
2. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020]. – Text: electronic // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 07/31/2020).
3. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”
4. Youth subculture [Open Internet source]: article. – <https://cyclowiki.org/wiki/> (access date: 02/25/2023)
5. Steblyak V.V., Genova N. Dynamics of sociocultural processes in modern Russian society // Culture and Civilization 2019. – No. 3 p. 13–21
6. Steblyak V.V. Value models of modern Russian civilization // Culture and Civilization. 2018. Volume 8. No. 6A. pp. 109–118.
7. Tengizova Zh.A. The influence of youth subcultures on the processes of patriotic education of youth // Eurasian Legal Journal. – 2016. – N8 (99). – P. 318–320.
8. Frolov S.S. Sociology. Textbook. For higher educational institutions. M.: Nauka, 1994–256 p.

Анализ образа современного туриста как инструмент оценки социокультурного потенциала региона: на примере курортного региона Кавказские Минеральные Воды

Гончарова Елена Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра туризма и гостиничного сервиса, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: elena-suschenko@yandex.ru

Гетманская Марина Юрьевна,

кандидат филологических наук, доцент, кафедра теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: getmanskaia@pgu.ru

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы формирования и развития социокультурного потенциала туристских территорий Российской Федерации. Особая значимость исследования состоит в том, что оно выполнено на примере одного из старейших в стране туристско-рекреационных кластеров, имеющего статус особо охраняемого эколого-курортного региона, группы курортов федерального значения, Кавказские Минеральные Воды. В настоящее время востребованность курорта среди туристов продолжает оставаться высокой в связи с возможностью реализации большого спектра их потребностей. Бальнеологические ресурсы, целебный климат и разнообразие рекреационных ландшафтов в регионе способствует восстановлению здоровья и работоспособности отдыхающих. Поэтому анализ социокультурного потенциала туристской территории является одной из важнейших задач построения комплексного стратегического планирования развития региона. А изучение образа современного туриста, приезжающего в регион, действительно становится значимым инструментом оценки социокультурного потенциала туристской территории.

Ключевые слова: особо охраняемый курортный регион, аттрактивность курорта, социокультурный потенциал, туристско-экскурсионная услуга, образ туриста

На территории региона Кавказских Минеральных Вод сосредоточен весь необходимый потенциал для удовлетворения потребностей населения в туристских услугах. При помощи средств бальнеологии, целебного климата и разнообразных рекреационных ландшафтов в регионе восстанавливается здоровье и работоспособность населения.

Анализу состояния и перспектив развития туризма на Кавказских Минеральных Водах посвящены социологические исследования разного характера. Это изучение рынка туристских услуг [5], рекреационной деятельности населения [3], географии образа жизни [11, с. 168]. Однако комплексные исследования социокультурного потенциала особо охраняемого региона Кавказских Минеральных Вод еще не проводились. С этой целью нами было проведено социологическое исследование. Для реализации поставленной цели потребовалось осуществление следующих задач:

- 1) выявить основные факторы, влияющие на выбор туристом места отдыха;
- 2) определить уровень развития услуг и востребованность курортов Кавказских Минеральных Вод в современном обществе;
- 3) найти зависимость выбора места отдыха от социального положения;
- 4) выявить производственные и социальные проблемы курорта.

Объектом исследования являлись отдыхающие в городах региона Кавказских Минеральных Вод разных возрастных категорий. Предметом исследования – выявление общей социокультурной ситуации на курорте, а также удовлетворенность отдыхающих деятельностью курорта.

В опросе участвовали отдыхающие в городах-курортах региона – Кисловодске, Пятигорске, Железноводске и Ессентуках, где хорошо представлена туристская отрасль. Анкета для исследования была составлена помощью сервиса Yandex Forms. В качестве опросного метода выбрано анкетирование, как самый информативный, объективный и распространенный способ социального измерения. Анкетирование проводилось анонимно в целях получения наиболее достоверной информации. Анкета включала закрытые и полужакрытые вопросы. Закрытые вопросы позволили более точно разделить мнения респондентов. Полужакрытые варианты ответов дали возможность разделить мнения опрашиваемых, но с учетом индивидуальных особенностей респондентов. Всего в опросе приняли участие 1500 отдыхающих.

В результате исследования были получены следующие данные. Среди респондентов в большинстве оказались местные жители из региона Кавказских Минеральных Вод (30,3%), Ставропольского края (21,2%) и республик Северо-Кавказского федерального округа (21,2%). Данные опроса показали, что регион является популярным местом для отдыха как у местных жителей, так и отдыхающих из соседних регионов, потому как города Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки и Железноводск образуют наиболее привлекательное туристско-

экскурсионное пространство, наполненное природными и культурными достопримечательностями. В число отдыхающих из отдаленных регионов России вошли жители Москвы и Московской области, Ростовской области, Краснодарского и Красноярского края, а также жители Ханты-Мансийского автономного округа.

Основными целями, которые преследуют отдыхающие, являются забота о своем здоровье (своих родных, близких) – 53,3%, развлечения – 33,3% и знакомство с туристскими маршрутами – 26,7%. Это говорит о том, что важнейшей специализацией курорта здесь продолжает оставаться санаторно-курортное лечение, которое является привычной частью национальной культуры [9].

Большинство отдыхающих признались, что бывали в регионе уже не один раз и первоначально узнали о нем от друзей и знакомых, либо из сети Интернет. Средняя продолжительность пребывания туристов на Кавказских Минеральных Водах составляет: 3 дня у 36,4% опрошенных, месяц и более – 22,7%, две недели – 31,8%, неделя – 9,1%. Данные результаты подтверждают то, что регион популярен для кратковременного отдыха среди населения Ставропольского края и близлежащих республик Северо-Кавказского федерального округа.

Респонденты, которые не раз отдыхают на Кавказских Минеральных Водах, говорят об изменении туристско-экскурсионной отрасли региона в лучшую сторону. Среди опрошенных 54,8% считают, что увеличился спектр экскурсионных маршрутов, благоустраиваются локации для отдыха и развлечений в регионе. Наиболее привлекательными экскурсиями среди отдыхающих оказались обзорные, природоведческие и историко-культурные (63,5%). Паломнические экскурсии выбрали 21,3% респондентов, а военно-патриотического и литературного направления по 7,6% опрошенных. Среди наиболее привлекательных объектов для отдыха туристы выбирают парки культуры и отдыха, которые есть в каждом курортном городе региона. Это основное место для проведения досуга населения и гостей Кавказских Минеральных Вод. Парки благоустроены фонтанами, тенистыми аллеями, необычными скульптурами, памятниками и архитектурой, живописными ландшафтами, озерами, а также терренкурами для активного туризма. Такого рода туристско-экскурсионное пространство удовлетворяет культурно-досуговые потребности населения [1, 127]. Также большинство опрошенных находит привлекательными памятники природы. И это не удивительно, ведь регион Кавказских Минеральных Вод богат природными памятниками, которые являются и символами региона [1, с. 47]. Среди них стоит выделить все 17 гор-лакколитов региона, озеро Провал, грот Лермонтова, гора Кольцо.

Архитектурные сооружения заняли второе место по данным опроса. Это говорит о том, что респонденты интересуются исторической архитектурой, ведь курортные города региона Кавказских Минеральных Вод в XIX веке начали застраиваться великолепными усадьбами, особняками, другими общественными зданиями, которые дожили до наших дней практически в первоначальном виде, многие из них связаны с известными личностями и богемой XIX века. Почти наравне с архитектурой у респондентов популярны памятники археологии, истории и культуры, во многом, их популярность обусловлена развитым культурно-познавательным туризмом в регионе Кавказских Минеральных Вод.

Что касается музеев, экспозиций и выставок, то сейчас они имеют небольшую популярность и это может быть связано с устаревшей материально-технической базой музеев. Однако выставки и экспозиции, проходящие в городах региона Кавказских Минеральных Вод,

в основном, являются передвижными и располагаются в таких выставочных центрах как «Лермонтовская галерея» в городе Пятигорск и «Пушкинская галерея» в городе Железноводске.

Статистика пользования респондентов услугами туристских компаний региона показала, что полученные ответы делятся почти пополам. Те, кто пользуется услугами туристских компаний Кавказских Минеральных Вод и не пользуются услугами вообще и предпочитают самостоятельное изучение туристско-экскурсионного пространства или с помощью интернет ресурсов. Лидерами в списке туристских компаний оказались туроператоры «Ладья» и «Лайт» города Пятигорска.

По привлекательности среди туристов города-курорты распределились в результате опроса следующим образом. Лидером в списке привлекательных городов-курортов оказался г. Кисловодск, вторым – г. Пятигорск, третье место у г. Железноводска и на четвертом месте – г. Ессентуки.

Качество предоставляемых туристско-экскурсионных услуг в регионе Кавказских Минеральных Вод по данным опроса не совсем устраивает отдыхающих. Результаты оценки оказались распределены следующим образом: «высокое» – 34,8%, «среднее» – 59,1% «низкое» – 6,1%. Однако для более точной статистики по данному опросу, по нашему мнению, необходимо отдельно опросить респондентов, которые пользуются услугами туристских компаний региона и могут объективно оценить качество предоставляемых услуг.

В целом 97% респондентов удовлетворены отдыхом на Кавказских Минеральных Водах. В основном они предпочитают отдыхать в регионе с друзьями (37,9%) или с семьей (30,3%). Парами предпочитают отдыхать 18,2%, а самостоятельные путешественники оказались в меньшинстве – 13,6%. Следует отметить, что всего лишь 39,1% респондентов довольны организацией детского отдыха. Большинство туристов считают, что необходимо провести реорганизацию детских санаториев и лагерей для улучшения качества и разнообразия детского отдыха в регионе. По их мнению, следует разнообразить детский отдых развлекательными парками, тематическими экскурсиями, интерактивными музеями. Необходимо и в целом совершенствовать туристско-экскурсионную сферу разнообразием событийных мероприятий, выставок, созданием новых локаций для отдыха и развлечения туристов разного возрастного сегмента. В регионе уже на протяжении нескольких лет реализуются такие мероприятия как «Фестиваль воздушных шаров», «Хрустальный источник», однако их недостаточно для привлечения массового потока туристов.

Среди перечня нетривиальных экскурсий существующих на сегодняшний день в регионе и заинтересовавших туристов акцент был сделан в пользу квест-экскурсий, конных экскурсий, интерактивных и виртуальных экскурсий, а также экскурсий на ретропоезде и воздушном шаре. Однако респонденты признались, что ранее никогда не слышали о таких, что говорит о слабой информированности организаторами потенциальных потребителей. В связи с тем, что спрос на отдых в регионе Кавказских Минеральных Вод возрастает среди молодежи, необходимо расширять спектр квест-экскурсий. Они позволяют глубже окунуться в атмосферу тематики экскурсии. Следует сказать, что данное направление в регионе Кавказских Минеральных Вод пока не совсем развито. Фото-экскурсии также заинтересовали респондентов. Прекрасные пейзажи, ландшафты региона завораживают, поэтому увлекательная фотосессия во время тура поможет туристу получить профессиональные снимки на фоне великолепных достопримечательностей. Сегодня туристы

с удовольствием становятся участниками интерактивных экскурсий с дополненной реальностью. В современном мире технический прогресс подарил нам возможности, о которых раньше люди только мечтали: отправиться в экскурсию по древнему миру, повстречать динозавров, древних людей и рассмотреть необычные леса, которые существовали на земле миллионы лет назад. В регионе Кавказских Минеральных Вод такую экскурсию предлагает мультимедийный музей Визит-центр национального парка «Кисловодский» в городе Кисловодске [7]. Также молодых путешественников интересуют такие активные направления отдыха как катание на лыжах и горных велосипедах, полеты на парапланах, рафтинг, пейнтбол и лэзтаг, а также джиппинг и квадрациклы.

Помимо этого, наше исследование показывает, что 70% отдыхающих частично, либо полностью реализовали свои ожидания от отдыха на курорте Кавказских Минеральных Вод, однако, их не устраивает уровень благоустройства региона. Причиной таких данных служит то, что 67% респондентов в основном недовольны состоянием дорог, зданий и окружающей среды (много мусора на периферийных улицах города). Это говорит о возросшей в настоящее время требовательности туристов.

По данным Российской Федеральной Службы Государственной Статистики в настоящее время средний прожиточный минимум на душу населения в России составляет 14.375 рублей [2]. Проводя исследование, мы пришли к выводу, что Кавказские Минеральные Воды посещают люди с достаточно высокими доходами. Более 76% приезжающих отметили, что их доход превышает средний прожиточный минимум. Данная категория отдыхающих приезжает по санаторным путевкам, продолжительность которых составляет от двух недель и до месяца. Это жители средней полосы России, Северо-Западного и Европейского Севера, Дальнего Востока и Западной Сибири. Доля туристов с низкими доходами на курортах мала. К этой категории относятся жители Ставропольского края, где отмечен низкий уровень благосостояния населения. Проведенный опрос показывает, что все же половина туристов Ставропольского края предпочитает отдыхать на Кавказских Минеральных Водах не более двух недель. По нашему мнению, выбор такого кратковременного отдыха определяется, скорее, близким расстоянием.

На основании обработанных данных по результатам опроса мы можем составить среднестатистический образ туриста, который будет служить неким ориентиром, в определении перспективных направлений, так как досуговые предпочтения отдыхающих, их мнение по поводу привлекательности и благоустройства туристско-экскурсионного пространства региона это один из факторов влияния на его развитие. На сегодняшний день это мужчина в возрасте 40–45 лет, житель Уральского федерального округа. Он знаком с целебными свойствами минеральных источников региона. Основная цель его поездки – забота о своем здоровье. Попутно он пользуется развлекательными услугами, и знакомится с туристскими маршрутами региона. На выбор места отдыха оказали влияние природно-климатические условия. О существовании Кавказских Минеральных Вод и качестве услуг в регионе он узнал от друзей и знакомых.

Отдыхающий считает себя обеспеченным человеком. Его доходы выше прожиточного минимума, что позволяет приобрести санаторную путевку. Продолжительность его отдыха составляет 14 дней. Здесь отдыхал уже несколько раз и, считает, что условия в регионе заметно меняются в лучшую сторону и курорт имеет высокий уровень востребованности в современных российских условиях.

Качеству предлагаемых услуг в целом в регионе он дает среднюю оценку. Отмечает хороший уровень познавательного и рекреационного видов туризма. По его мнению, спектр предлагаемых туристских маршрутов достаточно скуден и однообразен. Отдыхающий невысоко оценивает культурную инфраструктуру региона. По его мнению, среднее развитие, имеют лишь музеи, выставки и концерты, меньший уровень развития характерен для кинотеатров, а самый низкий у театров и библиотек. Индустрия развлечений также, по его мнению, имеет среднее развитие. Лидируют парки отдыха, спортивные и зрелищные предприятия.

Отдыхающий не достаточно удовлетворен качеством услуг по благоустройству региона. По его мнению, в неудовлетворительном состоянии находится уличное освещение, состояние дорог и пешеходных дорожек, терренкуры (отсутствие туалетов, стаи собак, отсутствие ограничений на пропуск машин в курортную зону). Но, тем не менее, он высоко оценил озеленение территории и эстетическое оформление курортной части городов. В целом он удовлетворен отдыхом в регионе и собирается вернуться на курорт еще не один раз.

Опираясь на проведенный нами анализ социокультурного потенциала и результаты социологического исследования, мы можем определить, какие перспективные направления могут способствовать развитию туристско-экскурсионного пространства региона. Кавказские Минеральные Воды имеют огромный потенциал, который требует развития. Особенности рельефа и климата служат ценными в целебном отношении факторами производства рекреационных услуг. Минеральная вода, лечебные грязи, а также туристско-рекреационные ресурсы региона дополняют друг друга и составляют социокультурный потенциал сферы туризма, который позволяет удовлетворять потребности туриста в лечебном, оздоровительном, экологическом, спортивном и рекреационном туризме.

Благодаря наличию историко-культурного наследия на курорте развивается познавательный туризм. Оно сформировалось в результате благодатных природных условий и удобного географического положения, которые издавна привлекали сюда людей из разных районов России, и они, в свою очередь, оставляли свой след в истории данного региона. Следовательно, регион Кавказских Минеральных Вод представляет собой туристско-рекреационный комплекс, который обладает всеми условиями способными сформировать необходимый социокультурный потенциал, для удовлетворения потребностей отдыхающих, не только в лечебно-оздоровительном направлении, но и в туризме. Но требуется принятие мер для усовершенствования курорта и выведения его на мировой уровень, на что и нацелено наше государство.

Подводя итоги, можно сказать, что данные, полученные нами в ходе социологического опроса, отражают то, как функционирует туристско-экскурсионное пространство в особо охраняемом регионе Кавказских Минеральных Вод на сегодняшний день. В целом, туристско-экскурсионное пространство удовлетворяет потребности туриста, большинство респондентов довольно своим отдыхом в регионе, хотя и считают, что качество предоставляемых услуг находится на среднем уровне.

На основе полученных нами результатов исследования можно выделить несколько проблем, связанных с обустройством туристской сферы региона и организацией туристско-экскурсионной деятельности, на которые стоит обратить внимание:

– устаревшая материально-техническая база многих культурных учреждений;

- необходимость реставрации экскурсионных объектов;
- средний уровень качества предоставления туристско-экскурсионных услуг в регионе;
- недостаточно развитая туристско-экскурсионная сфера для детского отдыха.

Также полезны результаты, касающиеся привлекательности городов-курортов Кавказских Минеральных Вод, ведь их облик и благоустройство туристско-экскурсионного пространства формируют привлекательность и востребованность у отдыхающих. Стоит обратить внимание на полученные данные, для того, что бы улучшить привлекательность туристско-экскурсионного пространства таких городов как Железноводск и Ессентуки, которые, по результатам опроса, не слишком популярны среди отдыхающих. Более того, большинство респондентов волнует реставрация экскурсионных объектов. Данный вопрос не стоит оставлять без внимания, так как внешний облик туристско-экскурсионного пространства построен вокруг экскурсионных объектов, которые его представляют, поэтому очень важно для attractiveness региона привести в порядок культурно-исторические, архитектурные памятники в городах-курортах региона Кавказских Минеральных Вод.

Полученная статистика помогает определить потребительский спрос на туристско-экскурсионные объекты и услуги, которые удовлетворяли бы потребности туристов и развивать туристско-экскурсионное пространство в этих направлениях. Особенно внимание привлекает тот факт, что отдыхающие заинтересованы в новых видах экскурсий, в том числе с использованием виртуальных технологий, а также фото и квест-экскурсии. Многие заинтересованы и в расширении спектра различного рода досуговых предприятий: фестивалей, выставок, что является фактором для продолжения развития событийного туризма в туристско-экскурсионном пространстве региона.

Тема развития экскурсионных направлений всегда будет актуальна и перспективна. Мир не стоит на месте, тенденции меняются довольно часто, а потребности туристов в проведении культурно-познавательного досуга не перестают существовать, даже наоборот, начинают приобретать специфические особенности в виде индивидуальных запросов, поэтому индивидуальные экскурсии начали приобретать популярность. В качестве разработки перспективных экскурсионных направлений, которые могут выступать в качестве индивидуальных или массовых экскурсий, мы предлагаем несколько вариантов.

Учитывая широкую известность великого поэта М.Ю. Лермонтова на Кавказских Минеральных Водах, признание его романа «Герой нашего времени» и популярность такого вида досуга как квесты, можно превратить культурно-познавательную экскурсию в нечто большее – маршрут квест-экскурсии «По следам Печорина». Экскурсанты, интерактивно вовлеченные в экскурсию, смогут почувствовать атмосферу эпохи XIX века и стать участниками в решении увлекательных заданий, связанных с историей романа и его героями. Такая экскурсия будет актуальна для школьников разных возрастных групп с учетом разработки для них подходящих заданий.

Другой вид экскурсионного направления – иммерсивная экскурсия по роману «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Концепция такой экскурсии строится вокруг актеров, одетых в наряды XIX века и создающих антураж того времени. Экскурсанты слушают экскурсовода и наблюдают за действиями героев, которые разворачивались в городе более 100 лет назад. Перемещение между локациями будет интереснее, если его органи-

зовать на ретро транспорте (дилижансе или омнибусе). По индивидуальным запросам, можно организовать наряды и аксессуары в стиле XIX века для всех участников, а также фотосессию с актерами.

Следующее экскурсионное направление, которое в перспективе можно реализовать в туристско-экскурсионном пространстве Кавказских Минеральных Вод – архитектурное. Экскурсия с гидом-архитектором, который поведает информацию и научит разбираться в архитектурных стилях городов курортов, о знаменитых и малоизвестных архитектурных достопримечательностях, о том, как они проектировались, подробно излагая историю каждого объекта и судьбу знаменитых архитекторов.

Как мы знаем, регион КМВ богат природными достопримечательностями и в экскурсионной деятельности, с самого момента ее основания, они являются неизменно популярными и, можно сказать, незаменимыми объектами экскурсионного показа. Многие путешественники любят запечатлеть живописные пейзажи с помощью фотоаппарата. Но сегодня мы можем предоставить экскурсантам, взглянуть по-новому на природу Кавказских Минеральных Вод и создать красивый пейзаж не через объектив, а кистью или карандашом. Практически каждый турист знаком с таким мероприятием как художественный мастер-класс и возможно многие были его участниками. Добавление в экскурсионную программу такого элемента как художественный мастер-класс принесет изюминку и уникальность в экскурсионную программу, а также подарит экскурсантам возможность создать свой пейзажный шедевр со знаменитыми природными достопримечательностями, который останется на долгую память об отдыхе на Кавказских Минеральных Водах.

Таким образом, подводя итог можно с уверенностью сказать, что, предпочтения отдыхающих – это важный, а иногда и ключевой показатель, определяющий перспективные направления развития туристско-экскурсионного пространства. Сформировавшийся в ходе исследования образ туриста и анализ полученных данных помогли определить некоторые перспективные направления, которые в дальнейшем могут способствовать развитию туристско-экскурсионного пространства региона:

- формирование программы популяризации социокультурного потенциала туристско-экскурсионного пространства Кавказских Минеральных Вод за счет активных рекламных кампаний в регионах России;
- привлечение инвесторов с целью проектирования и реализации программ, концепций по совершенствованию туристско-экскурсионного пространства;
- разработка мер по совершенствованию качества в сфере туристско-экскурсионных услуг, усиления контроля качества предоставляемых услуг;
- проведение плана мероприятий по реставрационным работам экскурсионных объектов для улучшения облика курортных городов и повышения их attractiveness.

Предложены в статье такие экскурсионные направления как обзорная экскурсия с элементами иммерсивности, квест-экскурсия, архитектурная экскурсия помогут масштабнее задействовать социокультурный потенциал городов Кавказских Минеральных Вод, обновить и разнообразить экскурсионную базу. Все это выведет регион на новый уровень развития на российском туристском рынке и позволит занять место рядом с наиболее развитыми и популярными дестинациями, туристско-экскурсионное пространство которых функционирует за счет использования всех имеющихся природ-

ных и культурно-исторических ресурсов, а также за счет качественной туристско-экскурсионной сферы услуг.

Литература

1. Батнасунов А.С., Лежебоков А.А., Сущенко Е.Н. Особенности туризма в современной России (на примере Кавказских Минеральных Вод). – Невинномысск. – 2005. – С. 47.
2. Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации // Официальный сайт Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ya.ru/search/>
3. Карасев А.С., Мажар Л.Ю. Методы исследования туристско-рекреационных ресурсов // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <file:///C:/Users/пвп/Downloads/metody-issledovaniya>
4. Майбога Ю. Благоустройство курорта продолжается // Общественно-политический еженедельник «Железноводские ведомости». – 2020. – № 18. – 29 апр. – С. 12.
5. Маркетинговое исследование рынка туристических услуг Российской Федерации 2017–2023 с прогнозом до 2035 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://expertcc.ru/upload/iblock/>
6. Отдыхающих на КМВ стало больше. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rol.ru>
7. Официальный сайт «Визит-центр музеев истории и природы национального парка Кисловодский» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kispark.ru/places/vizit-tsentr/>
8. Семенова Л. В., Мутаuchi Е.П., Социокультурное пространство города как ресурс развития туристской дестинации // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2017. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-goroda-kak-resurs-razvitiya-turistskoy-destinatsii>
9. Сущенко Е.Н. Туризм как сфера реализации досуговых ценностей в современном российском обществе (на примере Кавказских Минеральных Вод): дисс... канд. социол.н. – Ставрополь, 2006. – С. 127.
10. Черевичко Т.В. Туризм как система: методология исследования // Концепт. – 2015. – № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-kak-sistema-metodologiya-issledovaniya>
11. Швеиц, И. Ю., Czyż-Gwiazda, E., Demczuk, M. Развитие кластерной формы пространственной организации территории в сфере туризма // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2014. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-klasternoy-formy-prostranstvennoy-organizatsii-territorii-v-sfere-turizma>
12. Щитова Н.А. География образа жизни: теория и практика регионального исследования. – Ставрополь, 2005. – С. 168.

ANALYSIS OF THE IMAGE OF A MODERN TOURIST AS A TOOL FOR ASSESSING THE SOCIOCULTURAL POTENTIAL OF THE REGION: USING THE EXAMPLE OF THE RESORT REGION CAUCASIAN MINERAL WATERS

Goncharova E.N., Getmanskaya M. Yu.
Pyatigorsk State University

The article is devoted to the study of the actual problem of the formation and development of the socio-cultural potential of the tourist territories of the Russian Federation. The special significance of the study lies in the fact that it was carried out on the example of one of the oldest tourist and recreational clusters in the country, which has the status of a specially protected ecological resort region, a group of resorts of federal significance, Caucasian Mineral Waters. Currently, the demand for the resort among tourists continues to be high due to the possibility of realizing a wide range of their needs. Balneological resources, a healing climate and a variety of recreational landscapes in the region contribute to the restoration of health and efficiency of vacationers. Therefore, the analysis of the socio-cultural potential of the tourist territory is one of the most important tasks of building a comprehensive strategic planning for the development of the region. And the study of the image of a modern tourist coming to the region is really becoming an important tool for assessing the socio-cultural potential of the tourist territory.

Keywords: specially protected resort region, attraction of the resort, socio-cultural potential, tourist and excursion service, image of a tourist.

References

1. Batnasunov A.S., Lezhebokov A.A., Suschenko E.N. Features of tourism in modern Russia (on the example of Caucasian Mineral Waters). – Nevinnomyssk. – 2005. – p. 47.
2. The value of the subsistence minimum per capita and by the main socio-demographic groups of the population as a whole in the Russian Federation // The official website of Consultant Plus. [Electronic resource]. Access mode: <https://ya.ru/search/>
3. Karasev A.S., Mazhar L. Yu. Methods of research of tourist and recreational resources // Scientific electronic library «CyberLeninka» [Electronic resource]. Access mode: <file:///C:/Users/pvp/Downloads/methody-issledovaniya>
4. Mayboga Yu. The improvement of the resort continues // Socio-political weekly «Zheleznovodsk Vedomosti». – 2020. – No.18. – 29 Apr. – P. 12.
5. Marketing research of the tourism services market of the Russian Federation 2017–2023 with a forecast up to 2035 [Electronic resource]. Access mode: <https://expertcc.ru/upload/iblock/>
6. There are more tourists on the KMW. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.rol.ru>
7. The official website of the «Visit Center Museum of History and Nature of the Kislovodsk National Park» [Electronic resource]. Access mode: <http://kispark.ru/places/vizit-tsentr/>
8. Semenova L. V., Mutavchi E.P., Socio-cultural space of the city as a resource for the development of a tourist destination // Scientific result. Business and service technologies. 2017. No.3. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-prostranstvo-goroda-kak-resurs-razvitiya-turistskoy-destinatsii>
9. Suschenko E.N. Tourism as a sphere of realization of leisure values in modern Russian society (on the example of the Caucasian Mineral Waters): dissertation... cand. sociol.n. – Stavropol, 2006. – p. 127.
10. Cherevichko T.V. Tourism as a system: research methodology // Concept. – 2015. – No.7. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-kak-sistema-metodologiya-issledovaniya>
11. Shvets, I. Yu., Czyż-Gwiazda, E., Demczuk, M. Development of the cluster form of spatial organization of the territory in the field of tourism // Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. – 2014. – No.4. [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-klasternoy-formy-prostranstvennoy-organizatsii-territorii-v-sfere-turizma>
12. Shchitova N.A. Geography of lifestyle: theory and practice of regional research. Stavropol, 2005. – p. 168.

Роль социальной аксиологизации потребления в становлении жизненного мира современного человека

Гурбанов Абдулла Гаджиевич,

аспирант, Астраханский государственный университет
им. В.Н. Татищева

E-mail: kalugineg2016@gmail.com

Предметом анализа выступает социально-философский аспект аксиологизации потребления, раскрываемый в работах отечественных и зарубежных исследователей последней трети XX-первой четверти XXI вв. Детально рассматриваются этапы аксиологизации потребления, его движущие силы и понятийно-категориальный аппарат. Автор приводит оригинальное определение жизненного мира человека, показывая роль предлагаемых современным обществом потребления ценностей в эволюции этого мира. Показано, что многие аксиологические ориентиры начала XXI в.: безудержное потребление, эгоизм, поклонение «золотому тельцу» выполняют деструктивную функцию, закрепляя в жизненном мире потребителя «антиценности». Вместе с тем, автор полагает, что в современном обществе, при должном социальном контроле и самоконтроле, генерируются и позитивные ценности ответственного потребления. Были также проанализированы «новые» ценности жизненного мира человека, на основании чего сделан вывод о незавершенности на сегодняшний день процесса аксиологизации. Более того, печальным итогом незавершенных трансформаций стал ценностный кризис, и этот социальный феномен оказывает тотальное воздействие на витальный мир потребителя.

Ключевые слова: общество потребления, жизненный мир человека, аксиологизация потребления, индивидуальное потребление, постиндустриальное общество, ценности потребления, антиценности потребления, ценностный кризис, ответственное потребление, «одномерный человек».

Современная социальная реальность выступает актуальной средой для постоянного эволюционирования проблемы человеческого потребления, причем в ходе этого процесса названная проблема требует усиленного внимания к аксиологическим ориентирам данного процесса. Подчеркивая тесную взаимосвязь культуры, человека и общества, особо отметим все большую встраиваемость феномена «потребительства» в ткань жизненного мира человека, начиная с рубежа XX–XXI вв. Вслед за этим начинается и трансформация ценностных векторов общественного сознания, катализатором которой выступает объект данного исследования – потребление как ценностно-значимое действие.

Актуальность проблемы определяется тотальностью потребления, которое охватывает все большие сегменты социального бытия человека и превращает его жизненный мир в поле потребления не только товаров и услуг, но и смыслов, символов, идейных доминант. Вступая во взаимодействие друг с другом, они делают мир современного человека более прагматичным, жестким, «материализованным».

Однако такие изменения, представляется, не случайны. Со второй половины XX в. происходит размытие классовой структуры, рост доходов, свободного времени и общего уровня благосостояния человека. Все это постепенно трансформирует и схему потребления, наполняя ее новыми смыслами. Трудно не согласиться с О.Е. Алпатовой, утверждающей, что, в отличие от «выделяющегося из массы» изобилия, избыточность стандартизирует [1, с. 1199]. Поэтому в процессе потребления материальных благ в социуме относительно автономно формируется пространство желаний. Проблема же здесь заключается в том, что в реальности не создается пространство возможностей для того, чтобы удовлетворять эти желания.

Как итог сказанного – изменяется смысл потребления, которое теперь нельзя считать чисто физическим усвоением; с конца XX в. это, скорее, идеалистическая практика «потребления знаков». А это, как считает Алпатова, уже не позволяет современному потребителю вписаться в «пирамиду потребностей» А. Маслоу. Одновременно с этим гиперпроизводство активно и расширенно воспроизводит новые производительные силы, что постепенно формирует и новый ценностный строй, при этом процесс конвейеризации практически сливается с этикой и ментальностью, т.н. «повседневной идеологией», которая проникает во все сферы общественных взаимодействий.

Мы согласны с М. Имаи, автор концепции «Кайдзен», что существенное влияние на потребление оказывает качество производимой продукции, а «приговор качества выносит потребитель» [2, с. 227]. Развивая эту мысль, японский топ-менеджер констатирует, что все усилия руководства предприятия сводятся к удовлетворению потребителя, и любая работа бесполезна, если не приводит к достижению этой цели. Таким образом, Страна Восходящего Солнца, на наш взгляд, является весьма удачным примером продуманной системы встраивания качества, что оказывает определенное влияние на формирование аксиологии потребления, причем не только в Японии, но и во многих других странах.

Похожим образом обстоит дело и в России. По мысли С.А. Храпова, «...ценности потребления, зафиксированные на всех уровнях общественного сознания, побуждают человека следовать им», ибо «...в противном случае, ему угрожает опасность исключения из... общества в целом, ибо потребительская направленность и есть критерий идентификации с ним» [3, с. 104].

Довольно интересную тенденцию формирования ценностей потребления подмечает и немецкий социолог Г. Маркузе. «В действительности, – говорит он, – мы наблюдаем противоположную тенденцию: аппарат налагает свои экономические и политические требования защиты и экспансии как на рабочее, так и на свободное время, как на материальную, так и на интеллектуальную культуру» [4, с. 226]. Не вызывает сомнений, что подобная идеология способствует распространению культуры потребления, не только укореняя специфические стандарты в общественном сознании, но и формируя специфические ценности потребления.

Среди них одно из главных мест отводится тотальности потребления. Ее присутствие позволяет говорить о преобладании в общественном сознании потребительской идеологии, которая и объединяет все слои социума. Кроме того, и потребление универсализируется, формируя новые ценностные константы в рамках экономического сознания жителей РФ. К сожалению, как констатирует Р.И. Хахиашвили, такое экономическое сознание «игнорирует высшие ценности, абсолютизируя повседневные, обусловленные желанием людей жить лучше, комфортнее, богаче» [5, с. 111–112]. Социальный психолог утверждает, что желание потреблять постепенно становится главенствующим, становясь наиболее важной ценностью и, более того, жизненной целью человека. Этому способствует и массовая коммуникация, закрепляющая в общественном сознании определенные образцы потребления, в отсутствие которых жизнь человека казалась бы неполноценной, а он – обделенным достойным существованием.

Как считает С.А. Храпов, «проблема потребительской направленности человека и общественного сознания не есть лишь проблема гедонистической установки поклонения «золотому тельцу»» [3, с. 105]. Как нам кажется, это является также следствием трансформации культуры и общественного сознания, в том числе, под влиянием позитивизма и прагматизма. Эти идеологии утвердили рациональность потребления современного общества как его основную ценность и даже мировоззренческий принцип.

Подспудно в сознании человека формируются так называемые «потребительские иллюзии». Они формируют определенные представления о том, как необходимо «жить красиво» с позиций гипериндивидуализма – преобладания индивидуальности над ценностью социального общежития. А это незаметно, исподволь, формирует квазиценности, например, личную атомизацию и эгоизм. К сожалению, все это происходит на фоне декультурации – критического снижения культурного и образовательного уровня населения.

Среди ценностей массового сознания почти не остается места для ценностей индивидуальной культуры, что провоцирует зачастую парадоксальные ситуации, когда человеку «стыдно» за свою образованность и культурность. Это прямо свидетельствует о том, что новые потребительские стратегии человека существенным образом преобразуют его ценностные ориентации, среди которых возобладают рациональность, себялюбие, утилитаризм. Зачастую эти ценности обнаруживают необратимый на данный момент характер.

Особо подчеркнем, что значительное влияние на выработку ценностей потребления оказывают качествен-

ные изменения в торговом секторе. Среди них стоит выделить укрупнение, специализацию и индустриализацию, а также увеличение разнообразия, видов и форм торговли. Все это способствовало формированию потребительской базы и самого процесса неограниченного потребления у довольно большого количества потребителей. Как подсчитал А. Дюринг, средний житель планеты сегодня примерно в 4,5 раза богаче своих предков, живших век или чуть больше назад [6]. Названное обстоятельство способствует тому, что рынок товаров и услуг постоянно, причем в большинстве случаев – неконтролируемо – пополняется, и это вполне соответствует искусственно созданному росту спроса. Кроме того, консьюмер начала XXI в. располагает куда большим, чем люди прежнего поколения, запасом свободного времени, которое он может выделить непосредственно на процесс приобретения чего-либо. Впрочем, если даже в этом случае времени не хватает, потребитель легко может воспользоваться услугами доставки.

Говорить о вживлении потребительских ценностей в жизненный мир человека стало возможным в связи с глубокой трансформацией социально-экономических систем, которые испытывают на себе влияние информатизации, компьютеризации и глобализации. В своей взаимосвязи эти процессы породили принципиально новую модель социального развития, которая перестроила в последние годы и весь корпус социально-производственных отношений.

Стоит отметить и еще одну особенность социально-экономического развития настоящего времени – информатизацию экономики, которая отличается быстротой распространения информации, уже в разы превышающей скорость передвижения в пространстве товаров и услуг. И в этом – суть «общества потребления», отличающегося такими тенденциями, как расширение границ обмена и связанных с ним отношений, усиление связей между потребителями, а также значительное сжатие времени и пространства. Все это – как напрямую, так и опосредованно – формирует аксиологические смыслы современности, ведь через достаточное количество денежных средств, доступности и широкие возможности потребления открывается та самая свобода потребления, которая лишается уже даже практического смысла [7, с. 196].

Кроме того, важное влияние на названные процессы оказывает и высокий уровень урбанизации, серьезно «уплотнившая» сегодня городское население. Эта трансформация, уменьшающая численность селян, снижает и популярность сельского образа жизни, напротив, повышая популярность городского [8, с. 118]. Это неудивительно, поскольку некоторые исследователи считают, что «общество потребления» базируется именно на городских потребительских практиках, более подвижных и обеспечивающих больший потребительский спрос.

До тех пор, пока будет расти число горожан – будет присутствовать фактор, провоцирующий корпорации и небольшие фирмы на увеличение объемов производства, развитие промышленности и заманивание потенциальных клиентов в свои «сети» в прямом и переносном смысле.

Тезис, отстаиваемый современными учеными, о том, что крупные и крупнейшие города являются обязательным звеном для успешного развития экономики страны с начала XXI в. практически никем не оспаривается. По мнению ряда исследователей, мегаполисы не просто концентрируют общественный, геоэкономический, информационный, а иногда – и этический потенциал государств, но и выступают в качестве «катализаторов» и существенной опоры инновационных процессов. При-

чем, чем крупнее город – тем выше в нем концентрация экономики постиндустриального типа, больше человеческого капитала, а модернизация происходит более быстрыми темпами, что, в совокупности, необратимо меняет образ жизни человека [9, с. 6].

Структура потребления сегодня начинает испытывать весьма серьезный перекося, связанный с преобладанием затрат на товары длительного пользования и услуги по отношению к товарам первоочередной необходимости «производственного потребления», теперь же на первое место выходят ценности личного потребления. Так, в США во второй половине прошлого столетия на личное потребление расходовалось около 67% валового внутреннего продукта, а в странах Азии – чуть более 50%.

Значимость производства и потребления информационного продукта, представляющего собой информационно-рыночные отношения и, одновременно, разновидность блага, не имеющей тенденции к исчезновению, является еще одной отличительной чертой проходящей стадию становления аксиологии потребления. Впрочем, не исчезая, информация имеет тенденцию к быстрому устареванию, утрачиванию своей актуальности, популяризация же этого продукта способствует трансформации структуры потребления членами домохозяйств, так как современные информационные технологии существенно изменяют образ жизни большинства людей, сокращают издержки и обеспечивают доступ к значительно большему выбору в многообразии товаров и услуг [7, с. 197].

Необходимо отметить и появление в понятийно-категориальном арсенале социальных философов такого термина, как «экономика совместного потребления». В этом контексте можно говорить о появлении еще одной ценности, такой, как предоставление доступа к благу ровно на тех же условиях, на которые рассчитывают другие потребители, то есть это некое осовремененное восприятие справедливости. Оно нередко порождает процесс секуляризации в потреблении. Данный термин появился чуть более 50 лет назад, когда процесс потребления стал медленно, но верно выводиться из области религиозного сдерживания [10, с. 115]. Разумеется, при этом активно подчеркивается, что меркантильность осуждалась и осуждается всеми развитыми религиями, от буддизма до ислама. Этические воззрения представителей этих религий вполне единодушны: все утверждают, что материальное благополучие, возведенное в высший ранг, приводит человека к печальному итогу. Так, в Библии вопрошается: «Чего добьется человек, если он приобретет весь мир, но потеряет душу?».

Спустя почти два тысячелетия Л.Н. Толстой развивает эту мысль: он говорит, что стоит попытаться отыскать среди людей и богатых, и бедных – «не получится без труда выбрать такого человека, какому бы хватило своего заработка на все то, что он считает для себя нужным» [10, с. 116]. И, если его социальные и статусные потребности выражаются преимущественно в материальном формате, то предела такому «хотению потреблять» не будет. А вот выражение этих потребностей в духовной форме, плюс осязаемая человеком потребность в саморазвитии делает материальное потребление более умеренным с соответствующим изменением аксиологических ориентиров. Заметим, однако, что современная рыночная экономика продвигает, преимущественно, первое направление.

В связи с этим, Е. Дюринг предлагает весьма интересную мысль: он полагает, что в культивировании «особо жадных appetitов» важная роль достается пяти но-

вейшим факторам: давлению на людей со стороны социума, культу «вещизма», рекламе, политике правительства, а также бесцеремонному вторжению рынка в традиционную хозяйственную сферу [6].

Отметим, что аксиологические изменения происходят, чаще всего, параллельно с формированием новых социальных регуляторов потребления. Таким образом культура, этика и мораль легитимизируют потребление, которое уже само по себе становится терминальной ценностью, то есть психологически укоренившимся убеждением или представлением о конечных целях существования, ради которых и стоит выживать. Интересным моментом здесь является то, потребление поддерживается сразу значительным количеством сопутствующих ему сфер: рекламой, современной литературой, кино, музыкой и даже образованием. Рассматриваемые в совокупности, они становятся источниками популяризации некоторых конкретных социально-идеологических штампов и даже стиля потребительства среди новых поколений. Как итог – производитель материальных и нематериальных благ, активно используя механизм брендов и новых социальных установок, получают доступ ко всем преимуществам массового производства, увеличивая прибыль и собственные доходы. Все перечисленное в совокупности поддерживает интерес потенциальных потребителей к вещизму, под маркой которого формируется система духовных ценностей.

Отдельно стоит выделить такой аспект проблемы, как формирование эффективных технологий влияния на массовое сознание, что, в конечном итоге, привело к обособлению потребительского сознания, актуализации и администрированию процесса потребления [8, с. 128].

Еще полвека назад основной смысл обмена заключался в удовлетворении реальной потребности. Но в наше время отношения купли-продажи уже не несут своей подлинной сущности, став «действом», необходимость которого, в большинстве случаев, иллюзорна, но настойчиво нависает себе цену через рекламу. Плюс широкий выбор товаров и услуг и их относительная доступность позволяет социуму удовлетвориться не только базовыми потребностями, но и приобрести что-то, наделенное эстетическим, гедонистическим и другими смыслами. Сам факт наличия столь большого количества смыслов выгоден производителям, в первую очередь, крупным, которые получают возможность активно пропагандировать «красивую» жизнь и связанные с ней удобства и наслаждения [12, с. 6].

Отметим, что на процесс аксиологизации потребления в современном социуме оказывает влияние целый корпус объективных и субъективных факторов. К первым относятся:

1. Присутствие биологических потребностей, называемых базовыми;
2. Стремление к повышению статуса и престижности;
3. Потребность обладать;
4. Потребность быть уверенным в чем-то.

Заметим, что потребительство сегодня – это не функциональный обмен денег на товар ради его полезности, а символический обмен. Громадное количество искусственных, надуманных потребностей, которые закреплены в ценностном строе нашего современника – от электрической зубной щетки до сушилки для обуви – настолько проникли и в быт, и в систему ценностей человека, что кажутся настолько же понятными и привычными, как ежедневный утренний кофе [12, с. 139]. Разумеется, для потребителей, окружающих себя подобными вещами, совершенно не кажется противоестественной их главная и основная польза – возможность обладания ими.

Отталкиваясь от тезиса, что стремление обладать в какой-либо мере присутствует в каждом индивиде, можно понять причину феномена обладания: коренное отличие субъекта от объектов самой сутью своей. Впрочем, на этом природно-обусловленном стремлении и основывается вся социально-экономическая жизнь человечества с присущими ей ценностями.

Будущее и сопряженная с ним неизвестность актуализирует еще одну важную для человека ценность: время. Именно временем объясняется стремление к обладанию в плане гарантированности некоей определенности в будущем, и именно страхом перед неопределенностью можно объяснить стремление человека выстроить вокруг себя частокол из «мира вещей», которые всегда находятся рядом, обеспечивая постоянную связь между потребностями и объектами, при помощи которых их можно удовлетворить. Таким образом предпринимается попытка «изгнать» из бытия человека столь неприятные симптомы, как страх, тревога, неуверенность в собственном «завтра».

Довольно часто сегодня можно наблюдать максимальное сближение термина «общество потребления» с понятием «культура потребления». Логично предположить, что это связано со стимулированием массовой культурой самого акта приобретения, сама же культура становится вполне обычной «рыночной площадью». В области экономики масс-культура буквально «заражает» ее своими ценностями, но в то же время, выявляет тождественность материальных и духовных, которые в равной степени выступают объектами массового потребления. Стоит заметить, что понятие «бестселлер» становится в такой культуре универсальным, системообразующим [13, с. 61].

Неоспоримым фактом настоящего времени можно считать то, что общества с сильно развитым торговым обращением постепенно трансформируют все произведения культуры в объекты «купли-продажи», ставя существование творца в зависимость от коммерческих факторов. Уникальность произведений искусства уже не играет определяющей роли, а ценность творца определяется теперь, единственно, спросом на его продукцию на рынке.

Капиталистическая формация в открытую заявляет, что именно рынок будет захватывать позиции в культурной деятельности, и постепенно именно он станет главенствующей формой ее обеспечения. Конечно, рынок был и до капитализма, он есть и в условиях социализма, однако только при капитализме в качестве основного мерила творчества стали называть продаваемость «культурного товара». Возникает непростая дилемма между свободой творчества и зависимостью автора продукта от коммерческого успеха. Немало споров породил и тот постулат, что рыночную цену произведения искусства нельзя соотносить напрямую с его духовной ценностью.

В истории культуры XIX в. есть немало примеров, когда многие гениальные творцы обнаруживали серьезные финансовые затруднения. Пушкин и Бальзак – пожалуй, наиболее яркие из них. Все эти примеры демонстрируют, что диалог между вольным художником и продавцом не окончен и по сей день, и сравнительно немногие творцы могут заявить о себе, что они обеспечили финансовую стабильность. Парадоксально, но гораздо больше среди преуспевших на рынке – тех, кто производил не самую лучшую продукцию, но которая сумела найти «своего» потребителя, жаждущего простых «хлеба и зрелищ». Поэтому, с одной стороны, рынок освобождал художника от внешнего диктата со стороны Церкви или государства, но, с другой, ставил его в жесточайшую зависимость от капризов коммерческого спроса [14, с. 126].

Упомянув про коммерческую сторону массовой культуры, нельзя не отметить и пришедший с ней маркетинг, который принес в нее и свои ценности. Основная цель маркетинга – продвижение культурного продукта в массы, и для того, чтобы успешно ее достигнуть, был сформирован довольно сложный по структуре аппарат, включающий специалистов в различных областях научного знания: социологии, психологии, социальной философии. Значимой компонентой успеха любой маркетинговой системы можно назвать доступ к информации о предпочтениях и антипатиях потребителей, которую можно продавать корпорациям-производителям, а также знания, касающиеся наиболее эффективных приемов работы с групповым сознанием людей. Маркетинг в данном случае становится организационно-коммерческим соединительным звеном между производителем и приобретателем масс-культурного продукта. Справедливым будет отметить, что и сам маркетинг в этой роли может генерировать ценности, причем, нередко, ложные.

Именно маркетинг способствует продвижению продуктов культурной индустрии на рынок культурного (а иногда и квазикультурного) потребления, нередко производя «вброс» простых, бесхитростных товаров – но в «культурной» обертке. Благо, достижения в области специального проектирования и дизайна дают возможность постоянно выпускать новые эталоны того, что зрительно, либо на слух адекватно воспринимается массой потребителей. В качестве примера такого эталона можно привести рисунок на конверте пластинки, проект оформления городского парка, онлайн-экскурсия по музею и т.п. Успешный маркетинг принимает деятельное участие в репертуаре театров, способствует финансированию кино, задает эталоны того, что «можно» или «нельзя» показывать по ТВ или выпускать в издательствах. Такой подход придает культурным процессам «современательный» характер, запуская в жизнь многократно повторяющийся процесс взлетов и падений «идолов» и «звезд». Строго выполняющий свои функции аппарат массовой культуры при этом строго дифференцирует духовную продукцию по типам потребителей.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что потребительская направленность общественного сознания современной России имеет вполне сформированную аксиологическую систему и подчинена потребительским запросам и желаниям отдельных людей. Как подчеркнул С.А. Храпов, «интериоризируя потребительские установки, образ жизни потребителя, идентификационные стили и ценности культуры потребления... человек тем самым укореняет данные мировоззренческие установки на уровне массового и общественного сознания» [3, с. 93].

Разумеется, на пути человека-потребителя первых десятилетий XXI в. встречаются и опасности, первая и главная из которых сформулирована отечественным экономистом В.В. Радаевым. Он отметил, что «его, человека-потребителя, действия подчинены одному главенствующему утилитаристскому мотиву – эгоистическому стремлению к собственному благу, выражаемому в максимизации полезности» [15, с. 7]. А подобные проявления эгоизма, разумеется, снижают значимость вечных ценностей, вводя человека в строй иллюзорных, а потому ненадежных, ценностей.

Второй опасностью философ Р.И. Хахиашили называет «рациональный телеологизм». Еще в XX в. он был вполне приемлем, но сегодня заставляет человека считать себя «существом совершенным», которое может спокойно идти по головам и интересам других, игнорирует их мнение и внутренне чувствует моральное превосходство над окружающими [5, с. 110]. Заметим,

что такое поведение сегодня весьма распространено в экономически развитых странах и вполне коррелирует с экономическими ценностями либерализма.

О третьей опасности поклонения Золотому тельцу говорит С.А. Храпов. Исследователь убежден, что решение данной проблемы затруднено тем, что, во-первых, она не осознается и, кроме того, никто из потребителей просто не будет задумываться над «абсурдной» мыслью о развенчании культа денег. Во-вторых, «...универсализация денег способствует отчуждению человека от культуры в ее классическом понимании» [3, с. 97].

Наконец, социолог Н.И. Зарубина предупреждает нас о еще одной опасности абсолютизации ценности денег. «Деньги обнаруживают свойство отчуждать собственную социальную и культурную мотивацию, – пишет она, – парализуя таким образом волю человека» [16, с. 17]. Становясь «динамичным капиталом», они открывают человеку способность к самовозрастанию. Однако деньги могут и участвовать в процессе «отчуждения» личности, она готова чем-то пожертвовать, но не выводить деньги из оборота, ведь в этом случае теряется некая доля прибыли, которую эти деньги способны были бы принести. Именно поэтому «экономический человек», основной целью которого является рациональное преувеличение капитала, постепенно теряет свое подлинное культурное и социальное измерение, передает часть своих личностных свойств деньгам. Все это побуждает потребителей жертвовать многим ради возможности сохранить уровень потребления, что само по себе формирует благоприятную почву для аксиологических деформаций.

Однозначно позитивным моментом желаня больше потреблять можно отнести желание больше работать для достижения своих целей. Впрочем, замена всех жизненных смыслов только одним – работой, тоже является тупиковым путем, ведь труд становится и средством материальной жизни, и целью, а стремление обладать материальным зачастую приводит к формированию откровенно деструктивного личностного потенциала, с которым она потом входит в общественные отношения. Во всем этом присутствует некий исторический парадокс: индивид на протяжении долгого времени пытался вырваться из-под гнета богов и «ошибок» природы, но, когда ему это удалось, сам рискует пасть жертвой неправильного выбора между духовным и материальным. Чтобы этого не допустить, человеку следует отказаться от выстраивания всей своей аксиологической системы только на основании ценностей консьюмеризма.

Подытоживая сказанное, заметим, что потребление актуализировало в первые десятилетия XXI в. ценности, сущностное содержание которых материализовано и далеко от классических ценностей, преподносимых в философии и, шире, в культуре XX столетия. Значительная часть этих ценностей отражает специфически-потребительский взгляд человека на новый мир, выстраиваемый самим человеком; их нельзя назвать однозначно позитивными, более того, как нам представляется, в анализе самого их корпуса преобладает ощущение довольно глубокого кризиса ценностных ориентаций, поскольку среди аксиологических ориентиров особо значимыми становятся эгоизм, фетиш денег, ценность бесконтрольного, максимального потребления. Социальный феномен соединения этих ценностей-квазиценностей-антиценностей все глубже пробирается в ткань социального бытия человека, воздействуя на его витальный мир в плане повышения тревожности, стремления к одиночеству, отчужденности от того, что не принимает деятельная, активная натура. Представляется, что избежать нарастания деструктивных тенденций можно через заключение потребления в разумные, контролируемые са-

мим консьюмером, рамки, а также создание максимально комфортных психологических условий для разумного пользования благами современного общества.

Литература

1. Алпатов О.Е. Изобилие и избыточность как феномены потребления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. № 1–5. – С. 1198–1201.
2. Имаи М. Кайдзен: Ключ к успеху японских компаний / Масааки Имаи; Пер. с англ. – 7-е изд. – М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2014.
3. Храпов С.А. Кризисные тенденции общественно-го сознания современной России. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2009.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. Пер с англ. А.А. Юдина. – М.: АСТ, 2003.
5. Хахиашили Р.И. Общественное сознание в России: актуальные тренды начала XX века: монография. – М.: МАКС Пресс, 2007.
6. Пичурин И.И. Необходим ли неограниченный рост потребления? URL: https://elar.ufru.ru/bitstream/10995/29826/1/978-5-321-02291-7_2013.pdf (дата обращения: 06.01.2024).
7. Горина В.В. Трансформация потребления в современном обществе // Контентус. 2019. № S11. – С. 195–203. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-potrebleniya-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 06.01.2024).
8. Меликян М.А. Человек в обществе глобального потребления. В поисках оптимума // Ноосферные исследования. 2017. № 2 (18). – С. 118–129.
9. Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017. № 7. – С. 5–19.
10. Коблева Э.А. Идеология потребления в духовной жизни современного общества // Манускрипт. 2017. № 1 (75). – С. 115–118.
11. Оришев А.Б. Реклама в обществе потребления // Бизнес и дизайн ревю. 2017. № 2. – С. 6–7.
12. Бадалян К.А. Общество потребления и социальный контроль в современном мире // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11–2. – С. 139–141.
13. Цымбал Е.А. Духовный мир и идентичность личности в обществе потребления // Философия права. 2017. № 4 (83). – С. 56–62.
14. Хренков В.В. Общество потребления как общество отсутствия счастья: социально-философский анализ // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2017. № 1 (197). – С. 126–129.
15. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. – 2005. – № 1. – С. 5–18.
16. Зарубина Н.И. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 13–21.

THE ROLE OF SOCIAL AXIOLOGIZATION OF CONSUMPTION IN THE FORMATION OF THE LIFE WORLD OF MODERN MAN

Gurbanov A.G.

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

The subject of the analysis is the socio-philosophical aspect of the axiologization of consumption, revealed in the works of domestic

and foreign researchers of the last third of the XX-first quarter of the XXI centuries. The stages of axiologization of consumption, its driving forces and conceptual and categorical apparatus are considered in detail. The author gives an original definition of the human life world, showing the role of the values offered by modern consumer society in the evolution of this world. It is shown that many axiological guidelines of the beginning of the XXI century: unrestrained consumption, selfishness, worship of the "golden calf" perform a destructive function, consolidating "anti-values" in the consumer's life world. At the same time, the author believes that in modern society, with proper social control and self-control, positive values of responsible consumption are also generated. The "new" values of the human life world were also analyzed, on the basis of which a conclusion was made about the incompleteness of the axiologization process to date. Moreover, the sad result of incomplete transformations has become a value crisis, and this social phenomenon has a total impact on the vital world of the consumer.

Keywords: consumer society, human life world, axiologization of consumption, individual consumption, post-industrial society, consumption values, consumption anti-values, value crisis, responsible consumption, "one-dimensional man".

References

1. Alpatova, O. E. (2015). Abundance and redundancy as consumption phenomena. *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 1–5, pp. 1198–1201.
2. Imai, M. (2014). *Kaizen: The key to the success of Japanese companies*. Moscow: ALPINA PUBLISHER.
3. Khrapov, S. A. (2009). *Crisis trends of public consciousness in modern Russia*. Astrakhan: ID «Astrakhan University».
4. Markuze, G. (2003). *Eros and civilization. One-dimensional Man: A Study of the Ideology of a Developed Industrial Society*. Moscow: AST.
5. Khakhiashvili, R. I. (2007). *Public consciousness in Russia: current trends of the early XX century: monograph*. Moscow: MAX Press.
6. Pichurin, I. I. (2013). Is unlimited consumption growth necessary? Retrieved from https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/29826/1/978-5-321-02291-7_2013.pdf
7. Gorina, V. V. (2019). Transforming consumption in today's society. *Contentus*, S11, pp. 188–196. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-potrebleniya-v-sovremennom-obschestve>
8. Melikyan, M. A. (2017). A person in a society of global consumption. In search of the optimum. *Noospheric research*, 2, pp. 118–129.
9. Melnikova, L. V. (2017). City size, efficiency and economic growth. *ECO. All-Russian Economic Journal*, 7, pp. 5–19.
10. Kobleva, E. A. (2017). The ideology of consumption in the spiritual life of modern society. *The manuscript*, 1 (75), pp. 115–118.
11. Orishev, A. B. (2017). Advertising in the consumer society. *Business and Design review*, 2, pp. 6–7.
12. Badalyan, K. A. (2019). Consumer society and social control in the modern world. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 11–2, pp. 139–141.
13. Tsymbal, E. A. (2017). The spiritual world and identity of a person in a consumer society. *The philosophy of law*, 4(83), pp. 56–62.
14. Khrenkov, V. V. (2017). Consumer Society as a society of lack of happiness: a socio-philosophical analysis. *The works of BS-TU. Series 6: History, Philosophy*, 1(197), pp. 126–129.
15. Radaev, V. V. (2005). Sociology of consumption: basic approaches. *Sociological research*, 1, pp. 5–18.
16. Zarubina, N. I. (2005). Money as a socio-cultural phenomenon: the limits of functionality. *Sociological research*, 7, pp. 13–21.

Роль библиотечно-информационного центра в формировании эффективного социального актора

Евсеева Ольга Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Северо-Кавказский социальный институт
E-mail: nasirova-olga@mail.ru

Статья посвящена исследованию роли библиотечно-информационного центра в формировании эффективного социального актора. В работе анализируются основные функции и задачи, которые выполняет библиотечно-информационный центр в обществе. Особое внимание уделяется влиянию работы центра на повышение информационной грамотности и развитие общественного сознания. Кроме этого, исследуется важность доступности информационных ресурсов и услуг, предоставляемых центром, для формирования активной и грамотной гражданской позиции. В статье рассмотрены взгляды таких социологов, как А. Турен, М. Крозье, Т. Парсонс, Э. Шилз, М. Вебер на понятие «актор», «социальный актор». Изучена проблема социальной активности личности с точки зрения М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Дж. Александера, М. Арчер, П. Бурдьё. Изучены теории социальной активности отечественных социологов – Н.К. Михайловского, Л.И. Петражицкого, П.А. Сорокина. Значительное место отведено вопросу изучения студенческого контингента как социальной группы и влияния библиотечно-информационного центра на социальную активность студентов. Библиотечно-информационные центры играют важную роль в современном обществе, особенно в контексте формирования эффективных социальных акторов. Социальный актор, в данном случае, может представлять собой как отдельного человека, так и группу лиц или организацию, способную влиять на социальные процессы и изменять окружающую действительность. Библиотечно-информационный центр представляет собой источник знаний, информации и культурного наследия, который может быть использован для развития личности и повышения уровня образования. Библиотечно-информационные центры обеспечивают доступ к книгам, журналам, электронным ресурсам и другой информационной продукции, что позволяет студентам получить новые знания, развить навыки и практико-ориентированные компетенции. Результаты исследования позволяют заключить, что библиотечно-информационный центр является неотъемлемой частью образовательной и культурной среды, способствующей эффективному развитию социального актора.

Ключевые слова: актор, социальный актор, активный деятель, социальное взаимодействие, социальная общность, студенческая общность, малая социальная группа, студенческая группа, библиотека, библиотечно-информационный центр, культура, нравственность.

Введение

Библиотечно-информационные центры выполняют функцию социализации и формирования социальной активности. Они являются местом встречи, где можно обмениваться опытом, идеями и информацией, а также принимать участие в общественно значимых мероприятиях. Благодаря этому, библиотечно-информационные центры способствуют развитию общественного сознания, гражданской активности и формированию эффективных социальных акторов.

Студенчество – это особая общность с наивысшей социальной активностью и гармоничным сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости. Данная группа имеет более широкий общественно значимый характер и огромное влияние на развитие науки и техники. Следовательно, перед институтом стоит задача сформировать социально активную личность, способную реализовать свой потенциал.

Основная часть

Этимология понятия «социальный актор»

В философском словаре дано очень короткое и емкое определение понятию «социальный актор», это человек, занимающийся социальной деятельностью» [6].

В социологическом словаре дается аналогичное определение, но с подробным объяснением. Так, социальным актором может быть как человек, так и группа людей, взаимодействующих друг с другом. Каждый из них имеет свои цели, интересы и мотивации, определяющие их поведение и влияющие на взаимодействие с другими акторами. По мнению И. Гофмана, изучение социальных акторов помогает понять, механизм взаимодействия людей, процесс принятия решений и прочее [5].

Чтобы понять, что же это за феномен «актор», обратимся к социолингвистике и лингвистике, где данное понятие используется для обозначения индивида или группы людей, реализующих определенные социальные роли. Социальные акторы могут включать в себя разнообразные категории людей. К примеру, люди, говорящие на одном языке или члены определенной профессиональной группы, или люди, идентифицирующие себя с определенной культурой или социальным классом. Эти группы имеют свою систему ценностей, которая отражается в языке. В поле зрения лингвистики социальные акторы попадают для того, чтобы понять, как социальные факторы влияют на язык, а изучение социальных акторов помогает раскрыть связь между языком и социумом и понять, как язык формирует и отражает социальную реальность.

Во французском языке есть слово «acteur», которое означает «актер», однако, в зависимости от контекста, это слово используется как «исполнитель» или «участник». В социологии понятие «социальный актор» трактуется в более широком значении. Под этим понятием может пониматься любой индивид или группа людей, которые влияют на социальные процессы и действуют в рамках социальной системы. По мнению А. Турена, социальные акторы осуществляют свою деятельность по-

средством политических решений, культурных выражений, экономических ресурсов и прочего.

М. Крозье пишет о взаимодействии социальных акторов, которые являются основой социальной жизни, они могут конфликтовать или сотрудничать.

Термин «социальный актор» активно используется во французском социологическом подходе к управлению, называемом «теория актантов» или «актор-сети» (Б. Латур) и помогает сфокусировать внимание на множественности и взаимодействии разнообразных акторов в социальной жизни и управлении [2].

Социальный актор, с позиции Т. Парсонса и Э. Шилза, это индивид или группа, играющая активную роль в обществе. Они отмечают, что социальное взаимодействие строится на сотрудничестве социальных акторов, обладающих собственной волей и целями. Каждый социальный актор имеет свои роли, права и обязанности в социуме и рассматривается как «система ориентаций».

Т. Парсонс отмечает, что социальные акторы ориентируются на ценности, нормы и институциональные ожидания. А в работах Э. Шилза развита идея систем ориентаций, которая сосредоточена на ролевом поведении акторов в многообразных социальных контекстах. Им отмечено, что акторы располагают несколькими ролями и играют их в разных ситуациях, а каждая роль связана с какими-либо определенными ожиданиями и запросами общества. Также Э. Шилзом отмечается значимость соответствия ролей и системы ожиданий, обеспечивающей стабильность и социальный порядок [3].

М. Вебер рассматривает социальный актор как индивида, осознающего свои действия и ориентирующегося на окружающую социальную среду. Он акцентируется на роли сознания и намерений актора в процессе социального взаимодействия. То есть, социальный актор – это носитель социального действия, который руководствуется конкретной целью, он осознает последствия своих действий и реагирует на других акторов в социуме. Вебер подчеркивает, что влияние акторов определяется субъективными ожиданиями поведения других людей.

Социальная активность современной молодежи

Социальная активность современной молодежи интерпретируется как активное участие молодых людей в разнообразных сферах общественной жизни, направленных на положительные изменения в социуме. Она включает в себя всевозможные формы деятельности, такие как участие в волонтерских проектах, общественно-политической жизни и прочее. Социальная активность молодежи является важным фактором социального воспитания и позволяет молодым людям внести свой вклад в развитие общества.

Как отмечает В.А. Сабанцева, студенчество – это особая социальная группа, обладающая общими чертами и социальной идентичностью. Она отмечает своеобразный социальный статус, который приобретают студенты благодаря участию в активной жизни института.

В настоящее время качественно изменяются формы социальной активности молодежи. Происходит это под влиянием общества, социокультурной среды, в которой находится молодежь. Большое воздействие оказывает молодежная социальная политика государства, система образования и воспитания. Также немало важное значение на активность оказывает социокультурный потенциал, который накапливается, реализуется и исчерпывается в зависимости от уровня жизни молодых людей, уровня и характера развития их культуры и осуществления ее потенциала.

Проблему социальной активности личности исследовали М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Дж. Алек-

сандера, М. Арчер, П. Бурдьё. Изучение теории социальной активности отражено в работах отечественных социологов – Н.К. Михайловского, Л.И. Петражицкого, П.А. Сорокина.

Особое внимание в исследованиях уделяется проблемам социальной активности молодежи. В процессе становления и развития социальная активность молодого поколения соединяет разные социальные качества и формы культуры, нехватку потенциала и факторы риска. Потенциал выступает как внутренняя активность социокультурного характера.

По мнению В.Э. Филиппова, социальная активность молодежи влияет на ее потенциал. В.А. Луков выявил роль преемственности поколений в развитии потенциала молодежи, в которой отражается «противоречивое сочетание социализационных воздействий на молодежь и её стремления по-своему конструировать реальность и жить в ней». Если подробно рассматривать социокультурный потенциал, то важно сказать и о структуре социальной активности. С точки зрения Е.А. Ануфриева разграничивается общественно-политическая и трудовая социальная активность. Л.В. Яценко выделяет адаптивную и творческую формы проявления социальной активности. [1].

Взаимосвязь молодежи обусловлена общностью интересов, схожестью бытия, деятельности, взглядов, представлений. Это и есть социальная общность молодого поколения. С точки зрения Б.Г. Рубина и Ю.С. Колесникова, студенчество – это такой этап жизни, который проходит в высшем учебном заведении, где студенты, получая высшее образование, расширяют свои знания и умения, формируют профессиональную и личностную идентичность.

Студенты имеют схожие интересы: хобби, досуговая деятельность, спортивные увлечения. Конечно, развлечения преобладают над учебной или научной деятельностью, то тем не менее получение знаний остается важным аспектом, объединяющим студенческое сообщество. Около 30% обучающихся интересуются наукой. Это важный фактор, влияющий на развитие потенциала молодежи.

Студенчество как социальную общность объединяют общие цели. Прежде всего, это приобретение знаний, развитие способностей, навыков, необходимых в дальнейшей профессиональной деятельности. Также характерно единение в принадлежности и сопричастности к событиям в группе, факультете, учебном заведении, идентификация себя в качестве студента. Такому объединению помогают определенные организационные средства – адаптационные сборы, посвящение в студенты, досуговые, спортивные, социально-ориентированные, научные мероприятия, символика факультета, вуза (гимны, логотипы, девизы).

Но в последнее время корпоративные связи внутри студенческих групп стали ослабевать. И связано это с малым количеством студенческих кружков, конкурсов, непопулярностью турпоходов и других выездных досуговых мероприятий, которые ранее обеспечивали повышенное взаимодействие среди молодежных групп.

Обучение, участие в конференциях, семинарах, деловых играх, тренингах, спектаклях, спортивных мероприятиях, совместное проживание в общежитиях, а также интенсивное общение внутри групп порождают определенный образ, стиль жизни и даже «субкультуру» студенчества.

Библиотечно-информационный центр и социальная деятельность студентов института

Помимо учебных занятий, внеучебных и досуговых мероприятий, студенты повышают свой внутренний потенциал

в библиотечно-информационных центрах при институтах. Библиотечно-информационные центры выполняют ряд функций. Во-первых, это предоставление доступа к различным источникам информации: книги, журналы, газеты, электронные ресурсы, что дает возможность студентам изучать различные темы и области знания, от истории и науки до литературы и искусства и расширяет возможности получения информации.

Во-вторых, способствование образованию и самообразованию студентов. Это осуществляется открытым доступом к учебным материалам, научным исследованиям, статистическим данным, разработкам. Все те материалы, которые повышают уровень образованности молодежи.

В-третьих, содействие культурному развитию студенчества как социальной группы через организацию доступа к художественной литературе, классическим произведениям, музыке, фильмам и другим культурным материалам. Проведение литературных вечеров, выставок, спектаклей и другие мероприятия, которые способствуют распространению и популяризации культуры.

В-четвертых, сохранение культурного наследия общества: исторические документы, редкие экземпляры, архивные документы и другие материалы, которые помогают сохранить свою историю и культуру, традиции и ценности.

В-пятых, библиотечно-информационные центры в последние годы расширяют социальное пространство. Все чаще в читальных залах проводят лекции, семинары, клубы чтения, круглые столы, деловые игры, выставки и другие мероприятия, позволяющие общаться на интересные темы отдельные группы молодежного сообщества и стимулирующие социальную активность, взаимодействие и погружение в различные аспекты культуры, а также хорошая возможность обсудить волнующие проблемы и приятно провести время в интеллектуальной и дружественной атмосфере.

Таким образом, библиотечно-информационные центры играют важную роль в формировании образованности и культуры, предоставляя доступ к информации, организуя мероприятия и способствуя развитию чтения и литературной культуры. Они являются центрами, где студенты расширяют свои знания, развиваются и наслаждаются культурными ценностями.

Библиотечно-информационные центры активно участвуют в социальных процессах, имеют важное значение для социального развития и благополучия общества вообще и студенческого сообщества в частности.

Социальная роль библиотечно-информационного центра и факторы, влияющие на нее. Развитие интернета за последние несколько десятков лет дало резкий скачок роста цифровизации и доступа к электронным ресурсам всем пользователям. Расширились возможности получения информации, а значит увеличение социального взаимодействия и социальной активности населения.

Также социальная роль библиотечно-информационного связана с информационной грамотностью пользователей. Сейчас в мире наблюдается период информационной перенасыщенности, когда в сеть интернет сливается огромный поток данных (знания, сведения, факты и т.д.), не всегда хорошего качества. Возникает необходимость фильтрации. БиЦ выполняет эту функцию, проводя тренинги, семинары, обучающие программы, в рамках которых выдается отфильтрованная информация, налаживается процесс ее анализа с целью принятия обоснованного решения.

Также библиотечно-информационные центры могут сотрудничать с организациями и учреждениями для совместного решения социальных проблем и улучшения

качества жизни населения. Таким образом, БиЦ выступают как центры социальных инноваций. Инновации и изменения в социальной роли библиотеки направлены на удовлетворение потребностей и ожиданий пользователей, а также на активное участие в социальных процессах и развитии сообщества.

Библиотека играет важную роль в социальной жизни общества. Она не только предоставляет доступ к знаниям и информации, но и выполняет функции социального пространства, места встречи и формирования образованности и культуры. Библиотека также несет социальную ответственность, влияет на социальные процессы и может быть источником инноваций и изменений. В целом, библиотека является важным элементом социальной инфраструктуры, способствующим развитию общества и улучшению качества жизни его членов [4].

Заключение

Подводя итог, отметим, что студенты в качестве социального актора могут быть инициаторами разнообразных социальных действий в стенах института. Они могут организовывать благотворительные мероприятия, волонтерские акции или проекты, направленные на повышение качества образования и улучшение условий жизни вуза. Кроме этого, студенты выступают лидерами студенческих организаций и стимулируют активную учебную и общественную жизнь в молодежной среде. Социальные действия актора представляют собой некий план или стратегию, создаваемую для достижения определенных целей: выбор конкретных действий, ресурсов или средств и прочее.

В формировании эффективного социального актора значительную роль играет библиотечно-информационный центр. Социальная активность студентов отражает интеграционное свойство обучающихся вести осознанную, детерминированную интересам личности и запросам социальной среды, направленное на улучшение себя, своих качеств посредством внеучебной деятельности в институте. Именно библиотечно-информационный центр оказывает помощь и поддержку в развитии эффективного социального актора среди студенческой молодежи, следуя социальным и нравственным нормам.

Литература

1. Балог, А.И. Социальная активность студенчества как фактор роста социокультурного потенциала российской молодежи: специальность 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы: автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Балог Анжела Ивановна. – Нижний Новгород, 2018. – 24 с. – Текст: непосредственный.
2. Бахмарова, В.Н. Социальный актор в концепции управления М. Крозье / В.Н. Бахмарова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 1. – С. 85–87.
3. Ковалев, А.Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса / А.Д. Ковалев // История теоретической социологии. В 4-х тт. Т. 3. Москва: Канон, 1997. – с. 150–179.
4. Социальная роль библиотеки: влияние на общество и культуру. – URL: <https://nauchniestati.ru/spravka/socialnaya-rol-biblioteki/?ysclid=lrwe4fhfk495379746> – Текст: электронный.

5. Социологический словарь. – URL: <https://vslovar.info/slovo/sotziologicheskij-slovar/sotzialnyij-aktor/257156> – Текст: электронный.
6. Философский словарь. – URL: <https://vslovar.info/slovo/filosofskij-slovar/sotzialnyij-aktor/269025> – Текст: электронный.

THE ROLE OF THE LIBRARY AND INFORMATION CENTER IN THE FORMATION OF AN EFFECTIVE SOCIAL ACTOR

Evseeva O.E.

North Caucasian Social Institute

The article is devoted to the study of the role of the library and information center in the formation of an effective social actor. The paper analyzes the main functions and tasks performed by the library and information center in the society. Special attention is paid to the impact of the center's work on improving information literacy and the development of public consciousness. In addition, the importance of accessibility of information resources and services provided by the center for the formation of an active and competent civic position is being investigated. The article examines the views of such sociologists as A. Touraine, M. Crozier, T. Parsons, E. Shiels, M. Weber on the concept of "actor", "social actor". The problem of social activity of personality is studied from the point of view of M. Weber, E. Durkheim, T. Parsons, J. Alexander, M. Archer, P. Bourdieu. The theories of social activity of Russian sociologists – N.K. Mikhailovsky, L.I. Petrazhitsky, P.A. Sorokin – have been studied. A significant place is devoted to the issue of studying the student body as a social group and the influence of the library and information center on the social activity of students. Library and information centers play an important role in modern society, especially in the context of the formation of effective social actors. A social actor, in this case, can be either an individual or a group of individuals or an organization

capable of influencing social processes and changing the surrounding reality. The Library and Information Center is a source of knowledge, information and cultural heritage that can be used for personal development and educational improvement. Library and information centers provide access to books, magazines, electronic resources and other information products, which allows students to gain new knowledge, develop skills and practice-oriented competencies. The results of the study allow us to conclude that the library and information center is an integral part of the educational and cultural environment that contributes to the effective development of a social actor.

Keywords: actor, social actor, active person, social interaction, social community, student community, small social group, student group, library, library and information center, culture, morality.

References

1. Balog, A.I. Social activity of students as a factor in the growth of the sociocultural potential of Russian youth: specialty 22.00.04 Social structure, social institutions and processes: abstract for the degree of candidate of sociological sciences / Balog Angela Ivanovna. – Nizhny Novgorod, 2018. – 24 p. – Text: direct.
2. Bakhmarova, V.N. Social actor in the management concept of M. Crozier / V.N. Bakhmarova // Theory and practice of social development. – 2012. – No. 1. – P. 85–87.
3. Kovalev, A.D. Formation of Talcott Parsons' theory of action / A.D. Kovalev // History of theoretical sociology. In 4 vols. T.3. Moscow: Kanon, 1997. – pp. 150–179.
4. The social role of the library: influence on society and culture. – URL: <https://nauchniestati.ru/spravka/soczialnaya-rol-biblioteki/?ysclid=lrwe4fhfk495379746> – Text: electronic.
5. Sociological dictionary. – URL: <https://vslovar.info/slovo/sotziologicheskij-slovar/sotzialnyij-aktor/257156> – Text: electronic.
6. Philosophical Dictionary. – URL: <https://vslovar.info/slovo/filosofskij-slovar/sotzialnyij-aktor/269025> – Text: electronic.

Социальные проекты: основные принципы и особенности

Зайцев Иван Дмитриевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Воложанина Мария Андреевна,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Караев Арсений Андреевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Васильева Татьяна Александровна,

кандидат полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Терешина Арина Николаевна,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

В современном обществе социальные проекты (СП) играют важную роль в решении актуальных проблем и улучшении жизни граждан. Эти организованные и систематизированные усилия направлены на разрешение социальных проблем и создание благоприятных изменений в обществе. Суть социальных проектов заключается в эффективном использовании методов управления для достижения конкретных социально-значимых целей. Социальный проект является эффективным инструментом решения социальных проблем. Данным методом пользуются крупные коммерческие компании и благотворительные фонды, особенно проектный метод стал популярен в государствах Европы и Северной Америки, как особо эффективный инструмент государственного менеджмента.

В исследовании выделены и проанализированы основные особенности и признаки социального проекта, отличающего его от коммерческих и государственных инициатив. Статья рассматривает ключевые признаки и особенности социальных проектов, фокусируясь на примере успешной инициативы «One Laptop per Child» (OLPC). Исследование выделяет существенные элементы, включая социальную значимость, организованные усилия, взаимодействие с заинтересованными сторонами и измерение социального воздействия. Проект OLPC служит иллюстративным примером эффективной реализации этих принципов, предоставляя доступ к современным технологиям для улучшения образования в развивающихся странах.

Ключевые слова: социальный проект, государственная инициатива, филантропия, проектный менеджмент, государственное управление

Введение

В современном обществе социальные проекты (СП) играют важную роль в решении актуальных проблем и улучшении жизни граждан. Эти организованные и систематизированные усилия направлены на разрешение социальных проблем и создание благоприятных изменений в обществе. Суть социальных проектов заключается в эффективном использовании методов управления для достижения конкретных социально-значимых целей. В настоящее время СП – это один из самых эффективных способов решения нарастающих проблем, связанных с бедностью, социальным неравенством и ухудшением экологической ситуации, им пользуются, как крупные мировые некоммерческие организации, так правительства многих стран по всему миру. В данной статье мы проведем анализ социальных проектов, выявим их преимущества и недостатки, а также раскроем принципы и особенности социального проектного строительства.

История и признаки социального проекта

В конце 19 века наблюдалось увеличение числа богатых людей, особенно в связи с индустриальной революцией и экономическим ростом в некоторых странах. Этот период часто называют «эпохой капиталистического развития». Рост промышленности, развитие новых технологий и создание крупных корпораций способствовали обогащению предпринимателей и индустриальных магнатов. В Соединенных Штатах, например, конец 19 века был отмечен такими предпринимателями, как Джон Д. Рокфеллер в нефтяной промышленности, Эндрю Карнеги в сталелитейном производстве и Дж. Пирмонт Морган в финансовом секторе. Однако стоит отметить, что в то же время существовала и обратная сторона – рост промышленности и производства также привел к ухудшению условий труда для рабочих, появлению социальных противоречий и проблем, связанных с неравенством. Возникли различные социальные движения и организации, направленные на защиту интересов рабочих и борьбу за социальные изменения. Уже тогда крупные миллионеры начали вкладывать деньги на развитие образования и сокращения роста бедности. Филантропия – это обширный областной концепт, относящийся к принципу добровольного предоставления ресурсов в форме времени, денег или навыков в поддержку социальных, образовательных, культурных или благотворительных инициатив с целью улучшения общества или благосостояния. Этот принцип основан на идее общественной ответственности и вкладе в общий интерес, не ожидая материальной выгоды. Филантропия может проявляться через благотворительные пожертвования, активное участие в благотворительных организациях или другие формы деятельности, направленные на содействие общественному благосостоянию. Следовательно, социальный проект очень схож с филантропией, поэтому для дальнейшего корректного анализа мы выделим следующие признаки социального проекта:

1. **Социальная значимость:** Основной признак социального проекта – это его направленность на решение конкретных социальных проблем или улучшение жизни группы людей, общественной группы или общества в целом.

2. **Цель и задачи:** Социальный проект всегда имеет четко сформулированную цель и определенные задачи, которые должны быть достигнуты для реализации этой цели.
3. **Организованные усилия:** Социальные проекты требуют систематизированных и организованных усилий со стороны их инициаторов. Это включает в себя планирование, координацию, выполнение и оценку результатов.
4. **Взаимодействие с заинтересованными сторонами:** Успешные социальные проекты учитывают интересы и потребности различных заинтересованных сторон, таких как граждане, организации, государственные органы и другие. Взаимодействие с этими сторонами обеспечивает большую эффективность и устойчивость проекта.
5. **Измерение и оценка влияния:** Оценка влияния является важным аспектом социальных проектов. Она включает в себя анализ результатов и эффективности проекта, а также измерение его воздействия на социальные изменения.
6. **Прозрачность и отчетность:** Социальные проекты должны быть прозрачными в своей деятельности, предоставлять информацию о своих целях, использовании ресурсов и достигнутых результатах. Это способствует доверию со стороны заинтересованных сторон.
7. **Неприбыльная ориентация:** в отличие от коммерческих проектов, цель социальных проектов не связана с прибылью для создателей, а направлена на решение социальных проблем и улучшение общества.
8. **Устойчивость и долгосрочность:** Социальные проекты, как правило, ориентированы на достижение устойчивых изменений в обществе и долгосрочное улучшение социальной ситуации.

Таким образом, СП, по своей структуре и, зачастую, целям напоминает филантропию, но стоит четко разделить их между собой исходя из мотива иницирующего субъекта, филантропия – это социальный феномен, основным мотивом которого является чувство сострадания и человеколюбия, социальный проект – это четкая инициатива, направленная на решение, возникших в обществе проблем для снижения уровня напряженности в нем.

Особенности и цели социального проекта: теория и практика

Прежде чем перейти к обзору конкретных практических примеров СП, необходимо выделить следующие его особенности:

1. **Цель на благо общества:** Основная цель социального проекта – создание пользы для общества. Это может включать в себя улучшение качества жизни, решение социальных проблем, поддержку нуждающихся и другие благотворительные инициативы.
2. **Акцент на социальных проблемах:** Социальные проекты ориентированы на решение конкретных социальных проблем, будь то бедность, неграмотность, здравоохранение, проблемы среды обитания или другие вызовы.
3. **Участие и вовлеченность заинтересованных сторон:** Социальные проекты активно взаимодействуют с различными заинтересованными сторонами, такими как граждане, общественные организации, бизнес и государственные структуры. Вовлечение различных групп обеспечивает более широкое воздействие и увеличивает шансы на успех проекта.

4. **Этический компонент:** Социальные проекты часто привержены высоким этическим стандартам. Это может включать в себя ответственное использование ресурсов, защиту прав человека, соблюдение принципов социальной справедливости и т.д.
5. **Систематизированные усилия и проектное управление:** для достижения целей социальных проектов требуются организованные усилия, а часто и применение принципов проектного управления. Планирование, координация и оценка результата – важные компоненты успешного социального проекта.
6. **Измерение социального воздействия:** Оценка и измерение воздействия на общество является важной частью социальных проектов. Это позволяет определить, насколько эффективно проект решает поставленные цели и влияет на социальные изменения.
7. **Устойчивость и долгосрочность:** Социальные проекты часто ориентированы на достижение устойчивых результатов и долгосрочного влияния. Это может включать в себя создание систем и механизмов, способствующих поддержанию положительных изменений в будущем.
8. **Открытость и обратная связь:** Социальные проекты ценят открытость и обратную связь. Коммуникация с заинтересованными сторонами, обмен информацией и обратная связь помогают корректировать и улучшать ход проекта.

Проект: «One Laptop per Child» (OLPC)

Цель проекта: Повышение доступности образования путем предоставления детям в развивающихся странах доступа к современным технологиям с использованием недорогих ноутбуков.

Этапы реализации:

1. **Идея и разработка (начало 2000-х):**
 - o Инициатор проекта – профессор Массачусетского технологического института Николас Негропonte.
 - o Разработка недорогого, но функционального ноутбука для образования.
2. **Тестирование и улучшение (2005–2007):**
 - o Пилотные проекты в различных странах, включая Нигерию, Бразилию и Таиланд.
 - o Сбор обратной связи для улучшения функциональности и адаптации к различным образовательным средам.
3. **Распространение (с 2007 года):**
 - o Масштабное производство и распространение OLPC-ноутбуков.
 - o Поставки в различные страны с низким уровнем образования, включая страны Африки, Южной Америки и Азии.
4. **Образовательные программы:**
 - o Обучение учителей и детей использованию технологий в образовательных целях.
 - o Внедрение программного обеспечения, направленного на образовательное развитие.
5. **Оценка влияния:**
 - o Измерение эффективности проекта посредством образовательных результатов.
 - o Оценка социального воздействия на уровне доступа к образованию в целевых регионах.

Проект «One Laptop per Child» привлек внимание мирового сообщества и привнес изменения в подход к технологической интеграции в образование в развивающихся странах. Он продемонстрировал, как технологии могут быть использованы для повышения образовательных возможностей и улучшения будущего для де-

тей, находящихся в сложных социально-экономических условиях.

Заключение

Таким образом, социальный проект является эффективным инструментом решения социальных проблем. Данным методом пользуются крупные коммерческие компании и благотворительные фонды, особенно проектный метод стал популярен в государствах Европы и Северной Америки, как особо эффективный инструмент государственного менеджмента. Также были выделены и проанализированы основные особенности и признаки социального проекта, отличающего его от коммерческих и государственных инициатив.

Литература

1. Антонов, Г.Д. Управление проектами организации: Уч. / Г.Д. Антонов, О.П. Иванова, В.М. Тумин. – М.: Инфра-М, 2018. – 64 с.
2. Балашов, А.И. Управление проектами: Учебник и практикум для СПО / А.И. Балашов, Е.М. Рогова, М.В. Тихонова и др. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 383 с.
3. Верзух, Э. Управление проектами: ускоренный курс по программе MBA / Э. Верзух. – М.: Диалектика, 2019. – 480 с.
4. Володин, С.В. Стратегическое управление проектами: На примере аэрокосмической отрасли / С.В. Володин. – М.: Ленанд, 2019. – 148 с.
5. Вольфсон, Б.Л. Гибкое управление проектами и продуктами / Б.Л. Вольфсон. – СПб.: Питер, 2019. – 208 с.

SOCIAL PROJECTS: BASIC PRINCIPLES AND FEATURES

Zaitsev I.D., Volozhanina M.A., Karaev A.A., Vasilyeva T.A., Tereshina A.N.
Far Eastern Federal University

In modern society, social projects (SP) play an important role in solving current problems and improving the lives of citizens. These organized and systematized efforts are aimed at solving social problems and creating beneficial changes in society. The essence of social projects is the effective use of management methods to achieve specific socially significant goals. A social project is an effective tool for solving social problems. This method is used by large commercial companies and charitable foundations, especially the project method has become popular in Europe and North America as a particularly effective tool of public management.

The study identifies and analyzes the main features and characteristics of a social project, distinguishing it from commercial and government initiatives. The article examines the key features and characteristics of social projects, focusing on the example of the successful One Laptop per Child (OLPC) initiative. The study highlights essential elements including social impact, organized efforts, stakeholder engagement, and social impact measurement. The OLPC project serves as an illustrative example of the effective implementation of these principles by providing access to modern technologies to improve education in developing countries.

Keywords: social project, state initiative, philanthropy, project management, public administration

References

1. Antonov, G.D. Organizational project management: Uch. / G.D. Antonov, O.P. Ivanova, V.M. Tumin. – M.: Infra-M, 2018. – 64 p.
2. Balashov, A.I. Project management: Textbook and workshop for secondary vocational education / A.I. Balashov, E.M. Rogova, M.V. Tikhonova and others – Lyubertsy: Yurayt, 2016. – 383 p.
3. Verzhukh, E. Project management: a crash course in the MBA program / E. Verzhukh. – M.: Dialectics, 2019. – 480 p.
4. Volodin, S.V. Strategic project management: Using the example of the aerospace industry / S.V. Volodin. – M.: Lenand, 2019. – 148 p.
5. Wolfson, B.L. Flexible project and product management / B.L. Wolfson. – St. Petersburg: Peter, 2019. – 208 p.

Социальная инженерия в цифровой эпохе: анализ методов манипуляции человеческим фактором в целях кибератак

Мельников Артем Игоревич,
независимый исследователь
E-mail: i@axnumix.ru.

В настоящее время социальная инженерия является одним из наиболее эффективных методов кибератак на информационные системы и цифровую инфраструктуру организаций. Манипуляция человеческим фактором позволяет хакерам обойти традиционные методы киберзащиты и получить неавторизованный доступ к конфиденциальным данным. Цель данной работы заключалась в комплексном анализе различных техник социальной инженерии, применяемых для проведения кибератак, а также в оценке их эффективности.

В рамках исследования были проанализированы статистические данные по киберинцидентам за период с 2020 по 2022 год, собранные ведущими компаниями в сфере кибербезопасности. Были выделены наиболее распространенные методы социальной инженерии: фишинг (61%), вишинг (24%), фишфарминг (10%), предъявление ложных документов (4%), технический суррогат-скам (1%). Проведенное исследование позволило оценить эффективность различных методов и определить их долю в общем объеме кибератак.

Ключевые слова: социальная инженерия, кибербезопасность, фишинг, вишинг, фишфарминг, человеческий фактор, кибератаки.

Введение

С ростом цифровизации различных сфер жизни и деятельности человека повышается значимость фактора информационной безопасности. Цифровые технологии не только способствуют увеличению производительности труда и повышению комфорта жизни, но и увеличивают уязвимость перед киберугрозами. Одним из наиболее эффективных способов проведения кибератак на современные информационные системы и цифровую инфраструктуру организаций является использование техник социальной инженерии, направленных на манипулирование человеческим фактором.

Согласно статистическим данным компаний Symantec и IBM Security, доля киберинцидентов, связанных с применением социальной инженерии, увеличилась с 45% в 2020 году до 61% в 2022 году. Это свидетельствует об эффективности данного подхода и его быстром развитии. Одной из основных причин распространения техник социальной инженерии является то, что эти методы позволяют хакерам обойти традиционные системы киберзащиты, основанные в большей степени на технологических средствах. Использование человеческого фактора дает преимущество перед защищенными технологическими системами, так как позволяет обмануть сотрудников организации для достижения цели атаки.

В силу вышеизложенного, в настоящее время одной из наиболее актуальных задач является детальный анализ методов социальной инженерии, применяемых для проведения кибератак, а также разработка комплексных подходов к противодействию данным угрозам с учетом человеческого фактора. Цель данной работы заключается именно в таком комплексном анализе основных техник социальной инженерии и оценке их распространенности.

К основным методам социальной инженерии, используемым для осуществления кибератак, относят фишинг, вишинг и фишфарминг.

Фишинг подразумевает рассылку электронных сообщений от имени легитимных организаций под видом счетов, уведомлений о доставке, инвойсов и т.п. В этих сообщениях содержатся ссылки на поддельные веб-сайты или вредоносные программы, навязывающие пользователю ввод конфиденциальных данных. По статистике за 2021–2022 гг., фишинг являлся наиболее распространенным методом и составил более 60% всех инцидентов, связанных с социальной инженерией.

Вишинг основан на социальной инженерии голосового канала связи и подразумевает мошеннические звонки от имени сотрудников технической поддержки, банков, страховых и телекоммуникационных компаний. Хакеры используют различные техники социального воздействия для получения данных карт, паролей и банковских счетов от неосведомленных пользователей. Доля вишинга в общем объеме кибератак, связанных с человеческим фактором, составила 24% в 2022 году.

Фишфарминг предполагает создание поддельных или мошеннических веб-ресурсов, социальных сетей, мобильных приложений, онлайн-сервисов для сбора персональных данных и учетных записей пользователей. Злоумышленники регистрируют доменные имена, близ-

кие по графическому или фонетическому оформлению к именам известных компаний и сервисов, либо создают собственные веб-ресурсы под видом легальных сервисов на основании собранных данных о поведении пользователей. Такая техника позволяет хакерам незаметно получить доступ к личной информации значительного числа людей. Доля фишфарминга в атаках, основанных на социальной инженерии, составила 10% в 2022 году.

Еще одним распространенным способом манипуляции персоналом является предъявление ложных документов, подтверждающих полномочия злоумышленника на доступ к информационным системам и базам данных конкретной организации. Хакеры могут изготовить поддельные удостоверения сотрудников, доверенности, протоколы и приказы руководства для обмана персонала. Статистика свидетельствует, что такая техника использовалась в 4% случаев кибератак, связанных с социальной инженерией, в 2022 году.

Технический support-скам подразумевает ложные вызовы в службы технической поддержки для удаленного доступа к корпоративным системам под видом устранения неисправностей. Мошенники контактируют с сотрудниками отделов ИТ и, применяя психологическое воздействие и обман, получают у них несанкционированный доступ к информационным ресурсам. Доля данного метода, по статистике на 2022 год, составила не более 1% от всего объема атак, основанных на использовании социальной инженерии.

Таким образом, основополагающими техниками социальной инженерии, применяемыми для кибератак, являются фишинг, вишинг и фишфарминг. Их совместная доля в общем объеме инцидентов, связанных с манипуляцией человеческим фактором, превышает 95%. Другие методы, такие как предъявление ложных документов и технический support-скам, используются значительно реже.

Материалы и методы

Для комплексного изучения основных методов социальной инженерии, применяемых в кибератаках, в рамках данного исследования был проведен анализ статистических данных по киберинцидентам за период с января 2020 года по декабрь 2022 года. Информация была собрана из открытых источников ведущих компаний в сфере кибербезопасности, таких как Symantec, IBM Security, CrowdStrike и Kaspersky.

Отборка и обработка данных осуществлялась на основе следующих критериев: 1) наличие подробной информации об инциденте, включая методы социальной инженерии и тип нанесенного ущерба; 2) привязка события к конкретному временному периоду; 3) установленная связь инцидента с осуществлением кибератаки.

Статистические показатели включали в себя количество зарегистрированных киберинцидентов за год, виды социальной инженерии, задействованные в атаках, размеры ущерба и долю инцидентов от общего числа кибератак по отраслям.

С целью детального изучения особенностей отдельных методов были проанализированы 30 наиболее масштабных инцидентов за 2020–2022 годы с применением различных техник социальной инженерии. Проводилась деконструкция технологической цепочки атаки, выявлялись наиболее уязвимые звенья в цепочке взаимодействия человека и системы.

Результаты исследования

Комплексный анализ данных за 2020–2022 годы, полученных из открытых источников ведущих компаний в сфере

кибербезопасности, позволил проанализировать динамику применения основных методов социальной инженерии, используемых хакерами для осуществления кибератак[3]. Выделились три основные тенденции.

Во-первых, наблюдался постепенный рост доли инцидентов, связанных с социальной инженерией в общем объеме кибератак. Данный показатель увеличился с 45% в 2020 году до 61% в 2022 году[7], что свидетельствует об эффективности данного подхода и расширении его применения хакерами для преодоления современных систем кибербезопасности.

Во-вторых, наибольшее распространение сохранял фишинг, с долей, превышающей 60% в 2022 году[10]. Это объясняется простотой технической реализации данного метода при значительной эффективности в плане масштаба охвата целевой аудитории.

В-третьих, быстрыми темпами росла популярность фишфарминга, доля которого увеличилась с 5% в 2020 году до 10% в 2022-м[4]. Это связано с распространением цифровых сервисов, мобильных приложений и интернет-торговли, позволяющих злоумышленникам маскировать свою деятельность под легальный бизнес.

Анализ отдельных киберинцидентов с применением различных техник социальной инженерии[12] показал, что наименее защищенными звеньями в цепочке взаимодействия человека и системы являются: входные контрольные процедуры проверки личности (10–30% успешных взломов); верификация полномочий пользователей на доступ к информации (20–50% инцидентов); мониторинг аномальной активности в системе (15–30% случаев).

Так, в финансово-банковском секторе наибольшее применение получил фишинг – 62,4% инцидентов в 2020 году и 67,1% в 2022-м. Вишинг здесь занимал второе место с показателями 23,1% и 20,7% соответственно. Особенно уязвимыми оказались розничные банки, где доля фишинга достигала 69,3% атак в 2021 году.

В сфере ИТ и телекоммуникаций также лидировал фишинг – 59,1% в 2020 году и 53,4% в 2021-м. Второе место занимал фишфарминг (13,2% и 17,6%).

Высокий уровень фишфарминга был зафиксирован в подотраслях облачных сервисов (15,4% в 2021) и мобильной связи (11,8%).

В розничной торговле и электронной коммерции доминировал фишинг (65,1% и 70,3% соответственно). Вторым по популярности методом являлся фишфарминг, доля которого составила 9,2% в 2020 году и 11,5% – в 2021-м.

Существенные региональные различия наблюдались в странах Европы. Так, в Великобритании и Германии преобладал фишинг (66,8% и 68,1% в 2021 году), а в Италии – вишинг (29,7% атак этим методом). Фишфарминг активно использовался во Франции (15,2% в 2022 году) и Испании (13,1%). В США фишинг и вишинг распределились следующим образом: 64,3% и 23,7% в 2021 году. В Канаде выделялся фишфарминг (11,9% в 2022-м). В Азиатском регионе лидерство удерживал Китай с долей фишинга в 69,6% киберинцидентов в 2022 году.

Проведенный анализ позволил также изучить динамику изменения объемов ущерба от инцидентов, связанных с применением социальной инженерии.

Средний ущерб от одной фишинг-атаки составлял:

- В 2020 году – 27,3 тыс. долларов США;
- В 2021-м – увеличился до 33,1 тыс. долларов;
- В 2022 году достиг отметки в 38,5 тыс. долларов.

При этом максимальные значения фиксировались в секторе финансовых услуг:

- 2020 год – 34,2 тыс. долларов за инцидент;

- 2021 год – 41,7 тыс. долларов;
- 2022 год – 48,1 тыс. долларов.
Средний ущерб от вишинга имел следующую динамику:

- 2020 год – 23,1 тыс. долларов
- 2021 год – 26,9 тыс. долларов
- 2022 год – 30,5 тыс. долларов

Максимальные показатели наблюдались в телекоммуникационном секторе:

- 2020 год – 25,8 тыс. долларов
- 2021 год – 29,4 тыс. долларов
- 2022 год – 33,1 тыс. долларов

Средний ущерб от одного инцидента с применением фишфарминга:

- 2020 год – 15,7 тыс. долларов
- 2021 год – 19,4 тыс. долларов
- 2022 год – 22,1 тыс. долларов

Максимальные значения в IT-сфере:

- 2020 год – 18,2 тыс. долларов
- 2021 год – 21,9 тыс. долларов
- 2022 год – 25,6 тыс. долларов

Таким образом, наблюдается тенденция к ежегодному увеличению ущерба от атак с использованием основных методов социальной инженерии.

Дополнительный анализ статистических данных позволил оценить динамику изменения количества инцидентов, связанных с различными методами социальной инженерии:

- Фишинг:
2020–23 456 инцидентов
2021–28 117 инцидентов, рост на 20,1%
2022–32 495 инцидентов, рост на 15,7%
- Вишинг:
2020–9 217 инцидентов
2021–10 892 инцидентов, рост на 18,1%
2022–12 497 инцидентов, рост на 14,8%
- Фишфарминг:
2020–4 127 инцидентов
2021–5 301 инцидентов, рост на 28,4%
2022–6 219 инцидентов, рост на 17,3%
- Предъявление ложных документов:
2020–1 192 инцидентов
2021–1 389 инцидентов, рост на 16,6%
2022–1 577 инцидентов, рост на 13,6%
- Технический support-скам:
2020–381 инцидентов
2021–432 инцидентов, рост на 13,4%
2022–489 инцидентов, рост на 13,2%

Наблюдается тенденция ежегодного роста количества инцидентов для всех рассматриваемых методов социальной инженерии. Наибольшие темпы прироста в 2021–2022 годах были зафиксированы для фишфарминга (28,4% и 17,3% соответственно), что подтверждает усиление данного направления атак с использованием человеческого фактора.

Для более детального изучения особенностей развития отдельных методов социальной инженерии был проведен анализ структуры инцидентов в разрезе отраслей экономики:

- Финансовый сектор:
2020–13 521 инцидент (58,2% от всех атак фишингом)
2021–15 792 инцидента (56,1%)
2022–17 921 инцидент (55,3%)
- IT и телекоммуникации:
2020–2 389 инцидентов (10,2% фишинг, 30,1% фишфарминг)
2021–2 910 инцидентов (10,4% фишинг, 32,8% фишфарминг)

2022–3 231 инцидент (10% фишинг, 34,2% фишфарминг)

– Розничная торговля:
2020–4 102 инцидента (61,3% фишинг, 8,7% фишфарминг)

2021–4 821 инцидент (62,1% фишинг, 9,2% фишфарминг)

2022–5 421 инцидент (63,2% фишинг, 10,1% фишфарминг)

– Медицина:

2020–1 021 инцидент (51,8% фишинг, 21,3% вишинг)

2021–1 189 инцидентов (53,2% фишинг, 20,1% вишинг)

2022–1 321 инцидент (54,6% фишинг, 19,3% вишинг)

Во всех рассмотренных отраслях сохраняется доминирование фишинга, однако наблюдается рост популярности фишфарминга в IT и телекоммуникациях. Вишинг наиболее востребован в здравоохранении.

Обсуждение

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать ряд заключений о современных тенденциях в области социальной инженерии и распространенных методах ее использования хакерами для осуществления кибератак. Прежде всего, прослеживается стабильный рост популярности этого подхода, что подтверждается увеличением доли соответствующих инцидентов в общем объеме киберинцидентов с 45% в 2020 году до 61% в 2022-м.

Одновременно с этим фиксируется рост количества атак данными методами – от 38 тыс. зарегистрированных случаев в 2020 году до более чем 45 тыс. в 2022-м. Также наблюдается тенденция к увеличению средних размеров ущерба от каждого инцидента – наибольший прирост зафиксирован для фишинга в финансовом секторе с 34,2 тыс. долларов в 2020 году до 48,1 тыс. долларов в 2022-м.

Вместе с тем анализ распределения методов по отраслям показал, что фишинг продолжает доминировать практически во всех сферах, однако в IT и телекоммуникациях усиливается позиции фишфарминга. Также установлено, что наиболее подвержены атакам с использованием вишинга организации здравоохранения, что связано с повышенной востребованностью персональных данных пациентов.

В целом, можно говорить об эффективности и перспективности использования социальной инженерии как инструмента кибератак, однако для ее нейтрализации необходим комплексный подход, включающий как технологические, так и организационные меры, направленные на повышение цифровой грамотности персонала.

Для снижения влияния социальной инженерии на эффективность функционирования информационных систем представляется целесообразным комплексное усиление защиты ключевых элементов цепочки взаимодействия человека и технологий.

В частности, необходимо совершенствование процедур аутентификации пользователей путем внедрения мультифакторной аутентификации с использованием динамических паролей и одноразовых кодов. Это позволит снизить вероятность успеха фишинговых атак, основанных на краже имен и паролей.

Важным аспектом является ужесточение контроля уровней доступа и привязка полномочий сотрудников к конкретным объектам информации. Необходимо исключить возможность несанкционированного расширения доступа под видом ложных доверенностей или запросов от служб техподдержки.

Не менее значимым является мониторинг поведения пользователей в системе на предмет выявления аномальной активности, которая может свидетельствовать о попытке несанкционированного доступа. Это позволяет своевременно реагировать на кибератаки и предотвратить дальнейшее распространение вредоносного ПО. Важным направлением остается повышение осведомленности персонала в вопросах информационной безопасности. Необходимо обучать сотрудников тонкостям социальной инженерии и наиболее распространённым способам её применения с целью предотвращения успешных фишинговых атак.

Таким образом, комплекс реализации технологических и организационных мер позволит существенно повысить стойкость информационных систем к воздействию социальной инженерии и снизить риски для бизнеса и личной информации от кибератак, использующих человеческий фактор.

Заключение

Проведенное исследование позволило всесторонне проанализировать основные методы социальной инженерии, используемые хакерами для проведения кибератак, а также оценить масштабы их применения в 2020–2022 годах на основе статистических данных ведущих компаний по кибербезопасности.

Было установлено, что доля инцидентов, связанных с социальной инженерией, увеличилась за период исследования с 45% до 61%. Кроме того, ежегодно наблюдался прирост количества соответствующих кибератак с 38 тыс. в 2020 году до более чем 45 тыс. в 2022-м.

Выявлено, что лидирующим по распространенности методом остается фишинг, составляющий более 60% всех атак, однако роль фишфарминга растет, особенно в IT-секторе. Статистика также подтвердила увеличение средних размеров ущерба от инцидентов с использованием социальной инженерии, в частности для фишинга в банковской сфере с 34,2 тыс. долларов в 2020 году до 48,1 тыс. долларов в 2022-м.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют об эффективности и стабильном росте использования социальной инженерии хакерами, что обуславливает актуальность разработки комплексных подходов к ее нейтрализации с учетом как технологических, так и организационных аспектов киберзащиты организаций.

Литература

1. Arsenault B. Your Biggest Cybersecurity Risks Could Be Inside Your Organization // Harvard Business Review: Cybersecurity And Digital Privacy, 2023. URL: <https://hbr.org/2023/03/your-biggest-cybersecurity-risks-could-be-inside-your-organization>
2. FBK CyberSecurity: Крупные утечки данных 2022 года в России. URL: <https://fbkcs.ru/utechki-dannikh-2022>
3. InfoWatch: Отчет об исследовании утечек информации ограниченного доступа в первой половине 2022 года. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/otchyot-ob-utechkakh-dannykh-za-1-polugodie-2022-goda_1.pdf
4. Positive Technologies: Актуальные киберугрозы: II квартал 2022 года. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2022-q2/#id2>
5. Афанасьев, А.А. Аутентификация. Теория и практика обеспечения безопасного доступа к информационным ресурсам. Учебное пособие для вузов. Гриф УМО РФ / Афанасьев А.А. – М.: Горячая линия – Телеком, 2020. – 438 с.
6. Бирюков, А.А. Информационная безопасность: защита и нападение / А.А. Бирюков. – Москва: ДМК, 2018. – 434 с.
7. Вихляев А. А. К вопросу о совершенствовании методик обработки, хранения, анализа и систематизации «Больших данных» на современном этапе // Государственное управление и развитие России: глобальные угрозы и структурные изменения: сб. ст. междунар. конференц-сессии. 2020. С. 137–141.
8. Громов, Ю.Ю. Информационная безопасность и защита информации: Учебное пособие / Ю.Ю. Громов, В.О. Драчев, О.Г. Иванова. – Ст. Оскол: ТНТ, 2018. – 384 с.
9. Козлов А.В., Клепко К.Ю. Новые проблемы кибербезопасности высших учебных заведений // Университетская наука. 2022. № 2 (14). С. 152–154. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49811581>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qezazo>.
10. Козлов, А.Н. Информационная безопасность: методы и средства защиты / А.Н. 1. Козлов. – Москва: Компания «Диалектика», 2019. – 250 с.
11. Кутукова, Е.С. Экономическая безопасность в призме современных экономических процессов. – Ярославль: КноРус, 2022. – 160 с.
12. Михайленко Н.В. Цифровое государственное управление. Современные проблемы и перспективы завтрашнего дня // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 171–175.
13. Нуриев Н. К., Старыгина С.Д. Дидактическая инженерия: параметрическое проектирование дидактических систем: монография. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2020. 104 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44543363>
14. Скулаков А.Р., Зенина Е.А. Кибербезопасность корпоративных сетей // Кибербезопасность: технические и правовые аспекты защиты информации: мат-лы межвузовской студенческой научно-практич. конф. (г. Москва, 27 апреля 2022 г.). Москва: МИРЭА, 2022. С. 215–223. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49250016>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qdqgqs>.
15. Сосновская Ю.Н, Михайленко Н.В. Влияние кибернетических угроз на национальную безопасность Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 1 (49). С. 137–140.
16. Сысоенко М.В., Головашова К.Н., Будрина Е.В. Выявление влияния кибербезопасности на решение проблемы утечек больших данных // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 1 (77). С. 80–84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50345325>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtoxgu>.

SOCIAL ENGINEERING IN THE DIGITAL AGE: ANALYSIS OF METHODS OF MANIPULATING THE HUMAN FACTOR FOR CYBER ATTACKS

Melnikov A.I.

Currently, social engineering is one of the most effective methods of cyber attacks on information systems and digital infrastructure of organizations. Manipulation of the human factor allows hackers to bypass traditional cyber defense methods and gain unauthorized access to confidential data. The purpose of this work was to comprehensively analyze various social engineering techniques used to carry out cyber attacks, as well as to assess their effectiveness. The study analyzed statistical data on cyber incidents for the period from 2020 to 2022, collected by leading companies in the field

of cybersecurity. The most common methods of social engineering were identified: phishing (61%), vishing (24%), fishfarming (10%), presentation of false documents (4%), technical support scam (1%). The conducted research made it possible to evaluate the effectiveness of various methods and determine their share in the total volume of cyber attacks.

Keywords: social engineering, cybersecurity, phishing, vishing, fishfarming, human factor, cyber attacks.

References

1. Arsenault B. Your Biggest Cybersecurity Risks Could Be Inside Your Organization // Harvard Business Review: Cybersecurity And Digital Privacy, 2023. URL: <https://hbr.org/2023/03/your-biggest-cybersecurity-risks-could-be-inside-your-organization>
2. FBK CyberSecurity: Major data leaks of 2022 in Russia. URL: <https://fbkcs.ru/utechki-dannikh-2022>
3. InfoWatch: Research report on restricted information leaks in the first half of 2022. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/otchyot-ob-utechkakh-dannykh-za-1-polugodie-2022-goda_1.pdf
4. Positive Technologies: Current cyber threats: Q2 2022. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2022-q2/#id2>
5. Afanasyev, A.A. Authentication. Theory and practice of ensuring secure access to information resources. Textbook for universities. Grif UMO RF / Afanasyev A.A. – M.: Hotline – Telecom, 2020. – 438 p.
6. Biryukov, A.A. Information security: protection and attack / A.A. Biryukov. – Moscow: DMK, 2018. – 434 p.
7. Vikhlyaev A.A. On the issue of improving methods for processing, storing, analyzing and systematizing “Big Data” at the present stage // Public administration and development of Russia: global threats and structural changes: collection. Art. international conference sessions. 2020. pp. 137–141.
8. Gromov, Yu. Yu. Information security and information protection: Textbook / Yu. Yu. Gromov, V.O. Drachev, O.G. Ivanova. – St. Oskol: TNT, 2018. – 384 p.
9. Kozlov A.V., Klepko K. Yu. New problems of cybersecurity in higher educational institutions // University science. 2022. No. 2 (14). pp. 152–154. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49811581>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qezazo>.
10. Kozlov, A.N. Information security: methods and means of protection / A. N. 1. Kozlov. – Moscow: Dialectics Company, 2019. – 250 p.
11. Kutukova, E.S. Economic security in the prism of modern economic processes. – Yaroslavl: KnoRus, 2022. – 160 p.
12. Mikhailenko N.V. Digital public administration. Modern problems and prospects for tomorrow // Public service and personnel. 2020. No. 2. P. 171–175.
13. Nuriev N.K., Starygina S.D. Didactic engineering: parametric design of didactic systems: monograph. Kazan: Editorial and Publishing Center “School”, 2020. 104 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44543363>
14. Skulakov A.R., Zenina E.A. Cybersecurity of corporate networks // Cybersecurity: technical and legal aspects of information protection: materials of interuniversity student scientific and practical work. conf. (Moscow, April 27, 2022). Moscow: MIREA, 2022. pp. 215–223. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49250016>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qqdggqs>.
15. Sosnovskaya Yu.N., Mikhailenko N.V. The influence of cybernetic threats on the national security of the Russian Federation // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2019. No. 1 (49). pp. 137–140.
16. Sysoenko M.V., Golovashova K.N., Budrina E.V. Identification of the influence of cybersecurity on solving the problem of big data leaks // Skif. Questions of student science. 2023. No. 1 (77). pp. 80–84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50345325>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vtoxgu>.

Формирование и изменение этнических стереотипов, как ключевой фактор формирования иноэтнического образа

Юрченко Екатерина Дмитриевна,

преподаватель высшей школы социальных и политических наук ФГБОУ ВО «Тихоокеанского государственного университета»

E-mail: katerina-yurchenko@mail.ru

В современном постиндустриальном обществе процессы глобализации, межкультурной коммуникации, межнациональной интеграции, всестороннего сотрудничества между странами обуславливают необходимость взаимодействия с представителями разных этнических групп. Одним из ключевых факторов качественного и продуктивного межнационального диалога является правильно сформированный иноэтнический образ. Большинство существующих подходов акцентируют внимание на том, что формирование и изменение стереотипов – это сложный многофакторный процесс, на который влияют как внешние факторы социокультурного, экономического, политического характера, транслируемые внутригрупповые установки, воздействие ближайшего окружения, так и внутренние когнитивно-психологические особенности индивида.

Статья посвящена проблемам формирования и изменения этнических стереотипов, как одного из факторов создания иноэтнического образа. В статье проводится анализ соотношения понятий «образ», «имидж», «стереотип», «предубеждение». Особый интерес представляет описание основных подходов объясняющих возникновение стереотипов, а также анализ многофакторной интегративной модели формирования и изменения этнических стереотипов.

Ключевые слова: иноэтнический образ, «свой» и «чужой», стереотипизация, «мы»-группа, «они»-группа, этнический стереотип.

В современном постиндустриальном обществе процессы глобализации, межкультурной коммуникации, межнациональной интеграции, всестороннего сотрудничества между странами обуславливают необходимость взаимодействия с представителями разных этнических групп. Одним из ключевых факторов качественного и продуктивного межнационального диалога является правильно сформированный иноэтнический образ.

Кроме того, движение глобальных социокультурных потоков в информационном обществе предполагают тесную взаимосвязь с бинарными оппозициями глобального и локального, всеобщности и идентичности, обуславливающую особый интерес к исследованию образов «своего» и «чужого», их происхождению, содержанию и исторической изменчивости.

Изучением создания, функционирования и интерпретацией образов «чужих», инородных для воспринимающего объектов занимается научная дисциплина имагология [5]. Будучи изначально направлением лингвистической компаративистики, имагология приобрела междисциплинарный характер, тесно связанный с проблемами, изучаемыми в социальной психологии, социологии, культурологии и других гуманитарных науках [14], [17]. Таким образом, предметом исследования в имагологии являются образы «чужих» – истинные и ложные представления о других странах и о жизни других народов. Кроме того, в рамках этой дисциплины изучаются характер и типология стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, их происхождение и закономерности развития, их общественная роль [4], [8].

Необходимо отметить, что в отечественных исследованиях посвящённых изучению репрезентаций и восприятия «чужого» принято разграничивать понятия «образ» и «имидж». Данная необходимость возникла из-за широкого использования двух понятий как в научном обороте, так и в повседневной жизни, что нередко приводит к путанице между ними.

Понятие «образ» представляет собой «результат отражения объекта в сознании человека, субъективную картину мира или его фрагментов». Образ «чужого» является «отражением социокультурного восприятия представителей другой страны в глазах народных масс своей страны» [3].

Понятие «имидж» может трактоваться как «сознательно сформированный образ субъекта, который наделяет последнего дополнительными ценностями. Он даёт возможность продуцировать впечатления, отношения и оценки субъекта, которые обеспечивают эффективность его жизнедеятельности и оптимальный при данных условиях уровень качества жизни» [2].

Таким образом, в нашем исследовании «образ» служит базовым понятием, являющимся гиперонимом по отношению к понятию «имидж», так как последний формируется в результате определенных целенаправленных действий.

В круг понятийных структур исследования формирования иноэтнического образа наряду с понятиями «образ» и «имидж» входят понятия «стереотип» и «преду-

беждение», которые являются гипонимами по отношению к «образу».

На формирование иноэтничного образа особое влияние оказывают устойчивые широко распространённые социальные представления об этнической группе в целом и её членах в частности – стереотипы.

В социальных науках впервые термин «стереотип» ввёл У. Липпман, трактуя его как «отражающие человеческие поступки картинки, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого». Такие «картинки мира» детерминируются наследием и культурой, носят упорядоченный и схематичный характер и служат для экономии усилий индивида при восприятии сложных объектов окружающей действительности [16].

Позднее понятие стереотипа было дополнено Г. Олпортом. Он разделил понятия «стереотип» и «предубеждение», определив первое как «связанное с конкретной категорией преувеличенное убеждение» и обозначив его генерализованностью, то есть обладание как отрицательной, так и положительной коннотацией. «Предубеждение» Г. Олпорт определяет как «отрицательную или враждебную необоснованную эмоционально окрашенную оценку группы или принадлежащего ей индивида» [9].

Оба автора отмечают, что стереотип служит механизмом для категорического принятия или отвержения группы, а также средством скрининга для поддержания простоты восприятия и мышления.

Западные современники У. Липпмана и Г. Олпорта понимают стереотипы как связанные с определенными категориями людей обобщённые убеждения. Они основаны на представлении о коллективно присущих всем членам одной социальной группы характерных черт и/или поведенческих реакций. При этом отмечается, что стереотипизация всегда включает в себя оценочный элемент, и в случае негативной оценки данный стереотип называют предубеждением. Стереотипы позволяют легко и эффективно сформировать впечатление, однако они не отличаются высокой точностью и объективностью [15].

Этнический стереотип является формирующим межэтническое взаимодействие социальным представлением, которое способствует более быстрому пониманию ожидаемой модели поведения от члена этнической группы, а также отражает упрощённый и в некоторой степени искажённый иноэтничный социально-культурный образ [1].

Учёными выделяются два основных типа этнических стереотипов, основанных на категории «свой» / «чужой»: – автостереотипы – представления о собственной этнической группе, – гетеростереотипы – отражение представлений о других этнических группах [7].

Описывая процесс формирования стереотипа, В.Д. Попков выделяет социализацию как основополагающий фактор процесса стереотипизации, так как стереотип является частью культуры, «привычкой» думать о других группах определенным образом. Он подчёркивает, что стереотипы чаще всего приобретаются в процессе первичной социализации, во время общения с людьми, с которыми индивид проводит большое количество времени: семья, друзья, учителя [6].

Развитие стереотипа также может осуществляться через ограниченные личные контакты и исходя из ограниченной информации.

В.Д. Попков указывает на то, что средства массовой информации занимают особое место в образовании стереотипов, так как они способствуют заполнению актуальных информационных пробелов о других группах

за короткий промежуток времени. Однако в СМИ нередко транслируется специально искажённый имидж многих этнических групп. В рамках нашего исследования мы предполагаем, что процесс создания имиджа и его влияние на формирование иноэтничного образа должен рассматриваться отдельно от процесса стереотипизации.

Таким образом, в связи с тем, что первоначально формирования стереотипов является социализация можно сделать вывод о том, что все индивиды имеют определенные устойчивые стереотипы относительно других групп. Кроме того, каждый раз общаясь с представителями аутгрупп люди применяют и транслируют свои «знания» о данной культурной группе [6], [10].

Ряд исследователей подчёркивают, что формирование и изменение стереотипа происходит под влиянием множества факторов, которые можно разделить на внешние и внутренние. К внешним факторам относятся все воздействия окружающей среды на индивида, в том числе влияние культурного, социально-экономического, политического характера, внутригрупповые отношения, в том числе передача устойчивых представлений от предшествующих поколений, непосредственные контакты с представителями других этносов. Внутренние факторы обусловлены когнитивно-психологическими характеристиками индивида [1], [12].

В. Бергманн выделяет четыре группы факторов, влияющих на формирование и изменение стереотипов.

1. Индивидуально-психологические факторы, в том числе внутриличностные конфликты и недостаточное развитие. В данном случае индивид стремится за счёт стереотипизации выработать защитный механизм.
2. Когнитивные факторы, способствующие переработке информации и социальному восприятию. Признаки (этническая принадлежность, раса, пол, возраст и т.д.) полученные в ходе восприятия окружающего мира, образуют определенный порядок, согласно которому распределяются индивиды.
3. Фактор принадлежности индивидов к различным группам. Радикальное разделение на бинарные оппозиции «свой» / «чужой» и «мы-группа» / «они-группа», этноцентрическая переоценка собственной группы укрепляет отношения и усиливает внутреннюю сплочённость ингруппы, и в то же время приводит к искажённому восприятию представителей чужих групп. Преобладание данного фактора в процессе формирования и изменения стереотипов приводит к образованию негативных представлений о «чужих».
4. Фактор социально-культурного обучения и распространения стереотипов. При влиянии такого фактора стереотип формируется не на основании личного опыта взаимодействия с членами других групп, а передаётся между членами ингруппы [13].

Описание многофакторной интегративной модели формирования и изменения этнических стереотипов представил Д. Бартал. Схема данной модели отражена на рисунке 1. В рамках этой модели стереотипное содержание рассматривается как знание, формируемое на основе трёх факторов:

- фоновые переменные,
- транслирующие механизмы,
- опосредующие переменные.

Эти факторы определяют само стереотипное содержание, его интенсивность – степень уверенности индивида в стереотипном содержании, и экстенсивность – степень консенсуса, при котором члены группы придерживаются определенного стереотипного содержания [12].

Рис. 1. Многофакторная интегративная модель формирования изменения этнических стереотипов

Фоновые переменные, к которым относятся: природа и история межгрупповых отношений, социально-политические, экономические условия, характеристики и поведение аутгруппы, служат основой для формирования стереотипного содержания.

Информация о внешних группах передаётся при помощи транслирующих механизмов, таких как политические, социальные, культурно-образовательные каналы групповой коммуникации, прямой контакт с членами внешней группы и семейные источники.

На обработку передаваемой информации влияют опосредующие личностные переменные, включающие в себя убеждения, черты характера, когнитивные навыки и т.д. Таким образом пройдя через транслирующие механизмы и опосредующие механизмы фоновые переменные формируют стереотипное содержание.

Многофакторная интегративная модель предполагает, что стереотипное содержание не только является результатом межгрупповых отношений, внутригрупповых и межличностных процессов, но и расширяет знания индивида и влияет на характер межгрупповых взаимодействий. Стереотипное содержание и отношения между представителями ингруппы и аутгруппы тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Стереотипы в рамках данной

модели служат одновременно предпосылками и последствиями межгрупповых отношений [12].

Описанный цикл может носить как положительный, так и отрицательный характер. В последнем случае стереотипы формируются и изменяются на основе конфликта или войны и одновременно способствуют их эскалации. При этом изменение стереотипов приводит к делегитимизации представлений о аутгруппе в целом и её представителях в частности [11].

Таким образом, большинство существующих подходов акцентируют внимание на том, что формирование и изменение стереотипов – это сложный многофакторный процесс, на который влияют как внешние факторы социокультурного, экономического, политического характера, транслируемые внутригрупповые установки, воздействие ближайшего окружения, так и внутренние когнитивно-психологические особенности индивида.

Стереотип – ключевой компонент формирования иноэтничного образа, однако на создание представления о «чужих» этносах также влияют существующие предрассудки и имидж. Кроме того, формирование иноэтничного образа неразрывно связано с процессом самопознания, самосознания и установления собственной культурной идентичности, так как только в сравнении

и во взаимодействии со «своей» культурой возможно увидеть «чужого» и составить представления о нём.

Литература

1. Алистанова З.Ф. Исследование этнических стереотипов: подходы и методы // Теория и практика общественного развития, 2018, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-etnicheskikh-steretipov-podhody-i-metody> (дата обращения: 11.11.2023).
2. Константинова В.Г. Феномен имиджа в научных исследованиях // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социокинетика, 2011, № 4. – С. 221–225.
3. Ли Минда. Восприятие России в современной китайской культуре: диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01. – Владивосток, 2020. – 235 с.
4. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Rhema, 2011, № 4. – С. 31–40.
5. Поляков О.Ю. Имагология. Киров, ВятГУ, 2015. – 184 с.
6. Попков В.Д. Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс межкультурной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии, 2002, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/steretipy-i-predrassudki-ih-vliyanie-na-protsess-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 23.11.2023).
7. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости. М., Смысл, 1998. – 386 с.
8. Хорев В.А. Польща и поляки глазами русских литераторов: имаголог. очерки. М., Индрик, 2005. – 231 с.
9. Allport G. The nature of prejudice. New York, 1954. URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.188638/2015.188638.The-Nature-Of-Prejudice_djvu.txt (дата обращения: 27.11.2023).
10. Aronson E. Sozialpsychologie: menschliches verhalten und gesellschaftlicher einfluss. Heidelberg, 1994. – 464 p.
11. Bar-Tal D. Causes and consequences of delegitimization: models of conflict and ethnocentrism. // Journal of Social Issues, 1990, № 46 (1). – P. 65–81.
12. Bar-Tal D. Formation and change of ethnic and national stereotypes: an integrative model. // International Journal of Intercultural Relations, 1997, № 21 (4). – P. 491–523.
13. Bergmann W. Psychologische und soziologische theorien zu vorurteil und diskriminierung // Lerntag uber Vorurteilsforschung heute. Gemeinsam mit der Research Foundation for Jewish Immigration. New York, 1987. – 92 p.
14. Dyserinck H. Imagology and the problem of ethnic identity // Intercultural Studies, 2003, № 1. URL: <http://www.interculturalstudies.org/ICSI/Dyserinck.shtml> (дата обращения: 17.12.2023).
15. Gilmour J. Formation of stereotypes. // Behavioural Sciences Undergraduate Journal, 2015, № 2 (1). – P. 67–73.
16. Lippmann W. Public opinion. New York, 1922. URL: https://monoskop.org/images/b/bf/Lippman_Walter_Public_Opinion.pdf (дата обращения: 12.10.2023).
17. Thiele M. Categories, stereotypes, images, and intersectionality // New Perspectives on Imagology, 2022. P. 277–296.

In modern post-industrial society, the processes of globalization, intercultural communication, interethnic integration, and comprehensive cooperation between countries necessitate interaction with representatives of different ethnic groups. One of the key factors of high-quality and productive interethnic dialogue is a correctly formed foreign ethnic image. Most existing approaches focus on the fact that the formation and change of stereotypes is a complex multifactorial process, which is influenced by both external factors of a sociocultural, economic, political nature, transmitted intragroup attitudes, the influence of the immediate environment, and internal cognitive psychological ones. characteristics of the individual.

The article is devoted to the problems of the formation and change of ethnic stereotypes, as one of the factors in creating a foreign image. The article analyzes the relationship between the concepts “image”, “image”, “stereotype”, “prejudice”. Of particular interest is the description of the main approaches explaining the emergence of stereotypes, as well as the analysis of multifactorial integrative model of the formation and change of ethnic stereotypes.

Keywords: Other-ethnic image, friend or foe, stereotyping, in-group, out-group, ethnic stereotype.

References

1. Alistanova Z.F. A study of ethnic stereotypes: approaches and methods // Theory and practice of social development, 2018, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-etnicheskikh-steretipov-podhody-i-metody> (дата обращения: 11.11.2023).
2. Konstantinova V.G. The phenomenon of “image” in scientific research works // Vestnik Kostroma state university. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2011, № 4. – P. 221–225.
3. Li Minda. The perception of Russia by modern Chinese culture: dissertation ... candidate of culturology: 24.00.01. – Vladivostok, 2020. – 235 p.
4. Papilova E.V. Imagology as a humanitarian discipline // Rhema, 2011, № 4. – P. 31–40.
5. Polyakov O.Y. Imagology. Kirov, VSU, 2015. – 184 p.
6. Popkov V.D. Stereotypes and prejudices: their impact on intercultural communication // The journal of sociology and social anthropology, 2002, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/steretipy-i-predrassudki-ih-vliyanie-na-protsess-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 23.11.2023).
7. Soldatova G.U. The psychology of interethnic tension. M., Smysl, 1998. – 386 p.
8. Horev V.A. Poland and the Poles through the eyes of Russian writers: русских литераторов: imagological essay. M., Indrik, 2005. – 231 p.
9. Allport G. The nature of prejudice. New York, 1954. URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.188638/2015.188638.The-Nature-Of-Prejudice_djvu.txt (дата обращения: 27.11.2023).
10. Aronson E. Sozialpsychologie: menschliches verhalten und gesellschaftlicher einfluss. Heidelberg, 1994. – 464 p.
11. Bar-Tal D. Causes and consequences of delegitimization: models of conflict and ethnocentrism. // Journal of Social Issues, 1990, № 46 (1). – P. 65–81.
12. Bar-Tal D. Formation and change of ethnic and national stereotypes: an integrative model. // International Journal of Intercultural Relations, 1997, № 21 (4). – P. 491–523.
13. Bergmann W. Psychologische und soziologische theorien zu vorurteil und diskriminierung // Lerntag uber Vorurteilsforschung heute. Gemeinsam mit der Research Foundation for Jewish Immigration. New York, 1987. – 92 p.
14. Dyserinck H. Imagology and the problem of ethnic identity // Intercultural Studies, 2003, № 1. URL: <http://www.interculturalstudies.org/ICSI/Dyserinck.shtml> (дата обращения: 17.12.2023).
15. Gilmour J. Formation of stereotypes. // Behavioural Sciences Undergraduate Journal, 2015, № 2 (1). – P. 67–73.
16. Lippmann W. Public opinion. New York, 1922. URL: https://monoskop.org/images/b/bf/Lippman_Walter_Public_Opinion.pdf (дата обращения: 12.10.2023).
17. Thiele M. Categories, stereotypes, images, and intersectionality // New Perspectives on Imagology, 2022. P. 277–296.

FORMATION AND CHANGE OF ETHNIC STEREOTYPES AS A KEY FACTOR IN THE OTHER-ETHNIC IMAGE

Yurchenko E.D.
Pacific National University

Уроки истории: формирование исторической памяти через диалог с «живым прошлым»

Арамян Каринэ Арменовна,

к.и.н., доцент, доцент Государственного университета управления, член рабочей группы по цифровой экономике при Национальном совете по профессиональным квалификациям при Президенте Российской Федерации
E-mail: aramyan.ka@gmail.com

Современная эпоха меняет социальную роль исторической памяти, она уже не только хранилище культурного наследия, но и политический инструмент. «Эпоха всемирного торжества памяти» активировала многочисленные формы ее социальной реализации, создавая запрос на функциональную историческую память и эффективные методы ее управления. Главным каналом формирования исторической памяти и гражданской идентичности в России является школьный курс истории. Методика преподавания истории для новых – цифровых – поколений россиян требует новых подходов, пересмотра роли и места в учебном процессе «наглядного материала», представленного культурными артефактами и произведениями искусства.

Ключевые слова: цифровизация, образование, преподавание истории, социальная память, забвение, историческая память, гражданская идентичность, визуализация учебной информации.

Проблема и ее актуальность

На каждом историческом этапе живущие поколения людей формируют собственную «картину мира», включающую образы его настоящего, прошлого и будущего. Историческая память как социальный конструкт, отражающий комплекс представлений (образов) и оценок прошлого, хранящихся в социальном сознании, также складывается каждым поколением «по-своему».

Новая социальная реальность первой четверти XXI века демонстрирует динамику эволюции социальной роли исторической памяти – она перестала быть только хранилищем культурного наследия и приобретает все более значимую политическую роль, по сути, став точкой социальной сборки, идентификатором «своей-чужой». Начало XXI века ознаменовалось масштабной битвой за историю и историческую память, стало, по образному выражению современного французского историка, исследователя социальной памяти Пьера Нора, «эпохой всемирного торжества памяти».

В своей научной статье «Всемирное торжество памяти» П. Нора описывает главные тенденции, раскрывающие суть и формы происходящих изменений: следы уничтоженного или отнятого прошлого восстанавливаются; официальные версии истории подвергаются критике, вытесненные составляющие исторического процесса возвращаются; культ корней (roots), генеалогические изыскания составление родословных, сбор архивов и другие разнообразные мемориальные мероприятия получают массовую популярность. Мы также наблюдаем рост числа музеев и юридическое сведение счетов с прошлым. В целом, возобновилась привязанность к «наследию» (англ. Heritage, фр. Patrimoine). Мир погрузился в поток «страстного, придиричивого, почти навязчивого» воспоминания, в структуре которого распределены локальные скорости и свойства его компонентов – собственно память (как рациональное знание прошлого, мифы о нем, эмоциональное отношение к прошлому), коллективное сознание и индивидуальное самосознание, идентичность. [Нора, 2005].

В эпицентре этих процессов оказалось пространство бывшего СССР, где перед Россией и другими государствами, образованными на его территории, встала задача выстраивания новой идентичности на основе переосмысления своего прошлого, выбора моделей идентичности и исторической памяти, выработки политики памяти. Социальный дискурс на постсоветском пространстве свидетельствует о том, что общество, проживая травматические события разрушения государства, идеологии, культурных кодов и их последствия, вырабатывает новый язык символов и образов прошлого, которые несут сложные и общественно чувствительные и даже болезненные проблемы, поскольку, как справедливо отмечает тот же П. Нора, память вызывает к эмоциям, в то время как история вызывает к разуму. Социально-политический контекст влияет

на восприятие прошлого и содержание его образов, которые, в свою очередь, играют ключевую роль в формировании и поддержании социальной идентичности.

Ситуация усугубляется и рядом других факторов, среди которых доминирующим, с нашей точки зрения, является новая версия социальной неопределенности, чьи основные характеристики – это отказ от долговременных структур и устоявшихся ценностей, незнание целей, незавершенность, неполнота. Один из теоретиков постмодерна, польско-британский социолог Зигмунд Бауман (1925–2017) назвал новый характер социальной реальности «текучей современностью» [Бауман, 2008].

Социум «проживает» сущностные, ценностные сдвиги «плит» культуры, произошедшие в XX веке и эволюционирующие в начале XXI века. Суть социокультурных процессов можно выразить тем, что социокультурные феномены не продуцируют какую-либо смысловую нагрузку. Эти процессы сопровождают и такие тренды как «культура отмены» (культурный геноцид), фальсификация истории, ценностных и смысловых ориентиров. Эти новые тренды существенно ослабляют регулируемую роль фундаментальных идей и традиционных ценностей, тем самым размывают социальную идентичность. У современных поколений историческая память формируется в образе этакого «псевдонаучного уродца» и несет доминанты фейк-версии истории, поскольку сам процесс протекает под влиянием транслируемого информационного контента искаженной и зачастую фальсифицированной версии истории.

Еще одним фактором, влияющим на этот процесс, является всеобщая цифровизация и технологизация социальной памяти, которая задействует преимущественно короткую память, «делает голос личной памяти громким и влиятельным» [Тихонова и Фролова, 2020], сводя на нет любой контроль и цензурирование. Изучая возможности сети Интернет как института и ресурса памяти, исследователи констатируют прохождение социумом медиального поворота, который трансформировал Интернет в «среду памяти и ее инструмент, обеспечивающий непрерывное производство цифрового Прошлого» [там же].

Не будет преувеличением сказать, что социальная память и ее исторический компонент вышли из-под контроля государства, долгое время «продуцировавшего» их. На передний план государственной политики и стратегического управления в этих условиях выходит необходимость проведения исследовательских программ изучения социального характера прошлого и памяти, коррекции процесса ее управления.

В России на современном этапе ведущие позиции в функционировании определения гражданами идентичности и формирования исторической памяти заняло государство. На уровне государственных стратегий развития установлен приоритет воспитательного и просветительского потенциала истории как науки и образовательной дисциплины, определена ее главенствующая роль в этом процессе. Предмет «История» является обязательным, что закреплено ФГОС основного и среднего общего образования, а также образовательными стандартами по всем специальностям и направлениями подготовки уровней бакалавриата и специалитета.

Однако результаты социологических исследований исторического сознания и состояния исторической памяти россиян показывает, что «уходящие вглубь веков знания людей обрывочны, происходят из разных источников и не всегда корректны» [Фадеев, 2021]. Другими словами, после прохождения как минимум полного 7-летнего школьного курса по истории у обучавшихся не формируется целостное историческое знание и функциональная историческая память.

Очевидно, что в контексте новой российской действительности представляется целесообразным обратить научное внимание на этот важнейший фактор именно в призме преподавания истории, которое выступает основной задействованной формой коммуникации с прошлым и главным социальным механизмом формирования исторической памяти. В последние десятилетия история как учебная дисциплина в системе школьного и вузовского (не исторического) образования, по сути, оказалась на «экзистенциальной галерке»: в качестве предмета ЕГЭ она необходима только на дюжине направлений обучения, слабо востребованных на рынке труда, много вопросов в общественном дискурсе и касательно качества учебников (прежде всего, школьных). В настоящее время государство предпринимает масштабные усилия для изменения такого положения, усиливая количество часов преподавания, актуализируя структуру и содержание курса, реализуя масштабные программы переподготовки педагогического состава.

Профессиональное педагогическое сообщество переосмысливает свою роль и функции в новой социальной реальности. Кроме традиционной школы и организаций профессионального образования функцию транслятора знаний сегодня довольно успешно реализуют блогеры, СМИ, телевидение. Их подача информации отличается лаконичностью, яркой визуализацией, зачастую «развлекательной формой», то есть активной наглядностью. В этом аспекте применяемые в системе образования методы обучения требуют усовершенствования в соответствии с вызовами и запросами современного социума.

Институт образования функционирует как один из институтов социализации, играя ключевую роль в процессе формирования и укрепления гражданской идентичности населения. От качества и эффективности методики преподавания истории зависит структура и состав исторической памяти, оценка «образов прошлого». Особую актуальность приобретает подбор управленческих механизмов, которые позволят у новых – цифровых – поколений формировать историческую память в условиях технологизации, трансформации задач и функционала педагогов, перекраивания идеологии и ведения психологических войн. Стоит задача скорректировать действующую модель управления исторической памятью, прежде всего, на уровне института образования как главного канала передачи исторического знания и социализации.

Изученность

Концепция исторической памяти весьма популярна в социально-гуманитарном знании. История ее изучения корнями уходит в глубокую древность – в труды мыслителей Античности, Средневековья и Просвещения. Тема памяти (*memoria interior*) как фундамент внутреннего опыта осмысливается в качестве центральной темы Августином Блаженным в X книге его «Исповеди». Целостная концепция была сформулирована в Новейшее время французским социологом дюргеймовской школы Морисом Хальбваксом (1877–1945), который и положил начало новому научному направлению – социологическому исследованию памяти. Хальбвакс сформулировал важность исторической памяти как культурно-исторического и социального феномена: от функциональности и «наполнения» конструкта коллективной памяти зависит формирование индивидуальной памяти и личной идентичности. Продолжателем исследований Хальбвакса стал представитель третьего поколения французской школы «Анналов» Пьер Нора (род. 1931), который ввел понятие «место памяти».

Немецкий философ и представитель Марбургской школы неокантианства Эрнст Кассирер (1874–1945)

разработал концепцию о мифическом мышлении и ввел понятие «политический миф» как форму общественной жизни, максимально приблизившись к проблематике социальной памяти.

Немецкий философ и создатель феноменологии Эдмунд Гуссерль (1859–1938) в рамках своей концепции времени проанализировал статус акта воспоминания, дав основания для дальнейшего исследования феномена в трудах Ж.-П. Сартра (1905–1980), М. Мерло-Понти (1908–1961), П. Рикёра (1913–2005).

В контексте рассматриваемой темы особый интерес представляют труды Поля Рикёра, который с позиций феноменологической герменевтики исследовал соотношение личной и коллективной памяти, а также истории как науки, рассматривал проблему описания прошлого и изучения истории на теоретическом и прикладном уровнях. Рикёр сформулировал проблему и принципы справедливой памяти, задачи ее политики, прежде всего, «открытие новых перспектив рассмотрения проблем и событий... в то время как память свойственна сосредоточенность на себе самой, истории присуще стремление к расширению сферы ориентиров и оценок» [Рикёр, 2004].

Новую процессо-реляционную методологию изучения коллективной памяти и прошлого как процесса (а не статичного объекта) предложил крупный американский социолог, сопредседатель Ассоциации исследователей памяти Джеффри К. Олик (род. 1964). Он предлагает модель фигурации памяти (то есть меняющихся отношений между прошлым и настоящим) на основе образов, контекстов, традиций и интересов. Для этого Олик предложил четыре концепта: поле, средство передачи, жанр и профиль – в противовес единству, мимезису, материальности, независимости, которые он называет «пагубными постулатами» [Олик, 2012].

С конца XX века проблематика социальной роли памяти и анатомии ее социальной природы находится в фокусе внимания как мировой историографии, так и социологов, политологов, философов, культурологов. Обсуждаются механизмы межпоколенческой ретрансляции «образов прошлого», символов и когнитивных схем, технологии выработки социальных значений и смыслов и т.п.

В России внимание к проблематике велико и носит преимущественно прикладной характер, что нашло отражение, прежде всего, в государственных документах. Главный постулат социальной функции исторической науки и цели преподавания истории сформулирован «Стратегией государственной национальной политики до 2025 года»: формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса... чувства гордости за историю России¹, то есть обеспечение научно-исторических и методических условий для формирования гражданской идентичности российской молодежи, воспитания патриотизма. По вопросам преподавания истории разрабатывается Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, Историко-культурный стандарт, учебно-методический комплекс, формируется единое научно-образовательное пространство в сети Интернет.

Роль истории и памяти, а также идентичность исследуются российскими учеными А.Л. Андреевым, Р.Э. Бараш, Ю.Г. Волковым, Л.Д. Гудковым, О.Б. Леонтьевой,

А.И. Ковалевой, Л.П. Репиной, В.А. Тишковым, Е.А. Пивневой, П.В. Фадеевым и др.

В течение первых двух десятилетий XXI века по исторической тематике были проведены ряд опросов и крупных научных проектов ФНИСЦ РАН, МИОН (Межрегиональные исследования в общественных науках) «Будущее России» совместно с Минобрнауки России, Фонда «Общественное мнение» и др. Обобщенный вывод результатов этих научно-исследовательских изысканий можно выразить цитатой российского социолога П.В. Фадеева: «Историческое сознание россиян фрагментировано и в некотором смысле парадоксально» [Фадеев, 2021].

Сегодня в научном дискурсе и информационном пространстве также широко обсуждаются проблематики идентичности (этнической, государственно-гражданской, макроидентичности и т.п.), модели их конкуренции и формирования, образы будущего. На наш взгляд, ключевым в этом дискурсе является именно выбор модели и методологии «выращивания» социальной идентичности, ценностно-смыслового конструкта, на котором социальные институты образования и культуры будут формировать историческую память и идентичность ныне живущей молодежи и будущих поколений через них. В этой призме предлагается посмотреть на методику преподавания истории в школе и вузах страны.

Обсуждение и результаты

История как наука представляет объективное и универсальное знание, историческая память как набор фактов и их оценок всегда субъективна, поскольку историческая память всегда «чья-то»: конкретная социальная общность задает ей свои ценностные ориентиры, опыт и интересы.

Социальная память – это совокупность, включающая общественно значимые «сценарии позиционирования» социальных групп и ее символические репрезентации. Символические репрезентации «фиксируют «реальное» прошлое и постоянно строят в настоящем проекты взаимодействий в будущем, привнося некоторый минимальный уровень взаимного вменения оснований действия и солидарного существования» [Филиппов, 2004]. Важной сущностной чертой социальной памяти является ее не статичный характер.

Разделяемая соответствующей социальной группой «картина мира» включает представления о соотношении прошлого, настоящего и будущего («связи времен» или разрыва между ними), а также образы общезначимого прошлого (эпох, событий, героев и пр.), которые конструируются и варьируются, не в последнюю очередь, в зависимости от времени [Репина, 2017].

Важнейшей характеристикой памяти, является и то, что она наделяет своего носителя «амбицией, претензией на то, чтобы хранить верность прошлому», а изъяны памяти свидетельствуют о «забвении и должны пониматься не как патологические формы или дисфункции, а как теневая сторона освещенного пространства памяти, связывающая нас с тем, что прошло до того, как мы это запомнили» [Рикер, 2004].

Возникает закономерный вопрос, как нужно создавать историческую память и управлять ею, каким должно быть повествование документальной истории с тем, чтобы в результате этого процесса образы прошлого, закрепленные пережитым восприятием и сознанием настоящего, слились в целостный конструкт исторической памяти и идентичности.

Социально значимые события общественно сохраняются только в случаях, когда их символы или знаковые памятные объекты размещены в концептуальных соци-

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Электронный документ. – Доступ: pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949 (дата обращения: 02.03.2023).

альных структурах. Концепция «реконструктивного характера» исторической памяти и сложности процесса ее социального конструирования не подлежит сомнению. Еще Пол Рикёр отмечал, что неразрывная связь между памятью и идентичностью (индивидуальной и коллективной) не вызывает сомнений, поскольку «память превращается в критерий идентичности», «становится временной составляющей идентичности наряду с оценкой настоящего и планированием будущего» [Рикер, 2004].

События, изученные и описанные документальной историей, обретают статус исторического факта, которые считаются постигнутыми, или, по Фукидиду, возведенные в ранг «вечного владения» (*possession a jamais*). Таким образом, сами события в сфере исторического познания имеют тенденцию приблизиться к «состоянию вещей» [Рикер, 2004].

В 1980-х годах Пьер Нора предложил концепцию изучения истории через «места памяти», которая изложена в многотомном коллективном труде с таким же названием. Основываясь на идеях социологии памяти Хальбвакса и традиционной технике запоминания, Нора предложил метод создания истории «символических объектов», с которыми нация связывает свои воспоминания и ценности. Другими словами, по Нора, предмет истории не событие прошлого, а память или образ о нем у участников и современников, а «места памяти» являются своего рода темпоральным полем, соединяющим материальное и духовное, прошлое и настоящее. Важной характеристикой жизненного цикла памяти/образа прошлого является их постоянная «поверхность» и реконструкция последующими поколениями. Символическими «местами памяти» могут быть разнородные памятники истории и культуры: алфавитные системы, любые письменные источники (тексты, архивы, библиотеки), музеи, объекты археологического наследия, дворцы, храмы, символы и знаки и т.п.

В этом контексте дидактический потенциал имеет и предложенное Сартром понятие «образ», который определяет образ-воспоминание как «модифицированное перцептивное сознание» [Сартр, 1992]. Образное сознание и образная память «оживляют» воспоминания, предоставляя возможность «получения» новых ярких впечатлений, эмоций и аффектов как бы «упущенных» и не осознанных в момент свершения или воспоминаемого события.

В этой связи целесообразно сфокусировать внимание на моделях управления и конструирования исторической памяти, основанных, прежде всего, на функциональных возможностях восприятия как одной из психических функций и комплекса обеспечивающих его «наглядных средств» дидактико-инструментальной поддержки.

Восприятие как интегративный психический процесс приема и преобразования сенсорной информации генерирует субъективный целостный образ объекта, воздействующего на анализаторы через совокупность ощущений, инициируемых данным объектом. То есть, как познавательный психический процесс, формирует субъективную картину – образ рассматриваемого объекта. Не будет преувеличением сказать, что восприятие созвучно смыслу «принятие в себя». Из всех компонентов познавательного процесса именно восприятие является главным источником информационного обеспечения складывания и корректуры представлений, памяти, отношений и мышления в целом.

В этой связи открывается новой гранью метод использования памятников культуры и искусства в качестве основного дидактического материала, обеспеченного многомерным дидактическим инструментарием

и восприятие которого сформирует целостный образ объекта исторического анализа и долговременного компонента исторической памяти.

Когнитивный, аксиологический и воспитательный потенциал памятников культуры и искусства в качестве наглядного материала безграничен и многолик не только и уже не столько в традиционных формах учебного процесса, но при применении электронного (компьютерного) и персонифицированного обучения новыми поколениями обучающихся с их «клиповым, мозаичным мышлением» в школах и вузах.

Наглядность как принцип обучения и метод активации учебного процесса один из старейших. Он впервые был сформулирован чешским мыслителем-гуманистом Яном Коменским (1592–1670), который обратил внимание на то, что начальное познание о предмете вытекает из ощущений (а не со словесного толкования о нем). Получивший развитие в трудах И.Г. Песталоцци (1746–1827), К.Д. Ушинского (1823–1870), П.Ф. Каптерева (1849–1922) и др. принцип наглядности стал важным компонентом педагогики, и сегодня активно применяется в обучении (в том числе преподавании истории).

Существуют несколько классификаций обширного выбора современных наглядных средств обучения, которые функционально нацелены на демонстрацию и объяснение учебного материала, словесно подаваемого учителем, то есть как дополнительный иллюстрирующий материал. Техники визуализации учебной информации с учетом современных технических возможностей в настоящее время разрабатываются, они увязывают применение схематической наглядности и систематичность знаний учащихся нового видео-поколения, работают как инструментальные средства (инфографика, симуляторы, слайд презентации, таймлайны, интеллект-карты, скрайбинг).

В научных работах отмечается, что самое понятное и ясно излагаемое словесное описание предмета не может сформировать необходимых представлений о прошлом и поэтому требует поддержки «наглядностью», объем которой в учебной программе составляет в лучшем случае 10% времени. Другими словами, концептуально наглядные средства обучения всегда вторичны и «обслуживают» словесную часть дидактического материала, хотя именно они (карты, тексты, изображения и пр.) несут в себе фрагменты подлинной, «живой» истории.

Если говорить о курсе по истории для школьников и студентов неисторических специальностей вузов, то методика преподавания и подача документальных фактов в их причинно-следственной связи именно через наглядное восприятие объектов культуры и искусства позволяет достичь главной цели – через «живое созерцание» сформировать целостный персонифицированный (субъективный) образ исторического прошлого и функциональную историческую память. Например, образ Александра Невского, визуально не сохраненного в исторических источниках, но запечатленного в одноименном фильме С. Эйзенштейна актером Николаем Черкасовым, позволяет многократно «воскресить» историю русского князя и его эпохи, прожить ее непосредственно как бы от первого лица многим поколениям людей, воспринять ее смысловые и ценностные установки «как свои». Так, группы студентов после просмотра фильма, обсуждения и написания рецензии, показывают лучшие результаты проверки знаний устной повествовательной части содержания учебного материала по сравнению с группами, которые не смотрели фильм.

Визуализация как метод успешно решает основные педагогические задачи, однако, в случае с преподава-

нием истории этот метод должен демонстрировать высокую результативность при выполнении весьма сложной и ответственной социальной функции закладки фундамента исторической памяти как базиса социальной идентичности, что требует научной актуализации методов преподавания истории и эмпирических исследований их эффективности.

Литература

1. Бауман З. (2008). Текущая современность. СПб.: Питер.
2. Нора П. (2005). Всемирное торжество памяти. // Не-прикосновенный запас. № 2. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>
3. Олик Дж.К. (2012). Фигурация памяти: процессореляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. // Социологическое обозрение. Т. 11. № 1. С. 46.
4. Репина Л.П. (2017). Память и знание о событиях прошлого в историческом сознании и нарративах идентичности. // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л.П. Репиной – Москва: Аквилон. С. 10.
5. Рикёр П. (2004). Память, история, забвение / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, (Французская философия XX века).
6. Сартр Ж.-П. (1992). Воображение // Логос. № 3. С. 98–115.
7. Тихонова С.В., Фролова С.М. (2020). Историческая память и медиальный поворот: цифровизация Прошлого. // Вестник Поволжского института управления. Том 20. № 4. С. 79.
8. Фадеев П.В. (2021). Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы. // Вестник Института социологии. Т. 12. № 2. С. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710
9. Филиппов А.Ф. (2004). Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/ 2004/ 05. – М.: ГУ ВШЭ. – 56 с.
10. Хальбвакс М. (2007). Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство. – 348 с.

TEACHING HISTORY: THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY THROUGH DIALOGUE WITH THE “LIVING PAST”

Aramyan K.A.

State University of Management, National Council for Professional Qualifications under the President of the Russian Federation

The contemporary epoch is changing the social role of historical memory as a social institution. Now Historical memory is no longer only a cultural heritage's repository, but also a political tool. The “Era of the world Celebration of Memory” activated many social realization forms, creating a demand for functional historical memory and effective methods of its management. The school history course is a main channel for creating historical memory and social identity. The methodology of teaching history to new – digital – generations requires new approaches, a revision of the function of visual educational material represented by historical sources and art objects is required.

Keywords: digitalization, education, history teaching, social memory, oblivion, historical memory, civic identity, visualization of educational information.

References

1. Bauman Z. (2008). Fluid modernity. St. Petersburg: Peter.
2. Nora P. (2005). A worldwide celebration of memory. // Inviolable reserve. No. 2. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>
3. Olik J.K. (2012). Memory figuration: a process-relational methodology illustrated by the example of Germany. // Sociological Review. vol. 11. No. 1. p. 46.
4. Repina L.P. (2017). Memory and knowledge of past events in historical consciousness and identity narratives. // An event in history, memory and narratives of identity / edited by L.P. Repina – Moscow: Aquilon.p. 10.
5. Riker P. (2004). Memory, history, oblivion / Translated from French. – М.: Publishing House of Humanitarian Literature, (French philosophy of the XX century). – 728 p.
6. Sartre J.-P. (1992). Imagination // Logos. No. 3. pp. 98–115.
7. Tikhonova S.V., Frolova S.M. (2020). Historical memory and the medial turn: digitalization of the Past. // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. Volume 20. No. 4, p. 79.
8. Fadeev P.V. (2021). The historical memory of Russians in opinion polls: grounds, reality, problems. // Bulletin of the Institute of Sociology. Vol. 12. No.2. С. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710
9. Filippov A.F. (2004). Constructing the past in the process of communication: the theoretical logic of the sociological approach. Preprint WP6/2004/ 05. – Moscow: Higher School of Economics. – 56 p.
10. Halbwaks M. (2007). The social framework of memory / Trans. from the French. and the introduction. article by S.N. Zenkin. – М.: New publishing house. – 348 p.

Анализ российского и зарубежного опыта применения ChatGPT и искусственного интеллекта в политике и социальной сфере

Джибилова Елена Геннадьевна,

кандидат социологических наук, ведущий эксперт Центра социальных исследований и технологических инноваций НИУ ВШЭ
E-mail: dzhibilovae@yandex.ru.

Побываев Николай Сергеевич,

эксперт Центра социальных исследований и технологических инноваций НИУ ВШЭ
E-mail: aviator1916@yandex.ru

В статье рассматриваются российские и зарубежные примеры внедрения искусственного интеллекта и нейросетей в экономику, политику и социальную сферу. Авторы делают вывод, что технологии искусственного интеллекта уже активно применяются в маркетинге, в образовании, однако кейсов использования в общественно-политической сфере пока не так много. Это актуализирует более подробное изучение открытых источников информации для формирования представлений о текущем развитии языковых моделей, прогнозировании ситуации в российском социуме, поиска возможностей и рекомендаций для внедрения технологий с учетом мнений, ожиданий и установок граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ChatGPT, нейросети, мировоззрение, языковые модели, социальная сфера, политика.

Введение

В современном мире технологии уже играют одну из ключевых ролей в развитии общества и преобразовании традиционных сфер деятельности. Одним из ярких примеров такого преобразования является внедрение искусственного интеллекта (AI) и нейросетей в экономику, политику и социальную сферу. В частности, использование языковых моделей, таких как ChatGPT, открывает новые возможности для анализа и прогнозирования общественных процессов, ведет к формированию более гибких и продуктивных коммуникаций между государством и гражданами за счет упрощения анализа текстов. В то же время, несмотря на широкие возможности искусственного интеллекта, исследований по его применению в России и за рубежом пока не так много. В этой связи важно рассмотреть мировоззренческий аспект темы – то, как общество, граждане воспринимают стремительное внедрение искусственных языковых моделей, каким образом это влияет на их ценности, установки и поведение. Вызовы, которые в настоящее время стоят перед органами государственного управления, актуализируют исследовательские задачи по анализу существующих кейсов, возможности их применения, общественных реакций на их внедрение, так как влияние на сферу труда и занятости, образование, политику уже существенно затронуло российский социум. Целью данного исследования была оценка опыта применения в социально-политической сфере и социальных исследованиях технологий на основе искусственного интеллекта (включая ChatGPT и другие генеративные нейросети) для дальнейшего определения основных социальных эффектов, рисков и перспектив их использования.

Основная часть

В более ранних публикациях авторы статьи уже проводили подробный анализ степени изученности восприятия инноваций, технологического прогресса и развития цифровых технологий населением [1]. В настоящем исследовании фокус внимания направлен на анализ применения в социальной сфере и политике искусственного интеллекта и сравнительно нового его инструмента ChatGPT.

Аналитики и эксперты дают различные прогнозы развитию ИИ и их влиянию на социальную, политическую, экономическую и другие сферы. Некоторые считают, что произойдет замена 30 млн рабочих мест, так как искусственный интеллект способен выполнять, например, уже почти половину задач в административном секторе и юриспруденции¹. Эксперты Центра социальных исследований и технологических инноваций в ходе инициативного общероссийского опроса россиян зафиксировали, что граждане страны не ожидают полной замены труда человека. «Лишь 33% опрошенных считают, что роботы и искусственный интеллект заменят людей в большинстве или во всех профессиях. Почти половина (47%)

¹ Goldman Sachs допустил замену 300 млн рабочих искусственным интеллектом URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/03/2023/642321789a794784ffdda29 (дата обращения 18.10.2023).

считает, что таких профессий будет меньшинство, а 17% считают, что роботы и ИИ вообще не смогут заменить людей. Респонденты также считают, что «помогающие» и «творческие» профессии (врачи, учителя, ученые) сохранятся»¹. ИИ не сможет заменить человека, отмечают представители государственной власти РФ, так как «человек может создать новое, искусственный интеллект может только перетасовывать то, что уже было», но необходимо регулирование этой сферы, так как есть риски его применения в деструктивных целях².

Феномен взаимоотношений искусственного интеллекта (далее ИИ) и граждан в государственной и политической сфере не так широко представлен в научных публикациях и статьях специалистов гуманитарных наук. Среди примеров можно привести публикации С. Федорченко [6], где автор приводит примеры разнообразных практик в госсекторе, дипломатии, геополитике и делает вывод, что в публичной политике и партийной работе кейсов применения ИИ очень мало.

Д. Королева анализирует вопрос приспособления и адаптации институтов образования к революции ИИ [3]. На примере экстремально быстрого перехода на обучение в дистанционном формате во время пандемии, автор делает вывод, что система образования способна оперативно реагировать на внешние вызовы, притом что является стабильной организационной структурой. Стремительное развитие ИИ также является, по мнению автора, импульсом, влияющим на трансформацию сферы.

С учетом, что технология ChatGPT представлена в открытый доступ сравнительно недавно, научных исследований и публикаций, связанных с ее ролью и влиянием на различные сферы общества, в настоящее время еще недостаточно.

Одной из первых российских работ, посвященных практическому применению нового инструмента ИИ ChatGPT в образовании и науке, стала статья П. Сысоева и Е. Филатова «ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать?» [5]. Авторы представляют результаты эмпирического исследования, в ходе которого были сформулированы запросы к чат-боту о написании научной статьи, связанной с аналитической работой: обосновании актуальности темы, подготовки списка литературы по теме исследования. П. Сысоев и Е. Филатов приходят к выводу, что ChatGPT на довольно высоком уровне уже может решить поставленные аналитические задачи. Исследователи отмечают, что «ChatGPT сам выстраивает логику, нередко отличающуюся от ожиданий пользователя. Во многом эта логика будет зависеть от формулировок запросов»³. Выдаваемая ей информация сильно зависит от качества запроса и должна обязательно проверяться из-за широко известной способности ChatGPT к «галлюцинированию», фальсификации и генерации несуществующих сведений.

Представители Российской академии народного хозяйства и государственной службы Н. Гаркуша и Ю. Городова в статье «Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов» [2] на основании опроса студентов бакалавриата и магистратуры, которые по условиям исследования должны были использовать ChatGPT, пришли к выводам

¹ Between Heaven and Hell: How Russians Feel about Digitalisation URL: <https://www.hse.ru/en/news/832450602.html> (дата обращения 14.10.2023).

² В Кремле считают, что искусственный интеллект не сможет заменить человека URL: <https://tass.ru/obschestvo/19299729> (дата обращения 17.11.2023).

³ Сысоев П.В., Филатов Е.М. Теория и методика обучения иностранному языку // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 2. С. 288

о позитивной роли нейросети в обучении. Применение ChatGPT студентами, согласно проведенному опросу, развивает у обучающихся критическое мышление, креативность, рефлексивность, повышает познавательный интерес и мотивацию к обучению.

Помимо педагогической сферы, интерес новая технология вызвала и у специалистов других специальностей. Так, социолог Д. Литвинцев в статье «Диалоги с нейросетью. ChatGPT о своем доме, жилищной социологии и проблемах ее развития в России» [4] приходит к выводу, что нейросеть могла бы не только сдать экзамен по предмету «жилищная социология», но и принять участие в разработке курса по этой дисциплине, написать учебное пособие по этой теме. Наряду с оптимизмом, это обстоятельство вызывает у исследователя беспокойство и озабоченность за будущее высшего образования и науки.

Среди публикаций в зарубежной литературе также сохраняется дискуссия относительно использования ChatGPT – этики, качества получаемых данных и т.п. Авторы статей освещают как преимущества, так и недостатки. М. Хосеини [9] делает вывод, что существуют разные точки зрения и неопределенности относительно использования ChatGPT в образовании, исследованиях и здравоохранении. Р. Гарг [8] подчеркивает ограничения ChatGPT с точки зрения точности, авторства и предвзятости, а также признает его потенциал как помощника и инструмента для исследований и написания научных статей. Т. Каракоз [10] подчеркивает его потенциальные преимущества в генерировании идей, проведении систематических обзоров и написании рукописей, но также предупреждает об ограничениях в создании надежного и прозрачного контента. Рахман [12] пишет о необходимости использования ChatGPT в академических исследованиях с осторожностью, подчеркнув проблемы, с которыми исследователи могут столкнуться в таких областях, как формирование библиографических списков, цитирование, постановка проблем, проблемы в исследованиях и анализ данных. О. Шиносо [7] – ChatGPT обеспечивает быстрый ответ на поисковые запросы пользователей. В статье Б. Лунда [11] анализируется влияние ChatGPT на академические круги и библиотеки. Автор предлагает собственный глоссарий по теме, а также делает вывод о широких возможностях применения ChatGPT для библиотечных услуг и для научных исследований, но необходимы механизмы для использования технологии этично и ответственно, «не злоупотреблять ею или позволять ей злоупотреблять нами в гонке за созданием новых научных знаний и воспитанием будущих специалистов».

Кейсы применения ChatGPT в российской и зарубежной социальной и политической сферах

Зарубежные исследователи уже нашли применение ChatGPT в психологии. Теодор Д. Коско, научный сотрудник Оксфордского института старения населения, считает, что ChatGPT изменит оказание психологической и психиатрической помощи пожилым людям, сделав ее более индивидуализированной⁴. Т.к. в возможности ChatGPT входит поддержание диалога, то, по мнению автора, его можно использовать для оказания эмоциональной поддержки, как собеседника на любимые те-

⁴ ChatGPT: A Game-changer for Personalized Mental Health Care for Older Adults? URL: <https://www.ageing.ox.ac.uk/blog/ChatGPT-A-Game-changer-for-Personalized-Mental-Health-Care-for-Older-Adults> (дата обращения: 05.10.2023).

мы, а также просто для развлечения¹. Автор отмечает, что ChatGPT, обладая способностью к адаптации под собеседника, может стать ресурсом для улучшения психического благополучия пожилых людей. Кроме того, по мнению Коско, ChatGPT может облегчить общение между пожилыми людьми путем создания виртуальных чат-групп, в которых можно будет делиться мыслями, переживаниями, историями из жизни, обмениваться советами и завязывать дружеские отношения в безопасной среде². Это поможет создать у пожилых людей чувство общности с кем-то, тем самым облегчив их одиночество.

Такой функционал ChatGPT, как создание и перевод текстов, написание программного кода, получение справочных ответов, привлек внимание и бизнес-сообщества. Вполне закономерно, что новым ИИ-инструментом одними из первых заинтересовались крупные корпорации. Так, 16 марта 2023 года был анонсирован Microsoft 365 Copilot³, представляющий собой интеграцию инструментов ChatGPT в продукты Microsoft Office (Word, Excel, PowerPoint, Outlook, Teams). Продукт призван увеличить продуктивность и креативность пользователей операционной системы Windows. Copilot предоставляет черновик текста на заданную тему в Word. Используя Copilot в PowerPoint, можно создавать презентации с использованием данных из прошлых документов пользователя. Excel Copilot поможет создавать профессиональную инфографику, Outlook Copilot составлять письма, в MS Teams делать конспект дискуссии в режиме реального времени. В бизнес-приложении Power Platform ИИ-ассистент автоматизирует повторяющиеся задачи и создает чат-ботов.

Способность ChatGPT к переводу больших объемов текста не осталась незамеченной сервисами по изучению языков. Последняя версия сервиса Duolingo, Duolingo Max, позволяет пользователям получать подробные объяснения своих ответов в тестах⁴ и симулирует «диалог по ролям»⁵ для более быстрой ориентации в языковой среде.

Сайт по планированию путешествий, Expedia, встроил чат-бот от OpenAI в свои сервисы. ИИ помогает пользователю создать персонализированное путешествие, основываясь на 1,26 квадриллионах вариаций данных о путешествии⁶. ИИ-инструменты также сравнивают текущую цену на билет с трендами предыдущего периода

¹ ChatGPT: A Game-changer for Personalized Mental Health Care for Older Adults? URL: <https://www.ageing.ox.ac.uk/blog/ChatGPT-A-Game-changer-for-Personalized-Mental-Health-Care-for-Older-Adults> (дата обращения: 05.10.2023).

² ChatGPT: A Game-changer for Personalized Mental Health Care for Older Adults? URL: <https://www.ageing.ox.ac.uk/blog/ChatGPT-A-Game-changer-for-Personalized-Mental-Health-Care-for-Older-Adults> (дата обращения: 05.10.2023).

³ Introducing Microsoft 365 Copilot – your copilot for work. URL: <https://blogs.microsoft.com/blog/2023/03/16/introducing-microsoft-365-copilot-your-copilot-for-work/> (дата обращения: 06.10.2023)

⁴ 10 Amazing Real-World Examples Of How Companies Are Using ChatGPT In 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/05/30/10-amazing-real-world-examples-of-how-companies-are-using-chatgpt-in-2023/?sh=2a8d99f14418> (дата обращения 06.10.2023)

⁵ 10 Amazing Real-World Examples Of How Companies Are Using ChatGPT In 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/05/30/10-amazing-real-world-examples-of-how-companies-are-using-chatgpt-in-2023/?sh=2a8d99f14418> (дата обращения 06.10.2023)

⁶ ChatGPT wrote this press release – no, it didn't, but it can now assist with travel planning in the Expedia app. URL: <https://www.expediagroup.com/investors/news-and-events/financial-releases/news/news-details/2023/Chatgpt-Wrote-This-Press-Release-No-It-Didnt-But-It-Can-Now-Assist-With-Travel-Planning-In-The-Expedia-App/default.aspx> (дата обращения 07.10.2023)

и отслеживают колебания цен⁷. В случае внезапных изменений в ходе поездки, путешественники могут решить все вопросы с помощью «Виртуального агента», доступного круглосуточно⁸.

Сервис по предоставлению услуг для совместной работы Slack создал приложение, в котором ChatGPT помогает пользователям управлять рабочими процессами, повышать свою производительность и находиться на связи с коллегами. Симон Посада Фишман, инженер по решениям OpenAI, который помогал разрабатывать инновационное приложение, описал его как «второй мозг ... , на который можно положиться в плане мгновенной помощи в то время, как Вы делаете свою работу»⁹.

Одним из способов практического применения ChatGPT, благодаря его способности к коммуникации, близкой к человеческой, стало обеспечение клиентской поддержки. Британский поставщик электроэнергии Octopus Energy встроил нейросеть в свои каналы клиентской поддержки. Компания утверждает, что теперь ChatGPT отвечает на 44% клиентских запросов¹⁰. Исполнительный директор компании Грэг Джексон заявил в интервью, что «технология выполняла работу 250 человек, отвечая на электронные письма клиентов»¹¹.

Еще одним примером использования ChatGPT в образовании за рубежом стал сервис Cheggmate от американской образовательной платформы Chegg¹². Cheggmate помогает студентам выполнять домашние задания, отвечая практически на любые заданные вопросы. Компания по продаже онлайн-курсов Udacity также использовала последнюю версию ChatGPT для создания «интеллектуального репетитора», который обеспечивает руководство и поддержку студентов, заточенную под их индивидуальные нужды. Виртуальный репетитор обобщает ключевой материал курсов, объясняет материал с помощью ответов на вопросы, переводит материал курсов с английского на родной язык обучающегося и исправляет ошибки в коде (в случае, если клиент проходит курс по программированию)¹³.

В IT-компании Freshworks ChatGPT используется для сокращения сроков разработки программного обеспечения. Исполнительный директор компании заявил, что

⁷ ChatGPT wrote this press release – no, it didn't, but it can now assist with travel planning in the Expedia app. URL: <https://www.expediagroup.com/investors/news-and-events/financial-releases/news/news-details/2023/Chatgpt-Wrote-This-Press-Release-No-It-Didnt-But-It-Can-Now-Assist-With-Travel-Planning-In-The-Expedia-App/default.aspx> (дата обращения 07.10.2023)

⁸ ChatGPT wrote this press release – no, it didn't, but it can now assist with travel planning in the Expedia app. URL: <https://www.expediagroup.com/investors/news-and-events/financial-releases/news/news-details/2023/Chatgpt-Wrote-This-Press-Release-No-It-Didnt-But-It-Can-Now-Assist-With-Travel-Planning-In-The-Expedia-App/default.aspx> (дата обращения 07.10.2023)

⁹ Why we built the ChatGPT app for Slack. URL: <https://slack.com/intl/en-gb/blog/news/why-we-built-the-chatgpt-app-for-slack> (дата обращения 08.10.2023)

¹⁰ 10 Amazing Real-World Examples Of How Companies Are Using ChatGPT In 2023. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2023/05/30/10-amazing-real-world-examples-of-how-companies-are-using-chatgpt-in-2023/?sh=2a8d99f14418> (дата обращения 09.10.2023)

¹¹ AI doing the work of over 200 people at Octopus, chief executive says. URL: <https://www.cityam.com/ai-doing-the-work-of-over-200-people-at-octopus-chief-executive-says/> (дата обращения 10.10.2023)

¹² Chegg. URL: <https://www.chegg.com/> (дата обращения 10.10.2023)

¹³ Announcing our new AI chatbot: On-demand learning guidance made easy. URL: <https://www.udacity.com/blog/2023/03/announcing-our-new-ai-chatbot-on-demand-learning-guidance-made-easy.html> (дата обращения 11.10.2023)

программисты Freshworks сократили время на разработку сложного программного обеспечения с 10 недель до меньше недели¹.

Возможности ChatGPT-4, который был анонсирован 14 марта 2023 года, позволяют использовать его и для обеспечения безопасности населения – в криминалистике. Ранее искусственный интеллект уже использовался в интересах этой науки. Так, ученые из Сиракузского университета и сотрудники Департамента судебной биологии мэрии Нью-Йорка совместно разработали новый метод разделения смешанных образцов ДНК, используя алгоритмы ИИ². Также ИИ может применяться для обнаружения случаев стрельбы с помощью датчиков, установленных в общественных местах³. По мнению научного сотрудника Института исследований национальной безопасности США Тусита Булатгама, возможности ChatGPT-4 могут быть использованы в различных методах судебной экспертизы, включая распознавание лиц и отпечатков пальцев, определение возраста, токсикологические анализы, цифровую судебную экспертизу и анализ биологических уликов⁴. Как считает Булатгама, последняя версия ChatGPT может помочь определить причину смерти в случае отравления, также способность нейросети интерпретировать и обрабатывать сложные токсикологические данные может использоваться и для анализов ДНК, идентификации подозреваемых и установления связей между жертвами и преступниками. Вычислительные возможности ChatGPT-4 можно использовать при анализе переписки преступников для выяснения их мотивов и планов⁵. Вместе с тем эксперт отмечает, что при задействовании ChatGPT в расследованиях необходимо создать четкие инструкции и правила, регулирующие применение ИИ в криминалистике, для того, чтобы избежать неправильного или злонамеренного использования ИИ.

В России ChatGPT нашел применение в прикладной социологии. В компании Vox populi проводился эксперимент по сбору социологических данных с использованием простого чат-бота в Telegram, написанного на Python. Задачей для ChatGPT было проведение интервью по определенной теме или заранее предложенному гайду с возможностью задавать дополнительные уточняющие вопросы по теме. Telegram использовался как интерфейс для взаимодействия с пользователем – вывода вопросов и ввода ответов. Все вопросы и ответы сразу подгружались в базу данных. Эксперимент показал, что можно в короткие сроки провести несколько простых интервью, в которых участвовало большое количество респондентов⁶.

¹ Software company CEO says using ChatGPT cuts the time it takes to complete coding tasks from around 9 weeks to just a few days. URL: <https://www.businessinsider.com/chatgpt-coding-openai-ceo-save-time-ai-jobs-software-2023-5?r=US&IR=T> (дата обращения 11.10.2023)

² Artificial Intelligence: The New Way of Solving Crimes. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2023/10/26/artificial-intelligence-the-new-way-of-solving-crimes/> (дата обращения 12.10.2023)

³ Artificial Intelligence: The New Way of Solving Crimes. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2023/10/26/artificial-intelligence-the-new-way-of-solving-crimes/> (дата обращения 12.10.2023)

⁴ Artificial Intelligence: The New Way of Solving Crimes. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2023/10/26/artificial-intelligence-the-new-way-of-solving-crimes/> (дата обращения 12.10.2023)

⁵ Artificial Intelligence: The New Way of Solving Crimes. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2023/10/26/artificial-intelligence-the-new-way-of-solving-crimes/> (дата обращения 12.10.2023)

⁶ Алгоритмы искусственного интеллекта в прикладных социологических исследованиях. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/algorithmy-iskusstvennogo-intellekta-v-prikladnykh-sociologicheskikh-issledovaniyakh> (дата обращения 13.10.2023)

В отечественной образовательной практике уже есть негативные кейсы использования ChatGPT – студент РГГУ написал дипломную работу с помощью этого инструмента искусственного интеллекта и защитил его⁷. Это стало первым случаем использования нейросети для написания диплома не только в России, но и в мире. Несмотря на разработку ведущими вузами регламентов по работе с ИИ, единого подхода в образовательной среде по допущению использования ИИ в студенческих работах, критериях их оценки так и не сложилось.

Широко внедряются возможности ИИ в бизнес-процессы, связанные с управлением персоналом – например, в «Почта Банке» используется чат-бот HR Messenger, который занимается массовым сбором персонала – пишет сценарий диалога с соискателями должности, рассказывает о вакансии и работодателе, задает уточняющие вопросы о навыках⁸. Также технология используется для подготовки должностных инструкций и других документов. В «Ростелекоме» в тестовом режиме работает языковая модель для оценки качества эссе, предоставляемых кандидатами на обучающие программы⁹.

Нейросетевые технологии показывают свою эффективность в экономической сфере – позволяют прогнозировать временные ряды, банкротства, экономическую эффективность финансирования проектов и т.д. Одним из удачных примеров решения проблемы безработицы является нейросеть, разработанная в Югорском государственном университете, позволяющая по более чем 2000 параметров прогнозировать потребности рынка труда по количеству и качеству специалистов¹⁰. Также в ХМАО на службе органов власти нейросеть Vika помогает информировать предпринимателей о возможных государственных мерах поддержки¹¹.

Кейсов использования ИИ и ChatGPT пока не так много, однако технологии активно развиваются и в этом направлении. Например, в мэрии г. Хабаровска объявили о старте работы нейросетевого заместителя главы города Медведя Ерофея, который будет с помощью специального чат-бота собирать вопросы от горожан¹², тем самым обеспечивая эффективную коммуникацию власти и населения. Подобная технология внедрена и в ХМАО на уровне главы региона – у губернатора появился цифровой ассистент, который будет заниматься подготовкой отчетных и аналитических материалов с учетом актуальной нормативной базы, контролем выполнения поручений, коммуникацией с чиновниками¹³.

⁷ Написанный с помощью ChatGPT диплом студента РГГУ проверит руководство вуза. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5798331> (дата обращения 13.10.2023)

⁸ ChatGPT и управление персоналом. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/04/09/970148-chatgpt> (дата обращения 14.10.2023)

⁹ ChatGPT и управление персоналом. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/04/09/970148-chatgpt> (дата обращения 14.10.2023)

¹⁰ Применение технологии нейронных сетей в некоторых сферах экономической деятельности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologii-neyronnyh-setey-v-nekotoryh-sferah-ekonomicheskoy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения 15.10.2023)

¹¹ В Югре нейросеть будет помогать в выборе мер поддержки для IT-компаний в условиях санкций. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14212553> (дата обращения 16.10.2023)

¹² Медведь Ерофей стал новым заместителем Сергея Кравчука. URL: https://hab.aif.ru/society/medved_erofey_stal_novym_zamestitelem_sergeya_kvavchuka (дата обращения 17.10.2023)

¹³ В ХМАО нейросеть станет помощником губернатора Комаровой. Об этом сообщает «Рамблер». URL: <https://auto.rambler>.

Технологии ИИ в политической и партийной системе применяются пока не так активно, хотя их потенциал очень высок. Например, анализ обращений граждан к власти с помощью ИИ может позволить быстро выявлять проблемные области и предлагать решения, формировать адекватную политическую повестку. В июне 2023 года на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) была представлена нейросеть «Жириновский». Нейросеть обучалась на оцифрованном наследии лидера партии ЛДПР В. Жириновского – его выступлениях, высказываниях, интервью политика¹. О намерении использования нейросетей заявили и в партии «Единая Россия»². На основе технологии ChatGPT Центром политической конъюнктуры был разработан «Первый Робот-Политолог», который «использует потенциал GPT-моделей для генерации текста, но формулирует ответы на основе современных российских политологических работ и актуальных комментариев экспертов»³. В США конгрессмен Т. Лью с помощью ChatGPT подготовил резолюцию о контроле искусственного интеллекта, т.к. он остается нерегулируемым и неконтролируемым⁴.

Рисками для политической сферы является способность нейросетей для создания и распространения фейковой информации. Например, в США уже были прецеденты, когда в отношении чиновников и кандидатов на выборах инструментами ИИ были сгенерированы заведомо ложные материалы, порочащие их честь и достоинство⁵⁶. Таким образом, технологии ИИ могут быть использованы для дестабилизации правительств и политических процессов.

Заключение

Анализ открытых источников (публикаций, научных статей и т.д.) показывает, что применение технологий искусственного интеллекта уже активно внедряется в различные сферы жизни человека. Тем не менее примеров их использования в российской социально-политической сфере пока не так много. Перспективы применения ChatGPT и ИИ в рассматриваемых направлениях представляют собой множество возможностей, таких как создание инновационных методов анализа данных, улучшение коммуникаций и взаимодействия с гражданами, а также развитие новых форм управления, решения социальных проблем, прогнозирование общественных настроений.

Изученный негативный опыт по некоторым аспектам использования ИИ, риски и ограничений актуализирует дальнейшее исследование темы для выявления ожиданий, разочарований, перспектив для российского общества

¹ ЛДПР презентовала нейросеть «Жириновский» URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/06/15/980462-ldp-prezentovala-neiroset-zhirinovskii> (дата обращения 19.10.2023)

² Единороссы решили использовать на выборах искусственный интеллект. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2023/6442b5009a7947672f42b743> (дата обращения 20.10.2023)

³ Первый Робот-Политолог. URL: <https://cprk.ru/issledovaniya/budushchee/pervyy-robot-politolog/> (дата обращения 21.10.2023)

⁴ AI wrote a bill to regulate AI. Now Rep. Ted Lieu wants Congress to pass it. URL: <https://lieu.house.gov/media-center/in-the-news/ai-wrote-bill-regulate-ai-now-rep-ted-lieu-wants-congress-pass-it> (дата обращения 21.10.2023)

⁵ Доверяй нейросети, но проверяй. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5915528> (дата обращения 22.10.2023)

⁶ Нейросети в политике: опыт применения. URL: <https://actualcomment.ru/neyroseti-v-politike-opyt-primeneniya-2304061721.html> (дата обращения 23.10.2023)

ства, а также для определения возможных путей развития и адаптации социальных наук к новым вызовам и технологиям.

Литература

1. Виноградов М. Ю., Джигилова Е.Г., Попов Н.С., Султанова Е.Г. Фидря Е.С., Образ цифрового мира и восприятие политики цифровизации в общественном сознании россиян // Журнал политических исследований. – 2023. – Том 7. – № 1.
2. Гаркуша Н. С., Городова Ю.С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов. // Профессиональное образование и рынок труда. – 2023. – Том 11. – № 1.
3. Королева Д.О. Приспособятся ли традиционные институты образования к революции искусственного интеллекта или останутся непроницаемыми? Постановка исследовательских вопросов // Социодиггер. – 2023. – Т. 4. – Вып. 7–8 (27).
4. Литвинцев Д.Б. Диалоги с нейросетью. ChatGPT о своем доме, жилищной социологии и проблемах ее развития в России // Социология науки и технологий. – 2023. – Том 14.
5. Сысоев П. В., Филатов Е.М. Теория и методика обучения иностранному языку // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28. – № 2.
6. Федорченко С.Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. – 2020. – Том 4. – Вып. 2. – № 2.
7. Chinonso O. E., Mfon-Ette T. A., Tolorunleke C.A. (Ph.D.). ChatGPT for Teaching, Learning and Research: Prospects and Challenges. *Global Academic Journal of Humanities and Social Sciences*, – 2023. – Vol. 5. – Iss. 2 (Mar-Apr, 2023).
8. Garg R. K., Vijeth L.U., Akshay A.A., Sarvesh K.C., Vimal P., Sujita K.K. Exploring the role of ChatGPT in patient care (diagnosis and treatment) and medical research: A systematic review. *Health Promotion Perspectives*, – 2023. – 13(3)
9. Hosseini M., Gao C.A., Liebovitz David., Carvalho A. Ahmad F.S., Luo Y., MacDonald N., Holmes K., Kho A. An exploratory survey about using ChatGPT in education, healthcare, and research. *PLOS One*, – 2023. – 18(10).
10. Karakose T. The Utility of ChatGPT in Educational Research – Potential Opportunities and Pitfalls. *Educational Process: International Journal*, – 2023. Vol. 12, – Iss. 2
11. Lund B. D., Wang T. Chatting about ChatGPT: How may AI and GPT impact academia and libraries? *Library Hi Tech News*, – 2023. Vol. 40, – Iss. 3
12. Rahman M. (Md.), Harold J.T., Rahman N. (Md.), Salamzadeh A., Saidur Rahman S. (Md.) ChatGPT and Academic Research: A Review and Recommendations Based on Practical Examples. *Journal of Education, Management and Development Studies*, 2023 – Vol. 3 No. 1

ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE APPLICATION OF CHATGPT AND AI IN POLITICS AND SOCIAL SPHERE

Dzibilova E.G., Pobyvaev N.S.

Center for Social Research and Technological Innovation, HSE

This article discusses Russian and foreign examples of implementing artificial intelligence and neural networks in the economy, politics, and social sphere. The authors conclude that artificial intelli-

gence technologies are already actively used in marketing and education, but there are not so many cases of their use in the public-political sphere. This calls for a more detailed study of open sources of information to form an understanding of the current development of language models, forecasting the situation in Russian society, and searching for opportunities and recommendations for implementing technologies, taking into account the opinions, expectations, and attitudes of citizens.

Keywords: artificial intelligence, ChatGPT, neural networks, worldview, language models, social sphere, politics.

References

1. Vinogradov M. Yu., Dzhobilova E.G., Popov N.S., Sultanova E.G. Fidrya E.S., The image of the digital world and the perception of digitalization policy in the public consciousness of Russians // *Journal of Political Research*. – 2023. – Volume 7. – No. 1.
2. Garkusha N. S., Gorodova Yu.S. Pedagogical capabilities of ChatGPT for the development of cognitive activity of students. // *Professional education and labor market*. – 2023. – Volume 11. – No. 1.
3. Koroleva D.O. Will traditional educational institutions adapt to the revolution of artificial intelligence or remain impenetrable? Statement of research questions // *SocioDigger*. – 2023. – T. 4. – Issue. 7–8 (27).
4. Litvintsev D.B. Dialogues with a neural network. ChatGPT about your home, housing sociology and the problems of its development in Russia // *Sociology of Science and Technology*. – 2023. – Volume 14.
5. Sysoev P.V., Filatov E.M. Theory and methodology of teaching a foreign language // *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. – 2023. – T. 28. – No. 2.
6. Fedorchenko S.N. The phenomenon of artificial intelligence: a citizen between a digital avatar and a political interface // *Journal of Political Research*. – 2020. – Volume 4. – Issue. 2. – No. 2.
7. Chinonso O. E., Mfon-Ette T. A., Tolorunleke C.A. (Ph.D.). ChatGPT for Teaching, Learning and Research: Prospects and Challenges. *Global Academic Journal of Humanities and Social Sciences*, – 2023. – Vol. 5. – Iss. 2 (Mar-Apr, 2023).
8. Garg R. K., Vijeth L.U., Akshay A.A., Sarvesh K.C., Vimal P., Sujita K.K. Exploring the role of ChatGPT in patient care (diagnosis and treatment) and medical research: A systematic review. *Health Promotion Perspectives*, – 2023. – 13(3)
9. Hosseini M., Gao C.A., Liebovitz David., Carvalho A. Ahmad F.S., Luo Y., MacDonald N., Holmes K., Kho A. An exploratory survey about using ChatGPT in education, healthcare, and research. *PLOS One*, – 2023. – 18(10).
10. Karakose T. The Utility of ChatGPT in Educational Research – Potential Opportunities and Pitfalls. *Educational Process: International Journal*, – 2023. Vol. 12, – Iss. 2
11. Lund B. D., Wang T. Chatting about ChatGPT: How may AI and GPT impact academia and libraries? *Library Hi Tech News*, – 2023. Vol. 40, – Iss. 3
12. Rahman M. (Md.), Harold J.T., Rahman N. (Md.), Salamzadeh A., Saidur Rahaman S. (Md.) ChatGPT and Academic Research: A Review and Recommendations Based on Practical Examples. *Journal of Education, Management and Development Studies*, 2023 – Vol. 3 No. 1

Особенности социальной мобильности молодежи в современном российском обществе

Каймаразова Алина Каймаразовна,

аспирант, кафедра теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Московского педагогического государственного университета
E-mail: kajmarazova@yandex.ru

Сегодня в современной России происходят значительные социальные и экономические трансформации, усиливается дифференциация социальных статусов. В таких условиях актуальным становится изучение вопросов социальной мобильности молодежи как особой социально-демографической группы, находящейся в стадии духовного и социального становления и адаптации, являющейся при этом наиболее активной и перспективной в общей картине развития общества. При этом важно рассмотреть указанную проблему не только с теоретической точки зрения, но и в практическом русле. Социальная мобильность российской молодежи имеет ряд особенностей, связанных со спецификой социально-экономического развития страны. В рамках исследования проводится анализ научных работ по проблеме социальной мобильности молодежи в России, результаты которого позволяют выявить насущные проблемы по рассматриваемой теме. Вместе с тем автор статьи предпринимает попытку выявления и систематизации основных особенностей развития социальной мобильности молодежи на современном этапе развития российского общества.

Ключевые слова: социальная мобильность молодежи, социальная стратификация, трудовая мобильность молодежи, идеалы и ценности молодежи, «социальный лифт».

В период значительных и стремительных трансформаций, происходящих сегодня в российском обществе, как и во все другие эпохи перестройки социальной среды, резко увеличивается разрыв между различными слоями общества, что в свою очередь ускоряет мобильность социальных групп и способствует созданию новой общественной структуры.

Для такой социальной группы как молодежь, главными признаками которой являются возрастные характеристики и связанные с ними особенности социального положения в обществе, социальная мобильность имеет наибольшее значение и требует особенно подробного рассмотрения, поскольку именно данная группа стремится максимально использовать свои способности и возможности, чтобы повысить свой социальный статус.

Социальная мобильность сегодня выступает одной из ключевых тем социологического дискурса, что, безусловно порождает многообразие подходов к ее изучению и трактовке. Свой вклад в эволюцию концепции в разное время внесли Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Гидденс, С. Липсет, Р. Бендикс, Б. Дюрье и др. Особую же роль в исследовании социальной мобильности занимает П. Сорокин, основоположник теории стратификаций и социальной мобильности, которая впервые была представлена социологом в изданной в 1927 г. работе «Социальная мобильность». В наиболее распространенном определении П. Сорокина, «под социальной мобильностью понимается любой переход индивида, или социального объекта, или ценности, созданной или модифицированной благодаря деятельности, от одной социальной позиции к другой». [10, с. 373]. Социальная мобильность рассматривалась П. Сорокиным как неотъемлемая часть его стратификационной теории. Таким образом, при подробном рассмотрении видов социальной мобильности имеет смысл их сопоставления с характеристиками стратификационных групп, которые базируются на подходах основоположников теории социальной стратификации – М. Вебера и П. Сорокина.

Первый из них отмечал, что относить индивида к тому или иному слою населения, в первую очередь, следует опираясь на уровень его доходов, престижа и власти в обществе. Подход М. Вебера определяет материальные (финансовые) аспекты наиболее важной составляющей социальной мобильности. [2] П. Сорокин, который является сторонником второго подхода, представляет более многомерную модель стратификации, которая делится тремя базисными направлениями: экономической, политической и профессиональной деятельностью. Он утверждает, что структура общества представляет собой некую пирамиду, где на вершине мест меньше, чем в основании и для того, чтобы попасть наверх, недостаточно просто желания. [9]

П. Сорокин рассматривает социальную мобильность в комплексе и различает перемещение по горизонтали и вертикали; в свою очередь вертикальная мобильность, представляющая наибольший интерес для исследователей, может быть нисходящей и восходящей.

При исследовании и анализе феномена мобильности молодежи, нельзя не отметить ряд особенностей, связан-

ных со спецификой данной социально-демографической группы, находящейся в стадии духовного и социального становления и адаптации. Так, Н.К. Тер-Геворкова в своих исследованиях отмечает, что молодежь, в большей части представленная учащимися и студентами, не обладает ключевыми индикаторами социального статуса – профессией, уровнем престижа и заработком. Это, в свою очередь, диктует необходимость определения их статуса в структуре общества, основанную на показателях социального статуса семей, престижа и востребованности образовательной организации и получаемой профессии. [11, с. 238]

При рассмотрении российского общества со стороны развитости феномена молодежной мобильности также возникают трудности, связанные с особенностями социально-экономического развития страны. Так, по данным мониторинга ВЦИОМ «Образ российской молодежи» лидирующие позиции трудностей, с которыми приходится сталкиваться рассматриваемой социальной группе, заняли трудоустройство, жилищный вопрос и сложности, связанные с получением образования, материальные трудности и неуверенность в завтрашнем дне. [14]

При недостаточности данных в части наиболее важных материальных (экономических) показателей, исследователи обращаются к духовно-ценностным ориентациям молодежи. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш и П.Е. Сушко в своих работах указывают на то, что «мобильность, если рассматривать ее расширительно – это изменение жизненного опыта и смена одной ценностной парадигмы другой». [8, с. 21] В контексте социальной мобильности молодежи данное мнение поддерживает Е.А. Кухтерина. Исследователь обозначает важность понимания приоритетов, ценностных ориентиров, целей и интересов молодых россиян для определения направления их социального перемещения. «Изучение жизненных ориентации молодежи дает богатейший материал для решения проблем трудовой и общественной активности ее, изменения социальной структуры общества». Для молодежи естественно стремиться ко всему новому, пренебрегать риском, что дает им дополненные возможности подняться по социальной лестнице. [6, с. 4].

Так, несмотря на социальные преграды и трудности определения позиции в статусной иерархии, молодежь как социальная группа является наиболее активной и перспективной в общей картине развития российского общества, что подтверждается рядом исследований. В рамках исследования ценностей и приоритетов российской молодежи, проведенном ВЦИОМ в конце 2022 года, более половины опрошенных в возрасте от 14 до 35 лет определили главными желаниями в течение жизни достижение высокого уровня благополучия (58%), спокойную жизнь, работу и заботу о семье (54%), возможность приносить пользу обществу и участвовать в общественной жизни (26%). [15]

Рассматривая отношение к неравенству и социальную мобильность, В.Е. Гимпельсон и Г.А. Монусова, отмечают, что с увеличением рабочих способов вертикального восхождения, благоприятие социального неравенства в обществе будет восприниматься все терпимее, вне зависимости от положения, занимаемого в обществе. [3, с. 3] Нельзя не согласиться и с утверждением, что упрощение перехода между социальными уровнями влечет за собой рост количества индивидов на вершине пирамиды. Однако, в рамках стратификационной теории П. Сорокина, «вытягивание» пирамиды, превращение ее в трапецию за счет переполнения вершины, ведет к серьезным социальным кризисам – революциям, переворотам и дальнейшему перераспределению власти. [9]

Приводимые выше утверждения позволяют сделать вывод о том, что процессы, каналы и пути социальной мобильности в обществе требуют контроля и четкой регуляции со стороны субъектов управления.

Рассматривая процессы социальной мобильности, М.Ф. Черныш использует институциональный подход, определяя социальные институты субъектом ее управления, выделив при этом «эквализирующие», то есть уравнивающие институты, и «дифференцирующие», наращивающие социальную закрытость между различными слоями общества. [13, с. 9] Объектами же управления в данном вопросе считаются пути и практики (каналы) социальной мобильности, также называемые «социальными лифтами». Т.И. Заславская в свою очередь делит социальные институты на базовые и периферийные, в зависимости от уровня их влияния на социальную мобильность. При этом данные категории находятся в постоянном взаимодействии и могут перемещаться из одной группы в другую, что чаще всего происходит в период значительных социально-экономических изменений в обществе. [4] В данном контексте, особенно остро стоит вопрос определения условий, актуальных базовых социальных институтов и ключевых каналов и источников социальной мобильности в российском обществе, в частности, для молодого поколения, как наиболее перспективной социальной группы.

По мнению М.Н. Реутовой, определяющими источниками восходящей мобильности являются закон возрастания потребностей и мотивация к достижению успеха, что говорит о преобладании экономических оснований среди источников социальной мобильности. Ряд современных исследователей, таких как А. Филиппова, Д.С. Петров, Т.Ю. Богомолова и др. также рассматривают социальную мобильность с экономической точки зрения, выделяя именно данный аспект основным при определении социального статуса.

По мнению Т.Ю. Богомоловой, экономическая мобильность должна рассматриваться в виде изменения статуса социальных объектов при перемещении в иерархической структуре. Т.Ю. Богомолова отмечала в своих трудах, что экономическая мобильность содержит в себе возможности человека применять в жизни имеющиеся у него ресурсы: человеческие, экономические и социальные, использовать все возможности и идеи, принимать вызовы от окружающей среды и стойко справляться с любыми потрясениями.

Из этого можно сделать вывод, что на направление и интенсивность развития экономической мобильности непосредственное влияние оказывает множество факторов, причем как материального (собственность, благосостояние и доходы), так и нематериального (работа, образование и социальный капитал) характера. Кроме того, воздействие оказывают и имеющиеся качества и над-профессиональные навыки субъекта экономической мобильности, такие как: способность адаптироваться, умение вести хозяйственную деятельность, мотивационные ценности, стремление к саморазвитию и т.д.

Говоря про экономическую мобильность необходимо отметить, что она содержит в себе два важных аспекта: трудовая мобильность и профессиональная. Данные определения достаточно схожи, однако, имеют ключевое отличие в отсутствии жесткой привязки трудовой мобильности к полученному уровню образования.

Приведенные в статье тезисы дают основание рассуждать о наличии факторов, препятствующих реализации трудовой и профессиональной мобильности современной российской молодежи. Рассмотрим основные из них.

В условиях стабильной экономики и ситуации на рынке труда, работодателей не привлекают молодые специалисты, потому как они не имеют необходимый опыт, что приводит к отсутствию доверия к их работе. Поэтому при поиске и подборе персонала специалисты выбирают сотрудников с релевантным опытом, который зачастую отсутствует у молодых людей. Для рекрутеров такой вариант считается наиболее целесообразным, потому что не приходится обучать новых сотрудников тонкостям и нюансам производственной деятельности.

Однако, ситуация, складывающаяся сегодня на рынке труда в России, говорит о нарастающем кадровом голоде. Так, в конце 2023 года Росстат зафиксировал рекордно низкий показатель безработицы, преодолевший отметку в 3% – впервые в истории страны. [17] Это в свою очередь диктует необходимость обращать внимание на менее интересных до этого молодых специалистов, что может в перспективе позитивно отразиться на социальной мобильности молодежи в стране. Кроме того, молодые кадры выглядят привлекательнее, если цель бизнеса – освоение новых технологий и модернизация производства. В этом случае они выигрывают, так как способны быстрее адаптироваться к различного рода инновациям и нововведениям в отличие от опытных специалистов. [12, с. 29]

Еще одним фактором, оказывающим влияние на трудовую и профессиональную мобильность молодежи, является готовность к трансграничной мобильности – географическим перемещениям в рабочих целях. Так, недавно проведенное исследование среди молодых россиян до 35 лет показало, что 61% из них не готовы к переезду ради карьерного роста. [17] В это же время неравномерность территориальной мобильности среди жителей крупных городов и удаленных малочисленных территорий создают негативные предпосылки к территориальной асимметрии в части распределения трудовых ресурсов российской молодежи.

Однако, ключевым препятствием реализации профессиональной и трудовой мобильности молодого поколения России, по нашему мнению, является группа факторов, связанных с институтом образования, среди которых противоречие системы профессионального образования требованиям современного рынка, несоответствие темпов создания образовательных программ развитию новейших технологий, недостаточность работы в части профориентации учащейся молодежи.

Кроме того, исследователи говорят о том, что основная часть молодых людей испытывает проблемы в процессе профессионального самоопределения под воздействием различных конфликтов ценностей. Не каждый представитель молодежи способен справиться с этими трудностями, поэтому многие просто отдают предпочтение пассивной позиции и асоциальному поведению, теряя смысл в развитии себя как профессионала.

По нашему мнению, решение вопросов качественной модернизации профессионального образования, профориентации молодежи, реализация новых подходов к подготовке молодых кадров, отвечающих ключевым задачам современного общества, может в значительной мере изменить сложившуюся ситуацию ассиметричного профессионального будущего молодого поколения, что в свою очередь приведет к изменению интенсивности и качества социальной мобильности молодежи в стране.

Многие современные исследователи (Е.И. Кузьмина, Д.Л. Константиновский, В.В. Семенова, И.В. Кравченко и др.) рассматривают образование как один из наиболее важных каналов вертикальной мобильности, особенно в контексте социальной мобильности молодежи. [5, с. 8] Это, в свою очередь, подтверждается рядом исследова-

ний, в частности, проведенным Эмори Гетином из Парижской школы экономики на основе данных 150 стран за период 1980–2019 гг., которое показало, что половина роста среднемирового дохода на душу населения, составившего 98% за эти годы, обусловлено вкладом образования. [18]

В реалиях российской общества, проблематика образования, в частности, роли высшего образования в социальной мобильности молодежи, имеет ряд специфических тенденций, сложившихся в последние десятилетия. В.В. Моисеенко выделяет среди них «перекося в количественном соотношении студентов различных направлений подготовки» без привязки к реальным запросам рынка, избыточную доступность высшего образования и его массовость, ставя под вопрос тезис выступления высшего образования как «социального лифта» в современной России. [7, с. 183] Это же мнение поддерживает М.Г. Бурлуцкая, отмечая, что высшее образование, оставаясь важным институтом мобильности, более не является лифтом, способным автоматически перенести на вершину социальной иерархии. [1, с. 93]

На основе приведенных данных и мнений исследователей, можно сделать вывод о необходимости более подробного рассмотрения вопроса необходимости трансформации системы российского образования, в частности, высшей школы, с целью укрепления ее функции «социального лифта» для молодежи.

В процессе изучения научных исследований и мнений разных авторов в отношении социальной мобильности молодого поколения были выявлены исследовательские ниши, которые требуют более глубокой проработки и актуализации.

- 1) Формирование условий для реализации и регулирования социальной мобильности молодых специалистов.
- 2) Выявление условий, при которых молодые специалисты стремятся к вертикальному перемещению.
- 3) Более глубокое изучение современных факторов, оказывающих самое сильное влияние на социальную мобильность и содержательные аспекты ее составляющих.
- 4) Отдельное изучение влияния высшего образования на социальную мобильность в современном российском обществе.
- 5) Выявление условий и направлений трансформации российского образования с целью повышения результативности в качестве «социального лифта» молодого поколения.

Литература

1. Бурлуцкая М.Г. Высшее образование как лифт социальной мобильности: ожидания выпускников и реалии современного общества // Социология образования. М.: Изд-во Современного гуманитар. ун-та, 2012. № 9. С. 93.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 169–183.
3. Гимпельсон, В. Е., Монусова, Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 39 с.
4. Заславская, Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации / Т.И. Заславская. – 1-е изд. – Москва: Дело, 2004.
5. Кузьмина, Е.И. Образовательная мобильность в условиях цифровизации обучения: теоретические подходы и исследовательские практики: дис. канд. соц. наук – 22.00.01; Московский государственный

- институт международных отношений. – Москва, 2022. – 170 с.
6. Кухтерина, Е.А. Социальная мобильность молодежи: дис. канд. соц. наук – 22.00.04; ГОУ ВПО Тюменский индустриальный университет. – Тюмень, 2005. – 234 с.
 7. Моисеенко, В.В. Влияние института высшего образования на социальную мобильность населения в условиях современной России / В.В. Моисеенко // Вестник АГУ. – 2015. – № Выпуск 2 (158). – С. 182–187.
 8. Семенова В. В., Черныш М.Ф., Сушко П.Е. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В.В. Семенова и др.]; отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН. 2019. С. 49.
 9. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992.
 10. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество/Общ. ред. сост. и предисл. А.Ю. Сагомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат. 1992. с. 534.
 11. Тер-Геворкова, Н.К. Социальное здоровье современной молодежи российского общества / Н.К. Тер-Геворкова // Молодой ученый. – 2019. – № 12(250). – С. 237–241
 12. Филиогло, Л.Д. Трудовая мобильность молодежи в условиях нестабильной экономики / Л.Д. Филиогло // Концепт. – 2015. – № 1. – С. 27–34.
 13. Черныш, М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе: дис. докт. соц. наук – 22.00.04 / Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 2005. – 48 с.
 14. Образ российской молодежи: мониторинг. – Текст: электронный // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring> (дата обращения: 02.01.2024).
 15. Ценности молодежи. – Текст: электронный // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 02.01.2024).
 16. После инициативы Минтруда почти 40% молодых россиян заявили о готовности к переезду в другой регион РФ ради карьеры. – Текст: электронный // vc.ru: [сайт]. – URL: <https://vc.ru/avito/484423-posle-initsiativy-mintruda-pochti-40-molodyh-rossiyan-zayavili-o-gotovnosti-k-pereezdu-v-drugoy-region-rf-radi-karery> (дата обращения: 03.01.2024).
 17. Путин: безработица в РФ снизилась до 2,9% впервые в истории. – Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19534019> (дата обращения: 03.01.2024).
 18. Amory, Gethin Distributional growth accounting: education and the reduction of global poverty, 1980–2022 / Gethin Amory. – Текст: электронный // World Inequality Database: [сайт]. – URL: https://wid.world/wpcontent/uploads/2023/12/WorldInequalityLab_WP2023_25_Education-and-the-reduction-of-global-poverty_Final.pdf (дата обращения: 04.01.2024).

FEATURES OF SOCIAL MOBILITY OF YOUTH IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Каймаразова А.К.

Moscow Pedagogical State University

Today, significant social and economic transformations are taking place in modern Russia, and the differentiation of social statuses

is increasing. In such conditions, it becomes relevant to study the issues of social mobility of youth as a special socio-demographic group in the stage of spiritual and social formation and adaptation, which is at the same time the most active and promising in the overall picture of the development of society. At the same time, it is important to consider this problem not only from a theoretical point of view, but also in a practical way. The social mobility of Russian youth has a number of features related to the specifics of the socio-economic development of the country. As part of the study, an analysis of scientific papers on the problem of social mobility of youth in Russia is carried out, the results of which allow us to identify pressing problems on the topic under consideration. At the same time, the author of the article attempts to identify and systematize the main features of the development of social mobility of youth at the present stage of development of Russian society.

Keywords: social mobility of youth, social stratification, labor mobility of youth, ideals and values of youth, social elevator.

References

1. Burlutskaya M.G. Higher education as an elevator of social mobility: expectations of graduates and the realities of modern society // *Sociology of Education*. M.: Publishing House of Modern Humanities. Univ., 2012. No. 9. P. 93.
2. Weber M. Basic concepts of stratification // *Sociological studies*. 1994. No. 5. P. 169–183.
3. Gimpelson, V. E., Monusova, G.A. Perception of inequality and social mobility – M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2014. – (WP3 Series “Problems of the Labor Market”) – 39 s.
4. Zaslavskaya, T.I. Modern Russian society. Social mechanism of transformation / T.I. Zaslavskaya. – 1st ed. – Moscow: Delo, 2004.
5. Kuzmina, E.I. Educational mobility in the context of digitalization of education: theoretical approaches and research practices: dis. Ph.D. social Sciences – 22.00.01; Moscow State Institute of International Relations. – Moscow, 2022. – 170 p.
6. Kukhterina, E.A. Social mobility of youth: dis. Ph.D. social Sciences – 22.00.04; State Educational Institution of Higher Professional Education Tyumen Industrial University. – Tyumen, 2005. – 234 p.
7. Moiseenko, V.V. The influence of the institute of higher education on the social mobility of the population in the conditions of modern Russia / V.V. Moiseenko // *Bulletin of ASU*. – 2015. – No. Issue 2 (158). – pp. 182–187.
8. Semenova V.V., Chernysh M.F., Sushko P.E. Social mobility in an increasingly complex society: objective and subjective aspects: [monograph] / [V.V. Semenova and others]; resp. ed. V.V. Semenova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. FNISC RAS. – M.: FNISC RAS. 2019. P. 49.
9. Sorokin P. Social and cultural mobility // Sorokin P. Man, civilization, society / Ed.A. Yu. Sogomonov. M.: Politizdat, 1992.
10. Sorokin P. Man. Civilization. Society/General ed. comp. and preface A. Yu. Sagomonov: Per. from English M.: Politizdat. 1992. p.534.
11. Ter-Gevorkova, N.K. Social health of modern youth of Russian society / N.K. Ter-Gevorkova // *Young scientist*. – 2019. – No. 12(250). – pp. 237–241
12. Filioglo, L.D. Labor mobility of youth in an unstable economy / L.D. Filioglo // *Concept*. – 2015. – No. 1. – P. 27–34.
13. Chernysh, M.F. Social institutions and mobility in a transforming society: dis. doc. social Sciences – 22.00.04 / Moscow State Institute of International Relations. – Moscow, 2005. – 48 p.
14. The image of Russian youth: monitoring. – Text: electronic // VTsIOM: [website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring> (access date: 01/02/2024).
15. Youth values. – Text: electronic // VTsIOM: [website]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (access date: 01/02/2024).
16. After the initiative of the Ministry of Labor, almost 40% of young Russians declared their readiness to move to another region of the Russian Federation for the sake of a career. – Text: electronic // vc.ru: [website]. – URL: <https://vc.ru/avito/484423-posle-initsiativy-mintruda-pochti-40-molodyh-rossiyan-zayavili-o-gotovnosti-k-pereezdu-v-drugoy-region-rf-radi-karery> (date of access: 01/03/2024).

17. Putin: unemployment in the Russian Federation dropped to 2.9% for the first time in history. – Text: electronic // TASS: [website]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/19534019> (date of access: 01/03/2024).
18. Amory, Gethin Distributional growth accounting: education and the reduction of global poverty, 1980–2022 / Gethin Amory. –

Text: electronic // World Inequality Database: [website]. – URL: https://wid.world/wpcontent/uploads/2023/12/WorldInequalityLab_WP2023_25_Education-and-the-reduction-of-global-poverty_Final.pdf (accessed 01/04/2024).

Карьерные стратегии молодых специалистов: к постановке проблемы

Зозуля Олеся Александровна,

аспирант, Институт социальных технологий, Новосибирский государственный технический университет
E-mail: olesyavolya@mail.ru

Исследование посвящено реализации карьерных стратегий студентами и выпускниками российских вузов. В статье обозначена актуальность темы и ее значимость. Рассматривается феномен карьеры, его особенности, научные подходы к изучению и факторы, влияющие на процесс ее построения. Отдельно освещено индивидуальное самоопределение в карьере, основанное на «профессиональной Я-концепции» Дональда Сьюпера. Также, в исследовании раскрыты понятия «профессиональная компетентность» и «карьерная компетентность», освещено понятие «карьерная стратегия» и возрастные стадии карьеры. Выделены возможные проблемы первичного взаимодействия молодых специалистов и работодателей, связанные с личными позициями каждой из сторон. Приведены результаты социологических опросов разных авторов о проблеме формирования карьерной стратегии молодых специалистов в России, отражены основные выводы о тенденциях развития карьерного пути молодежи страны.

Ключевые слова: карьера, карьерная стратегия, карьерная компетентность, профессиональная компетентность, профессиональная деятельность.

В современном мире молодежь особенно заинтересована в личной карьере. Именно поэтому более четырех миллионов молодых людей в России поступают и учатся в университетах [1]. Процесс реализации карьеры способствует развитию личностных и профессиональных компетенций, а также повышению в должности и общественному признанию. По данным исследования ВЦИОМ в 2019 году, более уверены в своих возможностях карьерного успеха молодые люди от 25 до 34 лет (25% опрошенных) и люди среднего возраста от 35 до 44 лет (24% опрошенных) [2].

Карьеру можно рассматривать как путь продвижения людей по ступеням общего и профессионального образования, квалификационной, должностной или иной иерархии, а также с помощью анализа различных планов людей в различные периоды их жизни [3]. Существует ряд научных подходов к изучению феномена «карьеры». Среди них можно выделить два, которые чаще рассматривают как основные: первый подход раскрывает сущность карьеры как социальной модели продвижения (Д. Сьюпер, Е.А. Климов, А.Н. Толстая), второй подход исследует карьеру как внутренний процесс реализации личностного потенциала (Э. Шейн, Д. Мак-Клеланд, Д. Осгуд, С.Н. Паркинсон).

Карьера – это всегда продвижение вперед или процесс. Карьерный процесс формируется индивидуально для каждого человека в зависимости от ряда факторов. Процесс построения карьеры начинается с выбора профессионального пути и проходит стадии обучения, поступления на работу, профессионального роста [4]. Кроме того, построение карьеры напрямую связано с профессиональным самоопределением, которое берет свое начало еще при получении среднего общего образования, где в процессе обучения выявляется интерес к пониманию и изучению отдельных предметов и интерес к конкретным сферам жизни человека. Так, в теории Д. Сьюпера утверждается, что важнейшей детерминантой профессионального пути является «профессиональная Я-концепция», обозначаемая как представление о своей личности в серии карьерных решений. Д. Сьюпер выделил четыре типа карьеры, которые зависят от особенностей личности, образа жизни, отношений и ценностей человека. Основанием этой классификации является показатель стабильности карьеры:

1. Стабильная карьера – реализуется в единой профессиональной деятельности для конкретного человека через продвижение, обучение тренировки.
2. Обычная карьера – развивается параллельно со стадиями жизненного пути человека.
3. Нестабильная карьера – включает в себя пробы смены профессиональной деятельности, в некоторых случаях после периода стабильной карьеры в другом виде деятельности.
4. Карьера с множественными пробами – состоит из разных профессиональных ориентаций и протекает путем их изменения в течение всей жизни человека [5].

Кроме показателей стабильности, существует еще ряд факторов, которые определяют характер карьеры, а именно:

- психологические факторы (личные способности человека, его целеустремленность и воля);

- макроэкономические факторы (господствующий тип общественно-экономических отношений);
- социальные факторы (объективно-представляемые данным обществом возможности для осуществления карьеры) [6].

Все вышеперечисленные параметры оказывают прямое влияние на карьерный процесс индивидуально для каждого человека, в зависимости от жизненных обстоятельств. Результат карьерного процесса определяет карьерная стратегия, которая в свою очередь формируется на основе профессионального самоопределения, а также профессиональных и карьерных компетенций.

Говоря о профессиональной компетентности, можно определить ее как отношение к успешной профессиональной деятельности, ее значению и определенным специфическим задачам в совокупности со всеми знаниями и навыками, используемыми при ее осуществлении [7].

В свою очередь, становление карьерной компетентности является частью профессионального роста и связано со стремлением человека к достижению определенного социального статуса, развитием своих базовых компетенций в карьерном, профессиональном и личном саморазвитии – на первый план выходит необходимость развития карьерной компетентности как основной профессионально-личностной характеристики.

Понятия «профессиональная компетентность» и «карьерная компетентность» взаимосвязаны между собой, и с изменением содержания одного компонента последует изменение содержания другого. Если профессиональная компетентность выступает залогом успешной профессионализации специалиста на рабочем месте, который обладает определенными знаниями и навыками и компетентен в определенной профессиональной области, то карьерная компетентность проявляется в способности молодого специалиста четко осознать свои карьерные возможности и в соответствии с ними выстраивать пути достижения поставленной цели.

Таким образом, профессиональное самоопределение, профессиональная и карьерная компетентности человека определяют карьерную стратегию как способ построения карьеры с помощью процессов, направленных на организацию и продвижение профессиональной деятельности человека и достижение долгосрочной цели по обеспечению устойчивого роста.

Существуют разные подходы к типологизации карьерных стратегий. Так, типология Голубевой Т.С. [8], в основу которой легли возрастные стадии, содержит следующие этапы, отраженные в таблице 1.

Вторая и третья стадии, присущие возрастной категории молодежи, являются одними из самых сложных, но в то же время основополагающих для будущей карьеры. Карьерный путь должен быть осмысленным и осознанным, с проявлением личностью активности, гибкости и мобильности при построении индивидуальной карьеры, а также иметь мотивацию при приобретении новых знаний и умений в конкретной профессии. Также личность должна быть психологически устойчива на протяжении всего карьерного пути, что позволит добиться наиболее высоких результатов в профессиональной деятельности [9]. Но в силу влияния внешних факторов или личного выбора, часто молодые люди при получении высшего образования совмещают образовательный процесс и работу. С одной стороны, данное совмещение дает возможность получения профессиональных навыков до окончания вуза, с другой, повышает риски прерывания получения образования ввиду сокращения достаточного количества времени при реализации обоих.

Таблица 1. Возрастные стадии карьеры по Голубевой Т.С.

Стадия	Возраст индивида	Характеристика стадии карьеры
I	15–18 лет	Приобретение гражданских прав и обязанностей. Подготовка к рабочему процессу (обучение, саморазвитие, приобретение работы и первых рабочих навыков).
II	19–25 лет	Приобретение профессиональных навыков, изучение перспектив и возможностей в карьере, адаптация внутри организации, самостоятельное следование жизненным целям.
III	26–40 лет	Принятие карьерных решений, изменение цели и задач в жизни и карьере, смена векторов развития, продвижение.
IV	41–55 лет	Переоценка своих возможностей и карьерной лестницы, принятие или изменение пути, поддержание производительности и работоспособности.
V	От 56 лет	Сохранение навыков и передача опыта, сохранение производительности труда.

Другой проблемой при формировании карьерного пути является дисбаланс между позициями работодателя и молодого специалиста:

1. Чрезмерная амбициозность выпускников высшего профессионального образования, которая проявляется в быстром карьерном росте и высоком уровне заработной платы на старте профессиональной деятельности.
2. Недоверие работодателей к личной мотивации молодых специалистов в реализации их карьерного пути.
3. Разница в приоритетах разных поколений, к которым, как правило, относятся работодатели и выпускники образовательных организаций [10].

Несмотря на то, что молодежь имеет трудности в поиске и трудоустройстве в возрасте от 20 до 29 лет, имея высшее образование, эта вероятность вкратно снижается. Также, после получения высшего образования уровень безработицы уровень безработицы снижается пропорционально течению времени [11].

Проведенные социологические опросы по миру говорят о том, что на сегодняшний день молодые люди желают получить стремительный карьерный рост. При первых неудачах многие меняют место работы на новое в поисках лучшего и быстрого результата. Современной молодежи трудно встраиваться в иерархичную систему компаний, следовать правилам и учитывать субординацию. Вследствие данного факта, многие выбирают форму работы на фрилансе или занятие предпринимательской деятельностью. Это подтверждают исследования 2019 года, в которых говорится о том, что более половины из числа респондентов являются людьми старше 31 года, а остальные часть опрошенных является молодыми специалистами. Аргументами к выбору удаленной работы молодые люди выделяют следующие: гибкий график, отсутствие конкретного рабочего мечта, самостоятельный выбор проектов для реализации [12].

Данную тенденцию также подтверждает исследование АНО «Россия» и ГК «ЭФКО», проведенное среди 10 тысяч студентов российских вузов, результаты которого говорят о том, что более половины выпускников планируют совмещение форматов очной и удаленной работы (55%), в то же время 40% респондентов рассматривают только очный формат, а 5% – только полностью удаленную работу. При этом, 20% планируют создание

своего бизнеса, а 25% планируют свою карьеру в государственном секторе или крупных корпорациях. Тем не менее, лишь 4% выпускников рассматривают заводы, 3% – работу в стартапах. Из всех респондентов только третья часть (35%) имеют понимание о том, что для построения карьеры необходимо получение опыта работы в выбранной сфере [13].

Получение необходимого опыта для совершенствования собственных навыков и компетенций возможно получить при обучении в высшем образовательном учреждении, в образовательные программы которых включены практикоориентированные модули и дисциплины с привлечением в образовательный процесс крупных компаний.

По данным мониторинга платформы «Факультетус» в 2022 году в России насчитывается 755361 выпускников бакалавриата, специалитета и магистратуры, из которых 73% являются занятыми и 68% работающими. Полученные данные говорят о достаточно высоком показателе заинтересованности в трудоустройстве и возможности дальнейшей карьеры на основе полученного образования или смежных сфер деятельности [14].

Также, следует важным отметить понимание молодых людей на их старте карьерного пути. При проведении авторского исследования среди студентов первого курса факультета бизнеса НГТУ 2023 года набора было выяснено, 15% опрошенных не могут дать ответ на вопрос о важности высшего образования для них самих, 85% опрошенных указали, что наличие диплома поможет им в поисках достойной работы по профессии, овладением новыми и полезными компетенциями, личностному развитию и построению коммуникаций.

Немаловажную роль играет самостоятельный выбор молодыми людьми вуза для поступления (53,2%), в то время как около трети опирались на мнение матери (23,4%) или отца (10,6%), а остальные 12,8% – на мнение друзей, знакомых, наставников и педагогов.

Более половины студентов (51,1%) в качестве результата обучения в НГТУ ожидают получения востребованной профессии, 23,4% – получение государственного диплома, остальные студенты выбрали яркую студенческую жизнь или научную деятельность.

После окончания вуза 36,2% респондентов планируют открытие своего бизнеса, 31,9% – работать по профилю полученного образования, 19,1% – затрудняются ответить на данный момент, остальные респонденты приняли решения поступить в магистратуру или работать в любой сфере вне зависимости от полученного образования.

Таким образом, карьера является важным этапом в жизни молодых людей, которые в свою очередь стремятся получить высшее образование и найти свой профессиональный путь через построение карьерной стратегии. Путь построения карьеры может быть разным ввиду наличия разных запросов и желаний молодежи, а также влияния социальных, экономических и политических факторов. Несмотря на это, методом проб и ошибок с наличием личной мотивации, молодые специалисты могут достичь карьерного успеха.

В отдельных случаях наблюдается желание стремительной карьеры и недоверие работодателей, но медиатором в решении данной проблемы выступают высшие учебные заведения, которые с помощью образовательных программ и разных форм коммуникации выстраивают отношения между своими студентами и компаниями еще в процессе обучения первых.

Новые форматы работы представляют собой развивающиеся тенденции на рынке труда. Среди них: фриланс, совмещение очной и удаленной работы, полностью

удаленная работа. Формат фриланса дает молодым людям возможность не только выбор интересных проектов, но также совмещения рабочих задач и путешествий.

Литература

1. Характеристика системы высшего образования // ГИВЦ. – URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (дата обращения: 11.01.2024)
2. Карьера российской молодежи: перспективы и трудности // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karera-rossijskoj-molodezhi-perspektivy-i-trudnosti> (дата обращения: 11.01.2024)
3. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 184
4. Фоменко А.В. Карьерная стратегия профессиональной деятельности человека // Профессиональная ориентация. 2019. № 1. С. 114–118.
5. Super D.E. Self-realization through the work and leisure roles. – In book: Educational and vocational guidance. 1985. P. 43.
6. Филиппов Ф.Р. Карьера // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 262–263.
7. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов – на – Дону: Феникс, 1998. 512 с.
8. Голубева Т.С. Стратегия построения карьеры студенческой молодежи // Экономические системы. 2021. Том 14. № 4 (55). С. 177–183. DOI 10.29030/2309–2076–2021–14–4–177–183.
9. Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации: монография / под ред. А.Л. Журавлева, Т.А. Жалагиной, Е.А. Журавлевой, Е.Д. Короткиной. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. – 340 с.
10. Эффективные инструменты моделирования карьеры молодых специалистов // Сетевое издание национальная система квалификаций России. – URL: <https://journal.nark.ru/articles/privlechenie-kadrov-i-upravlenie-kareroj/effektivnye-instrumenty-modelirovaniya-karery-molodykh-spetsialistov/> (дата обращения: 19.01.2024)
11. Мальцева В. А., Розенфельд Н.Я. Образовательно-карьерные траектории выпускников российских вузов на материале лонгитюдного исследования Современная аналитика образования. № 1 (61) 2022
12. Перепись фрилансеров 2019 // TalentTech. – URL: <https://main.talenttech.ru/research/perepis-frilanserov-2019/> (дата обращения: 19.01.2024)
13. Опрос: более 60% российских студентов планируют стать предпринимателями // Россия – страна возможностей. – URL: <https://rsv.ru/news/1/1939/> (дата обращения: 15.01.2024)
14. Мониторинг трудоустройства // Факультетус. – URL: <https://facultetus.ru/trudvsemmonitoring> (дата обращения: 14.01.2024)

CAREER STRATEGIES OF YOUNG SPECIALISTS: TO PROBLEM STATEMENT

Zozulya O.A.

Novosibirsk State Technical University

The study is devoted to the implementation of career strategies by students and graduates of Russian universities. The article indicates the relevance of the topic and its significance. The phenomenon of a career, its features, scientific approaches to study and factors influencing the process of its construction are considered. Individual self-determination in a career, based on the «professional self-concept» of Donald Super, is discussed separately. Also, the study re-

veals the concepts of «professional competence» and «career competence», highlights the concept of «career strategy» and age stages of a career. Possible problems of primary interaction between young professionals and employers related to the personal positions of each party are highlighted. The results of sociological surveys of various authors on the problem of forming a career strategy for young professionals in Russia are presented, and the main conclusions about the trends in the development of the career path of the country's youth are reflected.

Keywords: career, career strategy, career competence, professional competence, professional activity.

References

1. Characteristics of the higher education system // GIVC. – URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo> (access date: 01/11/2024)
2. Career of Russian youth: prospects and difficulties // VTsIOM. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karera-rossijskoj-molodezhi-perspektivy-i-trudnosti> (access date: 01/11/2024)
3. Russian Sociological Encyclopedia / Ed. ed. G.V. Osipova. M., 1998. P. 184
4. Fomenko A.V. Career strategy of a person's professional activity // Professional guidance. 2019. No. 1. pp. 114–118.
5. Super D.E. Self-realization through the work and leisure roles. – In book: Educational and vocational guidance. 1985. P. 43.
6. Filippov F.R. Career // Encyclopedic Sociological Dictionary. M., 1995. S. 262–263.
7. Brief psychological dictionary / Under general. ed. A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. 512 p.
8. Golubeva T.S. Strategy for building a career for students // Economic systems. 2021. Vol. 14. No. 4 (55). pp. 177–183. DOI 10.29030/2309–2076–2021–14–4–177–183.
9. Subject of labor and organizational environment: problems of interaction in the context of globalization: monograph / ed. A.L. Zhuravleva, T.A. Zhalagina, E.A. Zhuravleva, E.D. Korotkina. – Tver: Tver. state univ., 2019. – 340 p.
10. Effective tools for modeling the career of young specialists // Network publication of the national system of qualifications of Russia. – URL: <https://journal.nark.ru/articles/privlechenie-kadrovi-upravlenie-kareroj/effektivnye-instrumenty-modelirovaniya-karery-molodykh-spetsialistov/> (date of access: 01/19/2024)
11. Maltseva V. A., Rosenfeld N. Ya. Educational and career trajectories of graduates of Russian universities based on longitudinal research. Modern analytics of education. № 1 (61) 2022
12. Census of freelancers 2019 // TalentTech. – URL: <https://main.talenttech.ru/research/perepis-frilanserov-2019/> (access date: 01/19/2024)
13. Survey: more than 60% of Russian students plan to become entrepreneurs // Russia – a land of opportunities. – URL: <https://rsv.ru/news/1/1939/> (access date: 01/15/2024)
14. Employment monitoring // Faculty. – URL: <https://facultetus.ru/trudvsemmonitoring> (access date: 01/14/2024)

Социально-проектная деятельность молодежи как инструмент реализации общественной миссии университета

Каймаразова Алина Каймаразовна,

аспирант, кафедра теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Московского педагогического государственного университета
E-mail: kajmarazova@yandex.ru

В статье рассматривается технология социально-проектной деятельности как инструмента реализации «третьей миссии» – общественной миссии университетов. Автор раскрывает актуальность реализации «третьей миссии» университетов в условиях трансформации подхода к образовательной деятельности на современном этапе технологического развития и цифровизации общества. На основе анализа опроса, проведенного среди участников социально-проектной деятельности и их педагогов наставников из 74 регионов Российской Федерации, автор делает вывод о возможности влияния результатов социально-проектной деятельности молодежи на решение социально-значимых вопросов, а также включенности обучающихся высшей школы в социальные процессы общества.

Ключевые слова: университет, миссия, молодёжь, технология, «третья миссия» университетов, общественная миссия, социально-проектная деятельность.

Стремительная трансформация большинства процессов, протекающих в современном обществе, требует пересмотра ролей и функций его основных институтов, в том числе института образования. Для обеспечения комплексного развития общества требуется реализация их интеграционных процессов. Университеты являются одной из самых устойчивых, при этом адаптивных под внешние изменения социальных организаций, в то же время это место формирования культурных и общественных ценностей новых поколений. С этой точки зрения университеты стоит рассматривать как один из важнейших центров изменений, аккумулирующих в себе не только интеллектуальные ресурсы, но и силы государственных, экономических и социальных организаций. «Очевидно, что поле деятельности современных университетов не ограничивается только лишь образовательным и научным направлением, оно включает в себя широкий пласт отношений и взаимодействий с обществом» [5]. Интеграционная деятельность высшей школы в процессы трансформации социальных, культурных, производственных и экономических сфер общества, её взаимодействие с местным сообществом, сегодня рассматривается в концепции «третьей миссии» университетов.

Сам термин стал широко применяться в образовательной среде Европы и США в период 90-х годов прошлого столетия, в России же «третья миссия» попала под пристальное внимание сообщества в последнее десятилетие. Однако, термин, несмотря на активные дискуссии по данному вопросу, зачастую трактуется по-разному. В узком понимании «третья миссия» университетов – это процесс коммерциализации интеллектуальных ресурсов высшей школы. В более широком значении термином обозначают любую деятельность университета вне преподавания и науки, относя к ней и некоммерческую, например, участие в решении социальных вопросов территорий. Для других это новый подход к деятельности высшей школы, основанный на направлениях непрерывного образования, трансфера технологий и вовлечённости университетов в социальную жизнь. [7]. М. Мархл и А. Паусист говорят об отсутствии единой трактовки термина и среди зарубежных коллег, отмечая, что «в общем – «третья миссия» – это средство, позволяющее университетам оставить башню слоновую кости и расширить сотрудничество и обмен с обществом» [3]. Так или иначе, в любом из определений, «третья миссия» университетов предполагает включенность высшей школы в социальную жизнь общества.

Данные исследования, проведенного нами на основе анализа опроса 552 педагогов-наставников и 489 участников социально-проектной деятельности из 74 регионов Российской Федерации, дают право рассматривать технологию социально-проектной деятельности как один из действенных инструментов реализации «третьей миссии» университетов.

Фундаментальные, формирующиеся на протяжении многих веков концепции первой и второй – образовательной и научной, миссий университета на сегодняшний день в достаточной мере изучены и структурированы. Критерии и показатели уровня образования и на-

уки остаются в «стенах» университета, что позволяет проводить оценку эффективности функций образования и производства новых научных знаний, формировать стратегии их развития и в соответствии с ними подбирать соответствующие инструменты реализации. Однако, так называемая «третья миссия» – общественная миссия университета – предполагает включенность высшей школы во внешние процессы, выводит ее за пределы «внутреннего контура», что, в свою очередь, затрудняет для университета как выбор инструментов реализации «третьей миссии», так и дальнейшую оценку ее эффективности. К тому же, «разные университеты будут по-разному задавать свои приоритеты и, в силу этого, предлагать различные критерии оценки выполнения ими третьей миссии» [1].

Вызовы современного общества меняются и сегодня осуществление образовательной и научной задач университета уже невозможно без его включения во внешнюю повестку. Развитие современных технологий, глобальная цифровизация и повышение уровня социальной мобильности требуют смещения фокуса внимания образования и науки на их прикладное назначение, создание тесной связи знаний с их практическим применением в реальной жизни. На основе чего мы можем сделать вывод о зависимости первой и второй миссий от реализации «третьей миссии» на современном этапе развития общества. В свою очередь качество реализации «третьей миссии» высшей школы напрямую зависит от уровня ее образовательных и научных программ – развитие высокотехнологического сектора экономики невозможно без инновационных знаний, зарождающихся в университетских лабораториях, а также высококвалифицированных кадров, выходящих из стен высшей школы. На основе чего можно говорить о важности органичного взаимодействия всех трёх миссий для реализации деятельности образовательной организации высшего образования в современном мире.

Такая тесная взаимосвязь образовательной, научной и общественной функций университета объясняет тот факт, что реализация «третьей миссии» трансформирует не только внешние связи университета со стейкхолдерами, но и внутренние процессы деятельности высшей школы. Сегодня в процессе образовательной деятельности недостаточно передавать накопленный ранее опыт и знания. Современные запросы к системе образования диктуют необходимость воспитания у молодого поколения четкой гражданской позиции, привития социальной ответственности, вовлечённости в решение социальных вопросов, способности гибко реагировать на изменяющиеся обстоятельства в условиях нестабильности, необходимость выстраивания системы непрерывного образования и индивидуальных образовательных траекторий. «Формирующееся новое постиндустриальное информационное общество, очевидно, требует нового типа специалистов, которые бы могли эффективно применять свои знания, максимально используя имеющиеся для этого ресурсы» [2].

В этом отношении социально-проектная деятельность, как социальная технология, направленная на решение существующих или потенциальных социально-значимых проблем на основе данных социально-диагностических исследований и оценки существующих ресурсов с применением социальных знаний, наиболее успешно решает одну из основных задач, ставящихся перед современным образованием – создание тесной связи теоретических знаний к их практическому применению.

Изначально «метод проектов был призван сформировать у учащихся личную заинтересованность в приоб-

ретаемых знаниях, необходимых в жизни» [6]. В процессе работы над проектом обучающиеся решают реальную задачу, существующую за пределами образовательного пространства, осваивая навык применения полученных за время обучения знаний на практике. Осознание важности проблемы, на решение которой направлен проект, формирует у обучающихся вовлеченность и заинтересованность как в решение социальных вопросов, так и сам образовательный процесс.

Данные исследования, проведенного нами на основе анализа опроса 552 педагогов-наставников и 489 участников социально-проектной деятельности из 74 регионов Российской Федерации, дают право рассматривать социально-проектную деятельность как одну из действенных социальных технологий реализации молодежной политики в высшей школе.

Так, в ходе проводимого исследования, участникам социально-проектной деятельности был задан вопрос «Почему Вы приняли участие в реализации Вашего проекта?». 18% респондентов – наибольший процент, определили наиболее значимым мотивом интереса заниматься чем-то важным. Следующим по популярности стал мотив формирования проектных навыков – 14%, а также поиск путей для личной самореализации – 13,4%. Лишь 2% респондентов определили мотивом занятия социально-проектной деятельностью альтернативный способ времяпрепровождения.

В процессе работы над социальным проектом у участников проектной деятельности формируется ряд важных практических навыков и компетенций, развить которые в процессе традиционных форм обучения затруднительно. Как видно из данных исследования, формирование проектных навыков является важным мотивом занятия социально-проектной деятельностью. В рамках исследования были определены наиболее важные навыки, формирующиеся в процессе работы над социальным проектом. Так 13,8% респондентов отметили, что, в первую очередь, у них были сформированы навыки по постановке цели и задач, планирования результата, 11,5% отметили формирование умения работать с информацией, 10,7% – умение искать методы и способы решения задач, 9,1% – планировать свою работу, 8,5% – умение выбрать новое направление для проекта или исследования. Также респондентами были отмечены навыки организации работы группы – их обозначили в ответе 7,4% респондентов, участия в совместной деятельности проектной группы – 7,4%, принятия самостоятельных решений – 7%. Менее популярными ответами стали навыки выбора способа презентации готового проекта, осуществления социальных коммуникаций, умения переживать стрессовые ситуации, привлечения экспертов и заинтересованные стороны в проект, обеспечения PR-сопровождения и продвижения проекта в СМИ. Затруднились с ответом лишь 0,5% респондентов.

«Включаясь в социально-проектную деятельность, участники проекта целенаправленно и/или спонтанно погружаются в сложную сеть социальных контактов с политическими, властными структурами, хозяйственными органами, общественными и образовательными организациями, механизмами внешнего регулирования и внутрикомандного управления» [4], решая, таким образом, основную задачу «третьей миссии» университетов по включенности высшей школы в процессы преобразования общественных процессов и решения вопросов территорий. Это также подтверждают результаты ранее приводимого в пример исследования. На вопрос «как Вы считаете, может ли проект обучающегося оказать существенное влияние на развитие общества, науки или территории при его реализации?», абсолютное боль-

шинство респондентов (94%) – педагогов-наставников участников проектной деятельности, ответили положительно. Так, 39% опрошенных дали ответ «определенно да», 55% – «скорее да, чем нет». Лишь 2% респондентов ответили отрицательно, 4% затруднились с ответом на вопрос.

Полученные результаты фиксируют возможную положительную оценку влияния проектов обучающихся на развитие общества, науки или территорий, что дает право на вывод о том, что социально-проектная деятельность является действенным инструментом в реализации «третьей миссии» университетов.

Литература

1. Головкин Н.В., Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Третья миссия университета и модель многопользовательского управления для регионального развития // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 5–17.
2. Касаткин, П.И. Современное образование: функции и предназначение // Проблемы современного образования. № 5. 2017. С. 109–119.
3. Мархл, М., Паусист А. Индикаторы третьей миссии для новых методологий ранжирования / Оценка в высшем образовании 5:1. 2011: 43–64.
4. Пастухова Л.С. Социально-проектная деятельность как открытое воспитательное пространство: к созданию современной концепции гражданского воспитания // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 5 (62). С. 67–81.
5. Сорокин, С. Э. «Третья миссия» университетов: социально-философский анализ: автореф. дис ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / С.Э. Сорокин. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М.В. Ломоносова, 2020. 34 с.
6. Стенина Т.Л. Педагогические цели социального проектирования как метода обучения // Вестник ОГУ № 2 (121), февраль 2011. С. 344–348.
7. Третья миссия университетов. Рector ВУЗа № 1–2/2018. 2018; 1–2.

SOCIAL PROJECT ACTIVITIES OF YOUTH AS A TOOL FOR IMPLEMENTING THE PUBLIC MISSION OF THE UNIVERSITY

Kaymarazova A.K.

Moscow Pedagogical State University

The article considers technology of social-project activity as an instrument of realization of «third mission» – public mission of universities. The author reveals the urgency of implementing the «third mission» of universities in the conditions of transformation of the approach to educational activity at the present stage of technological development and digitalization of society. On the basis of the analysis of the survey conducted among the participants of social-project activities and their instructors mentors from 74 regions of the Russian Federation, the author concludes that the results of social-project activities of young people may influence the decision-significant issues, as well as the inclusion of students of higher education in the social processes of society.

Keywords: university, mission, youth, «third mission» of universities, technology, public mission, social project activity.

Reference

1. Golovko N.V., Zinevich O.V., Ruzankina E.A. The third mission of the university and the model of multi-user management for regional development // Comparative Politics. 2018. No. 1. P. 5–17.
2. Kasatkin, P.I. Modern education: functions and purpose // Problems of modern education. No. 5. 2017. pp. 109–119.
3. Marhl, M., Pausist A. Third mission indicators for new ranking methodologies / Assessment in Higher Education 5:1. 2011: 43–64.
4. Pastukhova L.S. Social-project activity as an open educational space: towards the creation of a modern concept of civic education // Domestic and foreign pedagogy. 2019. T.1, No. 5 (62). pp. 67–81.
5. Sorokin, S. E. «The Third Mission» of Universities: Social and Philosophical Analysis: Abstract. dis... dr. philos. Sciences: 09.00.11 / S.E. Sorokin. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after. M.V. Lomonosova, 2020. 34 p.
6. Stenina T.L. Pedagogical goals of social design as a teaching method // Bulletin of OSU No. 2 (121), February 2011. P. 344–348.
7. The third mission of universities. Rector of the University No. 1–2/2018. 2018; 1–2.

Камнева Елена Владимировна,

к.п.н., ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: EKamneva@fa.ru

Симонова Маргарита Михайловна,

к.с.н., ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: MMSimonova@fa.ru

В статье авторами рассмотрена теория самодетерминации, определяющая внутреннюю и несколько типов внешней мотивации и описывающая, как эти мотивы влияют на ситуационные реакции человека в различных областях жизнедеятельности, включая и профессиональную сферу. Проанализированы особенности шести мини-теорий теории самодетерминации. Сделаны выводы, что управление потребностями повышает личный рост сотрудников, их производительность, самооценку, благополучие и приверженность организации.

Ключевые слова: самодетерминация, автономия, компетентность, потребность в отношениях, персонал.

Мотивация была и есть центральной и многолетней проблемой в области психологии, потому что именно она лежит в основе биологического, когнитивного и социального регулирования поведения. Люди могут быть мотивированы, потому что они ценят деятельность или потому что есть сильное внешнее принуждение. Их профессиональная деятельность будет осуществляться при интересе к работе или если эта работа будет материально вознаграждена, при ее невыполнении последует наказание [3].

В теории самодетерминации (SDT), основателями которой являются Ричард Райан и Эдвард Деси [3], утверждается, что у человека есть чувство выбора и чувство свободы делать то, что человек решил делать, и типы мотивации различаются на основе разных уровней самодетерминации [1]. Теория основана на фундаментальном гуманистическом предположении о том, что люди естественным образом и активно ориентируются на рост и самоорганизацию [2].

Теория самодетерминации – это широкая теория человеческой личности и мотивации, определяющая внутреннюю и несколько типов внешней мотивации и описывающая, как эти мотивы влияют на ситуационные реакции в различных областях, а также на социальное и когнитивное развитие и личность, объясняющая, как человек взаимодействует с социальной средой, а также объясняющая его зависимость от окружающей социальной среды [2]. Автономная мотивация и контролируемая мотивация возникают намеренно, и они имеют значимые отличия от амотивации, в которой отсутствуют намерения и мотивации. Внешняя мотивация может стать автономной. Внутренняя мотивация, основанная на интересе к деятельности, и автономная внешняя мотивация, основанная по важности выполняемого задания, связаны с его выполнением, удовлетворенностью, доверием и благополучием на рабочем месте.

Теория самодетерминации состоит из «мини-теорий», которые объединяются, чтобы дать всестороннее понимание человеческой мотивации и функционирования и объясняют поведение личности в сферах ее жизнедеятельности, включая работу, отношения, образование, религию, здоровье, спорт, а также стереотипы и предрассудки.

В основе каждой мини-теории лежит идея основных психологических потребностей; индивиды стремятся и нуждаются в автономии (ощущение себя свободным и направленным на себя), компетентности (необходимость чувствовать себя эффективным) и связанности (общаться с другими людьми) [2].

Автономия означает ощущение индивидом того, что они могут контролировать свои собственные действия, выбор и испытывать желание прогрессировать так, как они считают лучшим. Личность, ощущающая себя автономной, удовлетворяет универсальную потребность чувствовать себя деятелем, причиной собственной жизни и жить в гармонии со своим интегрированным Я.

Человек, обладающий компетентностью, живет с ощущением, что он знает, что делает, может выполнить задачу и обладает нужными знаниями и навыками для достижения успеха. Такой индивид стремится быть эффективным, он настроен справляться с задачами оп-

тимального уровня трудности, отвечая на вызовы, которые предъявляет ему окружающая индивида среда.

Потребность в отношениях предполагает стремление личности иметь надежных друзей и быть понятой и принятой ими. Это ощущение, что человек чувствует себя связанным внутри сообщества и люди разделяют с ним схожие цели.

Эти основные потребности инициируют и регулируют человеческое поведение. С другой стороны, теория не фокусируется на различной силе потребностей. Вместо этого она подчеркивает, были ли потребности удовлетворены или пресечены.

Теория когнитивной оценки (первая мини-теория) сосредоточена на факторах, которые формируют мотивацию, влияя на воспринимаемую автономность и компетентность. Теория когнитивной оценки стремится описать, как внутренние, так и внешние события влияют на внутреннюю мотивацию людей. Внутренняя мотивация может усиливаться или ослабляться в зависимости от степени, в которой внешние события (например, вознаграждения, наказание), межличностный контекст (например, критика или похвала от партнера по отношениям), а также внутренние склонности (например, склонность человека чувствовать себя вовлеченным в задачу) влияют на самовосприятие человеком своей автономии и компетентности.

Вторая мини-теория – теория организмической интеграции, и она касается различных форм внешней мотивации, их свойств, детерминант и последствий. Как люди могут быть мотивированы на поведение, которое не является по сути интересным или доставляющим удовольствие.

Теория причинно-следственных ориентаций описывает личностные предрасположенности, то есть являются ли индивидуумы, как правило, независимыми, контролируемыми или безличными.

Четвертая мини-теория, основная теория психологических потребностей, обсуждает роль основных психологических потребностей в здоровье и благополучии и, что важно, описывает, каким образом социальные среды могут пренебрегать, мешать или удовлетворять основные психологические потребности людей.

В мини-теории содержания целей рассматривается как внутренние и внешние цели влияют на здоровье и благополучие индивида. Данная теория соединяет теорию самодетерминации с ценностями, предполагая, что основные психологические потребности также определяют или лежат в основе систем ценностей.

В теории мотивации взаимоотношений, связанной с необходимостью развития и поддержания отношений, отмечается, что взаимодействия, поддерживающие близкие личные отношения, таких как с лучшими друзьями и романтическими партнерами, а также принадлежность человека к определенным группам необходимо для его адаптации и благополучия, потому что эти отношения позволяют получить удовлетворение потребности в связях.

Самодетерминация относится к выбору и изменению сотрудником своих собственных действий. Это врожденное желание человека – иметь чувство выбора, автоно-

мии и цели в отношении его поведения. Удовлетворение психологических потребностей сотрудников в результате результативного взаимодействия с руководителем является сильным источником привязанности сотрудника к группе и организации. Поддержка руководством автономии приводят к удовлетворенности работой сотрудников, лучшей эффективности и организационной приверженности. Теория самоопределения предполагает, что удовлетворение потребности сотрудников обеспечивает им больший контроль над своими действиями и, следовательно, и положительно влияет на выполнение их организационных обязанностей, то есть на их отношение к работе. Создание рабочих мест, обеспечивающих контекст для благополучия сотрудников, позволяет достичь большей приверженности сотрудников.

Таким образом, управление потребностями повышает личный рост сотрудников, производительность, самооценку, благополучие и приверженность организации.

Литература

1. Guay F. (2022). Applying self-determination theory to education: Regulations types, Psychological needs, and autonomy supporting behaviors. *Canadian Journal of School Psychology*, 37(1), 75–92.
2. Legault L. (2017) Self-Determination Theory. In book: *Encyclopedia of Personality and Individual Differences* Editors: V. Zeigler-Hill and T. Shackelfordhttps.
3. Ryan R.M., Deci E.L. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a selfdetermination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology*, 61, 101860.

THEORY OF SELF-DETERMINATION AND PERSONNEL MANAGEMENT

Kamneva E.V., Simonova M.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The authors examined the theory of self-determination, which determines the internal and several types of external motivation and describes how these motives affect the situational reactions of a person in various areas of life, including the professional sphere. The features of the six mini-theories of the theory of self-determination are analyzed. Conclusions are drawn that the management of needs increases the personal growth of employees, their performance, self-esteem, well-being and commitment to the organization.

Keywords: self-determination, autonomy, competence, need for relationships, staff.

References

1. Guay F. (2022). Applying self-determination theory to education: Regulations types, Psychological needs, and autonomy supporting behaviors. *Canadian Journal of School Psychology*, 37(1), 75–92.
2. Legault L. (2017) Self-Determination Theory. In book: *Encyclopedia of Personality and Individual Differences* Editors: V. Zeigler-Hill and T. Shackelfordhttps.
3. Ryan R.M., Deci E.L. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a selfdetermination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology*, 61, 101860.

Социально-профессиональные установки преподавателей гуманитарного профиля

Карамышева Елена Юрьевна,

аспирант кафедры «Социология и управление персоналом»
Пензенского государственного университета
E-mail: karamyshevaelena@inbox.ru

Щанина Екатерина Владимировна,

д.с.н., доцент, заведующий кафедрой «Социология
и управление персоналом» Пензенского государственного
университета
E-mail: shchanina@mail.ru

В статье представлен анализ социально – профессиональных установок преподавателей высшей школы гуманитарного профиля. В современных реалиях на фоне изменений условий труда преподавательского корпуса и дихотомии функций образовательных услуг вопрос идентичности и профессиональных установок преподавателей высших учебных заведений крайне актуален. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют исследования противоречий в формировании профессиональных установок преподавателей вузов в условиях глобальных вызовов и угроз XXI века, когда функции оказания и продвижения образовательных услуг вносят диссонанс в традиционные функции преподавателей (педагогическая, воспитательная, научная).

Целью данного исследования является анализ социально – профессиональных установок преподавателей социально-гуманитарного профиля в условиях изменяющейся системы высшего образования.

Обзор научных трудов по теме социальной идентичности в условиях изменений в системе высшего образования, позволил раскрыть понятие «преподаватель ВУЗа социально-гуманитарного профиля» в контексте социально-профессиональной группы и дать ей характеристику. На основе анализа результатов межрегионального социологического исследования среди преподавателей – гуманитариев, работающих в высших учебных заведениях 18 регионов РФ предложена типология социально-профессиональных установок преподавателей-гуманитариев высшей школы.

Ключевые слова: социальная группа, преподаватели социально-гуманитарного профиля, преподаватель вуза, профессиональная идентичность, социально – профессиональные установки.

Преподаватели вузов являются одним из главных субъектов системы высшего образования, которые непосредственно реализуют инновации в системе высшего образования, транслируют новые подходы и требования. В этой связи возникает необходимость рассмотрения преподавателей вузов как особой социально-профессиональной группы.

Мы исходим из того, что социальная группа представляет собой совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих социально необходимую функцию в структуре общества, разделения труда и деятельности [6, С. 238]. Социальные группы создаются с конкретной целью, в следствии определенных социальных потребностей и необходимости их удовлетворения. Пребывание в группе предполагает осознание своих социальных функций как представителя группы. Р. Мертон определил социальную группу как совокупность людей, чувствующих свою принадлежность к этой группе, определенным образом взаимодействующих друг с другом, а также воспринимаемыми другими как члены этой группы [1, с. 147]. Данной точки зрения придерживается Н. Смелзер [2, с. 166]. Р. Мертон и Н. Смелзер подчеркивают, что социальной группой может быть только тот коллектив, в котором члены группы воспринимают себя «внутри коллектива» при внешнем признании данной групп [1]. По мнению Э. Гидденса и М. Олсона в качестве ключевого показателя и основных характеристик социальной группы выделяется степень регулярности взаимодействия индивидов, а также наличие и согласование общих интересов членов социальной группы [3], [4]. Согласно Т. Лоусону состав социальной группы формируют индивиды, взаимодействующие между собой формально и неформально [5]. Все перечисленные черты социальной группы в полной мере характерны для преподавателей вузов социально-гуманитарного профиля – взаимодействие друг с другом, деятельность в одних организациях, участие в социальных и культурных изменениях, обмен информацией и опытом в профессиональных сообществах и ассоциациях, идентификация через разделяемые всеми обязанности, подтверждение членства работодателем (членство подтверждается формально) и признание окружающими. Среди многочисленных классификаций социальных групп по форме организации, продолжительности взаимодействия, количеству и составу можно выделить общие признаки, позволяющие идентифицировать сообщество. Профессия выступает одним из таких признаков. Необходимо отметить социальную составляющую понятия «профессия», а именно ее общественно-значимый вклад, набор определенных знаний и навыков, воспроизводство социальных норм и ценностей. Важной особенностью социальной профессиональной группы является наличие собственной системы профессиональной идентификации, которая определяет принадлежность к этой группе. Вышесказанное позволяет нам отнести преподавателей социально-гуманитарного профиля к социально-профессиональной группе с высоким уровнем профессионализма, компетентности и эффективности в своей области.

При рассмотрении социально – профессиональных установок мы опирались на диспозиционную концеп-

цию В.А. Ядова. В его иерархической системе диспозиций на втором и третьем уровне вырабатываются когнитивные и поведенческие аспекты, а также установки связанные со сферой деятельности человека – они выступают как базовые социологические характеристики, определяющие направление интересов человека. Четвертый уровень определяют ценностные ориентации личности [6]. Данная концепция определяет роль социально-профессиональных установок с учетом потребностей личности и условий реализации этих потребностей. Отсюда следует, что выделенная нами социальная составляющая понятия «профессия» (общественно-значимый вклад, набор определенных знаний и навыков, воспроизводство социальных норм и ценностей и т.д.), наряду с изменениями в условиях труда преподавательского корпуса, влияют на формирование социально-профессиональных установок преподавателей-гуманитариев.

Для всестороннего анализа следует соотнести понятия «социально- профессиональные установки» и «социальная идентичность». Социологические теории идентичности опираются на теорию «Я», которое формируется в ходе социальных интеракций (Ч.Х. Кули, Дж. Мид) [7; 8], акцентируют внимание на роли смыслов, которые индивид придает своим взаимоотношениям с окружающими (Г. Блумер) [9]. Социальная идентичность рассматривается с точки зрения социального конструирования реальности в контексте конкретного общества (П. Бергер и Т. Лукман) [10], соотношения человека с фундаментальными ценностями и его личной активностью (И.С. Кон, В.А. Ядов, Н.А. Шматко) [11; 12; 13]. Выделение профессиональной идентичности как отдельного социального феномена отмечается в работах Л.Б. Шнейдер [14]. Стоит отметить определенную тождественность формирования социально-профессиональных установок и социальной идентичности. Влияние на формирование общих факторов – конкретные условия/общество, фундаментальные ценности, индивидуальные потребности, личностные характеристики и т.д. говорит о неразрывности этих понятий. В контексте изменяющейся системы высшего образования переформатирование социально-профессиональных установок преподавателей гуманитарного профиля выступает ведущим индикатором идентичности рассматриваемой группы. От вектора изменений в установках зависит степень принадлежности к профессиональной группе, о чем свидетельствуют социологические исследования, проведенные под руководством профессора, д.с.н. Шиняевой О.В.

Следовательно, целью данной статьи является анализ профессиональных установок, профессиональной идентичности преподавателей вузов социально-гуманитарного профиля в условиях трансформации системы высшего образования. Эмпирической базой является – социологическое исследование среди преподавателей-гуманитариев, работающих в высших учебных заведениях 18 регионов РФ под руководством профессора, д.с.н. Шиняевой О.В. (2021 г., метод – анкетный опрос, n = 850).

Профессиональная идентичность преподавателей гуманитарного профиля формируется на основе ценностей, норм и ролей, которые он и считают важными в своей деятельности, а также их стремления к постоянному развитию и самосовершенствованию. Наглядным показателем при формировании профессиональных установок преподавателей выступают причины выбора в пользу работы в вузе [15]. Так, основными причинами выбора работы в вузе является предрасположенность к педагогической деятельности (37% респондентов) и возможность интеллектуального совершенствования

(35% респондентов). Значимость социального статуса преподавателя вуза важна для 11% мужчин, а для 24% женщин – стабильность заработка и трудоустройства. Это объясняется тем, что работа в вузе предполагает постоянное обучение и совершенствование своих навыков, а также взаимодействие с профессионалами и учеными в своей научной сфере, на второй план для преподавателей вузов выходит стабильный заработок и гарантия трудоустройства (21% респондентов) (рис. 1).

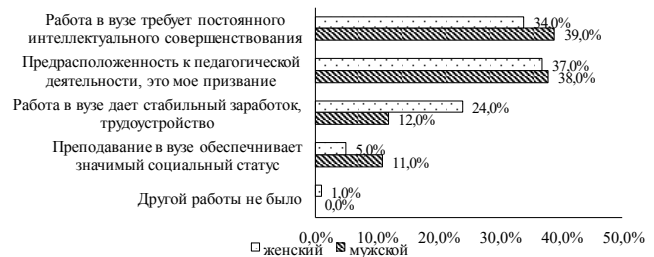

Рис. 1. Причины выбора в пользу работы в ВУЗе в зависимости от пола (в % от числа опрошенных, n = 850)

Наиболее характерна данная ситуация для преподавателей университетов, имеющих особый статус. Стоит отметить, что для преподавателей обычных вузов стабильный заработок и трудоустройство имеют большее значение, чем для преподавателей университетов особого статуса и опорных вузов (26%, 17% и 18% респондентов соответственно). В основном это связано с тем, что университеты особого статуса расположены в мегаполисах и крупных городах, где больше возможностей для трудовой мобильности (рис. 2).

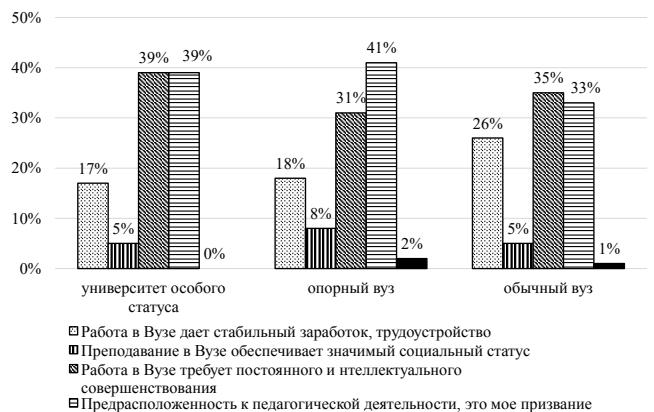
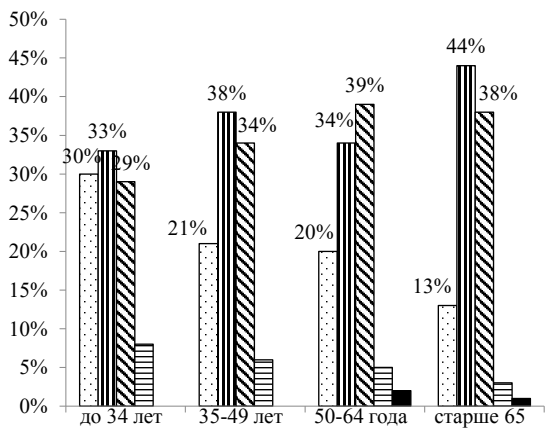

Рис. 2. Причины выбора в пользу работы в ВУЗе в зависимости от типа ВУЗа (в % от числа опрошенных, n = 850)

Предрасположенность к преподаванию и возможность постоянного интеллектуального совершенствования (44% респондентов и 38% респондентов соответственно) являются главными причинами выбора работы в вузе. Здесь следует отметить, что значимость данных причин увеличивается в зависимости от возраста респондентов. Далее по значимости – стабильность трудоустройства и заработной платы (30% респондентов), однако следует отметить, что с увеличением возраста респондентов значимость данных причин заметно снижается, с 30% респондентов в возрасте до 34 лет до 13% респондентов в возрасте старше 65 лет. Следует отметить, что для молодых преподавателей возможность интеллектуального совершенствования и предрасположенность к педагогической деятельности имеет равное значение со стабильностью в отношении заработной платы и трудоустройства. Таким образом, молодые преподаватели рассматривают ВУЗ как надежного работодателя и гаранта стабильности (рис. 3).

- Работа в вузе дает стабильный заработок, трудоустройство
- ▨ Предрасположенность к педагогической деятельности, это мое призвание
- ▩ Работа в вузе требует постоянного интеллектуального совершенствования
- Преподавание в вузе обеспечивает значимый социальный статус
- Другой работы не было

Рис. 3. Причины выбора в пользу работы в ВУЗе в зависимости от возраста респондентов (в % от числа опрошенных, n = 850)

Основными преимуществами работы в ВУЗе являются общение с молодежью (73% респондентов), творческий характер работы (65% респондентов), свободный график работы (47% респондентов) и возможности профессионального роста (37% респондентов). Однако, престиж работника высшей школы и достойный уровень оплаты труда отметили как преимущество только 9 и 5% респондентов соответственно. В зависимости от занимаемой должности принципиальным преимуществом работы в ВУЗе (помимо указанных выше) для доцентов является соответствие работы уровню образования (34% респондентов), для старших преподавателей – наличие свободного времени (37% респондентов), для ассистентов и профессоров – возможность профессионального роста (68 и 56% респондентов соответственно). Достойный уровень заработной платы, высокий престиж труда работника ВУЗа, возможность подрабатывать в других местах не рассматривается преподавателями в качестве преимуществ работы в ВУЗе (рис. 4).

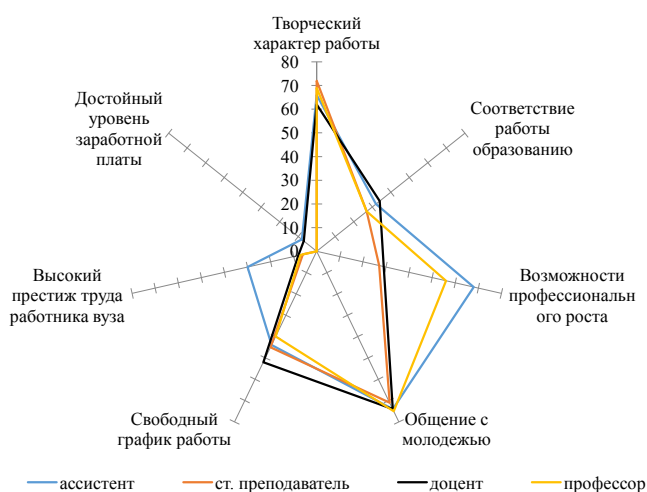

Рис. 4. Преимущества работы в ВУЗе в зависимости от занимаемой должности (в % от числа опрошенных, n = 850)

Недостатками работы в ВУЗе преподаватели считают большой объем «бумажной работы» – (76% респондентов), увеличение аудиторной нагрузки – (60% респондентов), низкий материальный статус – (43% респондентов), постоянное изменение требований к труду – (39%

респондентов). Большой объем «бумажной работы» в равной степени волнует преподавателей ВУЗа вне зависимости от занимаемой должности и социально демографических характеристик. Для преподавателей университетов, имеющих особый статус, остро стоят вопросы объемов «бумажной работы», низкий материальный статус и постоянные изменения требований к труду. Для преподавателей региональных вузов главной проблемой является увеличение аудиторной нагрузки (рис. 5).

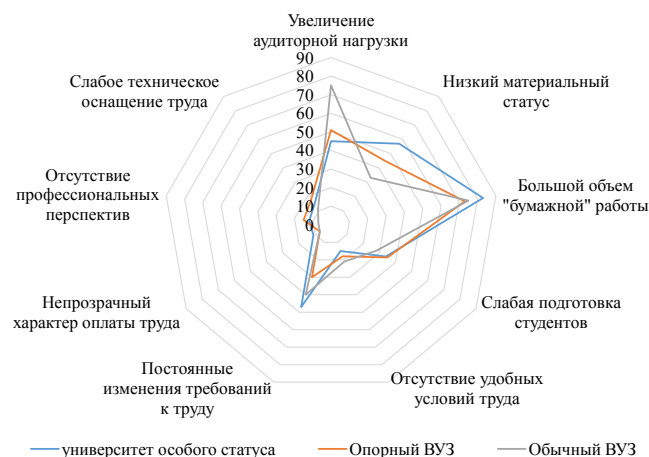

Рис. 5. Недостатки работы в ВУЗе в зависимости от типа учебного заведения (в % от числа опрошенных, n = 850)

Анализ результатов исследования о преимуществах и недостатках работы в ВУЗе показал, что большой объем бумажной работы, увеличение аудиторной нагрузки, низкий материальный статус, постоянное изменение требований к труду приводят к тому, что преподаватели вуза лишены возможности улучшить свое материальное положение, иметь дополнительный доход и все это приводит к снижению престижа труда работника вуза. Проблема низкого материального статуса наиболее остро озвучена профессорами вузов и преподавателями университетов, имеющими особый статус.

Результаты исследования показали, что 75% респондентов повторили бы свой выбор, если бы у них была такая возможность. Данный результат свидетельствует о достаточно высокой лояльности преподавателей к вузу как работодателю, несмотря на обозначенные проблемы и недостатки работы в системе высшего образования.

Рис. 6. Качества необходимые для работы в ВУЗе (в % от числа опрошенных, n = 850)

По мнению преподавателей вузов, для успешной работы современный преподаватель должен обладать в первую очередь профессиональной компетентностью (85% респондентов) и коммуникабельностью (49% респондентов), стремиться к самообразованию и развитию (74% респондентов), поскольку работа в вузе требует постоянного интеллектуального совершенствования,

в связи с постоянными изменениями в требованиях к результатам своей деятельности, совершенствованием образовательных стандартов, внедрением технологий дистанционного обучения (см. рис. 6).

Результаты исследования позволили определить следующие типы социально-профессиональных установок преподавателей высшей школы.

1. Установка на академическую карьеру: преподаватели, которые видят свою работу в вузе как возможность строить успешную академическую карьеру. Они стремятся к получению научных степеней, публикации своих исследований, привлечению грантов и участию в научных проектах. Данный тип профессиональных установок характерен для 55% респондентов – преподавателей социально-гуманитарного профиля.

2. Установка на педагогическую деятельность: преподаватели, для которых передача знаний является основной приоритетной деятельностью. Они стремятся к развитию своих педагогических навыков, созданию инновационных методик обучения, а также участию в разработке учебных программ. Данный тип – 53% респондентов – преподавателей социально-гуманитарного профиля.

3. Установка на профессиональное развитие: преподаватели, которые видят работу в вузе как возможность постоянного обучения и совершенствования своих навыков. Они активно участвуют в профессиональных тренингах, конференциях и семинарах, а также стремятся к получению дополнительных квалификаций – 37% респондентов – преподавателей социально-гуманитарного профиля.

4. Установка на социальное влияние: преподаватели, которые видят свою работу в вузе как возможность влиять на общество и формировать будущее поколение. Они стремятся к активному участию в общественной жизни, привлечению студентов к социальным проектам и инициативам – 46% респондентов – преподавателей социально-гуманитарного профиля.

5. Установка на междисциплинарное взаимодействие: преподаватели, которые активно сотрудничают с коллегами из других областей знания. Они стремятся к созданию междисциплинарных программ и проектов, а также к обмену опытом и знаниями с другими профессионалами – 37% респондентов – преподавателей социально-гуманитарного профиля.

Формирование профессиональных установок преподавателей высшей школы осуществляются под влиянием различных факторов, таких как изменение условий труда преподавательского корпуса, дихотомия образовательных услуг, изменения в требованиях к образованию, развитие новых технологий и методик обучения, изменения в общественных ценностях и потребностях студентов. В условиях цифровизации общества, по мере развития информационных технологий и онлайн-образования многие преподаватели переориентировались на использование новых методик и инструментов в своей работе. Отсюда стремление к освоению навыков дистанционного обучения, созданию электронных курсов и использованию интерактивных онлайн-платформ, так как отсутствие гибкости в этом направлении приведет к существенному межпоколенческому разрыву и обострению проблемы отцов и детей. Введение новых стандартов и требований к научным публикациям стимулирует преподавателей к более активной научной деятельности. Однако, развитие собственного профессионализма и его продвижения, вступает в противоречие с традиционными представлениями о преподавательском предназначении – наставник, воспитатель, педагог и превращает преподавательский корпус в организаторов процесса передачи знаний. Такое изменение в цен-

ностях, наряду с коммерциализацией системы высшего образования, может иметь последствия для формирования человеческого капитала выпускников вузов.

Проведенное исследование позволило зафиксировать следующую проблему: в современных условиях главным для преподавателя вуза стало развитие собственного профессионализма, формирование своего человеческого капитала, забота о своей конкурентоспособности на рынке труда, что вступает в противоречие с традиционными функциями преподавателя (педагогическая, воспитательная, научная), а также ранее востребованными качествами (наставничество, интеллигентность, справедливость, гражданская и социальная активность). Такое изменение в ценностях, наряду с коммерциализацией системы высшего образования, может иметь последствия для формирования человеческого капитала выпускников вузов.

Литература

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. / Р. Мертон. – М.: Хранитель, 2006. – 873 с.
2. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 687 с.
3. Гидденс Э. Социология: Пер с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
4. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп: Пер с англ. – М.: ФЭИ, 1995. – 174 с.
5. Лоусон Т. Социология: словарь-справочник. Пер с англ. – М.: Гранд, 2000. – 608 с.
6. Ядов В.А. Взаимосвязь ценностных ориентаций и социальных установок / В.А. Ядов // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. – Второе расширенное издание. – Москва: ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга», 2013. – С. 78–88. – EDN ZBZYLB.
7. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок/Ч.Х. Кули/Пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.
8. Мид Дж.Г. Избранное: Сб. переводов. М.: РАН; Центр социал. научн.-информ. исследований, 2009. 290 с. ISBN 978–5–248–00476–8.
9. Блумер Г. Коллективное поведение/Г. Блумер//Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – 560 с.
10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995.
11. Кон И.С. Открытие «Я» / И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1978. – 367 с.
12. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В.А. Ядов // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–52. – EDN TYSQON.
13. Качанов Ю.Л. Базовая метафора в структуре социальной идентичности / Ю.Л. Качанов, Н.А. Шматко // Социологические исследования. – 1996. – № 1. – С. 61–72. – EDN MOULBB.
14. Шнейдер Л.Б. Реконструкция профессиональной идентичности: структурный и динамический аспекты/Л. Шнейдер//Развитие личности. – 2000. – № 2. – С. 44–68. – С. 61.
15. Шиняева О.В. Преподаватели-гуманитарии в российских вузах: кризис профессиональной группы или адаптация к «новой нормальности»? / О.В. Шиняева, Е.Р. Ахметшина // Наука. Культура. Обще-

SOCIAL AND PROFESSIONAL ATTITUDES OF TEACHERS IN THE HUMANITIES

Karamysheva E.Y., Shchanina E.V.
Penza State University

The article presents an analysis of the socio-professional attitudes of teachers of the higher school of humanities. In modern realities, against the background of changes in the working conditions of the teaching staff and the dichotomy of educational services, the issue of identity and professional attitudes of teachers of higher educational institutions is extremely relevant. Despite the numerous publications on this issue, there are practically no studies of contradictions in the formation of professional attitudes of university teachers in the context of global challenges and threats of the 21st century, when the functions of providing and promoting educational services introduce dissonance into the traditional functions of teachers (pedagogical, educational, scientific).

The purpose of this study is to analyze the socio-professional attitudes of teachers of the socio-humanitarian profile in a changing higher education system.

A review of scientific papers on the topic of social identity in the context of changes in the higher education system made it possible to reveal the concept of “university teacher of a socio-humanitarian profile” in the context of a socio-professional group and to characterize it. Based on the analysis of the results of an interregional sociological study among humanities teachers working in higher educational institutions in 18 regions of the Russian Federation, a typology of socio-professional attitudes of higher school humanities teachers is proposed.

Keywords: social group, teachers of socio-humanitarian profile, university teacher, professional identity, socio-professional attitudes.

References

1. Merton, R. Social theory and social structure: translated from English / R. Merton. – M.: Guardian, 2006. – 873 p.
2. Smelzer N. Sociology: Translated from English – M.: Phoenix, 1994. – 687 p.
3. Giddens E. Sociology: Translated from English –M.: Editorial URSS, 1999. – 703 p.
4. Olson M. The logic of collective action. Public goods and the theory of groups: Translated from English. – M.: FEI, 1995. – 174 p.
5. Lawson T. Sociology: dictionary-reference. Translated from English. – M.: Grand, 2000. – 608 p.
6. Yadov V.A. Interrelation of value orientations and social attitudes [Text] / V.A. Yadov / Self-regulation and forecasting of social behavior of a personality: A dispositional concept. 2nd expanded edition. – M.: TSSPIM, 2013, p. 78.
7. Cooley Ch.H. Human nature and social order / Ch.H. Kuli/ Translated from English. – M.: Idea Press, House of Intellectual Books, 2000. – 320 p.
8. Mfa J.G. Favorites: Collection of translations. M.: RAS; Center for Social Scientific Information. Research, 2009. 290 p. ISBN 978–5–248–00476–8.
9. Bloomer G. Collective behavior /G. Bloomer // American Sociological Thought: Texts/Edited by V.I. Dobrenkov. – M.: Edition of the International University of Business and Management, 1996. – 560 p.
10. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A textbook on the sociology of knowledge. – M.: Medium, 1995.
11. Kon I.S. Otkritie “Ya”/I.S. Kon. – M.: Politizdat, 1978. – 367 p.
12. Yadov V.A. Social identification in a crisis society // Sociological Journal, 1994. No. 1. pp. 35–51.
13. Kachanov Y.L., Shmatko N.A. Basic metaphor in the structure of social identity / Y.L. Kachanov, N.A. Shmatko//Sociological research. – 1996. – No. 1. – pp. 61–72.
14. Schneider L.B. Reconstruction of professional identity: structural and dynamic aspects / L. Schneider // Personal development. – 2000. – No. 2. – pp. 44–68. – pp. 61.
15. Shinyaeva O.V., Akhmetshina E.R. Teachers of humanities in Russian universities: crisis of a professional group or adaptation to “new normality”? // Science. Culture. Society. 2022. Volume 28, No. 1. pp. 76–89. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.7

Актуальное состояние и перспективы регулирования социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих

Кифичак Тамара Юрьевна,

адъюнкт кафедры социологии, «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Lis.9301@Yandex.ru

Статья посвящена анализу актуального состояния и перспектив повышения качества социального здоровья военнослужащих. Основное внимание уделяется системе мер, направленных на повышение личностного потенциала военнослужащих, концептуализируются стратегии, включающие психологическую поддержку, физическое развитие, социальную интеграцию и адаптацию военнослужащих. Исходной авторской позицией является необходимость всестороннего исследования социально-организационного механизма формирования социального здоровья. Это обосновано тем, что улучшение социального здоровья требует комплексного подхода, включающего личностно-ориентированные и организационные меры. В рамках статьи осуществляется последовательный анализ категорий социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих, а также исследуются основные аспекты связи между тем состоянием, в котором находятся военнослужащие, и степенью стабильности общественной системы. Обосновывается необходимость осуществления регулятивных мер, направленных на повышение уровня социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих.

Ключевые слова: общество, военнослужащие, личностный потенциал, организационные меры, психологическая поддержка, физическое развитие, социальная интеграция, социальное регулирование.

Введение

Специфика социально-организационного механизма формирования социального здоровья военнослужащих Российской Федерации обусловлена уникальными аспектами военной службы в России, а также особенностями социально-культурной среды страны. Повышение качества социального здоровья военнослужащих – это многоаспектный процесс, который требует комплексного подхода и участия не только военных структур, но и общества в целом. Здесь важна как разработка, так и реализация мер по психологической поддержке, физическому развитию, социальной интеграции и адаптации. Такой подход позволит не только улучшить благополучие военнослужащих, но и повысить эффективность и качество военной службы в целом. Институт армии является одним из важнейших для российского общества и во многом, от его стабильности и функциональности напрямую зависит стабильность в стране [9]. В этой связи всестороннее исследование актуального состояния и перспектив регулирования социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих является перспективным.

Результаты

Исходной методологической позицией является структурный функционализм и институциональный метод. В опоре на данный подход, строится исходная позиция, согласно которой на каждом историческом этапе развития общества можно выделить конструктивные силы и процессы, направленные на стабилизацию и нормализацию общественных отношений, и, одновременно с этим – социальные силы, процессы и тенденции, ориентированные на расшатывание общественной структуры, снижение ее целостности, эффективности и стабильности. С момента зарождения социологии как науки одним из важнейших вопросов становится осмысление природы и оснований деструктивных социальных состояний и, одновременно с этим – поиск способов противодействия им. В частности, обращаясь к работам Э. Дюркгейма [3], посвященным проблематике социальных нарушений, а также исследованиям таких видных социологов, как Р. Мертон [6] и Т. Парсонс [7], мы можем обнаружить последовательное раскрытие проблем социальной аномии, нарушения функциональности и структурной целостности основных общественных институтов, преступности и т.д.. В данном случае одним из важнейших моментов является то, что социологическое знание не ограничивается теоретическим осмыслением проблем социального устройства и включает в себя, в том числе, прикладное знание, позволяющее правильно ориентироваться в разворачивающихся в обществе процессах и, соответственно, осуществлять эффективную социальную регуляцию. При этом, как отмечает А. Гофман, изучение конструктивных социальных сил и состояний в данном отношении не менее важно, нежели изучение социальных нарушений [2]. К числу проблем, тесно связанных как с вопросом недопущения негативных социальных состояний, так и с вопросом создания благоприятных факторов функционирования общества, относится проблема социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих в России.

Для того, чтобы охарактеризовать важность данной проблемы, обратимся для начала к вопросу о том, каким образом социальное положение и социальный облик военнослужащих (которые находятся в непосредственной связи с их социальным здоровьем и социальным самочувствием) влияют на характер социальных процессов, развертывающихся в российском обществе. Прежде всего, в данном контексте целесообразно обратить внимание на то, что военнослужащие являются представителями государственного института, в связи с чем их социальное восприятие определяет, в том числе, способ отношения представителей гражданской сферы к государству в целом. Вторым немаловажным моментом является то, что от социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих напрямую зависит степень эффективности их служебной деятельности и уровень защищенности граждан и интересов государства в целом. Также следует отметить, что социально здоровые военнослужащие не только способствуют повышению престижа воинской службы, но и своим личным примером привлекают в ряды Вооруженных Сил новые кадры. Наконец, немаловажно понимание того, что военнослужащие, как люди, обладающие специфическими навыками по осуществлению насилия, в случае пребывания в аномичном (социально-нездоровом) состоянии, могут нанести обществу существенно больший ущерб, нежели простые обыватели. Таким образом, сразу по ряду оснований мы можем заключить о том, что достижение и сохранение высокого уровня социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих может в значительной степени способствовать повышению уровня стабильности российского общества.

Рассмотрим подробнее категории социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих. В данном отношении, прежде всего, следует отметить, что данные категории являются родственными и относятся к одному теоретическому подходу, возникшему в конце 20-го века [10]. Суть данного подхода состоит в сопоставлении личностного и внешнего аспектов социальной включенности субъекта, которые определяют основные стороны его социальной адаптации, начиная с уровня реализации его потребностей и заканчивая характером социального поведения.

Само по себе понятие социального здоровья находится на стыке биологической, психической и социальной сторон жизни человека и характеризует совокупный характер его существования в обществе, обусловленный как его личными, индивидуальными характеристиками, так и внешней социальной ситуацией. Как отмечают Н.А. Кетова и Е.А. Непочатых, социальное здоровье является «сложным социальным явлением, возникающим в процессе взаимодействия индивида и социальной среды» [5]. Причем, в силу сложного характера обусловленности социального здоровья, его оценка осуществляется не по какому-то одному критерию, но по совокупности критериев, к числу которых относятся:

- уровень социального статуса человека;
- его социальные возможности и перспективы;
- уровень текущей удовлетворенности ключевых потребностей субъекта и перспективы их реализации в будущем;
- уровень стресса, вызванного социальными факторами;
- степень соответствия поведения социального субъекта правилам и нормам взаимодействия, принятым в общественной среде.

По сути, данные критерии способствуют определению трех ключевых аспектов социальной адаптации: того, насколько индивидуальные характеристики челове-

ка соответствуют запросам общества, того, насколько его реальное положение в обществе является благоприятным и, наконец, того, насколько благоприятные возможности социального становления предоставляет ему та социальная среда, в которую он включен.

Рассматривая вопрос о том, каким образом соотносятся между собой категории «социальное здоровье» и «социальное самочувствие», следует отметить, что данные категории находятся в тесной связи между собой, но не являются тождественными. При этом, в исследовательской литературе наблюдается некоторая путаница в определении социального самочувствия и социального здоровья, что связано с тем, что некоторые авторы, фактически, ставят между ними знак равенства. Итак, социальное здоровье представляет собой конкретное состояние, в котором находится член общества, иными словами – это объективная характеристика характера его социальной адаптации, включающая в себя момент оценки степени ее благоприятности. При этом, данная характеристика является соотносительной, то есть характеризует момент отношения между внешними условиями и личностными особенностями субъекта. Соотносительный характер данной категории очень важен, поскольку он позволяет оценить важность момента соответствия индивидуальных характеристик субъекта и тех условий, в которые он погружен. В данном случае прослеживается прямая аналогия с категорией физического здоровья: будучи помещенными в одну и ту же ситуацию (например, необходимость преодоления высоких физических нагрузок) один человек, если он изначально является неподготовленным, может подорвать свое здоровье, в то время как для другого такой уровень нагрузок, напротив, может выступать в виде качественной тренировки. Точно так же и в области социальных отношений: то, что для одного человека может представлять собой критическую ситуацию, для другого – норма, с которой он готов иметь дело без ущерба для своего душевного спокойствия и общего психологического состояния.

Мы неслучайно в данном случае указали на соотносительный характер оценки социального здоровья, не смотря на то, что данная категория зачастую позиционируется в контексте оценки характеристик отдельной личности. В данном случае ключевым моментом является то, что, во-первых, социальное здоровье личности является совокупным результатом взаимодействия субъекта, обладающего уникальными личностными характеристиками, и социальной среды. Во-вторых, важным шагом в осмыслении проблемы социального здоровья является выделение его компонентов, в связи с чем правомерно, например, формирование суждений о характере отдельных его аспектов, как определяющем факторе здорового или, напротив, нездорового состояния субъекта в конкретной социальной среде. Отсюда, в частности, могут быть выделены такие категории, как нездоровая социальная среда и социальная патология личности, характеризующие, соответственно, источник нарушений социальной адаптации субъекта. Это особенно важно понимать с учетом того, что при целевой установке на осуществление социальной регуляции с целью улучшения уровня социального здоровья членов общества важно понимать, какие факторы определяют его нарушение, с целью дальнейшего исключения их паталогического воздействия.

Что касается категории социального самочувствия, следует отметить, что в данном случае речь идет о субъективно-феноменологическом аспекте включенности субъекта в социальную среду, связанном с переживанием членом общества условий включенности в соци-

альную среду. Как отмечает Р.В. Карамельский, «социальное самочувствие само является показателем успешности процесса адаптации и интеграции в общество» [4], и в данном случае ключевым моментом является то, что социальное самочувствие выступает в качестве показателя, *формы проявления*, уровня социальной адаптации, то есть представлено феноменологически. Сходную позицию выражает и А.И. Решетникова, утверждающая, что «...социальное самочувствие – один из наиболее чувствительных индикаторов социального здоровья» [8]. Здесь кроется очень тонкий и важный момент, понимание которого позволяет хорошо уяснить различие между социальным здоровьем и социальным самочувствием. Говоря о том, что самочувствие представляет собой феноменологическую характеристику, мы подразумеваем то, что речь идет о характере восприятия субъектом своего социального положения, то есть о проявлении благоприятного или неблагоприятного соотношения средовых и личностных характеристик на практике, воспринимаемом и осознаваемом субъектом общественных отношений. Отсюда возможны два специфических состояния, отличных от традиционно принимаемого некоторыми авторами отождествления социального здоровья и социального самочувствия:

- ситуация, когда имеет место патологический характер соотношения индивидуальных и средовых аспектов социальной включенности субъекта, но он носит латентный характер, и потому речь идет о нарушении социального здоровья, еще не проявившем себя на уровне социального самочувствия;
- ситуация, когда неадекватное восприятие личных возможностей и их отношения к характеристикам внешней социальной среды порождает неудовлетворенность своим социальным положением и, как следствие, проявляется в нарушении социального самочувствия во, в целом, здоровой в социальном плане исходной ситуации.

Рассмотрим данные состояния на примере сферы воинской службы. Первый вариант может иметь место в ситуации, когда материальное обеспечение военнослужащих или характер их внешнего социального восприятия в гражданской среде являются неблагоприятными, однако, непосредственно в процессе прохождения военной службы социальный субъект не воспринимает данные проблемы. Это та ситуация, в рамках которой неблагоприятные социальные условия носят временно скрытый характер, и потому не влияют на социальное самочувствие военнослужащего в конкретной ситуации. Второй вариант может иметь место при условии, если по отношению к военной службе имеют место неадекватные социальные ожидания и, как результат, в момент столкновения с реальностью субъект испытывает стресс, неудовлетворенность и т.д.. В качестве типичного примера подобного рода ситуации может быть рассмотрена романтизация войны, которая, при столкновении с реальными боевыми действиями и сопутствующими им опасностями, смертями, потрясениями может вызвать у военнослужащего глубокий стресс.

Следует отметить, что с точки зрения необходимости создания благоприятных условий для протекания общественных отношений в равной степени важны как достижение социального здоровья военнослужащих, так и улучшение их социального самочувствия. В данном случае важен внимательный подход к условиям социальной жизни военнослужащих, учитывающий как те аспекты социальной адаптации, которые они непосредственно воспринимают и осознают, так и те, которые носят латентный характер.

Выводы

Социальное здоровье не ограничивается только профессиональным аспектом жизни военнослужащего, но также включает в себя его психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью и способность адаптироваться к различным социальным ситуациям. Социальное здоровье имеет соотносительный характер: оно в равной мере зависит как от личностных характеристик человека, так и от условий внешней среды, в которую он помещен. По этой причине можно выделить личностный и институционально-организационный компоненты социального здоровья военнослужащих. Для более глубокого понимания значения данного тезиса следует обратить внимание на то, что в обществе возможно создание условий как для выработки конкретных институциональных характеристик среды (социально-организационный блок мероприятий, направленных на формирование социального здоровья военнослужащих), так и для выработки более выраженных личностных качеств, отвечающих запросам конкретной институциональной среды. Причем последнее может быть реализовано как внутри конкретной институциональной среды (примером чего может выступить процесс вторичной социализации в армии, воспитательная деятельность, идеологическая работа и т.д.), так и процессы, представленные вне института армии, но влияющие на готовность молодых людей к военной службе. В частности, одним из важных социальных механизмов является образование, на уровне которого в ходе учебно-воспитательного процесса реализуется социальное конструирование личности учащегося [1]. Один из ключевых элементов в процессе формирования социального здоровья военнослужащих – это разработка и реализация программ по психологической поддержке военнослужащих. Такие программы должны включать как индивидуальную, так и групповую работу, направленную на укрепление психологической устойчивости, развитие навыков стрессоустойчивости и адаптации к изменяющимся условиям службы и жизни. Помимо психологической поддержки, необходимо уделить внимание созданию условий для развития и поддержания физического здоровья. Также следует обратить внимание на социальные аспекты жизни военнослужащих, включая их взаимодействие в обществе и семье. Качество социального здоровья военнослужащих напрямую влияет не только на их индивидуальное благополучие, но и на эффективность выполнения ими профессиональных задач. В этом контексте, разработка и внедрение комплексных стратегий, направленных на улучшение социального здоровья, должны стать приоритетом в системе военного управления. Это включает в себя как укрепление личностного потенциала военнослужащих, так и создание благоприятных условий в их профессиональной среде.

В ходе проведенного исследования, нами было установлено, что от характера социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих напрямую зависит то, насколько стабильной и благоприятной является обстановка в российском обществе и насколько устойчивым оно является, причем в данном случае имеет серьезное значение не только то, насколько социально-адаптированными являются военнослужащие и насколько, в результате этого, конструктивной является их социальная активность, но также и то, что от социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих напрямую зависит, в том числе, характер социального мировоззрения и поведения представителей гражданской сферы. При этом отдельно следует отметить, что в данном случае имеет место двойственность значения социального здоровья и социального самочувствия во-

еннослужащих, в зависимости от того, идет речь о мирном времени, или же имеет место ситуация ведения боевых действий. В последнем случае имеет место актуализация в общественном сознании представителей гражданской сферы социального восприятия военнослужащих, что, в свою очередь, повышает значимость основных аспектов их социального состояния. Все это в совокупности свидетельствует о чрезвычайной важности осуществления регулятивных мер, направленных на улучшение социального здоровья и социального самочувствия военнослужащих.

Литература

1. Danilova, M. Education as a socio-cultural construction of a person: Problems and prospects / M. Danilova, N. Plotnikov // E3S Web of Conferences: 8, Rostovon-Don, 19–30 августа 2020 года. – Rostovon-Don, 2020. – P. 18129. – DOI 10.1051/e3sconf/202021018129
2. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. – С. 97–167
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд Текст. /Э. Дюркгейм. Пер. с фр. с сокр.: Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. – 399 с., Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995.
4. Карамельский Р.В. Проблемы измерения социального самочувствия // Вестник ЧГУ. 2011. № 4. – с. 178–182
5. Кетова Н.А., Непочатых Е.А. Подходы к определению социального здоровья в отечественных и зарубежных исследованиях // Коллекция гуманитарных исследований. 2022. № 1 (30). – с. 25–31
6. Мертон Р.К. Социальная структура и anomia // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313, Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
7. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. М., 2000. – 880 с.
8. Решетникова А.И. Влияние социального самочувствия на социальное здоровье и благополучие членов семей сотрудников силовых ведомств // Миссия конфессий. 2023. № 68. – с. 86–93
9. Евенко, С.Л. Научные подходы управления профессиональной карьерой военнослужащего в социологии / С.Л. Евенко, Н.Н. Смирнов // Социология. – 2022. – № 1. – 212 с.
10. Филимонов О.В. Социальное самочувствие офицеров внутренних войск – участников боевых действий в Северо-Кавказском регионе (Сущность, состояние и пути повышения): Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08: Москва, 2003. – 237 с.

CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR REGULATION OF SOCIAL HEALTH AND SOCIAL WELL-BEING OF MILITARY SERVICEMEN

Kifichak T. Yu.

Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the current state and prospects for improving the quality of social health of military personnel. The main attention is paid to the system of measures aimed at increasing the personal potential of military personnel; strategies are conceptualized, including psychological support, physical development, social integration and adaptation of military personnel. The author's initial position is the need for a comprehensive study of the socio-organizational mechanism of social health formation. This is justified by the fact that improving social health requires an integrated approach, including person-oriented and organizational measures. The article provides a consistent analysis of the categories of social health and social well-being of military personnel, and also examines the main aspects of the connection between the state in which military personnel find themselves and the degree of stability of the social system. The necessity of implementing regulatory measures aimed at increasing the level of social health and social well-being of military personnel is substantiated.

Keywords: society, military personnel, personal potential, organizational measures, psychological support, physical development, social integration, social regulation.

References

1. Danilova, M. Education as a socio-cultural construction of a person: Problems and prospects / M. Danilova, N. Plotnikov // E3S Web of Conferences: 8, Rostovon-Don, August 19–30, 2020. – Rostovon-Don, 2020. – P. 18129. – DOI 10.1051/e3sconf/202021018129
2. Hoffman A.B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration // Sociological Yearbook 2012. Collection of scientific papers. Ed. N.E. Pokrovsky, D.V. Efremenko. – M.: INION RAS; Department of General Sociology, Higher School of Economics, 2013. – pp. 97–167
3. Durkheim E. Suicide: A sociological etude Text. /E. Durkheim. Trans. from French with a summary: Edited by V.A. Bazarov. M.: Mysl, 1994. – 399 p., Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / Trans. from French, compilation, afterword and notes by A.B. Hoffman. – M.: Canon, 1995.
4. Karamelsky R.V. Problems of measuring social well-being // Bulletin of the ChSU. 2011. No.4. – pp. 178–182
5. Ketova N.A., Nepochatykh E.A. Approaches to the definition of social health in domestic and foreign studies // Collection of humanitarian studies. 2022. No.1 (30). – pp. 25–31
6. Merton R.K. Social structure and anomie // Sociology of crime (Modern bourgeois theories). – M.: Progress, 1966. – pp. 299–313, Merton R. Social theory and social structure. – M.: ACT, 2006. – 873 p
7. Parsons, T. On the structure of social action / T. Parsons. M., 2000. – 880 p.
8. Reshetnikova A.I. The influence of social well-being on the social health and well-being of family members of employees of law enforcement agencies // Mission of confessions. 2023. No.68. – pp. 86–93
9. Evenko, S.L. Scientific approaches to managing the professional career of a serviceman in sociology / S.L. Evenko, N.N. Smirnov // Sociology. – 2022. – No. 1. – 212 p.
10. Filimonov O.V. Social well-being of officers of the internal troops participating in hostilities in the North Caucasus region (Essence, condition and ways of improvement): Dissertation of the candidate. Social Sciences: 22.00.08: Moscow, 2003. – 237 p.

Технология социальной маршрутизации студентов-инвалидов в условиях высшего учебного заведения

Кокорева Марина Евгеньевна,

к.с.н., доцент кафедры социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО
Российский национальный исследовательский медицинский
университет имени Н.И. Пирогова
E-mail: malinka7171@mail.ru

Стражиц Анастасия Александровна,

магистрант кафедры социальной работы ИКПСР ФГАОУ ВО
Российский национальный исследовательский медицинский
университет имени Н.И. Пирогова
E-mail: nastya1806@rambler.ru

В современных условиях деятельности высших учебных заведений, актуальным и значимым остается вопрос инклюзивного образования. Стоит признать, что за последние годы значительно расширены возможности для студентов-инвалидов при предоставлении образовательных услуг. Однако каждый вуз имеет как собственную специфику, так и потенциал для инклюзивного образования. Сохраняется ряд проблем, что и является предметом рассмотрения в данной статье, на основе анализа технологии социальной маршрутизации студентов-инвалидов.

Ключевые слова: высшее образование, инклюзивное образование, инвалидность, социальные технологии, маршрутизация студентов-инвалидов.

В современном мире образование стало одной из самых главных сфер жизнедеятельности человека. Это связано с достаточно высокой социальной ролью образования в обществе. Конституцией Российской Федерации провозглашается принцип доступности российского образования. В ст. 43 устанавливается право на образование [3].

Государственный уровень (центральный) образовательной политики является ответственным за разработку стратегии развития системы образования России, координацию стратегий развития региональных систем образования, разработку государственных образовательных стандартов, принятие решений о создании и закрытии образовательных учреждений государственного уровня и координацию их работы [9, с. 45].

Инвалидизация населения – одна из проблем, влияющих на социальный и экономический потенциал общества. Изменение масштабов инвалидизации населения России связывают с тенденциями естественного движения населения, в частности, увеличением доли инвалидов (с более серьезными и стойкими нарушениями здоровья), состоянием окружающей среды, организацией системы здравоохранения и социально-экономическими условиями жизнедеятельности населения в целом. Инвалидность приводит к большому количеству изменений как физиологического, так и социального порядка.

В рамках, существующих в науке подходов, к понятию инвалида, стоит выделять: медицинский, социальный и правовой подходы. Исходя из медицинского понимания инвалидности, под инвалидами понимаются лица, которые имеют тот или иной, как «дефект – психический, физический, анатомический (постоянный или временный), что приводит к стойкой дезадаптации лиц с особыми потребностями» [15, с. 194].

С медицинской точки зрения, как отмечают исследователи, инвалид – это субъект, имеющий инвалидность, которая обусловлена «теми диагнозами, на основе которых она установлена» [14, с. 319]. Между тем, огромные различия между лицами на основе диагнозов, очевидны: и объективные «медицинские», и субъективные.

Таким образом, инвалидность относится к функциональным расстройствам физического, психического или психического характера человека, которые требуют специальных компенсационных мер, чтобы иметь возможность жить полноценной жизнью наравне с другими гражданами.

«Инвалид – это лица, имеющие нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленные заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящие к ограничению жизнедеятельности и вызывающие необходимость его социальной защиты» [8, с. 26].

Если рассматривать инвалида с точки зрения социального подхода, то инвалид – это лицо, у которого в связи с инвалидностью происходит уменьшение способности «социально функционировать в обществе», что приводит к «ограничению его жизнедеятельности» [15, с. 194]. Правовой подход опирается на понимание инвалида, в рамках определения данного в законодательстве.

Таким образом, основными признаками инвалидов являются следующие.

1. Наличие устойчивых нарушений функций организма. Для их установления необходимо проведение медицинского освидетельствования и принятие решения специальной комиссией. Законодательством определен перечень основных функций организма человека, нарушение которых влечет инвалидность: психические, языковые и речевые, сенсорные, статодинамические функции и функции кровообращения, дыхания, пищеварения, выделения т.п.

2. Возникновение барьеров, препятствующих реализации прав инвалидов в различных сферах жизнедеятельности общества. Перечень таких барьеров сформулирован в специальной научной литературе. К ним относятся: пространственно-средовой, организационный, социально-статусный, образовательный, медицинский, психологический, информационный, экономический, правовой и политический барьеры.

3. Ограничение возможности участия инвалида в жизни общества наравне с другими гражданами [16, с. 292].

В Конституции Российской Федерации устанавливается, что нормы международного права являются частью права России (ст. 15). В Саламанской декларации о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями [1] устанавливается не только право на образование людей с ограниченными возможностями, но и возможность получения знаний, а также поддержке определенного уровня знаний. В документе подчеркивается роль выработки программ, не разграничивая и не выделяя субъектов с ограниченными особенностями как отличающихся от остальных. В Декларации о правах инвалидов указывается, что «инвалид – означает любое лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или нет, его или ее физических или умственных способностей» [2].

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) устанавливает, как равные возможности в получении образования, а также организацию получения образования инвалидами (ст. 79) на основе адаптированных программ [4].

В российском законодательстве, «инвалид, – как устанавливается в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 11.06.2021) – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеванием, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограниченной жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты» [5].

На сегодняшний день инклюзивное образование внедрено в практику деятельности российских высших учебных заведений (далее по тексту – вуз). Однако как отмечают современные исследователи «в процессе внедрения инклюзивного образования в высшие учебные заведения обнаруживается ряд проблем, к которым можно отнести недостаточную безбарьерную и доступную среду; отсутствие специальных условий для процесса адаптации лиц с инвалидностью; слабую готовность преподавателей к инклюзивному обучению; низкую инклюзивную культуру всех участников образовательного процесса и др.» [11, с. 168].

«Доступная среда – это такое физическое окружение, где не существует барьеров, которые могли бы воспре-

пятствовать безопасному и уверенному использованию среды людьми с умственными, физическими, сенсорными и двигательными нарушениями» [12, с. 208]. Прежде всего о доступной среде говорят, когда подразумевают доступность среды для инвалидов, потому что им наиболее сложно перемещаться в пространстве. Поэтому считается, что если среда доступна им, то она доступна и другим маломобильным группам населения, к которым относятся не только инвалиды, а, например, люди с ограниченными (временными или постоянно) возможностями здоровья и т.п. [13].

Особое место среди методов, применяемых для анализа степени доступности элементов инфраструктуры того или иного вуза, занимает анализ ресурсной базы конкретного образовательного учреждения. Особенностью социальной политики того или иного вуза является то, что к инвалидам могут применяться различные технологии. «Вуз – открытое пространство для большинства категорий лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, где должны быть созданы образовательные и социокультурные условия для развития инклюзии» [10, с. 14].

Технология социальной маршрутизации предполагает фактически сопровождение инвалидов, что понимается в широком значении и выражается в обеспеченности информацией о доступности среды в вузе, о доступе к конкретным видам деятельности в вузе, использования в вузе инвалидами тех или иных ресурсов и др.

Одной из основных задач специалиста, предоставляющего услуги по социальной маршрутизации, заключается в том, чтобы понять студента-инвалида и его потребности, мысли, которые под влиянием психотравмирующих, стрессовых ситуаций в различных сферах жизни, делают невозможным самостоятельное преодоление трудной жизненной ситуации.

Технология социальной маршрутизации студентов-инвалидов – деятельность по оказанию содействия студентам, имеющим инвалидность и обучающимся в том или ином вузе посредством предоставления различных условий доступности инклюзивного образования, включая и цифровую доступность. По Б. Уэллману, «сети оказывают структурное влияние, поскольку предоставляют возможности и устанавливают ограничения благодаря влиянию на доступ индивидов к ресурсам [7, с. 31].

Сущность и содержание применения технологии социальной маршрутизации студентов инвалидов, раскрывается через особенности деятельности конкретного вуза и его возможностей в создании безбарьерной среды. В некоторых вузах осуществляется не только создание безбарьерной среды, но и осуществляется подготовка и переподготовка преподавателей, в рамках осуществления технологии социальной маршрутизации студентов инвалидов [6].

Технологии социальной маршрутизации студентов инвалидов в вузе может включать:

- проведение паспортизации доступности объектов образовательной организации и услуг, оказываемых на них;
- актуализацию информации на официальном сайте образовательной организации в подразделе «Доступная среда» раздела «Сведения об образовательной организации»;
- совершенствование доступной образовательной среды (материально-технической базы, системы навигации (контрастные/тактильные направляющие) образовательной организации в сфере развития доступности объектов и услуг;
- создание (или наличие) необходимых условий для лиц с соматическими заболеваниями и иными забо-

леваниями, требующими особых условий организации режима занятий, питания, проживания и другие меры.

Доступная среда для инвалидов вузе – это комбинация требований и условий к инклюзивному образованию, инфраструктуре объектов вуза, которые имеют все шансы предоставить возможность людям с ограниченными возможностями свободно передвигаться и при этом получать нужную информацию с целью реализации образования.

На сегодняшний день, в вузах сформирована система правового и организационного обеспечения социальной маршрутизации, а также разработаны конкретные инструменты для ее реализации. Основное назначение инструментов в объективизации и систематизации информации о доступности объектов и услуг. Анализ существующих проблем показывает, что следует указать на проблему информативности студентов-инвалидов, проблемы инфраструктуры вузов в рамках создания безбарьерной среды, существует недостаточный уровень оборудованности вузов для создания доступной среды студентов-инвалидов. Эффективным направлением для повышения эффективности социальной маршрутизации является разработка и внедрение современных технологий организации и расширения спектра возможностей вузов для инклюзивного образования.

Литература

1. Саламанская декларация о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями 7–10.06.1994. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf
2. Декларация прав инвалидов. Принята Резолюцией ГА ООН 3447 от 09 декабря 1975. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета, 1993, 25 декабря.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598.
5. Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» (в ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ. 1995. № 48. ст. 4563.
6. Дорожная карта (план мероприятий) ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России по организации деятельности в сфере развития инклюзивного образования во взаимодействии с отраслевым ресурсным учебно-методическим центром по обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России на 2023 г. – URL: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Local_Acts_Education/Dorozhnaja_karta_RNIMU_2023.pdf
7. Безбарьерная среда в организациях и общественных местах. – URL: https://www.istok-audio.com/info/articles/bezbarernaya_sreda/Bezbarernaja-sreda-v-organizacijah-i-obshhestvennyh-mestah/
8. Wellman B. Network Analysis: From Method and Metaphor to Theory and Substance // Social Structures: A Network Approach / eds. B. Wellman, S.D. Berkowitz. – N.Y.: Cambridge University Press, 1988. P. 31–35.
9. Денисова О.А., Леханова О.Л. Цифровая толерантность информационной среды: средства обеспе-

чения в период пандемии // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–4. С. 131–138.

10. Зюкина А.В. Особенности трудоустройства инвалидов в Российской Федерации // В сборнике статей Международной научно-практической конференции «Закон, государство, общество: актуальные вопросы, достижения и инновации». – Пенза, 2022. С. 26–28.
11. Иванова А.Н. Уровни образовательной политики в современной России // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2020. № 2(21). С. 45–49.
12. Каштанова С.Н., Кудрявцев В.А. Карьерная маршрутизация как стратегическая линия профессионально-личностного развития лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью // Вестник Мининского университета 2018. Т. 6. № 2(23). С. 13–15.
13. Кислова И.В., Савченко С.Л. К вопросу об инклюзивном образовании в вузе // Социально-педагогическая и психолого-педагогическая деятельность: актуальные проблемы, достижения, инновации. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Костромской государственной университет. – Кострома, 2022. С. 168–171.
14. Кобзева Е.И., Моргунов М.В., Романов А.В. Доступная среда для маломобильных групп населения на примере транспорта Москвы и ее окрестностей (теоретико-правовой аспект) // Транспортное право и безопасность. 2021. № 1(37). С. 175–179.
15. Лукина О.В. Организация доступной среды для инвалидов в средствах размещения туристов // Омские социально-гуманитарные чтения – 2020. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Отв. редактор Л.А. Кудринская. – Омск, 2020. С. 208–210.
16. Марголис А.А., Рубцов В.В., Панюкова С.В., Сергеева В.С. Концепция формирования и распространения цифрового контента для высшего инклюзивного образования // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 2. С. 102–110.
17. Панюкова С.В., Сергеева В.С. Организационное и методическое обеспечение дистанционного обучения студентов с инвалидностью // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11. № 3. С. 72–83.
18. Санпитев Ю.П. Реализация принципа доступности информации на сайтах специальных библиотек для слепых и слабовидящих // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 3(19). С. 128–132.
19. Олейник О.В. Доступная среда как явление социальной жизни: отражение в СМИ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 1256–1260.
20. Синьковская И.Г., Логунова О.В. Доступная среда для людей с инвалидностью как показатель качества жизни: социологический аспект // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией А.Г. Миронова. 2019. С. 267–269.
21. СП 59.13330.2016 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения». – М.: Стандартинформ, 2017.
22. Строганов М.В. Инвалидность – понятие и исследовательская терминология: дискуссионные заметки // Quaestio Rossica 2020. Т. 8. № 1. С. 319–325.

23. Шаипова Я.А. Трактовка понятия «инвалидность» // Инновационные механизмы решения проблем научного развития. Сборник статей международной научно-практической конференции. – Уфа, 2021. – С. 193–195.
24. Ярмолович О.О. Определение понятия «инвалид» и его признаки // В сборнике: Научный поиск курсантов. Сборник материалов Международной научной конференции. – Могилев, 2022. – С. 292–293.

TECHNOLOGY OF SOCIAL ROUTING OF DISABLED STUDENTS IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Kokoreva M.E., Strazhits A.A.

Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov

In modern conditions of activity of higher educational institutions, the issue of inclusive education remains relevant and significant. It is worth recognizing that in recent years, opportunities for students with disabilities in the provision of educational services have been significantly expanded. However, each university has both its own specifics and potential for inclusive education. A number of problems remain, which is the subject of consideration in this article, based on an analysis of the technology for social routing of students with disabilities.

Keywords: higher education, inclusive education, disability, social technologies, routing of disabled students.

References

1. Salamanca Declaration on Principles, Policies and Practices in Special Needs Education 7–10.06.1994. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf
2. Declaration of the Rights of Disabled Persons. Adopted by the Resolution of the UN General Assembly 3447 of December 09, 1975. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by the national vote on 12.12.1993 with changes, approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta, December 25, 1993.
4. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ (as amended on 04.08.2023) “On Education in the Russian Federation” // Code of Laws of the Russian Federation, 2012. No. 53 (part 1), art. 7598.
5. Federal Law of 24.11. 1995. No. 181-FZ (as amended on 28.04.2023) “On Social Protection of Disabled People in the Russian Federation” // SZ RF. 1995. № 48. p. 4563.
6. Roadmap (action plan) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov of the Ministry of Health of Russia on the organization of activities in the field of development of inclusive education in interaction with the sectoral resource educational and methodological center for teaching disabled people and persons with disabilities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the RyazSMU of the Ministry of Health of Russia for 2023. – URL: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Local_Acts_Education/Dorozhnaja_karta_RNIMU_2023.pdf
7. Barrier-free environment in organizations and public places. – URL: https://www.istok-audio.com/info/articles/bezbarernaya_sreda/Bezbarernaja-sreda-v-organizacijah-i-obshhestvennyh-mestah/
8. Wellman B. Network Analysis: From Method and Metaphor to Theory and Substance // Social Structures: A Network Approach / eds. B. Wellman, S.D. Berkowitz. – N.Y.: Cambridge University Press, 1988. – P. 31–35.

9. Denisova O.A., Lekhanova O.L. Digital Tolerance of the Information Environment: Means of Ensuring the Pandemic // Problems of Modern Pedagogical Education. 2020 № 67–4. P. 131–138.
10. Zyukina A.V. Features of employment of disabled people in the Russian Federation // In the collection of articles of the International Scientific and Practical Conference “Law, State, Society: Current Issues, Achievements and Innovations”. – Penza, 2022. – P. 26–28.
11. Ivanova A.N. Levels of Educational Policy in Modern Russia. Russia XXI century. 2020. № 2(21). P. 45–49.
12. Kashtanova S.N., Kudryavtsev V.A. Career Routing as a Strategic Line of Professional and Personal Development of Persons with Disabilities // Bulletin of Minin University, 2018. T. 6. № 2(23). P. 13–15.
13. Kislova I.V., Savchenko S.L. K voprosu o klyuzivnom obrazovanii v vuze [On the question of inclusive education in the university]. Proceedings of the I All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Kostroma State University. – Kostroma, 2022. – P. 168–171.
14. Kobzeva E.I., Morgunov M.V., Romanov A.V. Dostupnaya sreda dlya malomobil'nogo gruppy naseleniya na primere transporta Moskvy i ee okrugnosti (teoretiko-pravovoy aspekt) [Accessible environment for low-mobility groups of the population on the example of transport of Moscow and its surroundings (theoretical and legal aspect)]. 2021. № 1(37). P. 175–179.
15. Lukina O.V. Organization of an accessible environment for disabled people in the means of tourist accommodation // Omsk Social and Humanitarian Readings – 2020. Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference. Holes. Editor L.A. Kudrinskaya. – Omsk, 2020. – P. 208–210.
16. Margolis A.A., Rubtsov V.V., Panyukova S.V., Sergeeva V.S. Kontseptsiya formirovaniya i rasproshleniya tsifrovoy contenta dlya vysshego klyuzivnogo obrazovaniiya [The concept of formation and distribution of digital content for higher inclusive education]. 2018. T. 23. № 2. P. 102–110.
17. Panyukova S.V., Sergeeva V.S. Organizatsionnoe i metodicheskoe obespecheniye distantsionnogo obucheniya studentov s disability [Organizational and methodological support of distance learning of students with disabilities]. 2019. T. 11. № 3. P. 72–83.
18. Sanpiter Y.P. Implementation of the Principle of Accessibility of Information on the Sites of Special Libraries for the Blind and Visually Impaired // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3(19). P. 128–132.
19. Oleynik O.V. Dostupnaya sreda kak yavlenie sotsial'noy zhizni: otrazhenie v SMI [Accessible environment as a phenomenon of social life: reflection in the media]. 2016. T. 11. P. 1256–1260.
20. Sinkovskaya I.G., Logunova O.V. Accessible environment for people with disabilities as an indicator of the quality of life: sociological aspect // Professional self-determination of the youth of the innovative region: problems and prospects. Collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Edited by A.G. Mironov. 2019. P. 267–269.
21. SP 59.13330.2016 “Accessibility of Buildings and Structures for People with Limited Mobility”. – Moscow: Standartinform Publ, 2017.
22. Stroganov M.V. Disability Concept and Research Terminology: Discussion Notes // QuaestioRossica 2020. T. 8. № 1. P. 319–325.
23. Shaipova Y.A. Interpretation of the Concept of “Disability” // Innovative Mechanisms for Solving the Problems of Scientific Development. Collection of articles of the international scientific and practical conference. – Ufa, 2021. – P. 193–195.
24. Yarmolovich O.O. Definition of the Concept of “Disabled” and Its Signs // In the Collection: Scientific Search of Cadets. Proceedings of the International Scientific Conference. – Mogilev, 2022. – P. 292–293.

Концептуальные основы исследования жизненных стратегий молодежи приграничного региона

Сережко Татьяна Алексеевна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: serezhko@mail.ru

Толстик Виктор Александрович,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: vicsan61@yandex.ru

Кохан Дмитрий Александрович,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: zgolovko99@rambler.ru

Представлена интегральная модель анализа жизненных стратегий молодежи приграничного региона. Отмечается значимость применения междисциплинарного подхода с учетом специфики конкретного региона и социально-демографических характеристик молодежи.

Ключевые слова: жизненные стратегии, молодежь приграничного региона.

Важным ресурсом развития приграничных регионов является молодежь, ее образовательный, культурный, экономический, трудовой, инновационный потенциал. В современном обществе потребляются культивируются гедонистические ценности и ценности материального блага, которые влияют на образ жизни молодежи. Определяющей в жизненных планах молодежи Белгородской области в условиях специальной военной операции становится установка на переезд, дальнейшее проживание и построение карьеры в других регионах. Растущая миграция молодежи является значимой проблемой региона. На миграционные настроения и отток молодежи влияет оценка перспектив жизни в приграничном регионе, что сокращает воспроизводство трудового потенциала Белгородчины. Основные причины миграции молодежи – поиск спокойной жизни и учеба, трудоустройство в городах, районных, областных центрах и особенно в столице. Вместе с тем развитие социальной инфраструктуры, сферы культуры и досуга, внедрение инновационных проектов в приграничном регионе немислимо без притока молодых кадров, ремонта и строительства новых социальных, экономических, культурных объектов.

Выявление жизненных стратегий молодежи приграничного региона (социально-экономических, социально-культурных и досуговых, стратегий в сфере профессиональной самореализации; стратегий потребления) будет способствовать разработке эффективных управленческих решений, обеспечению занятости и образованию молодежи, системному, а не фрагментарному решению ее проблем в контексте социально-экономического, политического и культурного развития территории [5].

Цель статьи – разработка концептуальных основ исследования жизненных стратегий, их теоретическая и практическая применимость к изучению стратегий молодежи Белгородской области. Новизна заключается в систематизации научных подходов, разработке интегральной теоретической модели и методики эмпирического изучения жизненных стратегий молодежи приграничного региона.

Изучение жизненных стратегий молодежи приграничного региона напрямую связано с изучением жизненных выборов человека. Каждый выбор – это способ преобразовать свою жизнь путем решения актуальных задач, проблем, противоречий, возникающих перед каждым [2]. В современной зарубежной и отечественной научной литературе, помимо отсутствия единого общепринятого определения понятия «жизненные стратегии», наблюдается отсутствие единой методики исследования. Сущность жизненных стратегий различными учеными сводится к системе оценки перспективных планов, представлений, потребностей и интересов, мировоззренческих установок социальных субъектов, которые лежат в основе сознательной организации своей жизни, выбора целей и направлений развития индивида.

Стратегии жизни в качестве способа сознательного планирования будущего в рамках ориентирования личности в пространстве жизненных событий рассматриваются в концепции Т.Е. Резник и Ю.М. Резник. Базовыми ориентациями, по мнению исследователей, являются

ся образ жизни и ее смысл, ценности и нормы, которые формируют определенный тип социальной активности и стратегий индивида – стратегию жизненного благополучия, жизненного успеха, самореализации [6]. В дальнейшем Ю.М. Резник и Е.А. Смирнов изучали теоретические и практические основания жизненного выбора индивидов в контексте поиска альтернативных вариантов стратегий жизни на основе системного подхода [6].

Концептуальные основы исследования жизненных стратегий определены с учетом междисциплинарного подхода, что позволит выявить различные факторы их формирования в контексте социально-демографических и возрастных характеристик различных групп молодежи, проживающих в приграничном регионе.

В классической социологии отсутствует прямое обращение к понятию «жизненные стратегии» (скорее рассматривается жизненное, стратегическое самоопределение индивида в различных формах и проявлениях через анализ деятельности акторов, дискурсивности, практико-ориентированных составляющих, рефлексивности и других направлений).

Э. Гидденс определяет стратегическое поведение через образ действия актора, которое отличается дискурсивностью, ориентацией на практику, рефлексивностью [1, с. 394].

В социологической науке концепт «стратегии жизни» исследовался в контексте разных парадигмальных подходов: структурно-функционального (Т. Парсонс, Р. Мертон, Б. Малиновский), феноменологического в рамках субъективного и интересубъективного поведения индивидов (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), стратегического действия и взаимодействия (М. Вебер, И. Годзман), символического интеракционизма при конструировании индивидами жизненной ситуации (Дж. Мид, Г. Блумер, Ч. Кули), интегративного в контексте стратегического поведения индивидов в определенных социальных и культурных условиях (П. Бурдьё, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, П. Штомпка).

В отечественной социологии следует выделить методики изучения стратегического поведения личности, которые применимы к изучению жизненных стратегий молодежи [2]. Среди них особого внимания заслуживает методика диспозиционной регуляции социального поведения личности, разработанная известным российским социологом, доктором философских наук, профессором В.А. Ядовым. Она направлена на выявление организационных аспектов социального поступка активно действующего субъекта в контексте всей диспозиционной системы личности [2].

Методика целенаправленного поведения личности в контексте социального и индивидуального жизненного ресурса с выделением стадий становления и развития жизненных стратегий в переходном обществе предложена Н.Ф. Наумовой – ведущим научным сотрудником Института системного анализа РАН [4]. Можно выделить также методику изучения социальных идеалов и жизненных планов молодежи, разработанную российским социологом, специалистом в области социологии молодежи, доктором философских наук, профессором В.Т. Лисовским. Жизненные планы молодежи как субъективного фактора общественного также изучались по адаптированной методике учеными Уральского государственного университета им. А.М. Горького М.Н. Руткевич, Ю.Р. Вишневым, Н.А. Степановой В.Г. Мордкович, Ф.Р. Филипповым [2]. Отдельного внимания заслуживает анализ молодежи как особой социальной группы в контексте ее жизненных планов и ориентаций. В данном ключе выделяется обзор теорий молодежи в русле

междисциплинарного анализа, проведенного В.А. Луковым [3].

Анализ результатов исследования жизненных стратегий молодежи показал, что в рамках каждого исследования интерес ученых сфокусирован на отдельной составляющей стратегии. Так, анализ жизненных планов российской молодежи, ее образовательных и профессиональных ориентаций представлен в работах Е.И. Головаха, В.Н. Шубкина, Г.А. Чередниченко; социальной активности – А.С. Капто, В.Г. Мордковича и др.; анализ формирования идеалов, ценностей, интересов молодежи проводился российскими учеными Н.М. Блиновым, И.М. Слепенковым и др. При анализе жизненных стратегий молодежи применение междисциплинарного подхода позволит учесть различные факторы их формирования: социально-экономические, социокультурные, психологические.

Под жизненными стратегиями понимается сознательное конструирование индивидом своего жизненного пути с выбором направлений развития и средств достижения поставленных целей с учетом индивидуальных планов, жизненных ориентиров и ценностей. Соответственно, жизненные стратегии выступают в качестве модели индивидуально-личностного характера, объединяющей в себе систему целей, задач, приоритетов и ориентиров в различных сферах жизнедеятельности индивида.

На основе обзора различных концепций жизненные стратегии можно определить как выбор человеком способов жизненного самоопределения и самореализации, воплощенных в моделях индивидуально-личностного характера, которые представляют собой систему целей и задач в различных сферах жизнедеятельности индивида, а также выбранные способы достижения и реализации поставленных целей как смысловых ориентиров конкретного человека с учетом индивидуальных возможностей и приоритетов в единстве социальной, экономической, культурной составляющих. В структуре жизненных стратегий молодежи приграничного региона выделены следующие элементы: жизненные планы и ориентации, направления развития, способы и инструменты достижения целей, факторы успешности, мотивации, прогнозные оценки, социальная адаптация. Наиболее значимые направления жизнедеятельности индивида формируются в соответствии с доминирующими жизненными стратегиями, на основе которых он строит стратегию настоящей и будущей жизни, выбирая конкретные формы и способы самореализации.

Для анализа жизненных планов и ориентаций молодежи приграничного региона как особой социально-демографической группы существенное значение имеет выявление уровня ее региональной идентичности, т.е. самоотнесение индивида к территории проживания (отождествление себя с определенным местом и населяющими его людьми – когнитивный компонент; чувство места – эмоциональный компонент; привязанность к месту, его символическая значимость – ценностный компонент).

Для выявления различных направлений и способов самоопределения молодежи важно произвести типологию жизненных стратегий. Типология жизненных стратегий – это различные направления и способы самоопределения и самореализации индивида в различных видах деятельности в соответствии со стратегическим видением собственных перспектив, планов, мотивов, целевых установок, наличием потенциала.

Таким образом, в классической социологии отсутствует прямое обращение к понятию «жизненные стратегии», однако существуют различные подходы, раскрывающие жизненное, стратегическое самоопреде-

ление индивида в различных формах и проявлениях через анализ деятельности акторов, дискурсивности, практико-ориентированных составляющих, рефлексивности и других направлений.

Для теоретического и эмпирического анализа были выделены следующие типы жизненных стратегий молодежи приграничного региона: стратегии в сфере профессиональной самореализации; стратегии потребления, социально-культурные и досуговые стратегии, социально-экономические стратегии.

На основе анализа различных подходов к изучению жизненных стратегий была разработана интегральная теоретическая модель исследования, в основе которой теории жизненных стратегий, системно-деятельностный, сценарный подход; методы управления региональным развитием: стратегическое планирование, проектный подход.

Интегральная модель анализа жизненных стратегий молодежи приграничного региона направлена на выявление основных факторов, влияющих на формирование и реализацию различных стратегий (социально-экономических, социально-культурных и досуговых, потребительских, стратегий профессиональной самореализации) в контексте ценностных ориентаций молодежи, потребностей и перспектив развития приграничных территорий.

В основе концептуальной модели эмпирического анализа жизненных стратегий молодежи приграничного региона лежит анализ следующих компонентов:

- социально-экономические стратегии раскрываются через понятия: социально-классовая идентичность, принадлежность к определенной страте, уровень и источники дохода, ценности и потребности индивида, финансовая грамотность, экономическое поведение, экономическая целесообразность и др.;
- социально-культурные стратегии изучаются через компоненты анализа: потребности и интересы, ценности, предпочитаемые виды досуга, частота посещения культурно-досуговых мероприятий, уровень дохода, развитие социальной инфраструктуры и др.;
- стратегии профессиональной самореализации исследуются на основе анализа профессиональной идентичности, профессиональной культуры, мотивации, профессиональной самооценки, интегрированности и др.;
- в основе анализа стратегий потребления – уровень и источники дохода, тип занятости, система ценностей, спрос и потребление на рынке товаров и услуг, экологическое потребление и др.

Область применения полученных результатов – научно-методическое обеспечение теоретических и прикладных социологических исследований жизненных стратегий молодежи приграничного региона и других социальных групп.

В современных социально-экономических и культурных условиях функционирования приграничного региона процессы формирования жизненных стратегий молодежи приобретают качественно новые характеристики и возможности. Наряду с изучением различных типов

жизненных стратегий молодежи назревает необходимость разработки системы показателей оценки и эффективности функционирования сферы экономики, культуры, образования, здравоохранения (в том числе организаций).

Литература

1. Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Акад. проект, 2015. – 528 с.
2. Жизненные планы молодежи: сб. ст. / отв. ред. Н. Руткевич. – Свердловск: [б.и.], 1966. – 245 с. – (Социологические исследования / Урал. гос. ун-т; вып. 1).
3. Луков, В.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ / В.А. Луков. – М.: Канон+, 2012. – 527 с.
4. Наумова, Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе / Н.Ф. Наумова // Социол. журн. – 1995. – № 2. – С. 5–22.
5. Ревенко, Н.В., Кохан, Ж.С., Сережко, Т.А. Экономическая социология как теоретико-методологическая основа анализа проблем инновационного развития // Вестник БУКЭП. 2023, № 2. С. 101–112.
6. Резник, Ю.М. Жизненные стратегии личности: (опыт комплексного анализа) / Ю.М. Резник, Е.А. Смирнов. – М.: Независимый ин-т гражд. о-ва, 2002. – 259 с.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF LIFE STRATEGIES OF YOUTH IN THE BORDER REGION

Serezhko T.A., Tolstikov V.A., Kohan D.A.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

An integral model for analyzing the life strategies of young people in the border region is presented. The importance of applying an interdisciplinary approach is noted, taking into account the specifics of a particular region and the socio-demographic characteristics of young people.

Keywords: life strategies, youth of the border region.

References

1. Giddens, E. The organization of society: an essay on the theory of structuration / E. Giddens. – 2nd ed. – M.: Akad. the project, 2015. – 528 p.
2. Life plans of youth: collection of articles / ed. by N. Rutkevich. – Sverdlovsk: [B. I.], 1966. – 245 p. – (Sociological research / Ural State University; issue 1).
3. Lukov, V.A. Theories of youth: interdisciplinary analysis / V.A. Lukov. – M.: Canon+, 2012. – 527 p.
4. Naumova, N.F. The life strategy of a person in a transitional society / N.F. Naumova // Sociol. Journal. – 1995. – No. 2. – pp. 5–22.
5. Revenko, N.V., Kohan, J.S., Serezhko, T.A. Economic sociology as a theoretical and methodological basis for the analysis of problems of innovative development // Bulletin of the BUKEP. 2023, No. 2. pp. 101–112.
6. Reznik, Yu.M. Life strategies of personality: (experience of complex analysis) / Yu.M. Reznik, E.A. Smirnov. – M.: Independent Citizen Institute. o-va, 2002. – 259 p.

Перспективы взаимодействия региональных органов власти и некоммерческих организаций в реализации социальных проектов

Красовский Алексей Вячеславович,

аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: 458931@bsu.edu.ru

В статье отмечается необходимость формирования эффективного механизма взаимодействия региональных органов власти с некоммерческими организациями. Отмечается, что взаимодействие органов власти и НКО должно представлять собой систему регулируемых, сознательных и относительно стабильных взаимоотношений организованных на основе ресурсной зависимости с целью достижения общих целей. Одним из перспективных направлений взаимодействия региональных органов власти и некоммерческих организаций представляется совместная реализация социальных проектов.

Ключевые слова: некоммерческие организации, региональные органы власти, проект, социальный проект, взаимодействие.

Введение

Некоммерческие организации (далее – НКО) являются одной из организационных основ гражданского общества. Как обоснованно отмечают В.М. Захаров и Н.В. Шевченко: «Систематическая и последовательная работа органов власти будет плодотворной, если заинтересованность в ее реализации будет идти «снизу», от самого населения. Возможность граждан участвовать в процессе формирования государственной политики выступает неотъемлемой характеристикой демократической формы государственного управления. Целесообразность и необходимость взаимодействия органов власти с некоммерческими организациями определяется тем, что при организации их деятельности отмечается схожесть целей, интересов и функций» [9].

Вопросы взаимодействия органов власти различных уровней с НКО всегда находились в фокусе внимания различных исследователей: социологов, политологов, юристов и пр. Так как цели и задачи НКО разнообразны по масштабу и значимости большинство современных научных работ отличает узкофакторный подход, когда внимание исследователя приковано лишь к определенному направлению взаимодействия. Так, например, А.Н. Илюхина [3] исследует проблемы взаимодействия органов власти и НКО по поддержке граждан, имеющих инвалидность, исследования М.И. Галкиной [2] посвящены анализу механизма взаимодействия власти и НКО в сфере организации социальной защиты детей с ограниченными возможностями здоровья, а О.С. Попова и Н.В. Дереза [6] анализируют особенности взаимодействия органов публичной власти и НКО в социальной сфере.

Сложность протекающих сегодня социально-политических, социально-экономических и социально-культурных процессов диктует необходимость пересмотра подходов к процессу взаимодействия некоммерческих организаций и государства. В условиях нарастающих рисков, глобальных внешне и внутреннеполитических трансформаций существующие теоретические концепции не способны объяснить механизмы взаимодействия ключевых акторов функционирующих в рамках политического процесса. Сегодня представляется перспективным теоретическое обоснование и разработка новых технологий взаимодействия власти всех уровней с НКО соответствующих современным реалиям.

Р.В. Савенков и В.В. Стрелинина аргументировано отмечают, что: «Рост количества участников политического процесса, постепенно приводящий к функциональному усложнению политико-управленческой системы, показал, что существующие социологические и политические теории не всегда способны выступить адекватной концептуальной основой в исследованиях процессов принятия решений, взаимодействий различных политических акторов, политических процессах. Среди субъектов, существенно влияющих на принимаемые решения, появились новые негосударственные акторы – бизнес и общественные структуры. Кроме того, возрастающая плюрализация общественных структур, трансформация отношений между различными слоями населения, вы-

сокий уровень социальных потребностей и ожиданий, а также большие масштабы неопределённости, рисков и усиление влияния международного фактора на внутреннюю политику – всё это уже не могло быть объяснено существующими концептуальными теориями. Важной предпосылкой потребности в новой концепции стало возрастание ценности информации, превращение её в стратегический ресурс влияния на политические и управленческие процессы» [8].

Методика

В качестве ответа на сформулированные авторами концептуальные вызовы может стать использование сетевого подхода к анализу взаимодействия органов власти и НКО.

Сетевой подход опирается на теорию сетевого общества М. Кастельса, акторно-сетевую теорию Б. Латура, а также разработки Р. Родеса, Дж. Марча, Т. Берцель, С. Роккана и др. «Сеть представляет собой неиерархизированную конфигурацию взаимосвязанных акторов, взаимодействие между которыми может происходить с различной степенью интенсивности, завися от ситуации, ресурсов и заинтересованности самих сетевых акторов» [8].

«Среди первых учёных, использовавших термин «сети» в контексте исследования политической системы, был норвежский политолог С. Роккан, который выступал с позиций неинституционализма и считал сетевые структуры, объединяющие частных и государственных акторов, важными дополнительными или параллельными каналами, обеспечивающими учёт многочисленных интересов в процессе принятия решений» [4].

В рамках социально- сетевого подхода взаимодействие региональных органов власти и некоммерческих организаций будет рассматриваться нами как система регулируемых, сознательных и относительно стабильных взаимоотношений возникающих между органами власти и НКО организованных на основе ресурсной зависимости с целью достижения общих целей.

Результаты

Замминистра экономического развития РФ Татьяна Илюшникова отмечает, что: «Именно в условиях социальных изменений некоммерческий сектор востребован больше всего» [5]. В последние годы в РФ в целом, и регионах в частности фиксируется стабильный рост некоммерческого сектора. «В 2022 году появилось более 10 тыс. новых некоммерческих организаций, в 2021 г. – почти 10,5 тысяч, в 2023 году – 11 тысяч» [5]. Всего по состоянию на конец 2023 года в России работают 215 тысяч НКО.

Существенные изменения произошли в некоммерческом секторе с началом специальной военной операции (далее – СВО), особенно это коснулось приграничных регионов. В частности, в Белгородской области появились НКО ориентированные на потребности СВО, социальную поддержку ее участников и их семей, мобилизованных военнослужащих, на адаптацию беженцев, патриотическое воспитание молодежи и пр.

В настоящее время в Белгородской области зарегистрировано более 2 тыс. некоммерческих организаций различной направленности. Наибольшее количество НКО ориентировано на оказание социальной поддержки и защиты граждан (178), благотворительную деятельность и содействие ей (157), а также на иные виды деятельности, направленные на решение социальных проблем, развитие гражданского общества (104).

В условиях увеличения численности и разнообразия НКО важным представляется выстраивание эффектив-

ных механизмов их поддержки и взаимодействия с ними.

Следует отметить, что в настоящее время на федеральном уровне отсутствует специальное законодательство, регламентирующее взаимодействие органов государственной власти с НКО. Однако в некоторых случаях такого рода нормативные акты приняты на уровне регионов. Одним из примеров, является закон *Архангельской области «О взаимодействии органов власти Архангельской области и некоммерческих организаций»* [1].

В Белгородской области решение о выстраивании механизма взаимоотношений с региональными некоммерческими организациями было инициировано в 2021 году. Взаимодействие власти с некоммерческими организациями области планировалось организовать на базе соглашений о сотрудничестве. Региональные власти планировали сотрудничество, в первую очередь, в нормотворческой деятельности, а также в организации участия представителей НКО в мониторинге действующих законов. В январе 2022 года Белгородская областная Дума подписала Соглашения о сотрудничестве с восьмью некоммерческими организациями области.

Одним из перспективных направлений взаимодействия региональных органов власти и некоммерческих организаций является совместная реализация социальных проектов. Разнообразие подходов определению дефиниции «социальный проект», а так же постоянно развивающаяся сложность и многообразие социальных проектов привели к отказу исследователей от попыток дать универсальное определение данному термину. Все чаще исследователи склоняются к выделению признаков социальных проектов как их особых характеристик, как правило, среди них такие признаки как: ограниченность времени и ресурсов; уникальность проекта; последовательность; координировано выполнение взаимосвязанных действий; наличие положительного эффекта для целевых социальных групп.

Социальное проектирование является одним из наиболее применяемых инструментов регионального управления в Белгородской области. Однако, практика включения НКО в реализацию разнообразных проектов регионального уровня проработана достаточно слабо. Следует отметить, что отдельные шаги в данном направлении уже реализовываются. В частности, в декабре 2023 года Центр управленческих кадров в партнерстве с Высшей школой управления НИУ БелГУ при финансовой и организационной поддержке Министерства общественных коммуникаций и ресурсных центров НКО Белгородской области запустили проект «Развиваем регион вместе», который, по замыслу инициаторов, должен объединить белгородские органы власти и НКО [7]. «Ожидается, что результатом проекта станут совместные социальные инициативы НКО и органов местного самоуправления, участие НКО в решении социальных задач в качестве поставщиков социальных услуг» [7].

Обсуждение и заключение

Результаты проведенного нами исследования позволяют, по нашему мнению, сделать несколько выводов.

В настоящее время необходим стандарт работы проектов НКО в регионе и координаторов, которые их реализуют. Главным критерием оценки соответствия этому стандарту должно являться создание эффективной системы взаимодействия на всех уровнях: от организации встреч инициативных граждан в малых населенных пунктах, в которых местные НКО должны исполнять функцию локальных проектных офисов, до участия в рабочих группах органов исполнительной власти региона на эта-

пах обсуждения приоритетных задач и распределения бюджетных средств.

Литература

1. О взаимодействии органов власти Архангельской области и некоммерческих организаций: закон Архангельской области от 27.04.2011 № 281–21–ОЗ: ред. от 30.05.2022 № 569–35–ОЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Информ. банк. «Версия Проф». Разд. «Законодательство».
2. Галкина М.И. Особенности институционального взаимодействия НКО, органов власти, бизнес сообщества в области социальной защиты и поддержки детей с ОВЗ в условиях усиления санкционного воздействия (на примере Нижегородской области) / М.И. Галкина // Государство. Политика. Социум: Материалы всероссийского симпозиума по комплексному развитию территорий. В 2-х частях, Екатеринбург, 23–25 ноября 2022 года / Науч. редакторы Е.В. Попов, Т.Е. Зерчанинова. Том Часть 1. – Екатеринбург: Уральский институт управления – филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. – С. 129–133.
3. Илюхина А.Н. Совершенствование взаимодействия органов власти и НКО по поддержке граждан, имеющих инвалидность / А.Н. Илюхина // Трибуна ученого. – 2023. – № 1. – С. 38–44.
4. Косов Г.В. Политические сети: специфика современной архитектуры / Г.В. Косов, В.А. Потапов, В.А. Ширяев // Власть. – 2013. – № 10. – С. 064–069.
5. Министерство экономического развития РФ. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/press/stati_i_intervyu/tatyana_ilyushnikova_imenno_v_usloviyah_socialnyh_izmeneniy_nekommercheskiy_sektor_vostrebovan_bolshe_vsego.html?ysclid=lr18cjcpcfj535078074 (дата обращения: 25.12.2023).
6. Попова О.С. Особенности взаимодействия органов публичной власти и СО НКО в социальной сфере / О.С. Попова, Н.В. Дереза // Новеллы права, экономики и управления 2022: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 ноября 2022 года. Том 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. – С. 328–331.
7. Проект «Развиваем регион вместе» объединит белгородские органы власти и НКО <https://belnko.ru/info/registry/yakovlevskiy-gorodskoy-okrug/>
8. Савенков Р.В. Возможности сетевого подхода в исследовании региональных отделений политических партий / Р.В. Савенков, В.В. Стрелинина // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2023. – № 2. – С. 61–68.
9. Шевченко Н.В. Практика взаимодействия органов власти и некоммерческих организаций (на примере Белгородской области) / Н.В. Шевченко, В.М. Захаров // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2016. – № 4. – С. 5–19.

PROSPECTS FOR INTERACTION BETWEEN REGIONAL AUTHORITIES AND NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL PROJECTS

Krasovsky A.V.

Belgorod State National Research University

The article notes the need to form an effective mechanism for interaction between regional authorities and non-profit organizations. It is noted that the interaction between government bodies and NPOs should be a system of regulated, conscious and relatively stable relationships organized on the basis of resource dependence in order to achieve common goals. One of the promising areas of interaction between regional authorities and non-profit organizations is the joint implementation of social projects.

Keywords: non-profit organizations, regional authorities, project, social project, interaction.

References

1. On the interaction of the authorities of the Arkhangelsk region and non-commercial organizations: the law of the Arkhangelsk region dated 27.04.2011 N281–21–OZ: red. dated 30.05.2022 No 569–35–OZ // Reference and legal system “ConsultantPlus”. Inform. bank. Prof Version. Sec. “Legislation”.
2. Galkina M.I. Features of institutional interaction of NGOs, authorities, and the business community in the field of social protection and support of children with disabilities in conditions of increased sanctions impact (on the example of the Nizhny Novgorod region) / M.I. Galkina // State. Politics. Society: Materials of the All-Russian symposium on integrated development of territories. In 2 parts, Yekaterinburg, November 23–25, 2022 / Scientific editors E.V. Popov, T.E. Zerchaninova. Volume Part 1. – Yekaterinburg: Ural Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation”, 2023. – pp. 129–133.
3. Ilyukhina A.N. Improving the interaction of authorities and NGOs to support citizens with disabilities / A.N. Ilyukhina // Tribune of the Scientist. – 2023. – No. 1. – pp. 38–44.
4. Kosov, G.V. Political networks: the specifics of modern architecture / G.V. Kosov, V.A. Potapov, V.A. Shiryayev // Power. – 2013. – No. 10. – pp. 64–69.
5. The Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/press/stati_i_intervyu/tatyana_ilyushnikova_imenno_v_usloviyah_socialnyh_izmeneniy_nekommercheskiy_sektor_vostrebovan_bolshe_vsego.html?ysclid=lr18cjcpcfj535078074 (accessed: 12/25/2023).
6. Popova O.S. Features of interaction between public authorities and NGOs in the social sphere / O.S. Popova, N.V. Dereglazova // Novellas of law, economics and management 2022: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Gatchina, November 25, 2022. Volume 1. – Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2023. – pp. 328–331.
7. The project “Developing the region together” will unite Belgorod authorities and NGOs <https://belnko.ru/info/registry/yakovlevskiy-gorodskoy-okrug/>
8. Savenkov R.V. Possibilities of a network approach in the study of regional branches of political parties / R.V. Savenkov, V.V. Stredinina // Political conceptology: journal of meta-disciplinary research. – 2023. – No. 2. – pp. 61–68.
9. Shevchenko N.V. The practice of interaction between authorities and non-profit organizations (on the example of the Belgorod region) / N.V. Shevchenko, V.M. Zakharov // Ars Administrandi (Art of management). – 2016. – No. 4. – pp. 5–19.

Деньги как элемент ценностно-нормативной системы общества

Мещанинова Евгения Юрьевна,

старший преподаватель кафедры социологии семьи
и демографии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: E. Meshchaninova@yandex.ru

В статье рассматривается взаимосвязь феномена денег с социокультурными факторами. Данная тема разрабатывалась в работах М. Вебера, Г. Зиммеля, Ю. Хабермаса и др. Деньги есть продукт социокультурных взаимодействий, а потому отображают их многообразие. Денежные средства и знаки отображают культурные особенности общностей, положения государственной идеологии, специфику национальной культуры, социально-экономический и культурный опыт народов и др. Цель работы – показать взаимосвязь между социально-исторической спецификой общества и феноменом денег.

Ключевые слова: деньги, культура, денежная культура, денежные отношения.

Становление и развитие денежных отношений, их инкорпорация в повседневную социальную жизнь и социальную ткань общества, ознаменовала появление новой формы культуры – денежной. Денежная культура есть совокупность норм, правил, принципов, привычек, социальных установок, регулирующих поведение людей, связанное с использованием денежных средств. Она включает в себя ряд ценностно-смысловых категорий: трудовую этику; формы знаний (бытовых, специализированных, профессиональных, научных и пр.); денежные табу; денежные установки; нормы, образцы и модели монетарного поведения и т.п. В данном случае акцент делается на связь феномена денег с ценностной системой и духовной жизнью общества. Деньги есть продукт социокультурных процессов, а потому отображают многообразие последних.

Деньги не просто влияют на социальные отношения, но и сами определяются социальным контекстом: в деньгах воплощаются *культурные особенности общностей*. Например, в конкретных социально-культурных контекстах деньги получают свои «имена»: «полтос», «пятихатка», «косарь», «сотка», «керенки» (по фамилии министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, казначейские знаки Временного правительства, выпускаемые и в РСФСР), «махновские рубли» (деньги различных государств бывшей Российской империи были в обращении на Украине во время Гражданской войны, на которые наносились надпечатки Повстанческой армия Украины), «романовские» и пр.

Традиционно деньги всегда были выражением *государственного суверенитета*. Потому исторически от внешнего облика денежных знаков требовалось отобразить символы, представления, идеи того или иного государства, государственной идентичности. Изображения на деньгах имеют связь с государством и национальной идентичностью индивидов. С началом массового хождения монет монеты из драгметаллов отождествлялись с фигурой правителя, монополизировавшего их чеканку. Английский фунт символически отображал культурную связь со Священной Римской империей Карла Великого, точнее ее монетой «либра». Таким образом Англия демонстрировала преемственность своих денег (и своего государства) с денежными средствами Римской империи. Английские деньги долгое время сохраняли римские сокращения: фунт – с буквой L (лат. «либра»), шиллинги – преемники «су» (S), пенсы – отсылка к римским денариям (D). Бумажные деньги также отражают *специфику национальной культуры*, ведь на денежных знаках демонстрируются её символы, их внешний вид привязывает к определенной социальной общности и её исторической судьбе (изображения президентов США на долларах, изображения городов России на рублях и т.д.). Так, например, на обратной стороне десятидолларовой купюры есть надпись «*Веруем в Бога*», что изначально символически выражало традиционную религиозность американского общества. Можно привести пример и из российской истории. В 1922 г. были выпущены банкноты, на лицевой стороне которых был изображен герб РСФСР образца 1920 года с надписью: «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*». Тем не менее, нужно сделать уточнение: иногда внешний облик банкнот и монет – это влияние совокупности культур-

ных, социальных и технических факторов микроуровня. Так, в 1918 г. Народный банк РСФСР начал выпускать советские банкноты с изображением двуглавого орла без атрибутов царской власти (эмблема Российской республики в период Временного правительства), что объясняется тем, что все необходимое печатное оборудование, в том числе типографские клише, было изготовлено еще при Временном правительстве в 1917 году. Использованием старых типографических клише объясняется и наличие дореформенной орфографии на первых советских банкнотах.

Деньги выражают *геополитический статус* государств *особенности культурной жизни* народов. К примеру, геополитическое доминирование Великобритании на протяжении нескольких веков было обеспечено высокими стандартами ее национальной валюты, а также успехами и высокой эффективностью английской торговли. Военно-морской флот Британской империи контролировал мировые транспортные и торговые потоки, а лондонские банки контролировали мировые денежные потоки. По этой причине фунт был самой надежной и уважаемой национальной валютой Европы. В некотором смысле это влияние было взаимонаправленным: высокий статус валюты обеспечивал силу государства и, наоборот, мощные дисциплинарные механизмы государства (физические и символические) обеспечивали статус национальных денег. В то же время успехи в торговле объяснялись в том числе и особенностями финансового и математического мышления. К XIX в. в Англии сформировалась сложная «денежная» система с соответствующей арифметикой: один фунт приравнивался к двадцати шиллингам, а один шиллинг к двенадцати пенсам; в обращении находились также крона (равна пяти шиллингам), полукрона (состояла из двух шиллингов и шести пенсов), флорентийский флорин (два шиллинга), фартинг (одна четверть пенни), золотая гиней (двадцать один шиллинг) и золотой соверен (двадцать шиллингов); а также деньги, распространенные на колонизированных территориях (пиастры, рупии и др.). Добавим к этому и другие формы денег, помимо монет: акции, облигации, бумажные банкноты, чеки, векселя и др. Денежные отношения между всеми субъектами обмена – торговцами, банкирами, купцами, кассирами, продавцами, мастерами и т.п. – выстраивались на столько сложной арифметике и требовали соответствующих навыков расчета и уровня математического мышления. И только в 1971 г. Англия перешла на привычную в Европе десятичную систему: один фунт начал равняться десяти шиллингам, или ста пенсам). Плюс разные денежные средства использовались для разных типов социального взаимодействия.

Деньги отражают *социальный и культурный опыт определенных сообществ*. Так, в Англии длительное время функционировали финансовая система и денежные отношения, включающие в себя счетную денежную единицу, которой физически первоначально не существовало – английский фунт. Фунт всегда был фикцией, условной единицей, но вокруг нее выстраивался огромный и сложный строй реальных взаимодействий. Фунт был «реален» в том смысле, что в его реальность верили действующие субъекты (индивиды, общности, организации, государства). Или другой пример: в России отсутствует традиция использования чековых книжек, т.е. отсутствует целый культурный пласт, связанный с существованием чековых платежных средств. Соответственно, отсутствуют и целый набор практик, понятий, символов, имеющих отношение к чековому институту: разнообразные виды чековых мошенничеств, методы подделки чеков, индоссаметы, «рикошет», «флуот», «кайтинг», «картбланш» и т.д. [1].

Исследованием взаимосвязи между экономическим поведением и культурой, а также исследованием денег с позиции ценностно-смысловой составляющей, занимались такие социологи как М. Вебер, Г. Зиммель, П. Сорокин, З. Бауман, Э. Гидденс, Д. Белл, У. Ростоу, Дж. Ритцер, Ш. Эйзенштадт и др. Эти авторы обратили внимание на тот факт, что унифицирующие рациональные элементы денежной системы и экономической деятельности вступают в противоречие с религиозными воззрениями индивидов, с культурными представлениями о роли денег в жизни человека и общества, их месте в хозяйственном укладе семей, с этическими принципами, а также с различного рода мифологическими концептами, в которых отражается дифференцирующая иррациональная составляющая экономического (в частности монетарного) поведения.

М. Вебер указывал, что религиозные взгляды влияют на хозяйственную деятельность индивидов, соответственно, отношение к деньгам в конкретном обществе зависит от ценностей этого самого общества. Например, причиной финансового успеха многих раннекапиталистических предпринимателей стали этические нормы протестантизма (протестантская этика) и рациональное отношение к деньгам (не как к самоценности, а как к средству для достижения благих целей) [2].

По мнению Г. Зиммеля, денежная культура – это культура, в которой количественные характеристики явлений и процессов социальной реальности становятся доминантным по отношению к качественному содержанию культуры. Деньги тем более значимы для индивидов, чем больше культурных функций они перехватывают у других институтов. В такой культуре у людей формируется убеждение, что «ценность» (социальная категория) и «стоимость» (экономическая категория) – это одно и то же: «Если сказать, что ценность – эггон цены, то это кажется тавтологией, их величина всегда должна быть одинаковой» [3, р. 49]. Другими словами, денежная культура – это культура, в которой действует закон прямой пропорциональности: чем дороже, тем ценнее, и, наоборот, чем ценнее, тем дороже. Суть влияния денег на культуру – в количественной объективации социальных ценностей, когда инструментальные принципы (деньги как средство упрощения обмена) в итоге становятся трансцендентальной формой восприятия и осмысления социальной действительности (деньги как цель и способ единообразного упорядочивания реальности). Сила денег и их сущность – в способности перевода одной ценности в другую, сведения качественных характеристик к количественным благодаря своей универсальности. Указанные свойства (формальность, универсальность, обобщенность, однородность и пр.) денег привносят в общественную жизнь принципы рациональности, чему активно пытается сопротивляться культура.

Ю. Хабермас, изучая процесс превращения социальных отношений в инструментальную рациональность, отмечал, что в современной культуре все меньше значения придается вещам и людям и все больше – денежным средствам. Одной из особенностей современной социальной действительности, по его мнению, является тот факт, что «денежная» составляющая вторгается в неэкономические сферы жизнедеятельности людей, становясь «заменителем» социальных характеристик и социальных связей. Деньги позволяют назначить всему в этом мире как «стоимость», так и «ценность» благодаря своей унифицирующей (измерительной) силе и абстрактной форме. Деньги, таким образом, стали средством, при помощи которого экономическая сторона захватывает мир монотонной социальной жизни, систематически и необузданно подрывая область действия,

зависящую от социальной интеграции: «Деньги укореняются в жизненном мире» [4, с. 125].

Таким образом, деньги есть продукт социокультурных взаимодействий, а потому отображают их многообразие. Отношение к деньгам является культурно обусловленным. Влияние социокультурных норм на отношение людей к деньгам наиболее четко отражается в денежной культуре общества. У каждого народа существуют собственные имманентные иррациональные принципы в отношении денег. Материальные деньги отражают специфику национальной культуры. Традиционно деньги всегда были выражением государственного суверенитета.

Литература

1. Остальский А.В. Краткая история денег [Текст] / Андрей Остальский. – Санкт-Петербург: Амфора, 2015. – 254 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Simmel G. Philosophie des Geldes. – Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1900. – P. 49.
4. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS, 1993, вып. 2. С. 125.

MONEY AS AN ELEMENT OF THE VALUE-NORMATIVE SYSTEM OF SOCIETY

Meshchaninova E.Y.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the relationship between the phenomenon of money and socio-cultural factors. This topic was developed in the works of M. Weber, G. Simmel, Y. Habermas and others. Money is a product of sociocultural interactions, and therefore reflects their diversity. Monetary funds and signs reflect the cultural characteristics of communities, the provisions of state ideology, the specifics of national culture, the socio-economic and cultural experience of peoples, etc. The purpose of the work is to show the relationship between the socio-historical specifics of society and the phenomenon of money.

Keywords: money, culture, money culture, money relations.

References

1. Ostalskiy A.V. Kratkaya istoriia dengi [A Brief History of Money] / Andrey Ostalsky. – St. Petersburg: Amphora, 2015. – 254 p. (in Russian)
2. Weber M. Selected Works. Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism / M. Weber. – Moscow, Progress Publ., 1990. – 808 p.
3. Simmel G. Philosophie des Geldes. – Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1900. – P. 49.
4. Habermas, J., "Relations between the System and the Life World in the Conditions of Late Capitalism," THESIS, 1993, Issue. 2, p. 125.

Цифровизация как инструмент развития социальной регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока

Мкртумова Ирина Владимировна,

д-р социол. наук, проф., проф. каф. полит. анализа и соц.-псих. процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: imkrtumova@yandex.ru

Грачева Ольга Евгеньевна,

канд. экон. наук, доцент, рук. Центра медиации и социально-правовой помощи, филиала ГБУ Ресурсный центр по вопросам опеки и попечительства «Содействие» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы
E-mail: 9686438@mail.ru

Статья посвящена анализу процессов развития социальной сферы регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока в векторе цифровизации в условиях реализации прорывных экономических проектов. Жители этих регионов часто сталкиваются с особыми трудностями, связанными с удаленностью от центров развития, климатическими условиями, проблемами занятости, образования, здравоохранения, социальной защиты населения и т.п. К тому же пандемия COVID-19 активизировала внедрение дистанционных практик в социальном взаимодействии, таких, как распространение цифрового потребления. В то же время растет цифровое неравенство между социальными группами населения, включенными и не включенными в ускоренную цифровизацию. В статье показаны приоритетные социально-экономические проекты регионов, влияющие на развитие социальной сферы и повышение качества жизни населения. Так, Россия активно развивает Северный морской путь, вкладывая значительные средства в развитие инфраструктуры и увеличение пропускной способности портов. Показано, что нынешнее активное развитие Северного морского пути и масштабные градообразующие проекты развития северных регионов создает реальную перспективу интенсификации процессов социального развития регионов Крайнего Севера и Арктики и помогут создать до 120 тысяч новых рабочих. Процессы цифровизации в арктических регионах России являются одним из приоритетных направлений развития государственных услуг и сервисов в социально значимых сферах в соответствии с мероприятиями национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Обращается внимание на создание и развитие цифровых сервисов Единая Цифровая Платформа в социальной сфере (ЕЦП), Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО) для населения, предоставление социально-значимых услуг в электронном виде, а также на необходимость внедрения цифровых технологий в отраслях социального блока. Происходит институционализация новых социальных практик цифровизации, цифровая социализация, но в то же время цифровизация может порождать риски социального расслоения и социального неравенства. Одним из приоритетных направлений процессов цифровой трансформации системы социальной защиты населения также является создание «Социального казначейства». Это новый подход к назначению мер социальной поддержки на основе универсальных подходов и сквозной цифровизации.

Ключевые слова: Северный морской путь, цифровизация, Единая Цифровая Платформа в социальной сфере (ЕЦП), Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО), социально значимые услуги, создание рабочих мест, цифровой паспорт, социальное казначейство.

Введение

Территории российских регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока – это территории с уникальной окружающей средой, обладающие важнейшим геополитическим положением и колоссальным экономическим потенциалом, способным оказать серьезное позитивное влияние на развитие экономики страны в целом. Геополитическое положение регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока имеет несколько преимуществ. Большая территория и малая плотность населения: регионы Севера, Сибири и Дальнего Востока занимают огромную территорию, которая составляет более 75% территории России. Население регионов Севера России по данным Росстата на 1 января 2023 года¹ составляло около 9 млн чел., (в т.ч. Мурманская область – 658 698, Вологодская область – 1 128 782, Архангельская область и НАО – 1 005 687, Республика Коми – 726 434, Красноярский край – 2 845 545, Кемеровская область – 2 568 238, Магаданская область – 134 315, Чукотский АО – 47 840), площадь территории – около 11 млн км.²

Население всего Дальнего Востока составляет 7 903 864 чел. (2023) (5,5% населения РФ, площадь – 6 952 555 км (как две Индии), что составляет 40,6% территории РФ). Население Сибирского федерального округа – 16 645 802 чел. (11,6% населения РФ), площадь: 4 361 727 км² (25,47% территории РФ). Уникальное географическое положение: регионы Севера, Сибири и Дальнего Востока удобно расположены на границе со странами Юго-Восточной Азии – мировыми центрами транспортных и логистических цепочек. Богатые природные ресурсы: нефть, газ, уголь, древесина, рыба и другие ресурсы могут быть использованы для развития различных отраслей экономики, таких как добыча, переработка и экспорт, что будет сопровождаться развитием социальной сферы [Бадылевич Р.В. Березиков С.А., 2022].

Геополитическое положение, развитие технологий и транспортной инфраструктуры в современных условиях дает новые возможности для экономического роста нашей страны. Развитие Северного морского пути (далее – СМП) значительно улучшит конкурентоспособность России как международного эффективного экономического партнера, увеличит транспортную доступность северных регионов и обеспечит расширение международного движения товаров. Так, летом время доставки международных грузов, в сравнении с альтернативными маршрутами через Суэцкий канал, сокращается до 40%. Доставка нефти из Мурманска в Японию в два раза быстрее: за 37 дней – через Суэцкий канал, 12 291 миля; за 18 дней через Северный Морской путь,

¹ Федеральная служба государственной статистики. По данным [Сайт 1- Росстат] – от 01.08.2023 rosstat.gov.ru «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 года». (дата обращения: 10.09.2023).

² Население регионов России 2023: численность, крупные регионы России и федеральные округа список, таблица. По данным [Сайт 1- Росстат] – от 01.08.2023 «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 года». https://www.statdata.ru/largest_regions_russia (дата обращения: 10.09.2023)

6010 миль. Доставка грузов из Роттердама в порты Азии (Япония, Республика Корея, Китай) на 10 дней быстрее: 33 дня через Суэцкий канал, в среднем 10600 миль; 23 дня через СМП, 7610 миль. Сегодня активно развивается инфраструктура круглогодичной навигации судов по Северному морскому пути¹.

Одной из основных отличительных черт жизни в регионах является низкая плотность населения и большое расстояние между населенными пунктами. При этом большинство населенных пунктов имеют небольшую численность жителей, а многие села и поселки находятся в отдаленных и труднодоступных районах. В регионах сохраняются проблемы с развитием инфраструктуры, доступом к качественным медицинским, социальным и образовательным услугам, а также из-за транспортных сложностей, обусловивших в т.ч. высокие цены на продукты питания и товары первой необходимости. Развитие Северного морского пути может создать до 120 тысяч новых рабочих. Это является важным фактором улучшения социальной ситуации в регионах Крайнего Севера и Арктики, обеспечит доступность для населения всех социально-значимых услуг, в том числе посредством цифровизации социальной сферы (цифровой паспорт региона, социальное казначейство и др.).

Материалы и методы исследования

В данном исследовании под цифровизацией социальной сферы мы понимаем процессы развития государственных услуг и сервисов в социально значимых сферах, их перевод в электронный формат, в соответствии с мероприятиями национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», реализованные в нескольких федеральных проектах. Так, проект «Электронное Правительство» – широчайший набор сервисов на портале ГОСУСЛУГИ². На портале можно и оплатить ЖГХ, налоги и штрафы, и вызвать врача на дом, записать ребенка в школу, заказать паспорт и выписки ЕГРЮЛ, ЕГРН, многое, – конечно, кроме личного общения, сочувствия, сопереживания. Мы видим, что современные процессы цифровой трансформации активно меняют не только социальную сферу всей нашей страны, они меняют нашу ежедневную жизнь.

Показатели. В 2023 году в электронном формате стали самыми востребованными госуслугами: запись к врачу, выплата единого пособия и выписка из трудовой книжки. Порталом Госуслуги пользуются 103 миллиона человек – почти 70% населения. Для сравнения – за семь месяцев 2023 года гражданами нашей страны было подано 336 млн заявлений на госуслугах, что на 32% больше, чем за то же время в 2022 году. Формируются банки данных ГИС – государственных информационных систем ЕЦП, ЕГИССО, СФР и т.д.

Главные составляющие цифровизации социальной сферы. На федеральном уровне – это прежде всего Единая Цифровая Платформа (далее ЕЦП) в социальной сфере и Единая государственная информационная система социального обеспечения (далее – ЕГИССО), а также Федеральный реестр инвалидов и др. С 1 января 2024 года все сведения о пенсиях, льготах и льготниках

аккумулируют в ЕЦП – Единой централизованной цифровой платформе в социальной сфере. Это закрепил Федеральный закон от 10.07.2023 № 293-ФЗ (далее – Закон 293-ФЗ). Новая информационная система работает на базе действующих в социальной сфере информационных систем и ресурсов. С 01.01.2024 ЕГИССО³ признается подсистемой Единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере, оператором которой назначен Социальный фонд России (СФР).

В ЕГИССО загружаются все данные о получателях мер социальной поддержки, в том числе пенсионерах, инвалидах, чернобыльцах и других льготниках. Информацию можно будет увидеть на портале ГОСУСЛУГ. Система будет хранить данные всех получателей социальной помощи: не только выплат, но и льгот, услуг, а также информацию о реабилитации инвалидов, сведения о людях, которые получили травмы на производстве, СВО и т.д.

Внедрение ЕГИССО очень важно для регионов арктических регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока с их огромными расстояниями и рассредоточенностью учреждений социальной сферы.

В сфере охраны труда и социальной защиты населения страны практически сформирован цифровой контур отрасли. Так, если в 2021 году в электронный вид переведены около 100 государственных услуг, в 2022 г. – свыше 160 услуг, то в 2023 году в электронный вид были переведены все массовые социально значимые услуги, включая назначение льготных выплат, пенсий, запись в детские сады, школы, кружки и секции и многие другие⁴.

Пандемия ускорила процесс глобальной цифровизации в мире и нашей стране. Среди работ последних пяти лет, посвященных цифровизации социальных услуг и развитию социальной сфера регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока, авторы выделяют несколько исследований [Бадылевич Р.В. Березиков С.А., 2022; Мкртумова И.В., 2019]. Так, Потравная Е.В. [Потравная Е.В., 2022] в своем исследовании показывает, как промышленное освоение Арктики способствует народосбережению и повышению качества жизни народов Севера. Изучение процессов интенсификации цифровых технологий в социально-экономическом развитии с помощью социологических исследований позволяет обеспечить статистический анализ и оценку процессов цифровизации как в территориальном, так и во временном аспектах [Архипова Е.Б., Бородкина О.И., 2021]. Например, Сафонов С.А., Зандер Е.В. для оценки значимости уровня цифровизации социальных услуг в РФ и регионах СФО обозначили федеральные и региональные тенденции [Сафонов С.А., Зандер Е.В., 2023]. Наблюдается общероссийская тенденция роста предоставления государственных и муниципальных социальных услуг в электронной форме. Положительную динамику демонстрирует в т.ч. Красноярский край, увеличив показатель доли граждан, использующих механизм получения социальных услуг в электронной форме, с 35,8% в 2014 г. до 80,8% в 2021 г.

Так, изучая процесс цифровизации государственных социальных услуг, Е.И. Добролюбова и А.Н. Старостина [Добролюбова Е.И., Старостина А.Н., 2021] предлагали для каждого субъекта Российской Федерации разработать индекс цифровизации взаимодействия государства

¹ Среднее время доставки товаров через Суэцкий канал и через Северный Морской путь // Yandex.ru/search: [сайт]. 2023. URL: <https://yandex.ru/search/?text=среднее+время+доставки+товаров+через+Суэцкий+канал+и+через+Северный+Морской+путь&lr=21745&clid=1955453&win=224> (Дата обращения: 20.09.2023)

² Портал государственных услуг РФ // www.gosuslugi.ru: [сайт]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 11.10.2023).

³ Единая государственная информационная система социального обеспечения // www.egisso.ru: [сайт]. URL: <https://egisso.ru/#/pages/about> (дата обращения: 09.10.2023)

⁴ Новости – Правительство России // www.government.ru: [сайт]. URL: <http://government.ru/news/49268/> (дата обращения: 09.10.2023)

и граждан. По их мнению, цифровизация делает услуги доступнее и качественнее, а также снижет их себестоимость. В то же время исследователи констатируют негативную тенденцию, связанную со снижением значимости традиционных институтов социализации, адаптации и реабилитации. Цифровые инструменты не всегда хорошо работают при решении сложных задач [Бадылевич Р.В. Березиков С.А., 2022] с учетом индивидуально-подхода для конкретного человека.

Профессора М.В. Фирсов и М.В. Вдовина, анализируя трансформации института социального обслуживания, отмечают, что трансформируется и сам получатель услуг от биопсихосоциального традиционного типа, к «е-клиенту», где большая часть взаимодействий происходит в цифровой среде [Фирсов М.В., Вдовина М.В. Савинов Л.И., 2020]. Развивая тематику «е-клиента», Н.М. Логачева [Логачева Н.М., 2020] считает целесообразным интегрированный показатель: «цифровая зрелость получателя социальных услуг». Показатель суммирует значения трех основных индексов: 1) общая цифровая оснащенность потребителя, учитывающая наличие собственных средств цифровой коммуникации, а в случае их отсутствия – доступность общих; 2) цифровые компетенции и навыки потребителя; 3) цифровая мобильность (индекс, оценивающий гибкость и способность цифровых навыков потребителя к быстрой адаптации к новым технологиям).

Новым подходом в анализе соцзащиты является методика цифрового паспорта регионов [Фирсов, М.В. Вдовина, Л.И. Савинов, 2020; Потравная Е.В., 2022; Козырева Л.Д., Шкурупей О.В., 2020]. Цифровым паспортом выступает набор ключевых показателей цифровизации деятельности социальных служб. Показатель включает: минимальную цифровую корзину, необходимую для оказания базовых услуг; наличие цифровой инфраструктуры и человеческого капитала для цифровизации учреждений социальной сферы; объем инвестиций региона в цифровую трансформацию отрасли. Данный набор показателей дает возможность производить оценку степени цифровизации учреждений соцзащиты, а также проанализировать их готовность к цифровой трансформации в дальнейшем.

Основными теоретическими и методологическими положениями, на которых основывается данное исследование, являются общенаучные теоретические методы анализа и синтеза, дедуктивный метод, аналогия, моделирование, обобщение, методы классификации, формализации и конкретизации. Теоретической основой послужили классические и современные социологические концепции в области теорий социальных систем, социальных структур, социальных институтов, социального неравенства, социальной мобильности, которые использовались для анализа взаимосвязи в т.ч. между цифровизацией социальной защиты и развитием крупных экономических проектов в регионах. Важны социологические теории, описывающие социальные процессы в части целенаправленного социального развития регионов в связи с цифровой трансформацией [Холостова Е.И., Вдовина М.В., Мкртумова И.В., Грачева О.Е. 2022; Mkrumova I.V., Kononova L.I., Vdovina M.V., Studenova E.G., Potutkova S.A., 2019; Firsov M., Mkrumova I., Chernikova A., 2019; Холостова Е.И., Акимова Ю.А., Климантова Г.И. и др. 2019]. Автор опирался на идеи концепции цифровой экономики, которые прояснили, какие преимущества могут быть получены в результате цифрового обновления социальных программ и услуг [Блануца В.И., 2019]. Цифровизация может способствовать развитию дистанционного образования (е-клиент) [Логачева Н.М., 2020]. Цифровизация социальной сферы

должна быть ориентирована на устранение цифрового неравенства и обеспечение включения всех слоев общества.

Результаты исследования

Развитие цифровизации в арктических регионах России является одним из приоритетных направлений для обеспечения экономического и социального развития регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока (цифровой паспорт региона). Пандемия COVID-19 ускорила внедрение дистанционных практик в социальном взаимодействии, таких, как распространение цифрового потребления, а также рост «цифрового разрыва» (digital gap) между социальными группами, включенными и не включенными в ускоренную цифровизацию. Цифровизация социальной сферы, развитие социальных сетей, государственных услуг, электронных медиа и многих цифровых социальных объектов особенно важно для Севера и Арктики с их недостаточно развитой социальной инфраструктурой.

Цифровизация социальной сферы включает в себя широкий спектр мер и инструментов, направленных на автоматизацию и упрощение процессов предоставления социально значимых услуг и сервисов. Во-первых, внедрение ГИС – государственных информационных систем ЕЦП, ЕГИССО, СФР, и т.л. электронных систем учета и обработки информации о гражданах, которые позволяет сократить время и ресурсы на ручное ведение документации и упростить процесс получения социально значимых услуг, сервисов, выплат (социальное казначейство). Цифровизация позволяет улучшить доступность социально значимых услуг и ресурсов, включая электронные государственные услуги, онлайн-покупки, электронное образование, телемедицину, он-лайн голосование и т.д. Это способствует повышению уровня социальной интеграции в обществе. Однако, внедрение цифровых технологий в социальную защиту населения также сопряжено с определенными вызовами и проблемами. Например, необходимо обеспечить доступность цифровых сервисов для всех граждан, включая тех, кто не имеет доступа к интернету или не обладает достаточными навыками работы с компьютером. Одним из вызовов здесь является готовность населения поддерживать и участвовать в практиках цифровизации для получения разного рода социально-значимых услуг.

Качество социальной сферы Севера России во многом связано с обеспечением доступности для населения всех социально-значимых услуг. Одним из приоритетных направлений решения этой задачи является технология «социальное казначейство». Это новый подход к выявительному принципу назначения мер социальной поддержки на основе цифровизации, предполагающий, в т.ч. и упрощенное получение выплат: без сбора справок, просто по одному заявлению или даже без него (беззаявительное назначение мер социальной поддержки).

Для сравнения: по данным Минтруда РФ впервые¹ (помимо граждан, уже получающих социальные услуги) социальные услуги в Российской Федерации в 2021 году получали 8797 740 человека, в то время как только 22,9% получателей социальных услуг – 2013 млн человек – проживают в Северо-Западном федеральном округе (616920 человек), в Дальневосточном федеральном округе, где общая численность получателей социальных услуг составила (291 090 человек) и в Сибирском федеральном округах (1 106 465 человек), в целом эти реги-

¹ Количество получателей социальных услуг на основе договоров и разработанных индивидуальных программ в 2021 году // mintrud.gov.ru: [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/2366> (дата обращения: 21.09.2023)

оны занимают около 75% территории нашей страны¹. В России в 2021 году впервые социальные услуги предоставлены 3 482 687 человек (в т.ч. инвалидам)².

В Дальневосточном федеральном округе подобные социальные услуги в 2021 году впервые получили 111 556 человек. На договорной основе – 160 771 человек³.

В СФО социальные услуги впервые получали 402 598 человек, в связи с наличием в семье инвалида или инвалидов. На договорной основе – 599 649 человек⁴.

Правительство страны и правительственные структуры регионов уделяют особое значение развитию цифровизации ключевых сфер народного хозяйства в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Авторы статьи отмечают, что в структуре правительства каждого сибирского региона имеется структура, отвечающая за цифровое развитие. Так, в Алтайском крае, в Кемеровской и Новосибирской областях эту работу выполняет «Министерство цифрового развития и связи»; «Министерство цифрового развития» обеспечивают развитие в Республике Алтай и Красноярском крае. В пяти сибирских регионах такие органы управления называется по-разному⁵. Анализ больших данных Минцифры России, осуществленный Блануца В.И. [Блануца В.И., 2019], показал, как федеральное министерство реализует национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации».

Динамику интенсификации цифровизации процессов в социальной сфере за 2015–2021 гг. зафиксировали Сафонов С.А., Зандер Е.В. [Сафонов С.А., Зандер Е.В., 2022]. В среднем, почти в три раза повысился уровень цифровизации социально значимых услуг в РФ и регионах СФО – Республике Алтай, Республике Тыва, Республике Хакасия, в Алтайском и Красноярском крае, в Иркутской и Новосибирской областях.

Развитие системы социальной защиты населения напрямую связано с реализацией глобальных градообразующих транспортно-экономических проектов, которые Россия планирует реализовать в Арктике и Северном

регионе до 2030 года. Наша страна активно развивает глобальный проект Северный морской путь 9дальее – СМП), в рамках этого проекта планируется привлечение инвестиций на сумму более 6 триллионов рублей. СМП в дальнейшем вполне может стать значимой альтернативой Суэцкому каналу. По информации Министерства транспорта РФ, развитие СМП может создать до 120 тысяч новых рабочих мест в различных сферах экономики Севера, таких, как транспорт, логистика, морские перевозки, добыча полезных ископаемых, строительство, социальная сфера и другие. Это может стать важным фактором улучшения социальной и экономической ситуации.

Развитие портов на СМП является градообразующими проектами, предполагающими развитие социальной инфраструктуры. Планируется строительство нескольких новых портов на СМП. Один из таких портов – порт Сабетта, который находится на полуострове Ямал в Ямало-Ненецком автономном округе. Порт Сабетта был построен в рамках проекта «Ямал СПГ», который обеспечивает добычу и переработку природного газа на Ямале. Порт Сабетта является крупнейшим портом на СМП и может обслуживать суда до 250 тысяч тонн грузоподъемности. Также в планах строительства новых портов – порт Ленский в Якутии, который будет обслуживать грузооборот в районе реки Лены. Кроме того, планируется реконструкция и модернизация уже существующих портов, таких как порт Дудинка в Красноярском крае и порт Певек в Чукотском автономном округе. Порт Певек является одним из ключевых портов на этом маршруте. Большинство судов, которые проходят через порт Певек, перевозят грузы из Северной Европы и Азии в Америку и обратно. Обслуживать грузоперевозки помогает первая в мире плавучая электростанция, которая уже работает в Певеке пятый год.

В июне 2023 года глава «Росатома» Алексей Лихачев на сессии Петербургского международного экономического форума «Северный морской путь: новые вызовы» сообщил о заказе на 15 плавучих энергоблоков вдоль СМП в Арктике. Такой объем потенциального спроса со стороны компаний видят в «Росатоме»⁶. По словам Лихачева, «Росатом» уже реализует соответствующий проект для энергоснабжения Баимского ГОКа на Чукотке, который строит казахстанская компания KAZ Minerals. Стоимость этого проекта госкорпорации оценивалась в 169 млрд руб.

В целом, проект «Развитие транспортной системы Северного морского пути» направлен на создание эффективной транспортной инфраструктуры для развития экономики и повышения качества жизни населения в регионах Арктики и Северного морского пути.

Заключение

Задачами государственной политики в Арктике и на Дальнем Востоке являются развитие экономики, транспорта, социальной сферы, повышение уровня и качества жизни населения указанных территорий, эффективное использование имеющихся экономико-географических преимуществ. Активное развитие СМП и масштабные градообразующие проекты развития северных регионов приведет в т.ч. к созданию более 120 000 новых рабочих мест. Жители этих регионов часто сталкиваются

⁶ Глава «Росатома» на сессии Петербургского международного экономического форума «Северный морской путь: новые вызовы» сообщил о заказе на 15 плавучих энергоблоков // www.rbc.ru [сайт]. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/business/15/06/2023/648ab3eb9a7947624a4cdd5a> (дата обращения: 22.09.2023)

¹ Информация Минтруда России от 13 июля 2022 г. (по информации органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, представленной по форме № 5 «Сведения о получателях социальных услуг», утвержденной приказом Минтруда России от 18 сентября 2014 года № 651н) – раздел 1 // mintrud.gov.ru: [сайт]. 2023. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/2366> (дата обращения: 24.05.2023)

² Там же, разделы 3–4. // mintrud.gov.ru: [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/2366> (дата обращения: 24.05.2023)

³ Там же, раздел 6. // mintrud.gov.ru: [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/2366> (дата обращения: 24.05.2023)

⁴ Там же, – раздел 7. // mintrud.gov.ru: [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/2366> (дата обращения: 24.05.2023)

⁵ www.digital.altayreg.ru // [сайт]. URL: www.digital.altayreg.ru (дата обращения: 24.05.2023). www.mis.rtyva.ru // [сайт]. 2023. URL: www.mis.rtyva.ru (дата обращения – 24.05.2023). www.r-19.ru // [сайт]. 2023. URL: www.r-19.ru/authorities/executiveauthorities (дата обращения – 24.05.2023).

www.digital.alregn.ru // [сайт]. URL: www.digital.alregn.ru (дата обращения: 24.05.2023). www.it.krskstate.ru // [сайт]. 2023. URL: www.it.krskstate.ru (дата обращения: 24.05.2023). www.irkobl.ru // [сайт]. 2023. URL: www.irkobl.ru/sites/economy (дата обращения: 24.05.2023). www.digital42.ru // [сайт]. URL: www.digital42.ru (дата обращения: 24.05.2023).

www.digit.nso.ru // [сайт]. URL: www.digit.nso.ru (дата обращения: 24.05.2023). www.mps.omskportal.ru // [сайт]. 2023. URL: www.mps.omskportal.ru/oiv/mps/ (дата обращения: 24.05.2023). www.digital.tomsk.gov.ru // [сайт]. 2023. URL: www.digital.tomsk.gov.ru/ (дата обращения: 24.05.2023). и др.

с особыми трудностями, связанными с климатическими условиями и т.п. Проект СМП позволит в т.ч. обеспечить новое качество социальной сферы, тем самым сформировав привлекательные и более комфортные условия для жизни людей и увеличив социально-экономическую интеграцию внутри региона.

Цифровизация социальной сферы, социальной защиты населения на обширных и малонаселенных территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока, благодаря глобальному экономическому проекту развития Северного морского пути, будет способствовать повышению уровня и качества жизни населения регионов. Показателями внедрения технологий цифровизации сферы социальной защиты населения в регионах, помимо обязательных федеральных сервисов ЕЦП, ГОСУСЛУГИ, ЕГИССО, Федеральный реестр инвалидов и д.т.п., являются такие внедренные проекты, как «цифровой паспорт» региона, «социальное казначейство». Изменяется не только мир вокруг человека, происходят изменения в восприятии цифровых устройств, человек адаптируется к цифровой среде. Происходит трансформация получателя услуг от биопсихосоциального к «е-клиенту», где большая часть взаимодействий происходит в цифровой среде. Для понимания укорененности новых социальных установок предлагается введение в исследовательских целях интегрированного показателя: «цифровая зрелость получателя социальных услуг».

В целом, цифровизация позволит развивать и создавать социальную инфраструктуру, на порядки увеличить охват населения социальными и медицинскими услугами, повысить доступность образования и социального обслуживания, расширит использование цифровых сервисов для удобного предоставления государственных социальных услуг и социальных выплат, что в целом станет залогом социальной стабильности и ключевой точкой роста человеческого капитала северных регионов нашей страны.

Литература

1. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2022 // Материалы XI Международной научно-практической конференции. Составители: Бадылевич Р.В. Березиков С.А. и др. ФИЦ КНЦ РАН, ИЭП КНЦ РАН. – Издательство: ФИЦ КНЦ (Апатиты). 2022, 194 с.
2. Мкртумова И.В. Режимы социального благосостояния регионов российской федерации в контексте социальной защиты // Отечественный журнал социальной работы. – М.: ИДПО. 2019. № 2(77). С. 53–72.
3. Архипова Е.Б. Проблемы и противоречия цифровой трансформации социальных служб в России / Е.Б. Архипова, О.И. Бородкина // Социология науки и технологий. – СПб.: Издательство «Нестор-История». 2021. № 4. С. 116–134. ISSN 2079–0910 (Print), ISSN 2414–9225.
4. Сафонов С.А., Зандер Е.В. Оценка цифровой трансформации социальной сферы и региональные особенности цифровизации социальных услуг // Цифровая экономика. URL: http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/987/ct55545477.pdf (дата обращения: 23.05.2023)
5. Добролюбова Е.И., Старостина А.Н. Оценка цифровизации взаимодействия государства и граждан // Статистика и экономика. – М.: Издательство РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2021. № 2. С. 45–56.
6. Фирсов М.В. Цифровизация российской социальной работы: современная практика и пути развития / М.В. Фирсов, М.В. Вдовина, Л.И. Савинов // Те-

ория и практика общественного развития. – М.: Издательский дом «Хорс». 2020. № 9 (151). С. 13–21.

7. Логачева Н.М. Цифровая зрелость потребителя услуг социальной сферы // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск. 2020. № 10 (444). С. 21–27.
8. Индекс «Цифровая Россия». Московская школа управления «Сколково» // <https://www.skolkovo.ru> [сайт]. 2023. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/indeks-cifrovaya-rossiya/> (дата обращения: 05.07.2023)
9. Потравная Е.В. Как промышленное освоение Арктики способствует народосбережению и повышению качества жизни народов Севера? // Уровень жизни населения регионов России. – М. 2022. Том 18. № 4. С. 555–563. DOI 10.19181/isprr.2022.18.4.1.
10. Козырева Л.Д., Шкурупей О.В. Система социального обслуживания населения в эпоху цифровизации: социальные инновации и перспективы развития // Научные труды северо-западного института управления РАНХИГС. – М.2018. № 4(36). С. 184–189.
11. Теория социальной работы / Холостова Е.И., Вдовина М.В., Мкртумова И.В., Грачева О.Е. и др. Учебник для магистров / (4-е изд.) – М.: Издательство ЮРАЙТ, 2022. 474 с.
12. Priorities in theory and practice of contemporary social work in Russia / Mkrumova I.V., Kononova L.I., Vdovina M.V., Studenova E.G., Potutkova S.A. Italian Sociological Review. 2019. Т. 9. № 1. С. 119–130. DOI: 10.13136/isr.v9i1.231
13. Statistical analysis of the processes of intensification the introduction of information and communication technologies in the socio-economic sphere of the Russian Federation / Kislaya I.A., Bondarenko G.A., Rudyaga A.A., Aslanyan S.S. E3S Web of Conferences. 2020. № 208. pp. 1–7.
14. Domestic clinical social work formation in the context of the social protection system encapsulation processes / Firsov M., Mkrumova I., Chernikova A. В сборнике: Economic and Social Development. Book of Proceedings. Editors: Aleksander Maloletko, Natasa Rupcic, Zoltan Baracska. 2018. С. 823–830.
15. Российская энциклопедия социальной работы / Акимова Ю.А., Вдовина М.В., Климантова Г.И., Мкртумова И.В. [и др.]. (4-е издание) – М.: Издательство ЮРАЙТ, 2019. 1032 с.
16. Блануца В.И. Социально-экономическое районирование в эпоху больших данных. – Издательство: НИЦ ИНФРА-М. 2019, 194 с.
17. Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий / Короленко А.В., Груздева М.А., Нацун Л.Н., Барсуков В.Н. [и др.]. – Вологда: Издательство ФГБУН-ВолНЦ РАН. 2018. 386 с.
18. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения – 2022 // Материалы XI Международной научно-практической конференции. Составители: Бадылевич Р.В. Березиков С.А. и др. ФИЦ КНЦ РАН, ИЭП КНЦ РАН. – Издательство: ФИЦ КНЦ (Апатиты). 2022, 194 с.

DIGITALIZATION AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIAL REGIONS OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST

Mkrumova I.V., Gracheva O.E.

Plekhanov Russian University of Economics, Branch of the State Budgetary Institution Resource Center for guardianship and custody issues “Sodeistvie” Department of Labor and Social Protection of Moscow

The article is devoted to the analysis of the processes of social sphere development in the regions of the North, Siberia and the Far East in the vector of digitalization in the conditions of implementation of breakthrough economic projects. Residents of these regions often face special difficulties associated with remoteness from development centers, climatic conditions, problems of employment, education, health care, social protection, etc. In addition, the COVID-19 pandemic has intensified the adoption of remote practices in social interaction, such as the spread of digital consumption. At the same time, digital inequality between social groups included and not included in accelerated digitalization is growing. The article shows the priority socio-economic projects of the regions that influence the development of the social sphere and improve the quality of life of the population. For example, Russia is actively developing the Northern Sea Route, investing significant funds in the development of infrastructure and increasing the capacity of ports. It is shown that the current active development of the Northern Sea Route and large-scale city-forming development projects in the northern regions create a real prospect of intensifying the processes of social development of the Far North and Arctic regions and will help to create up to 120 thousand new workers. Digitalization processes in the Arctic regions of Russia are one of the priority areas for the development of public services and services in socially important areas in accordance with the measures of the national program "Digital Economy of the Russian Federation". Attention is drawn to the creation and development of digital services such as the Unified Digital Platform in the social sphere (UDP), the Unified State Information System for Social Security (USISSO) for the population, the provision of socially important services in electronic form, and the need to introduce digital technologies in social sectors. There is institutionalization of new social practices of digitalization, digital socialization, but at the same time digitalization can generate risks of social stratification and social inequality. One of the priority areas of the processes of digital transformation of the social protection system is also the creation of the "Social Treasury". This is a new approach to the assignment of social support measures based on universal approaches and end-to-end digitalization, which implies proactive information about available state support measures for citizens and simplified receipt of social payments.

Keywords: Northern Sea Route, digitalization, Unified Digital Platform in the social sphere (UDP), Unified State Information System for Social Security (USISSO), socially important services, job creation, digital passport, social treasury.

Reference

1. The North and the Arctic in the new paradigm of world development. Luzin Readings – 2022 // Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. Compiled by: Badylevich R.V. Berezikov S.A. and others. Federal Research Center KSC RAS, IEP KSC RAS. – Publisher: Federal Research Center KSC (Apatity). 2022, 194 p.
2. Mkrumova I.V. Regimes of social welfare of regions of the Russian Federation in the context of social protection // Domestic Journal of Social Work. – M.: IDPO. 2019. No. 2(77). pp. 53–72.
3. Arkhipova E.B. Problems and contradictions of digital transformation of social services in Russia / E.B. Arkhipova, O.I. Borodkina // Sociology of science and technology. – St. Petersburg: Publishing house "Nestor-History". 2021. No. 4. pp. 116–134. ISSN 2079–0910 (Print), ISSN 2414–9225.
4. Safonov S.A., Zander E.V. Assessment of digital transformation of the social sphere and regional features of digitalization of social services // Digital Economy. URL: http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/987/ct55545477.pdf (access date: 05.23.2023)
5. Dobrolyubova E.I., Starostina A.N. Assessing the digitalization of interaction between the state and citizens // Statistics and Economics. – M.: Publishing house REU im. G.V. Plekhanov. 2021. No. 2. pp. 45–56.
6. Firsov M.V. Digitalization of Russian social work: modern practice and development paths / M.V. Firsov, M.V. Vdovina, L.I. Savinov // Theory and practice of social development. – M.: Publishing house "Khors". 2020. No. 9 (151). pp. 13–21.
7. Logacheva N.M. Digital maturity of the consumer of social services // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – Chelyabinsk. 2020. No. 10 (444). pp. 21–27.
8. Index "Digital Russia". Moscow School of Management "Skolkovo" // <https://www.skolkovo.ru> [website]. 2023. URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/indeks-cifrovaya-rossiya/> (access date: 07/05/2023)
9. Potravnaya E.V. How does the industrial development of the Arctic contribute to saving people and improving the quality of life of the peoples of the North? // Standard of living of the population of Russian regions. – M. 2022. Volume 18. No. 4. P. 555–563. DOI 10.19181/isprr.2022.18.4.1.
10. Kozyreva L.D., Shkurupey O.V. The system of social services for the population in the era of digitalization: social innovations and development prospects // Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPa. – M.2018. No. 4(36). pp. 184–189.
11. Theory of social work / Kholostova E.I., Vdovina M.V., Mkrumova I.V., Gracheva O.E. and others. Textbook for masters / (4th ed.) – M.: YURAYT Publishing House, 2022. 474 p.
12. Priorities in theory and practice of contemporary social work in Russia / Mkrumova I.V., Kononova L.I., Vdovina M.V., Studenova E.G., Potutkova S.A. Italian Sociological Review. 2019. T. 9. No. 1. P. 119–130. DOI: 10.13136/isr.v9i1.231
13. Statistical analysis of the processes of intensification of the introduction of information and communication technologies in the socio-economic sphere of the Russian Federation / Kislaya I.A., Bondarenko G.A., Rudyaga A.A., Aslanyan S.S. E3S Web of Conferences. 2020. No. 208. pp. 1–7.
14. Domestic clinical social work formation in the context of the social protection system encapsulation processes / Firsov M., Mkrumova I., Chernikova A. In the collection: Economic and Social Development. Book of Proceedings. Editors: Aleksander Maloletko, Natasa Rupcic, Zoltan Baracska. 2018. pp. 823–830.
15. Russian encyclopedia of social work / Akimova Yu.A., Vdovina M.V., Klimantova G.I., Mkrumova I.V. [and etc.]. (4th edition) – M.: YURAYT Publishing House, 2019. 1032 p.
16. Blanutsa V.I. Socio-economic zoning in the era of big data. – Publisher: Scientific Research Center INFRA-M. 2019, 194 p.
17. Problems of formation and implementation of socio-economic potential for the development of territories / Korolenko A.V., Gruzdeva M.A., Natsun L.N., Barsukov V.N. [and etc.]. – Vologda: Publishing house of the Russian Academy of Sciences. 2018. 386 p.
18. The North and the Arctic in the new paradigm of world development. Luzin Readings – 2022 // Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. Compiled by: Badylevich R.V. Berezikov S.A. and others. Federal Research Center KSC RAS, IEP KSC RAS. – Publisher: Federal Research Center KSC (Apatity). 2022, 194 p.

Трансформация культуры управления военной организации в условиях неопределенности

Моряков Сергей Владимирович,

адъюнкт кафедры социологии, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: vpr5514@yandex.ru

В настоящее время, неопределенность стала все чаще присутствовать в нашей жизни, как на уровне индивидов, социальных групп, так и общества в целом. При рассмотрении и исследовании феномена культуры управления, учет условий неопределенности является обязательным элементом, в рамках социологии управления, для выработки путей повышения эффективности управленческого процесса в военной организации.

В статье проанализирована культура управления в контексте условий неопределенности. Приводится соотношение понятия «неопределенность», с родственными понятиями, такими как «неупорядоченность», «социальная энтропия», «риск», «аномия». Раскрываются основные типы неопределенности. Применительно к управленческому процессу показана трансформация культуры управления в условиях расплывчатой неопределенности. Описан процесс восстановления персональной идентичности, обусловленный стремлением вернуться в состояние определенности.

Анализ культуры управления в условиях неопределенности, а также выводы, полученные в ходе изучения данного явления, позволят расширить научное представление об исследуемом явлении с позиций социологии управления и станут очередным кирпичиком в фундаменте социологических знаний.

Ключевые слова: культура управления, индивид, неопределенность, организация, риск.

Введение

Культура управления понятие не однозначное и может трактоваться по-разному исходя из различных теоретических предпосылок. Она есть часть общей культуры членов коллектива и его руководителя, со своими аспектами и чертами. Сущность ее лежит в области органического единства и переплетения тех феноменов, к которым относится управленческое сознание с его общественно-историческими, психологическими и политическими элементами, и практически феноменов, к которым относятся все разновидности управленческой деятельности [4, с. 175]. Прежде чем рассматривать этот феномен в условиях неопределенности, нам необходимо добиться однозначности понимания того, что содержит в себе понятие «культура управления». Осмысливая синтез культуры и управления, мы склонны видеть в ней совокупность ценностей, убеждений и норм, интериоризированных индивидами в процессе социализации, которые выражаются в уровне управленческого профессионализма, коммуникации и поведения в процессе исполнения ролей управляющего и управляемого.

Культура управления индивида, это, по сути, относительно устойчивая модель его поведения в ходе управленческой деятельности, образованная под воздействием множества факторов. Абсолютное количество времени индивиды проводят внутри социальных групп, поэтому с управлением сталкиваются на протяжении всей жизни [8, с. 37]. Весь объем образцов, примеров, универсалий, освоенных индивидом, образуют культуру личности.

В какой-то момент эти культурные образования начинают использоваться для фиксации представлений о том, как должно быть организовано управление.

Появление таких устойчивых представлений и есть формирование культуры управления, которая, по сути, есть порождение определенности.

Субъективный взгляд отдельных индивидов приобретает определенность по отношению к тому, каким должен быть управленец, какие ценности он должен разделять, какими профессиональными качествами обладать.

Параллельно образуются представления о том, каким должен быть исполнитель. Как они должны коммуницировать в процессе приема передачи управленческих воздействий, через какие образцы поведения, поведенческие акты выражать свою волю при исполнении социальных ролей управляющих и управляемых. Все это образовывается, кристаллизуется, оформляется, в период относительной стабильности. Для большинства людей свойственен презентизм первобытного мышления, который сложился на ранних стадиях человеческого существования, и сохраняет устойчивость в настоящее время.

Главная суть этого явления состоит в том, что люди склонны представлять будущее примерно таким же, как и настоящее, с небольшими преимущественно количественными изменениями. При этом социальная среда подвержена постоянным изменениям, ряд из которых выглядят в глазах общественности весьма радикальными. Проанализируем понятие «неопределенность» в контексте рассматриваемой темы.

Основная часть

В контексте характеристики среды обитания индивиды всегда воспринимали неопределенность крайне негативно. Понятие «неопределенность» приобретает известность в научных кругах в начале XX в. в связи с открытиями в квантовой механике. Принцип неопределенности, описанный В. Гейзенбергом, доказывает наличие в физической картине мира онтологической неопределенности» [2, с. 35]. Есть еще вариант рассмотрения неопределенности, – с гносеологической точки зрения, когда имеется ввиду невозможность использования определений и понятий, сложившихся в какой-либо теории для описания новых явлений.

Двигаясь дальше, следует рассмотреть понятие «энтропии». Оно изначально возникло в термодинамике, затем стало исходным понятием теории информации. В социальном смысле «энтропия определяется как мера неупорядоченности, разнообразия, неопределенности признака объекта или системы» [11, с. 283]. Когда имеется ввиду именно система, принято говорить о социальной энтропии. Социальная энтропия – это мера отклонения социальной системы либо ее подсистемы от эталонного состояния, когда отклонение проявляется в снижении уровня организации, эффективности функционирования, темпов развития системы.

Рассматривая процесс управления с точки зрения субъективности отдельных индивидов, мы не имеем ввиду всю социальную подсистему и не оцениваем ее состояние. В данном случае корректно говорить не о социальной энтропии, а о неопределенности. При этом, мы имеем дело с дихотомией неопределенность – определенность. Обе они обладают различной степенью интенсивности в однотипных ситуациях. Другими словами, не бывает полной определенности, под ней обычно понимается приемлемая и привычная ситуация, в которой очень высока степень предсказуемости всех участников управленческого процесса и других социальных элементов. То есть функционирование организаций связано с деятельностью людей, которой имманентно присущ элемент неопределенности, чаще всего степень его выраженности не большая, и воспринимается он как обычный фоновый фактор. В значительной степени определенность обеспечена активностью сознательного упорядочивания, воображения и мышления, через которые ситуация наделяется пределом.

Под неопределенностью понимается неполнота или неточность информации об условиях реализации замысла, связанные с ними затраты и последствия. Имеется ввиду информация, которой располагают индивиды и на основании которой конструируют в своем сознании целостное видение социальной среды, ее контекст, возможности, значения, ожидания, смыслы, перспективы дальнейших изменений. При этом предполагается наличие субъектно-объектных отношений, в основе осуществления которых находится информационно-познавательный компонент.

Многие авторы, чаще всего сторонники количественной исследовательской стратегии, воспринимают неопределенность как некий параметр, который можно увеличить или уменьшить, другими словами, вычислить. [5, с. 15]. На наш взгляд, при таком подходе, важно учитывать, что управление не может быть плодотворным без привлечения информации, которая не выражается количественно. Часто это смысловая, качественная информация [10]. Такой тип информации с ее неполнотой, неточностью, неоднозначностью порождает условие неопределенности.

Соглашаясь с мнением А.М. Дорожкина, и О.И. Соколовой, отметим, что неопределенность есть понятие, которое может отображать:

- а) свойства объекта;
- б) условия взаимодействия объекта и субъекта;
- в) особенности субъективного восприятия;
- г) особенности взаимодействия новых знаний с личным знанием [3, с. 6].

Объекты, условия социального взаимодействия, особенности субъективного восприятия происходящего, адекватность поступающей информации, в какой-то момент начинают отклоняться от привычного положения вещей. Для оценки степени отклонения условий функционирования организации от обычных, выделяют три основных типа неопределенностей:

- неизвестность,
- случайность
- расплывчатость.

Неизвестность, или по-другому, абсолютная неопределенность предполагает ситуацию, когда вид деятельности для членов организации оказался совершенно новым, при этом отсутствует не только свой опыт, но и чужой [9, с. 78]. Как правило, с абсолютной неизвестностью, обусловленной объективными причинами, сталкиваются относительно редко в силу каких-либо форсмажорных обстоятельствах. Примером такой неопределенности может быть отмена прежней социальной структуры в результате октябрьской революции 1917 года.

Случайностями следует называть факторы, допускающие оценку возможности их реализации с использованием методов математической статистики и теории вероятности. В повседневности случайности сопряжены с неожиданностями. Неопределенность такого типа может быть оценена вероятностью наступления или не наступления того или иного события.

«Системный подход как междисциплинарное направление исследования систем разного рода для описания объективной картины мира использует понятие вероятности. Вероятность (а, следовательно, неопределенность) есть изначально заложенный параметр развития системы.

Другими словами, сложный характер систем и наличие многообразия связей между ними предполагает, что говорить о том или ином сценарии развития системы мы можем лишь со значительной долей вероятности» [3, с. 7].

Вероятностная природа неопределенности наибольшим образом проявляется в так называемых точках бифуркации, где все неустойчиво, текуче, спонтанно, изменчиво [13, с. 120]. Н.М. Урманцев в своей статье «Свобода человека и неопределенность его выбора» весьма обоснованно утверждает, что существует принципиально неустраиваемая неопределенность хода событий и процессов.

Практически всегда неопределенность, связанная с возможностью возникновения неблагоприятных последствий, характеризуется понятием риска. Риск понимается двояко, как потенциально возможная опасность, и действие наудачу в надежде на благоприятный исход предприятия. Риски можно устранять, минимизировать, страховать. Наибольшую актуальность проблематика риска имеет в экономических исследованиях. В большинстве случаев неопределенность как правило оценивается вероятностью наступления или не наступления какого-либо события [1, с. 83].

Культура управления в условиях расплывчатой неопределенности

По нашему предположению культура управления начинается заметным образом меняться, когда условия функционирования организации отклоняются от обычных и на это

обращают внимание подавляющее большинство членов организации. В таком случае для членов организации возникает ситуация неопределенности. Изменения условий функционирования организации могут происходить относительно медленно, до такой степени, что индивиды, включенные в этот процесс, не заметят накопление изменений растянутых во времени, даже если они по итогу окажутся довольно радикальными. В данном случае неопределенность, в нашем понимании не возникает. Точнее она настолько мала и к ней так легко индивиды приспосабливаются, что ей, как фактором, можно пренебречь.

Культура управления представляет собой своеобразную модель социальных взаимодействий, протекающих в организации. Эта модель может быть более или менее адекватна реальности, то есть оригиналу, в рамках которой эту модель предполагается использовать. Увеличение уровня неопределенности выше привычного порога приводит к расхождению модельной реальности, то, как мы ее воспроизвели и «настоящей».

Неопределенность значительно выходящая по своей выраженности за пределы «фоновой нормальности», приводит к тому, что культура управления начинает трансформационное движение от условно эталонного состояния когда отклонения привычны, обычны, типичны, предсказуемы, – уровень организованности понятен, эффективность функционирования определена, в сторону такого состояния, когда структурные компоненты культуры управления должны так видоизмениться, дополниться, чтобы адаптироваться к новым условиям решения организационных задач.

Неопределенность, то есть резкий отход от эталонного состояния процесса социального управления проявляется в множестве различных вариантов, из которых сплетается новая нормальность социального.

В рамках субъектно-объектных отношений имеется аспект неопределенности, который обусловлен разницей в знаниях разных субъектов.

Так начальник может быть носителем более полных и основательных знаний о реальности. Тогда неопределенность, представленная в сознании подчиненных, будет большей, в их картине мира информация о текущем управленческом контексте менее точная, полная, определенная.

Культура управления индивидов не является изолированным образованием, в виду циркуляции интерсубъективной информации. На практике это выражается в непонимании индивидами того, что происходит в их ближайшем социальном окружении. Происходит проникновение новых социальных реалий во внутренний мир субъективного из мира внешнего, объективного. «Но это также и точка обратного перехода, когда внешний мир становится внутренним, строится в феноменальном, символическом пространстве мыслящего «я». Первый переход осуществляется как объективация субъективного содержания мыслительной деятельности, второй – как идентификация субъекта с объективно данным ему культурой смысловым содержанием предметной деятельности и коммуникации» [12, с. 65].

В следствии подобных процессов происходят с одной стороны, попытки сохранить неотчуждаемую суть персональной идентичности участников управленческого процесса, с другой в результате обращения к миру явлений, индивиды стараются удержать о нем стабильное представление, то есть максимально долго и как можно более в неизменном состоянии прежний вариант культуры управления. Но изменения культуры управления будут все равно происходить под воздействием новых знаний и личных переживаний, вызванных в том числе, ситуацией неопределенности.

При этом для других участников управленческого процесса субъективная сторона отдельного индивида в значительной степени закрыта, что привносит дополнительную порцию неопределенности. Так или иначе, неопределенность вызывает личностные переживания, источник которых не только ситуация выбора, которую индивиды склонны избегать, но и ситуация отсутствия веера альтернатив, проверенных ориентиров, направляющих поведение человека.

«В случае столкновения с неопределенностью состояние человека иное: он встречается с чем-то новым, неизвестным, неожиданным и не имеет возможных вариантов решения и поведения – эти варианты необходимо сначала породить, изобрести, а затем уже анализировать, взвешивать, выбирать» [7, с. 12]. Фактически мы вплотную приблизились к ситуации наступления аномии, за которой последует период адаптации к расплывчатой неопределенности, который будет происходить до тех пор, когда она перестанет восприниматься таковой. Усилия эти будут мотивированы желанием получить пошатнувшуюся уверенность, стабильность.

В когнитивном плане индивиды будут пытаться найти новую логику объяснения происходящих процессов чтобы снова восстановить осмысленность, способность принимать осознанные решения, вернуть контроль над ситуацией.

«В периоды хаоса, когда все рушится, неопределенность становится беспредельной. Возникает настоятельная потребность в уменьшении этой неопределенности за счет появления островков стабильности, устойчивости, определенности. Наступает черед неустойчивых вариантов развития, ценностно-смысловых установок, целевых ориентиров» [7, с. 13]. В ситуации военных действий организация на микроуровне привычного, относительно стабильного повседневного мира, социально обрамленного войсковым товариществом и боевым братством, заметным образом трансформируется.

Индивиды, выбирая службу в любом силовом ведомстве, например армии, по сути, стараются выбрать максимальную определенность. Она выражается в предсказуемом порядке, форме, другой символической атрибутике, установленной траектории профессиональной карьеры и статусов в виде воинских званий и социальной поддержки, пенсионном обеспечении [14]. При этом приступая к выполнению задач по предназначению, – к ведению боевых действий, военнослужащие оказываются в условиях расплывчатой неопределенности. Как следствие этого изменение управленческой культуры под влиянием неопределенности приводит к трансформации идентичности индивидов, в результате которой происходит целенаправленное снижение аномии до уровня, когда новые нормы заменяют старые. И прежнее исчезновение порядка, то есть привычных форм управления, превращается в тенденции зарождения нового порядка.

Культура управления вбирает в себя всю совокупность социальных смыслов, которые представлены как в явном, так и в неэксплицированном виде.

Применительно к нашей проблематике специфика человеческого сознания хорошо описана в работе Н.В. Мишиной, по мнению которой индивид, получая поток информации, осознает только часть ее, а остальную хранит как неявный компонент, в не структурированном, не концептуализированном виде [5, с. 9]. Это создает простор для вариаций восприятия, когда из потока информации отбирается некая часть, которая может интерпретироваться по-разному. В условиях неопределенности, домысливание, вариативность смыслов неуверенность увеличивается, что приводит к трансформации представлений об управлении. Появляется

незаконченность осмысленности, которая инициирует усиление мыслительной активности субъектов и объектов управления, что в последующем приведет к новому толкованию действительности. Какая-то часть прошлых знаний кажется не актуальной, ошибочной, не полной, не точной. Индивидуальные свойства мыслящего субъекта, его интуиция, личное понимание, видение процесса может сгенерировать весьма оригинальные и порой радикальные концепты того, как нужно управлять в сложившихся условиях.

Заключение

Таким образом, культура управления, представляет собой совокупность характеристик личностей руководителей и подчиненных, образует модели их поведения, которые стремятся реализоваться в управленческой деятельности.

Экономические, природные, культурные, политические, социальные, психологические, экологические, правовые и другие переменные человеческой жизни интегральным образом проецируются на то переживание человеком существующего социального порядка и своего места в нем, которое составляет основу социальной предсказуемости, определенности. Все это создает формы связанности человека с социальным миром.

Привнесение фактора неопределенности приводит к изменениям сложившихся моделей поведения и последующему циклу приспособительных реакций индивидов, препятствующих развитию аномии.

Постепенно это позволяет вернуться в рамки индивидуального и группового тоннеля реальности и обрести желаемую определенность путем сведения к минимуму неопределенности.

Приведенные размышления обнаруживают перспективность детального изучения предпосылок формирования культуры управления в условиях неопределенности с теоретико-методологических позиций социологии управления исходя из задач последующих исследований.

Литература

1. Диев В.С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 79–88.
2. Дорожкин А.М. Научный поиск как постановка и решение проблем. Н. Новгород, 1995.
3. Дорожкин А. М., Соколова О.И. Понятие «неопределенность» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 5–12.
4. Королева Н.А. Культура управления и принцип комплексности в разработке ее функционирования // Аналитика культурологии. 2010. № 3(18). С. 167–181.
5. Куликова Е.Ю. Понятие «неопределенность» и прогнозирование оптимального вектора развития природно-технической геосистемы // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2006. № 6. С. 14–16.
6. Мишина Н.В. Генетические основания и логические формы выражения неопределенности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1991. – 22 с.
7. Первушина О.Н. Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник НГУ. Сер.: Психология. 2007. Т. 1, вып. 1. С. 11–19.
8. Передня Д.Г. Социология рекламной деятельности. М.: Московский гос. ун-т печати, 2009. – 129 с.

9. Рогожин С.В., Рогожина Т.В. Теория организации. М., 2002. – 320 с.
10. Силов В.Б. Принятие стратегических решений в нечеткой обстановке. М., 1995. – 228 с.
11. Словарь прикладной социологии / Сост. К.В. Шульга. Минск. 1984. – 317 с.
12. Соловьев О.Б. Неопределенность: интенциональные и аспектуальные горизонты понимания // Вестник НГУ. Сер.: Психология. 2008. Т. 2, вып. 1. С. 63–67.
13. Урманцев Н.М. Свобода человека и неопределенность его выбора // Вестник Тюменского государственного университета. 2007. № 2. С. 116–121.
14. Филимонов О.В. Общая подготовка к руководству. Управленческое общение командира / Справочник командира. Правовая энциклопедия военнослужащего. М., 2006. С. 282–292.

TRANSFORMATION OF THE MANAGEMENT CULTURE OF A MILITARY ORGANIZATION UNDER CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Moryakov S.V.

Military University named Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

At present, uncertainty is increasingly present in our lives, both at the level of individuals, social groups, and society as a whole. When considering and researching the phenomenon of management culture, taking into account the conditions of uncertainty is a mandatory element, within the framework of sociology of management, to develop ways to improve the effectiveness of the management process in a military organization.

The article analyzes the culture of management in the context of uncertainty conditions. The correlation of the concept of “uncertainty” with related concepts such as “disorderliness”, “social entropy”, “risk”, “anomie” is given. The main types of uncertainty are revealed. The transformation of management culture under conditions of vague uncertainty is shown in relation to the management process. The process of restoration of personal identity due to the desire to return to the state of certainty is described.

The analysis of management culture under conditions of uncertainty, as well as the conclusions obtained in the course of studying this phenomenon, will allow us to expand the scientific understanding of the phenomenon under study from the standpoint of sociology of management and will become another brick in the foundation of sociological knowledge.

Keywords: management culture, individual, uncertainty, organization, risk.

References

1. Diev V.C. Risk and uncertainty in philosophy, science, management // Bulletin of Tomsk State University. 2011. № 2(14). С. 79–88.
2. Dorozhkin A.M. Scientific search as problem formulation and solution. N. Novgorod, 1995.
3. Dorozhkin A. M., Sokolova O.I. The concept of “uncertainty” in modern science and philosophy // Vestnik of Vyatka State University for the Humanities. 2015. № 12. С. 5–12.
4. Koroleva N.A. Management culture and the principle of comprehensiveness in the development of its functioning // Analytica kulturologii. 2010. № 3(18). С. 167–181.
5. Kulikova E. Yu. The concept of “uncertainty” and forecasting of the optimal vector of development of natural-technical geosystem // Mining information-analytical bulletin (scientific and technical journal). 2006. № 6. С. 14–16.
6. Mishina N.V. Genetic bases and logical forms of uncertainty expression: autoref. diss. ... kand. philos. nauk. M., 1991. – 22 с.
7. Pervushina O.N. Man and uncertainty: on the approaches to the problem statement // Vestnik NSU. Ser.: Psychology. 2007. Т. 1, vol. 1. P. 11–19.
8. Perednya D.G. Sociology of advertising activity. Moscow State University of Printing, 2009. – 129 с.

9. Rogozhin S.V., Rogozhina T.V. Theory of organization. M., 2002. – 320 c.
10. Silov V.B. Strategic Decision Making in a Fuzzy Environment. M., 1995. – 228 c.
11. Dictionary of Applied Sociology / Comp. K.V. Shulyga. Minsk. 1984. – 317 c.
12. Soloviev O.B. Uncertainty: intensional and aspectual horizons of understanding // Bulletin of NSU. Ser.: Psychology. 2008. T. 2, vol. 1. P. 63–67.
13. Urmantsev N.M. Human freedom and uncertainty of his choice // Vestnik of Tyumen State University. 2007. № 2. C. 116–121.
14. Filimonov O.V. General preparation for leadership. Managerial communication of the commander / Reference of the commander. Legal encyclopedia of the serviceman. M., 2006. C. 282–292.

Грантовые конкурсы как механизм финансовой поддержки деятельности региональных общественных организаций

Пушкарёва Наталья Николаевна,

кандидат социологических наук, директор Центра социологических исследований «14–35», ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
E-mail: nn_pushkareva@guu.ru

Тема исследования актуальна в современном обществе, поскольку грантовые конкурсы представляют собой эффективный механизм финансовой поддержки и развития различных уровней общественных организаций. Эта форма финансирования способствует укреплению регионального и местного сообщества, поддерживает инициативы местных активистов и способствует решению социальных проблем на местном уровне. Кроме того, гранты способствуют разнообразию и инновациям в деятельности общественных организаций, повышая их эффективность и влияние на общественные процессы. Этот исследовательский обзор рассматривает роль грантовых конкурсов в укреплении общественных инициатив на разных уровнях. Он анализирует механизмы и процессы, связанные с предоставлением грантов, а также их влияние на развитие общественных организаций и их способность влиять на социокультурные и экономические аспекты в регионах и местных сообществах.

Ключевые слова: грантовые конкурсы, финансовая поддержка, Фонд президентских грантов, общественные организации, социально ориентированные некоммерческие организации, эффективность грантовой поддержки.

Любое государство должно заботиться о своих гражданах, создавая благоприятные условия для их жизни и развития. Путем реализации социальной политики через различные национальные проекты в экономике начинает формироваться новый сектор, в котором государство сотрудничает с организациями, влияющими на решение социально-значимых проблем. Некоммерческий сектор отличается от государственного и коммерческого тем, что его задачей является обеспечение социальных нужд граждан. Он направлен на осуществление государственной социальной политики через некоммерческие организации, которые выступают партнерами государственных властей в решении важных общественных задач.

Грантовые конкурсы являются одной из эффективных форм поддержки региональных, местных и первичных ячеек общественных организаций. Они предоставляют финансовую поддержку для реализации различных проектов и инициатив, способствуя укреплению гражданского общества, развитию социальных и культурных инициатив, а также решению разнообразных социальных и экологических проблем.

Рассмотрим несколько факторов, которые объясняют, как грантовые конкурсы могут быть полезными для поддержки региональных, местных и первичных ячеек общественных организаций:

- финансовая поддержка: гранты представляют собой дополнительные средства, которые могут быть использованы для финансирования проектов, мероприятий и программ, разрабатываемых общественными организациями на местном уровне. Эти средства могут помочь в реализации и поддержании инициатив, направленных на улучшение качества жизни в конкретных регионах.
- развитие специализации: гранты позволяют организациям разрабатывать и реализовывать специализированные проекты, которые соответствуют конкретным потребностям и вызовам этих регионов. Это могут быть проекты по социальной поддержке, развитию местных предприятий, охране окружающей среды, образованию и здравоохранению.
- укрепление местных сообществ: гранты могут помочь в развитии и укреплении местных сообществ, стимулируя активное участие граждан в общественных инициативах, что будет способствовать росту социальной ответственности и улучшению качества жизни населения регионов.
- повышение видимости и влияния: получение гранта может способствовать увеличению видимости общественной организации и ее влияния в регионе, что может привести к привлечению дополнительных ресурсов и поддержке со стороны местных органов власти, бизнес-сектора и других заинтересованных сторон.
- способствование инновациям: гранты могут поддерживать новаторские проекты и идеи, что способствует развитию региональных и местных общественных организаций, помогая им находить эффективные решения для конкретных проблем и вызовов.

Грантовые конкурсы предоставляют много возможностей для поддержки и развития региональных и мест-

ных общественных организаций, способствуя укреплению гражданского общества и улучшению качества жизни в конкретных регионах.

Рассмотрим процесс проведения грантовых конкурсов для некоммерческих организаций (НКО) на примере Фонда президентских грантов (рис. 1, 2).

Фонд является главным учреждением, ответственным за выдачу грантов Президента Российской Федерации на поддержку развития гражданского общества с 3 апреля 2017 года. Он также считается одним из ключевых

институтов, способствующих развитию некоммерческого сектора в России. Деятельность этого фонда регулируется Указами Президента России от 3 апреля 2017 года № 137 «О Координационном комитете по проведению конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества» и от 30 января 2019 года № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества». Фонд проводит конкурсы дважды в год, в рамках которых принимает проекты. [1]

Рис. 1. Направления конкурсов Фонда президентских грантов среди некоммерческих организаций [2]

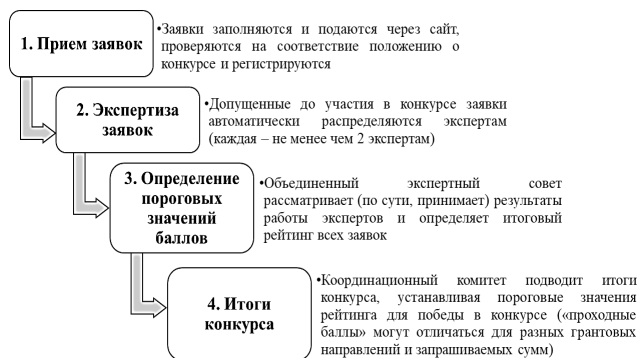

Рис. 2. Этапы конкурса Фонда президентских грантов

Участниками конкурса могут быть некоммерческие организации, если они соответствуют следующим условиям:

- Они были зарегистрированы не позднее чем за год до окончания срока приема заявок, за исключением случаев, когда они подают заявку на грант в размере до 500 000 рублей, в этом случае требуется регистрация не позднее чем за полгода до окончания срока приема заявок.
- Они не находятся в процессе ликвидации, банкротства или под действием решения суда о приостановлении своей деятельности.

- У них нет просроченной задолженности по налогам и другим платежам в бюджет в размере более 1000 рублей.
- Среди учредителей организации нет государственных органов или органов местного самоуправления. На веб-сайте гранты.рф также можно ознакомиться со всеми необходимыми информационными материалами о том, как некоммерческие неправительственные организации могут принимать участие в грантовых конкурсах, поддерживаемых Фондом президентских грантов, в различных регионах. Выбрав свой регион, можно ознакомиться с конкурсной документацией и принять участие в соответствующем конкурсе. [4]

В соответствии с требованиями Фонда президентских грантов для конкурсов, которым предоставляется финансирование, на платформе гранты.рф размещается следующая информация:

- сведения обо всех заявках на участие в конкурсе;
- документ, который регламентирует процедуру оценки заявок (если такая процедура не описана в положении о конкурсе или другом документе, устанавливающем условия и порядок проведения конкурса);
- информация обо всех победителях конкурса;
- протоколы заседаний коллегиальных органов, в которых зафиксированы решения, связанные с проведением конкурса.

Фонд реализует программу предоставления грантов Президента Российской Федерации для поддержки и развития гражданского общества, которая осуществляется путем софинансирования расходов некоммерческих неправительственных организаций в различных регионах Российской Федерации. Средства предоставляются на конкурсной основе в виде грантов или субсидий.

Сумма гранта, которую можно запросить, не может превышать сумму собственного финансирования регионального конкурса, учитывая коэффициент софинансирования. Максимальное запрашиваемое софинансирование для региона составляет 150 миллионов рублей.

Распределение грантов между регионами осуществляется по формуле:

$$\sum \frac{25\% \text{ суммы}}{\text{Количество регионов}} + \frac{50\% \text{ суммы}}{\text{Количество участников}} \times \text{во всех регионах} \times H + \frac{25\% \text{ суммы}}{\text{Количество победителей}} \times P \text{ во всех регионах} \quad (1)$$

где Н – количество НКО-участников конкурса данного региона,
Р – количество НКО-победителей конкурса данного региона, которые получили от 75 до 100% от запрошенной суммы. [5]

В 2022 году из федерального бюджета было выделено 344,5 миллиарда рублей на поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО), и эта сумма была разделена между 6 838 СОНКО.

Также в 2022 году Фондом президентских грантов было проведено три конкурсных отбора для поддержки негосударственных некоммерческих организаций. Общая сумма поддержки, выделенная в рамках этих конкурсов Фондом президентских грантов в 2022 году, составила 9,7 миллиарда рублей и была распределена между 4 324 НКО. [6]

В 2022 году Президентский фонд культурных инициатив провел шесть конкурсов для поддержки проектов в сфере культуры, искусства и креативных индустрий. В рамках этих конкурсов была предоставлена финансовая поддержка 1321 некоммерческой организации на общую сумму в 5,3 миллиарда рублей (табл. 1).

Таблица 1. Сводная информация о финансировании СОНКО в 2022 г. на федеральном уровне [6]

Государственный орган Российской Федерации, оказывающий финансовую поддержку СОНКО	Объем государственной финансовой поддержки, представленной СОНКО (тыс. руб.)		Количество СОНКО, получивших финансовую поддержку	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
Минздрав России	3626 345,4	152 869 390	2	4
Минпросвещения России	6753 899,6	13 983 320	185	238
Минкультуры России	8796 224,3	16 672 840	241	256
Минобрнауки России	47 900 506,5	40 704 930	109	94
Минспорт России	6539 203,8	5 865 010	88	112
Минтруд России	4 268 590,7	4 669 880	44	43
МЧС России	79 559,2	79 540	11	15
МИД России	336 124,2	345 260	3	3
Минцифры России	54 848 263,1	54 714 230	280	300
Росмолодежь	20 869 793,2	38 926 010	100	100
ФАДН России	457 182,0	139 900	50	28
Фонд президентских грантов	7 834 287,7	9 742 315, 3	3831	4324
Фонд культурных инициатив		5 365 207, 3		1321
ИТОГО	162 309 980, 1	344 077 832, 6	4 944	6 838

14 июня 2023 году были объявлены результаты второго конкурса на предоставление грантов Президента, направленных на развитие гражданского общества. Это произошло в ходе заседания Координационного комитета под председательством Сергея Кириенко.

В этом конкурсе соревновались 11 379 общественных инициатив из 88 регионов России. Координационный комитет выделил гранты общей суммой 3,5 миллиарда рублей 1504 социально ориентированным некоммерческим организациям, чьи проекты получили наивысшие оценки от независимых экспертов. Оценки для грантов разделялись следующим образом: 63 балла для проектов с бюджетом до 1 миллиона рублей, 68 баллов для бюджета от 1 до 5 миллионов рублей, 70 баллов для бюджета от 5 до 15 миллионов рублей, и 71 балл (или 70,5 баллов для направления «развитие общественной

дипломатии и поддержка соотечественников») для проектов с бюджетом свыше 15 миллионов рублей. [3]

Интересно, что треть из победителей (459 организаций) впервые получили поддержку от Фонда президентских грантов. Уровень софинансирования, заявленный победителями, составил 82%, что составляет 2,8 миллиарда рублей.

В 2023 году уже по итогам предыдущего конкурса было поддержано 1845 социально значимых проектов с общим бюджетом в 8,1 миллиарда рублей, включая 4,3 миллиарда рублей – финансирование от Фонда президентских грантов.

10 827 проектов подано на первый конкурс 2024 года, по которым победители будут объявлены в январе.

В 2023 году Фонд президентских грантов выделил 2 миллиарда рублей на софинансирование конкурсов со-

циально ориентированных некоммерческих организаций в 81 регионе Российской Федерации. Важно отметить, что сами регионы выделили на эту цель 3,1 миллиарда рублей, что на 0,7 миллиарда рублей больше, чем в 2022 году.

Каждый год государство увеличивает финансовую поддержку некоммерческих организаций, предоставляющих социальные услуги, что сопровождается ростом как числа социальных проектов, так и объемов финансирования. Заинтересованность государства в качественном развитии социально ориентированных некоммерческих организаций и их более широком участии в сфере социального обслуживания обусловлена возможностями, доступными этим организациям в качестве новых исполнителей социальных услуг. Они также способны внедрять инновации для решения социальных проблем граждан, требующих поддержки.

Для некоммерческих организаций с социальной направленностью в России гранты обеспечивают необходимую финансовую устойчивость. Это позволяет им не только укрепить свои позиции на развивающемся рынке социальных услуг, но также способствует разработке инновационных социальных проектов.

Проведение грантовых конкурсов в регионе для общественных организаций может принести разнообразные экономические выгоды и положительные эффекты как для региона, так и для общественных организаций. Ниже приведены некоторые из них:

- Содействие социальным проектам: гранты позволяют финансировать проекты, направленные на решение социальных проблем в регионе, таких как образование, здравоохранение, инфраструктура, культура и другие.
- Развитие некоммерческого сектора: гранты способствуют развитию некоммерческих организаций, что, в свою очередь, может содействовать разнообразию экономических и социальных инициатив в регионе.
- Привлечение инвестиций: проведение грантовых конкурсов может привлечь внимание инвесторов и спонсоров, которые могут быть заинтересованы в поддержке перспективных проектов в регионе.
- Развитие инфраструктуры: гранты могут быть направлены на улучшение инфраструктуры в регионе, что может повысить его привлекательность для жителей, туристов и бизнеса.
- Увеличение занятости: реализация проектов, финансируемых через гранты, может способствовать созданию новых рабочих мест и увеличению занятости в регионе.
- Повышение конкурентоспособности: реализация успешных проектов, поддерживаемых грантами, может способствовать росту конкурентоспособности региона и привлечению дополнительных ресурсов.
- Улучшение качества жизни: гранты, направленные на социальные и культурные проекты, могут способствовать улучшению качества жизни жителей региона и созданию благоприятной среды для проживания.

Однако для достижения положительных экономических эффектов от грантовых конкурсов важно обеспечить прозрачность и честность процесса выбора проектов, а также эффективное управление и мониторинг реализации проектов.

На данный момент в России действует примерно 200 тысяч некоммерческих организаций. Ежегодно десятки тысяч заявок подаются на участие в грантовых конкурсах, проводимых Фондом президентских грантов, администрацией мэра Москвы, а также различными региональными и корпоративными организациями.

Однако, недостаточное понимание представителями НКО различных аспектов проведения грантовых конкурсов, включая критерии и процедуры оценки заявок, приводит к недоразумениям и многочисленным ошибкам при подготовке заявок. Это означает, что даже хорошие и социально значимые проекты могут не получить необходимое грантовое финансирование. Изучение и лучшее понимание механизмов оценки заявок, подаваемых на грантовые конкурсы, является критически важным для представителей НКО. Чем более качественно оформлены грантовые заявки, тем эффективнее будут использованы государственные и корпоративные ресурсы, предназначенные для поддержки социальных и благотворительных программ. Эффективное использование средств и правильный выбор проектов могут обеспечить наибольший экономический эффект для региона и его жителей.

Литература

1. Конкурсы для поддержки проектов НКО // Агентство социальной информации URL: <https://www.asi.org.ru/work/konkursydylnko/> (дата обращения: 10.10.2023)
2. Конкурсы // Фонд президентских грантов URL: <https://xn-80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/content/index> (дата обращения: 12.10.2023)
3. 1504 некоммерческие организации стали победителями второго в 2023 году конкурса Фонда президентских грантов // Фонд президентских грантов URL: <https://xn-80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/news/1-504-nekommercheskie-organizatsii-stali-pobeditelyami-vtorogo-v-2023-godu-konkursa-fonda-prezidentskikh-grantov> (дата обращения: 15.10.2023)
4. Платформа гранты.рф – это возможности // Гранты.рф URL: <https://xn-80af5akm8c.xn--p1ai/data/grants/about> (дата обращения: 11.10.2023)
5. Софинансирование региональных конкурсов в 2023 году // Фонд президентских грантов URL: <https://xn-80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/regional-finance> (дата обращения: 11.10.2023)
6. Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации за 2022 год // Министерство экономического развития Российской Федерации URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/sonko/minekonomrazvitiya_podgotovlen_doklad_o_deyatelnosti_i_razvitiu_sonko_za_2022_god.html (дата обращения: 15.10.2023)
7. Улезько А.Ю., Московкина Ю.В. Грантовая поддержка некоммерческих организаций как мера для развития «третьего сектора» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 11 (126). С. 108–110.
8. Старшинова А.В., Бородкина О.И. (2022). Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 221–236.
9. Строев В.В., Тихонов А.И. Разработка рекомендаций по интеграции инновационных многоуровневых сервисов инфокоммуникационного типа по работе с клиентами при предоставлении профильных государственных и муниципальных услуг // Муниципальная академия. 2023. № 2. С. 2–12.
10. Строев В.В., Тихонов А.И. Разработка методического подхода к процедуре оценки качества и эффективности механизма принятия решений в области управления // Вестник университета. 2022. № 11. С. 26–32.

GRANT COMPETITIONS AS A MECHANISM FOR FINANCIAL SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF REGIONAL PUBLIC ORGANIZATIONS

Pushkareva N.N.

State University of Management

The research topic is relevant in modern society, since grant competitions are an effective mechanism for financial support and development of various levels of public organizations. This form of funding helps strengthen regional and local communities, supports local activist initiatives, and contributes to solving social problems at the local level. In addition, grants promote diversity and innovation in the activities of public organizations, increasing their effectiveness and impact on social processes. This research review examines the role of grant competitions in strengthening community initiatives at different levels. It analyzes the mechanisms and processes associated with the provision of grants, as well as their impact on the development of public organizations and their ability to influence socio-cultural and economic aspects in regions and local communities.

Keywords: grant competitions, financial support, Presidential Grants Fund, public organizations, socially oriented non-profit organizations, effectiveness of grant support.

References

1. Competitions to support NGO projects // Social Information Agency URL: <https://www.asi.org.ru/work/konkursydlynko/> (access date: 10/10/2023)
2. Competitions // Presidential Grants Fund URL: <https://xn-80afcdbalict6afooklqi5o.xn-p1ai/public/contest/index> (access date: 10/12/2023)
3. 1504 non-profit organizations became winners of the second competition of the Presidential Grants Fund in 2023 // Presidential Grants Fund URL: <https://xn-80afcdbalict6afooklqi5o.xn-p1ai/public/news/1-504-nekommercheskie-organizatsii-stali-pobeditelnyami-vtorogo-v-2023-godu-konkursa-fonda-prezidentskikh-grantov> (date of access: 10/15/2023)
4. Grants.rf platform is opportunities // Grants.rf URL: <https://xn-80af5akm8c.xn-p1ai/data/grants/about> (access date: 10/11/2023)
5. Co-financing of regional competitions in 2023 // Presidential Grants Fund URL: <https://xn-80afcdbalict6afooklqi5o.xn-p1ai/public/regional-finance> (access date: 10/11/2023)
6. Report on the activities and development of socially oriented non-profit organizations in the Russian Federation for 2022 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d04/sonko/minekonomrazvitiya_podgotovlen_doklad_o_deyatelnosti_i_razvitiy_sonko_za_2022_god.html (access date: 10/15/2023)
7. Ulezko A. Yu., Moskovkina Yu.V. Grant support for non-profit organizations as a measure for the development of the "third sector" // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2020. No. 11 (126). pp. 108–110.
8. Starshinova A.V., Borodkina O.I. (2022). Strategies for sustainability of socially oriented NPOs: a mechanism for grant support // Economic and social changes: facts, trends, forecast. T. 15. No. 5. pp. 221–236.
9. StroeV V.V., Tikhonov A.I. Development of recommendations for the integration of innovative multi-level infocommunication services for working with clients in the provision of specialized state and municipal services // Municipal Academy. 2023. No. 2. P. 2–12.
10. StroeV V.V., Tikhonov A.I. Development of a methodological approach to the procedure for assessing the quality and effectiveness of the decision-making mechanism in the field of management // Bulletin of the University. 2022. No. 11. pp. 26–32.

Развитие института реализации функций уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации

Родованская Надежда Алексеевна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»
E-mail: Rodovanskaya.2013@corp.nstu.ru

Статья посвящена изучению развития института Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации. Институт Уполномоченного является важным инструментом правового государства, который защищает права и законные интересы несовершеннолетних, то есть особо уязвимой и слабозащищенной группы населения. Эффективность деятельности Уполномоченного по правам ребенка зависит от методов и способов работы, в связи с чем, необходимо создание действенной системы защиты нарушенных прав, а также исследование методов и приемов деятельности аппарата Уполномоченного по правам ребенка. Становление института уже пережило много этапов, но не перестает двигаться вперед. Однако, необходимо принятие новых мер, которые объединят усилия, направленные на решение жизненно важных проблем по защите прав детей. На данный момент Аппарат Уполномоченного занимается мониторингом, просвещением, защитой, контролем, работой с гражданами и ведомствами. Для полноценного анализа данной системы стоит учитывать все особенности данной деятельности.

Ключевые слова: омбудсмен, ребенок, защита прав детей, уполномоченный по правам ребенка, институт Уполномоченного.

Согласно Декларации прав ребенка, ребенок в первую очередь должен получать защиту и помощь [2]. Согласно определению международной ассоциации юристов, омбудсмен – это служба, предусмотренная Конституцией или актом законодательной власти, которая возглавляется публичным должностным лицом, получает жалобы, уполномочена проводить расследования, рекомендовать корректирующие действия, предоставлять доклады [4, с. 21].

Аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации был утвержден Указом Президента Российской Федерации от 1 сентября 2009 года № 986 [6].

Аппарат Уполномоченного по правам ребенка для Российской Федерации является новым институтом, который был утвержден Указом президента № 986 от 01.09.2009 г. [6]. Это обеспечило детей еще одним способом защиты их прав. В 2018 году принят Федеральный закон, который раскрывает полномочия, задачи, функции детского омбудсмена в Российской Федерации [7].

На момент издания Указа Президента, в 2009 года, институт Уполномоченного был учрежден в 18 регионах страны, всего лишь год потребовался для того, чтобы детский омбудсмен появился еще в 30 регионах, еще через год должность Уполномоченного по правам ребенка существовала более, чем в 70 субъектах Российской Федерации. Несмотря на свою недолгую историю, институт Уполномоченного свою деятельность осуществляет самостоятельно и осуществляет активную деятельность – проводит различные встречи с органами власти. Ежегодно публикуется отчет о положении детей в России в целом и в отдельных ее субъектах [9, с. 117]. Уполномоченный по правам ребенка обеспечивает улучшение положения детей в семье, обеспечивает права и свободы детей, способствует улучшению положения ребенка в семье, а также восстановление нарушенных прав независимым контролем за деятельностью органов государственной власти.

Учреждение должности Уполномоченного по правам ребенка в разных регионах происходит по-разному. Например, детский омбудсмен может действовать в аппарате Уполномоченного по правам человека. Такой подход, по мнению ученых, ставит детского Уполномоченного в зависимое положение, и защита прав несовершеннолетних становится не основной целью. Распространенное использование получила модель так называемого «исполнительного омбудсмена» – в случаях, когда назначение осуществляется главами субъектов Российской Федерации. Такой подход действует в Республике Дагестан, Ставропольском и Пермском крае [8, с. 46]. Но такая модель также не позволяет Уполномоченному действовать независимо, так как его статусу дается внутриведомственный акцент.

Большинство регионов Российской Федерации реализуют деятельность Уполномоченного в рамках парламентской модели, которая является наиболее результативной для эффективной работы Уполномоченного. Именно в таком случае удается реализовать принцип независимости, что, безусловно, положительно влияет

на деятельность детского омбудсмена. В Новосибирской области на должность Уполномоченного назначается человек, избранный законодательным органом по итогам голосования за предложенных кандидатов [5]. Существует еще одна модель, при которой Уполномоченный действует независимо, однако о полной независимости говорить нельзя, так как в настоящее время нет полностью независимых органов.

Для более эффективного функционирования аппарата при Уполномоченном действуют советы:

1. **Общественный совет.** Действует в целях обеспечения учета мнения различных групп общества при разработке каких либо преобразований. Совет включает в себя экспертов по различным направлениям, которые сформированы в рабочие группы по наиболее важным вопросам, таким как здравоохранение, образование, воспитание, волонтерство, профилактика девиантного поведения и тд.

2. **Экспертный совет.** Проводит экспертизу законопроектов, концепций и документов по соответствующим направлениям деятельности органов государственной власти.

3. **Совет отцов.** Создан для укрепления института семьи и помощи в решении сложных вопросов, связанных с семьей и детьми.

4. **Детский совет.** Включает в себя активных детей для наиболее эффективного взаимодействия аппарата непосредственно с детьми.

5. **Родительский совет.** Создан для обеспечения взаимосвязи родителей и образовательными учреждениями для решения актуальных проблем и принятия решений в интересах детей.

6. **Совет приемных семей.** Действует в целях организации взаимодействия Уполномоченного и граждан, взявших детей на воспитание в семью.

От того, как работают советы, зависит работа Уполномоченного, а также его репутация в регионе.

Для того, чтобы более подробно изучить деятельность Уполномоченного по правам ребенка, необходимо обратиться к его функциям, к ним относятся:

1. Предупреждение нарушения прав и законных интересов детей, содействие восстановлению нарушенных прав.

2. Оказание помощи в трудных жизненных ситуациях семьям с детьми.

3. Контроль за соблюдением законов и иных нормативно-правовых актов, касающихся детей.

4. Анализ имеющейся практики.

5. Контроль органов местного самоуправления, с целью устранения нарушений, связанных с ущемлением прав и интересов детей.

6. Взаимодействие с социальными службами и специалистами для решения сложных ситуаций.

7. Информирование семей о правах и обязанностях детей.

8. Защита детей от насильственных действий.

9. Совершенствование законодательства по вопросам защиты детей, путем подготовки и внесения предложений по его совершенствованию [1, с. 70].

На основании вышеизложенного выделяются основные направления деятельности Уполномоченного по правам ребенка:

1. **Содействие.** Детский омбудсмен активно содействует автоматизированной системе соблюдения и защиты прав и интересов детей, развитию международных отношений в вопросах защиты детей, развитию отечественного законодательства, касающегося детей.

2. **Просвещение.** Аппарат уполномоченного принимает участие в формировании правовой культуры населе-

ния, а также распространении знаний о правах ребенка.

3. **Предупреждение.** Детский омбудсмен, в пределах своих полномочий, принимает меры по предупреждению и пресечению нарушения прав и законных интересов детей.

4. **Мониторинг.** Проводится анализ соблюдения и защиты прав и интересов несовершеннолетних.

5. **Реализация прав.** Производится оказание помощи детям, а также их родителям в отстаивании и реализации прав, прописанных в конвенции.

6. **Работа с ведомствами.** Производится локальная работа с ведомствами, службами, социальными организациями, с целью восстановления и закрепления прав и интересов несовершеннолетних.

7. **Работа с жалобами.** Проводится большая работа по обращениям и жалобам, поступающим от населения с привлечением правоохранительных органов, а также органов государственной власти.

Должность Уполномоченного по правам ребенка в регионах создавалась с целью очень важной социальной функции – быть органом, который координирует деятельность всех субъектов защиты прав детей. В настоящее время, есть некоторые особенности и недоработки, которые снижают статус Уполномоченного, они выражаются в следующем:

– возложение полномочий детского омбудсмена на руководителей ведомств;

– создание института Уполномоченного в структуре органов исполнительной власти;

– создание должности на общественных началах.

Серьезной проблемой в осуществлении эффективной деятельности Уполномоченного является то, что в большинстве регионов, особенно с низким уровнем жизни, ничего не известно о деятельности детского омбудсмена. Таким образом, дети, которые особо нуждаются в помощи Уполномоченного, не могут к нему обратиться по причине того, что не владеют информацией о существовании такого способа защиты.

Самым верным выходом из данной ситуации будет более активное информирование и просвещение непосредственно самих детей, например, организация встреч в детских учреждениях, в ходе которых детям можно разъяснить их права и обязанности, куда они могут обратиться за защитой, также необходимо создание горячих телефонных линий. В ходе таких встреч или по телефону дети могут задать интересующие вопросы и поделиться своими проблемами.

У детского омбудсмена чаще всего отсутствует возможность лично участвовать в восстановлении нарушенных прав детей, что мешает эффективному осуществлению деятельности Уполномоченным. Для возможности обеспечить доступную помощь всем детям, особенно тем, кто находится в группе риска, требуется развитие условий: кадровых, методических, организационных [3, с. 83].

Следующей актуальной проблемой является то, что власти региона контролируют деятельность детского омбудсмена, что мешает полноценному осуществлению его функций. Все органы, в обязанности которых входит защита детей действуют разрозненно, не смотря на то, что они должны объединить свои усилия для создания более действенного механизма.

Аппарат Уполномоченного по правам ребенка в настоящее время развивается, укрепляется новыми формами и способами работы с семьями и детьми.

Активная деятельность Уполномоченного на уровне субъекта Российской Федерации помогает в значительной мере переориентировать усилия органов власти

в направлении приоритета защиты прав и интересов детей. Аппарат продолжает развиваться и значительным результатом является принятие региональных законов. Развитие нормативной базы функционирования института Уполномоченного делает его самостоятельной и стабильной структурой, осуществляющей связь между гражданским обществом и региональной властью. Институт уже доказал свою значимость для региона, однако его потенциал на сегодняшний день не раскрыт.

Литература

1. Алексеева, Т.Н., Широ С.В. Настольная книга Уполномоченного по правам ребенка: методическое пособие. – М.: Институт семьи и воспитания РАО, 2010. – 156 с.
2. Декларация прав ребенка [Электронный ресурс]: провозглашена Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 // Организация объединённых наций: [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec. (дата обращения: 13.01.2024)
3. Журко, А.В. Проблемы функционирования уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации / А.В. Журко // Бизнес в законе. – 2014. – № 1. – С. 82–85.
4. Комарова, В.В. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации // Государство и право. – М.: Наука, 1999. – № 9. С. 21.
5. Об Уполномоченном по правам ребенка в Новосибирской области: Закон Новосибирской области от 10.12.2013 № 410-ОЗ. URL: <https://base.garant.ru/7234862/> (дата обращения: 13.01.2024)
6. Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: Указ Президента РФ от 01.09.2009 № 986 (ред. от 15.01.2019). URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/January2019/qdQ37t8QeRHYQKarcv8c.pdf>. (дата обращения: 13.01.2024)
7. Об Уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314643. (дата обращения: 13.01.2024)
8. Ходусов А.А. О механизме защиты прав детей // Современное право. 2018. № 3. С. 45–49.
9. Чапурко, Т.М. Особенности становления Уполномоченного по правам ребёнка как политического института современной России // Общество. Политика. Экономика. Право. 2017. № 2. 2017. С. 115–121.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION FOR IMPLEMENTING THE FUNCTIONS OF THE COMMISSIONER FOR CHILDREN'S RIGHTS IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Rodovanskaya N.A.

Novosibirsk State Technical University

The article is devoted to the study of the development of the institution of the Commissioner for Children's Rights in the subjects of the Russian Federation. The institution of the Commissioner is an important tool of the rule of law, which protects the rights and legitimate interests of minors, that is, a particularly vulnerable and vulnerable group of the population. The effectiveness of the Commissioner for Children's Rights depends on the methods and methods of work, and therefore, it is necessary to create an effective system for the protection of violated rights, as well as research methods and techniques of the office of the Commissioner for Children's Rights. The establishment of the institute has already gone through many stages, but it does not stop moving forward. However, it is necessary to take new measures that will combine efforts aimed at solving vital problems of protecting children's rights. At the moment, the Commissioner's Office is engaged in monitoring, education, protection, control, work with citizens and departments. For a full-fledged analysis of this system, it is worth taking into account all the features of this activity.

Keywords: ombudsman, child, protection of children's rights, Commissioner for Children's Rights, institution of the Commissioner.

References

1. Alekseeva, T.N., Shiro S.V. The handbook of the Commissioner for the Rights of the Child: a methodological guide. – М.: Institute of Family and Upbringing of the Russian Academy of Sciences, 2010. – 156 p.
2. Declaration of the Rights of the Child [Electronic resource]: proclaimed by UN General Assembly Resolution 1386 (XIV) of November 20, 1959 // United Nations Organization: [official website]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec. (date of application: 01.13.2024)
3. Zhurko, A.V. Problems of functioning of the commissioners for the rights of the child in the subjects of the Russian Federation / A.V. Zhurko // Business in law. – 2014. – No. 1. – pp. 82–85.
4. Komarova, V.V. Commissioner for Human Rights in the Russian Federation // State and law. – М.: Nauka, 1999. – No. 9. p. 21.
5. About the Commissioner for the Rights of the Child in the Novosibirsk region: The Law of the Novosibirsk region dated 10.12.2013 No. 410-OZ. URL: <https://base.garant.ru/7234862/> (date of access: 01.13.2024).
6. On the Commissioner for the Rights of the Child under the President of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 09/01/2009 No. 986 (ed. Dated 01.15.2019). URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/January2019/qdQ37t8QeRHYQKarcv8c.pdf>. (date of application: 01.13.2024).
7. On the Commissioners for the Rights of the Child in the Russian Federation: Federal Law No. 501-FZ of December 27, 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314643. (accessed: 01.13.2024).
8. Khodusov A.A. On the mechanism of protection of children's rights // Modern law. 2018. No. 3. pp. 45–49.
9. Chapurko, T.M. Features of the formation of the Commissioner for Children's Rights as a political institution in modern Russia // Society. Politics. Economy. Right. 2017. No.2. 2017. pp. 115–121.

Влияние конструкта «новой этики» на рекламную коммуникацию в индустрии моды: социально-философский аспект

Андреева Антонина Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет
E-mail: schelling@mail.ru

Рукавицына Елена Александровна,

кандидат культурологии, доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет
E-mail: oktaj91@mail.ru

Феньвеш Татьяна Анатольевна,

кандидат философских наук, доцент, Институт психологии, педагогики и социологии, Сибирский федеральный университет
E-mail: fenvesh@yandex.ru

Понятие «мода» исследуется с точки зрения социальной философии как многомерное понятие, являющееся одним из атрибутов социума, проявляющийся в виде визуального языка символов и имиджей. Доказано, что мода обладает широким информационным и коммуникативным потенциалом, считываемым в некоторых социальных контекстах, а также явно носящим эвристическую функцию. Выявлена связь моды с основными механизмами основных конструктов общества потребления, в которых товар становится способом социальной дифференциации. Процесс интериоризации превращает моду в ценность, переводя ее в плоскость аксиологического конструкта. Рекламная коммуникация изучена как инструмент интериоризации модных тенденций в ходе общественных отношений. «Новая этика» обозначена как включение некоторых субкультурных меньшинств в общую канву социальной жизни под эгидой непреходящей важности индивидуальности.

Ключевые слова: социальная философия, рекламная коммуникация, общество потребления, «новая этика», интериоризация, общественные отношения.

Термин «мода», бесспорно, является одним из наиболее известных, но, одновременно, трудноопределяемых в современном обществе. В нем отсутствует единое предметное основание, что делает затруднительным однозначное определение. Представляется затруднительным сведение данного понятия к некоей «мере» или «стандарту» как фиксирует этимология. История моды как социокультурного феномена кристаллизует две магистральные линии его определения: праксеологическая (утилитарная) и, с другой стороны, мода может рассматриваться в качестве логики и идеологии человеческого существования, тогда знаковыми становятся ее онтологические и антропологические характеристики.

Отметим, что первым философом, указывающим на антропологическую составляющую понятия моды как ключевую в своей системе, стал Адам Смит [11, 195]. В его системе мода является неотъемлемым предикатом в тех сферах, где главенствует чувство вкуса. Мораль как сфера бытования моды рассматривалась мыслителем лишь косвенно, максимального проявления «модное» достигает в одежде и мебели, а также таких видах искусств как музыка, поэзия и архитектура. Наиболее важным для нашего исследования является положение Иммануила Канта. Он рассматривает моду как одно из ключевых понятий, меняющую образ жизни людей. Разумеется, что мода не основополагающая характеристика экзистенциальных переломов, но Кант включает ее в систему общественных практик: «Исходя из самого понятия, можно сказать, что любая мода – это меняющийся образ жизни» [3, 35].

Далее, отметим труд «Философия моды» Георга Зиммеля [2, 227], который рассматривает моду как всеобъемлющий феномен, уводя акцент с праксеологической составляющей этого термина. Отметим, что все упомянутые выше мыслители так или иначе отмечают связь моды с производством и ношением одежды как маркера социального статуса. Соглашается с Г. Зиммелем и Жиль Липовецки: «Мода – это определенная форма социальных изменений, которая не зависит от определенного объекта. Она в первую очередь представляет собой социальный механизм, который характеризуется своеобразной краткосрочностью и большей или меньшей степенью изменчивости и влияет на весьма разнообразные сферы жизни групп лиц» [5, 18]. Липовецки предлагает анализировать моду как элемент социальной системы. Именно от моды будет строиться понимание одежды как социального феномена. Мода становится ключевым механизмом для определения изменений в таких социальных феноменах как человеческое тело, логотип, политика, искусство, и, разумеется, одежда [10, 33–41].

Следовательно, «мода» с точки зрения философии может рассматриваться как многомерное понятие, являющееся одним из атрибутов социума, проявляющийся-

ся в виде визуального языка символов и имиджей. Как атрибут социума, мода обладает широким информационным и коммуникативным потенциалом, считываемым в некоторых социальных контекстах, а также явно носящим эвристическую функцию. Понятие моды тесно связано с конструктами общества потребления. В этом отношении товар становится способом социальной дифференциации, механизмом которого и является мода.

Так, в работе «Законы подражания», выпущенной в 1890 году Габриэлем Тарда [13, 215] убедительно доказано, что желания людей, детерминированные общественными отношениями, подчиняются определенным «законам подражания». В историческом контексте это обуславливается сложившейся общественной иерархией, в которой низшие социальные слои подражают высшим. Однако уже в конце XIX века Тарда обозначает изменение в этом процессе, показывая, что подражание действует и в обратную сторону. То есть высшие слои вполне могут подражать низшим. Мы можем сделать вывод, что, с точки зрения философии социокультурный феномен моды снимает основное противоречие между соответствием образцу (эталону) и индивидуальностью. Этот процесс бесконечен, потому что каждый раз снятие противоречия приведет к гибели моды на явление в соответствующем социальном контексте зарождения следующей модной тенденции, согласно законам диалектики. Следовательно, именно мода позволяет человеку быть одновременно самим собой и маркировать себя как принадлежащего определенной социальной группе.

Связь понятия «мода» с социальными нормами кристаллизуется в индустриальном и постиндустриальном типах обществ. Прежде всего, речь идет о моделях потребительского поведения, в которых мода носит характер внешнего регулятива. Разумеется, согласно законам диалектики, существование внешнего регулятива вполне вероятно подвергается процессу интериоризации, становясь внутренней потребностью индивида, это, во многом, вкладывается в выражение «быть модным». Процесс интериоризации превращает моду в ценность, переводя ее в плоскость аксиологического конструкта. Разумеется, интериоризация модных конструктов требует особых инструментов в контексте развития общественных отношений. Одним из таких инструментов в обществе потребления может стать маркетинговая коммуникация.

Нормативное содержание является связующим звеном между модой и моралью, что является особенно ценным для нашего исследования. Понимание моды как социальной нормы проявляется через сравнительный анализ этого понятия с его «историческим предшественником» – обычаем. Представляется недостаточным рассматривать обычай исключительно как инструмент сохранения прошлого опыта.

В зависимости от встроенности в систему социокультурных институтов можно наблюдать как процессы реставрации и сохранения, так и серьезные революционные сдвиги, регулируемые обычаем. Однако, обычай – это регулятив для социально-однородных обществ закрытого типа, которые Маркс называл «докапиталистическими»: «Во всех этих формах основой развития является воспроизводство заранее данных (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношений отдельного человека к его общине и определенное, для него предопределенное, объективное существование как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам и т.д.» [6, 275] Здесь можно говорить о процессах поглощения индивидуального сознания коллективным.

Дихотомия «коллективное-индивидуальное» во многом опосредует феномен моды как регулятива социально дифференцированного и мобильного общества. По Тарду, в таком обществе нет препятствий для культурных заимствований и подражания, а социальная мобильность развита как по вертикали, так и под горизонтали. Таким образом мода может быть рассмотрена как часть инструментального уровня культуры, смещаемый с ценностно-регулятивного аспекта, регулируемого моралью.

В данной статье мода понимается как регулятивная норма социального поведения. Как уже отмечалось выше, она носит внешний по отношению к индивиду характер и является ключевым мотивом поведения индивида в обществе потребления. Исследуем влияние так называемой «новой этики» на механизмы рекламной коммуникации в контексте философии моды. Для этого обратимся к «новой этике» как социальному явлению.

Конструкты «новой этики» на современном этапе имеют очень слабую теоретическую изученность. Мы присоединяемся к мнению И.А. Тульпе и М.Ю. Смирнова о том, что это скорее устойчивое словосочетание, чем научный термин: «Оно охватывает обширную тематику: харассмент (MeToo), проявления расового неравенства (Black Lives Matter), а также неравенства гендерного (сексизм) и возрастного (эйджизм), избыточность (или недостаточность) политкорректности, феминистские проявления в социально-экономической и этикетной сферах, экологическую повестку. В рубрику «новой этики» попадают разнообразные аспекты поведения в интернет-коммуникациях, новое потребительское поведение, особое место занимают проблемы биоэтики, нейротетики, медицинских и генетических исследований (при широком разбросе мнений – от обвинений в покушении на божественное и творчество до борьбы за права замороженных оплодотворенных яйцеклеток)» [14, 32]. Это мнение также разделяет А.А. Гусейнов, отмечая, что в отечественной медиасфере обсуждение «новой этики» только началось и сразу в негативном ключе [1].

Отметим, что при явной отрицательной риторике в исследованиях, посвященных «новой этике», мы, вслед за некоторыми авторами, также фиксируем новый этический подход: включение некоторых субкультурных меньшинств в общую канву социальной жизни под эгидой непреходящей важности индивидуальности. В истории культуры мы видим нарастание значимости частного, когда персональное приобретает характер общезначимого, то есть кристаллизовано движение от частного к общему.

На современном этапе можно выделить три ключевых направления «новой этики» в контексте работы с потребителем. Во-первых, это усиление тенденции социального многообразия и мобильности. Это все более акцентирующая себя индивидуализация, призывающая рассматривать человека как единство духовной и телесной неповторимости и нестандартности. Во-вторых, налицо изменение представления об агрессивности, которая принимает все более не-физический характер, обретая виртуализированную сущность. Третья тенденция является требованием времени, диктует соответствие реальной этике для всех видов цифровых коммуникаций.

На территории нашей страны исследования отношения потребителей к тенденциям «новой этики» проводилось в 2020-м году. Актуальными в контексте проведенного исследования становятся такие витальные ценности как здоровье, это показывает достаточно активно проявившая себя дихотомия понятий «бодипозитив – ЗОЖ». Каждый четвертый россиянин видит для себя

актуальной проблемы экологии. Существенным становится вопрос равенства полов. Отметим, что большинство опрошенных 67% – готовы отказаться от товара или услуг бренда, который не считается с требованиями «новой этики». Причем каждый второй из них больше никогда не вернется к данной компании [11]. Таким образом, конструкты «новой этики» не чужды современному обществу, что делает предмет исследования еще более актуальным.

Хотя «новая этика» оказывает существенное влияние на общество, бизнес и рекламные коммуникации в целом, табуируя некоторые аспекты общественных отношений, это никоим образом не означает, что автоматически будет изменяться потребительское поведение. «Новая этика» на сегодня остается модной тенденцией, не переходя рамки создания устойчивых рамок потребительского поведения. Одним из ключевых явлений «новой этики» в сфере одежды является бодипозитив. Это социальное движение, направленное на развитие доброжелательного отношения к любому человеческому телу. Данная тенденция достаточно тяжело воспринимается российским потребителем, однако многие отечественные бренды нижнего белья представляют в своей рекламе модели для женщин разных комплекций.

Маркетинговые стратегии активно формируют рекламную коммуникацию в контексте формирования потребительских предпочтений, делая бренды более узнаваемыми. Со второй половины XX века проявляется такое явление как fashion-маркетинг [14]. Это время нового расцвета моды как социального регулятора, именно в этот период она становится процветающим экономическим институтом, получив институциональный уровень. мода как социально-экономическое явление начинает не только реагировать на перемены, согласуясь с «законами подражания», но и активно инициировать социальные изменения. Fashion – маркетинг является действенным способом взаимодействия с потребителем, не только фокусируя его внимание на предмете продаже, как и предполагает рекламная коммуникация, но и дополняет визуальный контакт эмоциональными и рациональными аргументами, конструируя потребительский выбор.

В рекламной коммуникации на современном этапе можно зафиксировать нарастающие тенденции «обратной связи» с потребителем. Возникает концепция социально-этичного маркетинга, которую разработали: Ф. Котлер [4; 7], Г. Армстронг [9], Д. Сондерс [12, 233–243] и В. Вонг компании должны направлять свою деятельность не только на удовлетворение потребностей покупателей и получение прибыли, но и на заботу об обществе и его благополучии в долгосрочной перспективе. мода в рекламной коммуникации получает свой вектор развития в контексте современной виртуализации общественной жизни, проявляется новая аксиологическая модель, трансформирующая поведение потребителей. Образцы модного поведения учитывают различия в социальном поведении, формируя явление социально-этичного маркетинга. Вектор внимания начинает смещаться с простого потребления в сторону этической осознанности. Tampere University of Applied Sciences пишет о том, что долгое время мода ориентировалась в основном на людей «нормального роста и телосложения». Изменения давно назрели – но в последние годы потребители стали требовать от брендов большего и не будут терпеть «бесчувственность» к культуре новой этики [15]. Изменения ценностей потребителей оказывает прямое влияние на модный маркетинг: бренды строят свои маркетинговые стратегии исходя из проблем общества.

Для выявления особенностей рекламной коммуникации в контексте использования конструктов «новой

этики» было проведено социологическое количественное исследование: «Выявление уровня осведомленности и запоминаемости трендов новой этики в фэшн-индустрии среди жителей г. Красноярск: особенности формирования маркетинговой контент-стратегии». Актуальность данного исследования обусловлена стремительным ростом трендов «новой этики». Многие бренды в своей коммуникационной стратегии начали использовать данную тенденцию для удовлетворения запросов различных групп потребителей. Гипотезой исследования стало утверждение о том, что высокий спрос рекламодателей на использование трендов «новой этики» в своих рекламных кампаниях, оказывается не актуальным для российского потребителя. Цель исследования: выявить считывается ли потребителями рекламная кампания от брендов одежды, использующих тренд «бодипозитива» как части «новой этики» в рекламной коммуникации.

Генеральную совокупность исследования составили жители Красноярск, генеральная совокупность в исследовании сегментировалась по возрасту, от 18 до 60 лет. Такой возрастной ценз обуславливается активной покупательской способностью и деятельностью потребителей в модной сфере. Также у данной возрастной группы сформировалось мнение, касательно трендов новой этики, в отличие от более молодого поколения. По данным Управления Федеральной службы государственной статистики [8] общий объем генеральной совокупности составил 1 338 834 человек. Размер выборки исследования составил 390 человека. Доверительная вероятность исследования составила 95%. Доверительный интервал равен 5%. Исследование проводилось в октябре-ноябре 2023 года.

Результаты исследования показали, что большинство респондентов считают наиболее популярными трендами новой этики: ЗОЖ (63,3%) и экологичную продукцию, разумное потребление (60,3%). На втором месте по популярности трендов социальное положение, то есть равенство, борьба с дискриминацией и гендерные стереотипы. Бодипозитив оказался самым непопулярным трендом новой этики (13%). Исходя из приведенных данных можно сделать вывод, что реклама ЗОЖ является лидирующей среди всех представленных 5 направлений.

Следующий блок вопросов был посвящен контент-маркетингу брендов, использующих новую этику, а именно бодипозитив. Большинство респондентов актуальным для размещения рекламы считают площадку Интернет, то есть они замечают рекламу в социальных сетях, меньше всего опрашиваемых замечают рекламу на радио и в печатных журналах.

Далее респондентам предлагалось выбрать формат контента, который запоминается больше всего. Уверенно лидируют короткие видеоролики (15 секунд) (73,3%) и фото материалы (54,1%). Меньше всего голосов было отдано трансляциям и подкастам, это можно обосновать тем, что современный потребитель живет в спешке и многозадачности, зачастую некогда потреблять контент, длившийся более двух минут. Поэтому информация должна быть емкой и запоминающейся. Актуальным и запоминающимся контентом для большинства респондентов: продающий, развлекательный и полезный.

Из предложенных постов масс-маркета одежды, формат, содержащий использование тренда бодипозитив выбрали 218 человек, это говорит о лояльности респондентов к применению новой этики в рекламе брендов. Половина респондентов скорее согласны с утверждением, что особенности тела – уникальный способ привлечения целевой аудитории. Можно сделать вывод, что потребители приветствуют пропаганду в рекламе с помощью разных особенностей человека. Также респонденты

скорее согласны с утверждением, что реклама с характерным бодипозитивом не воспринимается российскими гражданами. Можно сделать вывод, что тренд бодипозитива недостаточно популярен у российского потребителя.

Таким образом, на основе проведенного количественного опроса выяснилось, что основные тренды «новой этики» считаются потребителями в сегменте рынка индустрии моды. При этом «бодипозитив» является наименее понятным и востребованным в контексте визуального наполнения рекламной коммуникации, однако покупатель воспринимает стандартные размеры одежды и внешность моделей как «отвлеченную» красивую картинку. В этом отношении использование «бодипозитива» может оцениваться как положительный аргумент в сторону покупки с учетом индивидуальности самого потребителя. Также задачи исследования были выполнены, оценена осведомленность, запоминаемость и узнаваемость потребителей к рекламе брендов, определена частота обращения внимания потребителя на рекламу в интернете, определили уровень лояльности к бодипозитиву потребителей в рамках рекламных кампаний брендов, выявлена и проранжирована значимость трендов новой этики у респондентов, определены актуальные каналы коммуникации для рекламных кампаний, связанных с бодипозитивом. В ходе социологического исследования подтвердилась гипотеза о несоответствии трендов «новой этики» отклику целевой аудитории в ходе рекламной коммуникации.

Обозначим некоторые важные выводы по социологическому исследованию: витальные ценности все еще являются основой аксиологической модели поведения потребителей, она мало изменилась и соответствует традиционной. Особенно важным, на наш взгляд, является обозначение основных видов контента в соцсетях: продающий, развлекательный и полезный. То есть потребитель не совсем понимает и принимает «новую этику» как особенное содержание рекламной коммуникации, оставаясь на уровне что продавать, а не как. Продукт все еще первичен, несмотря на все заявления теоретиков общества потребления.

Таким образом, современная fashion-индустрия характерна активными темпами смены модных тенденций, что в свою очередь обусловлено сменой спроса потребителей. Мода, являясь весьма сложным социокультурным феноменом, тесно связана с ценностными установками и тенденциями развития общества. В виду всего происходящего бренды стремятся отличаться конкурентными условиями, прибегая к использованию социально-этичных тенденций в продвижении, в том числе конструктов «новой этики». Следовательно, маркетинг в фэшн-индустрии как основа рекламной коммуникации в условиях «новой этики» должен быть нацелен на постоянную разработку новых способов сделать контент одновременно доступным и разнообразным, как физически, так и визуально. Люди хотят иметь доступ к аутентичному контенту и видеть в нем свое отражение, что безусловно, доказывает необъективность только негативного осмысления новых этических веяний в контексте рекламных коммуникаций.

Литература

1. Гусейнов, А.А. Что нового в «новой этике»? // Вестник прикладной этики. 2021. № 58. С. 91–106.
2. Зиммель, Георг. Избранно. Москва: Юрист, 1996. 266 с.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Москва: Наука, 2002. 200 с.

4. Котлер, Филип. Маркетинг XXI века. Маркетинг от А до Я. Новые маркетинговые технологии. Десять смертных грехов маркетинга. Санкт-Петербург: Нева, 2005. 425 с.
5. Липовецкий Жиль Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.
6. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. М., Издательство политической литературы, 1968с. 317 с.
7. Основы маркетинга: Ф. Котлер. Москва: Издательство «Вильямс», 2007. 943 с.
8. Оценка численности постоянного населения на 01.01.2022 г. / КРАССТАТ: [сайт]. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32970> (Дата обращения: 10.12.2023)
9. Родионова Д.Д. Феномен моды в зеркале философии // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 33–41.
10. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 351 с.
11. Сондерс, Джордж. Что в действительности делают писатели, когда они пишут свои произведения // Иностранная литература. 2018. № 8. С. 233–243.
12. Тард, Габриэль Законы подражания: перевод с французского. Москва: Академический проект, 2011. 302 с.
13. Тульпе И.А., Смирнов М.Ю. «Новая этика» как социальный диагноз // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6, № 1. С. 30–38.
14. Фоминичева А. Маркетинг в индустрии моды: возможности и особенности развития [Электронный ресурс] / А. Фоминичева // marketing.spb.ru. 2012. Режим доступа: <https://www.marketing.spb.ru/lib-special/branch/fashion.htm> (Дата обращения: 11.10.2023)
15. Estrina, V. The Rise of Body Positivity and Inclusivity in Fashion Marketing / V, Estrina// Tampere University of Applied Sciences. 2021. P. 49.

THE INFLUENCE OF THE “NEW ETHICS” CONSTRUCT ON ADVERTISING COMMUNICATION IN THE FASHION INDUSTRY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Andreeva A.V., Rukavitsyna E.A., Fenvesh T.A.
Siberian Federal University

The concept of “fashion” is studied from the point of view of social philosophy as a multidimensional concept, which is one of the attributes of society, manifested in the form of a visual language of symbols and images. It has been proven that fashion has a wide information and communication potential, readable in some social contexts, and also clearly has a heuristic function. The connection between fashion and the basic mechanisms of the main constructs of consumer society, in which goods become a way of social differentiation, has been revealed. The process of interiorization turns fashion into value, transferring it to the plane of an axiological construct. Advertising communication has been studied as a tool for internalizing fashion trends in the course of public relations. The “new ethic” is designated as the inclusion of certain subcultural minorities into the general fabric of social life under the auspices of the enduring importance of individuality.

Keywords: social philosophy, advertising communication, consumer society, “new ethics”, interiorization, public relations.

References

1. Guseinov A.A. What's new in the “new ethics”? // Sheets of Applied Ethics. 2021. № 58. P. 91–106.
2. Zimmel' Georg. Favorites: [2 vol.] Moscow: Yurist, 1996. 266 p.

3. Kant I. Anthropology from a pragmatic point of view. Moscow: Nauka, 2002. 200 p.
4. Kotler Philip. Marketing of the XXI century. Marketing from A to Z. New marketing technologies. Ten deadly sins of marketing. St. Petersburg: Neva, 2005. 425p
5. Lipovetskii Zhil'. Empire of the Ephemeral. Fashion and its fate in modern society. Moscow: «Novoe literaturnoe obozrenie» Publishing House, 2012. 336 p.
6. Marks K. Forms preceding capitalist production/ Marks K., Engels F. Collected works – Vol.46, part.1., Moscow: Publishing house of political literaturezdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968. 317 p
7. Marketing Basics: Kotler. Moscow: «Villyams» Publishing House, 2007. 943 p.
8. Estimation of the resident population as of 01/01/2022 / KRASSTAT: [website]. URL: – <https://krasstat.gks.ru/folder/32970> (Access date: 12/10/2023)
9. Rodionova D.D. The phenomenon of fashion in the mirror of philosophy // Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts. 2012. № 18. P. 33–41.
10. Smit A. Theory of moral sentiments. – Moscow: Respublika, 1997. 351 p
11. Sonders Dzhordzh. What Writers Really Do When They Write Their Work // foreign literature. 2018. № 8. P. 233–243.
12. Tard Gabriel' de. Laws of imitation: perevod s frantsuzskogo. – Moskva: Akademicheskii proekt, 2011. 302 p.
13. Tul'pe I.A., Smirnov M. Yu. “New ethics” as a social diagnosis // Concept: philosophy, religion, culture. 2022. T. 6, № 1. P. 30–38.
14. Fominicheva A. Marketing in the fashion industry: opportunities and development features/ A. Fominicheva // marketing.spb.ru. 2012. (date of the application: 11.10.2023)
15. Estrina V. The Rise of Body Positivity and Inclusivity in Fashion Marketing / V, Estrina// Tampere University of Applied Sciences. 2021. P. 49.

Российско-польские отношения: историософское осмысление польской русофобии

Гринь Максим Валентинович,

д.ф.н., к.ю.н., профессор кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина
E-mail: grin.m@kubsau.ru

Терещенко Олеся Валерьевна,

к.ф.н., доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина
E-mail: olesya.tereschenko@yandex.ru

Гнатенко Наталья Игоревна,

аспирант кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина
E-mail: nataly.natalius@mail.ru

В работе имеет место попытка комплексного осмысления источников и причин польской русофобии, в которой различаются цивилизационная и национальная составляющие. В объяснении цивилизационного источника применяется островной подход, с позиции которого Польша, обладая лимитрофным статусом межцивилизационной территории, всячески подчеркивают собственную европейскость в противовес русской азиатскости, тем самым стараясь преодолеть комплекс собственной недоверенности. Основаниями русской «азиатчины» для поляков служили во-первых, конфессиональная принадлежность к православию, что воспринималось как схизма (раскол); во-вторых, политический порядок самодержавной власти, принципиально отличающийся от модели аристократической (верхушечной) демократии Польши. Более узкие национальные причины польской русофобии заключаются в исторической памяти поляков, фиксирующей не только частые войны с русскими, но и столетнюю потерю национальной независимости.

Ключевые слова: островной подход, лимитроф, польское коллективное сознание, «значимый конституирующий Другой», католическая миссия, цивилизация-варварство, русофобия.

В советском историческом фильме «Ярославна – королева Франции» имеется эпизод, когда помощь польского короля Казимира оказывается очень кстати для небольшого отряда дочери Ярослава Мудрого – Анны, державшей путь к своему будущему мужу – королю Франции Генриху I. При этом польские всадники распевают такие строчки: «Гордые стяги плещутся на ветру. Вольная Висла шлет свой пример Днепру. Чашу поднимем, выпьем друзья до дна. Братья славяне – все мы семья одна». Трудно сказать, могли ли подобные настроения быть актуальными для XI в., но совершенно очевидна их натянутость для времени создания фильма (1979). При всем уважении к авторам этой, в общем-то, неплохой картины скорее историко-приключенческого, чем исторического жанра, в данном эпизоде мы видим совершенно неуклюжую попытку подкрепить единство к тому времени не столь уж прочного международного социалистического лагеря этно-расовой аргументацией.

К сожалению, славянский мир никогда не демонстрировал особой склонности к единству, в этом плане уступая германским народам. Попытка во второй половине XIX в. сформировать нечто подобное на базе идеологии панславянизма (Н. Данилевский, Ф. Достоевский) потерпела полный провал, хотя нельзя констатировать полное отсутствие предпосылок для этого. Например, освободительные движения славянских народов в Турецкой и Австрийской Габсбургской империях, порой, получали поддержку из Петербурга. Тем не менее объединительные тенденции оказались много слабее имеющих различия между славянами противоречий, причем весьма различного характера. Например, нацеленный на объединение южных славян проект иллиризма не состоялся во многом в силу разрастания хорватского национализма, в рамках которого хорватам приписывалась не славянская, а германская идентичность [1].

Принципиально по-иному позиционируются в отношении русских поляки, полагая первых – азиатами, тогда как себя – подлинными славянами. В рамках научного и публицистического дискурса польское национальное сознание характеризуется в категориях русофобии, чему оснований более чем достаточно. Феномену польской русофобии посвящено немало работ, главным образом, написанных на стыке публицистики и науки, где содержатся многочисленные эмпирические факты [2]. Причем, подобный феномен констатируется как русофилами (С. Куняев), так и теми, кто к русским настроен негативно. Например, известный чешский антикоммунистический и антирусский по совместительству писатель и публицист М. Кундера утверждает: «Отношения между поляками и русскими всегда были ничем иным как борьбой не на жизнь, а на смерть» [3]. Вызывает интерес объемная статья О. Неменского «Русофобия как идеология», где представлен весьма обширный материал в основном из идеологических текстов различных исторических периодов, а также высказываний значимых в публичном пространстве фигур. В рамках этой работы поляки представлены как едва ли не наиболее активные трансляторы русофобских настроений [4].

Однако мы не намерены заниматься расширением фактической базы русофобии итак более чем достаточ-

ной, но собираемся придать концептуальный смысл причинам этого явления прежде всего в польском варианте. При этом подчеркнем, что рассматриваем русофобию как совокупность групповых установок, характеризующих определенную составляющую польского коллективного сознания [5]. Дело в том, что на индивидуально-личностном уровне между русскими и поляками вполне могут завязываться хорошие и даже дружеские отношения, чему также немало примеров. Так, известный актер и, как следует полагать, польский секс-символ второй половины XX в. Даниэль Ольбрыхский, на счету которого немало недружественных России высказываний и действий, являлся другом известного народного поэта и барда СССР Владимира Высоцкого.

Поскольку феномен русофобии выходит за рамки польского национального сознания, мы намерены попытаться применить к анализу польской русофобии расширительный историософский подход, базирующийся на стыке цивилизационного анализа, истории, культурологии, социальной философии. Задачами настоящей работы мы видим, во-первых, уточнение цивилизационных характеристик Польши как лимитрофной страны, что имеет соответствующее отражение в коллективном сознании; во-вторых, анализ исторических взаимоотношений Польши с Россией в результате которых столь важный для национального сознания образ врага был прочно зарезервирован именно за русскими.

Нам важно изначально определиться с категорией лимитрофа, имеющего неоднозначное толкование. В русле исторического подхода лимитрофами считались отделившиеся от российской империи после ее краха окраинные территории, претендующие на политическую субъектность и государственность. Помимо Польши сюда еще относились страны Прибалтики, затем вновь присоединенные уже к СССР [6]. В подобном методологическом ракурсе лимитроф – категория устаревшая. Наше определение лимитрофа исходит из островного подхода В. Цымбурского и С. Хатунцева, в рамках которого категория лимитроф имеет не столько геополитическое, сколько культурно-цивилизационное наполнение.

В рамках указанного подхода любая цивилизация интерпретируется как своеобразный «остров» – территория с относительно устойчивыми культурными и политическими характеристиками. Обрамляется такой остров «проливами» или лимитрофами, переходными междоцивилизационными пространствами, которые испытывают заметное влияние соседних «островов» – цивилизаций, во многом отражая характер их взаимодействий. Лимитроф куда менее культурно устойчивая зона, так как способен к трансформациям под влиянием столкновения цивилизаций, разделяющим «буфером» которых является. По мысли С. Хатунцева, цивилизации сравнимы с устойчивыми тектоническими плитами, с материковыми кристаллическими платформами, которым, в силу их геологического строения, относительная стабильность, несмотря ни на какие внутренние и внешние потрясения, все-таки обеспечена. Иное дело «переходные зоны», которые рассматриваются по аналогии с геосинклиналями – районами орогенеза (горообразования), областями «Великих разломов», а по-другому зонами «повышенной активности геотектонических сил» [7]. С подобных позиций категория лимитрофа сохранит свою актуальность пока мир можно рассматривать в качестве пространства цивилизационных взаимодействий и конкуренции.

Польша как раз относится к полосе восточноевропейских стран, расположенных между российской и романогерманской этноцивилизационными платформами. Эти страны, по словам В. Цымбурского, примыкают к коренной Европе, но не входят в нее [8]. Здесь авторы остров-

ного подхода несколько конкретизируют предложенную картину, вводя категорию лимба или лимеса. Последний обозначает не промежуточное, но окраинное пространство, принадлежащее конкретной цивилизации. Лимб в целом сохраняет культурную и политическую сущность той цивилизации, окраиной которой является, но при этом не избегает заметного влияния цивилизации соседней. Между тем в результате междоцивилизационных конкуренций не исключено соскальзывание лимеса в лимитроф и наоборот [9]. Здесь нередко решающими выступают геополитические и внутривнутриполитические факторы. Например, президентство А. Лукашенко позволяет сохранять Беларусь в статусе лимба российской цивилизации, между тем, как в случае прихода к власти прозападного лидера (вроде А. Шушкевича или М. Санду) белорусские земли скорее всего сдвинулись бы к лимитрофным позициям.

Если иметь в виду Польшу, то ее лимитрофный статус выглядит наиболее адекватной характеристикой. Так, в ходе небезуспешной западной экспансии российской империи, а также перипетий наполеоновских войн львиная доля исконно польских земель была поглощена Россией. Изначально Александр I предоставил полякам предельную внутреннюю культурную и политическую автономию – и речи не шло о какой-либо русификации, а Царству Польскому была дарована Конституция (1815) – привилегия, которую не имел ни один другой внутренний субъект Российской империи [10]. И, несмотря на это, отношения России с польскими окраинами в целом продемонстрировали, что данные земли явно выбиваются из имперского политико-культурного пространства.

Но, с другой стороны и собственно Западный мир не торопится включать в свой цивилизационный ареал Восточноевропейские территории, что исчерпывающе показал в своей фундаментальной работе Л. Вульф [11]. В том числе это проявляется непоследовательностью политики западных стран в отношении той же Польши. Например, когда последняя определялась в качестве форпоста против мировой большевистской угрозы в 1920 г. ей была оказана серьезная помощь, во многом предопределившая «чудо на Висле». Но спустя девятнадцать лет та же Польша была фактически оставлена Францией и Англией на растерзание вермахту, причем вопреки имевшим место дипломатическим договоренностям.

Кроме того, «европейскость» не настолько уж органично присуща социокультурным характеристикам восточноевропейских народов, не исключая поляков. Как указывает специалист по Восточно-европейским странам Н. Коровина, даже знаменитая польская «Солидарность», столь много сделавшая для антикоммунистической борьбы, в содержательном плане весьма далеко отстоит от западного либерализма, заключая в себе скорее культурный, нежели политический смысл, и тяготеет больше к «периоду консервативной модернизации», чем к эпохе рыночного прагматизма [12].

Тем не менее именно Западный мир выступает со второй половины XX в. в роли явного лидера цивилизационного развития. Исходя из современной ситуации, М. Делягин справедливо полагает, что цивилизация должна определяться прежде всего по критерию возможности экспансии на глобальном уровне, что включает достаточный экономический потенциал в том числе и для мессианской составляющей. Здесь лидерство Запада, сделавшего ставку на технологии, выразилось в популярном на международном уровне тренде модернизации, к которому присоединялись и цивилизационные соперники, в том числе и Россия. Естественно, что именно Западный мир выступал центром притяжения,

особенно для близлежащих территорий, таких как зона Восточной Европы. Как отмечают И. Ионов и В. Хачатурян, «идентификация себя с цивилизацией в Европе стала обозначать прежде всего поддержку идеалов и ценностей модернизации: разума, порядка и терпимости, то есть рационально организованной, основанной на либеральных идеалах и четких законах власти, экономического прогресса и свободы торговли, развития рационального, прежде всего опытного знания и современной науки...» [13].

Но, одновременно схематизировались и мифологизировались образы незападных цивилизаций. Так в XIX в. во многом усилиями академической среды в странах Западного мира была популяризирована цивилизационная идеология ориентализма, которая, противопоставляя западную и восточную культуры, делала акцент на превосходстве Запада, изображая Восток как цитадель политического деспотизма, социального и культурного застоя [14]. Несколько более углубленно следует сказать об источниках подобного оценочного видения.

Прежде всего надо отметить архетипический вневременный смысл оппозиции «цивилизация – варварство», играющей ведущую роль в формировании цивилизационной идентичности. В. Буданова считает «варварство» изначальной схемой представлений, жестко характеризующей мир на похожих и непохожих по действиям, ценностям и убеждениям. ... «Варварство» как явление когнитивное и психологическое постоянно активизируется и в латентной форме ... будет существовать всегда, как своеобразное «зазеркалье» цивилизации» [15]. Несколько конкретизирует весьма обширный концепт «варварского мира» концепт «конституирующего значимого Другого» (Р. Барт, И. Нойман, Ц. Тодоров, Ю. Кристева).

Образ «конституирующего значимого Другого» служит вроде фундамента или базы для акцентированного определения собственной идентичности и ее кристаллизации. При этом способствует всему этому именно отрицательное восприятие Другого, замешанное не столько на рациональном, сколько на эмоционально-негативном восприятии. По словам Ю. Кристевой, здесь налично реальность «перед лицом которой человек не стремится к познанию, не овладевает смыслом, а вынужден лишь решительно отказываться, идентифицировать себя как «не-это» [16]. Отсюда образ Врага намного лучше, чем образ Друга способствует осознанию и четкому формированию коллективного образа Мы. Понятно, что в рамках отношений Я-Другой речь может идти о различных по масштабу субъектах, но в контексте задач настоящей работы затрагивается прежде всего цивилизационный уровень западного сознания, который выступает определенным ориентиром польского национального мировоззрения.

Для цивилизации Запада значение «конституирующего значимого Другого» сводится именно к воплощению отрицательных черт: отталкиваясь от которых западное сознание формирует позитивный «автообраз» [17]. В то же время позиции конституирующего Другого могут заполняться различными образами, но вряд ли бывают вакантными. До XVIII в. для западного мировоззрения конституирующим Другим выступала Османская империя, но с первой половины XIX в. эта роль была прочно зарезервирована за Россией [18]. Наверняка в подобной смене сыграли роль политические обстоятельства – ослабление угрозы со стороны турок и усиление России, имперский статус которой предполагал соответствующее позиционирование и амбиции в международных делах. Именно с первой половиной XIX в. связывает происхождение коллективной европейской русофобии российско-немецкий исследователь Л. Люкс [19].

Естественно, что подобные процессы не могли не отражаться на национальном сознании лимитрофных стран, расположенных между западноевропейскими странами и Россией. По меткому замечанию В. Цымбургского, для данного региона характерны весьма претенциозные цивилизационные идентификации – «сплошь и рядом возникают искусственные «подвижки к Европе» через подчеркивание неких квазиевропейских качеств... постоянно разыгрываются исторические драмы с намерением «вернуться» или «вписаться» в Европу, которое напарывается на экономические, психологические и иные препоны, на морочащую двусмыслицу «недоинтегрированности». Практически все здешние народы, а особенно их элиты, склонны относить себя к «настоящей» Европе, своего же восточного соседа каждый держит за азиата» [9]. Подобная картина отражает реальную ситуацию отношения поляков к русским как к азиатам, но именно так же немцы относятся уже к собственно к Польше [4].

Таким образом можно заключить, что источником неприязненного отношения коллективного сознания поляков к России выступает цивилизационная парадигма Западного мира, которая имеет базисные социокультурные отличия с российской цивилизацией. Даже принимая во внимание лимитрофный статус Польши, по своим фундаментальным характеристикам она ближе к Западному миру, зачастую выступая на острие его противопоставления с русскими.

Во-первых, конфессиональная принадлежность поляков к западной католической версии христианства. Так, в годы Смуты логику действий польской стороны обосновывал католический мессианизм – обращение в православие православных схизматиков (П. Пальчовский, С. Немоевский) [4]. Похожей логикой руководствовалась хорватская сторона в лице архиепископа А. Степинаца в отношении к сербам, проживающим на территории Национального государства Хорватия в годы Второй мировой войны [20].

Во-вторых, политический порядок, который в русских землях формировался во многом под самодовлеющим воздействием природных условий, будучи жестко детерминированным проблемой оптимизации ограниченных объемов прибавочного продукта (Л. Милов). Структура служилого государства, сложившаяся в Московском государстве, довольно далеко отстояла от аристократической демократии Речи Посполитой [21, 22]. Кстати, в модели политической власти России поляки склонны видеть именно азиатское начало. Современный польский журналист и публицист Г. Росса пишет: «Московия, выступающая в различных видах – то царство, то СССР, а то Российская Федерация – является геополитической реинкарнацией монгольской орды, и судьба РФ будет такая же, как орды монгольской» [23].

Приписывание восточного уклона российской политической системе автоматически ставило Россию в альтернативу Западу. В ходе знаменитого польского восстания 1830–1831 гг. был сформирован имидж России как первостепенного врага европейской свободы. После разгрома восстания польские эмигранты в Европе без особых проблем смогли настроить большую часть общественного мнения в антирусском духе. «Польский народ представлялся носителем идей свободы и прогресса, а Россия «душительницей» всяких свобод и воплощением реакции» [4].

В то же время цивилизационный источник русофобии поляков не единственный в этом роде. Применительно к Польше справедливо такое пронизательное утверждение В. Цымбургского, что социальное большинство промежуточных территорий между Западом и Россией

определившись в своих западнических симпатиях, тем не менее «страдает многими недугами «промежуточных» обществ». И одним из таких недугов, выступает «комплекс ущемленности», суть которого в том, что им выпало соседство с чуждым, «варварским» миром» [9]. О. Неменский считает, что польская русофобия является функцией национальной и цивилизационной идентичности [4]. Далее мы постараемся несколько сузить наше рассмотрение, обратив внимание на исторический спектр уже непосредственных отношений Польши и России, откуда можно будет выявить дополнительные причины негативных установок польского коллективного сознания к русским.

Итак, первые государственные образования в Польше и на русских землях относятся к типу дружинных государств [24]. Это уже предполагало ведущую роль военной составляющей, что и отразилось довольно частыми военными экспедициями в ту и другую стороны. Тем более соседнее расположение польских и русских земель быстро дало основания для появления «спорных территорий». Первоначальные отношения Польши и Киевской Руси происходят главным образом в политической плоскости – династические браки, военные походы. Причем причинами последних выступали не только захват территорий, но и нередко помощь родственнику, потерявшему земли или престол в результате внутренних усобиц.

Уже Владимир Святой захватывает в результате похода Червенские города, но буквально через поколение в ходе войны Ярослава Мудрого за киевский престол со Святополком Окаянным польские войска Болеслава Храброго занимают на какое-то время Киев, отвоевав в итоге Червенские города. Но в 1030–1031 гг., после смерти Болеслава Храброго, Ярослав Мудрый координирует свои действия с немецким императором Конрадом II, и в результате одновременного вторжения с двух сторон в Польшу войск Ярослава и Священной немецкой империи, Червенские города возвращаются Киевской Руси [25].

В 1068 г. один из Ярославичей – Изяслав, свергнутый с киевского престола народным восстанием, отвоевывает Киев снова при помощи войск польского короля Болеслава II, который приходился ему родственником. Как можно судить из летописей, польские власти принимали весьма активное участие во внутренних конфликтах русских княжеств, рассчитывая на значительные политические дивиденды. Наибольшая активность пришлась на Галицко-Волынское княжество Руси (нынешняя западная и центральная Украина), где были сильны позиции крупного боярства, часто не боявшегося конфликтовать с княжеской властью. Наверняка это могло импонировать польской элите, в которой уже тогда закладывались предпосылки землевладельческого магнатства, что впоследствии нашло отражение в политической модели аристократической демократии. Фактически Галицко-Волынские земли явились ареной противостояний не столько верховных властей, сколько претензий крупных феодалов – землевладельцев Польши, Руси, Венгрии, временами Чехии. Наконец, после смерти последнего галицко-волынского князя полвека (1340–1392) Польша и Великое княжество Литовское оспаривали эти земли, в конечном итоге поделив их.

Между тем военный аспект отношений Польши и Руси подогревался не только территориальными спорами. Имело место культурно-политическое обстоятельство, играющее немаловажную роль. Дело в том, что молодое польское королевство оказалось в раннее средневековье окраиной католического мира. Папский престол в Риме ответственным за распространение католиче-

ства на Восток назначил архиепископа города Гнезно (столица Польши с X в. до начала XIV в.). Тем самым на поляков возлагалась своеобразная конфессиональная миссия, которая выступала идейным обоснованием в том числе и их войн против православных русских, на которых вешался ярлык схизматиков. Подобная миссия проходила с переменным успехом, но в целом можно зафиксировать общий положительный для нее результат – в сферу католицизма попала значительная часть Великого княжества Литовского, в котором поначалу явно доминировал православный сегмент. Как пишет современный польский историк К. Петкевич, в XIV в. большинство населения Литовского государства составляли православные, «все князья из династии Гедимина женились на христианках, а князья, правившие в русских землях, принимали православную веру, на русском языке составлялись документы литовской канцелярии» [26]. Неслучайно один из лидеров отечественной дореволюционной исторической науки А. Пресняков уверенно употребляет термин: Литовско-русское государство [27].

Однако ряд политических уний, навязанных Польшей Литве, принципиально изменили ситуацию. Государства взаимно нуждались друг в друге в силу внешнеполитических обстоятельств – противодействие немецкой экспансии с одной стороны, а с другой стороны – борьба с усиливающимся Московским государством. Однако Польша выступала на правах ведущей стороны, хотя Литва долгое время стремилась сохранить суверенность. Горodelьская уния 1413 г. дала заметный толчок полонизации и католизации Великого княжества Литовского. Литовские бояре и князья, переходя в католичество, присваивали себе титул «пан» и пользовались преимуществом в карьерном продвижении на государственном поприще [26]. По словам Санкт-Петербургского историка А. Дворниченко, взаимное единение польской и литовской знати привело к тому, что формируется «чуждая народным массам по своей вере и даже этнической принадлежности элита» [28]. Характерно, что на православном вопросе, интересовавшем русский сегмент, строил свою политику и пропаганду князь Свидригайло, – выступивший одной из сторон внутренней феодальной войны в Литве 1430–1440 гг. Однако он проиграл, что способствовало процессам усиления католичества, его доминированию над православием.

Надо отметить, что православный вопрос оставался весьма острым и для эпохи Речи Посполитой (с 1569 г.), католическая элита которой на компромисс обычно не шла, что естественно обостряло противоречия на конфессиональной почве, заодно усиливая остроту социального вопроса – крестьянство земель Великого княжества Литовского в большинстве было православным. Росло отчуждение между землевладельцами, для которых стала типичной идентичность католической шляхты, и крестьянством, большинство которого на землях бывшего Великого княжества Литовского оставалось православным. Наиболее пассионарная часть православного сегмента – казачество, решилось на восстание в XVII в. и перешло под юрисдикцию Московского царства вместе со своими территориями (Украина). Такого рода антагонизмы существовали и в польско-литовских землях вплоть до начала XX в. Например, в ходе очередного польского восстания против Российской империи 1863 г. царское правительство искусно сыграло на этих противоречиях, пообещав крестьянам земли мятежной шляхты [29]. В итоге выступление панов было слабо поддержано «снизу» и достаточно легко подавлено.

Наконец, нельзя не отметить события XVII–XVIII вв., связанные с периодом Смуты в Московском царстве, а затем с разделами Речи Посполитой и ликвидаци-

ей этого государственного образования. Как известно, польская сторона играла ведущую роль в процессах, которые едва не привели к потере русскими национальной независимости. При этом идеологическим обеспечением выступал именно католический мессианиззм, на тот момент переживавший определенный пик, связанный с Брестской унией и возникновением греко-католицизма (униатства). Тем не менее усилия польских королей и полководцев не увенчались успехом – Россия отстояла независимость. Однако вплоть до последней четверти XVII столетия Россия и Польша оспаривали друг у друга дискуссионные территории, связанные главным образом с землями Смоленщины и Украины, и перевес в этих конфликтах неуклонно клонился на сторону России, модель самодержавной власти которой лучше подходила для решения внешнеполитических задач, чем верхушечная демократия Речи Посполитой. Ведущая субъектность польских магнатов оказалось, по нашему мнению, решающим обстоятельством, предопределившим политическое ослабление Польши в XVII–XVIII вв., что привело в итоге к трем разделам территории этого государства между Австрией, Пруссией и Россией. Попытка вернуть независимость в ходе наполеоновских войн окончилась неудачей, и большая часть земель Речи Посполитой оказалась включена в состав Российской империи. По всей видимости, это оказалось тяжелой культурной и психологической травмой для польского коллективного сознания – попасть в политическую зависимость от народа, который воспринимался как варварский, азиатский по сути и который не столь давно едва не попал в подчинение к самим полякам. Нам представляется, что субъективный факт восприятия русских как более отсталого в цивилизационном плане народа объясняет большую вражду поляков к русским, чем тех же поляков – к немцам. А ведь у Польши с Германией вряд ли меньше территориальных споров и исторических счетов, нежели у Польши с Россией.

Ликвидация польской русофобии представляется желательной задачей – этническое родство русских и поляков действительно очевидно. Однако это задача крайне трудная. Для ее успешного решения необходима комплексная работа политиков, работников культуры и идеологов (властителей дум), а также ученых. Осмысление путей исправления ситуации достойно объема научной монографии и возможно не одной.

Таким образом в источниках польской русофобии, мы намерены видеть расширенную цивилизационную и более узкую национальную составляющие. В плане цивилизационного сознания поляки стремятся преодолеть комплекс собственной своеобразной недовостернизованности, вызванной лимитрофным положением, и в связи с этим всячески подчеркивают собственную европейскость в противовес русской азиатскости. Что касается специфических национальных обстоятельств, то здесь надо отметить как частые войны Польши и России, так и более столетия существования польских территорий в составе российской империи, что зафиксировано в исторической памяти поляков.

Литература

1. Беляков С.С. Усташи: между фашизмом и этническим национализмом. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. – 320 с.
2. Куняев С. Шляхта и мы. – М.: Алгоритм, 2000. – 336 с.
3. Кундера М. Трагедия Центральной Европы. – URL: [https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1985-11-12/1985-11-12%20\(170-191\).pdf](https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1985-11-12/1985-11-12%20(170-191).pdf).
4. Неменский О.Б. Русофобия как идеология. – URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=363035>.
5. Русофобия как теоретический феномен: попытка концептуализации внешних проявлений / Ю.Г. Тамбиянц, О.В. Терещенко, С.В. Кулик, Н.И. Гнатенко // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 7. – С. 93–99. – EDN CDKUUO.
6. Сапожников Д.С. Восточное направление внешней политики России: попытка концептуализации / Д.С. Сапожников, Е.И. Малахова, О.В. Терещенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 7. – С. 89–93. – DOI 10.23672/SAE.2023.95.68.001. – EDN FPIUZO.
7. Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового света. // Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 86–98.
8. Цымбурский В.Л. Остров Россия // <https://paraknig.me/reader/426453?page=1>.
9. Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. – Т. 3. – № 3. – 1997. // www.intelros.ru.
10. Терещенко О.В. История: история России, всеобщая история: учебник / О.В. Терещенко, А.Р. Салчинкина, М.В. Гринь. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2022. – 249 с. – ISBN978-5-907598-39-3. – EDN ACEYTB.
11. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 1994. – 560 с.
12. Коровицына Н.В. С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. – М.: Алгоритм, 2003. – 288 с.
13. Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. – СПб.: Алетейя, 2002. – 384 с.
14. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. – М.: Русский мир, 2006. – 640 с.
15. Буданова В.П. Варвары и варварство в антропологии цивилизаций / Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 10–46.
16. Кристева Ю. Силы ужаса. – Харьков, СПб.: 2003. – 256 с.
17. Большакова О.В. Концепт «Запад» и историографические образы России / Труды по русистике. Выпуск 6. – М.: Институт научной информации по общ. Наук, 2015–2016. С. 353–385
18. Нойман И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
19. Люкс Л. О возникновении русофобии на Западе // Политические исследования. – № 1. – 1993. – С. 173–178.
20. Ривели М.А. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. – М., 2011. – 224 с.
21. Тамбиянц Ю.Г. Модель ответственного политического процесса: фактор внутриэлитных противоречий (статья 2) / Ю.Г. Тамбиянц, М.В. Гринь, И.Н. Иваненко // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 11. – С. 2372–2378. – DOI 10.30853/mns210402. – EDN BCXMD/
22. Иваненко И.Н. Политико-управленческая традиция: историософский анализ / И.Н. Иваненко, М.В. Гринь, О.В. Терещенко // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 5. – С. 102–107. – EDN SDWACE.
23. Росса Гж. (Grzegorz Rossa) Ахиллесова пята Московии. – Польша: «Eioba», 31.12.2008. – URL: <http://www.inosmi.ru/world/20081231/246419.html>.

24. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. – М.: УРСС, 2007. – 368 с.
25. Королюк В.Д. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. – М.: Наука, 1964. – 383 с.
26. Петкевич К. Великое княжество Литовское / Раннее государство, его альтернативы, аналоги: Сборник статей. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 304–334.
27. Пресняков А.Е. Литовско-русское государство в XI–XVI вв. – Минск, Харвест, 2012. – 296 с.
28. Дворниченко А.Ю. Российская история: с древнейших времен до падения самодержавия. – М.: Весь мир, 2010. – 944 с.
29. Неведов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. – М.: Территория будущего, 2010. – 688 с.

RUSSIAN-POLISH RELATIONS: A HISTORIOSOPHICAL UNDERSTANDING OF POLISH RUSSOPHOBIA

Grin M.V., Tereshchenko O.V., Gnatenko N.I.

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin

The paper attempts to comprehensively comprehend the sources and causes of Polish Russophobia, in which the civilizational and national components differ. The explanation of the civilizational source uses an insular approach, from the position of which Poland, having a limitrophic status of an intercivilizational territory, strongly emphasizes its own Europeaness as opposed to Russian Asiaticity, thereby trying to overcome the complex of its own lack of Westernization. The foundations of Russian «Asiaticism» for Poles were, firstly, confessional affiliation to Orthodoxy, which was perceived as schism (schism); secondly, the political order of autocratic power, fundamentally different from the model of aristocratic (upper-class) democracy in Poland. The narrower national causes of Polish Russophobia lie in the historical memory of Poles, which records not only frequent wars with the Russians, but also the century-old loss of national independence.

Keywords: insular approach, limitrof, Polish collective consciousness, «significant constitutive Other», Catholic mission, civilization-barbarism, Russophobia.

References

1. Belyakov S.S. Ustashi: between fascism and ethnic nationalism. – Yekaterinburg: University of the Humanities, 2009. – 320 p.
2. Kunyaev S. Shlyakhta and us. – М.: Algorithm, 2000. – 336 p.
3. Kundera M. The Tragedy of Central Europe. – URL: [https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1985-11-12/1985-11-12%20\(170-191\).pdf](https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1985-11-12/1985-11-12%20(170-191).pdf).
4. Nemensky O.B. Russophobia as an ideology. – URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=363035>.
5. Russophobia as a theoretical phenomenon: an attempt to conceptualize external manifestations / Yu.G. Tambiyants, O.V. Tereshchenko, S.V. Kulik, N.I. Gnatenko // Socio-humanitarian knowledge. – 2023. – № . 7. – p. 93–99. – EDN CD-KUUO.
6. Sapozhnikov, D.S. The Eastern direction of Russia's foreign policy: an attempt at conceptualization / D.S. Sapozhnikov, E.I. Malakhova, O.V. Tereshchenko // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2023. – № . 7. – p. 89–93. – DOI 10.23672/SAE.2023.95.68.001. – EDN FPIUZO.
7. Khatuntsev S.V. Limitrophes – intercivilizational spaces of the Old and New World. // Political research. – 2011. – № . 2. – p. 86–98.
8. Tsymbursky V.L. Ostrov Russia. – URL: <https://paraknig.me/reader/426453?page=1>.
9. Tsymbursky V.L. Peoples between civilizations // Pro et Contra. – Vol. 3. – № 3. – 1997. // www.intelros.ru.
10. Tereshchenko, O.V. History: the history of Russia, universal history: textbook / O.V. Tereshchenko, A.R. Salchinkina, M.V. Grin. – Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, 2022. – 249 p. – ISBN978-5-907598-39-3. – EDN ACEYTB.
11. Wolf L. Inventing Eastern Europe. The map of civilization in the consciousness of the Enlightenment era. – М.: New Literary Review, 1994. – 560 p.
12. Korovitsyna N.V. With and without Russia: The Eastern European path of development. – М.: Algorithm, 2003. – 288 p.
13. Ionov I.N., Khachatryan V.M. Theory of civilizations from antiquity to the end of the XIX century. – St. Petersburg: Aleteya, 2002. – 384 p.
14. Said E. Orientalism. Western concepts of the East. – М.: Russian World, 2006. – 640 p.
15. Budanova V.P. Barbarians and barbarism in the anthropology of civilizations / Civilization and barbarism: transformation of concepts and regional experience. – Moscow: IVI RAS, 2012. – p. 10–46.
16. Kristeva Y. The forces of horror. – Kharkov, St. Petersburg: 2003. – 256 p.
17. Bolshakova O.V. The concept of the «West» and historiographical images of Russia / Works on Russian studies. Issue 6. – Moscow: Institute of Scientific Information in general. Sciences, 2015–2016. p. 353–385
18. Neuman I. The use of the «Other»: Images of the East in the formation of European identities. – М.: New Publishing House, 2004. – 336 p.
19. Lux L. On the emergence of Russophobia in the West // Political studies. – № 1. – 1993. – p. 173–178.
20. Riveli M.A. Archbishop of Genocide. Monsignor Stepinac, the Vatican and the Ustashe dictatorship in Croatia 1941–1945. – М: 2011. – 224 p.
21. Tambiyants, Yu.G. The model of the domestic political process: the factor of intra-elite contradictions (Article 2) / Yu.G. Tambiyants, M.V. Grin, I.N. Ivanenko // Manuscript. – 2021. – Vol. 14, № . 11. – p. 2372–2378. – DOI 10.30853/mns210402. – EDN BCXMDC/
22. Ivanenko, I.N. Political and managerial tradition: historiosophical analysis / I.N. Ivanenko, M.V. Grin, O.V. Tereshchenko // Socio-humanitarian knowledge. – 2023. – № . 5. – p. 102–107. – EDN SDWACE.
23. Rossa Grzegorz Rossa is the Achilles heel of Muscovy. – Poland: «Eioba», 12/31/2008. – URL: <http://www.inosmi.ru/world/20081231/246419.html>.
24. Grinin L.E. The state and the historical process. The evolution of statehood: from an early state to a mature one. – М.: URSS, 2007. – 368 p.
25. Korolyuk V.D. Western Slavs and Kievan Rus in the X–XI centuries. – М.: Nauka, 1964. – 383 p.
26. Petkevich K. The Grand Duchy of Lithuania / The early state, its alternatives, analogues: A collection of articles. – Volgograd: Uchitel, 2006. – p. 304–334.
27. Presnyakov A.E. The Lithuanian-Russian state in the XIII–XVI centuries. – Minsk, Harvest, 2012. – 296 p
28. Dvornichenko A. Yu. Russian history: from ancient times to the fall of autocracy. – М.: The Whole world, 2010. – 944 p
29. Nefedov S.A. History of Russia. Factor analysis. Vol. II. From the end of the Troubles to the February Revolution. – М.: Territory of the Future, 2010. – 688 p.

Обоснование стратегий адаптации иностранных абитуриентов военных вузов России в контексте теорий миграции и этнической социализации

Жуков Артем Вадимович,

доктор философских наук, профессор; Тюменский государственный университет
E-mail: artem_jukov68@mail.ru;

Ковалев Виталий Алексеевич,

соискатель, Забайкальский государственный университет
E-mail: nastyasha16@mail.ru,

В статье обсуждаются теоретические аспекты проблемы исследований адаптации иностранных курсантов, которая, по мнению авторов, заключается в поиске выхода из противоречия между концепцией полной ассимиляции мигрантов и концепцией сохранения личностного начала. Предметом статьи является объяснительный потенциал теорий этнической миграции, раскрываемый в контексте обсуждения адаптации иностранных курсантов военных вузов. Целью статьи является обоснование положения о том, что в условиях интенсификации процессов цифровизации происходит радикальный пересмотр оценок адаптации иностранных курсантов военных вузов, которые участвуя в профессиональной ассимиляции, продолжают оставаться членами транснациональных сообществ, объединенных, как с принимающей средой, так и со своим традиционным этническим окружением. Теоретическое значение статьи заключается в доказательстве идеи о том, что в современных условиях иностранные курсанты военного вуза являются носителями идентичностей различного уровня, которые включены структуру социальной, экономической, политической жизни различных обществ. Практическое значение статьи заключается в предложении стратегий адаптации, основанных на убеждении о том, что мигранты обладают устойчивым стремлением к ре-социализации и осознанно выбирают путь профессиональной ассимиляции в военной среде курсантов, который не означает, что этот процесс они связывают с необходимостью отказа от этнических ценностей и традиций управляющего сообщества.

Ключевые слова: иностранные курсанты, мигранты, транс-мигранты, миграция, социализация, адаптация, ассимиляция, этническая культура, инокультурная среда, приспособление.

Введение

Актуальность. В современных социокультурных условиях увеличилось количество иностранных абитуриентов, поступающих в военные вузы Российской Федерации, которые ставят перед собой новые задачи по развитию экспорта образовательных услуг. Прибывая в Россию образовательные мигранты, проходят необходимое для их страны обучение, однако попадают в новые для себя условия, связанные с иным языковым и социо-культурным окружением. Процессы адаптации к этому окружению представляют проблему, когда иностранный курсант оказывается противопоставлен другим обучающимся, как представителям иных народов, культур, вероисповеданий. Исследователями отмечается противоречивый характер взаимодействия мигрантов и российских преподавателей и курсантов, которые сталкиваются с отсутствием понимания особенностей принимающей социальной среды, причиной чего является резкий контраст между социальными нормами принимающего общества и стран проживания.

Анализ научной литературы, посвященной проблеме адаптации иностранных студентов в российских вузах, показал, что эта тема привлекает внимание прежде всего представителей психолого-педагогического подхода, таких, как О.А. Бучнева, Т.В. Павлушкина, Г. К.И. Давлетшина, В.Н. Гурьянчик [4], прикладные исследования которых направлены, на обеспечение безболезненного вхождения мигрантов в принимающую среду, растворение в которой сопровождается усвоением норм военной учебной учреждения. При этом, следование данному подходу оставляет открытым вопрос, о том, как стратегии руководства вузов, направленные на организацию эффективного учебного процесса, могут быть согласованными со стремлением к разрешению межкультурных противоречий, в среде курсантов, связанных чувством неполноценности у вновь пребывающих мигрантов. На наш взгляд, существенную помощь в обосновании стратегий адаптации иностранных курсантов могут оказать западные теории миграции, которые напрямую не затрагивают данную прикладную проблему, однако способны расширить теоретические представления о процессах адаптации иностранцев к условиям военных вузов России.

Объектом исследования является адаптация иностранных курсантов в инокультурной среде. Предметом является объяснительный потенциал теорий этнической миграции и социализации, раскрываемый в контексте обсуждения проблем адаптации иностранных курсантов. Цель исследования состоит в обосновании применимости теорий этнической миграции к объяснению проблем адаптации иностранных курсантов к иноэтнической среде военного вуза Российской Федерации. Методом является сравнительный анализ концептуального содержания теорий миграции и социализации с учетом их применимости для объяснения процессов адаптации взрослых в иноэтнической среде.

Результаты

В условиях интенсификации процессов глобализации и цифровизации в XXI в. происходит радикальный пере-

смотр оценок процесса адаптации иностранных курсантов военных вузов, в первую очередь меняется отношение к проблеме ассимиляции иностранных курсантов военного вуза, так как они признаются носителями нескольких идентичностей, обладающих различной способностью к трансформации и ассимиляции в инокультурном сообществе. Сегодня они становятся не мигрантами, а трансмигрантами, то есть участниками транснациональных сообществ, объединенных, как с принимающим обществом, так и со своим традиционным этническим окружением посредством электронных сетей. Поэтому иностранные курсанты характеризуются устойчивым стремлением к ре-социализации в принимающей среде военных вузов России и осознанным выбором пути профессиональной ассимиляции, который не означает, что этот процесс они связывают с необходимостью отказа от этнических ценностей и традиций отправляющего сообщества.

Обсуждение результатов

К объяснению адаптации иностранных военных курсантов могут быть применены такие известные теории, как социальный эволюционизм, теория «плавильного котла», теории «пессимистических» школ, интеракционизм, мультикультурализм, а также современные теории ассимиляции, одни из которых оценивают данный процесс, как однонаправленное восприятие внешнего влияния, другие – как сложный и разнонаправленный диалог различных культур и традиций.

Социальная адаптация иностранных курсантов с точки зрения классической и понимающей социологии

Проблема исследований адаптации иностранцев, которые находятся между этнической культурой своей страны и требованиями принимающей среды заключается в необходимости поиска выхода из противоречия между концепцией полной ассимиляции мигрантов и концепцией сохранения личностного начала, каждая из которых представляет радикально противоположную и недостижимую перспективу. В контексте идей социального эволюционизма, проблема социальной адаптации иностранных курсантов решается в процессе их включения и последующего растворения в структуру принимающего сообщества, где они проходят через одни и те же стадии. В частности, положения учения Г. Спенсера, О. Конта, Е. Маркса, Э. Дюркгейма [5], содержат идею о том, что прохождение новичков через трудности является необходимой составляющей формирования структуры общества. Именно таким образом, объясняла процессы адаптации теория «плавильного котла» Р. Парка и М. Гордона [12], согласно которой мигранты одинаковым образом проходят этапы ассимиляции, при этом у них не остается никаких других перспектив, кроме как ассимилироваться.

Однако концепция о том, что сущностью процессов адаптации является полная ассимиляция личности курсанта, поддерживается не всеми теориями. В частности, она, не принимается понимающей социологией Г. Зиммеля и М. Вебера [2], которые стремились выявить цели и сущность социального действия, исходя из смысла, не привносимого извне, а переживаемого субъектом. Также на приспособление, как основу выживания указывали Дж. Мердок и А. Келлер [14], которые настаивали на том, что в новых жизненных условиях, человек не меняет свою личность, а посредством символической адаптации, приспособливает для себя условия новой культуры. Данная точка зрения находится в полярном противостоянии с теорией «правильного котла», то есть полной ассимиляции, и при этом отражает идею о сохранении личностного начала в неизменной, которая, как и по-

ложения оппонировавшей стороны, является практически недостижимой в социальной реальности. Таким образом, существуют противоречия между положениями концепций жесткой детерминации социального поведения под влиянием внешней социальной среды, и идеями о доминировании «личностной интерпретации», описывающими человеческое поведение через соответствие «идеальным типам», которое необходимо преодолевать через обращение к теориям, построенным на основании попыток синтеза этих точек зрения.

Идеал сохранения личностного начала иностранных курсантов военных вузов в контексте теории Т. Парсонса и интеракционизма

Противоречия между требованиями внешней среды и субъективными переживаниями можно снять, обращаясь к наследию Т. Парсонса. Решение проблемы адаптации иностранных курсантов к среде военного вуза в контексте его идей заключается в изменении отношения мигранта к предписываемой ему социальной роли и функции, то есть в процессе усвоения социальных ролей [18]. Это означает, что интеграция новичка в структуру принимающего сообщества происходит с помощью механизмов приспособления к противоречиям с внешними объектами. При этом, несмотря на отрицание ассимиляции как средства вхождения в инокультурное общество Т. Парсонс не считал, что в рамках принимающего общества необходимо сохранение этнического плюрализма. По его мнению, преодоление указанного противоречия, заключалось в признании в качестве механизма адаптации к внешним условиям приспособления, успех которого решают мотивации, которые помогают или наоборот, мешают мигрантам приспособляться к инокультурной среде. Однако данная концепция, обращаясь к идеалу социальной гармонии, не обращает внимания на реальные противоречия между стремлением к укреплению общей гражданской основы современной нации и стремлением к сохранению личностного начала, и поэтому проблема ассимиляции в процессе адаптации иностранных курсантов к условиям принимающей среды нуждается в дальнейшем обосновании.

Более детальная проработка проблем этнокультурного взаимодействия, как основания процессов адаптации мигрантов проведена в исследованиях, интеракционистов, которые отвергали ассимиляцию, и представителей функционального анализа, которые ее признавали. Например, с точки зрения Дж. Мида, Р. Линтона, А. Кардинера, М. Херсковица, М. Мид, теория «плавильного котла» критиковалась, как социальная практика колониализма. Одной из задач данного направления был поиск аргументов, которые могли бы стать основанием сохранения личностного начала при вхождении в иную культуру.

Из теории интеракционизма возможно вывести утверждение о том, что если индивид изначально формируется культурой за счет структурных взаимодействий, то и личность мигранта до поступления в военный вуз была сформирована его родным этносом, который продолжает ассоциироваться им со «значимыми другими» [6, с. 162]. Таким образом, при анализе проблем адаптации личности мигранта к условиям принимающего общества необходимо выделять ценностные основания личности, сформированные первичной социальной группой, которые Р. Линтон и А. Кардинер [13, р. 137], называли термином «базовый тип личности», то есть «отпечаток», который остается неизменным у мигранта, несмотря на влияние принимающего общества. Исходя из этих положений, М. Мид и М. Херсковиц [16, р. 143] утверждали, что для успешной адаптации мигран-

тов к принимающей культуре необходимо приспособление полученных ранее культурных установок, к традициям принимающей культуры. Отсюда можно сделать вывод, что, вступая в процессы инкультурации в рамках военного вуза, курсант начинает взаимодействие с принимающей культурой, результатом которого становится не трансформация личности, а принятие роли Другого, которое представляется, как рефлексивное социальное «Я». Таким образом, в контексте интеракционизма можно считать, что в процессе адаптации иностранных курсантов значимыми являются те социальные взаимодействия, которые ведут не к ассимиляции, а к приспособлению.

В условиях принимающего общества военного вуза этот интеракционистский концепт служит основанием необходимости решить вопрос о предохранении ценностной основы личности мигранта от любых попыток ассимиляции. В эту позицию защищает мультикультурализм, представитель которого Х. Рунблом, выступил с обоснованием точки зрения о том, что значимым аспектом процессов адаптации мигрантов, является борьба за сохранение их этнических особенностей и противостояние их растворению в принимающей среде [20, p. 623]. Однако может ли это требование мультикультурализма стать приоритетным основанием стратегии адаптации иностранных курсантов в военных вузах, предназначение которых состоит в отстаивании государственной позиции, в соответствии с которой существуют требования подчиненности и дисциплины? Дело в том, что у данной концепции выявилось много недостатков, отмеченных в исследовании У. Кимлики, П. Шеффера, С. Вертовца и С. Вессендорфа [21], которые доказали, что доминирование принципов мультикультурализма в образовательных учреждениях ведет к снижению показателей успеваемости у представителей этнических меньшинств, которые не хотят адаптироваться к требованиям культурного мейнстрима.

Поэтому в практике исследований миграции и адаптации термин «ассимиляция» несмотря на спорность, не является полностью дискредитированным, и продолжает употребляться в отношении описаний процессов, сопровождающих вхождение взрослых в инокультурное окружение. Причиной является то, что во второй половине XX в. его значение стали толковать по-другому, чем это подразумевала теория «плавильного котла». Данная традиция была заложена на рубеже 60–70-х гг. XX в. в исследованиях Н. Глейзера и Д. Мойнихана, где ассимиляция, как основание социальной интеграции не противопоставлялась этническому началу личности и не понималась как основание полного растворения [10]. Аналогичный подход можно обнаружить в трудах А. Щюца, Г. Гарфинкеля, П. Бергера и Т. Лукмана [1, с. 213], которые представляют ассимиляцию в рамках феноменологического подхода, как индивидуальное освоение личностью новой социокультурной среды, заключающееся в совмещении ее аспектов с собственной картиной мира. Ассимиляция ими представляется итогом межкультурного взаимодействия, результатом которого является достижение высокого уровня интеграции представителей разных народов, основанного на глубоком понимании и принятии собственных отличий.

Трансформация представлений об ассимиляции в современных теориях миграции

Еще более существенно меняют отношение к проблеме ассимиляции иностранных курсантов военного вуза современные теории, содержанием которых становится глобализация и цифровизация. В свете этих процессов ассимиляция понимается, как аспект интенсифицирую-

щегося межрегионального и межнационального взаимодействия, в котором принимает участие большая масса населения. В частности, в контексте информационной теории Э. Гидденса проблематика современных миграционных процессов складывается в контексте усиления процессов глобализации, ведущих к росту миграционных потоков, куда вовлекаются большие массы населения, что способствует появлению специфических общин, находящихся в разных регионах планеты, но представляющих собой единое целое благодаря современным интернет-технологиям [3].

Согласно методологии Н. Глик Шиллер идентичность представителей этих групп не связывается только с территорией проживания, что становится мощным вызовом для принимающих национальных и государственных образований, где они должны восприниматься, уже не как мигранты, а как трансмигранты, то есть участники транснациональных сообществ, объединенные со своим традиционным этническим окружением посредством электронных сетей. Жизнь таких мигрантов зависит от влияния, которое оказывает на них, принимающее культурное окружение и этническая культура родины [11]. В связи с этим возникает новая этнокультурная ситуация, в которой мигранты становятся обладателями разных идентичностей, соотносимых с разными сообществами [8, p. 140].

Данная ситуация меняет отношение к оценкам процесса адаптации взрослых в условиях инокультурного окружения, так как происходит окончательная реабилитация прежде спорного термина «ассимиляция», который продолжает употребляться в отношении описаний процессов, сопровождающих вхождение взрослых в инокультурное окружение, но получает новые коннотации. Современные теории миграции предлагают такую модель, в которой отождествление адаптации с ассимиляцией уступило место более широкому пониманию ассимиляции, как процесса взаимодействия культур, в ходе которого происходит смешение разных традиций и образование принципиально нового культурного синтеза. Радикальный пересмотр представлений об ассимиляции состоялся в трудах Р. Альба и В. Ни, которые предприняли попытку трансформировать теорию М. Гордона, утверждая, что ассимиляция в интересах принимающего общества неизбежна. Однако не только доминирующая культура оказывает влияние на мигрантов, а и они воздействуют на принимающую среду, вступая с ней в стадию конвергенции [7].

Теория сегментной ассимиляции мигрантов, одним из авторов которой является А. Портес [19, p. 568], создает возможность новаторского объяснения смысла данного понятия, а также того, почему разные группы мигрантов по-разному переживают ассимиляцию, либо легко интегрируясь, либо вступая на путь конфронтации с принимающим сообществом. Основываясь на положениях данной теории можно утверждать, что иностранные курсанты, переезжая в Россию для продолжения своего обучения, вынуждены столкнуться здесь с социальными условиями, существенно отличающимися от страны исхода. Однако решение проблем адаптации к новым условиям заключается не только в приспособлении к условиям принимающего сообщества, но и трансформации личных качеств мигранта. Согласно положениям К. Фелисиано, мигранты, это не только новые субъекты, встраиваемые в принимающее сообщество. Они являются представителями определенного сегмента оправляющего сообщества, ценности которого оказывают самое существенное влияние на ход адаптации в принимающем сообществе [15, p. 85]. Например, в военные училища России, как правило, отправляются выходцы из элитар-

ных слоев, а также успешные военнослужащие, мотивированные перспективами служебного роста, которые в интерпретации Д.С. Массей понимаются как push-factors [17]. Он доказывает, что переезд с целью переобучения доступен наиболее активным и мотивированным людям, уже обладающим определенным образовательным уровнем и стремлением к достижению нового.

Кроме этого, анализируя проблемы адаптации иностранных курсантов в принимающей среде военных вузов России, необходимо учитывать их мотивации или «pull-factors», согласно которым, как пишет Дж. Бордженас, эти люди уже прошли определенный отбор, показывающий степень их готовности к принятию правил принимающей среды [9]. Таким образом, есть основания полагать, что иностранные курсанты стремящиеся обучаться в России уже обладают определенными знаниями о стране, позволяющими считать, что условия жизни в принимающем сообществе будут для них приемлемы, и принимают это решение исходя, как из политических, так и экономических, так и культурных соображений. Поэтому, можно прийти к выводу, что иностранные курсанты обладают устойчивым стремлением к ре-социализации в принимающее сообщество, и осознанно выбирают путь ассимиляции в среде российских курсантов. Однако это не означает, что этот процесс они связывают с необходимостью отказа от этнических ценностей и традиций отправляющего сообщества, что ставит вопрос о различных уровнях идентичности иностранного курсанта в военном вузе России.

Данный методологический контекст, согласно которому этнические различия продолжают играть важную роль и после того, как личность подверглась влиянию внешней принимающей культуры, предполагает возможности различных трактовок процессов адаптации иностранных курсантов к принимающей среде военного вуза, и в частности, сущности ассимиляции, которой подвержены множественные идентичности иностранных курсантов. Приспособление иностранцев к условиям культуры российского военного вуза, с этой точки зрения можно понимать, как усвоение социальных ролей взрослыми, которые сохраняя базовую идентичность личности, в процессе вторичной социализации воспринимают образцы воинской культуры России.

Выводы

1. Проблема исследований адаптации иностранных курсантов, которые находятся между этнической культурой своей страны и требованиями принимающей среды российских военных вузов заключается в необходимости поиска выхода из противоречия между концепцией полной ассимиляции мигрантов и концепцией сохранения личностного начала. Попытки синтеза указанных концепций конституируются из положений, доказывающих, что каждая этническая культура формирует специфический тип личности, адаптация которого в инокультурной среде в последующем должна приводить не к ассимиляции, а к приспособлению. При этом термин ассимиляция продолжает использоваться в отношении описаний процессов, сопровождающих вхождение взрослых в инокультурное окружение, однако большое не противопоставляется этническому началу и не понимается как основание полного растворения.

2. Существенно отличается отношение к проблеме ассимиляции иностранных курсантов военного вуза с точки зрения транснационализма, который указывает на то, что жизнь трансмигрантов зависит от влияния, которое оказывает на них, российское культурное окружение и этническая культура родины, связи с которой

современные мигранты не обрывают. В связи с этим возникает новая этнокультурная ситуация, в которой мигрант воспринимается как обладатель разных идентичностей, отражающих включенность в культуру различных обществ.

3. Данная ситуация меняет отношение к оценкам адаптации взрослых в условиях инокультурного окружения XXI в., когда состоялся радикальный пересмотр представлений об ассимиляции, согласно которому иностранные курсанты обладают устойчивым стремлением к ре-социализации в принимающее сообщество военных России и осознанно выбирают путь профессиональной ассимиляции в среде курсантов, который не означает, что этот процесс они связывают с необходимостью отказа от этнических ценностей и традиций отправляющего сообщества.

Литература

1. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии сознания. – М., 1995. – 323 с.с. 213
2. Вебер, М. Город. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 158 с.
3. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Акад. проект, 2003. – 525 с.
4. Гурьянчик, В. Н., Макеева Т.В. Социокультурная адаптация иностранных курсантов военных вузов / В.Н. Гурьянчик, Т.В. Макеева // Социс. Социологические исследования. 2018. – № 11. – С. 124–133.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 352 с.с. 55
6. Мид Дж.Г. Разум, Я и Общество // Реферативный журнал, 1997. Серия Социология. – 11. – № 4. – С. 162–195.
7. Alba, R. The Great Demographic Illusion. Majority, Minority, and the Expanding American Mainstream. – Princeton University Press, 2020. – 336 p.
8. Bauböck, R. Europe's commitments and failures in the refugee crisis // European Political Science, 2018. – Volume 17, – Pp.140–150.
9. Borjas, G. Immigration and Economic Growth George // NBER Working Paper, 2019 – No. 25836 – JEL No. J6, O4. – Pp. 1–52
10. Glazer, N. Ethnicity: Theory and Experience / N. Glazer, D.P. Moynihan, C.S. Schelling. – Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1975. – 531 p.
11. Glick Schiller, N. / N. Glick Schiller, L. Basch, C. Szanton Blanc. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-Sates // Routledge, 2020. – 356p.
12. Gordon, M.M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins – New York, Oxford University Press, 1964. – 276 p.
13. Kardiner, A. The concept of basic personality structure as an operational tool in the social Sciences // The Science of man in the world crisis ed. By Linton R. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1945. – Pp. 137–155
14. Keller, G.A. Studies in the Science of Society // A.G. Keller, G.P. Murdock. New Haven: Yale University Press; London: Oxford University Press. 1937. – XXII. – 555 p.
15. Feliciano, C. The evolution of ethnic identity from adolescence to middle adulthood: The case of the immigrant second generation / C. Feliciano, R.G. Rumbaut // Emerging Adulthood, 2019. – 7 (2). – Pp. 85–96.
16. Herskovits M. The Processes of cultural change. The Science of man in the world crisis / Ed. by R. Linton. – N.Y.: Columbia University Press, 1945. – Pp.143–170.

17. Massey, D. S. // Lethal violence and migration in Mexico: An analysis of internal and international moves / D.S. Massey, J. Durand, K.A. Pren // *Migraciones Internacionales*, 2020. – 11. – Pp.1–20.
18. Parsons T. *Sociological Theory and Modern Society*. – New York: Free Press, 1967. – 564 p.
19. Portes, A. / A. Portes, R.D. Manning. The immigrant enclave: Theory and empirical examples // *Social Stratification, Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, 2019. – V 2. – Pp. 568–579.
20. Runblom, H. Swedish Multiculturalism in a Comparative European Perspective // *Sociological Forum Stockholm*, 2004 – № 9 (4). – Pp. 623–640.
21. Vertovec, S. Introduction: assessing the backlash against multiculturalism in Europe, in: *The Multiculturalism Backlash: European Discourses, Policies and Practices* / S. Vertovec, S. Wessendorf. – London: Routledge, 2010. – Pp. 1–32.

JUSTIFICATION STRATEGIES OF ADAPTATION OF FOREIGN ENTRANTS TO RUSSIAN MILITARY UNIVERSITIES IN THE CONTEXT OF THEORIES OF MIGRATION AND ETHNIC SOCIALIZATION

Zhukov A.V., Kovalev V.A.

Tyumen State University; Transbaikalian State University

The article discusses the theoretical aspects of the problem of research on the adaptation of foreign cadets, which, according to the authors, consists in finding a way out of the contradiction between the concept of full assimilation of migrants and the concept of preserving the personal beginning. The subject of the article is the explanatory potential of the theories of ethnic migration, revealed in the context of the discussion of adaptation of foreign cadets of military universities. The aim of the article is to substantiate the position that under the conditions of intensification of digitalization processes there is a radical revision of assessments of adaptation of foreign military cadets, who, while participating in professional assimilation, continue to be members of transnational communities, united both with the host environment and with their traditional ethnic environment. The theoretical significance of the article lies in the proof of the idea that in modern conditions foreign cadets of a military university are carriers of identities of different levels, which are included in the structure of social, economic, political life of different societies. The practical significance of the article lies in the proposal of adaptation strategies based on the belief that migrants have a sustainable desire for re-socialization and consciously choose the path of professional assimilation in the military environment of cadets, which does not mean that this process they associate with the need to abandon ethnic values and traditions of the sending community.

Key words: Foreign cadets, migrants, transmigrants, migration, socialization, adaptation, assimilation, ethnic culture, foreign cultural environment, adaptation.

References

1. Berger, P., Luckman, T. *Social construction of reality: a treatise on the sociology of consciousness*. – M., 1995. – 323 p. With 213

2. Weber, M. *City*. – M.: Yurayt Publishing House, 2021. – 158 p.
3. Giddens, E. *The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration*. – M.: Academician. project, 2003. – 525 p.
4. Guryanchik, V. N., Makeeva T. V. Sociocultural adaptation of foreign cadets of military universities / V.N. Guryanchik, T.V. Makeeva // *Socis. Sociological research*. 2018. – No. 11. – P. 124–133.
5. Durkheim E. *Sociology. Its subject, method, purpose*. – M.: Kanon, 1995. – 352 p. With 55
6. Mead J.G. *Mind, Self and Society* // *Abstract Journal*, 1997. *Series Sociology*. – 11. – No. 4. – pp. 162–195.
7. Alba, R. *The Great Demographic Illusion. Majority, Minority, and the Expanding American Mainstream*. – Princeton University Press, 2020. – 336 p.
8. Bauböck, R. Europe's commitments and failures in the refugee crisis // *European Political Science*, 2018. – Volume 17, – Pp.140–150.
9. Borjas, G. *Immigration and Economic Growth* George // *NBER Working Paper*, 2019 – No. 25836 – JEL No. J6, O4. – Pp. 1–52
10. Glazer, N. *Ethnicity: Theory and Experience* / N. Glazer, D.P. Moynihan, C.S. Schelling. – Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1975. – 531 p.
11. Glick Schiller, N. / N. Glick Schiller, L. Basch, C. Szanton Blanc. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States* // *Routledge*, 2020. – 356p.
12. Gordon, M.M. *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins* – New York, Oxford University Press, 1964. – 276 p.
13. Kardiner, A. The concept of basic personality structure as an operational tool in the social Sciences // *The Science of man in the world crisis* ed. By Linton R. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1945. – Pp. 137–155
14. Keller, G.A. *Studies in the Science of Society* // A.G. Keller, G.P. Murdock. *New Haven: Yale University Press; London: Oxford University Press*. 1937. – XXII. – 555 p.
15. Feliciano, C. The evolution of ethnic identity from adolescence to middle adulthood: The case of the immigrant second generation / C. Feliciano, R.G. Rumbaut // *Emerging Adulthood*, 2019. – 7 (2). – Pp. 85–96.
16. Herskovits M. *The Processes of cultural change. The Science of man in the world crisis* / Ed. by R. Linton. – N.Y.: Columbia University Press, 1945. – Pp.143–170.
17. Massey, D. S. // Lethal violence and migration in Mexico: An analysis of internal and international moves / D.S. Massey, J. Durand, K.A. Pren // *Migraciones Internacionales*, 2020. – 11. – Pp.1–20.
18. Parsons T. *Sociological Theory and Modern Society*. – New York: Free Press, 1967. – 564 p.
19. Portes, A. / A. Portes, R.D. Manning. The immigrant enclave: Theory and empirical examples // *Social Stratification, Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*, 2019. – V 2. – Pp. 568–579.
20. Runblom, H. Swedish Multiculturalism in a Comparative European Perspective // *Sociological Forum Stockholm*, 2004 – № 9 (4). – Pp. 623–640.
21. Vertovec, S. Introduction: assessing the backlash against multiculturalism in Europe, in: *The Multiculturalism Backlash: European Discourses, Policies and Practices* / S. Vertovec, S. Wessendorf. – London: Routledge, 2010. – Pp. 1–32.

Влияние на русскую культуру сотрудничества востоковедов В.В. Голубева и Н.К. Рериха

Мельников Владимир Леонидович,

кандидат культурологии, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: msssm9@yandex.ru

Статья описывает основные этапы взаимодействия востоковедов В.В. Голубева и Н.К. Рериха в результате анализа архивных и книжных источников. Начало их общения датируется годами учёбы в петербургской гимназии К.И. Мая и во Втором реальном училище. Их сотрудничество ознаменовано строительством и украшением церкви в фамильном имении Голубевых Пархомовка, для которой Н.К. Рерих осуществил две мозаики на наружных стенах. Этот этап взаимодействия позволил поддерживать творческое общение, о чём свидетельствует как факт владения семьёй Голубевых произведениями Н.К. Рериха, так и неосуществлённые планы совместного исследования восточных стран. Структурированные сведения о продуктивном сотрудничестве востоковедов В.В. Голубева и Н.К. Рериха раскрывают результаты взаимного обогащения знаниями о влиянии Востока на русскую культуру и отражения их в творческой деятельности.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, В.В. Голубев, Н.К. Рерих, общение, сотрудничество, востоковедческое наследие, православная церковь.

Введение

Виктор Викторович Голубев (1878–1945) – известный ученый, результаты исследования которого относятся к археологии, востоковедению и истории искусства. Его характеризует «прекрасный эстетический вкус, замечательная филологическая и общегуманитарная подготовка» [2]. Он увлекался разными видами искусства, включая живопись и музыку. Его интерес к коллекционированию произведений искусства и увлечение Востоком и дальними путешествиями привит отцом Виктором Фёдоровичем и дядей Александром Фёдоровичем соответственно. Деятельность В.В. Голубева как «человека высокой культуры» [6, с. 214] примечательна сотрудничеством с Николаем Константиновичем Рерихом (1874–1947), о чём сведения формировались с участием автора статьи в Научном архиве Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов последние 20 лет.

Цель исследования заключается в описании основных этапов взаимодействия востоковедов В.В. Голубева и Н.К. Рериха. Для достижения указанной цели использованы архивные и книжные источники, имеющие прямое отношение к началу общения и сотрудничеству В.В. Голубева с Н.К. Рерихом, а также к описанию востоковедческого наследия первого деятеля. Исследование базируется на архивных фондах учреждений: Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, отделов рукописей Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея и других. В статье использованы записи личных бесед автора статьи с Н.А. Курко-Голубевой, родственницей В.В. Голубева. Также обобщены упоминания имени В.В. Голубева в трудах ежегодной Международной научно-практической конференции «Рериховское наследие», организаторами которой с 2001 г. выступают Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный Эрмитаж и Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов.

Новизна исследования представлена структурированными сведениями о продуктивном сотрудничестве востоковедов В.В. Голубева и Н.К. Рериха, которые привели к взаимному обогащению знаниями о влиянии Востока на русскую культуру и отражению их в творческой деятельности.

Начало общения В.В. Голубева с Н.К. Рерихом

Знакомство В.В. Голубева и Н.К. Рериха состоялось, вероятно, в годы учёбы в петербургской гимназии К.И. Мая, где Голубев проучился два младших класса (второй и третий) в 1890–1892 гг., а Рерих – в двух старших (шестом и седьмом) в то время [5]. С 1896 г., после сдачи экстерном экзаменов по программе Второго реального училища, В.В. Голубев посещал в качестве «постороннего слушателя» [15, с. 40] четыре курса на физико-математическом факультете, на одном курсе с будущим известным искусствоведом-рериховедом А.П. Ивановым.

Очевидно, что общение с Н.К. Рерихом В.В. Голубев продолжил и на историко-филологическом факультете,

где он был вольнослушателем [10]. Именно в то время Голубев впервые познакомился с научными взглядами профессора классической филологии, крупного специалиста по скифам М.И. Ростовцева, преподававшего в университете в 1899–1917 гг. В.В. Голубев был увлечен Востоком и культурами Запада и Востока. Впоследствии он выдвинул гипотезу «о существовании морского пути регулярных торговых и культурных контактов между крупнейшими цивилизациями древности» [1], которая дополнила теорию М.И. Ростовцева.

В.В. Голубев учился в Гейдельбергском университете с 1900 г., который многое ему дал в плане фундаментальной подготовки. В 1904 г. он окончил этот университет со степенью доктора философии, специализирующегося в изучении искусства и археологии, защитив диссертацию о немецких переводах французского писателя XVIII в. Мариво [6]. Он уже почти постоянно жил в Париже с 1905 г.; участвовал в известном «Русском кружке художников», в который входили многие университеты из Санкт-Петербурга.

Сотрудничество В.В. Голубева и Н.К. Рериха

После смерти отца, Виктора Фёдоровича Голубева (1842–1903), инженера и заводчика, известного своей благотворительностью и общественной деятельностью, будущий востоковед унаследовал малороссийское поместье, которое находилось в селе Пархомовке (в бывшем Сквирском уезде бывшей Киевской губернии). Лев и Виктор, сыновья В.Ф. Голубева, начали строительство большой православной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы на две тысячи человек, в комплексе с которой возводились и другие сооружения. Следуя завещанию отца, сыновья похоронили его тело в Пархомовке; усыпальницей его тела стала небольшая однокупольная часовня во имя Святого мученика Виктора, пристроенная с южной стороны церкви в качестве дополнительного предела. Весь проект православной церкви, по мнению искусствоведа Е.Г. Фурсиковой, представляет собой «один из наиболее ярких образцов архитектуры модерна в новом русском стиле рубежа XIX–XX веков» [17, с. 231].

Определенная степень доверия и единомыслия между В.В. Голубевым и Н.К. Рерихом возникла на благодатной почве общения в Санкт-Петербурге. В архиве последнего сохранились документы, касающиеся различных обстоятельств строительства и украшения православной церкви в фамильном имении Голубевых. Заказчик В.В. Голубев, который принимал активное участие в разработке церкви и надзоре за ходом ее строительства в 1903–1907 гг., сотрудничал с архитектором В.А. Покровским и художником Н.К. Рерихом. Первый «достиг в этой постройке сложного выразительного сплава традиций древнерусской и романской архитектуры» [17, с. 231]; второй помог «осуществить программу живописного и мозаичного убранства храма» [17, с. 231] с опорой на взгляды заказчика о взаимодействии культур Запада и Востока. Привлечение Н.К. Рериха, вероятно, было связано с тем, что В.В. Голубев, как полагает В.Г. Киркевич, явился фактическим автором его деревянного иконостаса [8]. В узорах иконостаса прослеживается идея синтеза культур на пути к единению человечества [9]: формы мавританской архитектуры, древнерусского зодчества, изображения звезды Давида как символа иудейской религии, элементов буддийского культа и других.

Для наружных и внутренних стен православной церкви Н.К. Рерих разработал 14 эскизов мозаик и росписей, датируемых 1906 г., хотя осуществлены были только две мозаики на наружных стенах, выполненные в ма-

стерской В.А. Фролова в Петербурге. Первая мозаика «Покров Богородицы» расположена в неглубокой нише полуовальной формы над центральным входом; ее размеры составляли 4 x 6 метров – наибольшей в России того времени. Меньшим размером представлена вторая мозаика «Спас Нерукотворный с избранными святыми», находящаяся над входом в усыпальницу Святого мученика Виктора.

Несмотря на не вполне удачный опыт взаимодействия с семейством Голубевых в процессе работы над пархомовскими образами, Н.К. Рерих остался другом Голубева и поддерживал творческое общение с ним всю жизнь, передав и своему сыну Юрию глубокое уважение к его личности. Об этом же свидетельствует и факт владения семьей Голубевых произведениями Н.К. Рериха. Виктору Викторовичу принадлежали 12 акварелей, а именно: эскизы для росписи православной церкви в фамильном имении, эскиз темперой для мозаики церкви Святых апостолов Петра и Павла на Пороховых заводах в Шлиссельбурге «Михаил Архистратиг» (1906), пастель из серии «Финляндские этюды» «Иванов огонь» (1907) и эскиз к картону для мозаики над входом в церковь Святого Духа в имении княгини М.К. Тенишевой Талашкино «Спас Нерукотворный» (1909). Его жена Наталья Васильевна владела темперой «Три варяга приближаются» (1906) [13]. Его брат Лев Викторович получил гуашь «Успение» (1906) и масло «Спас Нерукотворный» (1906). Другой эскиз гуашью к «Успению» (1906) находился в собрании архитектора храма В.А. Покровского.

Вскоре Н.К. Рерих и В.В. Голубев вошли в коллектив известного петербургского журнала «Старые годы». В 1913 г. в Париже они планировали совместно исследовать восточные страны [4], но этим планам помешала Первая мировая война [3]. Рериху было недостаточно просто читать об Индии, к которой он питал научные интересы и которая легла в основу философской направленности его художественного творчества. Он предметно обсуждал с востоковедом возможность участия в будущих экспедициях научно-художественного характера [16]. К этому же времени относятся и планы Н.К. Рериха организовать в Петербурге Музей индийского искусства, в котором могло экспонироваться индийское собрание В.В. Голубева. Впоследствии индийские собрания были подарены Музею Гиме, Музею Чернусского, Художественно-промышленному музею Императорского Общества Поощрения Художеств, а также разошлись по десяткам музейным собраниям России и ближнего зарубежья. Так В.В. Голубев внёс незаменимый вклад в подготовку научно-исследовательских центральноазиатских экспедиций Н.К. Рериха 1920–1930-х гг.

Востоковедческое наследие В.В. Голубева

Творческая деятельность В.В. Голубева преимущественно связана с его интересом к восточной культуре и изучением ее влияния на европейскую и русскую культуры. Он стремился «связать искусство Востока с Древней Русью и вызвать в русской читающей публике интерес к Китаю, Персии, Индии» [7], поскольку искусство этих стран было более понятно эстетическому восприятию соотечественников. Его планы опубликовать статьи по этому вопросу в российском журнале «София» не были осуществлены; единственными его русскоязычными публикациями 1902 г. явились два рассказа.

В 1910–1912 гг. учёный находился в археологической экспедиции в Индии и на Цейлоне. В те годы Голубев был известен как блестящий коллекционер и первооткрыватель шедевров искусства мирового значения. Известный востоковед Ю.Н. Рерих, сын Н.К. Рериха, писал

о российских научных экспедициях в Индии: «Русский археолог Виктор Голубев ... осуществил ... фотографическую съемку фресок Аджанты. Эти фотодокументы хранятся в настоящее время в Музее Гиме в Париже» [14, с. 193]. В очерке Н.К. Рериха «Индийский путь» ему посвящены строки, повествующие о необходимости изучения народных сокровищ Индии: «Обычаи вымирают, быт заполняется усовершенствованиями, гробницы и храмы оседают и разрушаются. Голубев, чуткий к искусству, взял в этом изучении верный ... путь повествователя ...» [12, с. 258–261]. Именно в результате сотрудничества востоковедов В.В. Голубева и Н.К. Рериха появился план научно-художественной экспедиции в Индию для выяснения истоков русской культуры. У этого учёного Н.К. Рерих нашёл подтверждение своей идее преемственности «нашего древнего искусства и быта от Индии» [11, с. 318–319].

Оказавшись в Париже на учёбе, будущий известный востоковед Ю.Н. Рерих продолжил семейную традицию общения с семьёй Голубевых. Начиная с августа 1922 г. он не менее 10 раз упоминает В.В. Голубева в своих письмах родителям. Среди затронутых во время личных встреч вопросов отмечается обмен коллекциями индийских древностей между Музеем Рериха в Нью-Йорке и Музеем Гиме в Париже, а также возможное трудоустройство Ю.Н. Рериха в качестве атташе Французской школы Дальнего Востока в Индо-Китае.

Заключение

Содержание статьи акцентирует внимание на начале общения и продуктивном сотрудничестве востоковедов В.В. Голубева и Н.К. Рериха, которое обогатило их опыт изучения влияния Востока на русскую культуру и отразилось в их творческой деятельности. Сведения о востоковедческой деятельности В.В. Голубева на родине и за ее пределами, а также в этой связи о его взаимодействии с Н.К. Рерихом свидетельствуют об огромном потенциале наследия деятелей науки, искусства и культуры. Отмечается непреходящее значение работы выдающихся соотечественников для научной и просветительской работы современных образовательных и культурных учреждений.

Литература

1. Антощенко В.И. Исследования русского востоковеда В.В. Голубева (1878–1945) во Вьетнаме // Международная конференция «Вьетнам в XX веке». М.: Интернет-журнал «Ломоносов»; РОО «Мир Науки и Культуры», 2000. URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154586> (дата обращения: 20.04.2019).
2. Антощенко В. Victor Golubew на руинах Ангкора // Восточная коллекция. 2002. № 1 (Зима). С. 122.
3. Беликов П.Ф. Н.К. Рерих: Биографический очерк // Рерих Н.К. Из литературного наследия: Сб. / Под ред. М.Т. Кузьминой. М.: Изобразительное искусство, 1974. С. 25–26.
4. Беликов П.Ф., Князева В.П. Николай Константинович Рерих. 3-е изд. Самара: Агни, 1996. 199 с.
5. Благово Н.В. Школа на Васильевском острове: Историческая хроника. Приложения. СПб.: Анатомия, 2013. 487 с.
6. Вампилов Б.Н., Рерих Ю.Н. Виктор Викторович Голубев // Проблемы востоковедения. 1959. № 3. С. 214–215.
7. Грюнц О. Сила искусства и страсти, или Тайны храма из Пархомовки. 22 октября 2013 // Интернет-ресурс «Приключение Жизнь». URL: http://adventureda.blogspot.com/2013/10/blog-post_22.html (дата обращения: 13.01.2024).
8. Киркевич В.Г. Где сложилось столько чудесных легенд. Рерих и Киевская земля // Киев. 1986. № 8. С. 146–150.
9. Короткина Л.В. Николай Константинович Рерих: Альбом / ред.: Г.П. Кукушкина; пер.: Э.И. Мячинская. СПб.: Художник России; Золотой век, 1996. 192 с. («Русские живописцы XIX–XX веков»).
10. Мельников В.Л. Н.К. Рерих и историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета // Материалы XXX Межвузов. науч.-мет. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 9: Секция истории филологического факультета. СПб., 2001. С. 6–17.
11. Рерих Н.К. Из литературного наследия: Листы дневника. Избранные статьи. Письма. М., 1974. 536 с.
12. Рерих Н.К. Индийский путь (1913) // Рерих Н.К. Собрание сочинений. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1914. Кн. 1. С. 258–261.
13. Рерих Н.К. Лада: письма к Елене Ивановне Рерих, 1900–1913. М.: РАССАНТА; Государственный музей Востока, 2011. 453 с.
14. Рерих Ю.Н. Индология в России (1945) // Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: Агни, 1999. С. 193.
15. Рожнов В. Господин Голу // Вокруг света. 1993. № 5. С. 40.
16. Фролова Н.А. Франция в жизни семьи Рерихов // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 203. Живая Этика и Культура: идеи наследия семьи Рерихов в нашей жизни: мат-лы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 11–12 февраля 2011 года. СПб., 2014. С. 45.
17. Фурсикова Е.Г. «Сокровище Ангелов» Н.К. Рериха. К атрибуции картины // Рериховское наследие: труды Междунар. науч.-практ. конф. Т. IX: Наследие семьи Рерихов в музеях и собраниях мира. СПб., 2012. С. 231.

THE INFLUENCE ON RUSSIAN CULTURE OF COOPERATION BETWEEN ORIENTALISTS V.V. GOLUBEV AND N.K. ROERICH

Melnikov V.L.

St. Petersburg State University

In the article, the author uses archival and book sources to depict the main stages of interaction in which the orientalists V.V. Golubev and N.K. Roerich are involved. The beginning of their communication dates back to the studies in Karl May School and the Second Petersburg Technical High School. Their cooperation highlights building and decorating a church in the Golubevs' estate in Parkhomovka; for this N.K. Roerich generated two mosaics on the outer walls. This stage of interaction maintained creative communication; its proofs involve both the Golubevs owning N.K. Roerich's artwork and their unfulfilled plans to investigate oriental countries. The structured data about the productive cooperation of the orientalists V.V. Golubev and N.K. Roerich reveal the results of the educational enrichment relative to the impact of the East on the Russian culture and of its embodiment in their creative activity.

Keywords: St. Petersburg State Museum-Institute of the Roerich family. V.V. Golubev, N.K. Roerich, communication, cooperation, oriental heritage, orthodox church.

References

1. Antoshchenko V.I. The Russian orientalist V.V. Golubev's (1878–1945) researches in Vietnam // The international conference "Vietnam in the XX century". M.: Online journal "Lomon-

- osov"; RPO "The World of Science and Culture", 2000. URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154586> (accessed: 20.04.2019).
2. Antoshchenko V. Victor Goloubew on the Angkor ruins // Oriental collection. 2002. No. 1 (Winter). P. 122.
 3. Belikov P.F. N.K. Roerich: Biographical essay // Roerich N.K. From the literary heritage: collection / Ed. M.T. Kuzmina. M.: Fine arts, 1974. Pp. 25–26.
 4. Belikov P.F., Knyazeva V.P. Nikolai Konstantinovich Roerich. 3rd ed. Samara: Agni, 1996. 199 pp.
 5. Blagovo N.V. School on Vasilyevsky island: Historical chronicle. Appendices. St. Petersburg: Anatolia, 2013. 487 pp.
 6. Vampilov B.N., Roerich Yu.N. Victor Victorovich Golubev // Problems of Oriental Studies. 1959. No. 3. Pp. 214–215.
 7. Grunz O. The power of art and passion, or Secrets of the church in Parkhomovka. 22 October 2013 // The online resource "Adventure Life". URL: http://adventureda.blogspot.com/2013/10/blog-post_22.html (accessed: 13.01.2024).
 8. Kirkevich V.G. Where so many fine legends developed. Roerich and Kievan land // Kyiv. 1986. No. 8. Pp. 146–150.
 9. Korotkina L.V. Nikolai Konstantinovich Roerich: Album / Ed. G.P. Kukushkina; transl. E.I. Myachinskaya. St. Petersburg: Russian artists; Golden age, 1996. 192 pp. ("Russian painters of the XIX–XX centuries").
 10. Melnikov V.L. N.K. Roerich and the Faculty of History and Philology at Saint Petersburg Imperial University // Proceedings of the XXX intercollegiate scientific conference of lecturers and postgraduate students. Issue 9: Section of the history of the Faculty of Philology. St. Petersburg, 2001. Pp. 6–17.
 11. Roerich N.K. From the literary heritage: diary pages. Selected articles. Letters. M., 1974. 536 pp.
 12. Roerich N.K. The Indian way (1913) // Roerich N.K. Collected works. M.: I.D. Sytin publishing house, 1914. Vol. 1. Pp. 258–261.
 13. Roerich N.K. Lada: letters to Elena Ivanovna Roerich, 1900–1913. M.: RASSANTA; the State Museum of Oriental Art, 2011. 453 pp.
 14. Roerich Yu.N. Indian studies in Russia (1945) // Roerich Yu.N. Tibet and Central Asia: articles, lectures, translations. Samara: Agni, 1999. P. 193.
 15. Rozhnov B. Mister Golu // Around the World. 1993. No. 5. P. 40.
 16. Frolova N.A. France in the Roerich's life // Proceedings of Saint Petersburg University of Culture and Art. Vol. 203. Living ethics and culture: ideas of the Roerichs' heritage in our lives: Proceedings of the international scientific conference, Saint Petersburg University of Culture and Art, 11–12 February 2011. Saint Petersburg 2014. P. 45.
 17. Fursikova E.G. "Treasure of Angels" by N.K. Roerich. About the attribution of the painting // The Roerich heritage: Proceedings of the international conference. Vol. IX: The Roerich heritage in world museums and collections. St. Petersburg, 2012. P. 231.

Специфика интерпретации основных ступеней включения индивида в инклюзивное социальное пространство (на примере студенческой группы)

Музыка Оксана Анатольевна,

доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и социальной педагогики Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: omuzika@gmail.ru

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: vitl_2002@list.ru

Еременко Ульяна Андреевна,

студент факультета психологии и социальной педагогики Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: eremenko1994jylia@gmail.com

Плужникова Алевтина Максимовна,

студент факультета психологии и социальной педагогики Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: pluzhnikovaalevtina@gmail.com

Показывается, что использование многоуровневых моделей социальной координации в изучении внутренних преобразований социальной структуры современного включающего общества выявляет базовые закономерности в его конструировании, которые непосредственно детерминируются субстанциональными и динамическими факторами, определяющими сценарии и альтернативы изменений и трансформаций инклюзивного социального пространства. Демонстрируется, что экзистенциальное погружение индивидуального времени в сферу обыденно-коллективного времени инициирует конструирование n-уровневых моделей, которые отражают экзистенциальное переживание человеком собственного периода вовлечения в инклюзивное социальное пространство и, как следствие, воспроизведение комплекса ментальных ощущений и образов в сегментах индивидуального опыта. Анализируются ситуации, в которых решение инструментально-прагматических и ценностных проблем инициирует приоритет профессионально-ориентированного подход к жизнедеятельности индивидов с ОВ. Показывается, что использование социальной координации во многом связано с рассмотрением специфики перехода от сферы переживаний экзистенциальных оснований индивидуального бытия людей с ОВ к сфере его индивидуального опыта, отражающего ступени оценки индивидом, переживаемый явлений и социальных событий. Постулируется, что инклюзивное intersubjective пространство выступает как коллективный опыт взаимосвязей и коммуникационных отношений людей с ОВ, формируя сложное экзистенциальное поле межличностного диалога в триаде: «Я-Другой-Мы». Выявляется, что процесс идентификации студента с ОВ в пространстве студенческой группы приоритетно детерминируется способностью адекватного и оперативного восприятия самим студентом массива профессионально-значимых событий, происходящих в инклюзивном пространстве группы. Именно в этом пространстве синтезируются и интегрируются комплексы переживаний различных субъектов группы, что направлено на своеобразную оценку вклада каждого студента группы в создание определенного профессионально-ориентированного комплекса знаний.

Ключевые слова: индивидуальное бытие, инклюзивное пространство, индивидуальное время, экзистенциальное бытие, включающее общество, ограниченные возможности (ОВ).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00320, <https://rscf.ru/project/24–28–00320/> в Ростовском государственном экономическом университете в рамках научно-исследовательского проекта ««Экзистенциальные основания индивидуального бытия человека с ограниченными возможностями во включающем обществе»» (Руководитель: профессор О.А. Музыка).

Введение

В современных научных, социально-философских и психолого-педагогических источниках появилась повышенная заинтересованность в обсуждении теорий, концепций и идей формирования и адекватного конструирования инклюзивного социума с проведением комплексного и интегрированного исследования экзистенциальных и обыденно-повседневных особенностей инклюзивной реальности, в которую вовлечены люди с локальными или комплексными ограничениями относительно их существования и повседневной жизнедеятельности в различных сферах деятельности трансформирующегося социума (люди с ограниченными возможностями). Однако исследование различных источников, касающихся содержательных аспектов функционирования общества инклюзии, показывает неоднозначность применяемых подходов; несистематичность в интерпретации основных принципов инклюзии; противоречивость в оценках эффективности формирования теоретического сегмента исследования микросоциума для людей с ограниченными возможностями (ОВ). Целью статьи является исследование уровней экзистенциального бытия человека с ограниченными возможностями в инклюзивном социальном пространстве.

Основная часть

Использование многоуровневых моделей социальной координации в изучении внутренних преобразований социальной структуры современного включающего общества выявляет базовые закономерности в его конструировании, которые непосредственно детерминируются субстанциональными и динамическими факторами, определяющими сценарии и альтернативы изменений и трансформаций инклюзивного социального пространства. Приоритетным в исследовании становится демонстрация основных ступеней включения индивида в инклюзивное пространство (инклюзивная адаптация, инклюзивная индивидуализация, инклюзивная интеграция) социальной группы людей с ограниченными возможностями. Исследование ступеней вхождения индивида с ОВ в инклюзивное пространство показывает, что решение инструментально-прагматических и ценностных проблем инициирует приоритет профессионально-ориентированного подход к жизнедеятельности индивидов с ОВ. Имеет место ситуация необходимой корреляции индивидуального и внешнего времени для людей с ограниченными возможностями, то есть ситуации, когда адаптивный период вхождения индивида в инклюзивное пространство трансформируется в сферу экзистенциального переживания человеком ментальных образов повседневной инклюзивной реальности. В этом случае индивид переживает своеобразное соотношение образов своего индивидуального времени и времени социального.

Возникает проблема сценариев комплексного экзистенциального переживания индивидом с ограниченными возможностями своего адаптационно-индивидуального периода вовлечения в социальное пространство людей с ОВ. Поэтому собственно-индивидуальное время не только протекает у каждого индивидов по-разному, но оно имеет различную интенсивность, связанную с особенностями присвоения и распрямления социальных стереотипов, норм и ценностей особой группы людей с ОВ. Реализуется аккумуляция коллективного опыта группы в соотношении с индивидуальными задачами человека с ОВ. Конечно, такая аккумуляция по своей сути не является однородной, поскольку индивидуальный опыт чело-

века отражает экзистенциальные ментальные образы его внутреннего времени, присутствовавшие в сознании человека до его вовлечения в социальную группу людей с ограниченными возможностями. Инклюзивная интенциональность как особый параметр субъективного опыта человека рассматривается как сущностно-индивидуальный параметр, который проявляется в процессе индивидуализации человека с ОВ в пространстве с коллективно-повседневного сознания людей с ОВ. Поэтому инклюзивная интенциональность синтезирует сегменты ситуативно-биографического и психологического времени в индивидуальном опыте, что отражает транзит от адаптационной ступени к ступени индивидуализации в процессе идентификации человека с ОВ в инклюзивном пространстве особой социальной группы.

Отметим, что экзистенциальное погружение индивидуального времени в сферу обыденно-коллективного времени инициирует конструирование n-уровневых моделей, которые отражают экзистенциальное переживание человеком собственного периода вовлечения в инклюзивное социальное пространство и, как следствие, воспроизведение комплекса ментальных ощущений и образов в сегментах индивидуального опыта. В рамках этого опыта инклюзивная интенциональность показывает экзистенциальные формы упорядочивания и хронологизации явлений и событий инклюзивной реальности.

Исследование экзистенциальных сторон диалога индивидов в инклюзивной социальной группе не позволяет моделировать транзит от уровня осознания и осмысления человеком собственно-наличного бытия к экзистенциально-надличностному уровню, однако дает возможность констатировать сферу социального «должного» в адаптации и утвердить нормативность сегмента обыденно-коллективного «Я-Мы». При этом неправомерно говорить о валидности или общезначимости социальной координации в инклюзивном социальном пространстве, учитывая, что оно касается повседневного бытия индивида с ограниченными возможностями и механизмов функционирования включающего общества. Феноменологический уровень осмысления человеком с ограниченными возможностями собственно-наличного бытия в инклюзивном социальном пространстве подразумевает своеобразный синтез социальной координации и интересубъективности. При этом интересубъективность соотносится с комплексом переживаний человеком с ОВ собственного наличного бытия в инклюзивном пространстве.

Использование социальной координации во многом связано с рассмотрением специфики перехода от сферы переживаний экзистенциальных оснований индивидуального бытия людей с ОВ к сфере его индивидуального опыта, отражающего ступени оценки индивидом, переживаемый явлений и социальных событий. В процессе формирования индивидуального опыта индивида с ОВ определяются стратегии и тенденции конструирования инклюзивного социального пространства с акцентом на экзистенциальные аспекты повседневных ценностей, оценок и смыслов. Именно инклюзивное социальное пространство выступает базовым фактором становления системы духовных ценностей, поведенческих установок и смыслов повседневного сознания индивида с ОВ. В условиях трансформаций социальной структуры современного общества с выделением групп людей с ОВ возрастает интенсивность их формирования. При этом человек с ОВ имеет возможности транзита к иному качественному уровню, отражающему экзистенциальную сущность коллективного и индивидуального бытия людей с учетом социальной координации и интересубъективности.

Коммуникативно-символический уровень инклюзивного социального пространства предполагает степень интеграции индивида в группу людей с ОВ представляется в виде экзистенциального диалога. При этом коммуникативное пространство социальной координации индивидов с ограниченными возможностями выступает как своеобразная фрактальная конструкция. На коммуникативно-символическом уровне социальная координация связана с интерпретацией людьми с ОВ экзистенциального бытия другого индивида с ОВ. Комплексное исследование уровней социальной координации экзистенциальный диалог правомерно рассматривать как основание и способ процесса познания, который необходим для осознания и понимания экзистенциальных оснований индивидуального бытия человека с ограниченными возможностями. Подобный экзистенциальный диалог предполагает коммуникационные взаимодействия индивидов с ОВ, касающиеся достижения взаимопонимания в социальной группе людей с ОВ посредством языка. Экзистенциальный диалог основывается на экзистенциально-интерсубъективном понимании, которое является базовым конституирующим и универсальным принципом.

Инклюзивное интерсубъективное пространство выступает как коллективный опыт взаимосвязей и коммуникационных отношений людей с ОВ, формируя сложное экзистенциальное поле межличностного диалога в триаде: «Я-Другой-Мы». Такое инклюзивное социальное пространство конструируется посредством экзистенциально-диалогических связей и отношений, демонстрирующих тенденцию коммуникативно-символического отражения комплекса индивидуальных и локально-коллективных переживаний людьми с ОВ собственно-наличного бытия. В сфере инклюзивного повседневного пространства индивидуальный человеческий выражает диалогическую природу индивидуального бытия. Инклюзивное пространство экзистенциального диалога в триаде «Я-Другой-Мы» демонстрирует взаимодействие индивидов с ОВ, которые осуществляется посредством языка. На первый план выходит выявление и постулирование коммуникативных смыслов и ценностей, сформированных в результате и процессе подобных взаимосвязей с учетом их осмысления, понимания и возможностей трансляции, что характеризует механизмы взаимопонимания в триаде: «Я-Другой-Мы».

Процесс прохождения индивидом основных ступеней вовлечения в инклюзивное социальное пространство является достаточно интересной исследовательской проблемой и активно актуализируется в литературе по теории инклюзии. При этом малоизученным в научной литературе выступает направление, касающееся особенностей экзистенциального переживания индивидуального времени студентами в пространстве студенческой группы. На первый план выходит проживание студентами профессионально-коллективного времени как части социального времени жизнедеятельности студенческой группы. Подобный процесс проживания профессионального времени, прежде всего, характеризуется восприятием, сохранением, интерпретацией и синхронизацией комплексов профессионально-образовательных сегментов знаний. В этой связи на первый план выходят параметры, исходно определяющие уровни воздействия на социальную координацию в группе людей с ОВ. К ним относятся: инклюзивная дискретность-инклюзивная континуальность, инклюзивная ненапряженность-инклюзивная напряженность, инклюзивно-позитивная-инклюзивно-негативная корреляция экзистенциальных установок и мотивов индивида с достигнутым уровнем коллективно-обыденного опыта социальной группы лю-

дей с ограниченными возможностями. Отметим, что такие параметры несут различную степень эмоционального воздействия на механизмы и характер взаимодействий и взаимосвязей в инклюзивном и общем пространстве студенческой группы.

Анализ особенностей воздействия на инклюзивное пространство подобных параметров демонстрирует, что в наибольшей степени выражен параметр напряженности, а наименьшая выраженность у параметра позитивно-эмоциональной соотнесенности экзистенциальных установок и мотивов человека с ОВ с социально-профессиональным временем студенческой группы. Конечно, в результате практической реализации экзистенциальных установок и стереотипов поведения процесс становления социально-профессионального времени в пространстве студенческой группы характеризуется не только определенной аккумуляцией данных параметров, но также разносторонней их соотнесенностью и синтезом, не отрицая возможного преобладающего воздействия одного из параметров на стадии формирования профессионально-ориентированного опыта в инклюзивном пространстве студенческой группы. При этом приоритетное значение для становления инклюзивного пространства студенческой группы, включающей студентов с ограниченными возможностями, имеют типичные особенности переживания студентом с ОВ базовых ступеней своей вовлеченности в экзистенциальное пространство этой группы.

Процесс идентификации студента с ОВ в пространстве студенческой группе приоритетно детерминирована способностью адекватного и оперативного восприятия самим студентом массива профессионально-значимых событий, происходящих в инклюзивном пространстве группы. Именно в этом пространстве синтезируются и интегрируются комплексы переживаний различных субъектов группы, что направлено на своеобразную оценку вклада каждого студента группы в создание определенного профессионально-ориентированного комплекса знаний. В этом случае возможна альтернативность индивидуальных установок и оценок, касающихся специфики и качества упорядоченности и синхронизации профессионально-ориентированных событий, касающихся конструирования инклюзивного пространства студенческой группы. Подобные установки и оценки отражают текущие события в инклюзивном пространстве с различных сторон, в том числе и как события недостаточно организованные, определяющие эффект сегмента «неограниченного времени».

Данная ситуация непосредственно связана с определением длительности адаптации, индивидуализации и интеграции человека с ОВ в инклюзивном пространстве студенческой группе, так как не всегда можно адекватно сконструировать и интерпретировать эффективно-оптимальные сценарии вовлечения студента в инклюзивное пространство студенческой группы. Кроме того, имеют место установки и оценки, которые характеризуют текущие события в инклюзивном студенческом пространстве как однообразно-типовые, но при этом, как хронологизированные и упорядоченные с учетом ступеней формирования инклюзивного пространства студенческой группы. В подобном случае, на первое место выходит правомерное желание и стремлением человека с ОВ в рамках профессиональной адаптации принять правила поведения и экзистенциальные стереотипы пространства студенческой группы. Конечно, встречаются и ситуации, в которых приоритетные оценки текущих студенческих событий в инклюзивном пространстве представляются как слабо организованные и однообразные по интенсивности и конечному результату. В реальности

студент с ограниченными возможностями лишь частично принимает подобное конструирование инклюзивного образовательного пространства, поскольку ограничиваются его профессионально-ориентированные свободы и возможности. Как результат, в инклюзивном образовательном пространстве студенческой группы студенты с ОВ имеют различия относительно восприятия своей жизнедеятельности в образовательном пространстве традиционной социальной группы, они по-разному представляют и интерпретируют текущие профессионально-ориентированные события, по-разному оценивают актуализацию профессионально-значимых комплексов знаний в инклюзивном пространстве.

Заключение

Экзистенциальная интерпретация индивидуального бытия человека с ОВ показывает, что оно выступает как отражение социально-ориентированной жизнедеятельности людей в инклюзивном социальном пространстве. Изучение экзистенциальной направленности индивидуального бытия демонстрирует, что в сегментах индивидуального человеческого сознания присутствуют ступени восприятия, понимания и осмысления вероятных сценариев вхождения индивида с ограниченными возможностями в инклюзивное социальное пространство. Инклюзивное intersubjective пространство выступает как коллективный опыт взаимосвязей и коммуникационных отношений людей с ОВ, формируя сложное экзистенциальное поле межличностного диалога в триаде: «Я-Другой-Мы».

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству. Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность. Москва, Россия: МГППУ, 2016. С. 16–20.
3. Музыка О.А. Социальная синергетика: методология, семантика, аксиология. Ростов-на-Дону, 2010. 232 с.
4. Музыка О.А. Методологические аспекты исследования нелинейного процесса развития общества в «бифуркационном поле» // *Философия права*. 2010. № 6 (43). С. 21–25.
5. Музыка О.А. Человек и общество в период кризиса (синергетический подход) *Власть*. 2009. № 10. С. 79–82.
6. Научные исследования: информация, анализ, прогноз. Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
7. Паутова Л.Е. Акме-синергетический подход к позиционированию успеха в системе инклюзивного образования. V Международно-практическая конференция: Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность. Москва, Россия: МГППУ, 2019. С. 48–54.

8. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3–2. С. 315–318.
9. Попов В.В. Психологическое время в контексте интерпретации «включающего» общества: феноменологический аспект // *Социология*. 2020. № 2. С. 376–380.
10. Попов В.В., Музыка О.А. Исторический процесс: альтернативность и оценка // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3–1. С. 147–150.
11. Попов В.В., Киселев С.А., Уколов А.О. Особенности структуры социального процесса в контексте исторических событий // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 11. С. 19–22.
12. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А., Уколов А.О. Концепция транзитивности в контексте трансформации социума // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2016. Т. 5. № 5А. С. 114–122.
13. Скуднова Т.Д., Макаров А.В., Меньшикова Т.И., Жилина Л.Я. Реализация воспитательного потенциала содержания психолого-педагогического образования: теория и практика // *Ростов-на-Дону*, 2017. 124 с.
14. V.V.Popov, O.A. Muzika, O.A. Kholina, Phenomenological Approach to Inclusive Society Construction: Theoretical and Conceptual Aspects. *Complex Social Systems in Dynamic Environments. Lecture Notes in Networks and Systems* **365**, 27–39. (Springer Nature, Switzerland, 2023)
15. V.V. Popov, O.A. Muzyka, O.A. Kholina. Intersubjectivity levels in organising everyday social life of individuals with disabilities. *E3S Web of Conferences*. EBWFF 2023 – International Scientific Conference Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna (Part 1) V. 420. 2023. P. 1–8.
16. Slee, R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. *International Studies in Sociology of Education*. 2016. № 18 (2). P. 99–112.

SPECIFICS OF INTERPRETATION OF THE MAIN STAGES OF AN INDIVIDUAL'S INCLUSION IN AN INCLUSIVE SOCIAL SPACE (USING THE EXAMPLE OF A STUDENT GROUP)

Muzika O.A., Popov V.V., Eremenko U.A., Pluzhnikova A.M.

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of the Rostov State Economic University (RINH)

It is shown that the use of multi-level models of social coordination in the study of internal transformations of the social structure of a modern inclusive society reveals basic patterns in its construction, which are directly determined by substantial and dynamic factors that determine scenarios and alternatives for changes and transformations of the inclusive social space. It is demonstrated that the existential immersion of individual time in the sphere of everyday-collective time initiates the construction of n-level models that reflect the existential experience of a person's own period of involvement in an inclusive social space and, as a consequence, the reproduction of a complex of mental sensations and images in segments of individual experience. Situations in which the solution of instrumental-pragmatic and value problems initiates the priority of a professionally oriented approach to the life of individuals with disabilities are analyzed. It is shown that the use of social coordination is largely associated with consideration of the specifics of the transition from the sphere of experiences of the existential foundations of the individual existence of people with disabilities to the sphere of their individual experience, reflecting the stages of the individual's assessment of the experienced phenomena and social events. It is postulated that the inclusive intersubjective space acts as a collective expe-

rience of interconnections and communication relations of people with disabilities, forming a complex existential field of interpersonal dialogue in the triad: “I-Other-We”. It is revealed that the process of identification of a student with disabilities in the space of a student group is primarily determined by the student’s ability to adequately and promptly perceive an array of professionally significant events occurring in the inclusive space of the group. It is in this space that the complexes of experiences of various subjects of the group are synthesized and integrated, which is aimed at a unique assessment of the contribution of each student in the group to the creation of a certain professionally oriented body of knowledge.

Keywords: individual being, inclusive space, individual time, existential being, including society, limited opportunities (LD)

References

1. Averina N.V., Loytarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // *Fundamental Research*. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Vachkov I.V. Multi-subjective approach to inclusive space. Inclusive education: continuity and succession. Moscow, Russia: MGPPU, 2016. P. 16–20.
3. Music by O.A. Social synergetics: methodology, semantics, axiology. Rostov-on-Don, 2010. 232 p.
4. Music by O.A. Methodological aspects of the study of the nonlinear process of development of society in the “bifurcation field” // *Philosophy of Law*. 2010. No. 6 (43). pp. 21–25.
5. Music by O.A. Man and society in times of crisis (synergetic approach) *Power*. 2009. No. 10. P. 79–82.
6. Scientific research: information, analysis, forecast. Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratyeva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. , Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikova / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
7. Pautova L.E. Acme-synergistic approach to positioning success in the inclusive education system. V International Practical Conference: Inclusive education: continuity and continuity. Moscow, Russia: MGPPU, 2019. pp. 48–54.
8. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Y.V. Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–2. pp. 315–318.
9. Popov V.V. Psychological time in the context of the interpretation of an “inclusive” society: a phenomenological aspect // *Sociology*. 2020. No. 2. P. 376–380.
10. Popov V.V., Music O.A. Historical process: alternativeness and assessment // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–1. pp. 147–150.
11. Popov V.V., Kiselev S.A., Ukolov A.O. Features of the structure of the social process in the context of historical events // *Society: philosophy, history, culture*. 2016. No. 11. pp. 19–22.
12. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A., Ukolov A.O. The concept of transitivity in the context of the transformation of society // *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2016. T. 5. No. 5A. pp. 114–122.
13. Skudnova T.D., Makarov A.V., Menshikova T.I., Zhilina L. Ya. Realization of the educational potential of the content of psychological and pedagogical education: theory and practice // *Rostov-on-Don*, 2017. 124 p.
14. V.V.Popov, O.A. Muzika, O.A. Kholina, Phenomenological Approach to Inclusive Society Construction: Theoretical and Conceptual Aspects. *Complex Social Systems in Dynamic Environments. Lecture Notes in Networks and Systems 365*, 27–39. (Springer Nature, Switzerland, 2023)
15. V.V. Popov, O.A. Muzyka, O.A. Kholina. Intersubjectivity levels in organizing everyday social life of individuals with disabilities. *E3S Web of Conferences. EBWFF 2023 – International Scientific Conference Ecological and Biological Well-Being of Flora and Fauna (Part 1) V. 420*. 2023. P. 1–8.
16. Slee, R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. *International Studies in Sociology of Education*. 2016. No. 18 (2). R. 99–112.

Виртуальное пространство как фактор формирования социокультурных качеств личности

Савостьянов Иван Владимирович,

аспирант Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ivan.savostianow@gmail.com

В статье рассматривается формирование социокультурных качеств личности в ходе ее деятельности и коммуникации в современном виртуальном пространстве. В качестве основного объекта исследования были выбраны четыре социокультурных качества – самобытность, коммуникативность, отчужденность и ответственность, поскольку влияние виртуального пространства именно на данные качества наиболее репрезентативно. В ходе анализа автором были рассмотрены различные подходы к определению социокультурных качеств личности, а также выведено авторское определение социокультурных качеств личности. Далее автор уточнил понятие виртуального пространства, поскольку данное понятие имеет дискуссионный характер в современной науке. В результате было дополнено определение виртуального пространства и выделены его свойства, которые и оказывают влияние на формирование социокультурных качеств личности. В заключении автор указывает, что виртуальное пространство может способствовать либо формированию социокультурных качеств, способствующих его деятельности в виртуальном пространстве, либо отчуждается от него из-за преследования собственных эгоистических мотивов.

Ключевые слова: личность, социокультурные качества, иерархичность, виртуальное пространство, репутация, каналы коммуникации.

Проблематика становления личности, формирования у нее добродетелей, ценностей и необходимых для общества, в которое оно входит, качеств было актуальным вопросом для исследователей на протяжении всех эпох. Были ли это добродетели, присущие гражданам греческих полисов, подданным римской империи, отдельные наставления в отношении сыновей или же рекомендации правителям со стороны более сведущих лиц – в каждом случае становление личности происходило в рамках непосредственного контакта с обществом, вхождения или видоизменения уже существующих социальных групп. Однако, технологический прогресс, случившийся в XX веке, в значительной степени изменил условия формирования личности. Причиной этого стало вхождение в общественную жизнь виртуального пространства, связавшего во взаимодействии самых различных личностей и расширившее границы взаимодействия до всего мира. Оценки же влияния такового пространства различны. С одной стороны, мы можем обнаружить большое количество работ, посвященных положительному влиянию нового типа пространства на личность, особенно в области развития креативности у личности, с другой стороны – часто в работах, посвященных влиянию современных технологий на личность даются крайне негативные оценки данному явлению, в частности говорится о дальнейшем отчуждении личности от общества и социальных групп того пространства, в котором она проживает. Таким образом, отсутствие научного консенсуса по данному вопросу порождает фундаментальную научную проблему – а как именно виртуальное пространство воздействует на формирование компонентов личности – ее социокультурных качеств и каков характер этого влияния.

Для решения этой методологической проблемы прежде всего определим, что именно понимается под понятиями социокультурные качества личности и виртуальное пространство. Отметим, что оба термина как субъект исследования также значительно различаются в зависимости от методологии, используемой конкретным ученым. Так, социокультурные качества личности могут рассматриваться в рамках четырех основных подходов:

1. Деятельностный подход рассматривает социокультурные качества личности связывает становление социокультурных качеств личности как воплощения ее опыта, полученного в ходе деятельности в рамках конкретного общества. Одним из наиболее фундаментальных представителей деятельностного подхода является В.Е. Кемеров. С его точки зрения социокультурные качества – «это концентрации человеческого опыта, совместной и индивидуальной деятельности людей, различных их комбинаций, композиций, синтезов. Они воплощаются в условиях, средствах, орудиях и инструментах человеческой деятельности, а также содержатся и в непосредственно индивидуальном бытии людей, в их способностях, потребностях, умениях, знаниях, присущих им формах поведения и взаимодействия.» [1, с.56] Ключевыми социокультурными качествами, выделяемым при таком подходе становятся самобытность и абсурдность, находящиеся в диалектическом противоречии, обусловлен-

ном их сущностью. Так, под абсурдностью понимается качество, характеризующееся изначальным, неустрашимым, трагическим разладом личности с миром, в то время как самобытность рассматривается как способность существовать в условиях самоорганизующихся систем за счет внутреннего ресурса личности, удержания себя от распада в процессе деятельности. [1, с. 110]

2. Подход философской антропологии рассматривает социокультурные качества как те компоненты личности, которые позволяют личности в дальнейшем провести рефлексию реальности и выработать собственное отношение к ней. В частности, в рамках данного подхода социокультурные качества личности исследовал П.С. Гуревич. Согласно определению ученого социокультурными качествами являются «существенные составляющие личностной реальности, которые личность выбрала как собственное руководство, источника собственного поведения и основы для формирования правил, норм и ценностей.» [2, с. 151] Если применить диалектический метод в рамках философской антропологии, то диалектическую пару в нем уже составят ответственность и бессильность. Под бессильностью в таком случае будет пониматься внутренняя подчиненность другим личностям, либо одной личности, создающая иллюзию собственной активности, хотя на деле выраженная в подчиненности и разрушении правил вокруг личности. [3, с. 88] Ответственность же в таком случае – это принятие или возложение на себя личностью обязательств, обусловленных ее жизненной этикой, и направление собственного поведения в результате свободной воли на соблюдение этих обязательств. [3, с. 290].
3. Среди кроссдисциплинарных подходов к изучению социокультурных качеств личности наиболее выделяется персонологический подход, в рамках которого личность рассматривается с одновременным с несколькими гносеологическими, онтологическими и культурными положениями. Данный подход наиболее разработан Старовойтенко Е.Б., которая характеризует социокультурные качества личности как «константные характеристики социальных связей, в которые жизненно вовлечена личность, и трансформируемые внутрь, становящиеся свойствами личности, проявляющимися в инициативной и активной вовлеченности в систему общественных предметов, смыслов и деятельностей.» [4, с. 158] В персонологии социокультурные качества сопряжены со способностями личности и рассматриваются в динамике ее деятельности. Старовойтенко Е.Б. выделяет такие социокультурные качества как – инициативность, то есть максимальное расширение собственных границ, самостоятельность, то есть способность личности к самоопределению и самореализации в рамках деятельности, критичность – то есть способность к гибкому восприятию содержания деятельности.
4. Социокультурный подход к исследованию качества личности рассматривает их с двух основных позиций. С одной стороны, в рамках социального анализа качества предстают как элементы институционализированного пространства нормативно опосредованных ролевых отношений, обусловленных статусом личности в обществе. С другой стороны, культурный анализ ставит рассматривает социокультурные качества с точки зрения их смысла для культурной среды, в которой формируется личность. [5, с. 321] В результате синтеза социального и культурных анализов социально единственным социально значимым

качеством личности становится ответственность. В. Франкл – один из главных представителей данного подхода – характеризует данное качество как ключевой элемент личности, позволяющий ей реализовать три основных типа ценностей – реализации и творчества, восприятия и переживания, а также отношения к самому бытию, то есть возможность собственного существования. [6, с. 32–33]

Рассмотрим существенные достоинства и недостатки этих подходов. Так, наиболее важным их преимуществом становится учет динамики формирования социокультурных качеств личности, их видоизменения в ходе деятельности личности. Также каждый подход позволяет выделить те ценности, которые человек должен выработать при формировании своей личности. При этом в зависимости от подхода социокультурные качества будут формироваться либо в результате воздействия на него ценностей, которые приняты в обществе, либо он выработает эти ценности в ходе собственной деятельности в этом обществе.

Однако, вышепредставленные подходы имеют существенный недостаток – они не рассматривают взаимодействие человека не только как трансляцию на него правил и ценностей, либо же в ходе созидательной деятельности, но и как субъекта коммуникации. Существенным здесь становится замечание Ю. Хабермаса, для которого коммуникация образует жизненный мир вокруг человека. Его концепция жизненного мира предполагала, что социальная активность и формирование личности происходит в результате использования ее арсенала символических компонентов, который может использоваться для конструирования взаимопонимания между личностями. При этом каждая входящая в него личность имеет набор изначальных допущений и предпочтений, уточняемый в результате дискуссии с другими участниками жизненного мира. [7, с. 213] Таким образом – нам необходимо ввести коммуникацию в наше понимание социокультурных качеств личности.

С учетом вышеобозначенного недостатка автором предлагается собственное эклектическое определение социокультурных качеств личности, учитывающее как подходы современной российской науки, так и замечание Ю. Хабермаса в отношении жизненного мира личности. В результате под социокультурными качествами будет пониматься такие компоненты личности, которые определяют ее развитие в обществе, ее взаимоотношения с ним и формирующиеся в результате деятельности человека, а также оценок его деятельности со стороны общества и в ходе коммуникации этой личности внутри него. Ключевыми же социокультурными качествами с авторской точки зрения будут:

1. Самобытность – сопричастность с бытием, способность личности вести самостоятельную деятельность и использовать собственные внутренние ресурсы для преобразования личного пространства вокруг себя;
2. Коммуникативность – возможность к донесению собственных эмоций, знаков и культурных символов, воспринятых в данном обществе с целью формирования обратной связи и душевного сопереживания со стороны другой личности;
3. Ответственность – социокультурное качество, направленное на формирование собственной позиции по отношению к осуществляемой деятельности в результате осознанного и последовательного принятия общественных норм, с выделением присущих только конкретной личности норм и правил.

В качестве отрицательного качества же выделим отчужденность личности, поскольку она выделяет ее

из общество, временно или перманентно разрывает личности с ее социальной жизнью или способствует потери внутреннего ресурса в результате невозможности коммуницировать или преобразовывать пространство вокруг себя.

Переходя же непосредственно к рассмотрению виртуального пространства, вновь отметим, что этот субъект рассматривается со множества позиций в современной науке. Автором данного термина является Дж. Ланье. С его точки зрения, виртуальное пространство представляло собой новое пространство, доступное многим и созданное при помощи специальных приспособлений. [8, с. 20] Однако, предложенная им трактовка данного термина не стала конвенционально признанной в современной науке. Среди основных можно выделить четыре подхода.

Прежде всего, виртуальное пространство рассматривается как результат воспроизведения информации на технических средствах при помощи языков программирования. Данный подход отражает техническую сущность виртуального пространства. С точки зрения его представителей сущностными характеристиками такого пространства являются:

1. Отождествление с техническим пространством, порожденным техническими системами;
2. Существование пространства обусловлено результатом синтеза информационных объектов и условий их существования, записанных при помощи языков программирования и отраженных на собственный мультимедийный интерфейс.

Присутствие личности в подобном пространстве моделируется за счет технологий – компьютерной графики, объемный звук, датчики движения и иные технологии, позволяющие воссоздать эффект нахождения в моделируемом пространстве. [9, с. 32]

С другой стороны, виртуальное пространство может быть исследовано с культурологических позиций. В таком случае оно будет представлять собой совокупность мест, порожденных объектами культурной реальности, созданными в рамках виртуального взаимодействия. Этот подход берет за основу следующие ключевые предпосылки возникновения виртуального пространства – оно создается самой личностью для нее же, является искусственным субъектом и исходит из надбиологической знаковой системы в качестве принципа существования. Оно рассматривается как потенциальное пространство, создаваемое в ходе деятельности человека [10, с. 129], либо же как следствие развития культуры и перехода общества на новый виток его развития, как материально технического, так и духовного. [11]

Третьим подходом к определению термина «виртуальное пространство» считается психологический. Этот подход трактует виртуальное пространство как результат психических процессов в сознании человека. В более широкой трактовке виртуальное пространство с точки зрения психологического подхода – это пространство, которое создается под влиянием изменения сознания личности, в результате которого она переживает события или переживает события, кажущиеся ей реальными, но зачастую существующие только для нее самой. Ключевой особенностью такого пространства становится несамостоятельность его виртуального проявления, его зависимость от существующей культурной реальности или его порожденность, а также трансформация его границ, поскольку оно разграничивает уже не социальные группы, но технические и эмоциональные средства, которые позволяют личности отделить реальность от виртуальности. [12]

Все три вышеобозначенных подхода имеют с авторской точки зрения свои преимущества. Прежде всего,

они отражают ключевое свойство виртуального пространства – его порождение самой личности в ходе деятельности самого человека. Другим важным преимуществом является перемещение человека в мир моделей, в котором он может воссоздать потенциальные объекты, существующие только в его сознании при помощи современных технологий. Тем не менее, каждый из выделенных подходов обладает следующими существенными недостатками:

1. Технический подход не рассматривает виртуальное пространство в качестве объекта, который может повлиять на формирование у личности социокультурных качеств, а скорее выступает в качестве инструмента моделирования знаков, явлений и смыслов, в котором личность задает изначальные параметры объектов.
2. Культурологический подход рассматривает виртуальное пространство только как совокупность объектов, являющиеся результатом реализации личностной самобытности, то есть носит характер индивидуального опыта, переживаемого каждой личностью. При этом у данного пространства отсутствуют свойства, позволяющие оценить его влияние на социокультурные качества личности, поскольку оно содержит только потенциальные объекты, создаваемые личностью
3. Психологическое виртуальное пространство не соотносится с современным пониманием данного объекта, поскольку для его построения не обязательно использование современных событий, но лишь рефлексия переживаемого личностью опыта. Этот подход также исключает коммуникацию с другими личностями в данном пространстве.

Указанные недостатки разрешаются в рамках философского подхода к определению виртуального пространства. В рамках этого подхода виртуальное пространство рассматривается как среда, которая создается при помощи современных информационных технологий, и воспроизводящей смыслы и знаки встроенной в нее информации в сознание пользователя. При этом исследователи, использующие его, акцентируют внимание именно на влиянии этого пространства на его пользователей.

Среди фундаментальных работ, рассматривающих виртуальное пространство и его влияние на социокультурные качества личности с философской точки зрения, можно выделить работы З. Баумана. В качестве ключевых особенностей такого пространства он рассматривал ускорение в передаче информации, которое позволило распространить дискуссии, сражения, конфликты, солидарность и иные формы коммуникации за пределы существовавших пространств, а также стирание границ между социальными пространствами в обществе. Такое освобождение от границ спровоцировало отказ у личности от ее особой идентичности, то есть провоцирует возникновение у личности качества отчужденности. С другой стороны, для сохранения своего я личности, имеющие ресурсы, имеют дополнительные способы развития себя самобытностью. [13]

Выделенные особенности виртуального пространства, по мнению З. Баумана, также влияют и на общественную иерархию. Поскольку виртуальное пространство изолировано от вмешательства со стороны внешних социальных групп, в ней формируется элита мобильности. Эта группа характеризуется экстерриториальным статусом, способна с легкостью перемещаться по виртуальному пространству и реализовывать в нем свои интересы. С помощью ограничителей доступа, введенных ими при проектировании этого пространства, они уста-

навливают свои собственные правила использования такого пространства, а также концентрируют в своих руках его ресурсы. Их конечная цель – установление возможности самореализации в пространстве только таким способом, который будет угоден им. [13]

Резюмируя подход З. Баумана, рассмотрим особенности виртуального пространства как фактора формирования социокультурных качеств личности. Прежде всего, виртуальное пространство – это информационный медиум, позволяющий преодолевать имеющиеся в текущем обществе границы, а также создавать дополнительные границы из-за ограничений по собственному использованию. Подобный инструмент требует от личности определенной адаптации в использовании, то есть развития коммуникативности для умения вести успешную дискуссию и отстаивания собственных интересов в рамках виртуального пространства. При этом успешность развития коммуникативности также сопряжена с иерархией личности в этом пространстве. Поскольку эта иерархия основана на изначальном доступе личности к проектированию и созданию пространства, развитие коммуникативности в нем может стать обратно пропорционально реализации самобытности личности, поскольку чем более жесткие правила исходя из нее она установит, тем менее необходима ей будет необходимо качество, способствующее восприятию чужих эмоций и знаков. С авторской точки зрения, виртуальное пространство в интерпретации Баумана способствует не формированию у его создателей самобытности, а скорее поддержанию уже имеющейся отчужденности от мира, выделению себя из него.

В качестве позитивного фактора развития социокультурных качеств личности виртуальное пространство рассматривает Г. Рейнгольд. Он рассматривает виртуальное пространство в качестве системы виртуальных сообществ – «социальных образований, которые возникают в сети, когда достаточное количество людей вовлечены в публичные дискуссии довольно долго, с проявлением человеческих чувств, чтобы сформировать сети личных отношений в виртуальном пространстве». [14, с. 80–81] Виртуальные сообщества имеют следующие специфические черты:

1. В них отсутствует вертикальная иерархия входящих в нее личностей и широко развита горизонтальная – таким образом пользователи вынуждены вести взаимодействие на основе системы внутренней договоренности.
2. Виртуальные сообщества являются открытыми, обеспечивая для его участников самые различные возможности для коммуникации. Рейнгольд отмечает, что рассылка информации о любом объекте упростилась до отправления сообщения в виде картинки или текста.
3. В виртуальном сообществе появляются лидеры мнений, способные транслировать собственные представления о мире на пользователей. При этом для трансляции необходимо сохранение основ собственного образа и постоянное улучшение качества транслируемых знаков и символов.
4. У личностей, входящих в виртуальное сообщество, имеется равный доступ к использованию его ресурсов.

Основными недостатками, которыми обладают виртуальные сообщества. Прежде всего, им присуща анонимность каждого участника, что затрудняет оценку их социокультурных качеств. Другим недостатком становится легкость начала коммуникации, которая позволяет начать и закончить ее в любой момент времени, что затрудняет выстраивание ответственности в ходе такой

коммуникации. Наконец, в рамках виртуальной коммуникации у личностей очень лимитировано проявление эмоций, что не позволяет в должной мере проявиться коммуникативности личности.

В результате, применительно к социокультурным качествам личности виртуальное пространство обеспечивает с одной стороны упрощенную интеграцию личности в него за счет открытости виртуальных сообществ и горизонтальной иерархии в ней, что способствует формированию коммуникативности у личности, однако с другой стороны, анонимность каждого участника такого сообщества, технические ограничения самого пространства и легкость, с которой личность способна вступить в общение оказывает скорее негативное влияние на ее ответственность, поскольку она не будет испытывать значительные санкции за нарушение правил сообщества или некорректное использование его ресурсов. Подобное негативное влияние также способствует формированию отчужденности у личности, поскольку отсутствие регулятора деятельности способствует преследованию эгоистических мотивов со стороны личности.

Для наиболее полного отражения свойств виртуального пространства, влияющих на формирование социокультурных качеств личности, рассмотрим концепцию М. Кастельса. Данный ученый описывает виртуальное пространство как «систему, в которой в которой материальное и символическое существование людей полностью схвачено, полностью погружено в виртуальные образы, в выдуманый мир, мир в котором внешние отображения находят не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом.» [15, с. 315–316]. Ключевыми свойствами такого пространства становятся:

1. Неспособность формироваться централизованно в результате деятельности координированной группы лиц. Основой для его формирования становится мультимодальность и неустойчивость, обеспечивающие разнообразие качеств, интересов и ценностей включенных в него личностей.
2. Ослабление власти традиционных руководящих медиумов из социального пространства, таких как государство, традиционные религиозные конфессии, авторитетные представители общества, а также информации, транслируемой через традиционные СМИ. При этом все вышеперечисленные медиумы не исчезают в результате появления виртуального пространства, но ослабевает их влияние на личность, таким образом, ослабевает вертикальная иерархия отношений внутри этого пространства.
3. Отделение личности от существующей иерархии с созданием у нее собственных знаков, символов, идеологических или религиозных установок. Это обусловлено возможностью личности сотворить любой объект в виртуальном пространстве, находящийся в ее воображении при условии доступности технологии для его конструирования.
4. В силу анонимности и легкости доступа пользователей в виртуальное пространство ключевым ограничителем деятельности и коммуникации личностей в нем становится институт репутации. Иначе говоря, способность доносить собственные знаки и символы у пользователя виртуального пространства соотносится со значимостью и полезностью этого действия для других пользователей, и в случае, если они носят деструктивный характер, личность исключают от каналов коммуникации в этом виртуальном пространстве, даже если она сохранила формальный доступ к ним.

Таким образом, опираясь на концепцию М. Кастельса в качестве дополнений к двум предыдущим, дадим уточненное определение виртуального пространства, опишем влияние виртуального пространства на социокультурные качества личности. С учетом всех приведенных подходов и концепций различных ученых, под виртуальным пространством должна пониматься система мест, созданная в результате актуализации потенциальных объектов, сформированных в сознании одной или нескольких личностей и реализованных при помощи современных информационных технологий для совместной деятельности и коммуникации. При этом в рамках виртуального пространства создается горизонтальная иерархия и значительно упрощается доступ личности к каналам коммуникации, а также расширяются его границы, позволяя личностям интегрироваться в виртуальные сообщества. Главным ограничителем деятельности личности в виртуальном пространстве становится репутация. Этот институт способствует трансформации ответственности в виртуальном пространстве, поскольку она будет опираться не на установленные нормы и правила, а именно на полезность личности для этого социального пространства. При этом, скорее не согласимся с выводом Кастельса об ослаблении традиционных медиаторов норм – они также сохраняют свое существенное влияние на личность, если ее преобразовательная деятельность в виртуальном пространстве находит свое отражение и в социальном. Однако реализовать свою самобытность личности становится проще, поскольку ожидание полезности от ее деятельности является скорее положительно стимулирующим фактором, нежели наказания за невозможность встроиться в текущую иерархию. В силу легкости общения коммуникативность также будет развиваться с оглядкой на репутационные издержки, поскольку последствия общения в сети с конкретным человеком также могут возвратиться и при общении со всеми последующими в случае, если негативная информация распространится в виртуальном пространстве, однако, поскольку общение анонимно, репутация будет распространяться не столько на саму личность, сколько на ее аватар внутри пространства. В то же время, репутация, которая касается именно конкретного аватара личности в виртуальном пространстве, не способна ограничить формирование отчужденности личности в силу того, что этот механизм позволяет игнорировать.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о виртуальном пространстве и его влиянии на социокультурные качества личности – виртуальное пространство есть система мест, созданная в результате актуализации потенциальных объектов, сформированных в сознании одной или нескольких личностей, реализованной при помощи современных информационных технологий и существующей для совместной деятельности и коммуникации. Его ключевыми свойствами становятся границы, определенные его создателями и доступными техническими ресурсами, горизонтальная иерархичность связей личностей, а каналы коммуникации, требующие создания аватара для коммуникации в нем. При этом данные свойства способствуют формированию у личности социокультурных качеств, самобытности, коммуникативности и ответственности за счет облегченного доступа в виртуальные сообщества, деятельности и общения в них. Регулятором же влияния виртуального пространства на социокультурные качества личности становится институт репутации, имеющейся у личностей в рамках их деятельности в виртуальном пространстве и определяющий ее полезность для других участников пространства. Однако, если личность преследует соб-

ственные эгоистические мотивы в ходе деятельности в виртуальном пространстве и репутация в этом пространстве не влияет на непосредственно ее жизнь вне виртуального пространства, у нее формируется социокультурное качество отчужденности.

Литература

1. Кемеров В.Е. Проблема личности. Методология исследования и жизненный смысл – М.; Политиздат, 1977. – 256 с.
2. Гуревич П.С. Феномен человека: Антология/Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича.-М.: Высш. шк., 1993–351 с.
3. Гуревич П.С. Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. – М.: Высш. шк., 1995. – 320 с.
4. Старовойтенко Е.В. Персонология: жизнь личности в культуре. Монография / Елена Борисовна Старовойтенко, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». – М.: Академический проект, 2015–431 с.
5. Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. – 2008. – Том II Вып. 1 (2). – с. 305–328
6. Франкл В. Психотерапия на практике. – СПб: Ювента, 1999. – 256 с. – (Мастерская психологии и психотерапии). – 8 печ.л. – ISBN 5–87399–128–6..
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Д.В. Складнева – СПб.: 2001–382 с.
8. Lanier J. You are not a Gadget A Manifesto. – New York: Alfred A. Knopf, 2010–224 p.
9. Розин, В.М. Существование, реальность, виртуальная реальность [Текст] / В.М. Розин // Концепция виртуальных миров и научное познание. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000 – с. 56–74.
10. Ильин, В. Виртуальное. Идеальное. Информация [Текст] / В. Ильин // Свободная мысль XXI века. – М., 2004. – № 9. – с. 127–140
11. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 669 с.
12. Носов, Н.А. Виртуальный подход к проблеме человека [Текст] / Н.А. Носов // Многомерный образ человека: комплексное междисциплинарное исследование человека. – М.: Наука, 2001. – 237 с.
13. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
14. Rheingold H. Virtual Communities: Exchanging Ideas through Computer Bulletin Boards // Whole Earth Review. 1987. № 3 – p. 78–81
15. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

VIRTUAL SPACE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF SOCIOCULTURAL QUALITIES OF AN INDIVIDUAL

Savostyanov I.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article highlights the formation of personal sociocultural traits during activity and communication in the modern virtual space. Four sociocultural qualities were chosen as the main object of the research: originality, communication, estrangement and responsibility, since the influence of virtual space on these traits is the most representative. During the analysis, the author examined various approaches to determining the sociocultural qualities of a person and derived the author's definition of personal sociocultural traits. Further, the author clarified the concept of virtual space since this concept is debatable in modern science. As a result, the definition of virtual space was supplemented and its properties were highlighted,

which influence the formation of sociocultural traits of an individual. In conclusion, the author points out that virtual space can either contribute to the formation of sociocultural qualities that contribute to one's activities in virtual space or estrange oneself from it due to the pursuit of one's own selfish motives.

Keywords: personality, sociocultural traits, hierarchy, virtual space, reputation, communication channels.

References

1. Kemerov V.E. The problem of personality. Research methodology and life meaning – M.: Politizdat, 1977. – 256 p.
2. Gurevich P.S. Human Phenomenon: Anthology/Compiled, intro. Art. P.S. Gurevich.-M.: Higher. school, 1993–351 p.
3. Gurevich P.S. This is a man: Anthology / Comp., intro. Art. P.S. Gurevich. – M.: Higher. school, 1995. – 320 p.
4. Starovoytenko E.V. Personology: the life of the individual in culture. Monograph / Elena Borisovna Starovoytenko, professor at the National Research University Higher School of Economics. – M.: Academic project, 2015–431 p.
5. Reznik Yu.M. Sociocultural approach as a research methodology // Questions of social theory. – 2008. – Volume II Issue. 12). – c. 305–328
6. Frankl V. Psychotherapy in practice. – St. Petersburg: Yuventa, 1999. – 256 p. – (Workshop of psychology and psychotherapy). – 8 ovens I. – ISBN 5–87399–128–6..
7. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action / Transl. with him. D.V. Sklyadneva – St. Petersburg: 2001–382 p.
8. Lanier J. You are not a Gadget A Manifesto. – New York: Alfred A. Knopf, 2010–224 p.
9. Rozin, V.M. Existence, reality, virtual reality [Text] / V.M. Rozin // The concept of virtual worlds and scientific knowledge. – St. Petersburg: Publishing house RKhGI, 2000 – p. 56–74.
10. Ilyin, V. Virtual. Perfect. Information [Text] / V. Ilyin // Free thought of the XXI century. – M., 2004. – No. 9. – p. 127–140
11. Toffler, E. Metamorphoses of power: trans. from English / E. Toffler. – M.: AST, 2004. – 669 p.
12. Nosov, N.A. Virtual approach to the problem of man [Text] / N.A. Nosov // Multidimensional image of man: a comprehensive interdisciplinary study of man. – M.: Nauka, 2001. – 237 p.
13. Bauman 3. Globalization. Consequences for man and society / Trans. from English – M.: Publishing house “Ves Mir”, 2004. – 188 p.
14. Rheingold H. Virtual Communities: Exchanging Ideas through Computer Bulletin Boards // Whole Earth Review. 1987. No. 3 – p. 78–81
15. Castells M. Information era: economics, society and culture: Transl. from English under scientific ed. O.I. Shkaratana. – M.: State University Higher School of Economics, 2000. – 608 p.

К вопросу об актуализации представлений о социальной справедливости в современном мире на рубеже XX–XXI вв.

Шамилева Роза Камилевна,

к.ф.н., доцент Грозненского государственного нефтяного технического университета имени М.Д. Миллионщикова
E-mail: orda.shamia@mail.ru

Седиева Милана Бековна,

младший научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института имени Х.И. Ибрагимова РАН
E-mail: milann_s@mail.ru

Статья посвящена вопросу актуализации концепции справедливости в контексте глобальных трансформаций в современном мироздании: для сравнения можно отметить, если исследования социальных отношений XX века представлены в основном как идеологизированная парадигма справедливого однородного общества, то в XXI-м веке, в силу нарастающего социального неравенства, обусловленного цифровизацией всех сфер жизнедеятельности способствует экономическому росту, характерный признак модели справедливого общества, отсюда, интерпретация социальной дифференциации общества, как закономерного объективного процесса.

Ключевые слова: интерпретация понятий; социальная справедливость; социальная дифференциация, цифровизация сфер; система ценностей.

Социально-философский и социологический анализ справедливости в системе ценностей населения, позволяет провести сопоставления форм функционирования социальной, политической, экономической, духовной систем общества.

Естественно, сравнение желаемого и действительного в общественном мнении протекает по средствам полярных показателей, таких как «справедливость» и «несправедливость», «положительное» и «отрицательное», «наличие» и «отсутствие», «удовлетворение» и «неудовлетворение» и тому подобное. Отсюда, общественное мнение о процессах действительности выступает критерием для достижения населением определенного качества жизни, а также отражает определенный стереотип мышления и поведения.

В этой связи, актуальность исследуемой темы в свете регулирования социальных отношений, состоит в необходимости всестороннего изучения и учета интересов и потребностей различных социальных общностей и индивидов. Оценка, данная человеком или социальной группой отношений, которые являются справедливыми или несправедливыми, может зависеть от конкретного типа сопоставления, а также различных вариантов их сочетания.

подавляющее большинство представителей западной традиции исследования теории справедливости на рубеже последних двух веков придерживаются регулирования модели справедливости на договорных основах, что позволит демократично регулировать сам процесс социальных отношений, предотвратить, прежде всего, уязвимость социально незащищенных слоёв.

В данную группу исследователей можно включить имена Джона Роулса, Роберта Нозика, Отфрида Хёффе, Юргена Хабермаса, Майкла Сэндела, Рональда Дворкина и др.

С позиций сравнительного анализа трансформаций представлений индивидов о справедливом устройстве общества на фоне общественного мнения исследованы такими авторами, как Н.М. Римашевская, Ю.Г. Волков, Н.И. Лапин, Т.И. Заславская, В.Э. Бойков, А.М. Орехов и др.

В конце XX века в российском обществе происходит резкая актуализация поиска новых интерпретаций социальной справедливости. Проводимые с середины 80-х годов либеральные реформы в первый период резко активизируют общественную мысль, приводят к интенсивному анализу западного опыта, либеральной идей, естественно-правовой трактовки справедливости как комплекса индивидуальных прав личности. «Правительство реформаторов», проводящее либеральные преобразования в значительной мере заинтересовано в интеграции в общества западных социальных ценностей, активизации индивидуального начала, рационализации всех сфер деятельности. В ходе реформ в период 1991–1999 гг. формируется новое достаточно либеральное российское законодательство, базирующееся на опыте европейских стран и США.

В первую очередь, формируется правовая основа частной собственности и гражданско-правовых отношений, создается правовое поле для функционирования

сложноструктурных моделей частной собственности, таких как общества с ограниченной ответственностью и акционерных обществ. Особые надежды возлагаются на использование в экономике модели открытых акционерных обществ. По мнению реформаторов, а также широко обсуждающих проекты преобразования, экономистов, политиков, юристов, общественных деятелей, модель акционерного общества позволит создать на базе советских предприятий так называемые «народные предприятия», которые в большей степени отвечают российскому пониманию справедливости.

Предложенный правительством проект приватизации советских государственных предприятий включал в себя обязательное акционирование большинства из них и передачу (продажу) в частную собственность их акций. Данный проект вызвал чрезвычайно широкую волну обсуждений, до сих пор не стихает критика проведенной приватизации и обвинения ее в несправедливом характере.

Широкое мнение о несправедливости приватизации имеет множество причин. С одной стороны, можно выделить «объективные» причины. Это – несовершенство правового поля – в период проведения акционирования и передачи акций в частную собственность (через сделки купли-продажи или обмен на ваучеры) еще не было сформировано правовое поле. Достаточно сказать, что в стране не было нового гражданского кодекса, реформирование проводилось в соответствии с временными указами и распоряжениями правительства и президента Б.Н. Ельцина.

Выбранный правительством вариант предоставления льгот трудовому коллективу, работающему на предприятии, также был подвергнут резкой критике – как со стороны тех, кто считал, что приватизация несправедлива по отношению к «простым людям» – рабочим, служащим, так и со стороны тех, кто считал, что широкое предоставление льгот «несправедливо», так как не позволяет сформировать эффективного собственника, и ведет к убыточности предприятия. Таким образом, кампания по приватизации подвергалась яростной критике, как с «правых» позиций, так и с «левых».

Как показывали опросы, проводимые в 90-е годы и позднее, в массовом сознании российского человека продолжало доминировать отрицательное отношение к частной собственности как таковой. Так, например, «не одобряло» «кооперативы» и «предприятия, принадлежащие частным лицам» в 1989 г. 50% и 36% соответственно. То есть 86% населения не одобряло частную собственность, считая ее нравственно и ценностно неприемлемой, несправедливой. С одобрением люди высказывались лишь в отношении индивидуальной трудовой деятельности (57%), работе фермерских хозяйств (67%) и, так называемых, «народных предприятий» (41%), то есть предприятий, находящихся в собственности своих работников. [1, с. 138].

До сих пор приватизация государственных предприятий и ее итоги считаются в массовом сознании актом глубочайшей социальной несправедливости.

Объективно философский анализ справедливости в системе ценностей населения, направлен:

- на определение глубины и характера этого разрыва;
- определение степени удовлетворенности человека происходящими изменениями, их легитимности;
- выявление факторов, способствующих возникновению наиболее адекватных (справедливых) условий жизнедеятельности людей;
- прогнозирование вариантов их поведения.

Видение принципов социальной справедливости, актуализированных в различных международных актах условно можно разделить на четыре направления:

– первое направление связано с естественными всеобщими правами и возможностями человека, такие как доступ к оптимальному уровню жизни, образованию, здравоохранению и социальному обеспечению.

Здесь речь идет о необходимости отражения всеобщих прав в международных актах, включая международные трудовые нормы, и с их реализацией в законодательстве, политике и деятельности институтов на национальном уровне, обеспечивающих, к примеру, эффективный доступ к государственным услугам, с одной стороны, и осуществление расширяющих возможности прав, таких как свобода объединения, с другой стороны;

– второе направление ориентировано на равный доступ к возможности занятости и производительной деятельности, которые позволяют человеку осуществлять своё материальное благосостояние в условиях экономической устойчивости, т.е. существенные возможности участия в экономической деятельности и вознаграждения за эти усилия, включая возможность устроиться на наполненную смыслом работу и вносить вклад в жизнь;

– третье направление имеет отношение к системе распределительных отношений в которой заложен принцип равномерного распределения всех благ в обществе, «в том числе включая и распределение благ экономического роста, социальной защиты малоимущих и наиболее уязвимых членов общества».

Здесь, прежде всего речь идёт о роли социальных и политических институтов, которые должны бороться с неравенством, способствовать социальной интеграции населения.

И наконец, четвёртое направление касается трансформационных изменений, влияющих на регулирование механизма справедливости. К ним следует отнести трансформации, связанные с нарастающими кризисами, глобализационными, технологическими, экологическими и другими процессами экономического роста, влияющих на уровень жизни, социальную защищенность различных групп и общностей [2].

Здесь, прежде всего речь идёт о роли социальных и политических институтов, которые должны бороться с неравенством, способствовать социальной интеграции населения.

Понятие справедливости и социальной справедливости в России в последние два десятилетия многократно становились темой социально-философского и социологического анализа.

Понятие справедливости и социальной справедливости в России в последние два десятилетия многократно становились темой социально-философского и социологического анализа. Представления российских граждан о социальной справедливости являются, своего рода, индикатором закономерных преобразований общества.

Трансформации, связанные с процессом цифровизации экономики внесли закономерные изменения практически во все сферы общества.

Однако, указанный процесс не мог не повлиять на характер восприятия индивидом своей социальной роли и месте в интенсивно меняющейся социальной структуре.

Согласно утверждению американского социолога Т. Парсонса сами индивиды обладают интересом в тех предметах и способах поведения, которые приносят им удовлетворение. «Так как моральные нормы действительно встроены в структуру личности, то именно от степени соответствия данным нормам будет зависеть и удовлетворение, которое испытывает индивид. Безусловно, с самоуважением человек связывает социальное признание» [3].

В социальной теории понятие справедливости трактуется как соответствие социальной роли индивидов их социальному статусу, и, конечно же, соразмерности между правами и обязанностями людей в обществе. И неслучайно включается в государственные программы регулирования практических всех сфер жизнедеятельности общества.

Существующие трактовки справедливости и попытки ее реализации в условиях XXI века – века в условиях нарастающей глобализации и «столкновения культур» – приводят к социально-политическому, духовному и идейно-культурному кризису управленческих механизмов и актуализирует проблему разработки единого концептуального подхода к справедливости как общечеловеческой ценности.

Современное информационное общество не исключает, а усугубляет процесс социальной дифференциации, что естественно. Для современной цивилизации характерен закономерный переход к модели социального неравенства, что обусловлено условиями постиндустриального общества, цифровизации не только экономики, но и других сфер жизнедеятельности.

Реалии XXI века доказали несостоятельность концепции идеологов Запада о необходимости перманентного совершенствования социальной политики как панацеи от социальных противоречий. Современное западное общество прибегает к сокращению социальных программ, т.к. его захлестнула глобальная конкуренция в сфере информационной экономики, как результат справедливой социальной дифференциации структуры общества, наблюдается контрастная динамика диспропорций в доходах различных социальных общностей и групп.

В этой связи, примечательна оценка нынешней экономической ситуации.

У. Жильбера – Генерального секретаря МОТ: «суровым реалиям, с которыми сегодня сталкивается сфера труда, – непрекращающиеся проявления несправедливости, неравенства и незащищенности мы должны противодействовать сейчас. Не поставив ценности человеческого достоинства и социальной справедливости в центр экономики и общества, мы предадим забвению множество нераскрытых талантов, неиспользованных производственных мощностей и нереализованного человеческого потенциала. Более того, мы упускаем возможность использовать весь потенциал технологического прогресса и роста производительности для решения экологических проблем и обеспечения устойчивого развития» [4].

Цифровая трансформация российского общества явление сложное и многомерное, требует выработки такой социальной модели, которая бы отвечала интересам и потребностям различных общностей и групп и, в особенности, социально незащищенных слоев населения. Данная модель социального устройства, естественно, должна способствовать не только обострению социальных конфликтов, посредством создания оптимальной среды для социальной занятости индивидов, но и, в целом, снижению социальной дифференциации общества.

Реализация указанной модели социального устройства общества, невозможна без исследования и изучения интересов и потребностей различных социальных

общностей и индивидов. Процесс формирования новых социальных образований в системе социальной структуры, ни в коей мере не должен вести к антагонизму между ними, а наоборот, способствовать прагматической цели – поступательной, закономерной интеграции индивидов и социальных групп.

Безусловно, это непростая задача, решение которой связано с процессом диверсификации всех сфер жизнедеятельности. Вся система государственного регулирования общества должна быть нацелена на предотвращение обострения социальных отношений в условиях наблюдающейся повышенной естественной стратификации общества.

Литература

1. Шамбуров С.А. Исторические аспекты теневых промыслов в России и на ее окраинах // Вопросы экономики. 1991 – № 1 – С. 138–141.
2. См.: Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). С. 11–15. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 25.08.2023).
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – С. 340.
4. См.: Продвигать социальную справедливость. Доклад Генерального директора Международная конференция труда, 111-я сессия, 2023 г. – URL: <https://www.ilo.org/global/lang-en/index.htm> (дата обращения: 23.11.2023).

ON THE ISSUE OF UPDATING IDEAS ABOUT SOCIAL JUSTICE IN THE MODERN WORLD AT THE TURN OF THE 20TH AND 21ST CENTURIES

Shamileva R.K., Sedieva M.B.

Technical University named after M.D. Millionshchikov, Kh. Ibragimov
Complex Institute of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the issue of updating the concept of justice in the context of global transformations in the modern universe: for comparison, it can be noted that if studies of social relations of the 20th century are presented mainly as an ideological paradigm of a fair, homogeneous society, then in the 21st century, due to growing social inequality caused by digitalization all spheres of life contributes to economic growth, a characteristic feature of the model of a just society, hence the interpretation of social differentiation of society as a natural objective process.

Keywords: interpretation of concepts; social justice; social differentiation, digitalization of spheres; system of values.

References

1. Shamburov S.A. Historical aspects of shadow trades in Russia and on its outskirts // Issues of Economics, 1991. – No. 1. – P. 138–141.
2. See: “Universal Declaration of Human Rights” (adopted by the General Assembly UN 12/10/1948). pp. 11–15 – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (access date: 08/25/2023).
3. Parsons T. On the structure of social action. – M.: Academic project, 2000. – P. 340.
4. See: Advancing Social Justice. Report of the Director General International Labor Conference, 111th session, 2023. – URL: <https://www.ilo.org/global/lang-en/index.htm> (accessed: 23.11.2023).

Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII – начало XXI вв.)¹

Аванесова Галина Алексеевна,

д.ф.н., профессор

E-mail: gal-09@list.ru

Миронов Анатолий Васильевич,

д.с.н., профессор, заслуженный работник высшей школы,

почетный работник ВПО РФ, главный редактор журнала

«Социально-гуманитарные знания»

Авторы анализируют, как осмыслили некоторые направления отечественной гуманитарной мысли особенности России – ее истории, общества и культуры Нового времени. Основное внимание уделено консервативной мысли. Эти процессы научно-философского самопознания прослеживаются, во-первых, по ходу взаимодействий России с западноевропейской цивилизацией, с ее гуманитаристикой и теорией познания, во-вторых, в контексте внутренних трансформаций культурно-цивилизационного и парадигмального характера в империи, в советское и постсоветское время.

Ключевые слова: эпистемология/гносеология, отношения между знанием и реальностью в науке, теоретический рационализм, познавательные субстанции разных цивилизаций, парадигма изучения России русской консервативной мыслью, ракурсы понимания России советским марксизмом, теория отражения, наука и политика, понимание научной истины и правды, псевдонаука в период Постмодерна.

4.6. Разработка парадигмальных основ современного руссиеведения (1991–1999 гг.)

Научно-гуманитарная среда в поисках понимания прошлой и современной России

Ранее (см. раздел 4.5.) авторы уделили немало внимания тем социально-когнитивным процессам, которые развивались в постсоветском обществе. По степени военно-политических и гражданских конфронтаций, по глубине мировоззренческого шока общества эти процессы мало чем уступали накалу когнитивного хаоса 1917–1927 гг. Но после 1999 г. социально-политическое развитие, познавательная динамика нашей страны открыто пошли по иной – российской – траектории развития, нежели в СССР в 30-е гг., когда российский путь подавлялся марксизмом и был реабилитирован XX в. сказался исторический опыт народа, в т.ч. советской и постсоветской поры. Основная часть отечественной интеллигенции РФ приняла в этих процессах конструктивное участие.

Вместе с тем в начале 1990-х гг. для патриотической научной среды, отвергавшей неолиберальный анализ, была характерна столь же болезненная дезориентация познания, как и для массовых слоев. Однако эта среда внимательно отслеживала процессы, происходящие в стране, ибо без уяснения сути перемен она не смогла бы понять, что происходит с объектами ее изучения = с гражданами, культурой, государством. Вместе с тем по способам выхода из ситуации ученые, не желая утратить профессиональные навыки, действовали более осмысленно, нежели массы. Многие аналитики признавали: их понимание постсоветского общества являлось неполным, искаженным или ошибочным. Уже отмечалось, что современная парадигма осмысления России в СССР отсутствовала; в народном же сознании исторический образ отечества пребывал в размытых формах. Можно было предвидеть в близком будущем, как успех в самопознании России, так и немалые трудности, которые ощутит общество, преодолевающее застарелое непонимание себя по ходу более 3-х сотен лет, начиная с раскола, реформ Петра I.

В РФ распространение неолиберальных идей, американизированной идеологии приобретало свою специфику. На первых порах власть смягчала политику: в информационной, научной сферах подчеркнуто утверждались свобода мнений, плюрализм оценок. Но патриотически настроенные ученые в этот период сами проходили через фазы смещенного понимания России. Видя реакцию масс на политику, они не всегда могли верно оценить мотивы поведения разных страт в нестабильных условиях; надежной методологической базы, способов анализа этих процессов у них не было. Массовые же опросы, которыми увлекались в то время гуманитарии, ока-

¹ Продолжение. Начало см. в №№ 3,4,5,6–2021 г., №№ 1, 2, 4–2022 г., №№ 1,4, 6, 11–2023 г.

зывались мало эффективными в силу многих причин, в т.ч. отсутствия у аналитиков теоретического понимания происходящего кризиса. Еще один примечательный штрих: в этот период в обществе заявила о себе активная патриотическая публицистика. Стало очевидным: ряд публицистов (Н.В. Стариков, В.Е. Шамбаров, писатель Ю.М. Поляков и др.) по-своему успешно вскрывали проблемы научного типа – межнациональные отношения в СССР/РФ, спорные аспекты отечественной истории и др. В ученой среде срабатывало профессиональное самолюбие; реакцией стал вывод: «в анализе подобных проблем без теории не обойтись!». Но публицисты не ставили целью глубоко осмысливать сложные процессы; их задача была иной – привлечь к ним внимание общества, мотивировать властей на адекватную политику.

Исследователи-прикладники восстанавливают основы россияеведения

Уточним, какими были первые шаги, мотивирующие научно-гуманитарную среду на преодоление когнитивного шока, на изучение России. Мы их связываем с чувством патриотического долга, свойственного определенному духовно-психологическому типу людей. Напомним: А.С. Пушкин и Н.Я. Данилевский полагали, что лишь патриоты, любящие Отчизну – будь то политики, воины, аристократы, простые труженики, служители религии, интеллигенция (в т.ч. ученые) и др. – способны глубоко понять подлинную Россию с ее достоинствами и грехами. Но в конце XIX в. философ Вл.С. Соловьев видел в патриотизме Данилевского национализм, несовместимый с поисками истины в науке. Советская трактовка патриотизма была двойственной. В СССР имперский патриотизм оценивался негативно, а советский – положительно; хотя и советский патриотизм политики трактовали неодинаково. И.В. Сталин в 30-е гг. и в период ВОВ мыслил наиболее основательно на этот счет. Понимая неизбежность войны с Западом, он интуитивно поддержал древнейшие чувства народной любви к Отечеству, сознательно сближая их с государственным патриотизмом, что позволило выстоять советскому строю, российской государственности, евразийской цивилизации.

Высшая власть РФ, новые экономические силы, кадры либеральных медиаканалов этой дальновидностью не обладали, открыто принимая сторону внешних врагов, помогая сепаратистам, пасуя перед террористами, берущими в заложники женщин, новорожденных младенцев. Все это обнаружилось при изгнании русскоязычного населения из Чечни, объявлении независимости ее новой властью, а затем и по ходу военных операций РФ на территории Республики. Для либеральных аналитиков реакция основной части граждан на эти события была неожиданной; в итоге ситуация стала переломной для преодоления когнитивного шока у большей части населения РФ. В напряженной, по сути губельной для России обстановке – не раньше! – познавательный шок начал исчезать; его место занимали народный патриотизм, решимость граждан сохранить целостность страны всеми силами.

Первыми этот психоментальный поворот разглядели кинематографисты, что отразилось в фильмах 90-х гг. «Война», «Брат» и др., где положительные герои были современными воинами-патриотами. Ученая среда также выдвигала аналитиков, уловивших этот конструктивный сдвиг в массовой психологии и сознании. Сошлемся на математика и гуманитария-аналитика И.Р. Шафаревича. В первой половине 90-х гг. он с тревогой вопрошал: «Мы вымираем?» [1]. Но года через 3–4 ученый уже твердо рассуждает о фундаментальных преимуществах российской цивилизации, которые позволяют обще-

ству все пережить и войти в «постзападническую» эпоху. При этом он с иронией указывает на то, что в нынешней РФ все, даже активные либералы, становятся «заправскими патриотами» [2]. Вслед за Шафаревичем аналитики начинают доказывать неизбежность реабилитации в России народных ценностей – религии и веры, идеалов семьи и многодетности, смысла жизни и традиционной организации труда в малых формах (семейных, общинных, артельных и др.), в крупных масштабах (кооперация, промысловые занятия, труд на индустриальном производстве) и т.п.

В это время в ряде городов появляются частные детские сады, художественно-развивающие группы, где воспитание дошкольников ведется на основе традиций русских людей или других народов РФ, с элементами трудовых навыков, с объяснением семейных отношений, с освоением ценностей фольклора, искусства, религии [3]. Затем рождаются внедренческие коллективы, ставящие более сложные задачи. Так, специалисты в области домостроительства и расселения, воспитания новых поколений выдвигают идею кооперативов для семей с малыми детьми, постоянно живущих в поселках из типовых домов с приусадебными участками. Сформировалось движение желающих переехать в провинцию из мегаполисов. Позже оно перерастало в нечто большее: стимулировало разработку масштабных целей, обрело прагматичные формы организации – строились фермерские, лесоохранные, экологические поселения, агрогородки и др.

Было немало попыток бизнеса, ученых-прикладников, педагогов того времени объединить традиции с инновациями в сознании людей, в воспитании новых поколений. Все это говорило о том, что научная и педагогическая среда, а также активные силы в социально-культурных сферах и бизнесе смогли распознать губительный разрыв общества с традициями, оценить спрос на изменение ситуации и начать совмещение прежних и новых форм жизнедеятельности. Власть не поддерживала эти инициативы. В итоге не все поставленные цели были выполнены; практические результаты не всегда устраивали; не удалось порой гармонично увязать пропорции между традициями и инновациями. Тем не менее устремленность граждан к сохранению исторических корней сыграла в российской жизни огромную роль в преодолении когнитивного шока. Общество стало понимать, что из тяжелой ситуации нельзя прорваться в грядущее, лишь проклиная свое прошлое и завидуя «счастливому настоящему» других народов. Тем самым подготавливалось восстановление в науке россияеведения – теоретической парадигмы понимания России, что означало крах неолиберального проекта.

Государственная политика в обновлении научно-образовательной сферы РФ

Кризис не позволял справиться с дестабилизацией сфер науки и образования силами лишь самих кадров. В этих процессах, помимо ученых, преподавателей ВУЗов, активную роль выполняли государственно-отраслевые структуры, власти субъектов федерации. В РФ были начаты масштабные реформы, связанные с заменой прежних целей, содержания научно-образовательной деятельности, с новым информационно-технологическим обеспечением и т.п. Начиная с 50–60-х гг. XX в., многие эти перемены были актуальны уже в СССР. Напомним: тогда впервые стали осуществляться грандиозные технические проекты – атомный, космический. Но Сталин и его преемники были категорически против инноваций в государственном, социально-культурном, экономическом управлении, когда теоретическая база связывалась

не с Марксом, а с кибернетическими идеями Н. Винера, с автоматизированным анализом статданных. Проблемы государственно-политического управления в то время продолжали изучаться в узком формате закрытых образовательных структур КПСС. Внедрение автоматизированного анализа власть все же была вынуждена начать в 70–80-х гг. в экономике. Но по ходу подготовительной фазы проекта исчез СССР.

Новая власть РФ закрыла проект, считая его излишним, что позволило корпорациям Запада тут же внедриться в наше общество со своей электроникой, программами, информационными сетями. Это говорило о том, что либеральная власть стала совмещать инновационно-проектную деятельность, работу научно-учебных учреждений с запросами западных стран на наши кадры. Явным свидетельством таких намерений стало вхождение Минобрнауки РФ в Болонскую систему в 2003 г. В итоге сфера образования, науки, как созданная в СССР под иные цели, задачи, исходя из других государственно-политических и когнитивных принципов, стала разрушаться, хотя власть не уничтожала ее. Что шло на смену марксистской методологии, советскому мировоззрению в сферах науки и образования? Политики намеревались переструктурировать их формы организации, сближая российские параметры с западными, унифицируя содержательные аспекты подготовки ученых, педагогов с нормами обучения в Европе, США. Все это усиливало бы новые ориентиры интеллектуальной элиты РФ, позволяя начать транзит ее перспективной части в страны Запада.

Преследуя эти цели, власть РФ проводила в сфере образования, науки двойственную политику. С одной стороны, организационные, дисциплинарно-содержательные, когнитивно-творческие аспекты деятельности в этой сфере интенсивно обновлялись, без чего педагоги, научные сотрудники не освоили бы глобальных требований к своим профессиям. С другой стороны, исходя из веры в однополярный мир, активно поддерживали либерально ориентированные ВУЗы и научные структуры, сотрудничавшие с учеными Запада. Но основная часть руководства научно-образовательной сферы, выстраивая работу отрасли на местах, опиралась на отечественные традиции, учитывала прежде всего общероссийские запросы на подготовку педагогов, исследователей. Высшая власть жестко не принуждала этих руководителей к отказу от их позиций. Поэтому в работе научно-образовательных структур немало зависело и от руководителей региональных сфер, конкретных учреждений. Но в еще большей степени все сводилось к стратегиям государственной политики, которые могли, как укреплять, так и разрушить конструктивные начинания в подготовке преподавателей, ученых на местах. Об этом свидетельствует и тот негативный опыт сотрудничества со странами Запада, через который прошли учреждения науки, образования РФ на базе Болонской декларации.

Когнитивный шок в научно-образовательной среде: методологические трудности, теоретическая беспомощность

Основная часть специалистов научно-образовательных учреждений философски относились к идейному, мировоззренческому дроблению профессиональной среды на либералов, марксистов, патриотов и иные подгруппы. Теоретических битв не было; было понимание, что высококвалифицированные специалисты сами выстраивают свои мировоззренческие, научные позиции. Этому способствовало и то, что участники разных подгрупп стремились быть среди единомышленников, будь то место

работы, ученые советы, конференции. Но со временем подгруппы распадались. Многие ученые, преподаватели, наблюдая деструктивные процессы в стране, отвергая либеральное их понимание, не могли осмыслить их самостоятельно; в итоге у них исчезал целостный взгляд на реальность. Другие не раз меняли теоретические позиции, что снижало авторитет научной среды в обществе.

В трудном положении оказывались те аналитики, которые начинали сами – в одиночку или небольшой группой – осмыслять тематику, считавшуюся в СССР научно недопустимой или не стоящей внимания. Речь могла идти о реальном состоянии национальных отношений, о тайной власти «мирового правительства», о масонах, о государственном управлении и безопасности в СССР/РФ и др. В советский период эти темы изучались под грифом «для служебного пользования», «секретно». Авторы данного материала не выступают против гостайн в любой стране. Но, например, проблема межнациональных отношений изучалась в СССР и для документов с грифом, и для открытых публикаций; в итоге один и тот же предмет анализа трактовался в противоположных коннотациях, с разными оценками, выводами. При этом было немало острых внутренних проблем, о которых власть, специалисты ничего не знали и не желали знать.

Когда после распада страны аналитики начинали выяснять, какие темы в СССР являлись наиболее болезненными и наименее изученными, они не могли найти надежных источников; таковых чаще всего не было. Также после подписания Беловежских соглашений некоторые авторы тут же приступили к анализу причин распада страны, стали критиковать новых собственников и либеральную интеллигенцию, «стоявших у истоков этих процессов». Выяснялось, что у таких авторов тоже не было ни знаний по данным проблемам, ни объективных источников, ни методологической базы понимания столь сложных сдвигов. В итоге многим появившимся в начале 90-х гг. трудам, связанным с изучением ситуации в РФ, были присущи серьезные издержки – привычки авторов оперировать когнитивными установками марксизма (классовый подход, материализм, научный рационализм и др.), методологическая всеядность, невнятная концептуализация анализа, отсутствие навыков самостоятельного осмысления СССР/РФ, а также имперской России, обильное цитирование отечественных и зарубежных авторов и др.

Скажем о более глубокой беспомощности на примере учебного курса для студентов «Достаточно общая теория управления» (ДОТУ), созданного сотрудниками факультета прикладной математики Санкт-Петербургского государственного университета. В начале 90-х гг., приступая к чтению этого социального курса, авторы стали издавать учебные пособия, а затем и труды на эту тему под псевдонимом Внутренний предиктор СССР. Было много переизданий ДОТУ (мы пользуемся изданием 2018 г. [4]). Авторы пособия поставили амбициозную цель – на основе кибернетического подхода изложить методы анализа, понятийный аппарат, теоретические представления об управлении, позволяющие единообразно трактовать этот феномен в «общеприродной, биологической, технической, социально-психологической среде» [4, с. 12]. Как следует из текста, авторы заявляли о готовности изучать феномен управления не только в масштабе планеты: в пособии не раз говорится об «анализе управления процессов Мироздания» и даже шире. Так, авторы часто цитируют священные тексты ислама, христианства, рассуждают о «наивысшем всеобъемлющем управлении» – Боге, Творце, Вседержителе, а также

о вере и религии, забывая, что пишут учебник научно-теоретического, а не богословского типа.

Применительно к прикладным аспектам теории авторы тоже не выдерживали критики. Они убеждены, что их теоретическая формализация сблизит специалистов по машинной обработке данных с управленцами разных сфер практики, с теоретиками-гуманитариями, с естествоиспытателями, изучающими неодинаковые типы, способы отношений «управление-подчинение» у животных. К выполнению этой непростой задачи авторы были не готовы, ибо она требует особого аналитического опыта и серьезной проработки когнитивно-философских оснований, позволяющих сблизить все указанные формы анализа и практики управления, действовавшие в разных областях общества, природы. Авторы же теоретизируют лишь те стороны социального управления, которые им близки и поддаются алгоритмической формализации. Изредка они упоминают биологические, психические, культурные аспекты управления, затрагивая их на уровне обыденных представлений. В итоге их анализ не смог стать «достаточно общей теорией», ибо был наделен изрядным объемом отвлеченного схематизма. Социальное управление в обществе, а также специфические способы управления в живой природе выступали в пособии абстрактными процессами, по ходу которых вырабатываются шаблонные решения.

Уже первые выпуски ДОТУ вызвали у читателей критику, которую авторы не приняли. Но в издании 2018 г., они указали, что их критикуют за «механистические воззрения», не способные отобразить «духовные аспекты управления» (с. 27). На наш взгляд, эта критика весьма щадящая; укажем на более серьезные недостатки. Авторы пособия сохранили в анализе управления тот генезис, который создан кибернетическим подходом и управленческой практикой в странах Запада. Генезис связан с «получением и обработкой информации в технике, у живых организмов, в человеческом сообществе». Из этих когнитивных установок исходили в 40-х гг. основатели кибернетики в США. Н. Винер не раз повторял, что цель ученых «обучить» машину простейшим мыслительным операциям, психическим реакциям живого организма и человека; лишь создав искусственный интеллект и управляя им, можно говорить о влиянии машины на личность и общество [5]. По мере развития кибернетики многие изначальные замыслы ее основателей так и не были воплощены; немало целей оказались не столь морально-добродетельными по отношению к обществу и человеку, как о том заявляли ученые.

Ныне результаты кибернетических разработок вышли за те пределы, которые обозначил Винер; в разных странах они неодинаково воздействуют на общество, на политику, хозяйство, военную деятельность, систему образования, на частную жизнь людей и т.п. Главное в том, что ныне для многих становятся очевидными опасные издержки кибернетических подходов в изучении культуры, а также в создании информационных технологий, изолированных методов воздействия на личность, объем которых стремительно растет в социальной практике разных стран, в глобальном мире. Неслучайно авторам учебника не удалось достигнуть своих целей; в их теории в свернутом виде оказались заложены неудачи и в явном виде нарушены многие замыслы основателей кибернетики. Такого смещения целей, произвольно заявленных, но не реализованных задач, как в ДОТУ, опасался Винер, когда жестко обозначал границы кибернетического анализа, размышляя о развитии кибернетики в будущем. Другое дело, что сам мэтр многого не предвидел в развитии своего детища.

Появление конструктивных тенденций и альтернативных теоретических форм в понимании России

Выше мы рассмотрели аналитические препятствия и неудачи, встававшие перед научной средой при попытках преодолеть когнитивный шок. Мы показали, что многие сложности были связаны с отсутствием фундаментальных основ изучения России, с марксистскими стереотипами ее анализа или узко дисциплинарной ее трактовкой. Теперь обратимся к процессам в научно-образовательной среде РФ, которые позволяли нейтрализовать немалую часть этих когнитивных препятствий.

Жизнь свидетельствовала, что в разных научно-образовательных коллективах аналитические трудности понимания России преодолевались лидерами мнений, общеизвестными авторами научных трудов, опытными руководителями, которые сплачивали сотрудников в единый организм, нацеливая на новые идеи, на патристические проекты. Благодаря таким кадрам немало коллективов знакомились с наследием отечественной науки, трудами современных российских авторов, прорабатывали зарубежные теории, а также внедряли в практику актуальные темы и дисциплины, создавали научные советы по новым специальностям. Эти коллективы осваивали со студентами, аспирантами, докторантами междисциплинарные направления, о которых недавно никто не знал: геополитику, культурологию, историю локальных цивилизаций, россиеведение и др. Но и эти активные коллективы не всегда могли работать с методологическими проблемами.

Скажем о том, что в кризисные годы нередко заявляют о себе аналитики, которые обосновывают острые проблемы, выдвигают оригинальные теории, призванные, по их мнению, нейтрализовать устаревшие представления о прошлом, настоящем или будущем. Такие аналитики, как правило, понимают, что кризис дает им возможность обрести в обществе сторонников; в спокойные годы их представления нередко мало кого интересуют. Отторжение новых идей и теорий было особенно характерно для гуманитарных наук советского периода, когда нетривиальные и тем более «безумные» идеи о России не могли быть понятыми и признанными.

Радикальные перемены в РФ многое меняли коренным образом, в т.ч. в сфере гуманитарного анализа. В связи с этим сошлемся на случаи «альтернативной науки» в метаисторической лингвистике, а также на разработку вопроса о древнейших прапредках восточных славян/русских. Вначале скажем о лингвистике. Еще в СССР военный арабист-переводчик, историк-лингвист, полковник, кандидат наук Н.Н. Вашкевич долгое время сопоставлял исконно русские корни в арабском и других языках народов Ближнего Востока, живших до новой эры. При этом сравнивались также и современные культуры, мифы этносов региона со славяно-русскими традициями. Кстати, автор делал эти сопоставления с помощью приемов кибернетики там, где это было уместно и не вело к содержательным искажениям результатов анализа. В итоге Вашкевич делает вывод о познавательном-рассозерцательном влиянии древних русов (прапредков восточных славян) на тогдашнее население обширной территории, в т.ч. на арабов. Впрочем, автор признавал и обратное влияние арабского языка и культуры на язык, культуру русов. Более того, Вашкевич пришел к выводу, что русский и арабский языки являются в мире «системными языками мозга», «рабочими языками подсознания», независимо ни от истории, ни от географии, ни от этнической или социальной принадлежности тех или иных сообществ [6].

Выводы такого масштаба и характера жестко отвергали приверженцы советского марксизма, а также западные ученые. Исследователи Запада давно «утвердили» в роли лидеров мирового развития «избранные народы» Ближнего Востока (в их ряды арабы не попали), нации Западной Европы и англо-саксы по обеим сторонам Атлантики. Что касается отечественных лингвистов, то анализу и обоснованным выводам Вашкевича они не могли противопоставить ничего серьезного из арсенала советского языкознания. Немалая часть языковедов позицию ученого не поддерживала. При этом в СССР у исследователя были авторитетные сторонники среди историков, лингвистов, знатоков арабской культуры. В РФ стали издаваться основные труды автора; тогда у него появились и любознательные читатели-непрофессионалы.

Рассмотрим вопрос о древних прапредках народов РФ и прежде всего восточных славян/русских, поскольку именно они оказывались в центре интересов отечественных и зарубежных ученых. В советское время в учебниках и популярной литературе указывалось, что в V–VII вв.н.э. славяне с Запада Европы шли на восток и оседали в Карпатах, по берегам Днепра; при этом не всегда были известны их прежние народно-племенные самоназвания. В историографии СССР было не принято интересоваться предками славян/русских и обсуждать возможность их родства со скифами и с полумифическими для массового сознания ариями. Считалось достаточным включение русских в индоевропейский языковый кластер. Между тем ученые Европы – англичане, немцы, французы, исследователи из среды западных и южных славян – с XIX в. стали проявлять немалый интерес к предкам всех славян Европы. Создавая колониальные империи, европейцы повсюду в Евразии – начиная от Древнего Египта, Ближнего Востока, Персии и до Центральной Азии, Индии – находили древнейшие следы пребывания на этих территориях ариев. К Новому времени самоназвания «арии» сохранили лишь часть индусов, иранцев. В начале XX в. европейские ученые уже точно знали, что арии, развивая культуру Древней Греции, тем самым являясь и основателями западной цивилизации. Предпринимались упорные усилия найти родину ариев в Западной Европе. Но огромная часть информации об ариях была размытой, спорной, неизвестной. Ученые не знали место и время их появления в мире; запутанными выглядели маршруты их миграций по Евразии; не было ответа на вопрос: что позволяло ариям по ходу своей эволюции оказывать мощное ненасильственное (хотя было и точечное силовое) влияние на культуру и жизнь многих народов Евразии и др. В 20-е гг. XX в. все эти вопросы задает и описывает в своей небольшой, но содержательно насыщенной книге английский историк, археолог, антрополог Гордон Чайлд; его труд в РФ переводят и издают лишь в 2005 г. [7].

В Российской империи не было индологии, арабистики, как направлений гуманитарной мысли; были отдельные авторы, исследующие темы древних времен в этом направлении. В СССР появилась индология, арабистика; в системе высшего образования стали готовить этих специалистов в основном на материалах тематики Нового времени. Однако в советской науке раскрывались и проблемы эволюционных процессов древности, попутно затрагивающие вопросы о русских предках. Так, начиная с 20-х гг. XX в. в СССР была открыта и стала изучаться археологическая андроновская культура обитателей урало-казахстанских степей эпохи неолита и бронзового века. Этими обитателями были в основном арии; их значительная часть со временем покидала регион, переселяясь на Иранское нагорье. Оставшаяся часть на-

селения стала называть себя скифами. Эти процессы детально не раскрывались перед массовой аудиторией, а если и раскрывались, то в других терминах.

Но в период 80–90-х гг. в СССР/РФ тема древних предков восточных славян и других народов страны вырывается из идеологического плена, ломает ложные теории и камуфлирующие понятия, взрывает административные запреты, освещает «слепые зоны» познания. Тема далеких предков огненной лавой извергается из СМИ, активно обсуждается в обществе. В чем причина этих тектонических подвижек исторической памяти и когнитивной активности масс? Выскажем свою трактовку этой ситуации. Кризис понимания народами себя, познавательный шок в науке спонтанно оживляли в обществе и выстраивали цепочки непризнанных прежде идей, нетривиальных артефактов, непонятных археологических находок. Каждая идея или объект в отдельности выглядел неубедительно, парадоксально, порой дико. Но актуализированные и собранные вместе самим кризисом, эти идеи и артефакты создавали контуры новой картины весьма и весьма далекого прошлого, сближали общество с прапрапредками, что позволяло лучше понять настоящее, спрогнозировать будущее. При этом данные идеи, археологические артефакты еще и корректировали, уточняли друг друга по ведущим признакам, в т.ч. по степени их подлинности, достоверности.

В ситуации 80–90-х гг., когда вопрос освоения Северной Евразии прапредками народов страны оказался в фокусе общественного внимания, начали активно работать патристически мыслящие исследователи – историки, археологи, филологи, культурологи и др. Эти специалисты в данный период создали немалый объем качественной научной и публицистической литературы, которая в больших городах раскупалась мгновенно. Поэтому мы не ссылаемся на 2–3 имени известных авторов; слишком многие не менее интересные труды остались бы при этом не упомянуты, что не справедливо.

Между тем многие из авторов этого периода работали и жили в регионах страны, порой весьма отдаленных от административно-культурных центров. Некоторые авторы сами могли охранять, сберегать культурные артефакты, которые бесценны, ибо их национальная значимость выше категории стоимости. Мы говорим о квалифицированных ученых, работавших в культурно-музейных комплексах, каким, например стал в это время историко-археологический музей-заповедник Аркаим на Южном Урале.

В целом понимание российскими этносами прошлого страны и знание своих прапредков из научных источников способно стабилизировать их восприятие реальности и поведение в условиях кризиса. Однако данный вывод не является абсолютным. Многое зависит от того, каким видит этнос свое будущее: а) в России; б) вне России, но с Россией; в) вне и против России. В двух последних случаях высока вероятность ухудшения жизнедеятельности этноса или его неспособность выжить в меняющихся условиях на планете.

Анализ академическими учеными глобального мира и места в нем РФ

Как показано выше, далеко не все научно-образовательные коллективы могли самостоятельно освоить современные эпистемологические проблемы, сложные направления в российской и мировой науке. Эту непростую ситуацию помогали преодолевать конструктивные начинания руководства РАН и отраслевых институтов РФ. Для изучения масштабных познавательных проблем, понимания новой картины мира, анализа глобальных процессов создавались временные коллективы из специалистов разных на-

правлений (иногда привлекались ученые из-за рубежа), изучавшие эти темы в полидисциплинарных ракурсах. Формы организации труда были многообразными – плановая нагрузка, работа по грантам, методологические семинары, конференции. Итог фиксировался в издании трудов – монографий, сборников статей, дискуссий и др. [8]. Трудно переоценить вклад таких коллективных трудов в изучении планетарных, мировых и российских проблем, которые в немалой степени проясняли и когнитивные трудности. С их помощью осваивались новые смыслы познания настоящего и будущего всего мира, РФ, в то время, как догмы марксизма, неолиберальные теории стремительно уходили в прошлое.

Ряд российских ученых-гуманитариев в 90-е гг. XX в. усматривали не только закат социализма и посткапитализма, разбалансировку цивилизаций Запада и Востока. Эти аналитики предвидели эпохальные изменения на планете, «смену мировоззренческой парадигмы общемировой истории, завершения одного крупномасштабного периода в эволюции человечества и наступлении другого» [9]. В то время мало, кто верил в подобные выводы. Но следующие три десятилетия убеждали, что предположения были не столь экстравагантными, ибо в разных сферах жизни множились непреодолимые трудности развития, преобразования быстро утрачивали свой инновационный потенциал, а военные конфликты расползались по всему миру.

В 90-ые гг. другой коллектив ученых ряда подразделений РАН осмыслял в монографии (мы на нее уже ссылались) еще более масштабную и актуальную проблему. Не только математики, но специалисты естественных, технических и гуманитарных наук выясняли общие циклические закономерности эволюции космических тел (звезд, солнца, неживой и живой природы нашей планеты, а также динамику общества, культуры, локальных цивилизаций [10]. Главным объектом анализа стали кризисные фазы указанных эволюций и типов развития. С одной стороны, с помощью космофизики, эволюции звездных тел характеризовались кризисные ситуации в жизненном цикле звезд. О кризисах в геологической истории Земли ученые-эволюционисты могли сказать не так много, ибо она в лучшем случае представляла «цепочкой причин и следствий, а также последовательностью крупнейших переломных моментов». Более подробно изучены наукой и отображены в работе кризисы биологической и почвенной эволюции. В биологических системах доминирует принцип естественного отбора, а также появляются новые формы развития, связанные с человеком, который, как биологический вид, в ходе выживания учитывает этот принцип. Но при этом человечество создает также социокультурную историю, где этот принцип смягчается или нейтрализуется.

С другой стороны, авторы отдельно анализируют своеобразие человеческой истории и культуры, как самостоятельного фактора жизни на Земле. Осмысляются рассудочно-интеллектуальные, духовные, художественные методы изучения человеком себя и мира, его способы преобразования окружающей среды, в т.ч. с помощью орудий труда и техники, включая военную. На примере циклов в экономике анализируются долгосрочные колебания в хозяйственной конъюнктуре, в научно-технической сфере (циклы Н.Д. Кондратьева) и краткосрочные. Модели Л.Н. Гумилева, А. Тойнби позволили отследить ведущие фазы развития этносов, империй, цивилизационных сообществ. Со ссылкой на П.А. Сорокина рассмотрены циклы доминирования/вытеснения в обществе разных типов ментальности и личности.

Сравнение типов и способов эволюции звезд, солнца, нашей планеты, сопоставление свойств инертной материи, живой природы и человеческих сообществ на Земле позволило выделить, как глубокие различия в развитии этих несхожих систем, так и некий набор общих или сближающих их качеств. В последнем случае укажем на объективную закономерность: перечисленные системы имеют свой жизненный цикл (зарождение, эволюция/развитие, смерть). В пределах цикла любая система неизбежно продуцирует путем самоорганизации внутренних структур кризисные стадии; кризисы невозможно игнорировать, обойти, ибо они разрушают устаревшие формы развития и помогают закрепиться в системе новым формам жизненного цикла. Хотя такой переход оказывается неотвратимым и весьма опасным для многих земных сообществ в целом, авторы монографии считают, что особо тяжелые фазы кризиса можно смягчать. В этой трудной обстановке принцип естественного отбора нейтрализуется; на первый план, чаще всего, выходят нормы социальной консолидации и взаимопомощи.

В монографии раскрывается суть наиболее масштабных – мировых – кризисов нашей планеты, которые, как правило, связаны с рассогласованием способов ресурсопользования в подсистеме «общество-природа». Сам факт исчерпанности конкретных программ ресурсопользования поначалу остается неочевидным для современников, ибо вокруг него возникают сопутствующие, частные кризисы – дисбалансы в демографии, падение нравов в обществе, войны, голод, социально-классовые конфликты, что усугубляет мировой кризис. Но дефицит ресурсопользования легко опознается в исторической ретроспективе. Так, переходы древнего общества от программ собирательства, охоты к программам животноводства, земледелия ныне хорошо изучены. Авторы монографии полагают: нынешнее человечество переживает начало подобного глобального кризиса. По их мнению, в ближайшие десятилетия население Земли ожидает целый букет кризисов в разных сферах жизни, начиная от индустриально-промышленного производства в хозяйстве (в т.ч. в использовании технических средств), в системе общественной безопасности, рекреации и здоровья и др., кончая философией/наукой, сферами информации, религии, искусства, которые ныне дезориентированы, лишены глубоких духовных оснований, обслуживая военно-политические, материально-корпоративные нужды, либо примитивно-низменные запросы масс.

Конечно, выводы такого характера и масштаба требуют особого к себе отношения; их ни в коем случае нельзя бездумно отвергать, либо не размышляя принимать. Подобные выводы необходимо отслеживать и оценивать, куда они движутся – к выполнению или к опровержению прогноза; от этого будут зависеть реакции общества на изменение ситуации, в то время как от реакции конкретного человека или группы в этих обстоятельствах мало, что зависит.

Литература

1. См.: Шафаревич И.П. Как умирают народы // Наш современник, 1996, № 7.
2. Шафаревич И.П. Русский народ в битве цивилизаций. – М.: 2004.
3. Абрамова А.А. Формирование культуры родительства в современном российском обществе. Автореферат дисс. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова. – М. 2011. – 16 с.

4. Внутренний предиктор СССР Достаточно общая теория управления. – М., 2018.
5. См.: Винер Н. Творец и робот: Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией. – М., 1966; Он же, Кибернетика и общество. – М., 1958.
6. См.: Вашкевич Н.Н. Утраченная мудрость или что в имени твоём. Истоки древних цивилизаций. Тайны слова. Именное кодирование. – М., 1996; Он же. Системные языки мозга. – М., 2002 и др.
7. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации / Пер. с англ. – М., 2005.
8. Среди подобных трудов укажем: Глобальное сообщество: Картография постсовременного мира / Рук. проекта, отв. ред. А.И. Нелесса. М.: 2002; выпуск в ходе многих лет серии под названием «Синергетическая парадигма»; первый том: Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов / Отв. ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. – М., 2000 и др.
9. См.: Рунов Б.Б. Глобальное сообщество перед лицом перемен // Глобальное сообщество... С. 433.
10. См.: Анатомия кризисов / А.Д. Арманд, Д.И. Люри и др. Кол. монография. – М., 1999.

UNDERSTANDING RUSSIA: BREAKTHROUGHS AND DEAD ENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN HUMANITARIAN THOUGHT (XVIII – EARLY XXI CENTURIES)¹

Avanesova G.A., Mironov A.V.

Higher Education, Higher Education Institution of the Russian Federation

The authors analyze how the peculiarities of Russia – its history, society, and culture of Modern times-have interpreted some areas of Russian humanitarian thought. The main focus is on conservative thought. These processes of scientific and philosophical self-knowledge are traced, first, in the course of Russia's interactions with Western European civilization, with its humanitarianism and theory of knowledge, and secondly, in the context of internal transforma-

tions of cultural and civilizational and paradigmatic nature in the empire, in the Soviet and post-Soviet times.

Keywords: epistemology/epistemology, relations between knowledge and reality in science, theoretical rationalism, cognitive substances of different civilizations, the paradigm of studying Russia by Russian conservative thought, perspectives of understanding Russia by Soviet Marxism, reflection theory, science and politics, understanding of scientific truth and truth, pseudo-science in the Post-modern period.

References

1. See: I.R. Shafarevich, "How Peoples Are Dying," Nash sovremennik, No. 7, 1996.
2. Shafarevich I.R. Russian People in the Battle of Civilizations. – Moscow, 2004.
3. Abramova A.A. Formation of the Culture of Parenthood in Modern Russian Society. Author's abstract diss. ... PhD in Cultural Studies: 24.00.01 / Sholokhov Moscow State University for the Humanities. – Moscow, 2011. – 16 p.
4. Internal Predictor of the USSR: A Fairly General Control Theory. – Moscow, 2018.
5. See: N. Wiener, The Creator and the Robot: A Discussion of Some Problems in Which Cybernetics Collides with Religion. – Moscow, 1966; Cybernetics and Society. – Moscow, 1958.
6. See: N.N. Vashkevich, Lost Wisdom or What's in Your Name. The Origins of Ancient Civilizations. Secrets of the Word. Name encoding. – Moscow, 1996; Aka. Systemic Brain Languages. – Moscow, 2002 and others.
7. Childe G. Aryans. Founders of European Civilization. – Moscow, 2005.
8. Among such works, we will indicate: Global Community: Cartography of the Postmodern World. of the project, responsible. Ed. by A.I. Neless. Moscow, 2002; the release of a series over the years entitled "The Synergetic Paradigm"; Volume One: The Synergetic Paradigm. Diversity of Searches and Approaches. Eds. V.I. Arshinov, V.G. Budanov, V.E. Voitsekhovich. – Moscow, 2000 and others.
9. See: Runov B.B. Global Community in the Face of Change // Global Community... P. 433.
10. See: Anatomy of Crises / A.D. Armand, D.I. Lyuri et al. monograph. – Moscow, 1999.

¹ Continuation. For the beginning, see Nos. 3, 4, 5, 6 (2021, Nos. 1, 2, 4–2022, Nos. 1, 4, 6, 11–2023).

Исследование процесса становления политической системы: сравнительный анализ активности политических партий в кампаниях выборов депутатов Государственной Думы 2021 года и дополнительных выборов 2023 года

Внук Владимир Константинович,

кандидат политических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: wnuk@mail.ru

В статье осуществлён сравнительный анализ активности политических партий в ходе выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 17–19 сентября 2021 года и в ходе дополнительных выборов 10 сентября 2023 года. Задачами статьи являются определение процента политических партий, участвовавших в указанных избирательных кампаниях; выявление факторов, влияющие на политическую активность российских политических партий на выборах; выработка практических рекомендаций по стимулированию партий, активно участвующих в избирательных кампаниях. В работе исследуются проблемы, связанные с участием политических партий в избирательных кампаниях; делается вывод о том, что, несмотря на появление значительного числа политических партий в России, партийная система ещё до сих пор находится в состоянии становления.

Ключевые слова: политическая система, представительство, парламентские выборы, партии.

Политические партии являются одним из ключевых элементов политической системы, обеспечивающим связь между гражданами, гражданским обществом и государством. С одной стороны, политические партии нуждаются в социальной поддержке со стороны граждан. С другой стороны, гражданское общество заинтересовано в поддержке со стороны государства общественных инициатив через участие политических партий в деятельности государственных институтов. Среди функций политических партий необходимо выделить участие в формировании органов государственной власти посредством механизма выборов. В нашей стране политические партии являются единственным видом общественных объединений, которые обладают правом выдвижения кандидатов на выборы в органы государственной власти. [1, с. 15] В то же время необходимо признать, что различные политические партии проявляют неодинаковую активность при проведении выборов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью улучшения избирательной системы России, базирующегося на научных разработках. Кроме того, актуальность исследования обусловлена относительной немногочисленностью отечественных научных работ, посвящённых избирательной активности политических партий на дополнительных выборах.

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ активности политических партий в ходе выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 17–19 сентября 2021 года и в дополнительных выборах депутатов Государственной Думы 10 сентября 2023 года.

Задачами статьи являются:

- определить процент политических партий, участвовавших в указанных избирательных кампаниях;
- выявить факторы, влияющие на политическую активность российских политических партий на выборах;
- выработать практические рекомендации по стимулированию партий, активно участвующих в избирательных кампаниях.

Согласно Конституции Российской Федерации, в России признаётся многопартийность и идеологическое многообразие. В соответствии с пунктом 1 статьи 3 Федерального закона Российской Федерации № 95-ФЗ «О политических партиях», в России существует многопартийная система. Согласно статье 3 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», 225 депутатов избираются по одномандатным избирательным округам, и 225 депутатов Государственной Думы избираются по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов избирателей, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты. Таким образом, в России существует смешанная мажоритарно-

пропорциональная избирательная система. Как считает ряд политологов, смешанная избирательная система в большей мере обеспечивает народовластие, чем пропорциональная. [14, с. 41]

Смешанная избирательная система вобрала достоинства, присущие как мажоритарной, так и пропорциональной системы. Неоспоримым плюсом мажоритарной системы является то обстоятельство, что в рамках неё избиратель голосует за конкретного кандидата, основываясь на его личных качествах. В результате мажоритарная система предоставляет возможность пройти в представительный орган как кандидатам от небольших партий, так и беспартийным кандидатам. Мажоритарная система способствует построению в парламенте двухпартийной системы. Несомненным достоинством пропорциональной системы является то, что каждая политическая партия, прошедшая в парламент, получает число мест в соответствии с набранным процентом голосов. Вследствие этого результат народного волеизъявления раскрывается как справедливый, так как это обеспечивает артикуляцию интересов различных социальных групп гражданского общества. Пропорциональная избирательная система способствует формированию многопартийной политической системы.

На протяжении последних трех десятилетий избирательная система России находилась в состоянии трансформации. Смешанная избирательная система применялась на выборах в Государственную Думу с 1993 г. В середине 2000-х гг. произошел переход к пропорциональной избирательной системе, которая использовалась на выборах Государственной Думы 2007 и 2011 гг., но обнаружившиеся недостатки и противоречия. [6, с. 1048] В итоге это привело к возврату начиная с выборов 2016 г. к смешанной избирательной системе.

За тридцать лет с момента принятия российской Конституции прошло уже восемь электоральных циклов в Государственную Думу, в результате которых в стране сложилась многопартийная система. Однако, как показывает практика, не более половины политических партий стремятся полноценно участвовать в избирательном процессе.

Так, выборы депутатов Государственной Думы восьмого созыва состоялись 17–19 сентября 2021 года. В ходе выборов в нижнюю палату парламента было избрано 450 депутатов: 225 – по федеральному избирательному округу и 225 – по одномандатным избирательным округам. Всего, по состоянию на 7 июля 2021 года, было зарегистрировано 30 политических партий: Всероссийская политическая партия «Единая Россия»; Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»; Политическая партия ЛДПР – Либерально-демократическая партия России; Всероссийская политическая партия «Партия Роста»; Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»; Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»; Политическая партия «Партия народной свободы»; Политическая партия «Демократическая партия России»; Политическая партия «Российская экологическая партия «Зелёные»; Политическая партия «Коммунистическая партия коммунисты России»; Всероссийская политическая партия «Партия за справедливость!»; Политическая партия «Партия прогресса»; Политическая партия «Российская партия свободы и справедливости»; Политическая партия Социальной защиты; Общественная организация Всероссийская политическая партия «Гражданская Сила»; Общественная организация – поли-

тическая партия «Российский общенародный союз»; Политическая партия «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость»; Политическая партия «Гражданская Платформа»; Всероссийская политическая партия «Родина»; Политическая партия «Казачья партия Российской Федерации»; Всероссийская политическая партия «Партия дела»; Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива»; Политическая партия «Партия Возрождения России»; Политическая партия «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров, против насилия над животными»; Политическая партия «Альтернатива для России (Партия социалистического выбора)»; Политическая партия «Партия малого бизнеса России»; Политическая партия «Народно-патриотическая партия – Власть Народу!»; Политическая партия «Зелёная альтернатива»; Политическая партия «Партия прямой демократии»; Политическая партия «Новые люди». [7]

Из них в выборах по общефедеральному списку и по одномандатным округам приняли участие 15 политических партий: КПРФ, Зелёная, ЛДПР, «Новые люди», «Единая Россия», «Справедливая Россия», «Яблоко», «Партия роста», Партия свободы и справедливости, Коммунисты России, «Гражданская Платформа», «Зелёные», «Родина», Партия пенсионеров, Российский общенародный союз. При этом в одномандатных округах своих кандидатов выдвинули: КПРФ (в 225 округах), ЛДПР (в 225 округах), Справедливая Россия – За правду (в 225 округах), Единая Россия (в 219 округах), «Новые люди» (в 211 округах), Партия пенсионеров (в 194 округах), Яблоко (в 158 округах), Коммунисты России (в 144 округах), «Родина» (в 138 округах), «Партия роста» (в 98 округах), «Зелёные» (в 93 округах), Российская партия свободы и справедливости (в 73 округах), «Гражданская платформа» (в 62 округах), «Зелёная альтернатива» (в 31 округах), Российский общенародный союз (в 26 округах). [4] (рис. 1).

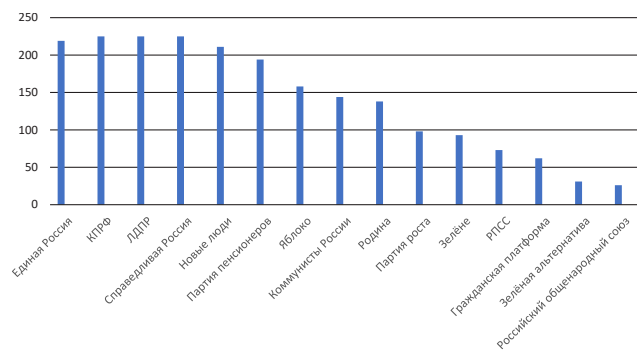

Рис. 1. Активность политических партий в ходе выборов депутатов Государственной Думы VIII созыва 17–19 сентября 2021 г. по одномандатным округам

Таким образом, в избирательной кампании приняло участие 50% зарегистрированных политических партий.

Ещё более показательна картина на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва, состоявшихся 10 сентября 2023 года. Выборы проходили в четырёх одномандатных избирательных округах: Карачаево-Черкесская Республика (Карачаево-Черкесский одномандатный избирательный округ № 16); Республика Крым (Симферопольский одномандатный избирательный округ № 19); Красноярский край (Дивногорский одномандатный избирательный округ № 56); Липецкая область (Липецкий одномандатный избирательный округ № 114).

По состоянию на 26 июля 2023 года, в Российской Федерации было официально зарегистрировано 25 политических партий: Всероссийская политическая партия «Единая Россия»; Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»; Политическая партия ЛДПР – Либерально-демократическая партия России; Всероссийская политическая партия «Партия Роста»; Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»; Политическая партия «Российская партия объединенная демократическая партия «Яблоко»; Политическая партия «Демократическая партия России»; Политическая партия «Российская экологическая партия «Зелёные»; Политическая партия «Коммунистическая партия коммунисты России»; Всероссийская политическая партия «Партия за справедливость!»; Политическая партия «Партия прогресса»; Политическая партия «Российская партия свободы и справедливости»; Политическая партия Социальной защиты; Общественная организация Всероссийская политическая партия «Гражданская Сила»; Общественная организация – политическая партия «Российский общенародный союз»; Политическая партия «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость»; Политическая партия «Гражданская Платформа»; Всероссийская политическая партия «Родина»; Политическая партия «Казачья партия Российской Федерации»; Всероссийская политическая партия «Партия дела»; Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива»; Политическая партия «Партия Возрождения России»; Политическая партия «Зелёная альтернатива»; Политическая партия «Партия прямой демократии»; Политическая партия «Новые люди». [8]

Как и в ходе выборов 2021 года, политические партии в ходе избирательной кампании 2023 года проявили различную активность. Наиболее активными были политические партии, уже представленные в нижней палате парламента: «Справедливая Россия», «Единая Россия», «Коммунистическая партия Российской Федерации», «Либерально-демократическая партия России», сумевшие зарегистрировать своих кандидатов во всех четырёх избирательных округах. Партия «Яблоко» зарегистрировала кандидатов в трёх избирательных округах, «Коммунисты России» – в двух округах, и партия «Родина» – в одном. [10] (рис. 2).

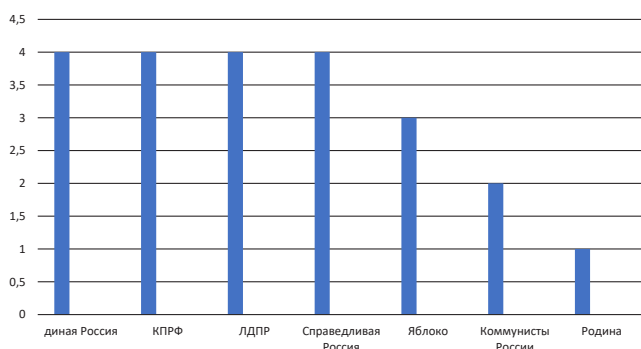

Рис. 2. Активность политических партий в ходе выборов депутатов Государственной Думы VIII созыва 17–19 сентября 2021 г.

Таким образом, можно констатировать, что в ходе дополнительных выборов 2023 года принимало участие 28% от общего числа зарегистрированных российских политических партий. Этот показатель, на наш взгляд, является недостаточным, особенно учитывая то обстоятельство, что именно политические партии играют роль связующего звена между государством и обществом. [2, с. 17]

Представляется, что низкая политическая активность российских политических партий является следствием сразу ряда факторов.

Во-первых, многие российские партии ориентированы на достижение краткосрочных, тактических задач, не ставя перед собой долгосрочных целей в виде решения серьезных социальных проблем, стоящих перед российским обществом. Так, Е.А. Трофимов считает, что современные российские политические партии де-факто уступили свои представительные функции государству и высшей государственной бюрократии, что ведёт к ригидности политической системы, утрате государством контроля за обществом и разрушению системы «обратных связей». [11, с. 109]

Во-вторых, особенность партийной системы России заключается еще и в особенности конкурентной борьбы, в том числе в наличии «партии власти», что приводит к тому, что партии создаются вокруг конкретного лидера, а не как выразители интересов определенных социальных слоев или классов. Как отмечает Ю.В. Попова, нередко политики выстраивают партии под себя, в то время как предвыборная и не только деятельность партий наполнена межличностными конфликтами. [9, с. 93]

В-третьих, ряд политических партий участвует в выборах исключительно для того, чтобы оттянуть голоса у других партий. Их политическая деятельность имеет скорее имитационный характер. Как считают некоторые исследователи, такие партии регулярно участвуют в выборах, но «с отрицательным результатом». [13, с. 146] Как следствие, эти факторы приводят к потере интереса избирателей не только к политическим партиям как к институтам, но и вообще к политическим процессам, что выражается в существенном снижении явки на выборах. [5, с. 144]

В-четвертых, участие вы выборах федерального уровня является высокочрезвычайно затратным. Для проведения полноценной избирательной кампании, с использованием электронных средств массовой информации, политическая партия должна располагать значительным объемом материальных ресурсов. При том, что многие из зарегистрированных партий обладают достаточно скромными бюджетами. Малым партиям значительно сложнее конкурировать на выборах еще и потому, что, в отличие от партий, представленных в Государственной Думе, на первых не распространяются гарантии доступа к общегосударственным СМИ. Федеральный закон «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» устанавливает, что распространение информации о деятельности каждой парламентской партии государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами должно осуществляться в равном объеме. [12, с. 2392] В отношении иных партий такие требования данный закон не содержит. В результате парламентские партии в части доступа к информационным ресурсам оказываются в более выгодных условиях по сравнению со всеми остальными партиями. [3, с. 12]

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что за тридцать лет в России сложилась и в целом завершила своё оформление многопартийная система. В тоже время, сам факт появления значительного числа политических партий не привёл к расширению народного представительства во власти и повышению его качества. Очевидно, на настоящем этапе целесообразно сделать шаги по стимулированию партий активнее осуществлять функцию политического представительства. Возможно, на законодательном уровне

можно предпринять меры, которые бы мотивировали активное участие партий в электоральном процессе, и с другой стороны, отфильтровывали бы те политические партии, которые игнорируют или имитируют избирательный процесс.

Литература

1. Долгих Ф.И. Муниципальный фильтр на региональных выборах: проблемные точки и правовые параметры оптимизации // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 2. С. 15–19.
2. Долгих Ф.И. Общественный контроль за деятельностью политических партий – к постановке вопроса // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2016, № 2, с. 13–18.
3. Долгих Ф.И. Политическая конкуренция в России и политические партии // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 9–14.
4. Заверенные списки кандидатов, выдвинутых политическими партиями по одномандатным избирательным округам // <http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/kategorii-viborov/vibori-deputatov-gosdumi/uchastie-politicheskikh-partiy-v-vyborakh-deputatov-gosudarstvennoy-dumy-federalnogo-sobraniya/spiski-kandidatov.php> (дата обращения 10.01.2024)
5. Кисляков А.С. К вопросу об истории формирования многопартийной системы в Российской Федерации. // Общество: философия, история, культура. 2023. № 8. С. 140–145.
6. Мажников В.И. Основные этапы и тенденции модернизации избирательной системы РФ // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 4 (80). С. 1043–1051.
7. Политические партии, отвечающие требованиям пункта 2 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях», согласно информации, представленной Министерством юстиции Российской Федерации (по состоянию на день получения официальной информации) По состоянию на 7 июля 2021 года // <http://cikrf.ru/politparty/MinUst/49706/> (дата обращения 10.01.2024)
8. Политические партии, отвечающие требованиям пункта 2 статьи 36 Федерального закона «О политических партиях», согласно информации, представленной Министерством юстиции Российской Федерации по состоянию на 26 июля 2023 года // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации <http://www.cikrf.ru/politparty/MinUst/last/> (дата обращения 10.01.2024)
9. Попова Ю.В. «Единая Россия» как опорный институт персонализации режима // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, № 3 (27). С. 87–95.
10. Сведения о выдвижении политическими партиями кандидатов на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатным избирательным округам, назначенных на 10 сентября 2023 года // <http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2023/kategorii-viborov/vibori-deputatov-gosdumi/svedeniya-o-vidvizhenii-registracii-kandidatov.php> (дата обращения 10.01.2024)
11. Трофимов Е.А. Субинституционализация политических партий в России // Теория и практика общественного развития 2014, № 19, стр. 108–110.
12. Федеральный закон от 12.05.2009 № 95-ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при осве-

щении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами», пункт 1 ст. 3 // Собрание законодательства РФ, 18.05.2009, № 20.

13. Шашкова Я.Ю. Трансформации российской партийной системы в контексте глобальных тенденций партотгенеза // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2019. № 47.
14. Шелегов В.Г. Избирательная система России: в поисках компромисса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2019 г., 4, стр. 34–44.

STUDY OF THE PROCESS OF FORMATION OF THE POLITICAL SYSTEM: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ACTIVITY OF POLITICAL PARTIES IN THE CAMPAIGNS FOR THE ELECTIONS OF STATE DUMA DEPUTIES IN 2021 AND BY-ELECTIONS IN 2023

Vnuk V.K.

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”

The article provides a comparative analysis of the activity of political parties during the elections of deputies to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on September 17–19, 2021 and during the by-elections on September 10, 2023. The objectives of the article are to determine the percentage of political parties that participated in these election campaigns; to identify the factors affecting the political activity of Russian political parties in the elections; to develop practical recommendations to stimulate parties actively participating in election campaigns. The paper examines the problems associated with the participation of political parties in election campaigns; it concludes that, despite the emergence of a significant number of political parties in Russia, the party system is still in a state of formation.

Keywords: political system, representation, parliamentary elections, parties.

References

1. Dolgikh F.I. Municipal filter in regional elections: problem points and legal parameters for optimization // Electoral legislation and practice. 2019. No. 2. P. 15–19.
2. Dolgikh F.I. Public control over the activities of political parties – to pose the question // Gaps in Russian legislation. Legal Journal, 2016, No. 2, p. 13–18.
3. Dolgikh F.I. Political competition in Russia and political parties // State power and local self-government. 2019. No. 2., P. 9–14.
4. Certified lists of candidates nominated by political parties in single-mandate electoral districts // <http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/kategorii-viborov/vibori-deputatov-gosdumi/uchastie-politicheskikh-partiy-v-vyborakh-deputatov-gosudarstvennoy-dumy-federalnogo-sobraniya/spiski-kandidatov.php> (access date 01/10/2024)
5. Kislyakov A.S. On the history of the formation of a multi-party system in the Russian Federation. // Society: philosophy, history, culture. 2023. No. 8. P. 140–145.
6. Mazhnikov V.I. Main stages and trends in the modernization of the electoral system of the Russian Federation // Questions of political science. 2022. Т. 12. No. 4 (80). pp. 1043–1051
7. Political parties that meet the requirements of paragraph 2 of Article 36 of the Federal Law “On Political Parties”, according to information provided by the Ministry of Justice of the Russian Federation (as of the day of receipt of official information) As of July 7, 2021 // <http://cikrf.ru/politparty/MinUst/49706/> (access date 01/10/2024)
8. Political parties that meet the requirements of paragraph 2 of Article 36 of the Federal Law “On Political Parties”, according to information provided by the Ministry of Justice of the Russian Federation as of July 26, 2023 // Official website of the Central Election Commission of the Russian Federation <http://www.cikrf.ru/politparty/MinUst/last/> (access date 01/10/2024)
9. Popova Yu.V. “United Russia” as a supporting institution for the personalization of the regime // Bulletin of Omsk University. Series “Historical Sciences”. 2020. Vol. 7, No. 3 (27). pp. 87–95

10. Information on the nomination of candidates by political parties for by-elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the eighth convocation in single-mandate electoral districts appointed for September 10, 2023 // [http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2023 /kategorii-viborov/vibori-deputatov-gosdumi/svedeniya-o-vidvizhenii-i-registracii-kandidatov.php](http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2023/kategorii-viborov/vibori-deputatov-gosdumi/svedeniya-o-vidvizhenii-i-registracii-kandidatov.php) (access date 01/10/2024)
11. Trofimov E.A. Subinstitutionalization of political parties in Russia // Theory and practice of social development 2014, No. 19, pp. 108–110.
12. Federal Law of May 12, 2009 No. 95-FZ “On guarantees of equality of parliamentary parties when covering their activities by state public television channels and radio channels”, paragraph 1 of Art. 3 // Collection of legislation of the Russian Federation, 05/18/2009, N20, art. 2392
13. Shashkova Ya. Yu. Transformations of the Russian party system in the context of global trends of partogenesis // Bulletin of Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political science. 2019. No. 47, p. 146
14. Shelegov V.G. Electoral system of Russia: in search of a compromise // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, 4, pp. 34–44.

Особенности использования социальных сетей, как инструмента политической мобилизации в современной России

Васильева Татьяна Александровна,

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Волжанин Даниил Андреевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Дубков Никита Сергеевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

В современном информационном обществе социальные сети занимают важное место в политической жизни, представляя собой мощный инструмент политической мобилизации. Они обладают рядом уникальных особенностей, таких как быстрота распространения информации, возможность создания сообществ и организаций, привлекательность для молодежи, анонимность и возможность создания виртуальных протестов. Все эти особенности делают социальные сети одним из наиболее эффективных инструментов политической мобилизации.

Исследование охватывает разнообразные субъекты политической мобилизации, включая политические партии, гражданские организации, профсоюзы, религиозные организации и индивидуальных граждан. Эти субъекты могут активно использовать социальные сети для достижения своих политических целей.

Примеры реальных событий, такие как массовые протесты 2011–2012 годов и митинги против коррупции в 2017 году, делают акцент на важности социальных сетей как средства организации и координации политических мероприятий. Также в работе рассматриваются поправки к Конституции Российской Федерации в 2020 году, в которых использовались различные методы сетевой политической мобилизации, такие как интернет-реклама, социальные ролики и влиятельные личности.

Исследование подчеркивает, что успешность сетевой политической мобилизации зависит от ситуации и целей кампании, а эффективность методов может варьироваться. Вместе с тем социальные сети предоставляют множество инструментов и стратегий, которые могут быть задействованы для воздействия на общественное мнение и мобилизации граждан.

В результате исследования делается вывод, что социальные сети действительно являются мощным инструментом политической мобилизации и способствуют разнообразным методам воздействия на общественное сознание и участие в политической жизни.

Ключевые слова: социальные сети, политическая мобилизация, интернет-технологии, сетевая политическая мобилизация, субъекты политической мобилизации.

В современном информационном обществе социальные сети заняли особое место в политической жизни. С их помощью политические партии, организации и активисты могут собирать миллионы последователей и таким образом эффективно пропагандировать свои идеи и убеждения. Возможности социальных сетей, такие как широкий охват аудитории, высокая скорость распространения информации, удобство коммуникации и низкие затраты на рекламу, делают их одним из наиболее эффективных инструментов политической мобилизации.

Однако несмотря на все преимущества, использование социальных сетей в качестве инструмента политической мобилизации остается сложным и многогранным процессом. Многие факторы могут повлиять на успешность или неудачу таких кампаний, включая стратегии мобилизации, тип контента, уровень вовлеченности пользователей, механизмы целевой рекламы и другие. Кроме того, возникают и некоторые негативные аспекты, такие как фейковые новости, манипуляции, распространение ненадежной информации и прочее, которые могут угрожать эффективности использования социальных сетей в политических целях.

В связи с этим, актуальность исследования эффективности социальных сетей в качестве инструмента политической мобилизации заключается в необходимости более глубокого понимания механизмов и факторов, определяющих успех при использовании социальных сетей для политических целей. Такое исследование может быть полезным для политических структур, активистов, организаций и всех, кто стремится использовать социальные сети в качестве эффективного инструмента мобилизации своей аудитории.

Отправной точкой в исследовании будет определение понятия политической мобилизации. Гончаров Д. В. доцент Оренбургского филиала Московской государственной юридической академии не выделяет отдельного понятия политической мобилизации. Он предлагает рассматривать политическую мобилизацию, как форму политического участия, которая делится на два вида:

1. Политическую мобилизацию – активность, которая является следствием деятельности политических лидеров или организаций на индивидов и основана на подавлении или искажении свободных и рациональных политических предпочтений этих индивидов.

2. Автономное участие – является результатом рационального самоопределения индивида, без воздействия внешних факторов [1].

Другая типология мобилизации представлена в трудах Яницкого О. Н. В работе «Массовая мобилизация: проблемы теории» он выводит следующее понятие мобилизации: «Мобилизация есть коллективное действие, инициированное, как правило, социально-политическим конфликтом.» в дальнейшем он делит мобилизацию на два вида:

1. Конструктивную – группа людей целенаправленно использует имеющиеся у них сети и другие ресурсы и организует социальные действия, как протест или массовая компания.

2. Вынужденная – стихийная мобилизация, происходящая вследствие критической ситуации, техногенной

или экологической катастрофы, а также угрозе существования сообществу извне [9].

Отдельное определение политической мобилизации представил кандидат политических наук Кремень Т.В. «политическая мобилизация – это процесс, в ходе которого посредством образования новых партий и других политических институтов на политическую арену выносятся широкие слои населения» [5].

Можно резюмировать, что политическая мобилизация происходит из понятия мобилизации, только при добавлении политического аспекта. Круг событий мобилизации сужается до исключительно политических действий, что позволяет четко обозначить направление мобилизации.

В современном мире к эффективным средствам политической мобилизации населения добавились интернет-технологии, в частности социальные сети, изначально не относящиеся к сфере политики. Таким образом, можно выделить следующее определение: сетевая политическая мобилизация – это процесс организации и координации группы людей, используя социальные сети и другие средства коммуникации в сети Интернет, с целью достижения политических целей.

Главное отличие сетевой политической мобилизации состоит в том, что она осуществляется в онлайн режиме и подразумевает использование онлайн-инструментов для активизации политической деятельности, обмена информацией и мобилизации широких масс населения с целью их участия в политической жизни. Тем не менее можно считать, что сетевая политическая мобилизация является подвидом политической мобилизации.

Исходя из представленных определений политической мобилизации и сетевой политической мобилизации, можно выделить их субъекты. Стоит сделать оговорку и сказать, что сетевая политическая мобилизация является подвидом политической мобилизации.

Субъекты политической мобилизации – это акторы, которые могут инициировать, организовывать или участвовать в политическом процессе. В зависимости от характера и целей мобилизации можно выделить две большие группы субъектов политической мобилизации:

1. Политические организации – представляют из себя политические партии. Данные организации имеют политическую программу и стремятся к получению власти в государстве. Они могут организовывать целенаправленные акции для достижения своих целей при этом используя инструмент СМИ для привлечения других субъектов.

2. Общественные организации – это организации, которые не имеют политической программы, но занимаются решением социальных вопросов. Они могут устраивать собственные акции, направленные на различные социальные проблемы, но также могут выступать за различные политические цели.

Данное деление на политические и общественные организации, обусловлено в первую очередь фактом наличия политического вектора у организации. При этом стоит сказать, что общественная организация может быть создана с политическим контекстом, но при этом политическая цель является второстепенной.

Стоит также обозначить еще одну группу субъектов политической мобилизации, которая не входит в рамки предложенной классификации, но имеет место быть, как один из возможных акторов мобилизации.

Индивидуальные личности – это люди, которые могут действовать обособленно и выражать свою позицию в политическом процессе. Они могут участвовать в митингах, демонстрациях, подписывать петиции, активно использовать социальные сети для выражения своих взглядов и мнений [4]. Стоит отметить, что в данном слу-

чае, мы рассматриваем их, как независимых акторов, т.е. не являющимися структурными частями других, ранее перечисленных субъектов.

Субъекты сетевой политической мобилизации можно также разделить на три группы, сделав акцент на их место в структуре мобилизации:

1. Участники – это люди, которые являются членами сообществ, которые создают организаторы. Участники активно участвуют в процессе мобилизации и могут участвовать в различных акциях, привлекая внимание к необходимой проблеме.

2. Организаторы – это субъекты, которые инициируют процесс мобилизации в социальных сетях и формируют сообщества вокруг определенных целей, в данном случае политических. Социальные сети используются ими для координации действий участников.

4. Инфлюенсеры – это политики, общественные деятели, блогеры, журналисты и другие люди, которые имеют большую аудиторию в социальных сетях. Они способны поддерживать определенные политические цели, а также привлекать свою аудиторию для участия в мобилизации.

Можно сделать вывод и выделить особенности субъектов сетевой политической мобилизации. Субъекты сетевой политической мобилизации в какой-то степени являются и субъектами политической мобилизации, но также это работает и наоборот. Например, все организации, являющиеся субъектами политической мобилизации, могут выступать в качестве организаторов, формирующих сообщества в процессе сетевой политической мобилизации, отдельные личности могут быть влиятельными субъектами социальных сетей, чье мнение может иметь вес для определенного круга населения, но при этом они способны действовать обособленно.

Актуальность социальных сетей в процессе политической мобилизации обусловлена рядом особенностей, характерных исключительно для данного инструмента. Но стоит отметить, что не все особенности имеют исключительно положительный эффект. Среди особенностей социальных сетей, как инструмента политической мобилизации, можно выделить следующие:

1. Скорость распространения информации. Социальные сети позволяют мгновенно распространять информацию о политических событиях и мероприятиях на большое количество людей. Это позволяет быстро и эффективно мобилизовать поддержку для определенных политических целей.

2. Возможность организации сообществ вокруг конкретной темы. Социальные сети позволяют создавать сообщества с целью объединения людей вокруг конкретной цели. Имея сообщество с большим количеством участников, позволяет быстро мобилизовать его ресурсы для поддержки определенной инициативы.

3. Наличие большой социальной базы. Социальные сети аккумулируют в себе различные социальные группы, что позволяет субъектам мобилизации в кратчайшие сроки получить доступ до самых разных слоев населения. Данная особенность, позволяет сделать акцент на конкретные проблемы для привлечения определенной группы к процессу мобилизации.

4. Анонимность – социальные сети позволяют участникам скрывать свою личность, что снимает ограничения с личности и предоставляет больше свободы действий в процессе мобилизации.

5. Организация виртуальных акций. Социальные сети позволяют создавать виртуальные протесты и акции, которые могут привлекать достаточно много внимания общественности к определенным политическим проблемам.

Значимой особенностью социальных сетей, можно назвать возможность мобилизации различных слоев населения, с целью привлечения их к коллективному выполнению определённой цели. Добавление политического аспекта в процесс мобилизации, только сильнее подогревает интерес политических субъектов к использованию нового инструмента.

Для дальнейшей оценки эффективности социальных сетей в процессе политической мобилизации необходимо проанализировать примеры использования данного инструмента на практике.

Наглядным примером, когда социальные сети выступили инструментом политической мобилизации, является период массовых протестов против возможной фальсификации результатов выборов 2011–2012 гг., социальные сети стали важным инструментом организации и проведения акций. Это привело к значительному росту массовости протестных акций и расширению их географии. В Москве прошли первые массовые митинги на Чистых прудах, на Болотной площади и на проспекте Сахарова, которые были наиболее заметными следствиями использования Интернета в качестве инструмента мобилизации. Количество участников митингов было более 25 тысяч человек. 4 февраля 2012 года на Болотной площади в Москве прошел очередной массовый митинг против фальсификации выборов, который собрал от 36 до 120 тысяч участников. Социальные сети продолжали играть основную мобилизационную роль в организации митингов. В группе «За честные выборы» в социальной сети Facebook были размещены сообщения, призывающие людей сообщать о своем участии в митинге и делиться этой информацией с другими пользователями сети. Митинги и шествия также прошли в более чем 100 городах России и СНГ [2].

Еще одним примером, когда социальные сети использовались для политической мобилизации были митинги против коррупции, прошедшие 12 июня 2017 г. при организации и поддержке Навального А.А. и его команды. Митинги прошли во многих крупных и малых городах России и собрали от 50 до 98 тысяч человек. Навальный и его команда использовали социальные сети для координации и организации митингов, а также для привлечения новых участников. Митинги были направлены на требование ответов от власти на обвинения в коррупции, выдвигаемые Навальным и его командой [6].

В данном контексте, можно рассмотреть еще один пример, а именно поправки к Конституции Российской Федерации 2020 г. В процессе данной кампании в социальных сетях было выделено три основных способа политической мобилизации населения, а именно:

1. Интернет-реклама – представляла собой преимущественно призывы к посещению голосования. Но наблюдались и оппозиционные настроения, призывающие бойкотировать голосование.

2. Социальные ролики – являются одним из самых обсуждаемых аспектов агитации на голосование

3. Влиятельные инфлюенсеры – еще один способ привлечения внимания к голосованию, путем участия в нём «лидеров мнений». Были привлечены различные блогеры с крупной базой последователей для агитации [7].

Прогнозируемые результаты были следующие: явка более 50% [3], а итоговая явка составила 67,97%, процент проголосовавших «за» составил 77.92%. Из чего можно сделать, что политическая мобилизация была успешной [8].

Исходя из представленной информации, можно сделать вывод, что в зависимости от ситуации, эффективным средством привлечения являются разные методы

сетевой политической мобилизации, внутри социальных сетей. В первых двух примером таким средством послужили безличные сообщества и лидеры мнений. В третьем примере – совокупность из средств, осуществляемых внутри социальных сетей.

Подводя итог, можно сказать, что социальные сети в правильных руках действительно являются мощным инструментом политической мобилизации общества. Ключевым аспектом использования их в процессе политической мобилизации можно обозначить то, что они охватывают всю совокупность методов, которые возможно использовать в СМИ, и переносят эту информацию в онлайн формат, что, в свою очередь, только добавляет вариативности к использованию социальных сетей, как инструмента политической мобилизации.

Литература

1. Гончаров, Д.В. Политическая мобилизация // Полит. Политические исследования. – 1995. – № 6. – С. 129–137.
2. Зайцев, Д.Г. Протестное движение в России 2011–2012 гг.: проблема субъектности // Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций: Политическая наука: Ежегодник 2013 / Российская ассоциация политической науки. – Москва: Издательство «Политическая энциклопедия», 2013. – С. 231–266.
3. Как Кремль мобилизует избирателей на голосование за поправки в Конституцию // Сетевое издание Ведомости URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/02/07/822472-krem1-mobilizuet>
4. Кремень, Т.В. Компоненты политической мобилизации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2013. – № 28. – С. 6–12.
5. Кремень, Т.В. Политическая мобилизация: объекты и субъекты // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5. – С. 146–149.
6. ОМОН и реконструкторы: как прошли акции сторонников Навального // Сетевое издание РБК URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/06/2017/593e-2f389a7947800c2f33db>
7. Раскрыты уловки агитаторов за и против поправок в Конституцию // Информационное агентство СоцИнформБюро URL: <https://volgasib.ru/virtual/obshestvo/chashhe-vsego-diagnoz-covid-19-stavyat-volgograd/>
8. ЦИК назвала итоговую явку на голосование по Конституции // Сетевое издание РБК URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5efda6489a794707072a7a64>
9. Яницкий, О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. – 2012. – № 6(338). – С. 3–12.

PECULIARITIES OF USING SOCIAL NETWORKS AS A TOOL OF POLITICAL MOBILIZATION IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS OF INCREASING EFFECTIVENESS

Vasilyeva T.A., Volzhanin D.A., Dubkov N.S.
Far Eastern Federal University

In the modern information society, social networks occupy an important place in political life, representing a powerful tool of the political mobilization. They have several unique features, such as the speed of information dissemination, the possibility of creating communities and organizations, attractiveness for young people, anonymity and the possibility of creating virtual protests. All these features make social media one of the most effective tools for political mobilization.

The study covers a variety of actors of political mobilization, including political parties, civic organizations, trade unions, religious organizations, and individual citizens. These actors can actively use social media to achieve their political goals.

Real-world examples, such as the mass protests of 2011–2012 and the anti-corruption rallies of 2017, emphasize the importance of social media as a means of organizing and coordinating political events. The paper also examines the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020, which used various methods of online political mobilization such as online advertising, social videos and influential personalities.

The study emphasizes that the success of online political mobilization depends on the situation and campaign objectives, and the effectiveness of the methods can vary. However, social media provides many tools and strategies that can be employed to influence public opinion and mobilize citizens.

The study concludes that social media is indeed a powerful tool for political mobilization and promotes a variety of methods to influence public consciousness and political participation.

Keywords: social networks, political mobilization, Internet technologies, network political mobilization, subjects of political mobilization.

References

1. Goncharov, D.V. Political mobilization // *Polis. Political studies*. – 1995. – No. 6. – P. 129–137.
2. Zaitsev, D.G. Protest movement in Russia 2011–2012: the problem of subjectivity // *State and society in the space of power and political communications: Political science: Yearbook 2013 / Russian Association of Political Science*. – Moscow: Publishing House “Political Encyclopedia”, 2013. – P. 231–266.
3. How the Kremlin mobilizes voters to vote for amendments to the Constitution // *Network publication Vedomosti* URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/02/07/822472-kreml-mobilizuet>
4. Kremen, T.V. Components of political mobilization // *Current issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history*. – 2013. – No. 28. – P. 6–12.
5. Kremen, T.V. Political mobilization: objects and subjects // *Historical and social-educational thought*. – 2013. – No. 5. – P. 146–149.
6. Riot police and reenactors: how the actions of Navalny’s supporters went // *RBC Network publication* URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/06/2017/593e2f389a7947800c2f33db>
7. The tricks of agitators for and against amendments to the Constitution have been revealed // *Information agency SotsInform-Buro* URL: <https://volgasib.ru/virtual/obshestvo/chashhe-vsego-diagnoz-covid-19-stavyat-v-volgograd/>
8. The Central Election Commission announced the final turnout for voting on the Constitution // *RBC Network publication* URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5efda6489a794707072a7a64>
9. Yanitsky, O.N. Mass mobilization: problems of theory // *Sociological studies*. – 2012. – No. 6(338). – P. 3–12.

Даниелян Мери Георгиевна,
к. филол.н., доцент, НИУ МГСУ
E-mail: daniel_mg@list.ru

В постсоветских республиках, провозгласивших суверенитет и демократию, вопросы социальной и экономической стабильности приобретают важнейшее значение. Вектор государственной политики, экономические реформы становятся основополагающими в области образования и культуры. Провокационные решения в области государственной политики приводят к протестным движениям. Одной из причин нестабильности являются межэтнические конфликты, берущие свое начало вследствие непродуманной, а зачастую и ущербной, национально-ориентированной политики. Межэтнические конфликты, возникающие из-за языкового различия, объясняются сопротивлением общества к нововведениям в период становления молодого государства, а именно к проводимой языковой политике. Для каждого этноса многоязычного общества встает вопрос витальности его родного языка, его статуса и его месте в поликультурном обществе. «Демократизация» национальных государств породила социальную иерархию в межэтнических отношениях, определяющую статусные роли этносов, проживающих в одной стране. Изменившиеся общественно-политические условия жизни, с одной стороны, установили социокультурную дистанцию в обществе, которая и вызвала эмиграционные процессы, с другой – способствовали формированию у доминирующего этноса лояльного отношения к власти.

Ключевые слова: языковая политика, эмиграционные процессы, национальные ценности, этнитизация, билингвизм

В постсоветских республиках, провозгласивших суверенитет и демократию, выбор политической модели и становление государственных институтов и пути достижения социальной и экономической стабильности приобретают важнейшее значение. Факторов, влияющих на социальную и экономическую стабильность, достаточно много: это и определение государственной идеологии, и проведение экономических реформ, и основополагающие решения в области образования и культуры.

Годы, прошедшие после распада СССР, наглядно продемонстрировали к каким негативным явлениям – от митингов, протестов, погромов, до вооруженного сопротивления – могут приводить непродуманные или даже явно провокационные решения в области государственной политики.

Одной из причин нестабильности в молодых государствах являются межэтнические конфликты, берущие свое начало вследствие непродуманной, а зачастую и ущербной, национально-ориентированной политики. Причины нестабильности различны, но чаще они наблюдаются в сфере перераспределения ресурсов и собственности в пользу «элитного» мажоритарного этноса и, как следствие, и подавление прав неэлитного, миноритарного населения в области образования и культуры, и в первую очередь использования их языков. В частности, межэтнические конфликты, возникающие из-за языкового различия, объясняются сопротивлением общества к нововведениям в период становления молодого государства, а часто и к проводимой языковой политике. Для каждого этноса многоязычного общества встает вопрос витальности его родного языка, его статуса и его месте в поликультурном обществе.

«Демократизация» национальных государств породила социальную иерархию в межэтнических отношениях, определяющую статусные роли этносов, проживающих в одной стране. Изменившиеся общественно-политические условия жизни, с одной стороны, установили социокультурную дистанцию в обществе, которая и вызвала эмиграционные процессы, с другой – способствовали формированию у доминирующего этноса лояльного отношения к власти.

Эмиграционные процессы повлияли на осознание национальных ценностей и символов как остающихся в стране людей, так и покидающих ее. На правительстве, ведущем национально-ориентированную политику, лежит ответственность формирования мировоззрения и умонастроения своих граждан, создание образа нового человека, желающего жить по законам своего этноса. Нередко деятельность государственных деятелей постсоветских республик походила на «этническую» манипуляцию, которая по большей части зиждилась на образах национальных героев, посвятивших свою жизнь освобождению своего народа от угнетателей. При этом практически никогда не упоминалось о той помощи «колонизаторов», благодаря которой этнос выжил, приобрел государственность и не подвергся ассимиляции.

Язык, бесспорно, представляется национальным идентификатором, посредством которого формируется и национальная картина мира, вектор развития общества. Национальная история, культура и ценности в постсоветское время стали преподносятся как социальные конструкции, которые должны были служить образцом

поведения и существования возродившегося этноса. Очевидно и то, что эту пропаганду принимали не все, и многие эмигрировали именно из-за агрессивной этнической политики и психо-культурного давления. В полиэтническом советском обществе при социальной мобильности вопрос этнической принадлежности не стоял так остро, как в постсоветское время. Безусловно, у людей, проживающих на своих исторических землях, традиции и национальное бытие проявляется более динамично, нежели у живущих в условиях полиэтничности. Национальное возрождение представляется реформаторами как вектор развития страны и этноса в целом, а это означает, что в стране отныне нет места иному языку и культуре. Подобная национальная политика приводит к дезинтеграции и разобщению. В эпоху глобализации без взаимодействия языка и культуры невозможно установить межнациональный диалог, способствующий развитию общественно-политических и экономических отношений.

Политизация общества и этнизация политики в постсоветское время проявилась в вопросе значимости национального языка, его главенствующей роли в сознании возрожденного этноса, а также в неприемлемости «существования» языка другой национальности в пределах суверенной страны. Таким образом, национальный язык в руках младополитиков стал катализатором этнизации общества. В СССР вопрос национальных языков был неотъемлемой частью государственной политики, где язык играл непосредственно консолидирующую роль. Языковая политика СССР являлась актуальной идеологической составляющей, способной объединить, примирить и сплотить многонациональную страну. Английский историк А. Тойнби, говоря о языковом разнообразии Советского союза, отмечал, что СССР может считаться моделью мира, где соединились культурные и языковые разновидности. (Новый мир, 1967, № 7, с. 176). Русский язык как язык межнационального общения занимал в политико-правовом поле равноправное положение среди других национальных языков. В любой союзной республике гражданам была предоставлена возможность свободно пользоваться как национальным, так и русским языком.

В языковой политике как идеологическом ядре содержится конструктивное и деструктивное начало, которое в той или иной политической системе может получить разное проявление.

В 80–90 годах XX века наблюдался подъем национального движения, основой которого являлось возрождение этнического самоопределения, самосознания, истории, языка и культуры. Основными требованиями манифестантов сводились к тому, что при советской власти были ущемлены их национальные интересы, приведшие к тотальной русификации.

В 1980-х годах в республиках Прибалтики и Закавказья, в Молдове и на Украине были приняты законы, дающие языкам титульных национальностей статус государственных, декларирующие национальный суверенитет, а в некоторых республиках и подзаконные акты, запрещающие функционирование русского языка. Запретительные предписания, относящиеся к русскому языку, есть не что иное как ущемление прав граждан своих же стран, действия, противоречащие постулатам демократии, порождение межэтнических конфликтов. По сути, новая языковая политика была направлена не на популяризацию национального языка, его развитие и изучение, а использовалась как инструмент зарождающейся этновласти. Борьба за статус этнического языка использовалась «национальными демократами» как идейная платформа, способная привлечь на свою сторону этни-

ческую интеллигенцию. Однако именно представители этнической интеллигенции стали первыми вынужденными эмигрантами. Программа «этнической лингвистики и ментальности» строилась на ложных воззваниях и лозунгах к согражданам, которым дана возможность «спасти» язык от забвения и исчезновения. Строго говоря, запрет русского языка был выгоден тем «демократам», которые не могли конкурировать со «старой гвардией», владеющей в совершенстве национальным и русским языками, получившей фундаментальное образование в советское время, понимающей всю «игру» суверенных политиков.

Начавшееся в конце XX века движение «национализации» суверенных стран было направлено на объединение этноса вокруг единого языка, единой истории, культуры и единых национальных ценностей. Вдохновленные идеей суверенитета и этнокультурного возрождения современные политики провозгласили право говорить на родном языке и жить по законам этноса. Но в эпоху СССР не было никаких запретов в отношении национальных языков, ни традиций. В каждой республике функционировали средние и высшие образовательные учреждения, где преподавание велось либо на национальном языке, либо на русском. Граждане большой страны были в праве выбирать как язык обучения, так и язык общения. В республиках СССР доминирующим языком был национальный язык, который никоим образом не ущемлялся властями. Не было никаких запретов на использование языков в общественном пространстве, не было дифференциации людей по их языковому предпочтению.

Националистическое движение как тенденция строится на убеждении, что национальная культура самодостаточна, исторически традиционна, поэтому была прервана «метрополией», требующая жить без языка и национальных ценностей, что именно «метрополия» остановила естественное развитие нации, привела ее к отставанию. В задачи национализации входило изъятие из общественной жизни все ненациональное – язык, культуру, традиции, общенациональные ценности.

Волна национализации затронула все бывшие республики СССР, между которыми просматривалось некоторое подобие идеологического соревнования, кто больше чего отменит. Национализация всех сфер общественной жизни должна была устранить все то, что объединяло многонациональную страну, содействовать укреплению возрождающего самосознания, что означало бы формирование «новой» свободной нации. Национальная политика, развернутая в этнически гомогенных странах, была понятна массовому мононациональному традиционному обществу. В лингвистическом аспекте национализм представляли как возрождение литературного языка с возложением на него всех общественных функций и превращение языка в важнейший элемент культурной самобытности, в единственное средство общения с максимально широким диапазоном применения как в письменном, так и в устном общении.

Для «успешной» реализации национальной языковой политики требовалось исключение русского языка из сфер общения и замены его национальным, а самым принципиальным аспектом – исключение русского языка из системы образования, от начальной школы до высшей. Так, в содержании школьного обучения увеличился собственно национальный материал, касающийся истории, географии, литературы и, конечно же, языка. Небольшое количество русских школ остаются открытыми лишь детям из смешанных семей или детям граждан других стран.

Во многих республиках были созданы специальные органы, контролирующие процесс внедрения национального языка во все сферы общения, а также в какой мере выполняются требования языковой комиссии. Однако такая языковая политика противоречит постулатам демократии и реальной языковой ситуации. С одной стороны, первенство национального языка как единственного средства общения, с другой – присутствие в полиэтнических городах сформированного билингвизма. Но идея сохранения билингвизма, в свою очередь, считалась неприемлемой в условиях развивающегося национализма, так как билингвизм – это показатель общества открытого, лояльного и толерантного к инофонам. Целе направленное закрытие школ с русским языком обучения объясняется и тем, что именно в таких школах зарождались основы билингвизма и толерантного отношения к людям, принадлежащим к разным этносам.

Национализация страны затронуло широкий круг проблем, связанных не только с особенностями функционирования национального языка или развитием национальных культур, но и консолидации самого общества.

Национализация как стремление воскресить и защитить этническую самобытность – исторически оправданное стремление, но это не должно вести к фетишизации специфичности этноса, подчеркиванию его уникальности и, как следствие, поощрению национализма. Вместе с тем, в последние годы отмечается рост заинтересованности в изучении русского языка в странах ближнего зарубежья, чему способствовали экономические и социально-политические факторы. Так, знание русского языка необходимо во многих сферах экономики и особенно в промышленности, где вся техническая документация, от отраслевых стандартов, эксплуатационных инструкций и рекомендаций до методик по ремонту и восстановлению оборудования, исторически и традиционно были разработаны и представлены на русском языке.

В условиях возрастающего спроса в Российской Федерации на иностранную рабочую силу, как правило, из ближнего зарубежья, систематически совершенствуются законодательство в этой сфере, в частности прописаны требования, относящиеся к знанию приезжих русского языка и русской истории. В последнее десятилетие возросло число молодых людей, стремящихся получить образование в российских вузах. Рабочим языком совместных мероприятий России и СНГ в рамках ЕАЭС и ОДКБ является русский язык.

Отказ от русского языка, по сути, является ущемлением основных прав людей, считающих своим родным

языком национальный и русский, а также людей нетитульной нации. Запрет на использование языка нетитульной нации, как правило, приводит к разобщению и отдалению стран на политическом, экономическом и социально-культурном уровнях. И напротив, функционирующий билингвизм – это средство динамичного экономического развития, приобщения к литературе, искусству, научно-техническим достижениям, к взаимодействию стран и народов, а поддержка развития национально-русского двуязычия способствует культурной и языковой интеграции людей некогда общей страны.

Литература

1. А. Тойнби, М. Новый мир, 1967, № 7, с. 176.
2. Погосян Г.А. Современное армянское общество: особенности трансформации М.: Academia, 2005–334с.

LINGUISTIC ASPECT IN NATION STATES

Danielyan M.G.

National Research University MGSU

In the post-Soviet republics that have declared sovereignty and democracy, issues of social and economic stability are of utmost importance. The vector of state policy and economic reforms are becoming fundamental in the field of education and culture. Provocative public policy decisions lead to protest movements. One of the reasons for instability is interethnic conflicts that originate as a result of ill-conceived and often flawed nationally oriented policies. Interethnic conflicts arising due to linguistic differences are explained by society's resistance to innovations during the formation of a young state, namely to the language policy being pursued. For each ethnic group in a multilingual society, the question arises of the vitality of its native language, its status and its place in a multicultural society. The "democratization" of nation states gave rise to a social hierarchy in interethnic relations, which determines the status roles of ethnic groups living in the same country. The changed socio-political conditions of life, on the one hand, established a sociocultural distance in society, which caused emigration processes, on the other hand, contributed to the formation of a loyal attitude towards the authorities among the dominant ethnic group.

Keywords: language policy, emigration processes, national values, ethnicization, bilingualism

References

1. A. Toynbee, M. New World, 1967, No. 7, p. 176.
2. Pogosyan G.A. Modern Armenian society: features of transformation M.: Academia, 2005–334 p.

Феномен политического популизма в России на примере политической программы А.А. Навального: причины и появление

Файзулина Аделя Андреевна,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Терешина Арина Николаевна,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Шенер Элла Артемовна,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Алексеев Даниил Юрьевич,

кандидат полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

В последние десятилетия в мире, в том числе и в России, наблюдается усиление популистских тенденций. Российское общество также не осталось в стороне от этого явления. Активно популизм начал проявляться в российской политике с момента распада СССР и перестройки. В статье раскрыты периоды становления и развития популизма в конце XX–XXI века в России. В рамках исследования автор анализирует политические, экономические и социальные факторы, которые способствовали появлению и укреплению популистской настроенности в обществе. Процессы гласности и перестройки при Горбачеве, впоследствии смена власти и экономические реформы во времена Ельцина, усиление государственного контроля и укрепления легитимности для обретения поддержки населения при Путине, а также различные факторы, которые вызвали формирование оппозиционного движения в лице Навального, все это является основой для анализа и исследования.

Ключевые слова: Россия, политика, популизм, история.

Введение

В последние десятилетия в мире, в том числе и в России, наблюдается усиление популистских тенденций. Российское общество также не осталось в стороне от этого явления. Активно популизм начал проявляться в российской политике с момента распада СССР и перестройки. Хотя популизм в политике часто ассоциируется с обещаниями, направленными на поддержание или увеличение социальных льгот и давлении на различные социальные группы, данная идеология обычно учитывает настроения и потребности различных социальных групп, иногда сопровождаясь темой укрепления государства и защиты национальных интересов. Популисты часто используют манипуляцию общественным мнением для формирования определенной политической конъюнктуры и достижения своих целей. Идеология популизма в России оказала значительное влияние на формирование общественного мнения и политической конъюнктуры.

Роль и влияние популизма на различные аспекты жизни российского общества, а также его долгосрочные последствия и вызовы для современной политической системы представляют собой предмет широкого обсуждения в научной и общественной среде. Понимание влияния популизма на экономику, социальные отношения, политическую стабильность, идеологическую атмосферу и общественное мнение имеет ключевое значение для определения того, как это явление может повлиять на будущее развитие России.

Цель данной статьи заключается в исследовании причин и факторов развития популизма в России, а также анализе его проявлений для российского общества. Популизм в российской политике сегодня представляет собой сложное и многогранный феномен, который можно воспринимать как проявление политической стратегии, направленной на обращение к массам и удовлетворение их настроений и ожиданий. Одним из ключевых фигур в этом контексте является Алексей Навальный, чья политическая активность продемонстрировала выраженные черты популизма. Популизм – это политическая стратегия или стиль, ориентированный на привлечение широких масс населения через акцентирование на их настроениях, чувствах и интересах. Характеризуется эмоциональным и простым языком, использованием популистских образов и символов, а также критикой политической элиты. Популисты обычно обещают непосредственное представление интересов обычных граждан и часто выдвигают простые, но часто нереалистичные решения на сложные проблемы. Для дальнейшего анализа считаем необходимым выделить следующие признаки популизма:

- Обращение к народным массам:** Популистские лидеры активно обращаются к широким слоям общества, подчеркивая свою связь с «обычными людьми» и выражая интересы народа.
- Эмоциональный язык:** Популисты используют эмоциональный, часто простой и доступный язык для максимального привлечения внимания и эмоциональной реакции своей аудитории.

3. **Критика политической элиты:** Одним из ключевых элементов популизма является критика существующей политической элиты и системы. Популисты часто представляют себя в роли «честных борцов» против коррупции и непрозрачности.
4. **Создание образа лидера:** Популисты стараются создать образ сильного лидера, который способен разрешить проблемы и защитить интересы народа.
5. **Использование популистских символов:** Визуальные и символические элементы часто используются для создания связи с народом, такие как упрощенные лозунги, символы и образы.
6. **Обещания непосредственных решений:** Популисты обещают решить сложные проблемы быстро и непосредственно, иногда предлагая простые, но нереалистичные решения.
7. **Поляризация общества:** Популизм часто сопровождается созданием деления общества на «мы» и «они», где «они» представляют собой политическую элиту или другие «недруги».
8. **Использование социальных медиа:** Популисты активно используют современные средства массовой информации, особенно социальные сети, для прямого общения с аудиторией и распространения своих идей.

Агрессивная критика власти, использование эмоциональных и лаконичных слоганов, а также создание образа «народного героя» – все эти элементы выстраивают популистский нарратив, направленный на привлечение внимания и поддержки широких слоев общества. Навальный активно использовал средства массовой информации и социальные сети для распространения своих идей, организации протестных акций и проведения антикоррупционных расследований.

Экономическая программа «5 шагов», предложенная Навальным, характеризуется стремлением к быстрым изменениям, но оставляет вопросы долгосрочного экономического роста без должного внимания. Подобный подход, характерный для популизма, направлен на мгновенное удовлетворение потребностей, без учета более глубоких и сложных аспектов экономики.

Исторический контекст также играет важную роль в понимании популизма в российской политике. Время правления Бориса Ельцина, с его активным использованием популистских методов, создало определенный фундамент для дальнейшего развития этой политической стратегии. Недовольство и разочарование в политической элите после кризиса 90-х годов стали почвой, на которой популизм Алексея Навального нашел свое отражение.

Важным фактором в развитии популизма в России стал и экономический рост начиная с 2000-х годов. Высокие цены на нефть и газ позволили правительству направить значительные ресурсы на социальные программы, такие как повышение пенсий, увеличение зарплат, и поддержку малого бизнеса. Это создало впечатление о заботе государства о благополучии граждан, способствуя росту популярности российского президента Владимира Путина. Использование государственных СМИ и других информационных ресурсов для формирования положительного имиджа и поддержки популистских сообщений также стало характерной чертой российской политики.

Однако, несмотря на различные аспекты и успехи популизма в России, он вызывает критику, особенно в свете нереалистичности обещаний и радикальной риторики. Исследование феномена популизма в российской политике требует комплексного анализа, включая исторические, экономические и социологические аспекты.

Кроме того, его связи с западными странами и фондами вызывают вопросы о его независимости и правдивости информации, которую он представляет. Однако, независимо от этой критики, популизм Навального остается значимым явлением в российской политике. Теперь необходимо

Заключение

Развитие популизма в России в 20–21 веке можно рассматривать как результат сложных политических, экономических и социальных процессов. Исторический обзор показывает, что на протяжении последних десятилетий в стране наблюдались изменения в политической атмосфере, которые способствовали росту популизма.

Популизм в России стал реакцией на недовольство населения экономическими реформами, коррупцией, неравенством, и отчуждением от политической элиты. В условиях экономических кризисов и социальных неблагоприятий популизм находит плодотворную почву среди населения.

Популистские движения и лидеры в России используют разные пути и стратегии для привлечения поддержки. Они могут обращаться к националистическим или социальным идеям, критиковать текущую политическую элиту, обещать решить проблемы обычных людей.

Изучение развития популизма в России в 20–21 веке показывает, что это явление имеет глубокие корни в истории и обществе страны. Различные социальные, экономические и политические факторы поддерживают его развитие и популярность среди населения.

Литература

1. Баранов Н.А. Эволюция взглядов на популизм в современной политической науке. / Н.А. Баранов / СПб. – 2001.
2. Глухова А.В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. № 4. 2017.
3. Осипов Р.А. Проблема правового популизма в современном российском обществе / Р.А. Осипов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – С. 164–169.
4. Паин Э.А., Федюни С.Ю. Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи / Э.А. Паин, С.Ю. Федюнин // Полис. Политические исследования. – 2019. – С. 33–48.
5. Паин Э.А. Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи / Э.А. Паин // Полис. – 2019. – № 1. —
6. Арбанян А.С. К вопросу о признаках популизма / А.С. Арбанян // Вестник московского государственного областного университета. – 2020. – С. 3–11.
7. Минаева А.В. Российский популизм: политическая реальность или перспектива / А.В. Минаева // Вестник Пермского университета. – 2017. – С. 123–130.
8. Медушевский А. Популизм на западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе / А. Медушевский // Вестник общественного мнения. – 2017. – С. 28–42.
9. Петров Н.В. Эволюция популизма в российской политике / Н.В. Петров // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2015. – № 3–4(125).
10. Шестопал Е.Б. Восприятие В.В. Путина российскими гражданами: 15 лет пребывания во власти / Е.Б. Шестопал // Полис. – 2015. – № 6. – с. 68–80.

THE PHENOMENON OF POLITICAL POPULISM IN RUSSIA USING THE EXAMPLE OF A.A. NAVALNY'S POLITICAL PROGRAM: CAUSES AND EMERGENCE

Fayzulina A.A., Tereshina A.N., Shener E.A., Alekseev D. Yu.

Far Eastern Federal University

In recent decades, the world, including Russia, has seen an increase in populist tendencies. Russian society also did not remain aloof from this phenomenon. Populism began to actively manifest itself in Russian politics since the collapse of the USSR and perestroika. The article reveals the periods of formation and development of populism at the end of the 20th-21st centuries in Russia. As part of the study, the author analyzes the political, economic and social factors that contributed to the emergence and strengthening of populist sentiment in society. The processes of glasnost and perestroika under Gorbachev, the subsequent change of power and economic reforms under Yeltsin, the strengthening of state control and the strengthening of legitimacy to gain popular support under Putin, as well as the various factors that caused the formation of the opposition movement represented by Navalny, all of this is the basis for the analysis and research.

Keywords: Russia, politics, populism, history.

References

1. Baranov N.A. The evolution of views on populism in modern political science. / N.A. Baranov / St. Petersburg. – 2001.
2. Glukhova A.V. Populism as a political phenomenon: a challenge to modern democracy // Polis. Political studies. N° 4. 2017.
3. Osipov R.A. The problem of legal populism in modern Russian society / R.A. Osipov // Legal policy and legal life. – 2021. – pp. 164–169.
4. Pain E.A., Fedyuni S. Yu. Populism and elitism in modern Russia: analysis of the relationship / E.A. Pain, S. Yu Fedyunin // Polis. Political studies. – 2019. – pp. 33–48.
5. Pain E.A. Populism and elitism in modern Russia: analysis of the relationship / E.A. Pain // Polis. – 2019. – No. 1. —
6. Arbanyan A.S. On the question of the signs of populism / A.S. Arbanyan // Bulletin of the Moscow State Regional University. – 2020. – P. 3–11.
7. Minaeva A.V. Russian populism: political reality or perspective / A.V. Minaeva // Bulletin of Perm University. – 2017. – pp. 123–130.
8. Medushevsky A. Populism in the West and in Russia: similarities and differences in a comparative perspective / A. Medushevsky // Bulletin of public opinion. – 2017. – P. 28–42.
9. Petrov N.V. The evolution of populism in Russian politics / N.V. Petrov // Bulletin of public opinion: Data. Analysis. Discussions. – 2015. – No. 3–4(125).
10. Shestopal E.B. Perception of V.V. Putin by Russian citizens: 15 years in power / E.B. Shestopal // Polis. – 2015. – No. 6. – With. 68–80.

Особенности участия современных российских профсоюзов в электоральных процессах

Фельдман Павел Яковлевич,

к.п.н., доцент, доцент кафедры философии и социологии образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»
E-mail: pavelfeld@mail.ru

Ненин Николай Михайлович,

аспирант кафедры философии и социологии, образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»
E-mail: nikolaynenin@gmail.com

Стерликов Александр Викторович,

аспирант кафедры философии и социологии, образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»
E-mail: sterlikov@spartak.ru

В статье рассматриваются основные формы опосредованного участия профессиональных союзов в избирательном процессе. Совокупность сделанных авторами наблюдений, позволяет отнести данные организации к числу политических субъектов (пусть и весьма специфических). Установлено, что электоральная стратегия российских объединений наемных работников зиждется на двух принципах: выдвигении на выборы собственных беспартийных кандидатов по одномандатным округам, содействию включению профлидеров в предвыборные списки партии «Единая Россия» и оказании публичной поддержки идеологически близким политикам в расчете на их ответную благосклонность. Авторам статьи данная стратегия представляется гораздо более разумной, нежели создание аффилированной с профсоюзами партии или навязывание конкуренции более влиятельным политическим игрокам. Формально не участвуя в борьбе за власть, профессиональные союзы обладают возможностью инкорпорировать своих репрезентантов в парламентские структуры всех уровней, что существенно увеличивает их лоббистский потенциал. Обретение представительства в Государственной Думе, законодательных собраниях субъектов РФ и советах муниципальных депутатов позволяет им оказывать воздействие на процесс политического регулирования социально-трудовой сферы. Однако при этом профсоюзы берут на себя долю ответственности за принятие органами власти непопулярных решений и несут соответствующие репутационные издержки. Тем не менее, авторы статьи полагают, что участие российских объединений наемных работников в электоральных процессах следует признать востребованным и целесообразным.

Ключевые слова: профсоюзы, партии, выборы, политическое участие, электоральное представительство интересов, лоббизм.

Представители отечественного экспертного сообщества неоправданно мало внимания уделяют вопросам, связанным с институционализацией влияния профессиональных союзов на политические процессы. Отчасти подобное положение дел обусловлено спецификой самопозиционирования российских объединений наемных работников в публичном информационном пространстве. Они нарочито подчеркивают свою приверженность тред-юнионизму, ограничивая собственный функционал борьбой за наиболее выгодные условия труда и занятости. Взаимодействие профсоюзов с государственными органами в России подчинено, главным образом, решению утилитарных задач: заключению региональных и отраслевых соглашений, экспертизе проектов правовых актов, мониторингу реализации норм трудового законодательства. По своей природе профессиональные союзы являются добровольными общественными объединениями, члены которых связаны друг с другом коллективными производственными интересами, к числу которых очевидным образом не относится обретение власти (подобную цель ставят перед собой партии). Однако организации, в чьи уставные задачи входит борьба за удовлетворение социально-экономических притязаний миллионов наемных работников, по определению не могут быть совершенно аполитичными. Как справедливо отмечает А.Ю. Сигурова, представительство и защита интересов людей труда осуществляются профсоюзами через «непосредственное участие в политическом процессе как совокупной активности субъектов политики, протекающей, по терминологии Д. Истона, на стадиях входа, конверсии, выхода и обратной связи, в политической системе» [2, с. 15]. Иными словами, имеются веские основания считать профсоюзы полноценными субъектами политики.

Многообразие современных моделей политического участия объединений наемных работников можно свести к трем базовым вариантам. Первый предполагает реализацию советской концепции «приводного ремня». В рамках данной концепции профсоюзы выступают связующим звеном между государством (правлящей партией) и членами трудовых коллективов. При этом зачастую они берут на себя распределительные функции, оперируя средствами социальных фондов. Разумеется, в подобной ситуации не может быть и речи об их экономической самодостаточности и политической автономии. В основе второй модели лежит принцип социального партнерства, согласно которому независимые от государства и собственников капитала профсоюзы выступают равноправными акторами трипартизма, наряду с органами исполнительной власти и ассоциациями работодателей. Подобная парадигма предполагает рыночный характер взаимоотношений между вышеперечисленными субъектами. Опасаясь перерастания социально-трудовых конфликтов в масштабные общественно-политические потрясения, все стороны социального партнерства стремятся к продуцированию взаимосогласованных и обоюдодоприемлимых решений. Наконец, для ряда западных стран (прежде всего, Франции, Италии, Греции) характерно перманентное, ожесточенное и неконструктивное противостояние рабочих ассоциаций с представителя-

ми власти. Для оказания давления на государственные органы ими пускаются в ход радикальные методы отстаивания интересов: многодневные забастовки, столкновения с правоохранителями, захват правительственных учреждений, блокировка автомобильных магистралей и т.д. Однако подобные коллективные действия, как правило, увенчиваются массовыми задержаниями активистов, а не удовлетворением заявленных требований.

Российская модель взаимодействия профессиональных союзов с органами публичной власти релевантна сложившейся общественно-политической ситуации. Ее современная конфигурация обусловливается совокупностью объективных факторов, главным из которых является адаптация всех институтов к реалиям «гибридной войны», развязанной Западом против РФ. Необходимость отражения внешних вызовов и угроз придала дополнительную динамику таким процессам, как централизация власти, повышение роли государства в регулировании социально-экономических процессов, формирование идеологии на базе консервативно-патриотических установок. Как следствие, магистральной тенденцией развития всех сфер общественной жизни стала этатизация. С точки зрения российского исследователя В.Н. Щекотихина, этатизация представляет собой «огосударствление общественных отношений» и распространение влияния «государства, его учреждений на экономическую, политическую, социальную и нравственно-духовную сферы жизни общества» [4, с. 116]. Эта дефиниция, по нашему мнению, весьма точна.

Отечественные профсоюзы не могут существовать вне политического контекста. Они реализуют представительство и защиту интересов наемных работников с оглядкой на специфику текущего момента. Некоторые отечественные исследователи упрекают крупнейший профцентр страны – Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР) – в излишней политической лояльности, поскольку данная организация якобы «не горит желанием вступать в конфронтацию ни с властью, ни с бизнесом» [3, с. 27]. Прежде чем выступать с подобного рода критикой, следует найти хотя бы один успешный пример силового продавливания общественных инициатив в органах публичной власти РФ за последние 10 лет. Любые попытки шантажировать государство и крупный бизнес жупелом массового протеста в современных условиях контрпродуктивны. Применение профсоюзами коллективных действий протестного характера сопряжено с непозволительно высокими политическими издержками и рисками. Исходя из прагматических соображений, они делают ставку на конвенциональные механизмы политического представительства интересов наемных работников. Можно согласиться с П.С. Каневским, по мнению которого ФНПР «является относительно успешным и влиятельным субъектом лоббизма, в реальности участвуя в подготовке и обсуждении значительного числа законопроектов» [1, с. 36]. Так или иначе, результаты профсоюзного лоббизма надлежит оценивать в сравнении с достижениями аналогичных общественных организаций, выражающих интересы граждан, а не экономических и политических элит.

В отличие от партий, объединения наемных работников не являются коллективными субъектами избирательного права. Однако профсоюзы очевидным образом заинтересованы в том, чтобы их лидеры и активисты становились депутатами органов законодательной власти всех уровней. Наличие собственных представителей в парламенте наделяет их рядом дополнительных возможностей. Во-первых, это позволяет изнутри наблюдать за подготовкой проектов социально значимых законов и оперативно включаться в процесс их коррек-

тировки на всех этапах нормотворческой деятельности. Во-вторых, депутатские мандаты представляют собой самоценный ресурс, владение которым увеличивает политический и репутационный капитал любой общественной организации. В-третьих, наличие парламентского лобби открывает профсоюзам возможность для использования широкого спектра механизмов депутатского контроля (в том числе посредством направления депутатских запросов). В ряде субъектов РФ объединения наемных работников наделены правом законодательной инициативы, однако на федеральном уровне подобная привилегия им не предоставляется. Компенсировать ее отсутствие можно, проведя в парламент хотя бы одного своего репрезентанта.

Анализ российского и зарубежного опыта позволяет выделить четыре основных механизма электорального представительства интересов профессиональных союзов.

1. *Выдвижение на выборы действующих профлидеров в качестве кандидатов по одномандатным округам без партийной аффилиации.* Несомненным достоинством данного варианта может считаться сохранение так называемыми «профсоюзными депутатами» формального политического нейтралитета. В данном случае для победы на выборах ими задействуются собственные ресурсы (материальные, человеческие, информационные и т.д.), что избавляет от необходимости расплачиваться с партиями-партнерами за оказанную электоральную поддержку. Однако для реализации подобного сценария профессиональным союзам нужны харизматические лидеры, пользующиеся популярностью у избирателей и способные выиграть конкуренцию у сильных соперников из числа партийных кандидатов.

2. *Публичная поддержка идеологически близких политических партий и партийных кандидатов в обмен на определенные преференции* (например, учет мнения профсоюзов при осуществлении законотворческой деятельности). Данная стратегия позволяет налаживать партнерские отношения с политическими акторами на основе симбиоза. Участники предвыборной гонки заручаются голосами избирателей, ориентирующихся на электоральные предпочтения профсоюзов, а объединения наемных работников получают основания рассчитывать на лояльность поддержанных ими депутатов. Проблема заключается в том, что зачастую такие неформальные договоренности в одностороннем порядке нарушаются политиками сразу по завершении выборов. В странах, где легально функционирует институт электорального фандрайзинга, отношения между группами интересов и их представителями в органах законодательной власти регулируются рыночными принципами. Например, американские тред-юнионы выступают одними из крупнейших финансовых доноров Демократической партии США. Они делают многомиллионные пожертвования в предвыборные фонды своих политических партнеров, а те обязуются продвигать законопроекты, отвечающие интересам профсоюзов. Невыполнение представителями власти взятых на себя обязательств автоматически означает утрату финансирования в преддверии очередных выборов. Для России подобная практика не характерна. Следовательно, возникает необходимость в заключении взаимообязывающих соглашений между объединениями наемных работников и кандидатами в депутаты, желающими заручиться профсоюзной поддержкой. Заметим, что еще в 2021 г. Генеральный совет ФНПР принял соответствующие рекомендации для своих членских организаций.

3. *Создание собственной политической партии.* Подобный путь когда-то избрали для себя английские

тред-юнионы, учредившие Лейбористскую партию Великобритании. В России аналогичные попытки с переменным успехом предпринимались ФНПР. В 2012 г. по инициативе крупнейшего профцентра страны была воссоздана партия «Союз труда». Ее представители неоднократно участвовали в электоральных кампаниях регионального и муниципального уровней. В 2016 г. аффилированная с профсоюзами партия попыталась выставить список кандидатов на выборы в Государственную Думу РФ, однако Центральная избирательная комиссия отказала ей в регистрации, объяснив свое решение многочисленными претензиями к оформлению подписных листов. Лидеры «Союза труда» впоследствии признали, что выявленные ЦИК бюрократические огрехи были допущены по причине отсутствия у профсоюзов необходимого опыта. После этого попытки позиционирования партии «Союз труда» в качестве самостоятельного политического бренда, де-факто, прекратились. Весной 2020 г. данная организация была ликвидирована решением Верховного суда РФ (профсоюзы не протестовали против ее упразднения). Вероятно, к тому моменту ФНПР уже разочаровалась в «британской модели», предполагающей политизацию профсоюзного движения.

Полагаем, что главная причина отказа от попыток реанимировать «Союз труда» заключается в объективной невозможности размежевания ее избирателей и электората политической партии «Единая Россия». Из 20 миллионов работников, состоящих в членских организациях ФНПР, большая часть занята в государственном секторе экономики. Это либо так называемые «чистые бюджетники» (учителя, медики, персонал органов публичной власти и т.д.), либо сотрудники крупных промышленных предприятий, находящихся в полной или частичной собственности государства. Теоретически, некоторые из этих людей потенциально могли проголосовать за профсоюзную партию на выборах в Государственную Думу и региональные законодательные собрания, однако этой поддержки едва ли хватило бы для формирования парламентских фракций. Таким образом, навязывание конкуренции «Единой России», доминирующей практически во всех органах законодательной власти РФ, привело бы лишь к ухудшению отношений между профсоюзами и лицами, принимающими политико-управленческие решения. В конечном итоге ФНПР избрала для себя путь партнерского взаимодействия с наиболее влиятельной политической силой страны. Ретроспективная оценка этого решения позволяет охарактеризовать его как верное. Сегодня сложно представить себе, каким образом могла бы осуществляться агитация в пользу «Союза труда» на фоне построения мобилизационной экономики. Для достижения данной партией хоть сколько-нибудь заметных политических результатов профсоюзным активистам и лидерам потребовалось бы идти в трудовые коллективы с лозунгами левого толка, апеллируя к классовому сознанию наемных работников. В современных условиях это не берется делать даже коммунисты, поскольку избегают создания дополнительных вызовов и угроз для внутривнутриполитической стабильности.

Среди участников выборов, которые прошли в единый день голосования 10 сентября 2023 г., оказалось 90 человек, поддержанных профсоюзными организациями (65 баллотировались в региональные парламенты и 25 – в органы законодательной власти муниципального уровня). В их числе был лишь один беспартийный самовыдвиженец (заместитель председателя первичной профсоюзной организации ПАО «Акрон»). Остальные пошли на выборы в качестве представителей политических партий: 79 от «Единой России», 6 от КПРФ, а так-

же по одному человеку от «Яблока», «Справедливой России – За правду» и «Новых людей». Анализ данных количественных показателей приводит к выводу о том, что включение профсоюзных кандидатов в списки оппозиционных партий на региональных и муниципальных выборах является скорее исключением, чем правилом. В отличие от подавляющего большинства политических объединений, ФНПР может опираться на разветвленную сеть региональных, территориальных и первичных организаций, которые по своей сути являются инкубатором перспективных лидеров. Каждый из них по умолчанию имеет опыт общественной деятельности, собственную электоральную базу и налаженную систему отношений с представителями власти. В этой связи необходимо признать, что профессиональные союзы могли бы выдвигать на порядок больше своих представителей для участия в муниципальных выборах. Их электоральный потенциал до сих пор остается нераскрытым.

По результатам парламентских выборов 2021 г. в состав Государственной Думы VIII созыва вошли 28 депутатов, поддержанных ФНПР. Все они являются членами фракции политической партии «Единая Россия». Соответственно, в ходе реализации законодательной деятельности им надлежит строго следовать партийной дисциплине. Если позиция партии не согласуется с точкой зрения профсоюзов, они руководствуются политическими соображениями. Например, подобная ситуация имела место в 2018 г. при обсуждении законопроекта, предусматривавшего повышение пенсионного возраста россиян. Впоследствии некоторые общественно-политические деятели упрекали «профсоюзных депутатов» в том, что они голосовали солидарно с членами своей фракции, однако их вклад в смягчение первоначального проекта пенсионной реформы для многих остался незамеченным. На данный момент главной «точкой доступа» ФНПР в системе федеральных органов законодательной власти является межфракционная депутатская группа «Солидарность», сформированная в Государственной Думе VIII созыва сразу после выборов. Не вызывает удивления тот факт, что она более чем наполовину состоит из представителей «Единой России». Данная депутатская группа специализируется на вопросах законодательного регулирования социально-трудовой сферы.

Сближение крупных общественных организаций с правящей партией несет им как очевидную выгоду, так и потенциальные репутационные издержки. Негативное отношение граждан к решениям, принимаемым парламентским большинством или правительством, может проецироваться на профсоюзы. До середины прошлого десятилетия эта проблема в РФ стояла достаточно остро, однако постепенно утратила былую актуальность и отошла на второй план. Закономерной реакцией российского общества на военное давление со стороны Запада стала консолидация социальных, экономических и политических субъектов, для которых ключевыми приоритетами развития страны являются защита суверенитета, обеспечение национальной безопасности и недопущение внутренних потрясений. Институциональной основой этой неформальной коалиции стал Общероссийский народный фронт, позиционирующий себя как президентское движение. В его центральный штаб входят первые лица организаций, поддерживающих курс В.В. Путина. К их числу принадлежат лидеры Федерации независимых профсоюзов России и Российского союза промышленников и предпринимателей – М.В. Шмаков и А.Н. Шохин. Оба они в 2020 г. вошли в состав рабочей группы, занимавшейся подготовкой предложений о внесении поправок в Конституцию РФ. Однако принадлежность ФНПР и ее социальных партнеров к неформаль-

ной пропрезидентской коалиции не отменяет наличия перманентных экономических разногласий между наемными работниками и работодателями. В подтверждение этого тезиса можно упомянуть о напряженном характере дискуссий, развернувшихся на площадке Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений при обсуждении проекта Генерального соглашения на 2024–2026 гг.

В период проведения президентских выборов профсоюзы, интегрированные в систему социального партнерства, вот уже много лет демонстрируют постоянство политических предпочтений. В преддверии главной электоральной кампании 2024 г. все членские организации ФНПР на уровне своих коллегиальных органов управления приняли решение о поддержке кандидатуры В.В. Путина. Не вполне корректно сводить мотивы данного решения исключительно к стремлению продемонстрировать свою лояльность действующему главе государства и основному претенденту на победу. Избирательная кампания открыла профессиональным союзам «окно возможностей» для включения их предложений в программу поддержанного ими кандидата. Следовательно, есть веские основания полагать, что часть этих предложений будет воплощена в рамках реализации президентского курса.

Для профсоюзов апелляция к авторитету В.В. Путина выступает одним из ключевых инструментов воздействия на работодателей и органы исполнительной власти, поскольку глава государства обеспечивает уравновешивание интересов труда и капитала, не допуская опасного крена государственной политики в ту или иную сторону. Профсоюзам близка идеология, олицетворяемая Президентом РФ. Они выступают апологетами социального консерватизма, традиционализма, протекционизма, экономического этатизма, государствоцентризма, коллективизма, антилиберализма, антиглобализма и антиколониализма. Среди 346 доверенных лиц В.В. Путина на выборах 2024 г. оказалось 11 представителей профсоюзов (довольно много по сравнению с другими общественными организациями). В феврале 2022 г. крупнейший профцентр страны с пониманием отнесся к решению верховного главнокомандующего о начале Специальной военной операции, а затем поддержал вступление ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. Впоследствии на территории новых субъектов РФ под флагом ФНПР были созданы региональные организации профсоюзов. Наконец, объединения наемных работников воодушевленно воспринимают реиндустриализацию российской экономики, значительно ускорившуюся после начала СВО.

Следует отметить, что участие в выборах предполагает не только выдвижение кандидатов, но и наблюдение за электоральным процессом. Внедрение практики дистанционного и трехдневного голосования подняло планку требований к наблюдателям и членам избирательных комиссий. Это должны быть граждане с высоким уровнем профессиональной подготовки и самомотивации. На выборах федерального масштаба требуются десятки тысяч таких людей. Именно они обеспечивают легитимацию результатов народного волеизъявления. Профсоюзы представляют собой один из источников рекрутирования наблюдателей и членов УИК. В конечном итоге это способствует налаживанию коммуникации с избирательными комиссиями, политическими партиями, региональными и местными администрациями, общественными палатами, некоммерческими организациями и средствами массовой информации.

Опосредованное участие профессиональных союзов в избирательном процессе является дополнительным

аргументом в пользу отнесения данных организаций к числу политических субъектов (акторов). Электоральная стратегия российских объединений наемных работников зиждется на двух принципах: выдвижении на выборы собственных беспартийных кандидатов по одномандатным округам, содействии включению профлидеров в предвыборные списки партии «Единая Россия» и оказании публичной поддержки идеологически близким политикам в расчете на их ответную благосклонность. В современных условиях данная стратегия представляется гораздо более разумной, нежели создание аффилированной с профсоюзами партии или навязывание конкуренции более влиятельным политическим игрокам. Формально не участвуя в борьбе за власть, профессиональные союзы обладают возможностью инкорпорировать своих репрезентантов в парламенты всех уровней, что существенно увеличивает их лоббистский потенциал. Обретение представительства в Государственной Думе, законодательных собраниях субъектов РФ и советах муниципальных депутатов позволяет им оказывать воздействие на процесс политического регулирования социально-трудовой сферы. Однако при этом профсоюзы берут на себя долю ответственности за принятие органами власти непопулярных решений и несут соответствующие репутационные издержки. Тем не менее, участие российских объединений наемных работников в электоральных процессах следует признать востребованным и целесообразным.

Литература

1. Каневский П.С. В поисках оптимальной модели регулирования лоббизма в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 4. С. 30–61.
2. Сигурова А.Ю. К вопросу о роли профессиональных союзов в политической системе современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 8–16.
3. Соболев Э.Н. Кризис профсоюзов и трансформационные изменения в сфере труда // Общество и экономика. 2023. № 9. С. 18–31.
4. Щекотихин В.Н. Этатизм и его роль в укреплении современной государственности: зарубежный опыт и российские тенденции // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1. С. 115–122.

MAIN FEATURES OF THE PARTICIPATION OF MODERN RUSSIAN TRADE UNIONS IN ELECTORAL PROCESSES

Feldman P.J., Nenin N.M., Sterlikov A.V.
Academy of Labor and Social Relations

The article discusses the main forms of indirect participation of trade unions in the electoral process. The observations made by the authors allow to consider these organizations as political subjects (but very specific ones). It has been established that the electoral strategy of Russian associations of employees is based on two principles: nominating their own non-partisan candidates for elections in single-mandate constituencies, promoting the inclusion of current professional leaders in the election lists of the United Russia party and providing public support to ideologically close politicians based on their reciprocal favor. To the authors of the article, this strategy seems much more reasonable than the creation of a party affiliated with trade unions and an attempt to impose competition on much more influential political players. Formally, without participating in the struggle for power, trade unions have the opportunity to incorporate their representatives into legislative bodies at all levels, which significantly expands their lobbying capabilities. Having representa-

tives in the State Duma, legislative assemblies of the constituent entities of the Russian Federation and the councils of municipal deputies allows them to influence the process of political regulation of the social and labor sphere. However, at the same time, trade unions take responsibility for the adoption of unpopular decisions by the authorities and incur appropriate reputational costs. Nevertheless, the authors of the article believe that the participation of Russian associations of employees in electoral processes is expedient.

Keywords: trade unions, parties, elections, political participation, electoral representation of interests, lobbying.

References

1. Kanevskiy P.S In search of an optimal model for regulating lobbying in Russia. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2002. No 4(28). pp. 30–61.
2. Sigurova A.J. Revisiting the Role of Trade Unions in the Current Russian Political System. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 2020. No 33. pp. 8–16.
3. Sobolev E.N. Crisis of Trade Unions and Transformational Changes in Labour Relations. *Society and economy*. 2023. No 9. pp. 18–31.
4. Shhekotihin V.N. Etatism and its role in strengthening modern statehood: foreign experience and Russian trends. *Science Journal of VoISU. History. Area Studies. International Relations*. 2008. No 1. pp. 115–122.

Хлынин Андрей Павлович,

аспирант социологического факультета МГУ имени
М.В. Ломоносова
E-mail: and.khlynin@mail.ru.

В статье представлены результаты исследования социально-демографических, образовательных, профессиональных и иных качественных характеристик властной элиты России, проведенного на основе сравнительного анализа биографий представителей элиты в 2013 и 2023 годах (N=297). При выделении объекта исследования был использован позиционный подход, отражающий формальную структуру властных отношений. По результатам сравнительного анализа полученных данных был сформулирован ряд выводов, отражающих реалии трансформации структуры, функций и каналов рекрутирования новых членов властной элиты за последние 10 лет.

Ключевые слова: элита, трансформация, властная элита, Россия, биографический метод.

Введение

По мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, в современном мире функцию руководства государством осуществляет властная элита. Предполагается, что именно эта группа, обладает наибольшим объемом властных ресурсов, которые позволяют ей разрабатывать и реализовывать стратегический курс развития государства. В свою очередь, значимым предиктором принимаемых стратегических решений являются конкретные характеристики представителей властной элиты. Отсюда понимание процесса трансформации элиты, включающего в себя поиск, отбор и продвижение кандидатов по карьерной лестнице, является важным условием понимания как качества элиты, так и качества государственного управления.

Динамичные изменения внутривластной и внешнеполитической обстановки за последние 10 лет в России определили совершенно новые требования к властной элите как ключевому субъекту политического управления. Украинский кризис 2014 года, вхождение в состав Российской Федерации шести новых субъектов, введение Западом в отношении России санкций с последующим введением контр-санкций со стороны России, пандемия коронавируса и, наконец, проведение специальной военной операции на территории Украины создали новые условия для функционирования системы государственного управления. В этой связи понимание вектора трансформации функций властной элиты, произошедшей на фоне описанных выше событий, позволяет оценить вектор политического развития страны.

Целью данной статьи является анализ качественного состава представителей властной элиты, который позволит определить основные характеристики, структуру и каналы рекрутирования представителей элиты, а также уточнить иные особенности элитной мобильности в динамике.

Методология

Для операционализации объекта исследования был выбран *позиционный подход*, использованный Ч.Р. Миллсом, который позволил объективно оценить структуру властных отношений в обществе. Далее, отталкиваясь от положений теории властвующей элиты Ч.Р. Миллса, была определена структура властной элиты, представляющая собой совокупность двух основных компонентов – ядра и флангов.

Ядро властной элиты представлено людьми, которые занимают высшие руководящие должности в рамках основных государственных органов власти. Согласно Конституции Российской Федерации, государственная власть в России осуществляется на основе разделения на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Основным органом законодательной власти является Федеральное Собрание Российской Федерации, состоящее из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы. Основным органом исполнительной власти является Правительство Российской Федерации, состоящее из федеральных министерств, ведомств и служб. Основными органами судебной власти являются Конституционный Суд Российской Федерации,

Верховный Суд Российской Федерации, а также верховные суды республик, краевые и областные суды и др. Отдельно выделяются Администрация Президента Российской Федерации и Совет Безопасности Российской Федерации, представляющие собой отдельные государственные органы – президентуры, – подчиняющиеся напрямую Президенту.

Фланги властной элиты представлены руководителями крупного государственного и частного бизнеса, которые, хоть официально не представлены в рамках властной вертикали государства, на деле имеют большое количество ресурсов влияния, в первую очередь финансовых и человеческих. С целью определения списка крупнейших компаний России были использованы данные рейтингового агентства RAEX, выпускающего ежегодный рейтинг крупнейших компаний России с 1996 года. Главными преимуществами данного рейтинга является наличие указанных выше данных в открытом доступе, а также их наличие на интересующие нас периоды.

Далее была определена списочная численность представителей властной элиты по состоянию на 01.01.2013 и 01.01.2023, и после осуществлен анализ их биографий. В общей сложности, в рамках исследования трансформации властной элиты были проанализированы 297 биографий – 150 представителей по состоянию на 2013 год и 148 представителей по состоянию на 2023 год. Далее вся доступная информация была закодирована и внесена в специально созданную базу. Анализ данных осуществлялся при помощи статистического пакета IBM SPSS Statistics 19.

Основная часть

Первым показателем для анализа является пол. По мнению ряда исследователей, присутствие в структуре властной элиты женщин (на фоне абсолютного большинства мужчин) является не только важным показателем степени демократизации политической системы, но и необходимым условием устойчивого развития всего общества. По мнению Г. Беляевой, включенность женщин в структуру властных отношений различных уровней способствует достаточной представленности интересов традиционно женских сфер народного хозяйства, таких как образование, здравоохранение, культура, торговля, жилищно-коммунальное хозяйство, сфера услуг. Кроме того, согласно последним данным, российские женщины отличаются высоким уровнем образования и экономической активности – «более половины граждан, имеющих высшее образование, – женщины (55%). Среди высококвалифицированных научных работников женщины составляют значительную часть (28,3% среди докторов наук и 43,4% среди кандидатов наук). В 2021 г. доля женщин в общей численности занятого населения составила 48,6%».

Тем не менее, по результатам исследования можно констатировать существование значительной диспропорции в структуре современной властной элиты России. Так, в 2013 году доля мужчин составляла 93,3%, доля женщин – 6,7%. В 2023 году доля мужчин в структуре властной элиты несколько снизилась и достигла 89,8%, доля женщин, соответственно, выросла до 10,2%. Таким образом, по результатам исследования отмечается небольшой рост доли женщин, однако данный прирост нельзя назвать достаточным основанием для констатации тренда.

Данное положение дел обусловлено двумя главными причинами. Первая причина – недостаточная развитость механизмов продвижения женщин в высшие эшелоны власти, приводящая к тому, что женщины «чаще «сле-

дуют» за ситуацией, а их попадание во власть – результат стечения благоприятных обстоятельств, а не продуманной карьерной стратегии». Вторая причина – широкая распространенность стереотипных представлений о социальных ролях мужчины и женщины в российском обществе, в частности стереотипа о том, что политика – не женское дело. Совокупность данных факторов приводит к тому, что российские женщины достигают карьерных высот «в большей степени случайно, не проявляя выраженной готовности бороться за свое место «под солнцем».

Важным индикатором качества властной элиты является возраст ее членов. Как известно, недостаток представителей молодого поколения в структуре элиты способствует ее изоляции от общества, снижает адаптивность к новым вызовам внешней среды и в итоге приводит к ее вырождению. В свою очередь, недостаток представителей старшего поколения зачастую приводит к революционным изменениям, которые связаны с социальными катаклизмами.

Наиболее интересным подходом к классификации возрастов является поколенческий подход У. Штрауса и Н. Хоува, суть которого состоит в разделении людей на определенные категории – поколения, – каждое из которых соответствует определенному этапу развития общества и государства. Каждое поколение составляет временной промежуток примерно в 20 лет – за это время у среднестатистического человека успевает сформироваться личность и связанные с ней ценности и установки. В рамках исследования наибольший интерес представляет классификация, насчитывающая 6 поколений россиян: «величайшее поколение (1903–1923 гг.), молчаливое поколение (1924–1943 гг.), бэби-бумеры (1944–1963 гг.), поколение X (1964–1984 гг.), поколение Y (1985–2003 гг.), поколение Z (2004–2024 гг.)».

По результатам исследования выяснилось, что абсолютное большинство представителей властной элиты 2013 и 2023 годов принадлежит к двум поколениям – поколению бэби-бумеров (поколение В. Путина) и поколению X (поколение М. Мишустина). Так, в 2013 году самую большую долю в структуре властной элиты составляли бэби-бумеры (50–69 лет) – 58%, второе место заняли представители поколения X (29–49 лет) – 41%, на третьем месте оказалась совсем небольшая доля представителей молчаливого поколения (70 лет и более) – 1%.

Через 10 лет в 2023 году наибольшую долю в структуре властной элиты занимали уже представители поколения X (39–59 лет) – 57% (+16%), на второе место сместился бэби-бумеры (60–79 лет) – 39% (–19%), на третьем месте впервые расположилась группа представителей поколения Y (20–38 лет) – 3% и следом расположилась небольшая группа представителей молчаливого поколения (80 лет и более) – 1%.

Тем не менее, несмотря на снижение численности возрастных представителей бэби-бумеров, средний возраст властной элиты России вырос: так, если в 2013 году средний возраст составлял 52,01 года, то в 2023 году средний возраст составил 56,19 лет (+4,18 года). Для определения причины повышения среднего возраста вся совокупность представителей властной элиты была разделена на 4 равных квартиля по возрасту (рис. 1).

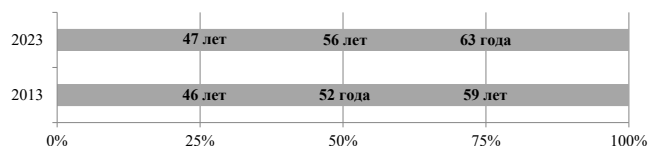

Рис. 1. Распределение 4-х равных квартилей представителей федеральной элиты по возрасту

Квартильное распределение совокупности представителей элиты по возрасту позволило сделать вывод, что увеличение среднего возраста властной элиты связано в большей степени с включенностью достаточно большой группы бэби-бумеров, которые не спешат покидать ключевые государственные посты. Данная тенденция связана, возможно, с тем, что Президент России также принадлежит к данному поколению, в связи с чем склонен делать ставку на проверенных людей, которые придерживаются схожих с ним взглядов относительно политического устройства и государственного управления, что может быть расценено как продолжение политики доверия к кадрам Л. Брежнева.

Помимо принадлежности к определенному поколению, важным фактором социализации индивида является среда, в которой он рос и развивался. Так, по результатам сравнительного анализа городских и сельских подростков, «уровень общей социализированности у городских детей выше, что обусловлено высоким уровнем социальной адаптации, активной жизненной позицией и большими возможностями для самореализации <...> Городские подростки увереннее в себе, они часто проявляют смелость в общении, общий уровень самооценки у них выше, чем у сельских <...> При этом сельские дети меньше подвержены стрессовым факторам <...> больше удовлетворены жизнью и проявляют к ней интерес»¹.

В целях понимания процессов социализации представителей властной элиты, в рамках исследования был проведен анализ мест рождений представителей властной элиты. Так, по результатам исследования можно констатировать тренд на снижение количества представленных регионов: если в 2013 году насчитывалось 50 регионов России и 12 иностранных государств, то в 2023 году количество регионов сократилось до 43, количество иностранных государств – до 10. На фоне остальных регионов ярко выделяются два мегаполиса – Москва и Санкт-Петербург, – на долю которых приходится чуть меньше трети всех представителей элиты. Так, если в 2013 году в Москве родилось 19% представителей элиты, в Санкт-Петербурге – 11%, то в 2023 году доля родившихся в Москве выросла до 21%, доля родившихся в Санкт-Петербурге не изменилась (11%).

Вместе с тем необходимо отметить тот факт, что реальная доля представителей элиты, прошедших социализацию в крупных городах, выше. Данное положение дел зачастую связано с переездом родителей после рождения детей: так, например, доля представителей элиты, получивших первое образование в Москве или Санкт-Петербурге, превышает долю родившихся в этих городах более чем в 2 раза. Данная ситуация во многом отражает сложившийся тренд на урбанизацию и снижение доли сельского населения за последние 50–60 лет: так, доля сельского населения России сократилась с 56,1 млн человек в 1959 году² до 36,8 млн в 2023 году³. Данный тренд, вероятно, в дальнейшем будет отображаться в виде сокращения доли представителей элиты, родившихся в селе в пользу тех, кто родился в крупных городах.

Огромное значение для понимания структуры элиты и векторов ее трансформации являются образователь-

ные характеристики. В современной научной литературе образование рассматривается как один из ключевых критериев неравенства в обществе, а доступ к элитному образованию значительно повышает жизненные шансы человека⁴. Помимо этого, образовательная траектория в значительной степени определяет специфику социализации индивида, формируя определенный круг знакомств, оказывающих заметное влияние на характер вертикальной мобильности, что, в конечном счете, способствует поддержанию внутригрупповой сплоченности элиты. По результатам анализа образовательных характеристик выяснилось, что все 100% представителей элиты образца 2013/2023 годов имели минимум один диплом о наличии высшего образования.

Одним из важнейших образовательных показателей является количество полученных дипломов о высшем образовании, указывающее на стремление индивида к получению новых, более актуальных знаний в целях эффективного осуществления своих обязанностей. В этой связи можно констатировать явный тренд на стремление к продолжению образовательной траектории представителями элиты. Если в 2013 году 2 диплома об окончании ВУЗа имели 59%, 3 диплома и более – 13% представителей властной элиты, то в 2023 году 2 диплома имели уже 69%, а 3 диплома и более – 12% представителей элиты.

Тем не менее, определяющее значение для карьерной траектории индивида имеет первое образование. Ключевыми характеристиками первого образования являются регион, профиль специальности и конкретный ВУЗ. Рассмотрим подробнее каждый из вышеуказанных показателей.

Анализ регионального распределения ВУЗов первого высшего образования выявил расширение географии: если в 2013 году насчитывалось 25 регионов России и 5 зарубежных стран получения первого высшего образования, то в 2023 году насчитывалось уже 33 региона России и 4 зарубежных государства. На фоне остальных регионов России уверенно выделяются две столицы – Москва и Санкт-Петербург. В 2013 году 42% представителей элиты получили первое образование в Москве, 24% – в Санкт-Петербурге. В 2023 году отметилось некоторое снижение доли двух столиц: 44% представителей элиты получили первое образование в Москве, 16% получили образование в Санкт-Петербурге. Таким образом, существует значительный региональный перекосяк при получении высшего образования среди представителей элиты в пользу Москвы и Санкт-Петербурга. Если говорить о конкретных ВУЗах получения первого высшего образования, то тройка университетов-лидеров за 10 лет не претерпела изменений: МГУ имени М.В. Ломоносова (по 11% в 2013 и 2023), СПбГУ (9% в 2013, 7% в 2023), МГИМО (4% в 2013 году и 6% в 2023 году).

Важным фактором первого образования является его профиль. В рамках исследования полученное образование было разделено на следующие профили: финансово-экономический, инженерно-технический, гуманитарный (в т.ч. управленческий, юридический), естественно-научный (в т.ч. медицинский) и «другой» (военный, спортивный и др.). Проведенный анализ позволяет дополнительно констатировать подробно описанный в научных работах тренд на снижение доли технократов в пользу гуманитариев. Так, в 2013 году большинство представителей элиты получили первое образование в рамках инженерно-технического (41%),

⁴ См., например: Brezis E.S. Elitism in Higher Education and Inequality: Why Are the Nordic Countries So Special? // *Intereconomics*, 2018. № 53. – P. 201–208; Grundmann M. Education and Socialization // *Sociology in the German-Speaking World*, 2020. Special Issue *Soziologische Revue* – P. 53–66

¹ Кобизь Т.Н. Особенности социализации подростков в условиях города и села // *Социальные трансформации*, 2018. № 29. – С. 125–126

² Вишневский А.Г., Кваша Е.А., Харьковская Т.Л., Щербакова Е.М. Российское село в демографическом измерении // *Мир России. Социология. Этнология*, 2007. № 1. – С. 17

³ Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный источник] – URL: clck.ru/33VwGc (дата обращения: 21.04.2023)

гуманитарного и финансово-экономического (по 29%) профилей. В 2023 году большинство представителей имели первое образование по специальности, относящиеся к гуманитарному (41%, наиболее популярная специальность – юрист), инженерно-техническому (26%) и финансово-экономическому (25%) профилям. Профиль образования значительно зависит от возраста: по отношению к властной элите 2023 года для поколения Y наиболее популярным является образование гуманитарного (80%) и финансово-экономического профиля (20%), для представителей поколения X – гуманитарного (46%) и финансово-экономического профиля (32%), для бэби-бумеров – образование инженерного профиля (49%).

Как уже было указано ранее, большинство представителей властной элиты имеют два и более диплома о высшем образовании. Так, если ВУЗом первого выбора чаще остальных является МГУ имени М.В. Ломоносова, то при рассмотрении общего списка ВУЗов, в которых представители властной элиты получили образование, картина несколько меняется: на первое место с большим отрывом выходит РАНХиГС при Президенте РФ (20% в 2013 и 21% в 2023). В абсолютном большинстве случаев диплом об окончании РАНХиГС является вторым, реже третьим, что говорит о функционировании системы дополнительного образования (повышения квалификации) в системе подготовки государственных руководителей высшего уровня. Таким образом, РАНХиГС является главной кузницей элитных кадров в России и с большой долей вероятности останется таковой в течение ближайших лет.

Второе место по популярности также занимает МГУ имени М.В. Ломоносова (13% в 2013, 14% в 2023). Третье и четвертое место делят между собой СПбГУ и МГИМО, причем если в 2013 году СПбГУ занимал третье место, то в 2023 доля окончивших данный университет значительно сократилась (с 11% до 7%). МГИМО, напротив, несколько улучшил свои позиции – с 5% в 2013 году до 9% в 2023 году. Стабильна доля представителей элиты, имеющих диплом учебного заведения условно «силового блока» (ФСБ, ФСО, СВР, МВД, ВС РФ и др.): 13% в 2013 году и 14% в 2023 году. Отмечается более чем трехкратный рост числа представителей элиты, окончивших какой-либо зарубежный ВУЗ (без учета стран СНГ) – с 3% в 2013 году до 10% в 2023 году.

Дополнительным образовательным ресурсом является наличие ученой степени. По результатам сравнительного анализа отмечается значительное снижение доли представителей властной элиты, имеющих какую-либо степень. Так, если в 2013 году 71% имели ученой степень (44% – степень кандидата наук, 27% – степень доктора наук), то в 2023 году ученую степень имели только 48% (31% – степень кандидата наук, 21% – степень доктора наук). Снижение доли представителей элиты с учеными степенями произошло в каждом поколении примерно в равной степени. Данное обстоятельство, наряду с фактом включенности ряда индивидов без ученых степеней во властную элиту, позволяет сделать вывод о том, что ученая степень перестает быть условием для включения индивида в элиту и, как следствие, со временем теряет свою ценность.

Важнейшим показателем элитной мобильности являются профессиональные траектории ее представителей, отражающие реалии социальной стратификации. Анализ карьерных траекторий осуществлялся в несколько этапов: в рамках инструментария было выделено 15 крупных сфер профессиональной деятельности (работа в законодательных, исполнительных, судебных органах власти, работа в сфере науки, образования, опыт в рамках государственного и частного бизнеса и др.). Далее

при анализе биографий были отобраны 6 наиболее продолжительных сфер деятельности представителя элиты, включая текущую сферу деятельности с целью определения проницаемости каналов мобильности. Помимо опыта работы были проанализированы такие показатели, как трудовой стаж в рамках текущей сферы, должности, а также возраст назначения на текущую элитную должность с целью определения профессионализации элиты и определения возрастного ценза назначения на элитные должности. Кроме того, по отношению к представителям властной элиты образца 2013 года был проведен анализ «постэлитной» мобильности: определено последующее направление мобильности (восходящая, нисходящая, горизонтальная) и сфера деятельности.

Анализ карьерных траекторий представителей элиты позволяет сделать вывод о том, что властная элита федерального уровня обладала и обладает высоким уровнем социальной мобильности, а ее представители имеют опыт работы в достаточно широком диапазоне профессиональных сфер – в среднем каждый представитель элиты имел релевантный опыт в 3-х различных сферах (3,0 в 2013 году, 2,9 в 2023 году).

В целом, по результатам частотного распределения можно констатировать, что самым распространенным каналом элитной мобильности является государственная бюрократия, представленная исполнительными органами власти различных уровней (табл. 1), что во многом обусловлено как спецификой исторического развития российского государства, так и структурой властной элиты.

Таблица 1. Карьерные траектории представителей федеральной элиты в 2013 и 2023 годах

Сфера трудовой деятельности	Властная элита	
	2013 год	2023 год
Исполнительные органы власти	82%	84%
Государственный бизнес	46%	37%
Частный бизнес	39%	36%
Научная и/или образовательная деятельность	30%	29%
Президентуры	28%	27%
Законодательные органы власти	21%	20%
Специальные службы (ФСБ, ФСО, СВР и др.)	13%	13%
Партийное строительство (включая КПСС)	12%	6%
Общественная сфера (профсоюзы, НКО и др.)	10%	8%
Вооруженные Силы РФ	7%	5%
Судебные органы власти (судьи, адвокатура, прокуратура)	5%	8%
Правоохранительные органы (МВД, Росгвардия)	4%	7%
Медицина	2%	3%
Телевидение, журналистика	1%	3%

Анализ предшествующих сфер деятельности представителей элиты от исполнительной власти показывает отчетливую взаимосвязь между государственной службой и бизнесом, отмеченную также в других современных исследованиях¹. Так, в 2013 году наибольшее

¹ Коряжковцева О.А., Карпов А.Ю. Российская политическая элита в трансформационных процессах современности // Госу-

количество госчиновников имели опыт работы в сфере государственного бизнеса, предприятий (40%), частного бизнеса (40%) и научно-образовательной сферы (31%). В 2023 году данное распределение несколько изменилось: большая часть госчиновников имела опыт работы в рамках частного бизнеса (40%), треть (33%) имели опыт в научно-образовательной сфере, 30% были задействованы в рамках государственного бизнеса. Несколько сократилась доля госслужащих, кто изначально начал свою карьеру в сфере государственной службы: с 14% в 2013 году до 11% в 2023 году.

Тенденция взаимосвязи государственной службы и бизнеса отмечается и в обратную сторону. Так, из всех респондентов, имевших опыт в рамках частного бизнеса образца 2013 года, 71% имели опыт государственной службы, 42% – опыт в рамках государственного бизнеса, госпредприятий, почти каждый третий (32%) – имел опыт работы в сфере науки или образования. В 2023 году данное процентное распределение несколько изменилось – опыт госслужбы имели 77%, опыт работы в структуре государственного бизнеса – 42%, опыт работы в сфере науки и образования – 26%.

Стоит отметить, что снижение представителей элиты, имеющих опыт работы в рамках государственного бизнеса во многом связано со сменой поколений, а именно – со снижением доли представителей поколения бэби-бумеров, родившихся в СССР и, как правило, начинавших свою карьеру с работы на государственном предприятии. Так, в 2013 году самой популярной сферой «старта» карьеры для бэби-бумеров служил государственный бизнес (35%), то для представителей поколения X – уже частный бизнес (31%). Данная тенденция сохранилась и по отношению к представителям властной элиты 2023 года: бэби-бумеры чаще начинали с госбизнеса (35%), представители поколения X – с частного бизнеса (27%).

Отдельный интерес представляет профессионализация представителей властной элиты, которая значительно увеличилась за 10 лет. Так, если в 2013 году трудовой стаж в рамках текущей сферы деятельности в среднем составлял 11,31 лет при моде в 1 год, то в 2023 году трудовой стаж в рамках текущей сферы деятельности вырос до 17,62 лет при моде в 3 года. При этом стоит отметить, что если в 2013 году до 50% представителей имели до 8 лет стажа, то в 2023 году данная группа составила уже чуть более 25%. В 2013 году среднестатистический представитель властной элиты в среднем занимал свою текущую должность в течение 4,9 лет при моде в 1 год, то в 2023 году данные сроки увеличились до 7,63 лет и 3 лет соответственно. Как и в случае с трудовым стажем в рамках сферы деятельности, время, которое представители элиты занимают свои текущие должности, распределено непропорционально: если в 2013 году 50% представителей элиты занимали должность до 3-х лет, то в 2023 году их доля сократилась до 25%.

Самая многочисленная группа представителей властной элиты – госслужащие, – также вписываются в текущий тренд: если в 2013 году среднее время пребывания в должности составляло 3,67 лет при моде в 1 год, то в 2023 году среднее время увеличилось до 5,56 лет при моде в 3 года. Безусловно, срок нахождения у должности обуславливается различными внешними обстоятельствами, такими как формирование нового состава Правительства РФ в связи с избранием В. Путина на 3 президентский срок, роспуском Правительства в 2020 году. Тем не менее, тренд на профессионализацию властной элиты прослеживается достаточно четко.

дарственное и муниципальное управление. Ученые записки, 2022. № 3. – С. 206

Данный вывод дополнительно подтверждается увеличением среднего возраста назначения на должность: если в 2013 году средний возраст составлял 47,73 лет при моде в 51 год, то в 2023 году средний возраст вырос до 49,42 лет при моде в 51 год.

При оценке каналов вертикальной мобильности важным показателем является партийная принадлежность. В 2013 году большинство представителей элиты (70%) не имели какой-либо партийной принадлежности, 27% состояли в партии Единая Россия, 3% состояли в иных политических партиях. По состоянию на 2023 год данное распределение осталось неизменным. В этой связи можно предположить, что членство в партии Единая Россия является фактором, влияющим на продвижение в рамках властной вертикали государства, и в этой связи члены партии «дорожат своим партбилетом в той мере, в какой обладание им способно принести некие дивиденды»¹. Тем не менее, по мнению ряда экспертов, Единая Россия, являясь формально партией власти с 2003 года, «не оказывает значимого влияния на назначения на политические и административные должности и никак не влияет на решения, определяющие политику государства. В частности, она крайне редко используется для выдвижения кандидата в президенты от действующей власти, а если, как это было в 2007 и 2011 гг., ей доверяется официально выдвинуть такого кандидата, его избирательный штаб формируется на базе АП»².

Отдельным направлением анализа карьерных траекторий представителей властной элиты было выявление динамики мобильности после того, как они покидали свои должности. Так, по результатам анализа удалось выяснить, что треть (33%) представителей властной элиты 2013 года сохранили свое присутствие в рядах властной элиты 2023 года, чуть более четверти из них (26%) сохранили свои должности. Обновление властной элиты на 66% за 10 лет позволяет нам сделать вывод об открытости властной элиты в России с одной стороны, и о работе каналов вертикальной мобильности с другой стороны. Наиболее популярными сферами перехода стала госслужба (20%), а также частный (16%) и государственный (14%) бизнес. На пенсию «в чистом виде» ушел только 1% представителей (2 человека).

При рассмотрении последующей мобильности, связанной с оставлением элитной должности, огромное значение имеет ее направление. Сравнительный анализ должностей представителей элиты, покинувших свои посты после 2013 года, с первой новой должностью, выявил преимущественно нисходящую мобильность: 63% заняли более низкую должность, 27% заняли условно равнозначную должность, 10% заняли более высокую должность. Большинство тех, кто занял более низкую должность, в последующем перешли в сферу государственного (30%) и частного бизнеса (25%), что является воплощением мягкого сценария выхода из элиты. Более жесткому сценарию выхода, связанному с последующим уголовным преследованием, подверглось 5% представителей. Средний возраст ухода с занимаемой должности составил 54,71 года при моде в 61 год.

Заключение

По итогам исследования можно констатировать, что трансформация властной элиты в период с 2013 по 2023 год

¹ Попова Ю.В. «Единая Россия» как опорный институт персоналистского режима // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», 2020. № 3. – С. 93

² Нисневич Ю.А. Российская «партия власти» vs доминантная партия // Полития, 2021. № 4 (103). – С. 194–195

связана с изменением ряда ключевых параметров ее структуры:

1. Функционирование властной элиты в современной России сопряжено с наличием существенной гендерной диспропорции, особенно четко проявляющейся по отношению к региональной элите – доля мужчин более чем в 10 раз превышает долю женщин, причем за 10 лет данная пропорция практически не претерпела изменений;
2. За 10 лет произошла поколенческая трансформация: на смену поколению бэби-бумеров (поколению В. Путина) пришло поколение X (поколение М. Мишустина), а также впервые произошел выход на элитные позиции представителей поколения Y. Тем не менее, увеличение среднего возраста властной элиты связано в большей степени с включенностью значительной группы возрастных представителей, что можно объяснить фактором доверия президента к конкретным персоналиям ввиду предыдущего успешного взаимодействия на протяжении долгого времени;
3. Образовательная траектория представителей властной элиты во многом связана с получением образования в одном из столичных ВУЗов (Москва и Санкт-Петербург), что обусловлено как рейтинговыми позициями учебных заведений, так и стремлением получить высшее образование по месту жительства – доля уроженцев двух столиц среди представителей федеральной элиты является наибольшей. Ключевая роль в подготовке элиты отводится Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, что во многом отражает работу системы дополнительного образования для государственных служащих. За 10 лет также отмечена трансформация образовательного профиля, связанная с выходом на лидирующие позиции гуманитарного и финансово-экономического образования за счет снижения доли инженерно-технического;
4. Анализ карьерных траекторий представителей элиты позволил сделать вывод о высоком уровне социальной мобильности ее представителей, имевших опыт работы в достаточно широком диапазоне профессиональных сфер. Наиболее распространенным каналом элитной мобильности является государственная служба и бизнес (частный и государственный). Кроме того отмечается рост профессионализации, что говорит о стабилизации кадровой политики, а также о присутствии в ее рядах большого количества профессионалов с большим стажем, которые на протяжении 10 лет смогли сохранить свою прописку в рядах властной элиты.

Литература

1. Беляева Г.Ф. Политическая активность женщин в России // Вопросы государственного и муниципального управления, 2008. № 1. – С. 143–164
2. Бурмистрова Е.С., Вершинина Д.Б. Женское политическое представительство: теоретические и исторические аспекты // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения, 2022. № 3. – С. 375–382;
3. Вишневский А.Г., Кваша Е.А., Харьковская Т.Л., Щербакова Е.М. Российское село в демографическом измерении // Мир России. Социология. Этнология, 2007. № 1. – С. 17–58
4. Кобизь Т.Н. Особенности социализации подростков в условиях города и села // Социальные трансформации, 2018. № 29. – С. 119–126

5. Колесников А.В., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В., Сиренко С.Н. Нелинейная модель смены поколений элиты // Известия вузов. ПНД, 2022. № 4. – С. 456–479
6. Конституция Российской Федерации // Официальный сайт Президента России [Электронный источник] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 1.09.2023)
7. Коряковцева О.А., Карпов А.Ю. Российская политическая элита в трансформационных процессах современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки, 2022. № 3. – С. 204–209
8. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Женщина во власти в России: карьерный рост и мотивация // РСМ, 2010. № 1. – С. 52–70
9. Миллс Р. Властвующая элита / Перевод с англ. Е.И. Розенталь, Л.Г. Рошаль, В.Л. Кон. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 545 с.
10. Нисневич Ю.А. Российская «партия власти» vs доминантная партия // Политика, 2021. № 4 (103). – С. 184–198
11. Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный источник] – URL: clck.ru/33VwGc (дата обращения: 1.09.2023)
12. Попова Ю.В. «Единая Россия» как опорный институт персоналистского режима // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», 2020. № 3. – С. 87–95
13. Ушакова В.Г., Савин С.Д. Женщины в современной российской политике и государственном управлении // Женщина в российском обществе, 2023. № 1. – С. 20–31
14. Brezis E.S. Elitism in Higher Education and Inequality: Why Are the Nordic Countries So Special? // *Intereconomics*, 2018. № 53. – P. 201–208
15. Grundmann M. Education and Socialization // *Sociology in the German-Speaking World*, 2020. Special Issue *Soziologische Revue* – P. 53–66
16. Mlambo C., Kapingura F. Factors influencing women political participation: The case of the SADC region // *Cogent Social Sciences*, 2019. Vol. 5, iss.1. – P. 1–13
17. Strauss B., Strauss W., Howe N. *The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: Morrow, 1991. – 540 p.

TRANSFORMATION OF THE POWER ELITE IN MODERN RUSSIA: 2013–2023

Khlynin A.P.

Lomonosov Moscow State University

The article represents the results of a study of socio-demographic, educational, professional and other characteristics of the Russian power elite. The study was conducted on the basis of a comparative analysis of the biographies of the elite in 2013 and 2023 (N=297). The definition of the object of study was carried out using a positional approach that reflects the formal structure of power relations. Based on the results of the analysis of the data, author comes to the conclusions, which reflect the realities of the transformation of the structure, functions and channels for recruiting new members of the power elite over the past 10 years.

Keywords: elite, elite transformation, power elite, Russia, biographical method.

References.

1. Belyaeva G.F. Political activity of women in Russia // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, 2008. No. 1. – P. 143–164 (in Russian)

2. Burmistorva E.S., Vershinina D.B. Women's political representation: theoretical and historical aspects // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya, 2022. № 3. – P. 375–382 (in Russian)
3. Vishnevsky A.G., Kvasha E.A., Kharkova T.L., Shcherbakova E.M. Russian village in the demographic dimension // Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya, 2007. No. 1. – P. 17–58 (in Russian)
4. Kobiz T.N. Features of the socialization of adolescents in the conditions of the city and village // Social'nye transformacii, 2018. No.29. – P. 119–126 (in Russian)
5. Kolesnikov A.V., Malinetskii G.G., Podlazov A.V., Sirenko S.N. Nonlinear model of elite generational change // Izvestiya vuzov. PND, 2022. № 4. – P. 456–479 (in Russian)
6. Constitution of the Russian Federation // Official website of the President of Russia [Electronic source] – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (date of access: 1.09.2023)
7. Koryakovtseva O.A., Karpov A. Yu. Russian political elite in the transformational processes of our time // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski, 2022. No.3. – P. 204–209 (in Russian)
8. Lapina N. Yu., Chirikova A.E. Woman in power in Russia: career growth and motivation // RSM, 2010. № 1. – P. 52–70 (in Russian)
9. Mills R. The ruling elite / Translated from English. E.I. Rozental, L.G. Roshal, V.L. Kon. – M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1959. – 545 p. (in Russian)
10. Nisnevich Yu.A. The Russian «party of power» vs the dominant party // Politiya, 2021. No.4 (103). – P. 184–198 (in Russian)
11. Preliminary estimate of the resident population as of January 1, 2023 // Official website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation [Electronic source] – URL: clck.ru/33VwGc (date of access: 1.09.2023)
12. Popova Yu.V. «United Russia» as a supporting institution of the personalist regime // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki», 2020. No.3. – P. 87–95 (in Russian)
13. Ushakova V.G., Savin S.D. Women in modern Russian politics and public administration // Zhenshchina v rossijskom obshchestve, 2023. No.1. – P. 20–31 (in Russian)
14. Brezis E.S. Elitism in Higher Education and Inequality: Why Are the Nordic Countries So Special? // Intereconomics, 2018. № 53. – P. 201–208
15. Grundmann M. Education and Socialization // Sociology in the German-Speaking World, 2020. Special Issue Soziologische Revue – P. 53–66
16. Mlambo C., Kapingura F. Factors influencing women political participation: The case of the SADC region // Cogent Social Sciences, 2019. Vol. 5, iss.1. – P. 1–13
17. Strauss B., Strauss W., Howe N. The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: Morrow, 1991. – 540 p.

Возможности и пределы деятельности частных военных компаний: политический контекст

Цвяк Александр Александрович,

аспирант Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: al.tsvyak@gmail.com

В статье проанализированы основные аспекты обстоятельства, допускающие возможность их задействование в политике и факторам, ограничивающим их использование. В качестве важнейших элементов обозначены и детализированы такие вопросы, как качество использования частных военных компаний, проблематика их взаимоотношений с государственными структурами, а также вопросы социально-политического характера, как в самих ЧВК, так и по отношению к окружающему их социуму. Ключевым выводом в этой связи следует считать неоднозначность политического контекста деятельности частных военных компаний.

Ключевые слова: частные военные компании, оценка необходимости задействования ЧВК, военно-политические институты.

Отмечая пределы и возможности использования частных военных компаний как в теоретическом, так и в практическом контексте, необходимо отметить относительную противоречивость возможных оценок. Одни и те же факторы и на уровне научного, академического осмысления и на уровне общественного сознания, СМИ и комментариев публичных лиц, зачастую имеют тенденцию рассматриваться как в негативном ключе, так и наоборот, свидетельствовать о преимуществах задействования частных военных компаний. Тем не менее, анализируя различные факторы, позволяющие выявлять возможности и ограничения при использовании ЧВК, а также о политической целесообразности существования данного военизированного института, можно прийти к определённым результатам.

Итак, охарактеризуем возможности использования ЧВК при достижении политических целей.

1. Одним из самых ключевых и явных преимуществ, связанных с использованием частных военных компаний, является значительная экономия бюджетных средств, связанных с охранной или военной деятельностью. Как с конца XX века по настоящее время многие государства изменили свою финансовую политику в отношении вооружённых сил, делая упор на аутсорсинге услуг, вне зависимости от того, сокращается, увеличивается или остаётся неизменным общий уровень военного бюджета. Другими словами, обозначилась тенденция переложить часть бремени оборонных расходов на охранные и иные военизированные структуры. Использование ЧВК зачастую является менее затратным средством по сравнению с использованием регулярных сил. Правительства получили возможность экономить средства на страховках, пособиях, выплатах, льготах, и иных экономических преференциях, относящихся к профессионалам, коими являются сотрудники ЧВК [1].

2. ЧВК может использоваться как инструмент, дополняющий или заменяющий официальные вооружённые силы. Другой важнейшей стороной использования ЧВК является возможность использование силового ресурса под эгидой организаций и структур, формально не имеющих отношения к правительству стран, в которых эти организации были созданы. Так, частные военные компании из Соединённых Штатов Америки, могут иметь заключённые контракты не с правительством США, а с правительством Ирака, Афганистана или какой-либо ещё страны мира. При этом, очевидно, что ЧВК будут согласовывать свои действия с американскими военными и в целом действовать в канве именно американских национальных интересов, придавая вторичное значение интересам той страны, в которой они находятся. Данный момент является крайне привлекательным для стран, легализующих деятельность частных военных компаний. Фактически же это означает наличие дополнительного ресурса в виде подразделений, осуществляющих деятельность параллельно с вооружёнными силами государства [2].

3. ЧВК как инструмент реализации внешнеполитических интересов, позволяющий правительствам «сохранить своё лицо» перед международным сообществом и властями государств, в которых действуют данные

частные структуры. Благодаря частным военным компаниям, государства, в юрисдикции которых они находятся, получают в своё распоряжение возможность воздействовать на другие режимы и ситуацию в целых регионах. Это может проявляться не только в ведении прямых боевых действий, но и в более мягких формах, таких как обучение персонала, помощь в построении организационной структуры армии и иных действиях, оказывающих влияние на то государство, в которое были приглашены сотрудники ЧВК.

4. Инкорпорация государства и бизнеса. Частные военные компании могут являться важнейшим инструментом сопоставления и координации интересов правительств и корпораций. Особенно это актуально для работы с нестабильными регионами, в которых крупнейшие мировые державы хотят создать зоны своего влияния, компании – получить возможность и гарантии безопасного осуществления своей экономической деятельности с купированием угроз для сотрудников и объектов собственности. Фактически, в подобном случае можно говорить о выстраивании внешнеполитической деятельности, когда сопоставляются частные и государственные интересы, а внешняя политика и внешнеэкономическая деятельность получают одно измерение [3].

5. Отсутствие прямых обвинений со стороны международных организаций по отношению к странам происхождения ЧВК. Специфика деятельности частных военных компаний заключается в том, что в случае, если та или иная ЧВК начинает свою деятельность в какой-либо стране, то она, как уже было отмечено, зачастую работает не от лица того государства, в котором компания прошла регистрацию, а от лица частных и правительственных структур той страны, в которой дислоцируются сотрудники. Исходя из этого, подведение правовой базы под предъявление возможных обвинений о незаконном участии в боевых действиях будет направлено скорее против конкретной ЧВК, нежели чем против страны-регистратора. Этот аспект позволяет рассматривать частные военные компании как крайне гибкий инструмент для ведения гибридных операций, специальных мероприятий, и иных действий, которые могут быть осуществлены государствами без угроз для своих позиций на международной арене [2].

6. ЧВК – инструмент стабилизации антимилитаристских настроений внутри государств. Современные тенденции развития гражданского общества и идеологические позиции значительного числа людей (особенно в странах Европы) предполагают отказ от использования военной силы для реализации национальных интересов. В этой ситуации частные военные компании являются механизмом, благодаря которому власти могут не бояться потерять голоса избирателей из-за своих действий на международной арене [4]. Всё большее число граждан, общественных объединений и организаций, и даже самих госслужащих высказывается за изменения сложившихся порядков и принципов организации деятельности вооружённых сил. Пацифизм стал серьёзным явлением во многих странах и осуждает как потери среди мирного населения в регионах, где проходят боевые действия, так и среди личного состава самих вооружённых сил того или иного государства. Частные военные компании в свою очередь хоть и привлекают к себе определённое общественное мнение и их деятельность неоднократно также встречалась скандалами в прессе, однако подобные осуждения в адрес ЧВК звучат не столь общественно обзорно, как в случае с вооружёнными силами [5].

7. Вопреки более распространённому мнению о том, что солдаты, воюющие за деньги, не способны самоотверженно сражаться, существует и альтернативная

позиция. Её суть заключается в том, что деньги – хороший и относительно надёжный стимул для участников какого-либо конфликта. Прямое ведение боевых действий далеко не всегда является ключевой обязанностью частных военных компаний, однако вовсе не факт, что и при таком развитии событий, наёмные сотрудники окажутся в заведомо более проигрышном положении. Солдаты регулярных вооружённых сил, безусловно, будут обладать неоспоримо более сильной мотивацией в случае обороны родных рубежей, но это не всегда справедливо в отношении экспедиционных кампаний, когда морально-психологическая устойчивость солдат может быть особенно уязвима. Анализируя самое крупное участие ЧВК в боевых действиях за всю историю этого института, а именно в операциях в Ираке и Афганистане, трудно провести строго разграниченную линию между эффективностью бойцов регулярных сил и частных формирований. Более того, в Вооружённых силах США наблюдались многочисленные случаи обращений за психологической помощью, что было гораздо менее характерно для бойцов ЧВК, которые возможно и цинично, но рационально относились к своей деятельности как к банальному способу заработка, гораздо меньше заботясь о смысле своего пребывания на другом континенте.

8. Другим доводом в пользу существования ЧВК, является вопрос о трудоустройстве демобилизованных военнослужащих вооружённых сил и т.д. Учитывая зачастую относительно узкий профиль их работы, после истечения военного контракта они далеко не всегда могут найти для себя подходящую по компетенциям, интересам, и уровню дохода должность. Частные военные компании в этом отношении могут предоставлять им работу в соответствии с их военной специальностью, обеспечивая их при этом, нередко даже более высокое денежное содержание по сравнению с той, что они получали во время службы в вооружённых силах (вместе с тем сотрудники ЧВК не попадают под страховые и пенсионные программы). Государство, в свою очередь, может меньше беспокоиться об социальных аспектах адаптации бывших военнослужащих после увольнения из рядов вооружённых сил, переложив часть этой ответственности на частный сектор [6]. Данное обстоятельство особенно ценно, прежде всего, в случаях, когда деятельность ЧВК осуществляется в соответствии с актуальными национальными интересами страны.

9. Легализация ЧВК, способствует усилению финансового и налогового контроля. В случае если определённые лица становятся членами ЧВК, юридический статус которого не вполне определён, то, скорее всего, они выпадают из фискального поля государства. В финансовом отношении их деятельность находится в так называемой «серой зоне». Но если такие объединения получают официальный статус, то на них начинают распространяться те же правила, что и на обычные коммерческие структуры, не связанные с оказанием военных услуг. Учитывая всё возрастающий тренд на увеличение количества частных военных компаний в мире, на экспоненциальное увеличение численности сотрудников в таких компаниях, а также на динамичный рост самого рынка военных и охранных услуг, узаконивание ЧВК и регламентация их деятельности с последующей выплатой налогов может являться важным доводом для некоторых стран, ещё не легализовавших ЧВК, сделать это.

Рассматривая феномен ЧВК следует особенно обратить внимание на отрицательных аспектах их деятельности. Также, как и в случае с доводами за их использование, пределы использования частных военных компаний проистекают, как и из практики осуществления этой деятельности, так и из теоретических концепций.

1. Частные военные компании – не самая устойчивая структура, зачастую выглядящая почти неуправляемой по сравнению с традиционными вооружёнными силами. В отличие от армейской конкретизированной процедуры отдачи приказов и контроля за процедурой их исполнения, ЧВК имеют гораздо более упрощённые подходы. Система заключения контрактов между заказчиком и исполнителем военных и охранных услуг, как правило, предполагает довольно обобщённое обсуждение вопросов, связанных с конкретными механизмами осуществления подобной деятельности. Оказываясь же «в поле», сотрудники частных военных компаний фактически становятся представленными сами себе, что может провоцировать различные деструктивные для выполнения задач явления. Отсутствие формализованных стандартов может быть особенно вредным во время боевых контрповстанческих действий – любые действия сотрудников ЧВК, которые будут восприняты местным населением как незаконные и противоправные, начнут приводить только к расширению масштабов антиправительственной деятельности, что будет нести повышенные издержки для заказчика и риски для сохранения самого контракта [7].

2. ЧВК в виду объективной сложности государственного и гражданского контроля неоднократно были замечены в неправомерной или даже преступной деятельности. Нередко жертвами деятельности частных военных и охранных компаний, которые используют своих сотрудников в непосредственном контакте с населением, становились мирные граждане, о чем свидетельствует опыт операций в Ираке или Афганистане. В то же время, следует отметить, что военные преступления не являются исключительной прерогативой наёмных структур, а трагически сопровождают практически все вооружённые конфликты, в том числе с участием конвенциональных вооружённых сил [8].

3. Низкая мотивация личного состава. ЧВК существенно проигрывают вооружённым силам как общественному институту с точки зрения морально-психологической устойчивости солдат и их патриотической ориентированности. Дело в том, что регулярная армия как институт создаётся в целях защиты Отечества, а ЧВК защиты интересов узких социальных групп в бизнесе и политике. В вооружённых силах смысл служения народу, стране придаёт большую общественно-политическую значимость [9]. Кстати, подобные элементы прививаются во время политической и учебно-боевой подготовки личного состава вооружённых сил. Профессиональная компетентность подразумевает не только наличие физических навыков и владение своей конкретной специализацией, но и нравственную готовность отстаивать интересы своей страны, защищать своих сограждан, где бы они ни находились, ставить объективные общественные интересы выше личных. В частных военных компаниях, соблюдение нарратива служению Отечеству не является главным, хотя и наличие такой мотивации нельзя также отрицать. Собственно – это можно заметить в нюансах семантики: для военнослужащих их деятельность является служением (службой), а для наёмников работой. В этом смысле наёмник – ценность наёмника заключается исключительно в его профессионализме. Отсюда соблюдение общих принципов морально-психологического контроля или требование спаянности коллектива начинает более зависеть от сложившихся личных взаимоотношений, что является неустойчивым (а иногда деструктивным) фактором при выполнении поставленных задач, связанных с необходимостью самопожертвования [10].

4. Криминализация персонала. Потеря контроля за сотрудниками частных военных компаний может но-

силь не только психологический, но и поведенческий характер. Оказываясь в другой стране, в условиях отсутствия должного надзора, бойцы могут начать испытывать соблазн использовать своё положение и имеющиеся возможности для доступа к дополнительным ресурсам или же просто начать делать всё, что они посчитают нужным для реализации своих желаний. Особенно учитывая то, что страны, на работу в которых ЧВК получают заказы, являются, как правило, неразвитыми с точки зрения социальной, правоохранительной и правоприменительной систем. Вдобавок, случаи привлечения сотрудников частных компаний к уголовной ответственности являются довольно редкими и в большинстве случаев они фактически не подпадают под юрисдикцию местных судов. Это приводит к тому, что сотрудники могут ввязаться в целый спектр возможных правонарушений или даже преступлений. Девиантная активность может проявляться в банальном мародёрстве или поборках с местного населения, а также принимать крайние формы, включая физическое насилие, пытки, домогательства и изнасилования или даже убийства. Возможно даже большую угрозу, чем отдельные преступные действия, могут представлять скоординированные акции, направленные на перехват и овладение каналами поставок наркотиков, оружия или людей. Подобные ситуации могут получать развитие на фоне экспоненциального роста ЧВК и их сотрудников, что влечёт за собой привлечение к работе мало проверенных кадров, многие из которых могут иметь криминальное прошлое, а саму работу в частных военных компаниях воспринимать как получение лицензии на оружие и на любые действия, которые они сочтут необходимым исполнить для реализации своих интересов.

5. Использование ЧВК может приводить к сращиванию власти и бизнеса. Безусловно, от слаженности работы государственных и коммерческих структур зависит уровень общей успешности стран в отношении реализации их национальных интересов. Однако не следует трактовать это буквально, так как подобное взаимодействие может быть очень разным по своей форме и содержанию. Как было отмечено ранее, в некоторых случаях частные военные компании могут только помочь в выстраивании единого контура внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, но не в меньшей степени справедливо и обратное. Коррупция, nepотизм, аффилированность госслужащих с частным сектором – всё это возможные последствия подобной деятельности. От стадии получения лицензии на охранную деятельность до конкретного определения параметров контракта и условий их выполнения располагается целый массив возможностей для нечистых на руку чиновников и руководителей ЧВК. Вдобавок к потенциально непрозрачной процедуре регистрационно-лицензионной деятельности, добавляются проблемы, возникающие при распределении подрядов, так как частные военные компании зарабатывают значительные средства, работая не только по договорам с коммерческими структурами, но и на государственные деньги.

6. Радикализация мест пребывания. ЧВК оказывают непосредственное влияние на ход событий в той местности, где они работают. Анализируя конфликты последних десятилетий, можно прийти к выводу о частичной потере авторитета института миротворчества. Например, в ряде африканских стран правительства для разъединения сторон, соблюдения условий замороженных конфликтов чаще привлекает ЧВК, чем обращается к миротворцам. ЧВК в данном случае используют как инструмент «поддержания мира на своих условиях», а далее для устранения своих оппонентов. Особенно в тех случаях, когда

ЧВК обслуживают экспансию транснациональных корпораций. Поэтому, в некоторых случаях, местное население может даже умеренно относиться к представителям вооружённых сил иностранных государств, но категорически не принимать частных подрядчиков, воспринимая тех, как грабителей, пришедших на их территорию ради жадности наживы. Более того, частные военные компании вовсе не заинтересованы в установлении мира – в таком случае они могут потерять свою прибыль.

Исходя из всего вышеизложенного, следует, что частные военные компании – это скорее инструмент ситуативного обеспечения безопасности на отдельных участках, нежели чем средство комплексного разрешения напряжённых ситуаций. В то же время деятельность ЧВК, трансформируясь с течением времени, становится всё более важным инструментом обеспечения реализации государственных и корпоративных интересов. Это накладывает особую ответственность как на государственные структуры, регулирующие использование частных военных компаний, так и на сами военизированные организации. Перечень сфер и направлений, в которых действуют сотрудники, ЧВК постоянно расширяется и больше не ограничивается лишь узконаправленными действиями, что в свою очередь, приводит к необходимости повышенного внимания в оценке работы частных военных компаний на практике.

Литература

1. Волеводз А.Г. О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний / А.Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009. – № 1. – С. 12–17.
2. Мартыанов О. Частные военные компании США: предназначение и роль в военных конфликтах. Зарубежное военное обозрение. – 2011 – № 5. – С. 8–13.
3. Брега А.В. Политический риск в обеспечении военной безопасности: теория и основы управления: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: Автореф. дисс... на соискание ученой степени доктора политических наук. – Москва, 2007. – 44 с.
4. Коновалов И.П. История современного наёмничества: «дикие гуси» и частные военные компании. – М.: Вече, 2017.
5. Singer P.W. Corporate Warriors: the rise of the privatized military industry // Cornell University, 2003.
6. Небольсина М.А. Частные военные и охранные компании в Ираке и Афганистане: аспекты деятельности и механизмы контроля // Ежегодник ИМИ, 2012. – 307 с.
7. Heidi M. Peters, Moshe Schwartz, Lawrence Kapp. Department of Defense Contractor and Troop Levels in Iraq and Afghanistan: 2007–2017. Congressional research service 2017 Report. April 28, 2017.

8. Dace Winther, «Regional maintenance of peace and security under international law: the distorted mirrors», 36 (2013).
9. Михайленок О.М. Российская армия: социальное неравенство и социальная динамика // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 4. – С. 105–126.
10. Singer P.W. Corporate Warriors: the rise of the privatized military industry // Cornell University, 2003. – 215 с.

THE LIMITS AND POSSIBILITIES OF USING PRIVATE MILITARY COMPANIES: THE POLITICAL CONTEXT

Tsvyak A.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the key political factors associated with the specification of the limits and possibilities of using private military companies at the current stage of their development. Using the analytical method and the method of system analysis, the main aspects are considered, which, according to their characteristics, can be attributed to factors that allow their use and factors that limit their use. Such issues as the quality of the applied use of private military companies, the problems of their relations with government agencies and also social issues, both within the PMCs themselves and in relation to the society surrounding them, are identified and detailed as the most important elements. The key conclusion in this regard can be considered the heterogeneity and ambiguity of private military companies as a phenomenon in which both the limits and the possibilities of their use are actively applied to the issue of their further development.

Keywords: private military companies, assessment of the need to involve PMCs, military and political institutions.

References

1. Volevodz A.G. On international initiatives in the field of legal regulation of the activities of private military and security companies / A.G. Volevodz // International criminal law and international justice. – 2009. – No. 1. – pp. 12–17.
2. Martianov O. Private military companies of the USA: purpose and role in military conflicts. Foreign Military Review. – 2011 – No. 5 – pp. 8–13.
3. Brega A.V. Political risk in ensuring military security: theory and fundamentals of management: specialty 23.00.02 “Political institutions, processes and technologies”: abstract. diss... for the degree of Doctor of Political Science. – Moscow, 2007. – 44 p.
4. Konovalov I.P. The history of modern mercenary activity: “wild geese” and private military companies. – M.: Veche, 2017.
5. Singer P.U. Corporate warriors: the heyday of the privatized military industry // Cornell University, 2003.
6. Nebolsina M.A. Private military and security companies in Iraq and Afghanistan: aspects of activity and control mechanisms // Yearbook IM, 2012. – 307 p.
7. Heidi M. Peters, Moshe Schwartz, Lawrence Kapp. Contractors of the Ministry of Defense and the number of troops in Iraq and Afghanistan: 2007–2017 Congressional Research Service Report for 2017. April 28, 2017
8. Dace Winter, “Regional maintenance of peace and security in accordance with international law: Distorted mirrors”, 36 (2013).
9. Mikhaylenok O.M. The Russian Army: social inequality and social dynamics // Socio-humanitarian knowledge. – 2006. – No. 4. – pp. 105–126.
10. Singer P.V. Corporate warriors: the rise of the privatized military industry // Cornell University, 2003. – 215 p.

Геополитические аспекты международной инициативы

«Один пояс, один путь»

Цуй Ханьюй,

магистр, Российский университет дружбы народов
E-mail: 2231638002@qq.com

Би Юй,

магистр, Российский университет дружбы народов
E-mail: bysxn000608@gmail

В статье рассматриваются вопросы, связанные с геополитическими аспектами международной инициативы «Один пояс, один путь». Цель исследования – изучить вопросы геополитических аспектов международной инициативы «Один пояс, один путь». Рассмотрены географические и пространственные рамки развития проекта «Один пояс, один путь». Изучены геополитические риски, которые создают препятствия для развития и реализации проекта. Отмечены перспективы для развития стран-партнеров в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Изучено формирование отношений между Россией и Китаем в рамках данной программы. Подчеркивается, что основной целью сотрудничества между Россией и Китаем является развитие политических связей, экономического и социально-культурного сотрудничества. Разработан алгоритм развития международного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» с учетом влияния геополитических факторов. Автор статьи делает вывод о том, что геополитические факторы создают, как возможности, так и угрозы. Грамотная и эффективная политика стран будет способствовать превращению рисков и потерь в реальные возможности развития и экономического роста.

Ключевые слова: геополитические аспекты; международная инициатива; пояс; путь; развитие; проблемы.

Введение

В условиях мировых нарастающих вызовов и угроз особенно важным становится защита национальных границ, развития и укрепления торгово-экономического сотрудничества между странами. Большую помощь в этом может оказать проект под названием «Один пояс, один путь», который включает в себя множество идей и направлений развития для экономики, бизнеса, производства и включает совокупность проектов для их непосредственной реализации.

Данный проект был разработан в рамках китайской инициативы в 2013 году. Основной идеей Китая является стремление стать самой сильной державой в мире на основе развития международного сотрудничества между странами-партнерами. Это поможет повысить экономический рост страны, завоевать лидирующие позиции на мировом рынке, создать собственную систему построения рыночных отношений и т.д. Однако, реализация международной инициативы «Один пояс, один путь» зависит от множества факторов, включая геополитические факторы, экономические, социальные, политические и т.д.

Следовательно, дальнейшее развитие в рамках инициативы будет зависеть от потенциальных возможностей развития международного сотрудничества между странами и всестороннего учета факторов внешней среды.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения.

Литературный обзор

Вопросы, касающиеся геополитических аспектов международной инициативы «Один пояс, один путь» рассматривали многие ученые такие, как Абдураманов Д. Р., Гуань Ци, Лю Цзэя и другие.

Результаты

Основная цель создания проекта заключается в развитии торгово-экономического сотрудничества между странами Азии и Европы. Кроме того, данный проект направлен на уже существующих торговых путей, экономических коридоров, транспортных узлов и т.д. Географические рамки данного проекта охватывают Центральную Азию, Западную Азию и Евразию, Европу.

Роль геополитических аспектов возрастает в связи с расширением и развитием международных отношений между различными странами. Основной задачей в рамках инициативы является формирование «политики открытости». То есть создания положительного образа страны-соседа и убеждения ее в том, что в стратегической перспективе политическое лидерство не перерастет в доминирование. Кроме того, данная програм-

ма нацелена на снятие политической напряженности, снижение уровня безопасности, рисков и угроз внешней экспансии. Основной задачей является превращение возможных рисков в перспективные возможности [10, с. 119].

Тем не менее существуют определенные геополитические риски, которые создают огромные препятствия для развития торгово-экономического сотрудничества в рамках данного проекта. К таким рискам можно отнести следующие:

1) риски усиления влияния со стороны различных стран (некоторые страны-партнеры могут потребовать пересмотра условий по проекту в связи с чем возникнет необходимость пойти на уступки, договоренности, что для некоторых стран может повлечь дополнительные затраты, усилия по реализации тех или иных мероприятий);

2) военные риски (могут возникнуть в связи с обострением конфликтов и разногласий между странами);

3) усиление рисков экономической безопасности (связаны с возможными потерями финансовых средств, неэффективностью реализацией проектов и их низкой отдачей, низким уровнем сотрудничества и развития связей между странами-партнерами) и т.д.

Однако, несмотря на наличие рисков геополитические факторы открывают широкие перспективы для развития стран-партнеров в рамках инициативы:

1) расширение транспортного коридора для торгово-сотрудничества;

2) развитие и расширение энергетического коридора;

3) создание развитой системы торговых отношений и сотрудничества;

4) обеспечение надежности и безопасности в информационном пространстве;

5) повышение уровня научно-технического сотрудничества между странами (создание инноваций и совместных разработок);

6) повышение уровня развития аграрного производства;

7) культурный и гуманитарный обмен знаниями, ценностями;

8) развитие туризма и туристических услуг;

9) расширение возможностей в сфере образовательной деятельности и повышения квалификации;

10) повышение уровня политического взаимодействия между странами и т.д.

Особый интерес вызывает развитие отношений между Россией и Китаем в рамках программы «Один пояс, один путь». Россия откликнулась на предложение Китая участвовать в данной программе с целью развития международного сотрудничества [6, с. 278].

Сегодня экономическая система России находится на очень непростой стадии своего развития. Торможение роста экономики, сокращение стоимости отправляемого на экспорт сырья (в особенности нефтепродуктов и нефти) объединяются с наращиванием инфляционного уровня и сокращением уровня и качества жизни граждан. Данная отрицательная обстановка детерминирована крайне непростой комбинацией факторов из разрядов «геополитические» и «экономические».

Если посмотреть на ситуацию с одного ракурса, то затронувший все мировые государства кризис в экономической и финансовой сферах выступил фактором резкого уменьшения уровня спроса на услуги и продукцию. С иного же ракурса, интегрированные в практику против РФ санкционные меры и ответные санкции российской стороны способствовали сокращению объема ВЭД-оборота РФ с западными государствами, что оказало негативное воздействие на состояние бюджетных доходов и производственную сферу [7, с. 124].

В подобных обстоятельствах нужно направить усилия и ресурсы на развитие иных направлений развития и закрепления сотруднических взаимоотношений в рамках данной инициативы. Такой подход даст возможность нарастить объем внешнего оборота, а также оказать на российских производителей, занимающихся экспортными поставками, должное стимулирующее воздействие. Инфраструктурная, производственно-инвестиционная и геополитическая экспансия КНР серьезно расширяет потенциал сотрудничества Китая и России в экономической области. Вместе с тем, это же обстоятельство сопряжено для РФ со значительными вызовами. Значительный вес КНР и РФ в мировой политической и экономической среде, близость государств друг к другу, продолжительный процесс исторического развития взаимосвязей в политической среде и сближение на политической арене в последние несколько лет обуславливают потребность в улучшении и закреплении взаимоотношений двух государств в экономической сфере. Помимо всего прочего, расширение и улучшение российско-китайских взаимосвязей экономического характера детерминирует влияние РФ и в рамках АТР, и во всем мире, потому что КНР с давних пор признается не просто державой регионального, но и мирового уровня, а также обладает всеми шансами занять лидирующее положение в мире в большом количестве отраслей и сфер.

В содержании отчетности, представленной Валдайским клубом, говорится о том, что евразийская интеграция экономического плана, во главе которой стоят Беларусь, Казахстан и РФ, а также связанные с Шелковым путем экономполоса проекты – главная сила ориентирующего порядка в процессе преобразования центрально-евразийской зоны в зону объединенного развития. Так или иначе, эффективность и долгосрочность российско-китайского сотрудничества, актуальность интеграции пары масштабных проектов евразийского уровня и создание антизападного блока – все это часто выступает предметом острых дискуссий. С точки зрения РФ торговые отношения с КНР крайне важны, тогда как с китайской стороны РФ представляется значимым партнером, однако, далеко не единственно существующим, невзирая на географическое «соседство» [2, с. 11].

Одной из главных проблем является языковой барьер. Оба языка весьма трудны в освоении и имеют разные корни, грамматические особенности и слова – это создаёт преграды и затрудняет понимание некоторых нюансов между представителями государств. Следующая проблема – отличия в традициях и ценностях. Россия и Китай имеют разные исторические и культурные традиции, сформированные в разные временные отрезки и имеющие отличные, друг от друга, пути образования. Всё это может привести к конфликтам и разногласиям при попытке объединения двух культур. Последней проблемой является политический курс, который отличается, а иногда даже полностью противоречит политическому курсу другой стороны. Несмотря на проблемы в русско-китайских отношениях существуют перспективы развития. В последние годы появилось множество программ, которые помогают жителям обеих стран познакомиться с культурной жизнью друг друга, например, «Год культуры» и «Фестиваль славянского мира». Также стоит отметить и растущий интерес Китая к русскому языку и традициям, для поддержания которого, создаются разные культурные центры, клубы и организации, которые пропагандируют русскую культуру. Кроме того, при укреплении культурных отношений появляется множество перспектив в туристическом потоке – растущий интерес к культурному и историческому наследию обоих

государств привлекает все больше туристов, что способствует развитию инфраструктуры и экономики.

В целом, перспективы культурных связей между Россией и Китаем благоприятны. Поскольку оба государства обоюдно заинтересованы в укреплении связей и сотрудничестве друг с другом.

Расположение обоих государств вдоль границы позволили адаптироваться друг к другу, проявлять большую терпимость к культурным и психологическим особенностям друг друга. Благодаря экономическим и торговым контактам обе стороны заимствовали друг у друга языковые единицы, облегчающие взаимопонимание.

Асимметричный характер развития КНР и РФ в экономическом плане обуславливает различные диапазоны задач и целей руководства данных государств. КНР обладает устремленностью к инновационному развитию и совершенствованию собственной промышленности, тогда как ключевым ориентиром РФ выступает реализация ресурсов, которых у нее немало, по оптимальной стоимости.

В целом развитие международных отношений между Россией и Китаем нацелены на поиск партнерских отношений в области политики, экономики, социально-культурного развития и т.д.

В данной статье разработан алгоритм развития международного сотрудничества в рамках инициативы с учетом влияния геополитических факторов:

- Разработка и совместное осуществление международных проектов
- Формирование сети транспортных коридоров с учетом влияния географических факторов
- Осуществление политики международного управления и развития
- Развитие культурного и гуманитарного международного сотрудничества
- Снижение рисков экономической безопасности, международных угроз и потерь

Считаем, что данный алгоритм позволит не только расширить границы международного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь», но и укрепить отношения между странами-партнерами, повысить уровень экономической и политической безопасности, найти общие точки соприкосновения на основе разработки общих проектов, идей, разработок и т.д.

Обсуждение

Инициатива «Один пояс, один путь» формирует гибкую систему сотрудничества между странами в области политики, торговли, экономики, развития производства, культуры и т.д. Это дает возможность снять языковые барьеры и преграды, укрепить деловые и дружественные связи между странами-партнерами. Для КНР такая инициатива позволит расширить спрос товаров и услуг, выйти на новые рынки сбыта и завоевать лидирующие позиции. Это также будет способствовать расширению своего коммерческого и политического влияния.

Заключение

Можно сделать вывод, что геополитические факторы оказывают большое влияние на международное сотрудничество между странами-партнерами в рамках инициативы. С одной стороны, данные факторы могут привести к возникновению рисков и угроз на международной арене, а с другой стороны обеспечить рост и развитие стран-партнеров в мировом пространственном взаимодействии. Для того, чтобы достичь положительного результата необходимо осуществлять грамотную и эффективную стратегию планирования и прогнозирования

возможных экономических, политических, социальных и других результатов. При этом должны быть учтены реальные факторы риска, возможные угрозы и потери. Такой подход сможет обеспечить надежность, безопасность и устойчивость развития стран в рамках инициативы.

Литература

1. Абдураманова Д. Р. «Один пояс, один путь» // Молодой ученый. 2019. № 29 (267). С. 76–77.
2. Андропова Н.Э. Место и роль стран БРИКС в формировании новой парадигмы // Инновационная экономика. 2017. № 1 (10). С. 11–13.
3. Гуань Ци. Развитие китайско-российских отношений в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Молодой ученый. 2018. № 7 (193). С. 57–62.
4. Мочалова Я.В. Стратегия развития малого и среднего бизнеса в регионах РФ // Пространственное развитие территорий. 2018. С. 393–396.
5. Лю Цзэя. Стратегии развития нового Шелкового пути в XXI веке // Молодой ученый. 2015. № 15. С. 391–394.
6. Лю И. Цифровой Шелковый путь» // Инновации и инвестиции. 2020. № 12. С. 278–282.
7. Шкваря Л.В. Исторические аспекты формирования Великого шелкового пути // Научное обозрение. Экономика и право. 2019. № 6. С. 124–132.
8. Хэ М., Шкваря Л.В., Ван С. Китай: социально-экономическое развитие // Азия и Африка сегодня. 2020 № 11 С. 11–16.
9. Aris S. One Belt, One Road: China's vision of "connectivity" // CSS Analysis in Security Policy. 2016. № 195. P. 1–4.
10. Sajjad H., Saddam H. One Belt One Road initiative: A Revolution on Regional // Journal of Sustainable Development Studies. 2019. № 2. P. 119–146.

GEOPOLITICAL ASPECTS OF THE INTERNATIONAL INITIATIVE "ONE BELT, ONE ROAD"

Cui Xanyu, Bi Yu

Peoples' Friendship University of Russia

The article discusses issues related to the geopolitical aspects of the international initiative "One Belt, One Road". The purpose of the study is to study the issues of geopolitical aspects of the international initiative "One Belt, One Road". The geographical and spatial framework of the development of the "One Belt, One Road" project is considered. The geopolitical risks that create obstacles to the development and implementation of the project have been studied. Prospects for the development of partner countries within the framework of the "One Belt, One Road" initiative were noted. The formation of relations between Russia and China within the framework of this program has been studied. It is emphasized that the main purpose of cooperation between Russia and China is the development of political ties, economic and socio-cultural cooperation. An algorithm has been developed for the development of international cooperation within the framework of the "One Belt, One Road" initiative, taking into account the influence of geopolitical factors. The author of the article concludes that geopolitical factors create both opportunities and threats. A competent and effective policy of the countries will help to turn risks and losses into real opportunities for development and economic growth.

Keywords: geopolitical aspects; international initiative; belt; road; development; problems.

References

1. Abduramanova D. R. "One belt, one way" // Young scientist. 2019. No. 29 (267). pp. 76–77.
2. Andronova N.E. The place and role of the BRICS countries in the formation of a new paradigm // Innovative Economics. 2017. No. 1 (10). pp. 11–13.

3. Guan Qi. The development of Sino-Russian relations within the framework of the "One Belt, One Road" initiative // *Young Scientist*. 2018. No. 7 (193). pp. 57–62.
4. Mochalova Ya.V. Strategy for the development of small and medium-sized businesses in the regions of the Russian Federation // *Spatial development of territories*. 2018. pp. 393–396.
5. Liu Jieyi. Strategies for the development of the new Silk Road in the XXI century // *Young Scientist*. 2015. No.15. pp. 391–394.
6. Liu I. The Digital Silk Road" // *Innovations and Investments*. 2020. No. 12. pp. 278–282.
7. Shkvarya L.V. Historical aspects of the formation of the Great Silk Road // *Scientific Review. Economics and law*. 2019. No. 6. pp. 124–132.
8. He M., Shkvarya L.V., Wang S. China: socio-economic development // *Asia and Africa today*. 2020 No. 11 pp. 11–16.
9. Aris S. One Belt, One Road: China's vision of "connectivity" // *CSS Analysis in Security Policy*. 2016. No. 195. p. 1–4.
10. Sajjad H., Saddam H. One Belt One Road initiative: A Revolution on Regional // *Journal of Sustainable Development Studies*. 2019. No. 2. pp. 119–146.

Этапы становления системы региональной безопасности России на постсоветском пространстве

Жарков Станислав Евгеньевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного
федерального университета

Самбилова Анастасия Александровна,

студент кафедры политологии Дальневосточного
федерального университета

Набойченко Матвей Сергеевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного
федерального университета

Едич Глеб Сергеевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного
федерального университета

Литвиненко Даниил Валерьевич,

студент Дальневосточного федерального университета

В начале 1990-х годов, в период становления независимых государств на постсоветском пространстве, ключевыми этапами были: создание Содружества Независимых Государств (СНГ), проведение переговоров и заключение соглашений по вопросам безопасности, а также формирование национальных вооруженных сил и структур безопасности. Сначала, в 1991 году после распада Советского Союза, руководители 11 бывших советских республик подписали Беловежские соглашения, фактически прекратив существование СССР. Это стало отправной точкой для создания СНГ, новой организации, объединяющей независимые государства с целью сотрудничества в различных сферах, включая безопасность, экономику и гуманитарные вопросы.

В статье рассматривается создание и развитие системы коллективной безопасности после распада СССР на территории бывших союзных республик в разные периоды времени. Отдельно в статье рассмотрена роль ОДКБ, как основного института, гарантирующего стабильность и безопасность на постсоветском пространстве всем его членам. Также рассмотрены программы сотрудничества НАТО и постсоветских стран и их совместные операции, направленные на борьбу с мировым терроризмом.

Ключевые слова: региональная безопасность, ОДКБ, НАТО, коллективная безопасность, ташкентский договор, борьба с терроризмом.

Введение

В начале 1990-х годов Советский Союз столкнулся с серьезными политическими и экономическими трудностями, что привело к распаду Советского Союза в 1991 году. Этот исторический процесс был вызван политическими и социальными изменениями в республиках СССР. В условиях распада Советского Союза многие республики приняли решение объявить о своей независимости. Этот процесс происходил одновременно в различных субъектах союза, включая Украину, Беларусь, Эстонию, Латвию и Литву. Объявление независимости стало выражением стремления к самоопределению и установлению независимых государств. После объявления независимости республикам предстояло установить свой суверенитет и определить границы. Этот процесс оказался сложным, требуя пересмотра и переговоров с соседями и центральными властями бывшего Советского Союза. Возникли вопросы о территориальных границах, распределении военных баз, ресурсах и даже крупного арсенала ядерного вооружения. [1, с. 9] Этот период характеризовался интенсивными переговорами для разрешения споров и установления мирных отношений между новообразованными государствами. Процесс установления суверенитета и границ стал важным этапом в становлении независимых государств на постсоветском пространстве, оставив долгосрочные следы на политической карте региона.

Начало строительства системы безопасности (1992-2000)

В начале 1990-х годов, в период становления независимых государств на постсоветском пространстве, ключевыми этапами были: создание Содружества Независимых Государств (СНГ), проведение переговоров и заключение соглашений по вопросам безопасности, а также формирование национальных вооруженных сил и структур безопасности. Сначала, в 1991 году после распада Советского Союза, руководители 11 бывших советских республик подписали Беловежские соглашения, фактически прекратив существование СССР. Это стало отправной точкой для создания СНГ, новой организации, объединяющей независимые государства с целью сотрудничества в различных сферах, включая безопасность, экономику и гуманитарные вопросы. В рамках процесса создания СНГ происходили интенсивные переговоры и заключение соглашений по вопросам безопасности. Государства-участники стремились установить механизмы сотрудничества для обеспечения стабильности в регионе. Обсуждались вопросы военной безопасности, контроля за вооружениями и совместных усилий в борьбе с терроризмом. В то время как формировалось содружество, каждое государство активно

занималось созданием и развитием своих национальных вооруженных сил и структур безопасности. Это включало в себя укрепление армии, создание силовых структур и внутренних органов безопасности для эффективного реагирования на угрозы как на внутреннем, так и на внешнем уровне.

Формирование ОДКБ, как основного органа коллективной безопасности на постсоветском пространстве

Становление ОДКБ началось формально в 1992 году, когда Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан подписали Ташкентский договор, создавший коллективную систему безопасности.[2, с.7] Впоследствии, в 1994 году, был подписан Московский договор, утвердивший ОДКБ в качестве межгосударственной организации, ориентированной на обеспечение безопасности своих членов. Функции ОДКБ включают в себя сотрудничество в области безопасности, прежде всего на военном уровне. Организация предоставляет механизмы для совместного реагирования на угрозы и вызовы, включая терроризм, экстремизм и военные конфликты. ОДКБ также поддерживает военное взаимодействие, проводя совместные учения и координацию военных усилий. Важной составляющей функций ОДКБ является обеспечение стабильности в регионе, предотвращение конфликтов и поддержка членов в решении различных проблем безопасности. Организация стремится к формированию эффективной системы взаимной поддержки и солидарности между государствами-членами, с целью укрепления общей безопасности на постсоветском пространстве. Создание Организации Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ) оказало влияние на отношения России с западными государствами, приводя к определенным изменениям в политической динамике и балансе сил в постсоветском пространстве. Влияние это можно рассмотреть с нескольких точек зрения.

- 1. Усиление геополитической конкуренции:** Создание ОДКБ усилило геополитическую конкуренцию между Россией и западными государствами, особенно в смежных с ОДКБ регионах. Запад воспринимал формирование организации как шаг, направленный на укрепление влияния России в бывших советских республиках. Это стало частью более широкого контекста поиска странами постсоветского пространства своего политического и экономического курса.
- 2. Изменение баланса безопасности:** ОДКБ стал частью системы коллективной безопасности, ориентированной на обеспечение стабильности в регионе. Это вызвало опасения в западных странах, которые воспринимали создание ОДКБ как попытку России установить свой контроль над безопасностью на постсоветском пространстве. В свою очередь, западные страны продолжали поддерживать альтернативные структуры, такие как НАТО.
- 3. Реакция на конфликты:** ОДКБ сталкивалась с критикой со стороны западных стран, особенно в контексте ряда конфликтов в регионе, таких как конфликт в Грузии в 2008 году и события на Украине с 2014 года. Западные страны обвиняли ОДКБ в поддержке России в данных конфликтах, что углубляло разногласия и напряженность в региональных и международных отношениях. В целом создание ОДКБ сыграло роль в укреплении автономии и влияния России в постсоветском пространстве, что вызвало напряженность в ее отношениях с западными странами. Этот процесс также подчеркнул сложности в формировании общерегиональной системы

безопасности и остается фактором в динамике международных отношений в данном регионе.

Эволюция системы безопасности (2000-настоящее время)

С началом нового тысячелетия международное сотрудничество столкнулось с новым вызовом в виде террористических угроз, особенно после трагических событий 11 сентября 2001 года в США. Эти события стали катализатором для глобального единства в борьбе с терроризмом, и ряд постсоветских стран вступил в активное взаимодействие с мировым сообществом, включая НАТО.

В ответ на атаки 2001 года, НАТО объявила о начале действия статьи 5 Североатлантического договора, утверждающую, что атака на одну из стран-членов рассматривается как атака на всех. Это стало отправной точкой для введения многих постсоветских стран в активное взаимодействие с НАТО в контексте антитеррористической операции в Афганистане [3, с.9] Государства, такие как Россия, Узбекистан и Таджикистан, предоставили свои территории для баз и логистической поддержки военных операций против режима талибов и террористических группировок в Афганистане. Это взаимодействие было признанием совместных интересов в предотвращении распространения терроризма и экстремизма в регионе.

Расширение НАТО. Укрепление ОДКБ и сотрудничество России со странами постсоветского пространства

В начале 2000-х годов, после расширения НАТО на восток, постсоветские государства проявили обеспокоенность усилением военно-политического влияния альянса на их ближайших соседей. Это вызвало стремление укрепить безопасность в регионе и сделало актуальным усиление Организации Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ), как ответной реакции. В этом контексте страны-члены ОДКБ стали активно развивать военное и политическое сотрудничество в рамках организации. ОДКБ стала форумом для обсуждения общих интересов и разработки совместных стратегий в области безопасности. Страны ОДКБ проводили совместные военные учения, направленные на улучшение военной готовности и координации действий. Важным элементом реакции ОДКБ на расширение НАТО стали дипломатические усилия, направленные на предотвращение конфликтов и стабилизацию региона. Это включало в себя активное участие в дипломатических инициативах и форумах для обеспечения обмена информацией и формирования единой позиции в вопросах безопасности.

Стоит перечислить следующие инфраструктурные элементы ОДКБ:

- 1. «Центавр» (Совместный коллективный оперативный штаб ОДКБ):** Эта программа представляет собой совместные учения оперативного и тактического уровня сил ОДКБ. Целью является повышение координации и взаимодействия в сфере безопасности и противостояния возможным угрозам. Учения «Центавр» проводятся периодически с участием военных подразделений стран-членов.[4, с.8]
- 2. «Исход» (Совместные антитеррористические учения):** ОДКБ организует совместные учения, направленные на повышение эффективности борьбы с террористическими угрозами. Учения «Исход» предусматривают взаимодействие специальных сил

и служб безопасности стран-членов ОДКБ для совместного реагирования на сценарии террористических актов.

3. «Кавказ» (Учения по обеспечению безопасности в регионе): С учетом особенностей региона, ОДКБ проводит учения «Кавказ», направленные на повышение безопасности в зоне Южного Кавказа. Учения включают в себя вопросы предотвращения военных конфликтов, обеспечения стабильности и реагирования на возможные угрозы.[5, с.11]
4. «Интеракция» (Совместные учения для поддержания готовности): Программа «Интеракция» предполагает регулярные учения для поддержания высокой боеготовности вооруженных сил ОДКБ. Учения фокусируются на совместных действиях и быстром реагировании на потенциальные угрозы безопасности.

Эти примеры инициатив демонстрируют стремление ОДКБ к созданию эффективных механизмов совместного реагирования на угрозы, поддержания высокой боеготовности и укрепления коллективной безопасности в регионе.

Заключение

В целом, эволюция системы безопасности на постсоветском пространстве, особенно в контексте деятельности Организации Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ), отражает сложные и динамичные трансформации, с которыми сталкивались государства региона. С началом 1990-х годов, распад Советского Союза и формирование независимых государств столкнули их с новыми вызовами безопасности. В ответ на эти вызовы, ОДКБ стал ключевой структурой для координации усилий в области безопасности среди стран-членов. Организация проводит различные совместные программы и учения, направленные на укрепление военной готовности, поддержание стабильности и совместное противодействие угрозам, таким как терроризм и экстремизм.

Важным этапом в развитии системы безопасности стал период после событий 11 сентября 2001 года, который привел к активному взаимодействию постсоветских стран с мировым сообществом и, в частности, с НАТО. Участие в антитеррористических операциях, особенно в Афганистане, стало частью стратегии по сотрудничеству и взаимодействию в области безопасности.

Расширение НАТО на восток стало дополнительным фактором, который подчеркнул необходимость укрепления ОДКБ для совместного противостояния потенциальным угрозам и поддержания стабильности в постсоветском регионе. Сегодня ОДКБ продолжает совершенствовать свои механизмы сотрудничества и участвовать в различных инициативах для обеспечения безопасности своих членов. Она остается важным элементом общей системы безопасности на постсоветском пространстве, призванной справляться с вызовами и угрозами в современном мире.

Литература

1. Балабанов, А.А. Политико-правовые аспекты обеспечения региональной безопасности в Российской Федерации (на примере Алтайского края). – М., 2003
2. Кортунов С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2007
3. Архипов, А.И. «Региональная безопасность в СНГ: проблемы и перспективы». М.: Международные отношения, 2007.
4. Антонов, В.В. «Эволюция системы безопасности в постсоветском пространстве». М.: Аспект Пресс, 2012.
5. Сафонов, В.А. «Безопасность в Центральной Азии: проблемы и перспективы». Алматы: Дар, 2009.

STAGES OF FORMATION OF THE RUSSIAN REGIONAL SECURITY SYSTEM IN THE POST-SOVIET SPACE

Zharkov S.E., Sambilova A.A., Naboychenko M.S., Edich G.S., Litvinenko D.V.
Far Eastern Federal University

In the early 1990s, during the formation of independent states in the post-Soviet space, the key stages were: the creation of the Commonwealth of Independent States (CIS), negotiations and conclusion of agreements on security issues, as well as the formation of national armed forces and security structures. First, in 1991, after the collapse of the Soviet Union, the leaders of 11 former Soviet republics signed the Belovezh Accords, effectively ending the existence of the USSR. This became the starting point for the creation of the CIS, a new organization uniting independent states for the purpose of cooperation in various fields, including security, economics and humanitarian issues.

The article examines the creation and development of a collective security system after the collapse of the USSR on the territory of the former Soviet republics in different periods of time. Separately, the article examines the role of the CSTO as the main institution that guarantees stability and security in the post-Soviet space to all its members. Cooperation programs between NATO and post-Soviet countries and their joint operations aimed at combating global terrorism are also considered.

Keywords: regional security, CSTO, NATO, collective security, Tashkent Treaty, fight against terrorism.

References

1. Balabanov, A.A. Political and legal aspects of ensuring regional security in the Russian Federation (using the example of the Altai Territory). – M., 2003
2. Kortunov S.V. National and international security: conceptual foundations. M.: Publishing House GU-HSE, 2007
3. Arkhipov, A.I. "Regional security in the CIS: problems and prospects." M.: International Relations, 2007.
4. Antonov, V.V. "The evolution of the security system in the post-Soviet space." M.: Aspect Press, 2012.
5. Safonov, V.A. "Security in Central Asia: problems and prospects." Almaty: Dar, 2009.

Санкции, как инструмент политического давления

Файзулина Аделя Андреевна,
студент Дальневосточного федерального университета

Разумовский Александр Иванович,
студент Дальневосточного федерального университета

Ким Дон Ер,
студент Дальневосточного федерального университета

Алексеев Даниил Юрьевич,
научный руководитель, доцент кафедры политологии
Дальневосточного федерального университета, канд.
политических наук

Статья анализирует ключевые аспекты применения санкций как инструмента политического давления в условиях глобализации. Исследование охватывает долгосрочные последствия и эффективность санкций в сложной геополитической среде, обращая внимание на этические аспекты и оценку выигравшей и потерь для стран-инициаторов и стран-объектов. Авторы подчеркивают, что санкции, воздействуя на политические, экономические, культурные и спортивные сферы, становятся многогранным инструментом воздействия. Анализируется также роль санкций в области науки и технологий, а также воздействие на международные спортивные мероприятия. Исследование приходит к выводу, что несмотря на широкое применение санкций, их эффективность и соответствие международному праву остаются предметом дискуссий и требуют дальнейших исследований.

Ключевые слова: санкции, международное давление, Иран, Россия, экономическое развитие, борьба с режимами, ответная реакция

Санкции как инструмент политического давления приобрели особую актуальность в условиях глобализации и увеличения международной взаимозависимости. В современном мире санкции предстают перед нами как один из методов воздействия на государства в международных отношениях. Этот инструмент представляет собой использование разнообразных ограничений: экономические, финансовые, и торговые ограничения, с помощью которых можно добиться изменений в политике, международном поведении или даже структуре внутренних дел конкретного государства. Отмечается, что в последние десятилетия санкции стали неотъемлемой частью внешней политики многих стран, или, выражаясь языком геополитики, как средство «мягкой силы» для достижения национальных интересов. Однако, несмотря на широкое использование этого инструмента, вопрос об эффективности санкций остается предметом споров и аналитических исследований.

Исследования исторического применения санкций начинаются со времён холодной войны и продолжают до сегодняшнего времени. Санкции использовались для изменения политических режимов, разрешения конфликтов, привлечения внимания мирового сообщества к нарушениям прав человека, контроля над распространением ядерного оружия и даже для борьбы с терроризмом. [1, с.5] Со временем, экономические, финансовые и торговые санкции стали средством давления в руках государств, стремящихся воздействовать на мировую политическую картину. Важным аспектом является вопрос о том, насколько санкции соответствуют международному праву и принципам справедливости.

Важным аспектом рассмотрения данной темы является также анализ эффективности санкций и их воздействие на страны-адресаты. На первый взгляд, они могут оказаться эффективным средством давления, но в реальности их влияние может быть неоднозначным. Санкции могут вызвать не только экономические трудности для целевой страны, но также повлиять на обычных граждан, что вызывает этические и гуманитарные вопросы. Примеры санкций, наложенных на Россию с 2014 года из-за аннексии Крыма и последующей специальной военной операции на территории Украины, или в отношении Ирана в связи с ядерным вопросом, представляют возможность изучить, насколько успешно этот инструмент международных отношений достигает своих целей и какие реальные выигрыши или ущерб могут быть следствием таких мер.[2, с.7]

Таким образом, данная статья будет направлена на анализ ключевых аспектов санкционной политики, включая долгосрочные последствия, а также реальной эффективности этого метода в сложной и непредсказуемой геополитической реальности, обратив внимание на этические аспекты и оценивая реальные выигрыши и потери как для стран-инициаторов, так и для стран-объектов воздействия.

Санкции, как инструмент воздействия в политике, играют ключевую роль в динамике международных отношений. Этот механизм представляет собой комплекс мер, нацеленных на изменение поведения государственных акторов через ограничение доступа к экономическим и финансовым ресурсам. В основе санкций лежит идея о том, что создание давления на страны-объекты

может привести к изменению их политических решений, а также дополнительно оказать воздействие на социальные и экономические процессы внутри данных стран. Политика, как доминантная сфера воздействия санкций, охватывает широкий спектр, начиная от изменения внешнеполитических курсов до воздействия на внутренние политические процессы. Санкции применяются с целью добиться изменений в политической системе, повышения соблюдения прав человека, и подавления конкретных политических действий или стратегий.[3, с.13]

Однако, стоит отметить, что санкции также проникают в другие сферы, включая экономику, образование, культуру, и даже спорт. Воздействие санкций на экономику может привести к финансовой изоляции страны, созданию трудностей для бизнеса и подорвать социальную стабильность. В сфере культуры и образования санкции могут влиять на обмен знаний и опытом, что в итоге сказывается на культурном обогащении и разнообразии.

Экономические санкции, такие как ограничения на торговлю или финансовые операции, часто применяются для давления на страны и достижения политических изменений. Однако они также могут существенно затронуть обычных граждан и создать гуманитарные проблемы. Примером являются санкции против Ирана, введенные из-за ядерной программы. Ограничения на экспорт нефти и финансовые ограничения существенно повлияли на экономику страны, вызвав трудности для населения и приведя к пересмотру политики. Санкции против Ирана показывают, что экономическое воздействие может быть существенным, но они также вызывают гуманитарные и социальные проблемы для населения. Это подчеркивает важность баланса между достижением политических целей и минимизацией негативных последствий для обычных граждан. После событий начавшихся 24 февраля 2022 Россия столкнулась с рекордным количеством санкций. Среди наиболее значимых можно выделить следующие:

1. Ограничения на финансовые операции: Некоторым российским компаниям и банкам было запрещено проводить операции с иностранными финансовыми институтами или использовать их услуги. Это привело к значительным трудностям для компаний при осуществлении международных финансовых операций. Также были заморожены все капиталы, находящиеся за границей
2. Запрет на поставки товаров: в рамках санкций некоторые товары или услуги стали подлежать запрету на экспорт или импорт из-за российской территории. Это оказало негативное влияние на экономику, в частности на промышленные сектора, которые зависят от импорта или экспорта товаров.[4, с.9].
3. Ограничения для отдельных лиц и предприятий: Некоторые российские чиновники или бизнесмены были включены в списки санкций, что означает запрет на въезд в другие страны или заморозку их активов за рубежом. Это может серьезно ограничить их возможности ведения бизнеса и общения с партнерами за границей.

Санкции в области **науки и технологий** могут влиять на технические инновации и развитие страны, а в сфере культуры и образования оказывать воздействие на международные обмены и культурное разнообразие. Введение ограничений на сотрудничество в сфере науки и технологий может привести к замедлению научного прогресса. Примером служат санкции против Северной Кореи, направленные на ограничение ее ядерных и ракетных программ.[5, с. 10]

В современных реалиях стоит отметить то, что для достижения политических целей применение санкций часто затрагивает не связанные с политической жизнью сферы. Спорт, будучи не только средством развлечения, но и важной составляющей национальной и международной идентичности, становится объектом воздействия политического давления. Санкции, применяемые в политическом контексте, могут оказывать существенное воздействие на сферу спорта, влияя на участие стран в международных соревнованиях и на отдельных спортсменов. Страны-инициаторы санкций используют международные спортивные мероприятия, такие как Олимпийские игры, для усиления давления и выражения политической позиции. Это отражается не только на спортивной арене, но и на общественном мнении, формируя негативный имидж страны-объекта и манипулируя восприятием глобального сообщества.

Как можно заметить, за прошедшее столетие в мире накоплен значительный опыт использования санкции как инструмента влияния на разные страны. Однако, несмотря на это санкции не всегда могут оказывать желаемый эффект. Санкционный режим, введенный против РФ ЕС и США, оказывает воздействие на экономику страны, но в полной мере оценить его последствия не представляется возможным.

Литература

1. Аганбегян А.Г. Текущая экономическая ситуация в России: траектория развития и экономическая политика // Деньги и кредит. 2014. No 11.
2. Аганбегян А.Г. Шесть шагов, необходимых для возобновления социально-экономического роста и преодоления стагнации, рецессии и стагфляции // Деньги и кредит. 2015. No 2.
3. Логинова И.В., Титаренко Б.А., Саяпин С.Н. Экономические санкции против России // Актуальные вопросы экономических наук. 2015. No 47. С. 41–42.
4. Акиндинова Н., Ясин Е. Новый этап развития экономики в постсоветской России // Вопросы экономики. 2015. No 5.
5. Сидорова Е. А. (2007). Проблемы повышения конкурентоспособности экономики России // Российский внешнеэкономический вестник. No 6.

SANCTIONS AS A TOOL OF POLITICAL PRESSURE

Fayzulina A.A., Razumovsky A.I., Kim Dong Yer, Alekseev D. Yu.
Far Eastern Federal University

This article analyzes the key aspects of the use of sanctions as a tool of political pressure in the context of globalization. The study covers the long-term impact and effectiveness of sanctions in a complex geopolitical environment, focusing on ethical considerations and assessing gains and losses for initiating and target countries. The authors emphasize that sanctions, affecting the political, economic, cultural and sports spheres, become a multifaceted instrument of influence. The role of sanctions in the field of science and technology, as well as the impact on international sporting events, is also analyzed. The study concludes that despite the widespread use of sanctions, their effectiveness and compliance with international law remain a matter of debate and require further research.

Keywords: sanctions, international pressure, Iran, Russia, economic development, fight against regimes, response.

References

1. Aganbegyan A.G. Current economic situation in Russia: development trajectory and economic policy // Money and Credit. 2014. No. 11.

2. Aganbegyan A.G. Six steps necessary to resume socio-economic growth and overcome stagnation, recession and stagflation // Money and Credit. 2015. No. 2.
3. Loginova I.V., Titarenko B.A., Sayapin S.N. Economic sanctions against Russia // Current issues of economic sciences. 2015. No. 47. pp. 41–42.
4. Akindinova N., Yasin E. New stage of economic development in post-Soviet Russia // Questions of Economics. 2015. No. 5.
5. Sidorova E. A. (2007). Problems of increasing the competitiveness of the Russian economy // Russian Foreign Economic Bulletin. No 6.

Международные транспортные коридоры как фактор глобальной и региональной интеграции: на примере Индии и стран Персидского Залива

Белков Александр Дмитриевич,

студент-магистрант кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов имени Патриса
Лумумбы
E-mail: aleksanderbelkov@gmail.com

В статье обосновывается лидирующая роль транспортно-логистической проблематики в современных интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе на примере Индии и стран Персидского Залива. Работа опирается на теории интеррегионализма и трансрегионализма, а также теорию средних (middle power state) и ведущих (major power state) государств, используются методы синтеза, качественного контент-анализа документов, научных материалов, а также ивент-анализа, дедукции и индукции. Глобализация международной торговли привела к тому, что государства средней силы выступают со своими амбициозными модернизационными проектами, стремясь превратиться в лидирующие страны. Эти инициативы опираются на создание новых международных транспортных коридоров (МТК), таких как BRI и IMEC. МТК становятся важнейшим фактором глобальной и региональной интеграции. Страны создают минилатеральные союзы, которые ранее не могли существовать из-за вековых противоречий. Между партнерами возникает созависимость, которая меняет их международные приоритеты. Актуальность исследования состоит в значимости данных тенденций для мировых политических процессов, а новизна обусловлена попыткой обосновать их решающее влияние на конфликтологию региона, что позволяет интенсифицировать процессы интеграции.

Ключевые слова: Международные транспортные коридоры, интеграция, новый трансрегионализм, минилатерализм, IMEC.

Введение

Ближний Восток – это точка пересечения интересов целого ряда региональных и глобальных игроков. Он является особенно динамично развивающимся центром международной торговли, обладает большим инвестиционным потенциалом. Для мировой экономики критически важно, чтобы Баб-Эль-Мандебский пролив, Персидский залив и зона Суэцкого канала оставались основной артерией международной торговли.

Однако, Ближний Восток уже более ста лет является и самым значимым узлом мировых конфликтов и противоречий. Одним арабо-израильским противостоянием проблемы макрорегиона не исчерпываются. Кроме конфликта интересов между традиционными мировыми акторами, остаются внутри-мусульманское противостояние между шиитами и суннитами, Турцией и Ираном. Активны в регионе и новые центры силы в виде экономических и политических гигантов, таких как Индия и Китай, отстаивающих свои интересы, создающие свои союзнические и партнерские группы.

Политическая и гуманитарная проблематика, лидирующие в предыдущие годы, уверенно уступают место транспортно-логистическим и модернизационным проектам, которые, в свою очередь, меняют отношения, гасят и разжигают противоречия между группами стран, формируют весьма причудливые союзы.

Таким образом, выявляется новый феномен, который можно описать как фактор глобальный, существенно влияющий на политический процесс. Формируются цепочки созависимости между странами в рамках интеррегионального и трансрегионального взаимодействия. Партнеры совместно используют традиционные и создают новые международные транспортные коридоры (МТК). Важной формой интеграции является участие стран в глобальном производстве и использовании высокотехнологичной продукции, которая критически значима для дальнейшего развития и сохранения лидирующих позиций.

Очередное обострение палестино-израильского вопроса проявило приоритет экономики перед устаревшими политическими предпочтениями. Некоторые страны Персидского залива и мусульманского мира ведут себя существенно сдержаннее, чем двумя десятилетиями ранее.

Актуальность работы определяется важностью обозначенных тенденций для политической динамики.

Научная новизна обусловлена тем, что в исследовании делается попытка обосновать решающее влияние этих глобализационных тенденций на конфликтологию региона, что, в свою очередь, позволяет интеграционным процессам идти более интенсивно.

В статье ставятся следующие исследовательские вопросы:

1. Существует ли связь между повышением активности глобальных и региональных игроков в создании

новых модернизационных проектов, прокладывании новых МТК и обозначенным стремлением ряда стран к урегулированию вековых противоречий на взаимоприемлемых условиях?

2. Меняют ли формирующиеся цепочки созависимости традиционные предпочтения стран, привычные формы внешнеполитического поведения и реагирования?
3. Могут ли быть МТК фактором глобальной и региональной интеграции?

Теоретической базой работы служат теории интеррегионализма и трансрегионализма, а также теория средних (middle power state) и ведущих (major power state) государств. Для получения новых знаний и выводов использовались методы синтеза, качественного контент-анализа документов, научных материалов и заявлений политиков, а также ивент-анализа, дедукции и индукции.

Тема МТК привлекала внимание ученых разных направлений науки. Так, экономист М.С. Комов указывал, что присутствие в государстве МТК идентифицирует место страны в регионе и может способствовать даже установлению контроля над ним [3, С. 4]. Экономисты И.В. Шарова и Д.В. Голова, исследуя влияние МТК на экономику стран, пришли к выводу о том, что МТК оказывают положительное влияние на макроэкономические и социально-экономические показатели национальных экономик, а также мировой экономики в целом [8, С. 1159–1161]. Политолог О.А. Подберезкина анализировала вопросы эволюции значения МТК в мировой политике на примере России. Малышева Д.Б., Володин А.Г., Володина М.А., Маргарян Н.И., Гончаренко С.С., В.И. Сажин и другие провели ряд исследований о проблемах и перспективах МТК, рассматривая их, в том числе, и в политическом аспекте. В области интеграционных процессов довольно известны работы А.А. Байкова. Различным вопросам регионализации, интеррегионализма и трансрегионализма посвящены труды А.Д. Воскресенского, М.Л. Лагутиной, Е.Б. Михайленко, Хайнера Хэнгги, Фредрика Содербаума, Д.А. Кузнецова и других. Между тем, стремительное увеличение количества новых национальных модернизационных проектов в последнее десятилетие, а также интенсификация создания международных интеграционных объединений, связанных с МТК, требуют нового осмысления роли МТК в этих процессах.

Биполярность на смену однополярности?

Переломным моментом для международной интеграции, которая раньше строилась вокруг биполярной или однополярной модели, стали 2010-е годы.

Так, в сентябре 2013 года Китай выступил со своей стратегической инициативой BRI («Один пояс – один путь»). Здесь впервые идеи политического и военного сотрудничества стран с разнообразной судьбой определялись не идеологической близостью, общим пониманием «прав человека», религиозным или этническим противостоянием [7, С. 257]. Всем странам, расположенным вокруг основных торговых путей между Тихоокеанским побережьем Китая и Европой, делалось предложение участвовать в программе BRI. Одновременно, Центральная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Ближний Восток и Восточная Африка становились центрами международной интеграции. На эти вызовы моментально среагировали Соединенные Штаты Америки, которые доминировали в АТР и на Ближнем Востоке после распада СССР.

Следует отметить, что обеспечение господства на основных торговых путях исторически было прерогативой

Британии, а затем и США. Последний раз оспаривание лидерства Вашингтона на Тихом океане привело к тяжелому противостоянию с Японской империей в 1941–1945 годах. В годы «холодной войны» США обладали целым инструментарием, включая, прежде всего, экономический и военный. Легко было формировать соподчиненные союзы, такие как АТЭС, СЕАТО и другие, которые во многом следовали за США по принципу «клиент-патрон». Белый дом тратил время на доформирование фукуямовского «конца истории», реформирование Афганистана, Ирака, Сирии. Фокус внимания в первое десятилетие 2000-х годов сместился на «гуманитарные интервенции», триллионные траты на борьбу с «международным терроризмом». Тем временем, обозначился новый центр силы – Китай.

Когда в 2013 году Пекин перешел к масштабной реализации BRI, Капитолий справедливо оценил ее, как заявку на мировое доминирование. Экономическое сотрудничество состояло не только в инвестициях в традиционные МТК, уже близкие к исчерпанию своих транспортно-логистических возможностей, но и в интеграции транспортных сетей разных стран между собой. Построенные во многом в колониальное время, транспортные пути зачастую не связывали страны внутри себя. Недоставало и коммуникаций с соседями внутри глобального Юга. Кроме этого, теперь часть МТК замыкалась, в том числе, и на внутренние, менее развитые районы Китая. Кроме саморазвития Поднебесной, такая тенденция вела к формированию зависимости новой инфраструктуры от ориентирования на китайские логистические потоки [7, С. 266]. Это, в свою очередь, привело к естественному желанию сотрудничать в сфере безопасности вплоть до создания билатеральных военных союзов.

Уже в ноябре 2015 года президент США Б. Обама выступил с программой «Rebalance», которая констатировала необходимость возвращения влияния США в этом важнейшем регионе. Выдавая военные гарантии традиционным союзникам (Австралии, Японии, Южной Корее, Филиппинам и Тайваню), США впервые объявили своим приоритетом отношения со странами бассейна Индийского океана. В противовес BRI была попытка оживить мультilaterальное Транс-Тихоокеанское партнерство (ТТП). Были продекларированы стремления к «конструктивному управлению разногласиями» с Пекином [10].

С приходом к власти республиканца Д. Трампа, выявленные устремления по препятствованию усилению китайского влияния свою роль не утратили. «Indo-Pacific Strategy» 2017 года реализовывалась даже существенно жестче [13]. Прежде всего, был возрожден четырехсторонний диалог по безопасности QUAD (Quadrilateral Security Dialogue) среди региональных тяжеловесов (major power state) – Индии, Японии, США и Австралии. ТТП осталось в прошлом и упор был сделан с остальными странами на двустороннем (билатеральном) экономическом и военном взаимодействии [9]. Мастер экономической конкуренции, Д. Трамп, применил против Пекина тактику «торговых войн», желая через повышение тарифов ликвидировать торговый дисбаланс.

Демократическая администрация Дж. Байдена не стала отменять стратегию Д. Трампа и вновь указала на ключевой характер региона АТР. Смягчив конфронтационные подходы и снизив градус торговых войн, Капитолий не изменил подходы к сдерживанию Китая. Однако, наряду с QUAD, Белый дом начал активно восстанавливать и обновлять ослабленные связи внутри минilaterальных союзов. Причем, были использованы как традиционные (G7) союзы, так и созданы новые военные объединения (AUKUS – Австралия, США, Велико-

британия) [14]. На саммите G7 также была актуализирована стратегия построения лучшего мира В3W [19], которая включает экономическое и гуманитарное взаимодействие с США и G7. С Китаем вновь предполагается строить конструктивный диалог, жестко при этом отстаивая свои и союзников интересы. Контроль традиционных МТК планируется осуществлять, в том числе, и военным путем. В рамках саммита АТЭС в Сан-Франциско 16 ноября 2023 года, США и КНР подтвердили нежелание переводить конфронтацию в неконтролируемый формат, сохранить статус-кво. Создается впечатление, что на первый взгляд мы видим классическую картину формирования биполярного мира, своего рода «холодную» конфронтацию. Однако, действительность значительно сложнее.

Феномен региональных тяжеловесов (major power state) и новый трансрегионализм

Процесс глобализации внешней торговли, перемещения в АТР существенного капитала, технологий, центров производства, в конечном итоге, и создавший феномен «китайского дракона», не мог не отразиться на всех странах глобального Юга.

МТК стимулируют не только экономический рост и развитие инфраструктуры. Транспортно-логистические услуги вызывают потребность совместного производства высокотехнологических продуктов (та же цифровизация портов, система учета больших данных и др.). С еще большей скоростью обращается информация, трудовые ресурсы и капиталы. Соседи, связанные взаимным интересом, лучше узнают друг друга и обретают желание выстраивать свои региональные интеграционные проекты. Более того, исторические противники приобретают созависимость, детерминированную географически и экономически.

Есть и еще один момент, который определяет новые интеграционные процессы на Ближнем Востоке и в АТР. Индия, в прошлом возглавлявшая «движение неприсоединения», демонстрирует не меньшую экономическую динамику, чем Пекин, и не желает оставаться посторонним наблюдателем чужих глобальных проектов.

С другой стороны, лидеры арабского мира, королевство Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты совсем не желают зависеть от колебаний между конфронтацией и жесткой конкуренцией между США и КНР. Судя по всему, и им суждено, вслед за Россией, обозначить себя, как новые центры силы многополярного мира.

В исследовании Жуковской Н.Ю., подытожившей работы австралийских и канадских политологов, выделены три критерия, которые можно увидеть в поведении государств, ранее определяемых, как средние (middle power state) и претендующих на звание ведущих (major power state) [2, С. 173–174]. Государства этого типа оказывают особое влияние на глобальную и региональную повестку и в перспективе видят себя сверхдержавами.

Согласно теории, подобные страны должны:

1. занимать определенные позиции в мировой «иерархии», обладая значимой совокупной мощностью (capabilities principle). Страны должны иметь достаточный ВВП, демографические ресурсы, выгодное географическое положение. Также обычно они активно участвуют во внешней торговле, находятся в цепочках производства высокотехнологических продуктов;
2. обладать устойчивостью политического режима, иметь дипломатический вес, международный авто-

ритет в гуманитарной деятельности (Normative principle);

3. иметь желание и уметь вести многостороннюю дипломатию на основе компромиссов (Behavioral principle). Страны этого типа заинтересованы в поддержке международной стабильности, сотрудничестве с державами подобного типа для создания региональных и глобальных проектов на принципах взаимной выгоды.

Как правило, государства подобного типа становятся инициаторами интеграционных процессов сначала на интеррегиональном уровне (в нашем случае – Индия, страны Залива), а потом и на трансрегиональном уровне (в нашем случае – Индия, Ближний Восток, Европа) [4 С. 14].

Индийский политолог К. Раджасри выделяет в развитии трансрегионализма два этапа [20, Р. 289–290.]. Первый длился с 1960-х годов до начала 1990-х годов и делал упор на вопросах безопасности. Этот подход был актуален в годы «холодной войны» и биполярности, он и поныне господствует в интеграционных усилиях США. Второй этап начался в 1990-е годы, когда глобализация внешней торговли вызвала стремительный рост в рамках экономического и транспортно-логистического сотрудничества. На первый план вышли вопросы взаимодействия внутри регионов. Исследователь Хайнер Хэнгги даже стал говорить о трансрегиональном характере современного регионализма [11, Р 32]. Бьерн Хеттне и Фредрик Содербаум отмечают, что новый регионализм имеет не только глобальную природу, но и становится фактором международного развития. Формируются весьма интенсивно сотрудничающие в разных сферах группы государств. Они заинтересованы в создании новых центров регионального и, в конечном итоге, глобального взаимодействия [12, Р. 183]. Лагутина М.Л. И Михайленко Е.Б. указывают на усиление роли региональных акторов (в нашем случае, major power state), трансформирующих региональное сотрудничество для удовлетворения своих глобальных амбиций [5, С. 270].

Минилатеральные союзы и многополярность

Активность международных акторов, взрывной рост амбиций Китая, его инвестиционный интерес к Ближнему Востоку не могли не вызвать определенной ревности со стороны традиционных государств major power state макрорегиона – Индии, Объединенных Арабских Эмиратов и Королевства Саудовская Аравия (КСА). Практически, одновременно в 2014 году в КСА на должность государственного министра экономического развития пришел принц Мухаммед Бен Салман, который стал автором программы «Видение 2030». Она была презентована в апреле 2016 года и представляла из себя амбициозный план реформирования Саудовской Аравии в лидирующую нацию [1, С. 66]. Этот проект имеет глобальное значение потому, что КСА и союзные ему ОАЭ обладают высоким авторитетом и огромным финансовым потенциалом в полумиллиардном арабском мире и мусульманском сообществе вообще.

Эр-Рияд заслуженно лидирует не только, как исторический хранитель двух святынь ислама (Мекки и Медины), но и как крупнейшая экономика арабского Востока со стабильно растущим ВВП, важный региональный актор и международный посредник.

Безусловно, большая часть доходов и ныне поступает от нефтегазового сектора. Однако, перед глазами саудитов есть успешные проекты модернизации соседних ОАЭ и Катара, где сырьевая рента в экономике существенно ниже. При этом, значимая доля ВВП при-

ходится на международную торговлю и транспортно-логистические услуги.

Страна по всем позициям соответствует major power state, работает на мультилатеральных площадках ООН, АТЭС, Лиги Арабских Государств, Организации Исламского Сотрудничества (ОИС), МВФ, Всемирного банка, ВТО. С 01 января 2024 года Саудовская Аравия и ОАЭ стали членами БРИКС. Эр-Рияд последнее время крайне активен и в сфере международного урегулирования, а также участвует в минилатеральном взаимодействии. Штаб-квартиры совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, Всемирной Исламской Лиги, Исламского Банка Развития и ОИС находятся в Эр-Рияде.

Ради реализации стремительного рывка, изложенного в стратегии «Видение 2030», Королевство Саудовская Аравия решительно изменило внешнюю политику. Оставаясь якорным союзником США, КСА, наряду с 12 ближневосточными странами, установило стратегическое партнерство в рамках BRI [16, Р. 4].

Китай предлагает инвестиционную программу, которая предполагает строительство портов и вложений в инфраструктуру. В 2020 году заключается договор на 25 лет с Ираном, который оспаривает у Эр-Рияда и его союзников в лице ряда арабских стран первенство в Персидском заливе и мусульманском мире. С 1979 года идет противостояние между суннитами и шиитами, и до последнего времени очаги противостояния в Сирии, Ираке, Йемене, Ливане грозили стабильности и внутримусульманскому миру. В 2020 году Эр-Рияд делает целый ряд шагов, которые можно оценить, как весьма дальновидные и продуманные.

Во-первых, не без молчаливого согласия КСА его ближайшие союзники, при посредничестве США, нормализуют отношения с региональным тяжеловесом – Израилем. Так называемые «Авраамовы соглашения» позволяют формально завершить семидесятилетнее противостояние и получить возможность для создания новых комбинаций минилатеральных союзов. При этом, соглашения формально заключили Бахрейн, ОАЭ, Марокко и Судан, а саудовский король сохранил нейтралитет. Параллельно с нормализацией отношений с Израилем, эти же страны, в свое время противостоявшие Ирану, начинают через Эр-Рияд и Абу-Даби замораживание не менее тяжелого шиито-суннитского конфликта. В марте 2023 года в Пекине, уже под патронажем Китая, был завершен процесс примирения, и КСА восстановило дипломатические отношения с Ираном.

Все эти факты свидетельствуют о том, что параллельно идущие процессы весьма вынуждены для всех договаривающихся сторон. Созависимость в совместном использовании МТК, через которые экспортируются энергоносители, и необходимость обеспечить ритмичность глобальных торговых потоков детерминирует взаимную сдержанность. Бытует мнение, что соглашения 2023 года между Ираном и Саудовской Аравией являются безусловным успехом Пекина. Следует иметь в виду, что параллельно этим событиям идут не менее удивительные процессы оформления дипломатического признания Израиля и выстраивания союзнических отношений монархий Залива с Индией, которая исторически не рассматривалась мусульманским миром, как надежный партнер. Уже в октябре 2021 года, на годовщине подписания «Авраамовых соглашений» создается новый минилатеральный союз I2U2 (India, Israel, United Arab Emirates, USA). В известной степени, эта глобальная инициатива должна уравновешивать усиление связи Пекин-Тегеран и формально может пойти в копилку геополитических успехов Вашингтона.

Следует отметить, что монархии Залива в то же время успешно взаимодействуют с Россией в рамках ОПЕК+, Китаем в рамках глобальной торговли, являясь ведущим поставщиком энергоносителей. Эр-Рияд достаточно жестко отстаивал свое видение в случае конфликта вокруг дела Хашоги и претензий администрации Дж. Байдена по вопросам «прав человека».

Не менее самостоятельна и Индия, которая традиционно строит независимые отношения с Москвой без оглядки на Вашингтон. Исторически Дели скорее противостоит влиянию Пекина, и, в известной степени, США. Политика «хиндутвы» и реформы Н. Моди вовсе не требуют отмены традиционного влияния на страны глобального Юга. Скорее наоборот, индийское экономическое чудо, успехи Индии в IT-технологиях, развитие специальных экономических зон, строительство транспортно-логистической инфраструктуры и прямые иностранные инвестиции (ПИИ) весьма интересны соседям.

В 2022 году объединение I2U2 провело успешный саммит. Основное внимание было уделено вопросам транспорта, модернизации инфраструктуры, грузоперевозок, декарбонизации и космического сотрудничества [15]. Вновь были поддержаны и «Авраамовы соглашения», приглашены соседние страны.

Безусловно, нет ничего более удивительного, чем оформление блоковых взаимодействий между правым правительством Израиля, демократической администрацией Дж. Байдена, индийским националистом Н. Моди, арабскими фундаменталистами из Абу-Даби и стоящего рядом Эр-Рияда. По мнению индусского исследователя Манджари Сингха, I2U2 может перерасти из минилатерального партнерства в стратегический блок [17]. Индия может дать растущий рынок, имея избыток человеческих ресурсов. Нью Дели крайне заинтересован в росте прямых иностранных инвестиций и достижении глобальных и региональных целей.

Во-вторых, США устраивает политическая вовлеченность и новые возможности для частного капитала. Уменьшение китайского влияния и укрепление старых билатеральных связей в военной и технологической области на фоне усиления Ирана также можно отнести к бонусам этого союза.

В-третьих, Израиль выходит из глобальной и региональной изоляции, обретает новые технологические и военные рынки, а также возможность использовать глубоководные порты ОАЭ (например, Фуджейра), избегая рисков акватории Красного моря.

В-четвертых, монархии Залива обретают перспективу удачного применения избыточного инвестиционного капитала и улучшения транспортной инфраструктуры внутри макрорегиона с подключением к МТК.

Стратегический потенциал этого блока может иметь довольно высокий показатель, потому что в результате экономического сотрудничества страны смогут отложить в сторону противоречия и увеличить свою совокупную мощь, а следовательно, и место в международной иерархии.

Индия, очевидно, тестирует место сверхдержавы, ОАЭ и КСА – лидерское место на Ближнем Востоке и в мусульманском мире. Индийская исследовательница Раджесвари Пиллаи Раджагопалан подчеркивает, что важной мотивацией для создания I2U2 было, прежде всего, региональное стремление соседних государств к сотрудничеству в сфере безопасности [21]. Индия с интересом масштабирует опыт взаимодействия QUAD. Конфликтный потенциал региона, стремление преодолеть биполярность требуют от соседних ответственных держав поиска новых форм взаимодействия. Правительство Н. Моди всячески подчеркивает свою стратегическую

автономность и стремление способствовать региональной свободной торговле, конечно же, в своих интересах. Не менее заинтересованы в этом и арабские партнеры, такие как ОАЭ и Саудовская Аравия. Соглашение Индии и ОАЭ, подписанное еще в 2015 году, стало основой для формирования нового МТК – коридора ИМЕС [18]. Важнейшими партнерами ИМЕС (Индия, Ближний Восток, Европа) должны стать КСА, Иордания и Израиль. Для региональных игроков, учитывая их успехи в локальной интеграции, трансрегионализм становится трамплином для своих глобальных устремлений. [6, С. 73]. Однако, следует отметить, что 10 сентября 2023 года на саммите G20 в Нью Дели договор об ИМЕС подписывали не только члены I2U2. Кроме Индии, в числе подписантов были США, ОАЭ, КСА, Франция, Италия, Германия и отдельно ЕС. Так, казалось бы, минилатеральная инициатива, в результате совпадения взаимных интересов достаточно быстро становится глобальной и может рассматриваться в качестве альтернативы китайским проектам BRI и их составных частей – Центральноазиатских путей и Транскаспийского коридора. Интенсивный характер этого интеграционного процесса является проявлением современного трансрегионализма.

Если на старте 2023 года казалось, что Пекин резко вырывается вперед, актуализируя свое лидерство, миря Иран, Саудовскую Аравию и монархии Залива, то в сентябре 2023 года Индия, монархии Залива, США и ЕС перехватывают инициативу у Китая. Дели и Эр-Рияд творчески осмыслили и историческое наследие. Древние МТК, как и пресловутый «Шелковый путь», тысячелетиями проходили через Персидский залив и Аравийский полуостров. Предполагается, что ИМЕС будет состоять из Восточного коридора от индийских портов на западе страны через порты ОАЭ с мультимодальной перегрузкой на железнодорожный транспорт. Далее контейнеры пойдут через КСА и Иорданию к Израильским портам. Северный коридор использует Средиземное море и развитую портовую структуру Греции, Франции и Италии. Узким местом проекта может стать недостаточная пропускная способность железных и автомобильных дорог в КСА и Иордании, а также нерешенный палестинско-израильский конфликт. Именно поэтому, ключ к успеху данного проекта находится не в Дели, Брюсселе или Вашингтоне, а в столице Саудовского Королевства. Национальный проект модернизации «Видение 2030», представленный в 2015–2017 годах, прошел серьезную апробацию временем, и имеет в своей основе проект глобальной и региональной интеграции в экономической и политической сфере. Это предполагается сделать через улучшение логистических путей, законодательной унификации и создания «общих автомобильных и дорожных сетей» [1, С. 57–58]. КСА амбициозно хочет стать крупнейшим логистическим и торговым центром.

Стремительный рывок КСА свидетельствует о том, что монархия не хочет отставать и существенно улучшила работу госаппарата, упростила законодательство, отменила устаревшие нормы. Эр-Рияд начал программу нового стратегического партнерства, которое должно сделать ведущую монархию Залива «связующим звеном между тремя континентами (Азия, Европа, Африка)» [1, С. 7]. Органичным поэтому представляется активное участие и заинтересованность КСА в ИМЕС. Все остальные составляющие модернизационной программы, такие, как повышение несырьевых доходов, ликвидация безработицы, декарбонизация, строительство технологических городов (NEOM, LINE и др.), привлечение специалистов и ученых, прорыв в агротехнологиях и т.д., также связаны, прежде всего, с успехом этого глобального по сути проекта.

Его реализация, безусловно, столкнется с традиционными для Ближнего Востока сложностями. 7 октября 2023 года началось очередное обострение обстановки между Израилем и палестинским Сектором Газа. Станет ли он камнем преткновения? Скорее всего, нет. Хотя Эр-Рияд временно «заморозил» улучшение отношений между КСА и Израилем, однако, из подписанных соглашений не вышел. По-прежнему над коридором ИМЕС летают самолеты Израиля, идет экономическое взаимодействие. 6 декабря 2023 года из-за обострения ситуации в Красном море заработала сухопутная часть этого коридора, через него пошли первые грузы. Ожидается, что этот маршрут сэкономит до 80% времени и будет более безопасным [18]. Впечатляющие успехи урегулирования вековых противоречий между Иранским и Саудовским блоками, сдержанность монархий Залива в арабо-израильском конфликте оставляют место определенному оптимизму. Очевидно, что major power state не желают терять геополитические и экономические возможности.

Заключение

Инициативы, направленные на развитие, крайне важные для региональных тяжеловесов Ближнего Востока и Индии, будут опираться на развитие новой транспортно-логистической инфраструктуры и МТК. Успехи Китая в его глобальном проекте BRI, активность США и ЕС стимулируют деятельность региональных лидеров между Средиземным морем и Индийским океаном к поиску новых минилатеральных форм взаимодействия и поиску компромиссов.

Усиление активности глобальных и региональных акторов в их желании реализовать свои модернизационные проекты, включающие МТК, прямым образом связано со стремлением сглаживать разногласия между собой во имя достижения региональной стабильности, экономического процветания и дальнейшего развития.

Формирующиеся цепочки созависимости при использовании старых и создании новых МТК и высокотехнологичной продукции детерминируют межгосударственное поведение, изменяя традиционные предпочтения стран и привычные формы реагирования.

Страны, контролирующие МТК, в том числе, проходящие через их территорию, имеют возможность эффективно влиять на экономику и развитие макрорегиона, повышая свой политический вес в международной иерархии.

Таким образом, МТК становятся существенным фактором глобальной и региональной интеграции.

Литература

1. Видение Королевства Саудовская Аравия 2030. Saudi Press Agency. 2017. С. 84. URL: <https://stgcdn.spa.gov.sa/galupload/otherfiles/vision-pdf/ru.pdf> (дата обращения: 12.12.2023)
2. Жуковская Н. Ю. «Средние державы» как элемент современной мировой системы: к вопросу о теоретическом осмыслении концепта // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, – 2018. – Т. 23. Вып. 1 (171). С. 172–178. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-172-178.
3. Комов М.С. Интеграция национальных транспортных комплексов в региональную транспортную систему: анализ форм и механизма // Вестник Евразийской науки. – 2018. – Т 10. – № 4. URL: <https://>

esj.today/PDF/20ECVN418.pdf (дата обращения: 12.12.2023).

4. Кузнецов Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 2 (23). С. 14–25. DOI: 10.18611/2221–3279–2016–7–2(23)-14–25
5. Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 261–278.
6. Лебедева М.М., Кузнецов Д.А. Трансрегионализм – новый феномен мировой политики // ПОЛИС. Политические исследования. 2019. № 5. С. 71–84. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06
7. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века. Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции КНР (издано с санкции госсовета КНР) Март 2015, – С. 255–270. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekrasnye-perspektivy-i-prakticheskie-deystviya-po-sovmestnomu-sozdaniyu-ekonomicheskogo-poyasa-shyolkovogo-puti-i-morskogo> (дата обращения: 13.12.2023)
8. Шарова И. В., Голова Д.В. Международные транспортные коридоры и их влияние на экономическое развитие государств // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Том 13. – № 4. – С. 1153–1164. – doi: 10.18334/epp.13.4.117486.
9. A free and open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. U.S. Department of state. 04.11.2019. URL <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/> (accessed 13.12.2023).
10. FACT SHEET: Advancing the Rebalance to Asia and the Pacific. November 16, 2015. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/16/fact-sheet-advancing-rebalance-asia-and-pacific> (accessed 11.12.2023).
11. Hännigi, Heiner; Roloff, Ralf; Rüländ, Jürgen. Interregionalism and International Relations. Oxon: Routledge, 2006.
12. Hettne, Björn; Söderbaum, Fredrik. Regional Cooperation: A Tool for Addressing Regional and Global Challenges // in International Task Force on Global Public Goods, Achieving Global Public Goods. Stockholm: Foreign Ministry, 2006.
13. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. U.S. Department of Defense. July 01, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/Department-Of-Defense-Indo-Pacific-Strategy-Report-2019.Pdf> (accessed 11.12.2023).
14. Joint Leaders Statement on AUKUS. White House. 15.09.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (accessed 12.12.2023).
15. Joint Statement of the Leaders of India, Israel, United Arab Emirates, and the United States (I2U2). The White House. 14.07.2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/14/joint-statement-of-the-leaders-of-india-israel-united-arab-emirates-and-the-united-states-i2u2/> (accessed 09.12.2023)
16. Jonathan Fulton. China's Changing Role in the Middle East. // Atlantic Council Policy & The Rafik Hariri Center for the Middle East. June 2019. – 21 p.
17. Manjari Singh. I2U2: A Strategic Bloc Or A Minilateral Partnership? The Defence Horizon Journal. 21.07.2022. <https://www.thedefencehorizon.org/post/i2u2-strategic-bloc-minilateral-partnership> (accessed 11.12.2023)
18. Memorandum of Understanding on the Principles of an India – Middle East – Europe Economic Corridor. The White House. 09.09.2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/09/memorandum-of-understanding-on-the-principles-of-an-india-middle-east-europe-economic-corridor/> (accessed 12.12.2023)
19. President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership. White House. 12.06.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/> (accessed 14.12.2023).
20. Rajasree, K.R. The Evolution of Transregional Cooperation: A Case Study of Indian Ocean Rim Association for Regional Cooperation (IOR-ARC) // Online International Interdisciplinary Research Journal, 2015, Jan-Feb, Vol.5, No. 5.
21. Rajeswari Pillai Rajagopalan. Explaining the Rise of Minilaterals in the Indo-Pacific. Issue Brief № 490, Observer Research Foundation. September, 2021. URL: <https://www.orfonline.org/research/explaining-the-rise-of-minilaterals-in-the-indo-pacific> (accessed 11.12.2023)

INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS AS A FACTOR OF GLOBAL AND REGIONAL INTEGRATION ON THE EXAMPLE OF INDIA AND THE GULF COUNTRIES

Belkov A.D.

Peoples named after Patrice Lumumba Russia

The article substantiates the leading role of transport and logistics issues in modern integration processes in the Asia-Pacific region using the example of India and the Gulf countries. The work is based on the theories of interregionalism and transregionalism, as well as the theory of middle power states and major power states; methods of synthesis, qualitative content analysis of documents, scientific materials, as well as event analysis, deduction and induction are used. The globalization of international trade has led to the fact that states of medium power come up with their own ambitious modernization projects, striving to become leading countries. These initiatives build on the creation of new international transport corridors (ITCs) such as the BRI and IMEC. ITCs are becoming the most important factor in global and regional integration. Countries are creating minilateral alliances that previously could not exist due to centuries-old contradictions. Codependency arises between partners, which changes their international priorities. The relevance of the study lies in the significance of these trends for global political processes, and the novelty is due to the attempt to substantiate their decisive influence on the conflict management of the region, which makes it possible to intensify integration processes.

Keywords: International transport corridors, integration, new transregionalism, minilateralism, IMEC.

References

1. Kingdom of Saudi Arabia Vision 2030. Saudi Press Agency. 2017. P. 84. URL: <https://stgcdn.spa.gov.sa/galupload/other-files/vision-pdf/ru.pdf> (accessed 12.12.2023)
2. Zhukovskaya N. Yu. "Middle powers" as an element of the modern world system: on the issue of theoretical understanding of the concept // Bulletin of Tambov University. Series Humanities. Tambov, – 2018. – Т. 23. Issue. 1 (171). pp. 172–178. DOI: 10.20310/1810–0201–2018–23–1(171)-172–178.
3. Komov M.S. Integration of national transport complexes into the regional transport system: analysis of forms and mechanisms // Bulletin of Eurasian Science. – 2018. – Т 10. – No. 4. URL: <https://esj.today/PDF/20ECVN418.pdf> (accessed 12.12.2023).
4. Kuznetsov D.A. The phenomenon of transregionalism: problems of terminology and conceptualization // Comparative Pol-

- itics. 2016. T. 7. No. 2 (23). pp. 14–25. DOI: 10.18611/2221–3279–2016–7–2(23)-14–25
5. Lagutina M.L., Mikhailenko E.B. Regionalism in the global era: a review of foreign and Russian approaches // Bulletin of RUDN University. Series: International relations. 2020. T. 20. No. 2. P. 261–278.
 6. Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. Transregionalism – a new phenomenon of world politics // POLIS. Political studies. 2019. No. 5. P. 71–84. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06
 7. Excellent prospects and practical actions for the joint creation of the Silk Road Economic Belt and the Maritime Silk Road of the 21st century. State Committee for Development and Reform, Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Commerce of the People's Republic of China (published with the approval of the State Council of the People's Republic of China) March 2015, – pp. 255–270. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekrasnye-perspektivy-i-prakticheskie-deystviya-po-sovmestnomu-sozdaniyu-ekonomicheskogo-poyasa-shyolkovogo-puti-i-morskogo> (accessed 13.12.2023).
 8. Sharova I. V., Golova D.V. International transport corridors and their influence on the economic development of states // Economics, entrepreneurship and law. – 2023. – Volume 13. – No. 4. – P. 1153–1164. – doi: 10.18334/epp.13.4.117486.
 9. A free and open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. U.S. Department of state. 04.11.2019. URL: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/> (accessed 13.12.2023).
 10. FACT SHEET: Advancing the Rebalance to Asia and the Pacific. November 16, 2015. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/16/fact-sheet-advancing-rebalance-asia-and-pacific> (accessed 11.12.2023).
 11. Hännigi, Heiner; Roloff, Ralf; Rüländ, Jürgen. Interregionalism and International Relations. Oxon: Routledge, 2006.
 12. Hettne, Björn; Söderbaum, Fredrik. Regional Cooperation: A Tool for Addressing Regional and Global Challenges // in International Task Force on Global Public Goods, Achieving Global Public Goods. Stockholm: Foreign Ministry, 2006.
 13. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. U.S. Department of Defense. July 01, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/Department-Of-Defense-Indo-Pacific-Strategy-Report-2019.Pdf> (accessed 11.12.2023).
 14. Joint Leaders Statement on AUKUS. White House. 15.09.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (accessed 12.12.2023).
 15. Joint Statement of the Leaders of India, Israel, United Arab Emirates, and the United States (I2U2). The White House. 14.07.2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/14/joint-statement-of-the-leaders-of-india-israel-united-arab-emirates-and-the-united-states-i2u2/> (accessed 09.12.2023)
 16. Jonathan Fulton. China's Changing Role in the Middle East. // Atlantic Council Policy & The Rafik Hariri Center for the Middle East. June 2019. – 21 p.
 17. Manjari Singh. I2U2: A Strategic Bloc Or A Minilateral Partnership? The Defence Horizon Journal. 21.07.2022. <https://www.thedefencehorizon.org/post/i2u2-strategic-bloc-minilateral-partnership> (accessed 11.12.2023)
 18. Memorandum of Understanding on the Principles of an India – Middle East – Europe Economic Corridor. The White House. 09.09.2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/09/memorandum-of-understanding-on-the-principles-of-an-india-middle-east-europe-economic-corridor/> (accessed 12.12.2023)
 19. President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership. White House. 12.06.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/> (accessed 14.12.2023).
 20. Rajasree, K.R. The Evolution of Transregional Cooperation: A Case Study of Indian Ocean Rim Association for Regional Cooperation (IOR-ARC) // Online International Interdisciplinary Research Journal, 2015, Jan-Feb, Vol.5, No. 5.
 21. Rajeswari Pillai Rajagopalan. Explaining the Rise of Minilaterals in the Indo-Pacific. Issue Brief № 490, Observer Research Foundation. September, 2021. URL: <https://www.orfonline.org/research/explaining-the-rise-of-minilaterals-in-the-indo-pacific> (accessed 11.12.2023)

Космополитизм в учении стоиков: имперские амбиции, транснациональное влияние и эволюция мирового порядка на примере концепций «Pax Britannica» и «Pax Americana»

Миняйленко Елизавета Витальевна,
бакалавр МГИМО МИД России
E-mail: el.v.minyajlenko@my.mgimo.ru

В данной статье рассматривается эволюция стоического учения в контексте последовательной смены форм мирового порядка. Анализируются три этапа развития стоической школы: ранний, средний и поздний, с акцентом на трудах Луция Аннея Сенеки и Марка Аврелия. Особое внимание уделяется концепции «oikoumenh» – «всемирного государства», то есть человеческого мира в качестве единого полиса. Исследуется влияние стоического космополитизма на британские имперские устремления в эпоху «pax britannica», а также на политическую логику США в эпоху «pax americana». Отмечается, что идеи стоиков продолжают оказывать влияние на формирование глобальных ценностей и политических стратегий в современных международных отношениях.

Ключевые слова: стоицизм, космополитизм, имперские амбиции, oikoumenh, «pax britannica», «pax americana».

В эпоху эллинизма и императорского Рима была основана и приобрела большое влияние стоическая школа. Возникнув в III в. до н.э., в своем развитии она прошла три основных этапа: первый – Ранняя или Древняя Стоя (конец IV в. до н.э. – середина II в. до н.э.); второй – Средняя Стоя (II–I вв. до н.э.); и третий – Поздняя или Новая Стоя (I–III вв. н.э.) [1]. Основателем стоицизма считается ученик Кратета-киника Зенон из Китиона (ок. 300 г. до н.э.) [2], почитатели которого собирались у живописного портика – стои (откуда и берет своё название данная философская школа) [3]. Луций Анней Сенека и Марк Аврелий – представители Поздней Стои – получили наибольшую известность. Они и создали законченную философскую систему стоической школы, в которой вопросам универсализма, космополитизма и телеологизма придавалось первостепенное значение.

Именно стоическая школа, обладающая, до определенной степени, политическим влиянием и занимающая доминирующее положение среди остальных эллинистических философских направлений, систематизировала и популяризировала концепцию «oikoumenh», или «мирового государства», человеческого мира как единого, интегрированного полиса, населенного людьми, воспринимающими себя в качестве братьев и сестер. Эта концепция нашла свое воплощение в высказывании Марка Аврелия о том, что каждый индивид, принадлежа к роду человеческому, является одновременно и гражданином универсального «государства» [4].

В это великое сообщество стоики включали на равных правах женщин и мужчин, рабов и свободных, эллинов и варваров. Каждый из них имел от рождения ряд общественных обязанностей, прежде всего, по отношению к самому себе, затем к родным, товарищам, родине и, наконец, ко всему человечеству [3]. В отличие от Платона и Аристотеля, представители стоической школы не считали, что с момента своего рождения человек (гражданин) принадлежит некоторому полису: в их понимании индивид не обязательно должен был соотноситься с определенной темой или иными территориальными границами политией [7]. Таким образом идеальная форма человеческого общежития, в понимании стоиков, должна была быть основана на принципах универсальности, всеобщности и единства.

В философском трактате «Республика» Зенон утверждает, что «граждане единого, универсального города-государства не должны жить разобщенно, разделенные на отдельные общины отличиями в представлениях о справедливости. Напротив, все люди должны осознавать себя одной общиной и одним государством; у них должна быть общая жизнь и общий порядок» [8].

Для стоиков достижение идеала космополитической этической идеи подразумевало, прежде всего, полное, коренное изменение человеческого представления о расстоянии между людьми [9]. Необходимость подобного «слома» господствующей ранее установки была обусловлена осознанием того факта, что люди склонны были рассматривать свои первичные, вторичные и третичные обязанности по отношению к другим

с точки зрения географии: расстояние регулировало степень приверженности исполнению обязательств, и люди обычно отдавали приоритет себе, своим близким, родственникам и соотечественникам перед незнакомцами, чужаками и представителями «внешних» групп. Отказ от подобного взгляда на природу людских взаимоотношений должен был способствовать установлению общества, в основе которого не лежала бы идея существования территориальных границ: предполагалось, что географический фактор нивелируется единством идей и представлений, которые, глубоко укоренившись в сознании людей, привели бы к полному стиранию национальных, этнических и конфессиональных различий.

Институциональная структура космополиса (*идеального, всеобщего государства*) последователями стоического учения, тем не менее, не раскрывается. Однако ими подчеркивается (*что гораздо важнее*) определенный способ восприятия человеком своего положения в моральном и социальном мире. Так, каждый индивид должен считать себя глубоко и неразрывно связанным с человеческим родом в целом, и в своих рассуждениях, как личных, так и политических, думать о благе всего человечества [10]. Эта идея хотя и совместима с сохранением местных форм политической организации, всё же задает вектор политической, а также моральной мысли.

Однако на протяжении истории стоический космополитизм рассматривался и продолжает рассматриваться в качестве оправдания имперским и универсалистским амбициям, характерным ещё для эллинистической эпохи [7]. Так, в XVIII–XIX веках для представителей высших кругов британского общества было обычным делом утверждать, что империализм Великобритании оказывал благотворное, «цивилизующее» влияние на те территории и народы, на которые распространялось её господство [11]. Джон Стюарт Милль, например, предположил, что использование насильственных методов для привнесения культуры в «примитивные народы» может быть оправдано представлениями о космополитизме как о наивысшей, идеальной форме человеческого общежития. Он считал, что «окультуривание» нецивилизovaných, в его понимании, обществ должно было ложиться на плечи абсолютного правителя и становиться его бременем [5].

Позднее появившийся в европейской истории термин «*рах britannica*» служил для обозначения периода господства Великобритании в международных отношениях и описывал стремление государства навязать сложившиеся в нем политическую, культурную и идеологическую системы народам по всему миру. В основе подобного «курса» лежали убежденность Великобритании в собственном превосходстве и представление об «имперской миссии», возложенной на государство течением времени. Стоический космополитизм, таким образом, здесь выступает в качестве идеологического фундамента, обосновывающего необходимость создания всемирного государства, в котором универсальные нормы и идеи едины и не ставятся под сомнение ввиду их глубокой «укорененности» в людском сознании.

По образцу «*рах britannica*», начиная с желания Вудро Вильсона «сделать мир безопасным для демократии» [6], получает распространение модель «*рах americana*».

Все стремления к установлению американского международного порядка основывались на «прогрессивных предпосылках», центральной среди которых была идея о том, что Соединенные Штаты могли предложить не только Европе и Восточной Азии, но и всему остальному, в конечном счете, постколониальному миру трансформационный подход к воцарению стабильно-

сти и процветания: путь к «новому мировому порядку» коллективной безопасности, либеральной демократии и капитализма, который – согласно преобладающему, но также и оспариваемому набору предпосылок – должен был быть основан на специфически американских, но глобально применимых правилах и принципах.

Как сознательное стремление к «*рах americana*», так и более широкое влияние американских идей и идеологий оказали беспрецедентное транснациональное воздействие на мировое сообщество в XX веке. Они повлияли на национальные, региональные и наднациональные процессы трансформации отдельных обществ, особенно тех, которые начали набирать силу в Западной Европе и в Азии после 1945 года. В конечном итоге они также повлияли на процессы глобализации, придав им новый импульс в 1970-х и 1980-х годах. Во многом это стало лишь характеристикой американской роли в формировании и укреплении характерного для XX века трансатлантического миропорядка.

Однако и сегодня идеи стоической школы (*элементы которой прочно закрепились в политической культуре США еще в самом начале формирования данного государства*), в частности и в особенности, идея космополитизма, продолжают оказывать влияние на установление в Соединенных Штатах внешне- и внутривнутриполитической повестки. Представление о необходимости продвижения идеи господства правовых (распространение отдельных составляющих нормативной базы англосаксонской правовой системы в государствах, для которых она традиционно выступала в качестве неприменимой и «инородной», таких как Таиланд или Пакистан) и морально-этических норм, носящих всеобщий и универсальный характер («амплификация» и гомогенизация представлений об институте брака, отношений внутри семьи и по отношению к отдельным членам общества), отказа от национальных и этноконфессиональных различий в пользу воцарения «единой народности» – всё это свидетельство слияния космополитических положений последователей школы стоицизма и политико-нравственного понимания США своей роли на международной арене.

Литература

1. Чанышев А.Н. Философия Древнего мира. – Учебник для вузов, 703 с. – 1999. – С. 504. – URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/chanyshhev_filosofiya_drevnego_mira/chanyshhev_filosofiya_drevnego_mira.pdf (дата обращения: 10.12.2022) – Текст: электронный.
2. Пронина Е.Н. Философия: учебник. – 612 с. – Московский государственный университет печати им. Ивана Федорова. – 2011. – С. 123. – URL: <https://staff.ttiame.uz/storage/users/423/books/kIcVQvSL-wkQq3RjoTbBjdqxKsyNJqLgKWKtF9EZK.pdf> (дата обращения: 10.12.2022) – Текст: электронный.
3. Чанышев А.А. История политических учений. Западная классическая традиция. Античность – первая четверть XIX века. – МГИМО-Ун-т. – 2015. – С. 155 – Текст: непосредственный.
4. Марк Аврелий Антонин. К самому себе: Размышления. – 173 с. / Перевод с греческого В. Черниговский. – Москва. – 2014. – С. 6. – URL: <https://flibusta.club/b/491179/read> (дата обращения: 08.12.2022). – Текст: электронный.
5. Милль Дж. С.О. Свободе. – Электронная библиотека: гражданское общество России. – 1901. – С. 9. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mill_O%20svobode.pdf (дата обращения: 10.12.2022) – Текст: электронный.

6. Официальный сайт Белого дома США. – URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/presidents/woodrow-wilson/> (дата обращения: 10.12.2022).
7. Hill L. *Stoicism and the Western Political Tradition*. – Liza Hill, Eden Blazejak. – Palgrave Macmillan. – С. 83. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-16-2742-2> (дата обращения: 08.12.2022). – Текст: электронный (доступ через электронную библиотеку МГИМО).
8. Frecer, R. *Stoicism in Practice: The Cosmopolitanism of Cicero and the Development of Roman Citizenship*, – Institute for Classical Archaeology: Charles University in Prague. – 2015. – С. 4. – URL: https://www.academia.edu/11106318/Stoicism_in_Practice_The_Cosmopolitanism_of_Cicero_and_the_Development_of_Roman_Citizenship (дата обращения: 08.12.2022) – Текст: электронный.
9. Annas J.E. *Hellenistic Philosophy of Mind*. – Berkeley: University of California Press. – 1993. – URL: <https://www.jstor.org/stable/2185889> (дата обращения: 08.12.2022). – Текст: электронный (доступ через электронную библиотеку МГИМО).
10. Nussbaum M.C. *Kant and Stoic Cosmopolitanism*. – *The Journal of Political Philosophy*. Volume 5. – 1997. – С. 5. – URL: <https://iow.eui.eu/wp-content/uploads/sites/18/2013/03/13-De-Frouville-Background-Kant-and-Stoic-Cosmopolitanism.pdf> (дата обращения: 08.12.2022). – Текст: электронный.
11. Gomberg P. *Universalism and Optimism. Ethics*. – The University of Chicago Press. – 1994. – С. 555 – URL: <https://www.jstor.org/stable/2381978> (дата обращения: 09.12.2022). – Текст: электронный (доступ через электронную библиотеку МГИМО).

STOIC COSMOPOLITANISM: IMPERIAL ASPIRATIONS, TRANSNATIONAL INFLUENCE AND THE EVOLUTION OF WORLD ORDER THROUGH THE CONCEPTS OF «PAX BRITANNICA» AND «PAX AMERICANA»

Minyailenko E.V.
MGIMO-University

This article examines the evolution of the Stoic doctrine in the context of the successive changes in the forms of world order. Three stages of development of the Stoic school are analysed: the Early Stoa, the Middle Stoa and the Late Stoa. The emphasis is placed on the works of Lucius Annaeus Seneca and Marcus Aurelius. Special attention is paid to the concept of «oikoumenh» – «one universal society», i.e. the human world as a united polis. The influence of Stoic cosmopolitanism on British imperial aspirations in the era of «pax britannica» and on the political logic of the USA in the era of «pax americana» is investigated. It is noted that Stoic ideas continue to

influence the formation of global values and political strategies in contemporary international relations.

Keywords: stoicism, cosmopolitanism, imperial ambitions, oikoumenh, «pax britannica», «pax americana».

References

1. Chanyshv A.N. *Philosophy of the Ancient World*. – Textbook for universities, 703 p. – 1999. – P. 504. – URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/chanyshv_filosofiya_drevnego_mira/chanyshv_filosofiya_drevnego_mira.pdf (access date: 12/10/2022) – Text: electronic.
2. Pronina E.N. *Philosophy: textbook*. – 612 s. – Moscow State University of Printing. Ivan Fedorov. – 2011. – P. 123. – URL: <https://staff.tiame.uz/storage/users/423/books/kicVQvSL-wkQq3RjoTbBjdqxKsyNjLgKWKtF9EZK.pdf> (access date: 12/10/2022) – Text: electronic.
3. Chanyshv A.A. *History of political doctrines. Western classical tradition. Antiquity – the first quarter of the 19th century*. – MGIMO-University. – 2015. – P. 155 – Text: direct.
4. Marcus Aurelius Antoninus. *To myself: Reflections*. – 173 p. / Translation from Greek by V. Chernigovsky. – Moscow. – 2014. – P. 6. – URL: <https://flibusta.club/b/491179/read> (access date: 12/08/2022). – Text: electronic.
5. Mill J.S.O. *Freedom*. – Electronic library: civil society of Russia. – 1901. – P. 9. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mill_O%20svobode.pdf (access date: 12/10/2022) – Text: electronic.
6. Official website of the White House USA. – URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/presidents/woodrow-wilson/> (accessed 12/10/2022).
7. Hill L. *Stoicism and the Western Political Tradition*. – Liza Hill, Eden Blazejak. – Palgrave Macmillan – P. 83. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-16-2742-2> (access date: 12/08/2022). – Text: electronic (access through the MGIMO electronic library).
8. Frecer, R. *Stoicism in Practice: The Cosmopolitanism of Cicero and the Development of Roman Citizenship*, – Institute for Classical Archaeology: Charles University in Prague. – 2015. – P. 4. – URL: https://www.academia.edu/11106318/Stoicism_in_Practice_The_Cosmopolitanism_of_Cicero_and_the_Development_of_Roman_Citizenship (access date: 12/08/2022) – Text: electronic.
9. Annas J.E. *Hellenistic Philosophy of Mind*. – Berkeley: University of California Press. – 1993. – URL: <https://www.jstor.org/stable/2185889> (access date: 12/08/2022). – Text: electronic (access through the MGIMO electronic library).
10. Nussbaum M.C. *Kant and Stoic Cosmopolitanism*. – *The Journal of Political Philosophy*. Volume 5. – 1997. – P. 5. – URL: <https://iow.eui.eu/wp-content/uploads/sites/18/2013/03/13-De-Frouville-Background-Kant-and-Stoic-Cosmopolitanism.pdf> (accessed 12/08/2022). – Text: electronic.
11. Gomberg P. *Universalism and Optimism. Ethics*. – The University of Chicago Press. – 1994. – P. 555 – URL: <https://www.jstor.org/stable/2381978> (access date: 12/09/2022). – Text: electronic (access through the MGIMO electronic library).

«Университетские субботы» в МГТУ им. Н.Э. Баумана: опыт формирования навыка самоорганизации у школьников

Гаврилова Юлия Викторовна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры «Социология и культурология», Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)

E-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Самилык Артём Андреевич,

студент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)

E-mail: artemsamilyk@gmail.com

Приведены результаты апробации мастер-класса в рамках проекта «Университетские субботы московского школьника». Мастер-класс разработан в концепции тренингов и ориентирован на развитие навыка самоорганизации учащихся. Целью мастер-класса явилось формирование ключевых элементов самоорганизации: целеполагание, разработка стратегий достижения целей, выработка индивидуальной лидерской позиции, самомотивация, саморефлексия. Навык самоорганизации необходим школьникам 9–11 классов при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ как важным рубежам их образовательной «карьеры». Анализ организации и проведения мастер-класса позволил выявить эффективные способы формирования навыка самоорганизации, такие как командная и игровая формы работы, проектный вид деятельности, визуализация саморефлексии.

Ключевые слова: ресурсы, Университетские субботы, самоорганизация, школа, компетенция, тренинг, мастер-класс.

Введение

Современный этап развития общества представлен ускорющимися трансформационными процессами, охватившими все сферы бытия. Стремительно меняющийся мир характеризуется сложностью, подчас не прогнозируемостью развития, а, следовательно, не подконтрольностью возникающих и протекающих в нем процессов. Такая социальная реальность требует от человека умения не просто реагировать на череду непредсказуемых событий, перестраивать собственное духовное и материальное бытие, но, прежде всего, дополнять, корректировать социальные практики и социальный мир в целом. Для этого человек должен обладать совокупностью компетенций, позволяющих рационально и целесообразно действовать в профессиональной сфере и жизненных ситуациях, часто определяемых как проблемные.

Одной из важнейших компетенций, формируемых на всех ступенях непрерывного образования является «самоорганизационная компетенция». Ее важность определяется тем, что высокий уровень самоорганизации учащихся приводит к росту качества образования. Умение обучаться, в том числе самостоятельно, обуславливает успешное продвижение школьника по различным образовательным траекториям. В то время как низкий уровень самоорганизации учащихся лишает учебный процесс системности, многогранности. Поэтому, формирование навыка самоорганизации – это ключевая психолого-педагогическая задача, неотъемлемый компонент личностного развития.

В связи с этим, возникает необходимость проанализировать и охарактеризовать техники формирования навыка самоорганизации у школьников города Москвы, которые применялись на мастер-классах в рамках проекта «Университетские субботы». Достижение, поставленной цели предполагает решение следующих задач: проанализировать компетентностный подход к школьному образованию и охарактеризовать систему «ключевых компетенций»; раскрыть содержание понятий «самоорганизация», «навык самоорганизации», «самоорганизационная компетенция»; выявить роль навыка самоорганизации в развитии личности; проанализировать эффективность тренинга в формировании навыка самоорганизации; охарактеризовать содержание тренинговых техник, используемых в мастер-классах кафедры «Социология и культурология» (СГН-2) факультета «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ им. Н.Э. Баумана, реализованных в проекте «Университетские субботы».

Компетентностный подход в школьном образовании

Тотальная цифровизация, господство глобальных информационных потоков на фоне устоявшегося среди молодежи клипового мышления, зачастую формируют пассивность индивидов, приводят к опасной ситуации утраты

творческого начала в условиях, при которых «цифровое творение» начинает занимать место творца. Возникает опасность деления общества на два слоя: слой научной элиты, обеспечивающий инновационное развитие социума и слой, так называемых «всех остальных», лишенных желания организовать себя на исследовательскую, познавательную деятельность, на созидание чего-то нового. Поэтому, велика потребность современного общества в формировании личности, обладающей самоорганизационной компетенцией, включающей «1) умения ставить цели, планировать, ответственно относиться к своему здоровью, полноценно использовать личностные ресурсы; 2) умения анализировать реальные ситуации и проблемы; 3) способность к оценке продукта своей деятельности и соотнесение его с целью» [10]. На удовлетворение этой потребности направлено современное образование, основанное на компетентностном подходе.

Компетентностный подход выступает как практико-ориентированный подход, он отвечает современным требованиям рынка труда, так как направлен на формирование у учащихся способностей к решению профессиональных и жизненных проблем, выполнению ими ключевых социальных ролей. Нельзя сказать, что данный подход в корне отличается от знаниевого – он во многом базируется на нем. Через знаниевый подход формируется система теоретических знаний, позволяющих анализировать реальные ситуации, выбирать пути решения задач в профессиональной деятельности. Компетентностный подход учит практике, формирует способности необходимые для решения практических задач в стандартных и нестандартных ситуациях; он предполагает творческое воплощение знаний в практику. На это указывает сущность понятия компетенция – «это знания в действии, интегративные деятельностные конструкты, включенные в реальную ситуацию». Компетенция – «это интегративная составляющая учебного процесса: она объединяет в себе знания, умения, опыт ученика, с которыми он подходит к определенным объектам реальной действительности» [2, с. 2]. Компетенции реализуются в деятельности, через практику, применяются к решению разных задач, и что особенно важно, набор компетентностных характеристик осознается индивидом и может быть применен им в различных комбинациях как в привычной, так и нестандартной обстановке.

Особо стоит отметить, что школьное образование не может развивать все виды компетенций в одинаковой степени. Поэтому, чаще всего говорят о необходимости развивать ключевые компетенции, которые носят универсальный характер. В современных ФГОС они сформулированы в виде метапредметных результатов обучения, призванных обеспечить саморегуляцию деятельности ученика. Ключевыми компетенциями, которые формируются в школе являются коммуникативная, общекультурная, учебно-познавательная, информационная, коммуникативная, социально-трудовая, самоорганизационная и др. Согласно нормативным и методическим документам эти компетенции должны быть сформированы у учащихся к моменту окончания школы, чтобы на следующих ступенях образования реализовывалось их укрепление и совершенствование [11]. В ходе участия в проекте «Университетские субботы» нами была предпринята попытка внести вклад в формирование самоорганизационной компетенции учащихся общеобразовательных школ города Москвы посредством проведения для них серии концептуально взаимосвязанных мастер-классов по проблемам целеполагания, разработки стратегий достижения целей, саморефлексии и мотивации и др.

Роль навыка самоорганизации в развитии личности

В целях понимания содержания процессов самоорганизации столь необходимых человеку на пути профессионального и личностного становления, проведем краткий анализ термина «самоорганизация» и его психолого-педагогического смысла. Термин «самоорганизация» встречается в различных науках и научных дисциплинах – кибернетике, биологии, синергетике, философии, физике, химии, психологии, педагогике и т.д. Говоря про формирование навыка самоорганизации у школьников, мы опираемся на концепции самоорганизации личности, разработанные в психологии и педагогике. Согласно словарю «самоорганизация – это процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной, динамической системы» [8]. Данное определение носит достаточно обобщенный характер и может быть применено к любой сложной системе, как совокупности взаимосвязанных элементов, при наличии достаточно «гибких» связей. Более конкретизированное определение самоорганизации предлагает советский исследователь Н.С. Копейна. По ее мнению, самоорганизация – это «осознанная совокупность мотивационно-личностных свойств, согласующихся с индивидуальными особенностями субъекта, оптимально воплощаемыми в приемах и результатах деятельности» [7]. В «Акмеологическом словаре» самоорганизация определяется как показатель личностной зрелости, как создание оптимальной индивидуально-личностной и психической системы человека, представленных рядом свойств [5]. Эти свойства включают самодисциплину, ответственность, умение регулировать собственное поведение, планировать учебное и свободное время. Их развитие связано с активностью сознания, то есть не пассивное выполнение того, что говорит учитель или родители, а контроль личностью самого себя и своей жизни. Наличие навыка самоорганизации благотворно сказывается на эмоциональном фоне учащегося, на организации процесса овладения знаниями и структурировании собственного досуга.

Согласно личностному подходу в психологии и педагогике, самоорганизованность – это совокупность свойств личности, которые формируются в процессе личностного саморазвития. Эта совокупность свойств представлена, прежде всего, организованностью и активностью личности, способностью к самомотивации и самоконтролю. Таким образом, личностный подход утверждает, что самоорганизация и саморазвитие неразрывно связаны; самоорганизация формируется в ходе работы школьников над своей личностью – развивая качество за качеством, школьники закладывают фундамент успешного профессионального и личностного будущего.

Деятельностный подход трактует навык самоорганизации как процесс самостоятельной организации школьниками получения знаний, исходя из индивидуальных целей и возможностей. Этот процесс складывается из этапов, выстроенных в соответствующей последовательности: 1) целеполагание; 2) анализ внешних и внутренних факторов; 3) планирование; 4) волевая регуляция и коррекция действий; 5) самоконтроль; 6) нивелирование препятствий. Также есть другая классификация этапов самоорганизации, на наш взгляд, отличающаяся конкретизацией, а, следовательно, эффективностью. Самоорганизация состоит из 4-х этапов: диагностического, поискового, активного, рефлексивного [12]. Следовательно, формирование навыка самоорганизации предполагает последовательный переход от одного этапа к другому с учетом понимания роли собственной деятельности на каждом этапе. То есть, это осознанный

выбор школьника определенной линии поведения, ориентированной на достижение успеха в профессиональной деятельности и личной жизни.

Не менее интересным является интегральный подход к развитию навыка самоорганизации. Интегральный подход представляет синтез личностного и деятельностного подходов в психологии и педагогике. В направлении анализа самоорганизации с позиций интегрального подхода работают С.С. Амирова, Л.Т. Охитина, И.А. Трофимова и др. Основное внимание представители интегрального подхода акцентируют на совокупности личностных свойств школьников, которые оказывают кардинальное влияние на процессы самоорганизации. То есть школьникам необходимо развивать набор личностных и социально-значимых качеств, способных помочь самоорганизоваться. Это, прежде всего, интеллект, эмоции, морально-волевые качества [1].

Существует еще «технический» подход к самоорганизации личности. Содержание данного подхода не акцентировано на выявлении сущности навыка самоорганизации (это вполне можно позаимствовать из личностного, деятельностного или интегративного подходов). Основное внимание «технический» подход аккумулирует вокруг разработки системы методов, с помощью которых возможно эффективно сформировать и развить навык самоорганизации. Все техники формирования навыка самоорганизации, на наш взгляд, должны работать в трех направлениях: 1) организация мыслительной активности учащихся (эвристика или осмысление познавательных, конструктивных, практических задач); 2) практика (написание текстов, устные выступления, визуализация и т.д.); 3) командная работа, позволяющая научиться выстраивать конструктивные отношения между членами команды, ценить свое и чужое время, считаться с мнением сокомандников. Поэтому, мы предлагаем организовывать занятия со школьниками (и со студентами) учитывая, изложенные выше три компонента.

Отметим, что при разработке мастер-класса «Лайф-менеджмент: жизнь, которую мы строим» мы опирались на интегративный и «технический» подходы к формированию навыка самоорганизации. Именно «технический» подход позволил нам разработать и реализовать серию упражнений, напоминающих мини-тренинги. В практической части мастер-класса мы придерживались, разработанной нами трехсоставной структуры упражнений. Следует отметить, что три компонента могут быть дополнены в зависимости от поставленных педагогами целей, но однозначно, работать в неразрывном единстве. Интегративный подход определил то, что навыки самоорганизации мы трактовали как совокупность свойств и социально-значимых качеств личности, а также как набор практических действий.

Тренинговые технологии формирования навыка самоорганизации

Формирование и развитие навыка самоорганизации у школьников должно осуществляться посредством учебно-воспитательного процесса, учебных занятий и внеурочной деятельности. Прежде чем начать формировать навык самоорганизации следует провести диагностику и попытаться выявить уровень сформированности данного навыка. Диагностика может быть проведена посредством психологических тестов и опросников. Например, результативными будут «методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса, методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса, методика диагностики степени готовности к риску Шурберта и методика М. Рокича «Ценностные ориентации»

[6]. Также обязательным будет выявление понимания школьниками термина «самоорганизация» и содержания навыка самоорганизации; наличие у школьников жизненных целей и приоритетов; способности к само-рефлексии. Чтобы эти компоненты были сформированы и выявлены на этапе диагностики, в школьную жизнь должны быть интегрированы мероприятия, знакомящие учащихся на практике с компонентами самоорганизации. Например, работа в школьных командах по реализации учебно-исследовательской деятельности, посещение тренингов по развитию личностных качеств, участие в познавательных мастер-классах, творческих мероприятиях и т.д. Проект «Университетские субботы» предоставляет школьникам спектр возможностей принимать участие в подобного рода мероприятиях. МГТУ им. Н.Э. Баумана «активно включился в реализацию этого проекта, предоставив образовательное пространство вуза для проведения профориентационных, исследовательских и проектных мероприятий для школьников. <...> Мероприятия проекта проводятся по субботам и представляют собой серию лекций, мастер-классов и экскурсий для школьников и студентов колледжей города Москвы» [9]. Факультет «Социальные и гуманитарные науки» в проекте представляют преподаватели кафедры СГН-2 с лекциями и мастер-классами социально-гуманитарного содержания. К сожалению, организационные особенности (полтора часовая длительность занятий и единовременность пребывания школьников на мероприятии) не позволяют провести этап диагностики с применением психолого-педагогических методик по измерению уровня сформированности навыка самоорганизации. Поэтому, мастер-классы кафедры СГН-2, предлагающие упражнения на развитие самоорганизованности, являлись частью формирующего этапа, нацеленного на создание педагогических условий, позволяющих достигать психолого-педагогических целей.

Отметим, что наиболее результативной техникой формирующего этапа является тренинг. Согласно исследованиям, тренинг представляет интерактивную учебную деятельность, основной целью которой является за достаточно короткий период времени сформировать у участников тренинга систему знаний, умений, навыков, отражающих основную цель тренинга. Добавим, что результатом прохождения тренинга должно быть формирование набора некоторых автоматизмов и осознанного опыта. Это важный аспект развития компетенций. Навыки, полученные в результате тренинга, участники могут применять в различных ситуациях, то есть эти навыки не должны быть «заточены» под конкретные жизненные обстоятельства, а могут осознанно выбираться человеком, оказавшимся в ситуации неопределенности, в нестандартных условиях.

Более полное определение тренинга представлено в работах И.В. Вачкова и Е.В. Сидоренко. Исследователи пишут, «тренинг – это интерактивная технология группового обучения, направленная на личностное и профессиональное развитие обучающихся на основе отработки алгоритмов, способов действий в ходе решения профессиональных и лично-значимых задач в психологически комфортной среде при активном и равноправном участии каждого обучающегося» [3]. Особенностью тренинга является активность участников, их работа в командах, группах, тесное взаимодействие (возможно, обмен опытом с тренером-педагогом) Для организации тренинга необходимо соответствующая квалификация и специально созданные психолого-педагогические условия его реализации. Необходимо придерживаться тематики тренинга и не отклоняться от заранее подготовленной и отрепетированной программы.

Существуют разнообразные формы тренинговых технологий – коучинг, метод кейсов, мозговой штурм, квесты, сторителлинг, деловая или творческая игра и т.д. Посредством данных форм, на наш взгляд, можно наиболее эффективно сформировать и развить навык самоорганизации у школьников, так как каждая из форм требует от учащегося не только организации умственного труда, но и командной работы, умения распределять ограниченные ресурсы, готовности брать на себя ответственность, аккуратности и других компонентов навыка самоорганизации. Апробация некоторых из вышеназванных технологий была осуществлена нами в ноябре-декабре 2023 года в ходе проведения мастер-классов «Лайф-менеджмент: жизнь, которую мы строим» и «Что мотивирует digital-поколение и приводит их к успеху?» на площадке МГТУ им. Н.Э. Баумана. Рассмотрим подробнее принципы реализации тренинговых техник в мастер-классе «Лайф-менеджмент: жизнь, которую мы строим».

Мастер-класс посетили учащиеся из 9 общеобразовательных школ города Москвы (№ 1788, № 138, № 1375, № 1411, № 937, № 1205, № 1584, № 1512, № 1158) и экономического лица РЭУ им. Г.В. Плеханова. Все поставленные цели по формированию навыка самоорганизации были достигнуты педагогами-тренерами. Также, прошла апробацию трехсоставная модель реализации тренинговых техник, направленных на развитие основных компонентов самоорганизационной компетенции.

Тема мастер-класса «Лайф-менеджмент: жизнь, которую мы строим», проведенного для школьников города Москвы в МГТУ им. Н.Э. Баумана непосредственно отражает проблематику формирования навыка самоорганизации. Время, отведенное на мастер-класс – 90 минут. Программа мастер-класса состояла из трех взаимосвязанных частей: 1) вводная теоретическая часть; 2) вторая часть – упражнения на формирование способности к целеполаганию и разработки стратегий достижения целей, выработки лидерской позиции и работы в команде сверстников; 3) часть три – теоретико-практическое закрепление, полученных автоматизмов и осознанного опыта.

Вводная часть мастер-класса является подготовкой к его практическим этапам. Она представляет собой теорию по основной теме мастер-класса. Именно в водной части следует освещать базовые и при этом фундаментальные понятия, проходящие красной нитью через изучаемую проблематику. Поэтому, в вводной части нами были раскрыты понятия, которые могли быть незнакомы школьникам, либо представлять трудности в понимании их содержания. Среди них такие как, «стандарты жизни», «контроль», «самоанализ», «самоэффективность», «успех», «цель». Было отмечено, что стандарт жизни – это набор норм и ценностей, которые определяют стиль и качество нашей жизни. Он включает в себя привычки человека, убеждения, цели и приоритеты. Низкие и некачественные стандарты приводят к нарушению баланса в повседневной жизни. Индивид – центр управления собственной жизнью. Потенциал – возможность, то, что существует в скрытом виде и может проявиться в соответствующих условиях; готовность индивида к эффективному поведению [4].

Вторая часть мастер-класса состояла из двух упражнений. Первое упражнение нацелено на формирование навыка самоанализа, как ключевого элемента самоорганизации. Чтобы понимать в чем и где нужно поставить цель и как ее достичь, следует уметь анализировать собственную жизнь, в том числе шесть «критических точек» – состояний личности. Упражнение представляло собой адаптированную под школьников методику «Колесо жизненного баланса» (П. Дж. Майер), ее упрощен-

ный вариант. Для самоанализа заранее были выбраны актуальные именно для школьников сферы жизни, их количество было сокращено, предложено выставить субъективную оценку от 0 до 10 баллов, где «0» – это совсем плохо, а «10» – отлично. После выполнения упражнения школьникам предложили проанализировать результаты, выполнив ряд заданий: 1) напишите пять способов улучшить ситуацию в наиболее «западающих» жизненных сферах; 2) напишите к кому можно обратиться, чтобы получить недостающие знания и опыт; 3) напишите два личностных качества, которые вы можете применить, чтобы в вашей жизни произошли перемены к лучшему. Данное упражнение активизирует мыслительную деятельность индивида в направлении себя самого. Школьники, особенно в старших классах, перегружены учебным материалом и в этой череде новых знаний могут упустить из виду собственное эмоциональное и психологическое состояние, могут утратить контроль над жизнью. В то время как данное упражнение аккумулирует внимание индивида на себе самом.

Второе упражнение из части 2 было объемное и трудоемкое. Школьникам предлагалось написать на специально подготовленных бланках два личностных качества, которые, по их мнению, хорошо развиты у них, и они гордятся тем, что обладают данными качествами. Например, честность, ответственность, дисциплинированность и др. На других бланках школьники писали два своих хобби, увлечения. Затем ребятам объяснили, что их качества и хобби, написанные на бланках, можно использовать в качестве ресурсов, с помощью которых они могут достигать, поставленных целей. Затем участников мастер-класса объединили в группы по пять человек с возможностью совещаться друг с другом и принимать групповые и индивидуальные решения. После этого ребятам были предложены несколько ситуаций различного характера (от реалистичных до фантастичных). В ситуации всегда обозначалась цель, которую участникам нужно было достичь, используя их групповые ресурсы (качества и хобби). Основная ошибка, которую совершали школьники в затруднительном положении – это попытка изменить ситуацию под имеющиеся ресурсы, а не подобрать эффективный ресурс. В итоге школьники попытались найти выход из семи сложных ситуаций, используя только те ресурсы, которые ими были прописаны на специальных бланках и выражались в личностных качествах и хобби. Это упражнение развивает навык выстраивания стратегий достижения поставленных целей, умение принимать решения в нестандартных ситуациях, брать на себя ответственность, умение выстраивать отношения в команде.

Третья часть тренинга предполагала закрепление, полученных знаний и навыков. Для этого школьникам в качестве домашнего задания была предложена таблица для самостоятельного заполнения. В таблице, в первой колонке, отмечались основные аспекты управления жизнью (самоанализ, самоконтроль, самомотивация, эмпатия, социальные навыки), а вторая колонка «Характеристика основных аспектов управления жизнью» требовала самостоятельного заполнения.

Таким образом, мастер-класс был ориентирован на развитие ключевых компонентов навыка самоорганизации, а также, реализован в предложенной нами трехсоставной структуре «технического» подхода к самоорганизации учащихся. Основными тренинговыми формами были мозговой штурм, творческая игра с элементами коучинга. Теоретическая и практическая части мастер-класса не вызвали умственного и психического напряжения школьников, они ощущали удовлетворение от процесса.

Вывод

Российское общество на современном этапе развития стоит на пороге формирования новой системы ценностей и находится в процессе поиска новых стратегий развития. Изменения произошли во всех сферах жизнедеятельности человека: информатизация, частичный переход системы образования в дистанционный формат, виртуализация, формирование новой трудовой мотивации, рост роли образования и т.д. Все это влияет на динамику ценностей, определяемых обществом как базовые, фундаментальные. На этом фоне возникает необходимость обучения и воспитания многогранной личности. Ключевым навыком для современного человека в таких условиях становится навык самоорганизации, то есть способность к постановке целей, разработке стратегий достижения целей, саморефлексии, самомотивации, контроля над всеми сферами собственной жизни. Формирование данного навыка жизненно необходимо, поэтому, осуществляется на всех этапах образования. В рамках проекта «Университетские субботы» у нас была уникальная возможность приобщиться к процессу формирования навыка самоорганизации у школьников города Москвы.

Литература

1. Амирова С.С. Самоорганизация личности в процессе обучения. Из-во: Педагогика, № 5. 1993.
2. Баранов П.А. Компетентностный подход к анализу результатов освоения курса обществознание. // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2009. – № 4. – С. 23–27.
3. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. – М.: БИНОМ, 2012. – 138 с.
4. Гаврилова Ю.В. Цифровое поколение: тенденции становления и особенности развития // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. – 2022. – № 13. – С. 99–114.
5. Деркач А.А. Акмеологический словарь. // 2-е изд. – М.: РАГС, 2005. – 161 с.
6. Жиронкина М.А., Гаврилова Ю.В. Особенности формирования коммуникативной компетентности на основе тренингов: опыт работы в государственном психологическом центре // Современный тренинг и коучинг: новые возможности в бизнесе и образовании. – Москва, Саранск – 2021. С. 9–14.
7. Копейна Н.С. Самоорганизация в системе свойств индивидуальности // Личность в системе общественных отношений. АН СССР, 1983, Ч. 1, С. 123–130.
8. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. – М.: Издательский центр ИЭТ, 2013–268 с.
9. Панилов П.А. Научные субботы для школьников в МГТУ им. Н.Э. Баумана. Политехнический молодежный журнал, 2023, № 05 (82). – URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2541-8009-2023-5-902>.
10. Программа формирования ключевых компетенций учащихся на уровне основного общего образования // АУ «Институт развития образования» // program_form.pdf (iro86.ru)
11. Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда / Н.Г. Багдасарьян, Л.В. Баева, Е.А. Гаврилина [и др.]. – Москва: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследова-

тельный университет), 2022. – 167 с. – ISBN978-5-7038-5953-7.

12. Чекалева Е.А. Теоретические основы процесса самоорганизации личности // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 67–2. – С. 260–263.

«UNIVERSITY SATURDAYS» AT BAUMAN MOSCOW STATE TECHNICAL UNIVERSITY: THE EXPERIENCE OF DEVELOPING SELF-ORGANIZATION SKILLS AMONG SCHOOLCHILDREN

Gavrilova Y.V., Samilyk A.A.

Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

The results of the approbation of the master class within the framework of the project “University Saturdays of a Moscow schoolboy” are presented. The master class was developed in the concept of trainings and is focused on the development of students’ self-organization skills. The purpose of the master class was the formation of key elements of self-organization: goal setting, development of strategies for achieving goals, development of an individual leadership position, self-motivation, self-reflection. The skill of self-organization is necessary for students of grades 9–11 in preparation for the OGE and the Unified State Exam as important milestones of their educational “career”. The analysis of the organization and conduct of the master class made it possible to identify effective ways of forming the skill of self-organization, such as team and game forms of work, project activity, visualization of self-reflection.

Keywords: resources, University Saturdays, self-organization, school, competence, training, master class.

References

1. Amirova S.S. Self-organization of personality in the process of learning. From: Pedagogy, No. 5. 1993.
2. Baranov P.A. Competence Approach to the Analysis of the Results of Mastering the Social Studies Course. Teaching history and social studies in school. – 2009. – № 4. – P. 23–27.
3. Vachkov I.V. Fundamentals of group training technology. – M.: BINOM, 2012. – 138 p.
4. Gavrilova Y.V. Digital Generation: Trends in Formation and Development Features. – 2022. – № 13. – P. 99–114.
5. Derkach A.A. Acmeological Dictionary. 2nd ed. – Moscow: RAGS, 2005. – 161 p. (in Russian).
6. Zhironkina M.A., Gavrilova Yu.V. Features of the formation of communicative competence based on trainings: work experience in the state psychological center // Modern training and coaching: new opportunities in business and education. – Moscow, Saransk – 2021. – pp. 9–14.
7. Kopeina N.S. Self-organization in the system of properties of individuality // Personality in the system of public relations. AN SSSR, 1983, Part 1, pp. 123–130.
8. Novikov A.M. Pedagogy: Dictionary of the System of Basic Concepts. – Moscow: IET Publishing Center, 2013. – 268 p. (in Russian).
9. Panilov P.A. Scientific Saturdays for Schoolchildren at Bauman Moscow State Technical University. Polytechnic Youth Magazine, 2023, no. 05 (82). – URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2541-8009-2023-5-902>.
10. Program for the formation of key competencies of students at the level of basic general education // Autonomous Institution “Institute for the Development of Education” // program_form.pdf (iro86.ru)
11. Socio-technological discourse in the theories and practices of the digital trend / N.G. Bagdasaryan, L.V. Baeva, E.A. Gavrilina [i dr.]. – Moscow: Bauman Moscow State Technical University (National Research University), 2022. – 167 p. – ISBN978-5-7038-5953-7.
12. Chekaleva E.A. Theoretical foundations of the process of personality self-organization // Problems of modern pedagogical education. – 2020. – № 67–2. – P. 260–263.

Поликультурное воспитание младших школьников и его особенности во внеурочной деятельности

Иванова Галина Павловна,

д.п.н., профессор ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

E-mail: ivgp@mail.ru

Марченко Алла Александровна,

к.п.н., доцент ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»

E-mail: geoalla@bk.ru

Ширкова Наталия Николаевна,

к.п.н., старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: nshirkova@hse.ru

Данная статья посвящена проблеме поликультурного воспитания детей младшего школьного возраста и особенностей данного процесса во внеурочной деятельности. Поликультурное воспитание является процессом обучения и воспитания, который направлен на развитие терпимости, уважения и понимания различных культур, ценностей, обычаев и национальных традиций. В статье рассмотрено значение поликультурного воспитания и его влияние на развитие ребенка как социального объекта. Через систему поликультурного воспитания дети приобретают навыки межкультурного общения, развивают умение сотрудничать и уважать других людей, учатся принимать существующие различия между людьми. В статье актуализируется важность поликультурного воспитания во внеурочной деятельности. Данная деятельность позволяет создавать толерантное и дружественное социальное окружение, способствующее развитию позитивных межличностных отношений и укреплению межэтнических связей. Авторы статьи также рассматривают направления деятельности, которые могут быть использованы для успешного внедрения поликультурного подхода во внеурочную деятельность младшей школы.

Ключевые слова: поликультурное воспитание, младший школьный возраст, внеурочная деятельность, воспитательный потенциал, педагогическая деятельность, социально-значимая деятельность.

Актуальность поликультурного воспитания школьников возросла в современных условиях жизнедеятельности, особенно ввиду происходящих процессов глобализации и интеграции мировых процессов, трансформации различных этнических, социальных, политических процессов. Как отмечается исследователями, решение задач поликультурного образования приводит к согласованию и урегулированию отношений между представителями различных культур и национальностей [7]. Воспитание толерантного и терпимого отношения к другим нациям является фактором благополучного развития современного общества и мира. Кроме того, обеспечение сотрудничества между представителями различных национальностей, реализация межкультурных социальных и научных проектов способствует прогрессивному развитию, как отдельных стран, так и всего мирового пространства.

Важность формирования поликультурного общества отражена в совокупности требований, обязательных при реализации основных образовательных программ начального общего, основного общего, среднего (полного) общего, начального профессионального, среднего и высшего профессионального образования. Так, например, Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (2021) декларирует важность воспитания и развития личности, которая способна стать полноценной частью толерантного общества, в котором активно поддерживается диалог культур, уважение к другим народам [23]. В свою очередь, Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает обязательное включение в образовательный процесс способы формирования толерантной личности, национального самосознания подрастающего поколения, успешную интеграцию личности в мировую и отечественную культуру [24]. Таким образом, целью поликультурного воспитания является формирование и развитие личности, которая подготовлена к эффективной жизни в многонациональной среде.

В научной литературе представлено множество определений процесса «поликультурное воспитание». Рассмотрим некоторые из них [20; 26].

- Поликультурное воспитание – это педагогический процесс, направленный на формирование толерантного и открытого отношения к разным культурам, национальностям и религиям через искусство, литературу, народный фольклор, музыку и игры.
- Поликультурное воспитание личности – это развитие способности к взаимодействию с представителями разных культур и умению работать в мультикультурной среде.
- Поликультурное воспитание – это образовательная практика, направленная на развитие ряда интеллектуальных и социально-эмоциональных навыков, необходимых для успешного взаимодействия в мультикультурной среде.
- Поликультурное воспитание – это процесс, ориентированный на формирование уважения к чужой культуре и способности к диалогу с представителями разных этнических, социальных и национальных групп.

На основании данных определений, можно отметить, что в самом общем виде поликультурное воспитание отражает процесс формирования и развития у личности культурной компетенции, основанной на принципах уважения, бережного и диалогичного общества с различными этносами, признания разнообразия культурных традиций и ценностей. В научной литературе отмечается, что содержательными характеристиками данного процесса являются следующие: осознание индивида, что он является поликультурным субъектом; расширение понятий о собственной национальной принадлежности; осознание собственного места, роли, значимости и ответственности в решении различных вопросов; желание принимать участие в борьбе против межнационального неравенства, ненависти и культурного вандализма.

В.В. Еремин охарактеризовал основные этапы поликультурного становления личности [10]:

- 1) когнитивный этап, который предусматривает изучение культуры собственного народа и других наций, культурного опыта человечества в целом;
- 2) ценностный этап, направленный на формирование толерантного и терпимого отношения к межнациональному общению, наличие интереса к ознакомлению с культурой других народов;
- 3) оценочный этап (этап рефлексии), который отражает способность четко и ясно сформулировать свое мнение по отношению к межнациональным событиям, явлениям, а также умение бережно и терпеливо отстаивать свою точку зрения;
- 4) деятельностный (поведенческий) этап, который связан с активным взаимодействием с людьми другой нации или этнической группы.

Как отмечается рядом исследователей, занимающихся данной проблематикой, наиболее эффективно начинать процесс поликультурного воспитания именно с младшего школьного возраста, что обусловлено ключевыми характеристиками данного возраста. Рассмотрим особенности данного процесса применительно к младшему школьному возрасту. Е.Н. Землянская отмечает, что младший школьный возраст является «переходным» рубежом между окончанием игровой деятельности и развитием учебной. В этот период у детей наблюдается перестройка логики, развитие в психологическом плане, обретение нового социального статуса – «школьник» [11]. Кроме того, в младшем школьном возрасте детский мозг находится в состоянии высокой пластичности, что делает его более податливым к усвоению новой информации и формированию новых социальных навыков. Это возраст, когда у ребенка формируются основы культурного образования, а поликультурное воспитание может стать естественной частью этого процесса. Восприятие какой-либо информации младших школьников находится в непосредственной связи с осуществляемой деятельностью. Соответственно, дети максимально полно усваивают информацию при условии, что выполнят какую-либо деятельность, связанную с ней.

Одним из главных аспектов поликультурного воспитания является развитие социальных навыков, необходимых для взаимодействия с представителями различных культур. В младшем школьном возрасте дети активно учатся общаться, сотрудничать, воспринимать и понимать других людей [16]. Поэтому можно отметить, что возраст 7–11 лет является идеальным периодом для формирования у них уважения к разнообразию и различиям между разными культурами. Кроме того, младший школьный возраст характеризуется бурным развитием восприятия и познания окружающего мира [17]. Дети в этом возрасте начинают интересоваться разными странами, культурами, традициями и языками, именно

поэтому поликультурное воспитание помогает им расширить свои знания о различных культурах и позволяет им увидеть ценности, разделяемые представителями различных этносов. Также начальная школа является средой, где дети начинают осознавать свою принадлежность к определенной культуре, одновременно сталкиваясь с представителями других культур [18]. Таким образом, поликультурное воспитание помогает формированию толерантного отношения и открытости к разнообразию, уча детей уважать и принимать других.

Поликультурное воспитание младших школьников, согласно Федеральному государственному образовательному стандарту начального общего образования, можно проводить как на уроках, так и во внеурочной деятельности. Предметы, согласно ФГОС НОО, которые оказывают положительное влияние на поликультурное воспитание следующие: родной язык, иностранный язык, уроки литературного чтения, изобразительное искусство, музыка, обществознание и прочие предметы гуманитарного цикла (например, основы религиозных культур и светской этики, искусство, технология) [22]. На каждом из предметов педагогами должны использоваться всевозможные средства для формирования национальной идентичности, интереса и терпимого отношения к другим культурам, укрепления патриотизма и любви к Родине, нравственное совершенствование личности, готовой противостоять негативному влиянию и отстаивать свои принципы.

Внеурочная деятельность является же наиболее оптимальным способом организации поликультурного воспитания. Внеурочная деятельность – это важнейшая часть образовательного процесса, которая способствует процессу формирования у школьников общекультурных, патриотических, социально-ориентированных знаний, ценностей и норм поведения.

Целевой потенциал внеурочной деятельности, ориентированный на развитие системы поликультурных ценностей учащихся, базируется на следующих направлениях деятельности и ключевых аспектах [36]: формирование гражданской идентичности, чувства ответственности и гордости за свою Родину, чувство собственной национальной принадлежности, формирование целостного взгляда на окружающий мир, терпимость к культурному и национальному разнообразию, бережного отношения к своим и чужим духовным и этнокультурным ценностям; развитие уважительного отношения к другому мнению, позиции; развитие навыков адаптации в постоянно меняющемся социуме; принятие собственной социальной роли в обществе [5].

Внеурочная деятельность является фактором удовлетворения нескольких потребностей учащегося, она является добровольной и, следовательно, предполагает наличие самостоятельности в плане посещения и выполнения какой-либо деятельности. Воспитательный потенциал в данном случае реализуется с помощью познавательного аспекта внеурочной деятельности [19]. Дополнительно к этому прибавляется коллективная деятельность, которая благоприятно воздействует на учащихся и их коммуникативные способности. Поэтому одной из наиболее важных потребностей школьника, которую удовлетворяет внеурочная деятельность, является потребность в общении и успешной социализации среди представителей различных этнических групп. Умение слушать своего собеседника и принимать его точку зрения, даже если она отличается от собственной, является важным навыком, который может пригодиться в будущем и сформировать личность школьника [13]. Кроме того, внеурочная деятельность, направленная на поликультурное воспитание младших школьников, позволяет

более тонко и четко учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка и реализуется в виде внеурочных занятий, таких как: школьные (факультативные) кружки, экскурсии, мероприятия, соревнования, научные исследования и т.д.

И.Б. Грезина отмечает, что потенциал внеурочной деятельности не ограничивается познавательной направленностью, ведь кроме набора теоретических и фундаментальных знаний, участники деятельности (в данном случае дети) получают большой опыт социализации. Социализация является процессом усвоения норм и ценностей социума. Для поликультурного воспитания это может играть решающую роль. Во-первых, личность, которая видит толерантность в социуме, также усвоит нормы и принципы толерантности. Во-вторых, личность сможет увидеть в социуме разнообразие культур, что также является ключевым моментом поликультурного воспитания [6].

В свою очередь М.П. Андреева сформулировала основные задачи внеурочной деятельности: развитие высокой нравственной культуры; патриотическое воспитание, формирование гражданской позиции; развитие положительных личностных качеств; формирование навыков взаимодействия в коллективе в различных ситуациях; формирование стремления к познавательной деятельности [1].

В процессе поликультурного воспитания, как утверждает В.А. Комаров, необходимо организовать внеурочную деятельность учащихся по трем основным направлениям: развитие умений и навыков поликультурного взаимодействия, получение знаний, касающихся поликультурности и ее особенностей, обучению навыков формирования рефлексивного отношения к себе и другим. Разработка данных видов перечисленных аспектов в начальной школе можно проводить с помощью заданий на написание сочинения, проведение анкетирования или яркой, интересной викторины, организация дискуссии на круглом столе [14].

Развитие представлений о многонациональном обществе во внеучебной деятельности можно формировать при использовании следующих направлений социально-значимой деятельности [21; 25; 26]:

- 1) изучение исторических материалов, которые являются доказательством плодотворного и позитивного взаимоотношения различных народов, национальностей друг с другом;
 - 2) анализ исторических проблем с точки зрения различных культур и народов [15];
 - 3) непосредственное общение с представителями разных национальностей, проживающих на территории России;
 - 4) изучение литературы и устного народного творчества [2];
 - 5) изучение национальной музыки и живописи как собственного народа, так и других;
 - 6) изучение предметов декоративно-прикладного искусства, традиций, обрядов как собственного народа, так и других [22];
 - 7) посещения национальных и краеведческих музеев. Как отмечает А.Н. Джурицкий, в качестве методов поликультурного воспитания младших школьников также могут использоваться такие формы деятельности, как [8]:
- 1) проведение и организация театрализованных представлений по мотивам российских сказок и легенд, народного фольклора;
 - 2) организация конкурсов, напрямую связанных с культурными и национальными особенностями. Например, конкурс лучшего национального костюма или блюда;

- 3) выпуск самодельной школьной газеты, в которой бы затрагивались темы о том, как важно поддерживать единство национальностей и народов;
- 4) тематические встречи с представителями разных народов и этносов;
- 5) моделирование различных ролевых ситуаций или тренингов, мастер-классов с представителями разных народностей, вероисповеданий и т.д.

Данные направления деятельности являются отличным способом вовлечения ребенка в учебно-воспитательную и социально-значимую деятельность. Во многом потому, что большинство из них предусматривают возможность использования игровой организации деятельности. Кроме того, они направлены на активное взаимодействие педагога и учеников, социума, следовательно, и общения, которое необходимо для личностного развития учащихся [15].

Особенности этапов поликультурного воспитания во внеурочной деятельности непосредственно для младших школьников можно представить следующим образом.

Как было отмечено выше, существует несколько этапов поликультурного воспитания личности. А.А. Шабля отмечает, что на первом, *когнитивном*, этапе детям важно ознакомиться с особенностями культуры собственного народа, приобрести основы национальной идентичности. В работе с младшими школьниками на данном этапе важно применять мультфильмы, народный фольклор, песни, посещать музеи. Детям важно в процессе изучения опираться на наглядные предметы. Далее необходимо ознакомиться с культурами других народов с использованием все тех же наглядных методов [25].

На втором, *ценностном*, этапе воспитание младших школьников происходит посредством общения с представителями различных народов. Формирование толерантного отношения к представителям другой культуры формируется посредством осознания детьми, что представители других культур являются точно такими же людьми и отличаются от них только особенностями культуры. Младшие школьники, зачастую, очень открыты к общению, и вместе с поликультурным воспитанием могут формировать навыки социального общения [12].

Оценочный этап подразумевает, что дети должны научиться формулировать свои мысли четко и грамотно, уметь отстаивать свою точку зрения в бережной форме, отличать правдивые суждения других. Именно поэтому данный этап проходит преимущественно через беседы и мозговые штурмы, в которых учащимся будет отведена главная роль – говорящего.

На четвертом, *деятельностном* этапе учащийся должен продемонстрировать толерантное поведение в социуме. На данном этапе также подразумевается проведение встреч с представителями различных культур. Учащийся должен показывать свою готовность к продуктивному и толерантному взаимодействию с окружающими людьми.

Согласно работе Е.И. Величко, эффективность и успешность итогов проведения внеурочной деятельности обеспечивается соответствием процесса некоторым принципам организации, которые включают: системность, взаимосвязь внеурочной деятельности и реальной жизни, актуализация воспитательных воздействий всех участников процесса, постепенное повышение сложности содержания выполняемой деятельности, учет возрастных особенностей учащихся при организации учебно-воспитательного процесса [4, 9].

В работе А.А. Селиной, Е.Ю. Ефричевой рассмотрены основные результаты поликультурного воспитания младших школьников, соотнесенные с ранее обозначенными этапами деятельности [5].

Так, первый уровень результатов характеризуется наличием сформированных базовых понятий у школьников, к которым относятся социальные знания об общественных нормах морали, устройство и взаимоотношения внутри общества, поликультурное взаимодействие, ценности различных этнических групп, правила поведения в многонациональном мире. Достижение результатов первого уровня происходит за счет активного взаимодействия учеников и педагогов, психологов, родителей.

Второй уровень результатов характеризуется завершением формирования у школьника позитивного отношения к жизненным, общечеловеческим ценностям, которые разделяются людьми вне зависимости от их этнического происхождения. В данном случае формируется, например, любовь к родному Отечеству, его многонациональности. У ребенка появляется положительное отношение как к собственному труду, так и к чужому. Также выстраивается ценностное и толерантное отношение к окружающему миру и людям, которые его окружают, вне зависимости от национальности. На данном этапе важным является факт взаимодействия одноклассников друг с другом, особенно с детьми различных этнических групп.

Третий уровень результатов характеризуется получением опыта социального взаимодействия. В данном случае основным способом является взаимодействие школьника с различными социальными субъектами вне образовательного учреждения. Только в условиях реального социального взаимодействия, когда ребенок самостоятельно принимает решения и оценивает происходящее, он сможет сформировать свою гражданскую позицию. Осознанная позиция ребенка в социуме не даст ему быть подверженным влиянию негативных тенденций со стороны. В данном случае под негативными тенденциями могут пониматься расистские идеологии, идеи о доминирующем положении наций, подчинении одних народов другим и так далее [3].

Таким образом, поликультурное воспитание младших школьников базируется на формировании достаточной полноты и обширности знаний, касающихся политических и социальных отношений. Поликультурное воспитание способствует развитию личности, которая совершенствуется с помощью ценностного обмена между различными культурами. Ценности различных культур вносят свой вклад в развитие личности учащегося, а процесс поликультурного воспитания во внеурочной деятельности делает ученика непосредственным участником процесса обмена информацией, культурного разностороннего просвещения и обогащения личности путем изучения культурной самобытности различных народов.

Резюмируя, можно отметить, что внеурочная деятельность является наиболее оптимальным способом для поликультурного воспитания младших школьников. Во-первых, во внеурочной деятельности можно использовать различные интерактивные формы работы, такие как игры и театральные постановки, чтобы познакомить детей с культурами разных народов. Программа внеурочных занятий должна включать разнообразные мероприятия, посвященные культурному наследию разных стран и народов. Во-вторых, в процесс внеурочных занятий могут быть привлечены не только дети, но и психологи, родители, выдающиеся личности отдельных стран и т.д. В-третьих, максимальная интерактивность и включенность детей в обсуждение и анализ материалов о разных культурах позволяет им сформировать свое собственное отношение к ним и развивает собственную идентичность. В-четвертых, потенциал внеурочной деятельности

позволяет использовать практические задания, которые помогут детям приобрести практические навыки взаимодействия с представителями разных культур.

Литература

1. Андреева М.П. Воспитательный потенциал внеурочной деятельности в современной школе в условиях реализации ФГОС // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 5–2. – 241 с.
2. Байбородова Л.В. Внеурочная деятельность школьников в разновозрастных группах. – М.: Просвещение, 2014. – 176 с.
3. Бекбулатова А.М. Поликультурная компетентность педагога в образовательной среде // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017033267>
4. Величко Е.И. Педагогические условия интеркультурного воспитания младших школьников во внеурочной деятельности / Молодой ученый. – 2021. – № 23 (365). – С. 305–307.
5. Внеурочная деятельность в начальной школе / А.А. Селина, О.Ю. Ефричева, Е.Ю. Богданова, Ю.А. Абрамова // Вестник научных конференций. – 2020 – № 1–3 (53). – С. 139–141.
6. Грезина И.Б., Карпеченко А.С., Шестернина Е.А. Внеурочная деятельность младших школьников в контексте интегративного подхода // Международный журнал экспериментального образования. – 2022. – № 5. – С. 29–33.
7. Гукаленко О.В., Борисенков В.П. Поликультурное образование и вызовы современности // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2018. – № 2. – 9 с.
8. Джурицкий А.Н. Поликультурное воспитание: сущность и перспективы развития // Педагогика. – № 12. – 2002. – С. 93–96.
9. Дьяков И.А. Содержание категории «воспитательный потенциал» в современных исследованиях // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 5. – 271–274 с.
10. Еремин В.В. К вопросу об основных подходах поликультурного образования // Вестник КемГУ. – 2008. – № 4. – 6 с.
11. Землянская Е.Н. Теория и методика воспитания младших школьников: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – 406 с.
12. Ильинская И.П. Современный младший школьник в поликультурной среде: вариативность образовательных парадигм и воспитание личности // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА. – 2017. – № 4(35). – 83–93 с.
13. Киселёва Т.И. Внеурочная деятельность как средство развития познавательных интересов младших школьников // Управление образованием: теория и практика. – 2021. – № 5(45). – 33–50 с.
14. Комаров В. Культура межнационального общения: О постановке воспитательной работы в школе // Народное образование, 1993, № 5–48 с.
15. Кузьмин М.Н. Образование в условиях полиэтнической и поликультурной России // Педагогика. – 1999. – № 6. – С. 3–11.
16. Кулагина И.Ю. Психология развития и возрастная психология / И.Ю. Кулагина, В.Н. Колюцкий. – М.: Академический проект: Трикта, 2011. – 432 с.
17. Николаева Э.Ф. Возрастная психология. Выполнение курсовой работы. – Тольятти: ТГУ, 2020. – 92 с.
18. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. – М.: Юрайт, МГППУ, 2013. – 464 с.

19. Организация внеурочной деятельности в начальной школе: учеб. пособие / Т.А. Колесникова, З.У. Колокольникова, О.Б. Лобанова, Т.В. Газизова, И.А. Власова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019–144 с.
20. Протанская Е.С. Поликультурное образование в системе ценностей современного мира // Вестник СПбГИК. – 2022. – № 2(51). – 136–144 с.
21. Ткачук А.А., Томилина Л.Л., Ушнурцева Н.Н. Поликультурное воспитание младших школьников в условиях современной начальной школы // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 4. – 1–8 с.
22. Фахрутдинова Г.Ж. Поликультурная компетентность учителя в условиях многокультурного общества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 21. – 6 с.
23. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 31 мая 2021 г. № 286. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/#1000>
24. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) № 273-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
25. Шабля А.А. Выявление эффективных форм организации внеурочной деятельности в начальной школе // Вестник Саратовского областного института развития образования. – 2020 – № 2 (22). – С. 108–112. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43984738>
26. Шаяхметов Б.Р. Поликультурное воспитание в образовательной среде современной школы // Молодой ученый. – 2020. – № 16 (306). – С. 333–335.

MULTICULTURAL EDUCATION OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN AND THE PECULIARITIES OF THIS PROCESS IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES

Ivanova G.P., Marchenko A.A., Shirkova N.N.

Federal State University of Education, HSE University

This article is dedicated to the exploration of the importance of fostering multicultural education in children of primary school age. Multicultural education is a process of teaching and nurturing aimed at developing tolerance, respect, and understanding of different cultures, customs, and traditions. The article will discuss the significance of multicultural education and its influence on the child's development as a social being. Through multicultural education, children acquire skills in intercultural communication, develop the ability to cooperate and respect other individuals by learning to embrace their differences. This approach allows for the creation of a tolerant and friendly social environment that promotes positive interpersonal relationships and enhances social cohesion. The authors of the article consider practical methods and strategies that can be implemented successfully to incorporate a multicultural approach into primary school educational programs.

Keywords: multicultural education, primary school age, extracurricular activities, educational potential, pedagogical activity, socially significant activity.

References

1. Andreeva M.P. Educational potential of extracurricular activities in a modern school in the context of the implementation of the Federal State Educational Standard // International student scientific Bulletin. – 2016. – Vol. 5. – No. 2. – 241 p.
2. Bayborodova L.V. Extracurricular activities of schoolchildren in age groups. – Moscow: Prosveshchenie. 2014. – 176 p.
3. Bekbulatova A.M. Multicultural competence of a teacher in an educational environment // Materials of the IX International student scientific conference “Student Scientific Forum”. – URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017033267>
4. Velichko E.I. Pedagogical conditions of intercultural education of younger schoolchildren in extracurricular activities / Young scientist. – 2021. – № 23 (365). – Pp. 305–307.
5. Extracurricular activities in primary school / A.A. Selina, O. Yu. Efricheva, E. Yu. Bogdanova, Yu.A. Abramova // Bulletin of scientific conferences. – 2020 – № 1–3 (53). – Pp. 139–141.
6. Grezina I.B., Karpechenko A.S., Shesternina E.A. Extracurricular activities of younger schoolchildren in the context of an integrative approach // International Journal of Experimental Education. – 2022. – No. 5. – Pp. 29–33.
7. Gukalenko O.V., Borisenkov V.P. Multicultural education and modern challenges // Bulletin of the Moscow University. Pedagogical education. – 2018. – No.2. – 9 p.
8. Dzhurinsky A.N. Multicultural education: the essence and prospects of development of Pedagogy. – 2002. – pp. 93–96.
9. Dyakov I.A. The content of the category “educational potential” in modern research // Modern pedagogical education. – 2021. – No.5. – 271–274 p.
10. Eremin V.V. On the issue of the main approaches of multicultural education // Bulletin of KemSU. – 2008. – No.4. – 6 p.
11. Zemlyanskaya E.N. Theory and methodology of education of younger schoolchildren: textbook and workshop for universities / E.N. Zemlyanskaya. – Moscow: Yurait. 2020. – 406 p.
12. Ilyinskaya I.P. Modern junior schoolboy in a multicultural environment: variability of educational paradigms and personality education // BEREGINYA.777.THE OWL. – 2017. – № 4. – Vol. 35. – 83–93 p
13. Kiseleva T.I. Extracurricular activities as a means of developing cognitive interests of younger schoolchildren // Education management: theory and practice. – 2021. – № 5. – Vol. 45. 33–50 p
14. Komarov V. Culture of interethnic communication: On the formulation of educational work at school // Nar.obr. – 1993. – № 5–48 p.
15. Kuzmin M.N. Education in the conditions of polyethnic and multicultural Russia // Pedagogy. – 1999. – No. 6. – pp. 3–11.
16. Kulagina I.Y. Developmental psychology and age psychology / I.Y. Kulagina, V.N. Kolutsky. – M.: Academic project: Triksta, 2011. – 432 p.
17. Nikolaeva E.F. Age psychology. Execution of course work. – Tolyatti: TSU, 2020. – 92 p.
18. Obukhova L.F. Age psychology. – M.: Yurayt, MGPPU, 2013. – 464 p.
19. Organization of extracurricular activities in primary school: studies. manual / T.A. Kolesnikova, Z.U. Kolokolnikova, O.B. Lobanova, T.V. Gazizova, I.A. Vlasova. – Krasnoyarsk: Sib. feder. Univ., 2019–144 p.
20. Protanskaya E.S. Multicultural education in the value system of the modern world // VestnikSPbGIK. – 2022. – Vol. 51. – No. 2. – 136–144 p.
21. Tkachuk A.A., Tomilina L.L., Ushnurtseva N.N. Multicultural education of younger schoolchildren in the conditions of modern primary school // The world of science. Pedagogy and psychology. – 2019. – No.4. – 1–8 p.
22. Fakhrutdinova G.J. Multicultural competence of a teacher in a multicultural society // Priority scientific directions: from theory to practice. – 2016. – No.21. – 6 p.
23. Federal State Educational Standard of Primary General Education (approved by Order No. 286 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated May 31, 2021. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/#1000>
24. Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 12/29/2012 No. 273-FZ (last edition) on December 29, 2012 (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2023) N 273-FZ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
25. Shablya A.A. Identification of effective forms of organization of extracurricular activities in primary school / A.A. Shablya // Bulletin of the Saratov Regional Institute of Education Development. – 2020 – № 2 (22). – Pp. 108–112. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43984738>
26. Shayakhmetov B.R. Multicultural education in the educational environment of a modern school // Young scientist. – 2020. – № 16 (306). – Pp. 333–335.

Разработка программы поддержки пожилых людей на основе развития социального предпринимательства

Куровский Станислав Валерьевич,

Руководитель научно-исследовательского подразделения
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 8917564@gmail.com

Старикова Мария Михайловна,

к.с.н, доцент кафедры «Социология и культурология»
МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: maria.starikova82@gmail.com

Мишин Денис Александрович,

Руководитель редакционно-издательского отдела
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 9651530@gmail.com

Актуальность и практическая значимость темы исследования объясняется тем, что в России отмечается проблема демографического старения населения, сопровождаемая отсутствием у большинства пожилых граждан социокультурных активностей, хотя в российском государстве сформирована развитая система поддержки лиц пожилого возраста. Большинство введенных мероприятий взаимосвязано с планомерной финансовой поддержкой со стороны государства, однако она не оказывает существенного воздействия на повышение социокультурной активности пожилых граждан по причине существования негативных макроэкономических эффектов, сформированных, в частности, в период пандемии коронавирусной инфекции. Цель исследования – создание программы поддержки пожилых людей на основе развития субъектов социального предпринимательства. Для достижения поставленной цели в процессе исследования решены следующие задачи: обозначена актуальность и практическая значимость проблематики исследования; осуществлен обзор литературы; сформирована методология проводимого исследования; выявлены гипотезы исследования; проанализированы основные результаты исследования; подведены итоги исследования. Были использованы следующие методы исследования: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ научно-методической литературы и Интернет-ресурсов, графическая визуализация данных, анализ первичных и вторичных данных, анкетирование субъектов социального предпринимательства. Эмпирическая база исследования – данные, полученные в результате анкетирования 353 субъектов социального предпринимательства в Москве. Было отмечено, что специфика социально-культурной активности пожилых людей связана с комплексной реализацией их индивидуального опыта, интересов, возможностей и инициатив на основе добровольной, инициативной, нравственно мотивированной, преобразующей, творческой, социально значимой деятельности. Данная специфика легла в основу концепции разработанной программы поддержки пожилых людей на основе развития социального предпринимательства.

Ключевые слова: поддержка пожилых людей; социальная и культурная активность пожилых людей; программа; социальное предпринимательство; демографические изменения; барьеры.

Введение

Актуальность настоящего исследования обуславливается следующими положениями: во-первых, в последние годы были проведены многие исследования, подтверждающие, что физическая, умственная, социальная активность являются факторами, предотвращающими снижение когнитивных способностей и деменцию у пожилых людей (например, [1]). Социальная активность положительными образом влияет на качество жизни и уровень адаптации к возрастным изменениям пожилых людей, а также способствует нивелированию их социальных проблем. Во-вторых, несмотря на доказанную значимость вовлечения пожилых граждан в социальную активность, неоднозначным остаётся вопрос использования эффективных технологий, способствующих активному долголетию для разных категорий пожилых людей, особенно с учетом разного уровня активности [2]. В-третьих, негативные факторы, влияющие на социальную и культурную активность пожилых людей, многообразны, от «классических» (здоровья, цифрового разрыва, «пустого гнезда» и одиночества) до экологических барьеров, увеличивающих риск социальной изоляции финансовой бедности и важности использования улиц, поэтому для эффективной поддержки активности пожилых людей требуется программно-целевой подход. В-четвертых, одним из институтов, способных оказать положительное влияние на социальную и культурную активность пожилых людей, является социальное предпринимательство, однако этому практически не уделяется внимание в научной литературе, учитывая и то, что сама литература в области социального предпринимательства носит фрагментированный характер [3], а также «социальное предпринимательство остается сравнительно редким явлением» [4].

Проблема исследований заключается в противоречии между признаваемой значимостью социальной и культурной активности для пожилых людей и недостатком научной информации о влиянии на её развитие социального предпринимательства. Действительно, речь идёт главным образом о недостаточной степени изученности проблем в области социального предпринимательства в целом и с пожилыми людьми, в частности. При этом в современных социально-экономических условиях развития российского государства и общества сохраняется «не только неопределенность перспектив развития социального предпринимательства, но и различие на базовом уровне в понимании экспертами сущности социального предпринимательства» [5]. Это не удивительно, поскольку количество социальных предприятий в современной России не велико: так, по данным Impact Hub Moscow в российском реестре социальных предпринимателей, косвенно формируемым по общей базе данных субъектов малого и среднего предпринимательства, ведомой Федеральной налоговой службой, в стране на конец 2021 г. было зарегистрировано около 2,8 тыс. социальных предприятий. Однако в 2022 г. их количество возросло до 6315 ед. [6].

Обзор литературы

Как в научной литературе, так и среди экспертного сообщества отмечаются и анализируются многие проблемы развития социального предпринимательства. Например, недавно в исследовании, представленном группой ЦИР-КОН, самими предпринимателями были выделены такие проблемы, как низкий уровень информированности (в том числе имидж товаров и услуг социального предпринимательства), отсутствие популяризации со стороны государства и слабые государственно-частные отношения в области развития социального предпринимательства, малое число социальных инвесторов и импакт-инвесторов [7]. Безусловно, важнейшей проблемой остаётся и недостаточность финансирования, ограниченность бюджетов, что доказало проведённое в 2021 г. аналитическом центром НАФИ исследование [8]. В недавней отечественной научной литературе также широко представлены публикации, посвящённые проблемам развития социального предпринимательства [9], [10], [11].

Однако, в общем и целом, согласимся с точкой зрения зарубежных коллег о том, что несмотря на то, что социальное предпринимательство воспринимается как законное и инновационное решение социальных проблем, тем не менее, если взглянуть на литературу, можно обнаружить, что социальные проблемы, которые движение социального предпринимательства стремится решать, и то, как эти проблемы идентифицируются и определяются, не изучены, особенно в отношении конкретных нуждающихся социальных групп населения, в том числе пожилых людей [12]. Вместе с тем трансформация социально-экономических условий в контексте цифровизации, влияние внешнего санкционного давления, общая динамика социальных процессов, последствия пандемии COVID-19 формируют новое поле возможностей и барьеров для развития социального предпринимательства, в котором также появляется много новых «игроков», в том числе представителей молодого поколения.

Всё это в совокупности, на наш взгляд, требует разрешения обозначенного противоречия на примере получения и анализа свежих эмпирических данных, уточняющих параметры феномена социальных предпринимателей в области работы с пожилыми людьми в контексте увеличивающегося коэффициента демографической нагрузки и общего, далёкого от идеала, положения пожилых людей в российском обществе.

Методология исследования

Целью исследования являлось определение ключевых форм, методов и направлений формирования и развития социальной и культурной активности пожилых людей посредством социального предпринимательства в г. Москва.

В соответствии с обозначенной целью, в рамках эмпирического исследования были поставлены следующие задачи: представить портрет типичного социального предпринимателя в г. Москва; выявить ключевые формы и методы формирования социальной и культурной активности пожилых людей посредством социального предпринимательства в г. Москва; выявить ключевые направления развития социальной и культурной активности пожилых людей посредством социального предпринимательства в г. Москва; определить ключевые психологические проблемы пожилых людей в г. Москва с точки зрения социальных предпринимателей; уточнить взаимосвязь между социальной и культурной активностью пожилых людей и их психологическим состоянием на основе имеющихся кейсов; идентифицировать наиболее

острые проблемы, связанные с развитием проектов социального предпринимательства в отношении поддержки пожилых людей; установить наиболее значимые перспективы развития социального предпринимательства как вида бизнеса в области поддержки социальной и культурной активности пожилых людей.

Объектом исследования являлись социальные предприниматели (малые, средние и микропредприятия), зарегистрированные в г. Москва, предметом – отношение социальных предпринимателей к работе с пожилыми людьми.

Основой выборкой стал реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. По данным Федеральной налоговой службы, в Москве по состоянию на начало марта 2023 г. зарегистрировано 304 социальных предприятия (0,02% от общего числа малых и средних предприятий в столице), в которых работало 2401 чел. (рис. 1).

Рис. 1. Количество социальных предприятий в г. Москва на 2023 г.

Источник: составлено автором по [13]

При этом наиболее распространённой категорией социального предпринимательства является микропредприятие, однако количество сотрудников больше в немногочисленных средних предприятиях. Также следует отметить, что 166 социальных предприятий (54,6%) по типу субъекта относились к форме индивидуального предпринимательства, остальные – к юридическим лицам.

Из данной совокупности были исключены виды деятельности социальных предприятий, связанные с оказанием помощи и поддержки исключительно детям. В итоге получилась база данных из 2263 чел. Соответственно, данное число сотрудников можно принять в качестве генеральной совокупности исследования. В таком случае при доверительном интервале, равном 5% и доверительной вероятности, равной 95%, необходимо для обеспечения репрезентативности выборки число респондентов составляет 329 чел.

Гипотезы исследования

Основываясь на данных анализа зарубежной и отечественной литературы в области исследования социального предпринимательства, в том числе по работе с пожилыми людьми, а также с учётом ключевых психологических факторов, влияющих на социальную и культурную активность пожилых людей, мы делаем следующие предположения:

H1: Большинство социальных предпринимателей, работающих с пожилыми людьми в г. Москва, отдадут предпочтение процессу созданию социальной ценности.

H2: Ключевыми проблемами развития социального предпринимательства в России являются, во-первых, неопределённость социального предпринимательства как общественного института и его концептуального понимания и, во-вторых, недостаточность финансирования, ограниченность бюджетов.

H3: Ключевым направлением развития социальной и культурной активности пожилых людей посредством социального предпринимательства в г. Москва является приобщение пожилых людей к досуговой деятельности и создание клубов для пожилых людей.

Н4: Ключевыми психологическими проблемами пожилых людей в г. Москва с точки зрения социальных предпринимателей являются стресс и самовосприятие.

Н5: Наиболее значимой перспективой развития социального предпринимательства как вида бизнеса в области поддержки социальной и культурной активности пожилых людей является его полноценная институционализация.

Исследование включало наиболее распространённый метод сбора эмпирической информации – социологический опрос в форме онлайн-анкетирования. Основными способами привлечения респондентов (социальных предпринимателей) к социологическому опросу в форме онлайн-анкетирования выступили адресное почтовое приглашение с онлайн-анкетой и массовая e-mail-рассылка приглашений к участию со ссылками на онлайн-анкету, распространяемая в социальных сетях (в основном, ВКонтакте). Структура анкеты включала в себя несколько смысловых блоков, связанных с выполнением задач эмпирического исследования, которые в совокупности включали 20 вопросов. Социологический опрос социальных предпринимателей в форме онлайн-анкетирования проводился в феврале-марте 2023 г. За это время было проведено 3 волны массовых email-рассылок, а также серия объявлений-приглашений в соответствующих тематических группах по социальному предпринимательству г. Москва. По результатам заочного рекрутинга в первичную базу данных опроса поступило 414 заполненных анкет, из которых в результате отбраковки нерелевантных данных было оставлено 353 анкеты.

Обсуждение результатов

В соответствии с выбранным методом исследования (методом сбора эмпирической информации) представим полученные результаты. Представим социально-демографические характеристики респондентов: пол (мужской – 31,2%, женский – 68,8%), возраст (18–30 лет – 13,3%, 31–45 лет – 51%, 46–60 лет – 26,6%, старше 60 лет – 9,1%), уровень образования (высшее образование – 47,3%, среднее основное образование – 27,2% среднее профессиональное образование – 20,1%, начальное образование – 0,6%, иное – 4,8%), семейный статус (холост / не замужем – 23,2%, женат / замужем – 69,1%, иное – 7,6%), продолжительность занятия социальным предпринимательством (менее полугодия – 4,25%, от полугодия до года – 11,33%, от года до 2 лет – 15,01%, 2–3 года – 19,55%, 3–5 лет – 32,29%, 5–10 лет – 10,76%, более 10 лет – 6,8%). Видно, что наиболее типичным социальным предпринимателем, работающим с пожилыми людьми, выступает замужняя женщина средних лет, имеющая высшее образование и занимающаяся социальным предпринимательством от 3 до 5 лет.

Рис. 2. Мотивация создания социальных предприятий в г. Москва

Источник: составлено автором по результатам исследования

Прежде всего, отметим, что наиболее сильными мотивами создания социальных предприятий стали жела-

ние «реализовать определенную идею» и «стремление к самостоятельности и независимости» (рис. 2).

В общем и целом, анализ данных результатов опроса показывает, что ведущими «лидерами» создания социальных предприятий по-прежнему (в соответствии с предыдущими результатами) остаются мотивы личного роста и профессиональной самореализации, тогда как приоритетность бизнес-мотивации оказывается выражена слабее.

Вместе с тем большинство опрошенных (52%) полагает, что условия ведения социального предпринимательства в г. Москва ухудшились за последнее время, однако 30% придерживаются противоположной точки зрения (рис. 3). При этом в плане силы трансформации больше респондентов отмечают регресс (11%), чем прогресс (4%).

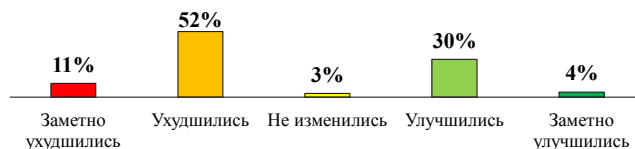

Рис. 3. Изменение условия ведения социального предпринимательства

Источник: составлено автором по результатам исследования

Основными источниками финансирования для социальных предпринимателей. Москва являются бюджетные средства (этот вариант был отмечен 49% респондентов), благотворительные взносы и пожертвования (этот вариант был отмечен 44% респондентов) и личные финансовые средства (этот вариант был отмечен 41% респондентов). Также следует отметить, что значимой оказывается помощь ближайшего социального окружения (этот вариант был отмечен 32% респондентов), что говорит о высокой роли социального капитала в рамках социального предпринимательства. Так, несмотря на поддержку со стороны государства, значительное число социальных предпринимателей рассматривают исключительно на собственные силы (рис. 4).

Рис. 4. Источники финансирования социального предпринимательства

Источник: составлено автором по результатам исследования

При этом по результатам анализа у респондентов можно зафиксировать особое понимание предназначения социального бизнеса, другими словами, социальные предприниматели в большей степени ориентированы на решение социальных проблем общества, чем на решение личных материальных проблем (рис. 5).

К главным проблемам развития социального предпринимательства респондентами были отнесены неопределенность социального предпринимательства как общественного института и его концептуального понимания (этот вариант был отмечен 71% респондентов) и отсутствие взаимосвязи между властью, бизнесом и обществом (этот вариант был отмечен 51% респондентов).

Рис. 5. Видение предназначения социального предпринимательства

Источник: составлено автором по результатам исследования

Вопреки ожиданиям, недостаточность финансирования оказалась менее значимой, так как этот вариант был отмечен лишь 34% респондентов (рис. 6).

Рис. 6. Проблемы развития социального предпринимательства в г. Москва

Источник: составлено автором по результатам исследования

Отметим, что к наименее значимым проблемам были отнесены такие, как зависимость от заинтересованных сторон, недоверие пожилых людей, неправильное использование ресурсов, отсутствие в деятельности социальных предприятий баланса между коммерческой и благотворительной составляющими (между экономической и социальной ценностью), а также масштабируемость социальных предприятий – данные варианты были отмечены менее чем 20% респондентов.

Рис. 7. Психологические проблемы пожилых людей в г. Москва

Источник: составлено автором по результатам исследования

К наиболее значимым психологическим проблемам пожилых людей в г. Москва с точки зрения социальных предпринимателей относятся стресс и самовосприятие (рис. 7), что полностью соотносится со сделанным нами предположением. При этом особенно следует отметить ведущую роль оценки самовосприятия пожилых людей (этот вариант был отмечен 81% респондентов).

При этом, как ни странно, по мнению социальных предпринимателей последствия пандемии COVID-19 не значимы для пожилых людей. Так, за этот вариант «проголосовало» подавляющее большинство опрошенных – 76%.

Говоря о различных условиях социального предпринимательства для работы с пожилыми людьми в г. Москва, можно прийти к следующим выводам по результатам исследования (рис. 8):

- во-первых, социальные предприниматели полагают, что социальная или культурная активность достаточно значима для пожилых людей;
- во-вторых, социальные предприниматели уверены в том, что социальная или культурная активность положительно связана с их психологическим состоянием;
- в-третьих, социальные предприниматели больше склоняются к тому, что социальное предпринимательство необходимо для пожилых людей, однако это мнение оказалось не ярко выраженным в группе респондентов;
- в-четвёртых, социальные предприниматели полагают, что инфраструктура г. Москва недостаточна развита для реализации пожилыми людьми социальной или культурной активности.

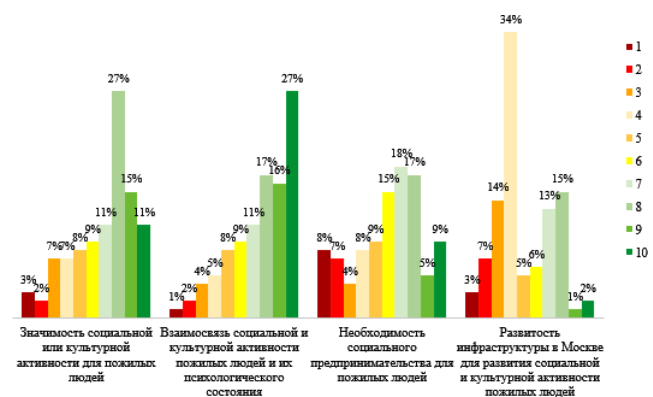

Рис. 8. Условия социального предпринимательства для работы с пожилыми людьми

Источник: составлено автором по результатам исследования
Примечание: 1 – наименее значимо, 10 – наиболее значимо

По мнению респондентов, к наиболее перспективным направлениям развития работы с пожилыми людьми в рамках социального предпринимательства в г. Москва (рис. 9) относятся организация клубов по интересам (этот вариант был отмечен 83% респондентами), обучение финансовой и цифровой грамотности (эти варианты были отмечены 69% и 57 респондентами соответственно), а также организация путешествий (этот вариант был отмечен 59% респондентами). Полученные результаты свидетельствуют о том, что наше предположение о значимости организации досуга для пожилых людей «силами» социальных предпринимателей можно отвергнуть, однако создание клубов для пожилых людей, действительно, оказалось одним из наиболее значимых направлений работы с пожилыми людьми в рамках социального предпринимательства.

И, наконец, следует отметить наиболее перспективные по мнению респондентов шаги в области социального предпринимательства как вида бизнеса в области поддержки социальной и культурной активности пожилых людей. К таковым, по мнению опрошенных, в наибольшей степени следует отнести институционализацию социального предпринимательства как такового (этот вариант был отмечен 79% респондентами), а также его концептуальное осмысление (этот вариант был отмечен 66% респондентами), что подтверждает наше предположение о смыслообразующем фундаменте социального предпринимательства в современных условиях (рис. 10).

Рис. 9. Направления развития работы с пожилыми людьми в рамках социального предпринимательства в г. Москва

Источник: составлено автором по результатам исследования

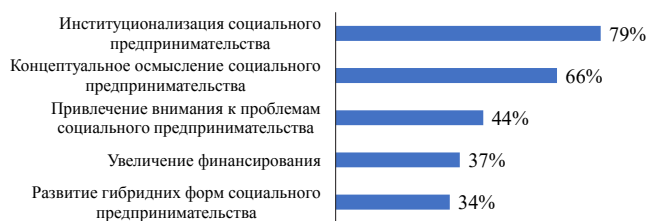

Рис. 10. Шаги в области социального предпринимательства как вида бизнеса в области поддержки социальной и культурной активности пожилых людей

Источник: составлено автором по результатам исследования

Разработка программы

На основании полученных результатов исследования можно констатировать, что сегодня актуальной является разработка программы поддержки социальной и культурной активности пожилых людей в рамках социального предпринимательства. Результаты проведённого онлайн-анкетирования позволили не отвергнуть все сделанные нами предположения относительно практики социального предпринимательства в области работы с пожилыми людьми, за исключением частичного подтверждения двух гипотез. В целом, проведённое исследование позволило выявить ряд акцентов, которые следует учесть в рамках разработки программы поддержки социальной и культурной активности пожилых людей.

Определяя структуру программы, обозначим её цель – приобщение проживающих в г. Москва пожилых людей к социальной и культурной активности и её активное развитие. Достижение данной цели ведёт к улучшению качества жизни пожилых людей и, в конечном счёте, формированию активного долголетия, или здорового старения.

Достижение цели такой программы подразумевает выполнение нескольких задач: активное и форсирующее развитие конкретных направлений оказания социальной поддержки пожилых людей: создания клубов для пожилых людей и организация туристических поездок и путешествий; воспитание чувства ответственности у каждо-

го участника реализации программы, социального предпринимателя; активизация таких форм и методов работы с пожилыми людьми, которые направлены на снижение стресса и улучшение самовосприятия пожилых людей; формирование единой сети коммуникации между социальным предпринимательством, бизнес-сообществом и обществом, предполагающее постоянный обмен концептуальными идеями и предложениями в области социальных инноваций, финансирования, PR и т.д.;

Для вовлечения социальных предпринимателей в создаваемое программой активное движение привлечения пожилых людей к социальной и культурной активности, предлагается реализация программы в соответствии со следующими этапами:

Информационно-просветительский этап – ознакомление социальных и частных предпринимателей с необходимостью оказания социальной поддержки пожилым людям по развитию их социальной и культурной активности, достижение духовного и эстетического консенсуса от реализации программы.

Подготовительный этап – ознакомление участников программы с рабочей группой и их характеристиками, введение в курс дела и формирование плана проведения конкретных мероприятий

Практический этап – здесь проводится непосредственное оказание социальной поддержки пожилым людям по развитию их социальной и культурной активности. При этом в качестве рекомендации следует обозначить необходимость грамотного совмещения создания социальной и экономической ценности. Иными словами, проводимые мероприятия, главным образом, создание клубов для пожилых людей и организация туристических поездок и путешествий, должны как приносить прибыль социальному предприятию, так и оказывать положительный социальный эффект.

Этап оценки эффективности программы – здесь проводится оценка эффективности реализации программы. На наш взгляд, она может осуществляться в соответствии с учётом двойственной природы социального предпринимательства (рис. 11). Кроме того, на данном этапе возможно дальнейшее исследование тематики социального предпринимательства.

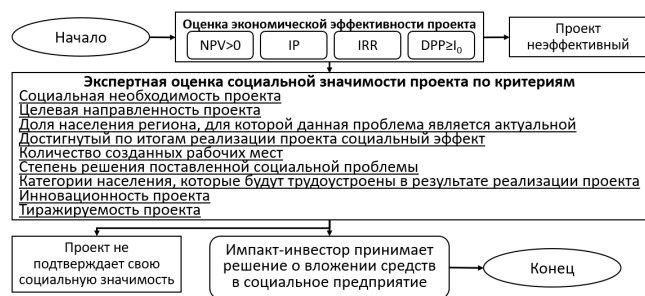

Рис. 11. Общий алгоритм оценки эффективности программы поддержки социальной и культурной активности пожилых людей

Источник: составлено автором

Так, на первом этапе осуществляется оценка экономической эффективности инвестиций по традиционным показателям инвестиционной привлекательности проектов (NPV, IRR, DPP и др.). На втором этапе осуществляется экспертная оценка социальной значимости оставшихся инвестиционных проектов по предварительно отобраным критериям на основании анализа требований различных конкурсов проектов в сфере социального предпринимательства.

Программа поддержки социальной и культурной активности пожилых людей должна подразумевать,

что социально-культурная активность пожилых людей рассматривается в качестве целенаправленной, интеллектуально насыщенной по содержанию и эмоционально привлекательной по форме деятельности, преобразовательно-коммуникативной, многоплановой, связанной с приобретением новых социальных компетенций, социально значимых качеств и ценностных ориентаций, самореализацией и самосовершенствованием личности пожилого человека.

Специфика социально-культурной активности пожилых людей связана с комплексной реализацией их индивидуального опыта, интересов, возможностей и инициатив на основе добровольной, инициативной, нравственно мотивированной, преобразующей, творческой, социально значимой деятельности.

Выводы

Полученные в процессе исследования результаты позволили прийти к выводу о том, что полностью принимаются предположения Н1, Н4, Н5 и частично принимаются Н2 и Н3. Согласно этому была создана программа поддержки социокультурной активности пожилых людей на основе развития социального предпринимательства, подразумевающую практическую реализацию таких значимых направлений, как: формирование специальных клубов для лиц пожилого возраста в целях поддержания занятий отдыха, организация туристических путешествий, для того чтобы расширить сферы социокультурной активности пожилых граждан в России. Разработанная программа позволит не только поддерживать социокультурную активность пожилых людей в российском государстве, но и стимулировать развитие социального предпринимательства.

Литература

- Li X. et al. Bidirectional associations of intellectual and social activities with cognitive function among middle-aged and elderly adults in China // *Journal of Affective Disorders*. – 2022. – Vol. 319 – P. 83–89.
- Осьмук Л.А., Незамаева О.Б. Социальная активность пожилых людей, проживающих в крупном городе: возможности и проблемы // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2021. – № 62. – С. 102–110.
- Saebi T., Foss N.J., Linder S. Social entrepreneurship research: Past achievements and future promises // *Journal of Management*. – 2019. – Vol. 45. – No. 1 – P. 70–95.
- Добрынина М.В., Андреева А.А. Социальное предпринимательство как уникальное социально-экономическое явление // *Russian Economic Bulletin*. – 2023. – Т. 6. – № 1. – С. 185–192.
- Пряхина А.В., Багдасарян Д.А., Буковская А.М. Социальное предпринимательство в России как актуальная коммуникационная деятельность // *Дискурс*. – 2022. – Т. 8. – № 5. – С. 91–105.
- Закону о социальном предпринимательстве исполняется три года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/07/26/akonuo-sotsialnom-predprinimatelstve-ispolnyaetsya-tri-goda (дата обращения: 24.01.2024).
- Social Business Group. Социальное предпринимательство в России: будущее и перспективы развития [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/04f/sotsialnoe-predprinimatelstvo-perspektivy-razvitiya-kratkoe-rezюме-issledovaniya.pdf> (дата обращения: 24.01.2024).
- НАФИ. Привлечение финансирования – ключевой запрос социальных предпринимателей [Электронный ресурс]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/privlechenie-finansirovaniya-klyuchevoy-zapros-sotsialnykh-predprinimateley/> (дата обращения: 24.01.2024).
- Баттахов П.П. Социальное предпринимательство в отечественном праве: понятие и проблемы // *Северо-Кавказский юридический вестник*. – 2022. – № 3. – С. 137–143.
- Клиндух Р.В. Социальное предпринимательство: почему реализованные проекты смогли решить лишь малую часть социальных проблем в России // *Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность*. – 2022. – Т. 3. – № 3. – С. 145–158.
- Соловьева Т.С. Особенности поддержки и проблемы развития социального предпринимательства в России // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. – 2023. – № 1 (44). – С. 42–52.
- Hervieux C., Voltan A. Framing social problems in social entrepreneurship // *Journal of Business Ethics*. – 2018. – Vol. 151. – P. 279–293.
- Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 24.01.2024).

CREATION OF A SUPPORT PROGRAM FOR ELDERLY PEOPLE BASED ON THE SOCIAL ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT

Kurovsky S.V., Starikova M.M., Mishin D.A.

LLC "Higher School of Education"; Bauman Moscow State Technical University

The relevance and practical significance of the research topic is explained by the fact that in Russia there is a problem of demographic aging of the population, accompanied by the lack of sociocultural activities among the majority of senior citizens, although the Russian government has formed a developed system of support for the elderly. Most of the introduced measures are interconnected with systematic financial support from the government, however, it does not have a significant impact on increasing the sociocultural activity of senior citizens due to the existence of negative macroeconomic effects, formed, in particular, during the coronavirus pandemic. The purpose of the study is to create a program to support the elderly based on the development of social entrepreneurship entities. To achieve this goal, the following tasks were solved during the research process: the relevance and practical significance of the research problem was identified; a literature review was carried out; the methodology of the research was formed; research hypotheses were identified; the main findings of the study were analyzed; the results of the study were summed up. The following research methods were used: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of scientific and methodological literature and Internet resources, graphical visualization of data, analysis of primary and secondary data, questioning of social entrepreneurship subjects. The empirical basis of the study is data obtained as a result of a survey of 353 social entrepreneurship entities in Moscow. It was noted that the specifics of the sociocultural activity of the elderly are associated with the integrated implementation of their individual experience, interests, opportunities, and initiatives on the basis of voluntary, proactive, morally motivated, transformative, creative, socially significant activities. These specifics have formed the basis of the concept of the proposed support program for the elderly based on the development of social entrepreneurship.

Keywords: support for elderly people; social and cultural activity of elderly people; program; social entrepreneurship; demographic changes; barriers.

References

- Li X. et al. Bidirectional associations of intellectual and social activities with cognitive function among middle-aged and elder-

- ly adults in China // *Journal of Affective Disorders*. – 2022. – Vol. 319 – P. 83–89.
2. Osmuk L.A., Nezamaeva O.B. Social activity of older people living in a large city: opportunities and problems // *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. – 2021. – No. 62. – P. 102–110.
 3. Saebi T., Foss N.J., Linder S. Social entrepreneurship research: Past achievements and future promises // *Journal of Management*. – 2019. – Vol. 45. – No. 1 – P. 70–95.
 4. Dobrynina M.V., Andreeva A.A. Social entrepreneurship as a unique socio-economic phenomenon // *Russian Economic Bulletin*. – 2023. – Vol. 6. – No. 1. – P. 185–192.
 5. Pryakhina A.V., Bagdasaryan D.A., Bukovskaya A.M. Social entrepreneurship in Russia as a relevant communication activity // *Discourse*. – 2022. – Vol. 8. – No. 5. – P. 91–105.
 6. The Law on Social Entrepreneurship turns three years old [Electronic resource]. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/07/26/akonu-o-sotsialnom-predprinimatelstve-ispolnyaetsya-tri-goda (data accessed: 24.01.2024).
 7. Social Business Group. Social entrepreneurship in Russia: future and development prospects [Electronic resource]. – URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/04f/sotsialnoe-predprinimatelstvo-perspektivy-razvitiya-kratkoe-rezyume-issledovaniya.pdf> (data accessed: 24.01.2024).
 8. NAFI. Attracting funding is a key request for social entrepreneurs [Electronic resource]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/privlechenie-finansirovaniya-klyuchevoy-zapros-sotsialnykh-predprinimateley/> (data accessed: 24.01.2024).
 9. Battakhov P.P. Social entrepreneurship in domestic law: concept and problems // *North Caucasian Legal Bulletin*. – 2022. – No. 3. – P. 137–143.
 10. Klindukh R.V. Social entrepreneurship: why implemented projects were able to solve only a small part of social problems in Russia // *Social entrepreneurship and corporate social responsibility*. – 2022. – Vol. 3. – No. 3. – P. 145–158.
 11. Solovyova T.S. Features of support and problems of development of social entrepreneurship in Russia // *Bulletin of Moscow University. S. Yu. Witte. Series 1: Economics and management*. – 2023. – No. 1 (44). – P. 42–52.
 12. Hervieux C., Voltan A. Framing social problems in social entrepreneurship // *Journal of Business Ethics*. – 2018. – Vol. 151. – P. 279–293.
 13. Unified Register of Small and Medium Enterprises [Electronic resource]. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (data accessed: 24.01.2024).

Николенко Анастасия Алексеевна,

кандидат политических наук, доцент, Владивостокский
государственный университет
E-mail: Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru

Статья посвящена актуальной теме идеологической безопасности и поиску новых решений для формирования возможностей противостояния культурной экспансии. Также рассматриваются причины и следствия отказа от культурной идентичности и идеологии. Современные вызовы информационного и политического характера, в обществах, где граница цивилизаций стирается при помощи электронных средств связи делает ситуацию все более нестабильной, а экономические и политические кризисы все более непредсказуемыми. Задача системы идеологической безопасности становится не просто внутрискановой, но и охватывает значительные территории вне национального государства. Успехи предыдущих периодов в мягкосиловом противостоянии, стали процессом, который запустил для наиболее успешных в пропаганде обществ, необратимый процесс идейного самопоглощения. Отсутствие дальнейшего схем развития, за рамками старых или устаревающих идеалов является большим препятствием на пути к сколь-нибудь возможному прогрессу, так как идеи влияют и на материальное развитие цивилизаций. Культурная экспансия предыдущих периодов свела на нет все альтернативы, которые приходится строить на синтезе или реконструкции, но подобный путь также имеет огромное количество противоречий внутри себя. Необходимость создания идеологического пространства в данный период истории наиболее важный вопрос для современной российской цивилизации.

Ключевые слова: «цивилизация», локальная цивилизация, общественный процесс, власть, российская цивилизация, идеология, безопасность, цивилизационный подход.

Современное глобальное общество переживает один из самых серьезных кризисов за свою историю, и этот кризис не только экономический, сколько идеологический. Не способный оправдать свою гегемонию условный «коллективный» запад утрачивая влияние, показывает собственную изнанку, изнанку «цивизованности», построенной на сегрегации, насильственной культурной и иной ассимиляции и прочих «тяжелых» процессах.

«Ожидание «конца истории» в исполнении Фрэнсиса Фукуямы привело к странному результату. История действительно заканчивается для ортодоксов либеральной теории. Но для России деградация «Большого Запада» – это освобождение от квази-колониальной эксплуатации, новый шанс на духовное возрождение, на спасение себя и других. Отрицание духовного превосходства Запада не следует путать с отказом от материального, научно-технического, культурного потенциала Европы. Это один из заветов Петра Великого, день рождения которого мы недавно отметили» [1, с. 27–37].

Отказ от идеологического вектора, от здоровой и обоснованной системе базовых понятий загоняет большинство современных обществ в тупик. В подобной ситуации сейчас находится и Россия. Проблема реконструирования идеологической структуры в том, что существующие противоречия в политическом дискурсе просто не позволяют воссоздать, или создать заново идеологический базис. Еще одна причина это необходимость принимать весь предыдущий опыт и сопоставлять его с политической и социальной базой современности, что также достаточно не просто в условиях деидеологизации и долгих лет попыток интегрирования в западное общество.

«Нужно сказать, что формирование идеологических доминант должно происходить с опорой на реальную ценность, объективность и значимость тех или иных мировоззренческих ориентиров для общества. Это не должны быть искусственно выдуманные или чуждые элементы, они обязаны приниматься большинством населения положительно» [2, с. 11–17].

Кроме того, ценностные ориентиры общества в свое время претерпели крах, на общественные интересы просто перестали обращать внимание, они были выхолощены из сферы политического, экономического и по умолчанию стали «низовыми». Вместо этого была представлена утопическая идея индивидуального успеха и довольно наивная, почти лубочная картина будущего, пути к которому предлагалось создать самостоятельно и по тем же самым либеральным шаблонам. Не учитывался период времени, условия, исторический опыт и даже существующие культурные паттерны. В то время большой передел собственности казался наиболее важной задачей.

Ситуация со временем кардинально изменилась, прошло не так много времени, но уже в начале 2000-х, складывается ситуация противостояния как минимум в экономическом мировом пространстве. Конкуренция за «новое экономическое чудо», в котором в силу причин Россия не могла иметь шансов на участие.

Современная ситуация представляется совершенно другой, все что произошло, имеет последствия, и ошибки нулевых и десятых годов привели весь мир к понима-

нию необходимости создания новейших способов идеологической борьбы. Есть нюанс, если после «холодной войны», западные общества продвигали свою идеологию с помощью «мягкой силы», и российское общество стало обществом подверженным экспансии ценностей, сама по себе страна не успела выработать даже стратегию «мягкой силы», а тем более противостоять культурной экспансии запада.

По мнению ученого П.П. Марченя «Сегодня идет война цивилизаций, война идеологий, война императивов как установок, определяющих высшие смыслы, цели и ценности истории отдельных людей и целых народов. Можно возразить, что такая война была и раньше, что она длится всю человеческую историю, с момента появления первых цивилизаций. Это так. Но есть принципиальное отличие. Сегодняшняя война действительно может закончиться уничтожением цивилизаций. Физически – потому что могут быть применены соответствующие средства массового поражения. И метафизически – потому что современные средства инициированной претендующим на всепланетное господство. Цивилизационная идентичность определяется, прежде всего, историей, исторической памятью, историческими святынями, пониманием смысла истории и своего места в ней» [3].

В таком случае есть только один шанс на существование для российской цивилизации, где важнейшим становится идентичность, идеология и ориентация на собственное, не «подражательное» поведение в сфере культуры и идеологии. Для этого мало выстроить дискурс вокруг патриотизма, необходимо учитывать реальность и факторы социального, те, что есть прямо сейчас, понимать и знать как именно сформировалась ситуация и что угрожает обществу, как снаружи, так и изнутри. Угрозой является как раз пораженная ценностная матрица и двойные стандарты, несоответствие вторичного «подражательного» поведения части общества и окружающей действительности, не только на уровне культуры, на всех уровнях и во всех областях социальной жизни.

В таком случае «Как показывает практика, не форма правления и не политический режим определяют сущность того или иного общества, государственного образования, а нечто другое, в гораздо большей степени важное и значимое, а именно: культурно-историческая, цивилизационная самобытность, национальный дух и выросшие на его основе нравственные ценности» [4, с. 98–105]. Воспроизвести устои не получится, как показывает исторический опыт чаще всего это является утопичным, потому что момент уже упущен и «реконструкторство» ведет к еще большему отторжению. Вернуть, например, молодежь в русло созидательного также можно лишь через понимание реальности и осознания политической ситуации, отказа от «фантомов» западного мира. Но опасность состоит в том, что, отказавшись от имитации западного, общество также начнет играть в собственные культурные паттерны, не понимая их сути.

Важнейшую роль в данном процессе играет поведение элит и рекрутинговые модели элитарного генезиса. «Механизм рекрутирования элиты в современной России меняется медленно. Качественного обновления политической элиты России не произошло. Радикальных изменений в этом вопросе не стоит ждать раньше смены поколения административных управленцев. Подготовка новой генерации политиков продолжает оставаться актуальной задачей. В случае дальнейшего преобладания тенденции к закрытию системы рекрутирования политической элиты, согласно закону естественной циркуляции элит, можно прогнозировать нестабильность политической системы, а также ее кризиса» [5, с. 442–453].

Если же данный кризис станет реальностью, страну ждет новая катастрофа, возможно цивилизационного масштаба, внешнего ресурса для воспроизводства элит разного свойства также не имеется. Сама по себе схема рекрутинга нуждается в пересмотре. Если углубляться в проблему, кризисы элит случались в истории России стабильно приводя к завершению того или иного режима или политической эпохи. Смутой закончилось правление Рюриковичей, дворцовыми переворотами эпоха Петра I, дальнейшие процессы также не исключение. Соответственно выхолащивание элитарной массы ведет к проблемам идеологического и политического характера, что в свою очередь становится базовой причиной цивилизационного кризиса.

В современном мире «Возрастание гецивилизационного фактора проявляется в росте национального, цивилизационно-культурного самосознания, в состязании ценностей, попытках смены ментальных ориентиров, в обострении противоборства в процессе отстаивания фундаментальных ценностей» [6, с. 24–30]. Подмена понятия фундаментальные ценности, на западные, привела к поражению в холодной войне, прошедшие три десятилетия также показали, что восстановительные периоды не бывает легким и часто сопровождается противоречиями. Именно поэтому, прежде всего для создания идеологии необходимо обращаться даже не к корням, что приведет к простой реконструкции практики без вникания в суть процесса, но обращению к реальности и глубокого понимания угроз, которые сейчас могут стать фатальными не просто для индивидов, национальных государств или правительств, а для целой локальной цивилизации, что приведет к войне на уничтожение. Если первая фаза агрессии сопровождалась простой культурной экспансией, то окончательная будет выглядеть как искоренение не метафорических «ценностей», а физическому уничтожению «варваров».

Следовательно идеология это не просто набор догм или заповедей, которые можно легко имитировать или манипулировать ими как удобно, но глубокое осознание необходимости ценности и цели, для ориентации в реальности, опасной новой реальности. На кону не просто абстракции совместного выживания, но коллективное выживание как таковое.

По словам ученых С.Ю. Белоконова, И.С. Буриковой, М.А. Коноваловой «Наличие в обществе идеологии свидетельствует о том, что общество и граждане, его составляющие, обладают не только ценностями и целями, но и смыслом совместного существования на заданной территории (своего государства). Идеология в терминах социальной психотерапии является ресурсным состоянием для общества и общественных отношений, дает возможность самовосстановления, если будет частично разрушено, дает энергию и жизненные силы к совместной целенаправленной деятельности» [7, с. 183–194].

Ресурс для восстановления и целенаправленной деятельности политической и общественной жизни в данном историческом контексте, который сложился в конце первой четверти XXI века, то необходимое и самое главное, на что нужно обратить внимание.

Таким образом «Глобализация привела к тому, что цивилизации не имеют четкой границы противостояния. Внутри каждой из них, на ее территории, в ее социальном пространстве борьбу с нею ведет часть другой цивилизации» [8, с. 143–152]. Современные вызовы опасны для суверенитета не просто государств, а государств как цивилизаций, и противостояние начинается в пространстве ценностного, идеологического разграничения социального пространства смыслов, где идеологическая ошибка становится разрушительной.

Литература

1. Хлутков А. Д., Межевич Н.М. Европейский выбор российской цивилизации: императивы 2023 года // *Управленческое консультирование*. 2023. № 6. С. 27–37.
2. Бредихин А.Л. Эволюция идеологических доминант современной России // *Юридический вестник Самарского университета*. 2023. Т. 9, № 2. С. 11–17.
3. Марченя П.П. История России как путь к Победе: императивы Русской идеи в условиях войны // *Наука. Общество. Оборона*. 2023. Т. 11, № 3(36).
4. Сухоплюев П.А. Концепция внешней политики Российской Федерации (философский аспект) // *Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива*. 2023. № 3 (15). С. 98–105.
5. Чемшит, Д.А. Кризисы политических систем с эндогенно-экзогенной моделью модернизации (российский опыт «девяностых» – «нулевых» гг.) / Д.А. Чемшит // *Образование и право*. 2023. № 2. С. 442–453.
6. Киселев С.Г. Магистральные тренды в геополитической картине мира // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2023. Вып. 3 (852). С. 24–30.
7. Белоконев С.Ю., Бурикова И.С., Коновалова М.А. Особенности формирования идеологии российского государства // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2023. Т. 10. № 2. С. 183–194.
8. Мелешин К.Ю., Шабалина А.Е. От концепта национальной безопасности к концепту цивилизационной безопасности как основе евразийской интеграции // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023. Т. 17. № 2. С. 143–152.

THE IDEOLOGICAL SECURITY OF RUSSIAN CIVILIZATION

Nikolenko A.A.

Vladivostok State University

This article is devoted to the current topic of ideological security and the search for new solutions to create opportunities to resist cultural expansion. The causes and consequences of abandoning cultural identity and ideology are also examined. Modern challenges of an

informational and political nature, in societies where the borders of civilizations are erased with the help of electronic communications, make the situation more and more unstable, and economic and political crises more and more unpredictable. The task of the ideological security system becomes not just internal, but also covers significant territories outside the national state. The successes of previous periods in soft-power confrontation became a process that launched for the most successful societies in propaganda an irreversible process of ideological self-absorption. The absence of further development schemes, beyond the framework of old or outdated ideals, is a great obstacle to any possible progress, since ideas also influence the material development of civilizations. The cultural expansion of previous periods nullified all the alternatives that have to be built on synthesis or reconstruction, but such a path also has a huge number of contradictions within itself. The need to create an ideological space in this period of history is the most important issue for modern Russian civilization.

Keywords: “civilization”, local civilization, social process, government, Russian civilization, ideology, security, civilizational approach.

References

1. Khlutkov A.D., Mezhevich N.M. The European choice of Russian civilization: imperatives of 2023 // *Managerial consulting*. 2023. No. 6. pp. 27–37.
2. Bredikhin A.L. Evolution of ideological dominants of modern Russia // *Law Bulletin of Samara University*. 2023. Vol. 9, No. 2. pp. 11–17.
3. Marchenya P.P. The history of Russia as a path to Victory: the imperatives of the Russian idea in war conditions // *Nauka. Society. Defense*. 2023. vol. 11, No. 3(36).
4. Sukhopyuev P.A. The concept of the foreign policy of the Russian Federation (philosophical aspect) // *Society, law, statehood: a retrospective and perspective*. 2023. No. 3 (15). pp. 98–105.
5. Chemshit, D.A. Crises of political systems with an endogenous-exogenous model of modernization (Russian experience of the “nineties” – “zero” years.) / D.A. Chemshit // *Education and law*. 2023. No. 2. pp. 442–453.
6. Kiselyov S.G. Main trends in the geopolitical picture of the world // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2023. Issue 3 (852). pp. 24–30.
7. Belokonev S.Yu., Burikova I.S., Konovalova M.A. The peculiarities of the formation of the ideology of the Russian state // *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: State and municipal management*. 2023. Vol. 10. No. 2. pp. 183–194.
8. Meleshin K.Yu., Shabalina A.E. From the concept of national security to the concept of civilizational security as the basis of Eurasian integration // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2023. Vol. 17. No. 2. pp. 143–152.

Социально-правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта в современной России (обзорно-аналитическое исследование)

Моисеев Александр Владимирович,

кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий НИУ МГСУ,
E-mail: decibal@mail.ru

Епхийев Олег Муратович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий НИУ МГСУ,
E-mail: Ephiev1@mail.ru

Авторы представленного обзорного материала в период с марта 2023 по декабрь 2023 года провели анализ восьмидесяти четырех научных публикаций, монографий, связанных с проблемами развития и применения технологий искусственного интеллекта и их влияния на различные аспекты жизнедеятельности социума. А также были рассмотрены нормативно-правовые документы, предопределяющие социально-правовой механизм регулирования ИИ и технологий на его основе. Основываясь на анализе, авторы пришли к некоторым выводам, сводимым к тому, что ИИ и технологии на его основе есть продукты НТР, существенным образом оказывающие влияние на человека, общество и государство. Очевидно, что это влияние имеет парадоксальный характер. С одной стороны, развитие ИИ и технологий на его основе есть объективный процесс. Они неустойчивы в своем развитии во благо общественного прогресса. С другой стороны, имеет рискогенный характер, и может быть угрозой для человека, общества и государства. Это острейшим образом ставит вопрос формирования и развития социально-правовых механизмов регулирования его развития и применения. В статье авторы, проанализировав определённый объем не только научных публикаций, но и нормативно-правовых документов, формулируют свое виденье реально функционирующего социально-правового механизма регулирования ИИ и технологий на его основе.

Ключевые слова: научно-технологический прогресс, промышленная революция, искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, робототехника, регулирование искусственного интеллекта, цифровая экономика, Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта, Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехника.

Процесс развития и внедрения искусственного интеллекта, как продукта научно-технологического прогресса, естественным образом порождает множество вопросов, как технико-технологического, так и социально-гуманитарного характера. Одним из вопросов социально-гуманитарного характера связан с влиянием ИИ на человека, общество и государство. Влияние, о котором часто ведутся рассуждения, в области социально-гуманитарных знаний, имеет двойственный характер. С одной стороны, технологическое развитие – процесс объективный, подчиняющийся диалектическим законам, и не удержим в своем развитии, и это благо. С другой, имеет непредсказуемый характер последствий для человека, общества и государства и может быть угрозой. Возникает естественный вопрос: что необходимо делать для того, чтобы развитие и применение искусственного интеллекта приносило максимальное благо, но при этом было бы безопасным.

В стремлении найти ответ на столь закономерный вопрос социально-гуманитарные науки приходят к пониманию необходимости его регулировать. Все чаще речь идет о формировании и развитии механизма регулирования, как самого процесса развития технологий ИИ, так и процесса их внедрения, основываясь на принципах приоритетности благополучия и безопасности. А это уже есть предметная область не только фундаментальных и прикладных исследований, но и актуальный вопрос, связанный с формированием социально-правового механизма регулирования ИИ и технологий на его основе. Под социально-правовым механизмом имеем ввиду: во-первых, формирующуюся правовую систему; во-вторых, образование соответствующих институтов (структуры в системе органов власти и экспертно-аналитических); в-третьих, установление важных процедур, осуществляющих регулирование отношений в системе: «искусственный интеллект» – «нормы и правила» – «социум».

Прежде чем перейдем к обзору рассуждений о социально-правовых аспектах регулирования ИИ, полагаем, все же, верным сделать некоторое уточнение относительно ряда понятий: «промышленная революция», «искусственный интеллект», «технологии искусственного интеллекта». Такая постановка правомерна в силу того, что именно в основе современных промышленных революций помимо «цифры», «цифровые технологии», «робототехника» есть такое социально-технологическое явление, как «искусственный интеллект» и технологии на его основе.

На сегодняшний день известно о четырех промышленных революциях и нарастающей пятой. В рамках представленного исследования авторы не ставили задачу глубокой их интерпретации. Однако, считаем все же верным кратко охарактеризовать сущность четвертой и, пока еще научно полемической, пятой промышленных революций. Четвертую промышленную революцию (Индустрия 4.0) *Клаус Шваб* охарактеризовал именно как цифровую революцию, в основе которой: «вездесущий» интернет, постоянно дешевеющие миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект и обучающиеся машины, которые и станут в долгосрочной

перспективе основанием технологического и, как следствие, социально-экономического прогресса [1].

Всепроницающая сила цифровых и информационных технологий (с этим очевидным обстоятельством не поспорить) является ключевой основой современных всеобъемлющих технологий (мегатренды Индустрии 4.0). Для описания этих всеобъемлющих технологий *К.Шваб* подразделяет уже существующие и развивающиеся технологии по *физическим* (беспилотные транспортные средства, 3D-печать, передовая робототехника, новые материалы), *цифровым* («Интернет вещей» или «Интернет всех вещей», как один из главных мотов между физической и цифровой реальностью) и *биологическим* (генная инженерия, биоинформатика, нейротехнологии и пр.) основаниям, которые, в свою очередь, теснейшим образом взаимосвязаны и способствуют развитию друг друга. Основой является искусственный интеллект, обучающиеся машины, которые зависят от уровня вычислительной мощности [2]. Уточним, что уровень мощности определяется во флорпах (Flops), которые означают количество операций, совершаемых ЭВМ за единицу (секунда) времени. На сегодня, самые мощные компьютеры обладают показателем более 10^{18} Flops (лидеры на 2023 год: Frontier (США), Fuqaku (Япония), Aurora (США), Eagle (США) [3].

Последние несколько лет встречается много работ, в которых обосновывается не столько идея о грядущей пятой промышленной революции (Индустрия 5.0), сколько как ее уже свершившийся факт [4]. Суть ее сводится к объединению «...возможностей подключенных технологий Индустрии 4.0 с человеко-ориентированным подходом Индустрии 5.0» [5], способных открыть «...путь гармоничному взаимодействию человеческого интеллекта с когнитивными вычислениями» [6]. Индустрия 5.0 основывается на слиянии виртуального и материального мира в киберфизические комплексы, на основе которых создается единая цифровая экосистема [7].

К определению понятий «технологий искусственного интеллекта», «искусственный интеллект» есть множество подходов. При всем их многообразии речь, в большей мере, идет о: технологии, имитации когнитивных функции человека, алгоритме, способности решать интеллектуальные и творческие задачи, сверхразуме и множестве иных характеризующих понятий. Авторы полагают, что вопрос определения понятия «искусственный интеллект» пока еще ждет своего научного разрешения. И произойдет это по мере накопления соответствующего объема и качества знаний о таком социально-технологическом феномене, как искусственный интеллект.

Авторы исходят из определений, сформулированных в Стратегии развития ИИ [8] и продублированных в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-телекоммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»; «Технологии искусственного интеллекта – технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая

компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта)» [9].

Одно очевидно, что стремительный процесс распространения информационных технологий, искусственного интеллекта, робототехники (и не только), как качественно новых продуктов научно-технологического прогресса, носит революционный характер. Эти процессы предопределяют переход на новые модели технологического, как следствие, экономического и общественного развития. Осмелимся предположить, что по своим масштабам и силе влияния на человека, общество и в целом на человеческую цивилизацию, четвертая и пятая промышленные революции будут несоизмеримы с предыдущими. Естественное стремление понять: каковы масштабы и степень влияния; каковы социальные риски и последствия внедрения технологий ИИ; каковы характер и направленность возникающих моделей социально-экономических, социально-политических, социокультурных и социально-правовых отношений, которые могут быть вызваны новой промышленной революцией, предопределяли и предопределяют, как направления, так и объектно-предметную область большинства исследований. Надо отметить, во многих исследованиях социально-гуманитарного характера высказываются суждения о том, что стремительное развитие и внедрение ИИ и технологий на его основе может привести к существенным трансформациям в экономической, социальной, политической и, что более всего вызывает опасение у академического научного сообщества, в социокультурной сфере.

Надо полагать, что в определенной мере, эти опасения не без оснований. Если допустить масштабный, при этом, недостаточно контролируемый и регулируемый процесс внедрения технологий ИИ, то вполне может возникнуть непредсказуемое по характеру и, весьма может быть, губительное по результату влияние на человека, общество и человеческую цивилизацию. Приведем лишь некоторых из великого множества авторов и их суждения подобного рода.

Еще в первой половине прошлого столетия в своих рассуждениях о человеке и машине *Н.А. Бердяев* утверждал, что «... вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры» и связывал это с тем обстоятельством, что мы-человечество «...стоим перед парадоксом: без техники невозможна культура, с нею связана самое возникновение культуры, и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечет культуру к гибели» [10]. «Технизация духа и ...разума», по утверждению *Н.А. Бердяева*, «...может легко представиться гибелью духа и разума» [11].

Спустя почти полвека опасениям Бердяева *Н.А.* продолжают вторить. В интервью для журнала «Юнайтед Стейс Ньюс энд Уорлд Рапорт» *Норберт Винер* выделял факт существования культа техники, и «...если человек предлагает передать весь вопрос о способе их употребления машине из-за слепого машинопоклонства или из-за нежелания принимать решения (назовете ли вы это леностью или трусостью), тогда мы сами напрашиваемся на неприятности» [12].

Академик РАН *Степин В.В.* в рассуждениях о цивилизации и культуре отмечал: «...полвека назад мало кто полагал, что именно техногенная цивилизация приведет человечество к глобальным кризисам, когда оно окажется буквально на пороге самоуничтожения» [13].

Действительный член РАН *Н.Н. Моисеев* в рассуждениях о судьбе цивилизации также утверждает, что раз-

вития информационных технологий «...оказывает революционное влияние на общество, стремительно меняя условия нашей жизни. Оно оказывает огромное влияние на духовный мир людей и способно перестраивать основы нравственности. Человек обрел в нем мощное, но крайне опасное оружие, не менее мощное по своим последствиям, чем атомная бомба» [14].

Будучи поборником более активного и масштабного внедрения цифровых технологий в интересах социально-экономического блага и прогресса К.Шваб, в тоже время, отмечает что: «четвертая промышленная революция в равной мере создает как колоссальные преимущества, так и колоссальные проблемы» [15], акцентируя внимание на возможном неравенстве, как вызове, обладающего системным характером: «...главными выгодоприобретателями четвертой промышленной революции являются поставщики интеллектуального и физического капитала» все остальные «...никогда не смогут увеличить свой реальный доход, а дети не будут жить лучше чем они» [16]. В обществе, особенно той части, что живет собственным трудом, подобная несправедливость может вызывать и вызывает недовольство, которая имеет тенденцию к нарастанию.

Не лишены научной рефлексии большинство современных социально-философских исследований. Не умоляя значимость ряд иных исследований, с которыми нам довелось ознакомиться, все же, особое наше внимание привлекла замечательная, по нашему общему мнению, работа *Александра и Ирины Алексеевых*. Не отрицая, что «...современные технологии, предоставляя человеку немислимые прежде возможности доступа к информационным ресурсам, создают благоприятные условия для обогащения знаниями и интеллектуального развития» [17], авторы, вместе с тем, основываясь на исследовательском опыте, усматривают и характеризуют угрозу самому человеку и, прежде всего, развитию его естественного интеллекта: «...повседневные наблюдения, и психолого-педагогические исследования свидетельствуют о тенденции имобилизации у новых поколений людей целого ряда способностей, которые традиционно считались необходимыми для развития интеллекта человека» [18]. Принимая как благо для человека и общества развитие информационных технологий, которые «...радикально расширяя для человека возможности доступа к информационным ресурсам, способствуют получению достоверной информации и знаний, необходимых для принятия разумных решений» [19], авторы в тоже время высказывают, как нам кажется, обоснованное опасение, связанное с приобретением новых технологических возможностей манипулирования человеком, его поведением и общественным сознанием: «...использование разными силами и структурами все более изощренных манипулятивных средств воздействия на сознание и поведение человека, направленных на понижение (а в идеале – «отключение») рациональности для формирования установок и побуждения к поступкам в интересах субъекта воздействия, расходящихся с объективно существующими потребностями самого человека» [20].

Не лишены, по крайней мере, оснований суждения *Игнатьева В.И.*, (как полагаем, под влиянием идей интеграции человека и техники Ю.Хабермаса [21]) о том, что процесс усложнения машин с искусственным интеллектом породит процесс становления техносубъекта, который в перспективе может вытеснить человека, что приведет к появлению техносоциума, либо может возникнуть гибридный социум (на основе симбиоза Homo sapiens и техносубъекта с ИИ) [22].

В исследованиях проблем новой формирующейся действительности, многие современные авторы прихо-

дят к выводу о том, что реализуемые технологии в рамках промышленных революций (Индустрия 4.0, Индустрия 5.0), могут стать (по меткому выражению Норберта Винера) обоюдоострым оружием, могут быть использованы как на благо, так и для уничтожения человечества [23].

Можно также предположить, что именно осознание высокой степени опасности человечеству, а не что иное (например, конкуренция в сфере ИИ), обусловило появление в марте 2023 года открытого письма с призывом, о, как минимум, временной остановке экспериментов с искусственным интеллектом (систем ИИ, более мощных, чем GPT-4). Письмо, подписанное представителями как научно-экспертного сообщества, так и руководителями ряда крупных компаний-лидеров в области разработок и внедрения ИИ (Tesla, SpaceX и Twitter Илон Маск, один из основателей Pinterest Эван Шарп и учредителем Apple Стив Возняк), было опубликовано на сайте организации Future of Laif [24]. Вопросы, которые были сформулированы в письме, как минимум, последние десятилетия, являются проблемной областью исследований социально-гуманитарных наук. Связаны они с манипулятивными свойствами ИИ, с сокращением рабочих мест в следствии масштабной автоматизации производственных и иных процессов, с целесообразностью развивать ИИ, который в конечном итоге может перехитрить интеллект естественный, создав риски будущему нашей цивилизации.

Стало быть, опасение сводиться к тому, что, стремясь к всеобщему общественному благу, человечество, тратя множество интеллектуальных усилий, развивает современные технологии, а, в конечном итоге, они могут это человечество и погубить. Очевидно, что вопрос влияния современных технологий на способы существования человека, жизнедеятельности общества волновало представителей социально-гуманитарной науки во все времена.

Сегодня вопрос принятия, либо не принятия технологий искусственного интеллекта, по нашему общему мнению, это не столько вопрос инертности мышления, сколько, в большей мере, вопрос рефлексивного свойства человеческого мышления и связан с проблемой формирования достаточных и необходимых условий для адаптации социума к очевидно новому, формирующемуся формату общественных отношений.

Как же сегодня понимается значение ИИ и связанные с ним угрозы в современных научных исследованиях? Вопрос не обыденный, но весьма важный с точки зрения научного осмысления: а) очевидных и прогнозируемых перспектив общественного развития; б) возникающих рисков и возможных угроз; в) механизмов минимизации существующих и прогнозируемых рисков и угроз. Для этого требуется, как минимум, исследовательский интерес и практическая реализация масштабных исследований. Исследовательский интерес очевиден и связан не только с выявление статистики и экономики знаний (по примеру масштабных и весьма интересных исследований, проводимые Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ «ВШЭ») но, и что немаловажно, тенденций, рисков и предполагаемых механизмов (по примеру Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Институт перспективных исследований проблем ИИ и интеллектуальных систем МГУ имени М.В. Ломоносова и ряда как научно-аналитических организаций, так и структур в системе законодательной и исполнительной власти, и ряда иных) регулирования в отношении ИИ.

Авторы, не претендуя на достаточную степень внешней валидности своего исследования (в процессе обзора

в сносах отсылаем к тем работам, которые не только попали в выборку, но, вызвали наибольший интерес) [25], все же обнаруживают некоторые тенденции, усматриваемые в научных публикациях социально-гуманитарного характера. *Первый важный и весьма очевидный вывод*, который можно сделать – это устойчивое проявление растущего исследовательского интереса к такому (не побоимся формулировки) социально-технологическому феномену, как ИИ; анализу его реального потенциала для социально-экономического развития; анализу рисков, связанных с развитием и использованием ИИ; соотношению права и ИИ и пр. Одним из важных факторов усиления научного интереса нам видится увеличивающийся масштаб развития и использования ИИ и технологий на его основе практически во всех сферах жизнедеятельности человека, общества и государства.

Второй важный вывод: вопросы, связанные с развитием и использованием ИИ и технологий на его основе, рассматриваются, в большей мере, на междисциплинарном уровне. Это вполне закономерно, так как проблемы, связанные с ИИ, относятся к нескольким областям современных социально-гуманитарных, технических (точных) и естественных наук. Но, если точные (технические) и ряд естественных наук, в большей мере, сосредоточены на вопросах технико-технологического свойства, то ряд социально-гуманитарных наук, не отрицая важность современных технологий для общественного прогресса, все же ориентированы, как минимум, привлечь внимание к существующим и прогнозируемым проблемам, как максимум на решение существующих и прогнозируемых угроз в связи с использованием технологий искусственного интеллекта. Естественным образом, все выше обозначенное, в некотором роде обуславливает, появление следующих направлений:

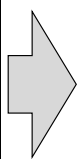
- философия искусственного интеллекта, как направление философии, рассматривающее вопросы о «мышлении машин», о соотношении искусственного и естественного интеллекта, важные вопросы этического свойства создания и использования ИИ [26], философские аспекты создания технологий ИИ в отраслях [27], и целого ряда других весьма значимых проблем [28];
- социология искусственного интеллекта, (претендующая в будущем, на статус теорию среднего порядка) рассматривающая ИИ, как фактор социальных трансформаций [29]; искусственную социальность, как феномен социальной науки [30]; важные аспекты социального функционирования ИИ в различных сферах жизнедеятельности человека, общества и государства [31]; социальные риски (потенциальные и актуальные), связанные с внедрением технологий ИИ [32]; социокультурные аспекты функционирования ИИ [33] и многое другое;
- правовое регулирование искусственного интеллекта (цифровое право), изучающее вопросы влияния ИИ на право и осуществление правового регулирования искусственного интеллекта [34] и множество иных проблем правового характера;
- искусственный интеллект и психология, как направление, исследующее психологические проблемы, возникающие в связи с внедрением ИИ в систему «человек-машина» [35]; влияние ИИ на развитие естественного интеллекта [36] и т.д.;
- искусственный интеллект в биологии и медицине, рассматриваются вопросы использования ИИ в биоинформатике, геномике и протеомике, как фактор революционных продвижений в медицине [37] и пр. Представленными направлениями перечень не исчерпывается, а, в перспективе, можем предположить,

будет больше. Вывод, к которому можно прийти, очевиден: применение ИИ и технологии ИИ практически во всех сферах жизнедеятельности общества закономерно порождает процесс развития столь специфических, но отнюдь не узких направлений исследований в социально-гуманитарной сфере. Надо полагать, что это может повлечь некоторые методологические сложности в исследованиях, связанных с таким социально-технологическим феноменом, как ИИ. Разрешение вопроса видится в реализации исследовательской «формулы» Вернадского В.И., предложившего исследовать научные проблемы «не по наукам, а по проблемам» [38]. В этом, собственно, суть междисциплинарного подхода и действенный способ научного разрешения актуальных социально-гуманитарных проблем, связанных с феноменом ИИ.

Третий вывод связан с наличием в публикациях тезиса о неопределенности и рискогенном потенциале стремительного развития и широкого применения ИИ и технологий на его основе. Очевидно, что ИИ, как любое инновационное творение содержит в себе огромные (не в полной мере пока осознаваемые) возможности для общественного развития и, в тоже время, таит угрозы (также не в полной мере осмысленные), которые при условии неразумного их развития и потребления могут приобрести характер катастрофический. Исследования, выявляющие и оценивающие степень рисков, связанных с применением технологий ИИ, очень даже не мало (мы исключаем из этого ряда футурологические изыскания). Не смотря на множество публикаций, все же надо отметить, что в настоящее время не сложилось общего понимания относительно угроз, связанных с использованием ИИ и технологий на его основе. Выявляемые и описываемые угрозы сводятся к социально-экономическим, социально-политическим и социокультурным основаниям. Не меньше встречается исследований проблем безопасности (военной, технологической, информационной и пр.) в связи с активным применением ИИ [39].

Анализ научных публикаций [40] дает возможность сформулировать концептуальную модель, позволяющую, в самом общем виде представить смысловую структуру угроз, на которые акцентируют свое исследовательское внимание авторы научных публикаций (Табл. 1).

Таблица 1.

Технологии, реализованные в рамках Индустрии 4.0 и перспективных технологий Индустрии 5.0		Объекты влияния	Рискогенные зоны
		Человек,	социально-психологическая сущность, интеллект, психологическое здоровье и др.
		Общество,	духовные, социальные, политические и экономические институты
		Государство	военная, экономическая, информационная, научно-технологическая и др. сферы
		Цивилизация	культура, как основа цивилизации, ее трансформация и пр.

Механизмы регулирования искусственного интеллекта в интересах минимизации рисков, связанных с применением технологий искусственного интеллекта

Независимо от области социально-гуманитарного знания Бердяевский парадокс усматривается в подавляющем большинстве научных публикаций. Утверждая важность и необходимость развития и использования технологий ИИ для общественного блага, где в большей мере, где в меньшей дается характеристика либо уже существующих, либо возможных рисков порождения крайне опасных для человека, общества и государства ситуаций.

Четвертый вывод: в условиях неопределенности и рискогенного потенциала, связанного с развитием и при-

менением ИИ, возникает закономерная потребность в ее регулировании и утверждении этических норм реализации проектов, связанных с ИИ. Актуальность проблемы регулирования, вплоть до 2020 года, большинство социально-правовых исследователей объективно связывали с отсутствием единой концепции правового регулирования, общего понимания относительно выработки специальных, в том числе, этических норм и правил, регулирующих эту, достаточно специфическую и динамично развивающуюся область технологий (приводим лишь малую часть исследованных нами работ) [41].

В дальнейшем исследования приобрели предметный, отраслевой характер. Стали более ориентированными на проблемы, связанные с совершенствованием системы государственного регулирования, интерпретации норм и правил институционального свойства [42] и, конечно, на этические аспекты [43]. Еще более актуализируются вопросы: правосубъектность объектов с развитым ИИ; набирающий обороты процесс взаимного влияния и взаимного проникновения права и цифровых технологий [44]; интеллектуально-правовые аспекты применения технологий ИИ [45]; правовые аспекты изменений, происходящих в сфере труда под влиянием цифровых технологий [46]; искусственный интеллект и связанные с ним угрозы дискриминации прав человека [47] и целый ряд иных аспектов, подпадающих в область, развивающегося цифрового права, призванного разрешить важные вопросы регулирования в системе «право-ИИ-человек».

Таким образом, надо полагать, что перед социально-гуманитарной наукой встала важнейшая и крайне непростая задача, связанная с вопросами определения столь сложного социально-технологического феномена, как ИИ, масштаба и характера его влияния на человека, общество и государство, определения социально-правовых механизмов его регулирования.

Надо отметить, что исследования проблем, связанных с социально-правовым механизмом регулирования (при всей условности деления) развивается в двух направлениях: связанных с регулированием процесса развития (создания) и с применением (потреблением) технологий ИИ, как продукта. И на этом аспекте остановимся чуть подробнее.

Можем полагать, что процесс формирования системы регулирования берет свое начало в 2016 году и связан с принятием Национальной технологической инициативы [48]. Как долгосрочная межведомственная программа, она закладывает основы формирующегося государственного механизма реализации технологического развития. Основным инструментом является «дорожная карта», реализуемая в форме проектов. В документе сформулированы правила разработки и реализации «дорожных карт» по технологическому развитию. Более того, в документе (в приложении к правилам) были сформулированы направления мероприятий по реализации «дорожных карт». Характерно, что в первоначальной редакции Постановления одним из направлений являлось поэтапное совершенствование нормативно-правовой базы в целях устранения барьеров для использования передовых технологических решений и создания стимулов для их внедрения [49]. В последующем документ претерпевает ряд изменений, дополнений и уточнений. Однако, эти изменения, как нам видится, не сняли вопрос регулирования (создания правовых условий) технологического развития. Важным, с точки зрения рассматриваемого нами вопроса, считаем то, что в документе уже появилось положение, связанное с оценкой рисков, и барьеров (технологических, рыночных и общественных), которые могут препятствовать реализации задач разви-

тия. Ключевым в указанном Постановлении являлось то, что государство формулирует свое устремление именно на развитие и внедрение технологий (путем устранения барьеров), но, пока еще, не ставился вопрос пределов и масштабов внедрения, равно как и вопрос этического свойства.

Принятые в 2017 году Стратегия развития информационного общества в России на 2017–2030 годы [50] и программа «Цифровая экономика РФ» [51] сохраняют логику регулирования, связанную с развитием правовых основ развития. В программе «Цифровая экономика РФ» определялись пять базовых направлений: нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность. Обращаем внимание, что в направлениях уже достаточно устойчиво и предметно формулируется вопрос, связанный с формированием и развитием системы нормативного регулирования.

В 2019 году распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р утверждающая программу «Цифровая экономика РФ» утрачивает силу. Правительство страны формулирует новую национальную программу цифровой экономики страны [52]. В ее рамках утверждаются и реализовываются уже шесть Федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление». Проект «Цифровые технологии» ориентирован на развитие и распространение «сквозных цифровых технологий», к которым относятся: нейротехнологии, ИИ, робототехника, виртуальная реальность, большие данные (сбор, обработка и хранение большого массива информации). Обращаем внимание, что вопрос, связанный с формированием и развитием системы нормативного регулирования, также сохраняет свою актуальность.

Президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию в августе 2020 года в рамках цифрового развития страны и в реализации Национальной стратегии развития ИИ [53] дополнительно к вышеуказанным проектам добавляется ФП «Искусственный интеллект» [54]. Федеральные проекты: «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» и «Обеспечение доступа в Интернет за счет развития спутниковой связи» входят в сферу программы цифрового развития и реализуются в рамках инициатив социально-экономического развития страны до 2030 года [55].

В настоящее время в рамках цифрового развития страны на период до 2030 года функционирует уже девять Федеральных программ. Но важно то, что ряд реализуемых в рамках программы «Цифровая экономика РФ» федеральных проектов, обуславливают процесс формирования и развития социально-правовых механизмов регулирования технологического развития, которые базируются на принципах обеспечения благополучия и безопасности. Дадим краткую характеристику лишь некоторым из перечисленных проектов, важных с точки зрения рассматриваемого вопроса.

Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» [56]. В рамках проекта в ряду урегулированных проблем были сформированы правовые условия для установления экспериментальных правовых режимов в области цифровых инноваций [57]. И, что крайне важно, утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники [58]. Это, конечно, далеко не полный круг урегулированных вопросов.

ФП «Искусственный интеллект» [59] можем определить, как инструмент реализации Национальной стратегии развития ИИ. Одна из ключевых ее задач ориентирована на создание системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием ИИ.

Указанные выше проекты, как инструменты достижения Стратегии информационного общества и Национальной стратегии развития ИИ, существенным образом усилили процессы формирования социально-правового механизма регулирования в интересах развития ИИ. На ряду с другими направлениями ИИ, робототехника и биотехнологии предопределены в Стратегии развития информационного общества, как основные направления развития. Сформулирован был также ряд базовых принципов, один из которых – обеспечение защиты интересов граждан в информационной среде. Важным социально-правовым аспектом регулирования является то, что уже в документе доктринального характера, коим является указанная Стратегия, заложены ориентиры на обеспечение безопасности граждан, государства и, конечно, их взаимодействия. Очевидно, что реализация указанных выше проектов способствует не только активному технологическому развитию, но и, что важно, предопределяет процесс формирования системы регулирования технологического развития, в частности искусственного интеллекта.

Социально-правовые основы регулирования искусственного интеллекта более предметно, были предопределены Национальной стратегией развития искусственного интеллекта до 2030 года [60] и принятой годом позже Концепцией развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники [61].

Можем предположить, что в определенной мере актуализация научным сообществом вопроса регулирования привело к тому, что в Национальной стратегии развития ИИ был сформулирован ряд крайне важных и обязательных к соблюдению принципов развития и, что важно, использования технологий ИИ: защита прав и свобод человека, в том числе право на труд в условиях цифровой экономики; безопасность, недопустимость использования ИИ в целях умышленного причинения вреда, а также предупреждение и минимизация рисков возникновения негативных последствий использования ИИ и др.

Сформулированные в национальной стратегии цели развития ИИ, ориентированы на обеспечение: роста благосостояния и качества жизни, национальной безопасности и др. Эти цели, в полной мере, согласуются с национальными целями развития страны на период до 2030 года [62] и являются основанием для разработки новых и корректировки функционирующих госпрограмм и проектов развития ИИ, с учетом вопросов обеспечения благополучия и безопасности для человека, общества и государства.

Примером действенного взаимодействия государства, как важного социального института и научного сообщества, также можно считать принятую систему взглядов на ключевые вопросы регулирования общественных отношений в области технологий ИИ и робототехники. Сформулированы они в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники [63]. Концепция, как политико-правовой документ доктринального характера, явилась, в некотором роде, драйвером для процесса выработки и утверждения норм и правил, по большому счету, и развития цифрового права.

Целью Концепции является определение основных подходов к преобразованию системы правового регулирования в интересах обеспечения условий создания

и применения технологий ИИ и робототехники в различных сферах экономики и, что важно при этом с соблюдением прав и обеспечения безопасности личности, общества и государства как важного принципа. Надо отметить, что ориентация на создание благоприятных правовых условий для разработки и применения ИИ и РТ основывается на целом ряде важных принципов, один из которых – обеспечения баланса интересов как разработчиков, так и потребителей, а также определения границ юридической ответственности за негативные последствия использования ИИ и робототехники.

Достижение заложенных в Концепции целей и задач возможно при наличии действенного механизма, который также нашел свое отражение в документе. Концепция предполагает разработку и принятие к 2024 году правовых документов в сфере ИИ и робототехники, создающих комфортную социально-правовую среду для развития технологий ИИ и робототехники. Создание комфортной социально-правовой среды для развития технологий ИИ и РТ предполагает: расширение регуляторных мер для финансового стимулирования, создание механизмов упрощенного внедрения, решение отраслевых задач развития законодательства, включая обеспечение безопасности систем ИИ и РТ, снятие отраслевых барьеров для внедрения, совершенствование режима оборота данных для целей развития, совершенствование системы технического регулирования, участие в разработке актов в сферах ИИ и РТ.

Было бы совершенно не верным обойти проблему, связанную с этическим аспектом в сфере использования ИИ. В силу важности вопроса, именно в Национальной стратегии развития ИИ была сформулирована необходимость выработки этических норм, касающихся взаимодействия человека и ИИ, как одного из важных направлений создания системы регулирования [64], а в последующем, в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и РТ. Концепция декларирует, что развитие указанных технологий должно базироваться на этических нормах, предполагающих приоритет безопасности и благополучие человека, запрет на причинение вреда человеку по инициативе искусственного интеллекта и РТ, подконтрольность искусственного интеллекта и РТ человеку, проектируемое соответствие закону, в том числе требованием безопасности [65].

Надо полагать, что это и стало некоторым важным основанием разработки и принятия Кодекса этики в сфере ИИ. Российский Кодекс был разработан Альянсом в сфере ИИ совместно с аналитическим центром при Правительстве РФ и Минэкономразвития. В октябре 2021 года принят на международном форуме «Этика искусственного интеллекта: начало доверия», который состоялся в Москве. Первоначально документ был подписан Правительством РФ, Минэкономразвития, Альянсом в сфере ИИ, включающим УК РФПИ, ПАО Газпром нефть, ООО Яндекс, ПАО МТС, ООО ВК и ПАО Сбербанк. В настоящее время к документу уже присоединились 268 организаций, 43 федеральных и 16 региональных органов исполнительной власти, выразив тем самым свое согласие с теми принципами, которые были сформулированы в первом разделе Кодекса.

Сформулировано шесть базовых принципа этики и правил поведения: главный приоритет развития технологий ИИ – защита интересов и прав людей и отдельного человека; осознание ответственности при создании и использовании ИИ; ответственность за последствия применения СИИ всегда несет человек; технологии ИИ нужно применять по назначению и внедрять там, где это принесет пользу людям; интересы развития технологий ИИ выше интересов конкуренции; максимальная про-

зрачность и правдивость в информировании об уровне развития технологий ИИ, их возможностях и рисках [66]. Несмотря на рекомендательный характер Кодекса, этические положения и принципы, сформулированные в документе, в определенной мере, могут предопределить логику дальнейшего развития социально-правовых основ регулирования ИИ.

При всей важности принятых документов для развития системы регулирования отношений в сфере технологий ИИ надо признать, что Национальная стратегия и Концепция имеют больше политико-программный характер, а Кодекс этики рекомендательный. Это означает наличие некоторой свободы в интерпретации норм, в отличие от нормативно-правового акта, имеющего статус высшей юридической силы (например, Федеральный закон или Кодекс, как правовой документ) и содержащий нормы обязательные к исполнению в сфере развития и применения ИИ и технологий на его основе. Ведь совершенно очевидно, что нарушения сформулированных этических положений и принципов не могут служить основанием для юридической ответственности. Видимо поэтому, Совет по развитию цифровой экономики при СФ предложил внедрить в российской законодательство положения Кодекса этики ИИ [67].

Учитывая степень значимости вопроса, полагаем возможным разработку и принятие базового нормативно-правового акта как документа, обладающего юридической силой высокого порядка, а, следовательно, обязательного для всех участников процесса. Тем более, что ориентация на более активное развитие и расширение сферы применения технологии ИИ уже обусловило принятие некоторых нормативно-правовых актов: *Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ в субъекте РФ – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 ФЗ «О персональных данных»*. Целью установления экспериментального режима является создать необходимые условия как для разработки, так и для внедрения технологий ИИ. При этом, прозрачность, защита прав и свобод человека, безопасность личности, общества и государства являются ключевыми принципами установления экспериментального правового режима; *Федеральный закон от 31.07.2020 № 123-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровой инновации в Российской Федерации»*, устанавливающий в медицине, образовании, промышленности, торговле строительстве и в иных сферах экспериментальный правовой режим регулирования (регуляторные песочницы). Важно то, что логика развития вопроса регулирования связана не только с необходимыми правовыми условиями развития внедрения технологий, но и то, что должно отвечать требованиям безопасности для человека, общества и государства. Как и в предыдущем законе, в данном правовом акте также сформулированы базовые принципы экспериментального правового режима, связанные с недопустимостью ограничения конституционных прав и свобод гражданина, обеспечения безопасности личности, общества и государства.

В рамках логики рассуждений осмелимся предположить, что с принятием Национальной стратегии начинается процесс более или менее осмысленного институционального регулирования развития и внедрения ИИ. Основывается этот процесс как на правовых, этических нормах, правил и традициях, так и на организационно-управленческих процедурах. Коль речь ведем о социально-правовых аспектах регулирования ИИ, было бы не верным обойти стороной вопрос, связанный с формированием

институтов регулирования. В данном ключе ведется речь об организационно-управленческой системе, которая реально функционирует пока на Федеральном уровне. Например, в структуре Минпромторга РФ – Департамент цифровых технологий; в министерстве цифрового развития – Департамент развития ИИ; в структуре Минэкономразвития – Департамент развития цифровой экономики; в Министерстве науки и высшего образования – Департамент цифрового развития и др. Указанные структурные подразделения призваны реализовывать государственную политику в области развития и применения современных (цифровых) технологий.

В системе законодательных органов власти: при СФ создан Совет по развитию цифровой экономики, в составе которой функционирует секция «Искусственный интеллект». В ГД функционирует комитет по информационной политике, информационным технологиям и связи, одна из задач – совершенствование нормативно-правового регулирования ИИ.

Можем предположить, что современное состояние организационно-управленческой системы, в определенной мере, хотя и имеет устойчивый характер институционального оформления, все же, является одним из возможных факторов неоднородности процесса развития и внедрения технологий ИИ в современной России. То, что процесс развития и внедрения технологий ИИ в современной России имеет характер неоднородный, подтверждаются результатами исследования: «Индекса интеллектуальной зрелости» в регионах. По результатам которого в 88 процентах регионах отмечают отсутствие доступа к данным для использования ИИ, в 62 процентах регионов – дефицит специалистов в области ИИ, в 91 процентах регионов не разрабатывают собственные стратегии использования ИИ [68].

Таким образом, можно сделать вывод, что государство, как один из социальных институтов, обладает осознанной потребностью в развитии ИИ и технологий на его основе. Потребность обусловлена необходимостью научно-технологического и, как следствие, социально-экономического и технологического развития, обеспечения национальной безопасности, формирования технологической независимости. Осознанная потребность побуждает государство к действиям, ориентированным на создание необходимых нормативно-правовых, организационных, финансовых и, иных условий для развития ИИ и технологий на его основе. Наличие рискогенного потенциала, связанного с развитием и применением ИИ и технологий на его основе, закономерно порождает потребность в развитии социально-правового механизма регулирования процесса развития и применения ИИ и технологий на его основе с учетом ключевых принципов, важнейшим из которых является обеспечение благополучия и безопасности человека, общества и государства. Таковы наши весьма предварительные выводы, которые мы можем сформулировать в рамках нашей статьи, основываясь на научных публикациях, нормативно-правовых документах, которые нам довелось проанализировать.

Литература

1. Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция: перевод с англ. / Клаус Шваб – М.: Эксмо, 2022. С. 16
2. Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция: перевод с англ. / Клаус Шваб – М.: Эксмо, 2022. С. 27–37.
3. Суперкомпьютеры 2023: (интервью член-корр. РАН С.М. Абрамова) // <https://www.nkj.ru/open/49270/>

4. Федоров А.А., Либерман И.В., Корягин С.И., Клачек П.М. Технология проектирования нейрорцифровых экосистем для реализации концепции Индустрия 5.0 // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. Т. 14, № 3. С. 19–39. DOI: 10.18721/JE.14302; Бабкин А.В., Федоров А.А., Либерман И.В., Клачек П.М. Индустрия 5.0: понятие, формирование и развитие. Экономика промышленности. 2021; 14(4):375–395. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-4-375-395>; Баринова Н.В.; Баринов В.Р. Цифровая экономика, искусственный интеллект, Индустрия 5.0, вызовы современности. Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2022, Том 19, № 5 (125). С. 23–34.
5. Федоров А.А., Либерман И.В., Корягин С.И., Клачек П.М. Технология проектирования нейрорцифровых экосистем для реализации концепции Индустрия 5.0 // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. Т. 14, № 3. С. 19–39. DOI: 10.18721/JE.14302
6. Федоров А.А., Либерман И.В., Корягин С.И., Клачек П.М. Технология проектирования нейрорцифровых экосистем для реализации концепции Индустрия 5.0 // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. Т. 14, № 3. С. 19–39. DOI: 10.18721/JE.14302.
7. Черепанов Н.В. Принципы и подходы применения Индустрии 5.0 на предприятии. Журнал «Инновации и инвестиции», № 9 2019. С 44; Ху Тинтин. Обзор национальных стратегий перехода к Индустрии 5.0 // Экономика и управление инновациями. 2022. № 3 (22). С. 28–38. DOI: 10.26730/2587-5574-2022-3-28-38
8. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ»
9. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъектах Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статью 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»
10. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники), «Путь», 1933. № 38. С. 3–6.
11. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники), «Путь», 1933. № 38. С. 3–6
12. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – 2-е издание – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. С 319–326 (приложение IV)
13. Вячеслав Степин. Цивилизация и культура. Санкт-Петербург, 2011. С. 93
14. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 1998. С. 83
15. Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция: перевод с англ. / Клаус Шваб – М.: Эксмо, 2022. С. 22
16. См.: там же, с. 22–24
17. Александр Алексеев, Ирина Алексеева. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации. Монография, М.: Проспект, 2021.
18. Александр Алексеев, Ирина Алексеева. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации. Монография, М.: Проспект, 2021.
19. Александр Алексеев, Ирина Алексеева. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации. Монография, М.: Проспект, 2021..
20. Александр Алексеев, Ирина Алексеева. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации. Монография, М.: Проспект, 2021.
21. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Практикс, 2007. 208 с.
22. Игнатъев В.И. Социокультурные аспекты роботизации. // Социология науки и технологий. 2019. Том 10, № 1. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-10005
23. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 1948–1961. 2-е издание. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983.
24. <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/>
25. Авторы в период с марта 2023 по декабрь 2023 года провели анализ восьмидесяти четырех научных публикаций, монографий, связанных с проблемами развития и применения технологий ИИ и их влияния на различные аспекты жизнедеятельности социума. А также были рассмотрены нормативно-правовые документы, предопределяющие социально-правовой механизм регулирования ИИ и технологий на его основе.
26. Леонов Вадим, прот., Каштанова Е.В., Лобачева А.С. Этика искусственного интеллекта: проблемы и инициативы в социальной сфере // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2021, № 2 (53). С. 5–12. DOI 10.12737/2305-7807-2021-10-2-5-12
27. Неганов В.В. Философские аспекты создания современных технологий искусственного интеллекта в архитектуре и строительной отрасли // Современные технологии в мировом научном пространстве: методы, модели, прогнозы: монография, Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021. С. 93–110.
28. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. – М.: Издательство «Манн, Иванов и Фербер», 2016; Дион М.С., Серединская Л.А. Искусственный интеллект и суперинтеллект: экзистенциальные риски // Философские дескрипты. 2017. № 18; Лавриненко А.Ю. Философские проблемы искусственного интеллекта // Молодежный научно-технический вестник. 2015. № 10. С. 65; Иоселиани А.Д. Цхададзе Н.В. Искусственный интеллект: социально-философское осмысление. // Журнал Фундаментальные аспекты психического здоровья, № 2 2019 [ФАПЗ]. С. 196–202;
29. М. Грановерт Сила слабых связей (перевод З.В. Котельниковой), Экономическая социология. Т. 10. № 4 2009. С31–51.; Пономарев А.М. Технологии искусственного интеллекта в контексте современной трансформации социальности //Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 159–177. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_159
30. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35–47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>.
31. Виниченко М.В., Наррайнен Г.С. Мельничук А.В., Фени Ч. Влияние искусственного интеллекта на деятельность человека // Пограничные информаци-

- онные технологии системные исследования в кооперативной экономике. Исследования в области систем, принятия решений и управления. Springer Nature Швейцария. – 2021. – Том 316. – С. 561–570. https://doi.org/10.1007/978-3030-57831-2_60.
32. Хабирова Е.Е. Неопределенность в отношении технологии искусственного интеллекта в российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. № 3. С. 262–275. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.305>; Ваняева А.С. Социальные риски внедрения технологий искусственного интеллекта // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7. С. 67–71. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.8>.
 33. Степаненко А.С. Социокультурные и технологические предпосылки искусственного интеллекта. Диссертация на соискание дфн, 2007; Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность // Сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 14–15 ноября 2018 г.) // под ред. И.В. Аненковой, М.А. Пильгун; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. 2019.
 34. Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 113 с.; Крысанова Н.В. Ст: К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта. DOI: 10.31249/rpravo/2021.01.02; Понкин И.В. Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права. Вестник РУДН. Сер: Юридические науки 2018 Т. 22. № 1. 91–109; Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. Монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди. 2017.
 35. Вислова А.Д. Потенциал психологии интеллекта в контексте моделирования искусственного интеллекта // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН № 6 (92) 2019. С 32–46. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-6-92-32-46; Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970, 191 с.; Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания: в 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 196.
 36. Корж Е. М., Громова А.В. Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в психологии // Системная психология и социология. 2023. № 2 (46). С. 60–70. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.46.2.5
 37. Морозова Ю.А. Цифровая трансформация российского здравоохранения как фактор развития отрасли // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 2. – С. 36–47. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-2-36.; Карпов О.Э., Акаткин Ю.М., Конявский В.А., Микерин Д.С. Цифровое здравоохранение в цифровом обществе. – Деловой экспресс. Москва, – 2016.; Мельников П.В., Доведов В.Н., Каннер Д.Ю., Черниковский И.Л. Искусственный интеллект в онкохирургической практике. Тазовая хирургия и онкология 2020;10(3–4):60–4.
 38. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: «Наука», 1988. С. 124
 39. Артамонов В.А. Безопасность информационно-коммуникационных технологий в контексте устойчивого развития социума / В.А. Артамонов, Е.В. Артамонова, Л.А. Кулак // Цифровая трансформация. 2019. – № 2. – С. 36–45; Виловатых А.В. Искусственный интеллект как фактор военной политики будущего // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 1 (58).
 40. Авторы в период с марта 2023 по декабрь 2023 года провели анализ восьмидесяти четырех научных публикаций, монографий, связанных с проблемами развития и применения технологий ИИ и их влияния на различные аспекты жизнедеятельности социума. А также были рассмотрены нормативно-правовые документы, предопределяющие социально-правовой механизм регулирования ИИ и технологий на его основе.
 41. Калятин В.О. Изменения системы объектов интеллектуальных прав в связи с принятием четвертой части Гражданского кодекса // СПС: «Консультант-Плюс»; Федотов М.А. Проблемы доктрины информационного права // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. № 1. Т. 10. С. 42.; Харитонов Ю.С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, интернет: Ежегодник. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 52–65.; Рахматулина Р.Ш., Савина В.С., Свиридова Е.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта и роботизации – новый этап развития экономики. Журнал «Гуманитарные и юридические исследования», № 4 (2019), с. 209–216.; Харитонов Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности. // Вестник Пермского ун-ва. Юридические науки», 2020, № 3; Ибрагимов Р.С., Сурагина Е.Д. Гуманитарный подход к регулированию ИИ // Право и экономика. Документы. Комментарии. Практика. 2018. № 4. С. 35–47.
 42. Келепова М.Е., Молодчик А.В., Нагорная М.С. Правовое и институциональное регулирование ИИ на международном и национальном уровнях // Управление в современных системах. 2022. № 3 (35). С. 68–78.; Бегишев И.Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 37–40; Ивлев Г.П. Егорова М.А. Юридическая проблематика правового статуса ИИ и продуктов, созданных системами ИИ // Журнал российского права, 2022, т. 26. № 6. С. 32. DOI: 10.12737/jrl.2022.060
 43. Морхат П.М. Искусственный интеллект и права человека: теоретико-правовое исследование // Право и образование. 2018. № 3. С. 35–44; Журков А.А. Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта: международно-правовой опыт; Федоров М. Искусственный интеллект: международно-правовые коллизии и этические нормы // Международная жизнь. – Апрель 2020; Холодная Е.В. Этические стандарты и регулирование искусственного интеллекта // Информационное право. – 2020. – № 3 (65).
 44. Андреев В.К. Приобретение и осуществление прав юридического лица с использованием искусственного интеллекта // Предпринимательское право. 2021. № 4; LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: монография (отв. ред. И.В. Ершова, О.В. Сушкова) М.: «Прспект», 2023; Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. Монография, издательство «Норма», 2023; Лаптев В.А., Соловяненко Н.И., Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография. М.: Прспект, 2022.
 45. Евушкин А.Н., Тюлин А.В. Deepfake и системы искусственного интеллекта в парадигме развития

цифрового права. Ст в журн «Юрист», 2021, № 11, <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=139658#F2qBI0UcBLiPK1AI1>

46. Филипова И.А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права: моногр./И.А. Филипова. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021; Прожерина К.В. Ст. Искусственный интеллект как вызов трудовому праву. Журн «Трудовое право в России и за рубежом» № 04/2023», с. 18–20.; Хубулова М.И. Искусственный интеллект в сфере труда. // Трудовое право в России и за рубежом. 2022, № 3. С. 45–47.
47. Талапина Э.В. Алгоритмы и ИИ сквозь призму прав человека. / журнал российского права, 2022. № 10.
48. Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2016 г. N 317 «О реализации Национальной технологической инициативы» (с изменениями и дополнениями). <https://base.garant.ru/71380666/>
49. Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2016 г. N 317 «О реализации Национальной технологической инициативы»
50. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»
51. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утратило силу).
52. Утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.
53. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ»
54. Приложение N 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 N 17
55. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 N 2816-р (ред. от 14.03.2022) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года».
56. Утвержден президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 N 9
57. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ»
58. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»
59. Приложение N 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 N 17
60. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»
61. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регу-

лирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»

62. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»
63. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»
64. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»
65. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»
66. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения 18.01.2024)
67. <https://www.pnp.ru/social/kodeks-etiki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-khotyat-vnedrit-v-zakonodatelstvo.html>
68. Результаты исследования «Индекс интеллектуальной зрелости» в регионах, представляющее собой оценку ИИ-зрелости всей системы экономики и государственного управления по четырем направлениям: системы ФОИВ, региональных ОИВ, и системы ОМС. // https://files.data-economy.ru/Docs/AI_regions.pdf

SOCIAL AND LEGAL ASPECTS OF REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MODERN RUSSIA (REVIEW AND ANALYTICAL STUDY)

Moiseev A.V., Epkhiev O.M.

National Research University MGSU

The authors of the presented review material, from March 2023 to December 2023, analyzed eighty-four scientific publications, monographs related to the problems of the development and application of artificial intelligence technologies and their impact on various aspects of social life. Regulatory and legal documents that predetermine the social and legal mechanism for regulating AI and technologies based on it were also considered. Based on the analysis, the authors came to some conclusions, which boil down to the fact that AI and technologies based on it are products of scientific and technological revolution that significantly influence individuals, society and the state. Obviously, this influence is paradoxical. On the one hand, the development of AI and technologies based on it is an objective process. They are unstoppable in their development for the benefit of social progress. On the other hand, it is risky and can be a threat to individuals, society and the state. This urgently raises the issue of the formation and development of socio-legal mechanisms for regulating its development and application. In the article, the authors, having analyzed a certain volume of not only scientific publications, but also regulatory documents, formulate their vision of a really functioning social and legal mechanism for regulating AI and technologies based on it.

Keywords: scientific and technological progress, industrial revolution, artificial intelligence, artificial intelligence technologies, robotics, regulation of artificial intelligence, digital economy, National Strategy for the Development of Artificial Intelligence, Concept for the development of regulation of relations in the field of technologies, artificial intelligence and robotics.

References

1. Klaus Schwab. The Fourth Industrial Revolution: translation from English. / Klaus Schwab – М.: Eksmo, 2022. P. 16
2. Klaus Schwab. The Fourth Industrial Revolution: translation from English. / Klaus Schwab – М.: Eksmo, 2022. P. 27–37.

3. Supercomputers 2023: (interview with Corresponding Member of the RAS S.M. Abramov) // <https://www.nkj.ru/open/49270/>
4. Fedorov A.A., Liberman I.V., Koryagin S.I., Klachek P.M. Technology for designing neuro-digital ecosystems to implement the concept of Industry 5.0 // Scientific and Technical Journal of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences. 2021. Vol. 14, No. 3. pp. 19–39. DOI: 10.18721/JE.14302; Babkin A.V., Fedorov A.A., Liberman I.V., Klachek P.M. Industry 5.0: concept, formation and development. Economics of industry. 2021; 14(4):375–395. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-4-375-395>; Barinova N.V.; Barinov V.R. Digital economy, artificial intelligence, Industry 5.0, challenges of our time. Vestnik REU im. G.V. Plekhanova, 2022, Volume 19, No. 5 (125). P. 23–34.
5. Fedorov A.A., Liberman I.V., Koryagin S.I., Klachek P.M. Technology for designing neuro-digital ecosystems to implement the concept of Industry 5.0 // Scientific and Technical Journal of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences. 2021. Vol. 14, No. 3. pp. 19–39. DOI: 10.18721/JE.14302
6. Fedorov A.A., Liberman I.V., Koryagin S.I., Klachek P.M. Technology for designing neuro-digital ecosystems to implement the concept of Industry 5.0 // Scientific and Technical Journal of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences. 2021. Vol. 14, No. 3. pp. 19–39. DOI: 10.18721/JE.14302.
7. Cherepanov N.V. Principles and approaches to using Industry 5.0 in an enterprise. Magazine “Innovation and Investment”, No. 92019. P. 44; Hu Tingting. Review of national strategies for the transition to Industry 5.0 // Economics and innovation management. 2022. No. 3 (22). pp. 28–38. DOI: 10.26730/2587-5574-2022-3-28-38
8. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 N 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation”
9. Federal Law of April 24, 2020 No. 123-FZ “On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entities of the Russian Federation – the federal city of Moscow and amending Article 6 and 10 of the Federal Law “On Personal Data”
10. Berdyaev N.A. Man and machine (the problem of sociology and metaphysics of technology), “The Path”, 1933. No. 38. pp. 3–6.
11. Berdyaev N.A. Man and machine (the problem of sociology and metaphysics of technology), “The Path”, 1933. No. 38. pp. 3–6
12. Wiener N. Cybernetics, or control and communication in animals and machines. – 2nd edition – M.: Nauka; Main editorial board of publications for foreign countries, 1983. pp. 319–326 (Appendix IV)
13. Vyacheslav Stepin. Civilization and culture. St. Petersburg, 2011. P. 93
14. Moiseev N.N. The fate of civilization. The path of the mind. M., 1998. P. 83
15. Klaus Schwab. The Fourth Industrial Revolution: translation from English. / Klaus Schwab – M.: Eksmo, 2022. P. 22
16. See: *ibid.*, p. 22–24
17. Alexander Alekseev, Irina Alekseeva. The fate of intelligence and the mission of reason: philosophy facing the challenges of the digitalization era. Monograph. M.: Prospekt, 2021.
18. Alexander Alekseev, Irina Alekseeva. The fate of intelligence and the mission of reason: philosophy facing the challenges of the digitalization era. Monograph. M.: Prospekt, 2021.
19. Alexander Alekseev, Irina Alekseeva. The fate of intelligence and the mission of reason: philosophy facing the challenges of the digitalization era. Monograph. M.: Prospekt, 2021..
20. Alexander Alekseev, Irina Alekseeva. The fate of intelligence and the mission of reason: philosophy facing the challenges of the digitalization era. Monograph. M.: Prospekt, 2021.
21. Habermas Yu. Technology and science as “ideology”. M.: Praxis, 2007. 208 p.
22. Ignatiev V.I. Sociocultural aspects of robotization. // Sociology of science and technology. 2019. Volume 10, No. 1. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-10005
23. Wiener N. Cybernetics, or control and communication in animals and machines. 1948–1961. 2nd edition. – M.: Science; Chief editor of publications for foreign countries, 1983.
24. <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/>
25. The authors, from March 2023 to December 2023, analyzed eighty-four scientific publications, monographs related to the problems of the development and application of AI technologies and their impact on various aspects of social life. Regulatory and legal documents that predetermine the social and legal mechanism for regulating AI and technologies based on it were also considered.
26. Leonov Vadim, prot., Kashtanova E.V., Lobacheva A.S. Ethics of artificial intelligence: problems and initiatives in the social sphere // Personnel and intellectual resources management in Russia. M.: Scientific Publishing Center INFRA-M, 2021, No. 2 (53). pp. 5–12. DOI 10.12737/2305-7807-2021-10-2-5-12
27. Neganov V.V. Philosophical aspects of creating modern artificial intelligence technologies in architecture and the construction industry // Modern technologies in the global scientific space: methods, models, forecasts: monograph, Petrazavodsk: ICNP “New Science”, 2021. pp. 93–110.
28. Bostrom N. Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies. – M.: Publishing house “Mann, Iva” new and Ferber”, 2016; Diyun M.S., Seredinskaya L.A. Artificial intelligence and superintelligence: existential risks // Philosophical descriptors. 2017. No. 18; Lavrinenko A. Yu. Philosophical problems of artificial intelligence // Youth scientific and technical bulletin. 2015. No. 10. P. 65; Ioseliani A.D. Tskhadadze N.V. Artificial intelligence: social and philosophical understanding. // Journal Fundamental Aspects of Mental Health, No. 22019 [FAPZ]. P. 196–202;
29. M. Granovet The strength of weak ties (translation by Z.V. Kotelnikova), Economic sociology. T.10. No. 42009. C31–51.; Ponomarev A.M. Artificial intelligence technologies in the context of modern transformation of sociality // Discourse-Pi. 2022. T.19. No. 4. P. 159–177. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_159
30. Rezaev A.V., Tregubova N.D. “Artificial intelligence”, “online culture”, “artificial sociality”: definition of concepts // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2019. No. 6. P. 35–47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>.
31. Vinichenko M.V., Narrainen G.S. Melnichuk A.V., Feni Ch. The influence of artificial intelligence on human activity // Borderline information technologies and systemic research in cooperative economics. Research in systems, decision making and management. Springer Nature Switzerland. – 2021. – Volume 316. – pp. 561–570. https://doi.org/10.1007/978-3030-57831-2_60.
32. Khabirova E.E. Uncertainty regarding artificial intelligence technology in Russian society // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2021. Vol. 14. No. 3. pp. 262–275. 10.21638/spbu12.2021.305.; Vantyaeva A.S. Social risks of introducing artificial intelligence technologies // Theory and practice of social development. 2022. No. 7. pp. 67–71. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.8>.
33. Stepanenko A.S. Sociocultural and technological prerequisites for artificial intelligence. Dissertation for the PhD, 2007; New culture of communications in the context of digital and sociocultural globalization: law, media and national identity // Collection of materials of the international scientific and practical conference (Moscow, November 14–15, 2018) // ed. I.V. Anenkova, M.A. Pilgun; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M.2019.
34. Morhat P.M. Legal personality of artificial intelligence units. Civil research. – M.: UNITY-DANA, 2018. – 113 p.; Krysanova N.V. St: On the issue of legal personality and legal development of artificial intelligence. DOI: 10.31249/rgpravo/2021.01.02; Ponkin I.V. Redkina A.I. Artificial intelligence from a legal perspective. Bulletin of RUDN University. Ser: Legal Sciences 2018 T. 22. No. 1. 91–109; Morhat P.M. Artificial intelligence: legal view. Monograph / ROO “Institute of State-Confessional Relations and Law”. M.: Buki Vedi. 2017.
35. Vislova A.D. The potential of the psychology of intelligence in the context of modeling artificial intelligence // News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences No. 6 (92) 2019. pp. 32–46. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-6-92-32-46; Brushlinsky A.V. Psychology of thinking and cybernetics. M., 1970, 191 pp.; Velichkovsky B.M. Cognitive science: foundations of cognitive psychology: in 2 volumes. M., 2006. Vol. 2. P. 196.
36. Korzh E. M., Gromova A.V. Potential for the use of artificial intelligence technologies in psychology // System psychology and sociology. 2023. No. 2 (46). pp. 60–70. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.46.2.5

37. Morozova Yu.A. Digital transformation of Russian healthcare as a factor in the development of the industry // *Intellect. Innovation. Investments.* – 2020. – No. 2. – P. 36–47. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-2-36.; Karpov O.E., Akatkin Yu. M., Konyavsky V.A., Mikerin D.S. Digital healthcare in a digital society. – *Business Express.* Moscow, 2016; Melnikov P.V., Dovedov V.N., Kaner D.Yu., Chernikovskiy I.L. Artificial intelligence in oncological practice. *Pelvic Surgery and Oncology* 2020;10(3–4):60–4.
38. Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist. M.: “Science”, 1988. P. 124
39. Artamonov V.A. Security of information and communication technologies in the context of sustainable development of society / V.A. Artamonov, E.V. Artamonova, L.A. Kulak // *Digital transformation.* 2019. – No. 2. – P. 36–45; Vilovatykh A.V. Artificial intelligence as a factor in the military policy of the future // *Problems of national strategy.* 2019. No. 1 (58).
40. The authors, from March 2023 to December 2023, analyzed eighty-four scientific publications, monographs related to the problems of the development and application of AI technologies and their impact on various aspects of social life. Regulatory and legal documents that predetermine the social and legal mechanism for regulating AI and technologies based on it were also considered.
41. Kalyatin V.O. Changes in the system of objects of intellectual rights in connection with the adoption of the fourth part of the Civil Code // *SPS: “ConsultantPlus”;* Fedotov M.A. Problems of the doctrine of information law // *Proceedings on intellectual property.* 2012. No. 1. T.10. P. 42.; Kharitonova Yu.S. On the question of the protectability of the result of artificial intelligence // *Law of the future: intellectual property, innovation, Internet: Yearbook.* Vol. 1. M.: INION RAS, 2018. pp. 52–65.; Rakhmatulina R.Sh., Savina V.S., Sviridova E.A. Legal regulation of artificial intelligence and robotization is a new stage in economic development. *Journal of Humanitarian and Legal Research,* No. 4 (2019), pp. 209–216; Kharitonova Yu. S., Savina V.S. Artificial intelligence technology and law: challenges of our time. // *Bulletin of Perm University. Legal Sciences,* 2020, N 3; Ibragimov R.S., Suragina E.D. Humanitarian approach to the regulation of AI // *Law and Economics. Documents. Comments. Practice.* 2018. N 4. pp. 35–47.
42. Kelepova M.E., Molodchik A.V., Nagornaya M.S. Legal and institutional regulation of AI at the international and national levels // *Management in modern systems.* 2022. No. 3 (35). pp. 68–78; Begishev I.R. International legal framework for regulating artificial intelligence and robotics // *International public and private law.* 2021. No. 1. P. 37–40; Ivlev G.P. Egorova M.A. Legal issues of the legal status of AI and products created by AI systems // *Journal of Russian Law,* 2022, vol. 26. No. 6. P. 32. DOI: 10.12737/jrl.2022.060
43. Morhat P.M. Artificial intelligence and human rights: theoretical and legal research // *Law and Education.* 2018. No. 3. P. 35–44; Zhurkov A.A. Ethical aspects of using artificial intelligence systems: international legal experience; Fedorov M. Artificial intelligence: international legal conflicts and ethical standards // *International life.* – April 2020; Kholodnaya E.V. Ethical standards and regulation of artificial intelligence // *Information law.* – 2020. – No. 3 (65).
44. Andreev V.K. Acquisition and exercise of rights of a legal entity using artificial intelligence // *Business Law.* 2021. No. 4; *LegalTech in the field of entrepreneurial activity:* monograph (ed. by I.V. Ershova, O.V. Sushkova) M.: “Prospekt”, 2023; Amelin R.V., Channov S.E. The evolution of law under the influence of digital technologies. Monograph, publishing house “Norma”, 2023; Laptev V.A., Solovyanenko N.I., Digital justice. Digital document: monograph. M.: Prospekt, 2022.
45. Evushkin A.N., Tyulin A.V. Deepfak and artificial intelligence systems in the development paradigm of digital law. Article in the journal “Lawyer”, 2021, No. 11, <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJl&n=139658#F2qBl0Uc-BLiPK1AI1>
46. Filipova I.A. The influence of digital technologies on labor: guidelines for labor law: monograph/I.A. Filipova. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, 2021; Prozherina K.V. Art. Artificial intelligence as a challenge to labor law. Zhur “Labor Law in Russia and Abroad No. 04/2023”, p. 18–20.; Khubulova M.I. Artificial intelligence in the world of work. // *Labor law in Russia and abroad.* 2022, no. 3. P. 45–47.
47. Talapina E.V. Algorithms and AI through the prism of human rights. / *Journal of Russian Law,* 2022. No. 10.
48. Decree of the Government of the Russian Federation of April 18, 2016 N 317 “On the implementation of the National Technology Initiative” (with amendments and additions). <https://base.garant.ru/71380666/>
49. Decree of the Government of the Russian Federation of April 18, 2016 N 317 “On the implementation of the National Technology Initiative”
50. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 N 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”
51. Order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017. No. 1632-r “On approval of the program “Digital Economy of the Russian Federation” (lost force).
52. Approved by the minutes of the meeting of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects dated June 4, 2019 No. 7.
53. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation”
54. Appendix No. 3 to the protocol of the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the use of information technologies to improve the quality of life and business conditions dated August 27, 2020 No. 17
55. Order of the Government of the Russian Federation dated October 6, 2021 N 2816-r (as amended on March 14, 2022) “On approval of the list of initiatives for the socio-economic development of the Russian Federation until 2030.”
56. Approved by the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions, Protocol No. 9 dated May 28, 2019
57. Federal Law of July 2, 2021 No. 331-FZ “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law “On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation”
58. Order of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 N 2129-r “On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024”
59. Appendix No. 3 to the protocol of the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the use of information technologies to improve the quality of life and business conditions dated 08.27.2020 N 17
60. Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation”
61. Order of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 N 2129-r “On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024”
62. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 N 474 “On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030”
63. Order of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 N 2129-r “On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024”
64. Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation”
65. Order of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 N 2129-r “On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024”
66. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence // <https://ethics.a-ai.ru/> (access date 01/18/2024)
67. <https://www.pnp.ru/social/kodeks-etiki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta-khotyat-vnedrit-v-zakonodatelstvo.html>
68. The results of the study “Index of Intellectual Maturity” in the regions, which is an assessment of the AI maturity of the entire system of economics and public administration in four areas: the federal executive authority system, the regional executive authority system, and the compulsory medical insurance system. // https://files.data-economy.ru/Docs/AI_regions.pdf

Реализация здоровьесберегающей модели организации массового спорта как элемента городской социальной инфраструктуры

Тагаков Никита Евгеньевич,

аспирант, преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Новосибирский государственный университет экономики и управления
E-mail: ntagakov@mail.ru

На сегодняшний день спорт перестал быть исключительно оздоровительным или соревновательным занятием, выполняющим функции оздоровления природы человека и общества. В наши дни современные спортивные соревнования представляют собой значимую сферу мировой экономики, приносящую существенные прибыли; это направление и важнейший ресурс не только внутренней, но и внешней государственной политики. В статье автор рассматривает две ключевые спортивные области: спорт высших достижений (профессиональный спорт) и массовый спорт. Проводится сравнительный анализ советского периода истории физической культуры и спорта, и период прихода в Российскую Федерацию рыночных отношений в 1990-е годы. Определены два типа стратегии в соответствии с идеей модели управления спортом – достигательная и здоровьесберегающая. Проблема данного исследования роли и места массового спорта и физической культуры в жизни человека трактуется неоднозначностью между надобностью при создании условий соблюдения здорового образа жизни и занятий физической культурой, как свободной досуговой здоровьесберегающей деятельностью.

Ключевые слова: массовый спорт, спорт высших достижений, физическая культура и спорт, здоровый образ жизни, спортивно-массовые мероприятия, досуг.

Введение

В настоящее время, современный спорт состоит из двух значимых направлений: спорт высших достижений и массовый спорт («спорт для всех»). Данные понятия закреплены на законодательном уровне и получили официальное толкование в Федеральном законе от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2022). Физическая культура и спорт рассматривается как одно из средств профилактики заболеваний, укрепления здоровья, поддержания работоспособности человека. Но остается проблематичным соответствие цели и задач Федерального закона и Федерального проекта «Спорт – норма жизни» реализации и развитию массового, доступного для граждан спорта. Приходится констатировать труднодоступность бесплатной спортивной инфраструктуры. Исчерпалась преемственность развития спорта: от школы к спортивным школам, затем к детско-юношеским спортивным школам. Современная молодежь теряет интерес к физическим нагрузкам и спорту.

Спорт, изначально являвшийся священной игровой практикой деятельности человека, становится сферой карьерного роста. Область развития существующего спорта смещается от «духовно-нравственных принципов к рыночным и коммерческим принципам». На первое место выходят «менеджеры», то есть начальники, администраторы и спонсоры, которые определяют формат проведения спортивных соревнований, тем самым игнорируя гуманистические принципы, изначально присущие спорту как игровой практике.

С возникновением рыночных отношений в Российской Федерации в 1990-е годы возникли две противоположные тенденции: с одной стороны, были уничтожены организации массовой физической культуры и спорта, особенно действующие в сфере предпринимательства. С другой стороны, возникла сеть спортивных клубов, оказывающих населению физкультурно-спортивные услуги на платной основе. Но они больше не были публично доступны для граждан. Стратегии управления спортивной инфраструктурой, оформившиеся в последние десятилетия, являются одной из причин упадка современного массового спорта.

В советский период истории нашей страны физическая культура и спорт были ключевыми направлениями социальной политики государства. Впервые появились такие соревнования, как «Золотая шайба», «Кожаный мяч» и «Оранжевый мяч», в которых участвовали уличные команды, были созданы детские спортивные школы, в которые родители записывали своих детей с целью развития их спортивных навыков. В Советском Союзе человек начинал свой день с «утренней гимнастики», в рабочий перерыв мог сделать комплекс упражнений «производственной гимнастики». По телевизору показывали «физкульт-зарядку», упражнения озвучивал тренер-инструктор. Центральная идея развития массового спорта в СССР – воспитание здоровой нации. Помимо уроков физкультуры в школе, каждый ученик мог бесплатно заниматься в спортивных секциях. Старшее поколение нашей страны также имело возможность посещать спортивные секции.

Согласно результатам анкетного опроса (методика полустандартизированного интервью, опрос экспертов о развитии и управлении массового спорта Новосибирской области, март-апрель, 2023 г.), 60% респондентов «время от времени» занимаются физической культурой (делают зарядку, в свободное время при доступности спортивного оборудования занимаются определенным видом спорта).

Президент Российской Федерации указом от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» поставил задачу увеличения доли населения, занимающегося физической культурой. Уровень проникновения спорта достигнет 70%, создав среду, в которой спорт доступен всем категориям населения. Сегодня под видом массового спорта также проводятся знаменитые советские соревнования «Золотая шайба», «Кожаный мяч» и «Оранжевый мяч», а также проводятся соревнования между спортивными школами, где уровень мастерства значительно выше. Сегодня занятия детей в спортивных школах уже не считаются популярной активной деятельностью, да и не в каждой школе есть возможность заниматься. На этих объектах осуществляется спортивная подготовка для спорта высших достижений и профессионалов своего дела.

Тенденции развития спорта в современной России таковы, что резко изменились условия его существования и функционирования: от государственной структуры, оно быстро превращается в систему коммерческих предприятий. Это влечет за собой радикальный пересмотр всей идеологии спорта, его теоретических основ, взгляды на его историю, место и роль в культуре и ее перспективы. Это происходит на фоне ухудшения состояния здоровья населения как важной демографической проблемы.

Методология

Парадоксальный характер управления спортивной индустрией порождает методологический разнобой во взглядах исследователей спорта. Это объясняется дихотомичностью коммерческой и оздоровительной ипостасями спорта (Пономарев И.Е., Стриева Л.Ю., Олонец С.Б.) [20]. Очевиден крен в сторону изучения достижений, которые демонстрируют спортсмены на соревнованиях международного уровня. Основоположник советской школы теории физического воспитания, физической культуры и спорта Л.П. Матвеев считает, что «небольшое количество работ по проблеме массового спорта можно объяснить ориентацией спортивной науки исключительно на спорт высших достижений» [14]. Модель раздельного управления массовым и «элитным» спортом стала результатом критической дискуссии, начавшейся среди экспертов в 1960-х годах. (Р.А. Пилоян, А.Д. Суханов) [18]. Эти два вида спорта считаются разными и требуют разных подходов. В центре внимания исследования – распределение ресурсов, поступающих от государства, и разделение полномочий между органами власти: на федеральном уровне – управление спортом высшего класса, на местном уровне – массовым спортом. Постановка вопроса о разграничении двух форм спорта указывает на проблему противоречий в понимании и оперировании стратегиями управления ресурсами спорта. Мы определили два типа стратегии в соответствии с идеей модели управления спортом – достигательные и здоровьесберегающие.

Достижительные стратегии управления спортивными учреждениями – это форма демонстрации успеха, предполагающая манипулирование «показателями» и гляцевыми отчетами для получения одобрения на-

чальства и получения награды. Это адаптивные стратегии, побуждающие человека «всегда быть на высоте» и избегать ошибок и неудач в развитии. «Адаптивные стратегии концентрируют человека на проявлении профессиональных заслуг, обеспечивают радость побед, но блокируют чувство удовлетворения во внутреннем развитии [12]. Здоровьесберегающая стратегия является альтернативой, реализуется в практиках «понимающего менеджмента» (Д.В. Ушаков). Здоровьесберегающая стратегия «основана на признании роли здоровья как фактора национальной безопасности. Результатами такой бережливой стратегии являются строительство сети спортивных площадок, модернизация спортивного инвентаря, подготовка кадров для физического воспитания населения и создание жизнеспособной финансово-экономической модели массового спорта, позволяющей добиться разумного баланса между платными услугами и обязательствами государства в этой области [25].

Спорт и физическая культура изучается в нескольких направлениях: теория и история спорта, спорт как вид социально-культурной деятельности, форма досуга. Изучение потребности в здоровье, самосохранительном поведении, продолжительности жизни способствовало возникновению социологии здоровья, социологии тела (С.А. Гашков), социология жизни (Л.Л. Шпак, Т.М. Дридзе, М.О. Орлов, Ж.Т. Тощенко) [7, 16]. Концепции жизненных сил человека и общества определяет спорт как способ улучшения качества жизни, увеличения ресурса «жизненных сил». В работах А.А. Болзина обращено внимание на значимость сохранения здоровья и жизнеспособности человека [4].

Современные социологические исследования спорта проводимые М.А. Захаровым и А.Г. Егоровым свидетельствуют нам о том, что любительский спорт функционирует, как средство формирования и развития здорового образа жизни. Спорт для человека становится площадкой для выполнения различных социальных ролей, расширения их функционального набора и тем самым повышения социального опыта и социокультурных навыков. Цели массового спорта в целом соответствуют целям физической культуры, но реализуются через соревновательный характер регулярных тренировок. Социология спорта оформилась как отраслевая дисциплина в работах В.А. Артемова, В.И. Жолдак, Н.А. Пономарева, В.И. Столярова, М.Е. Кутелова, М.А. Арвисто [3, 9, 21, 24, 11, 2]. Спорт обоснован как средство развития социальности и культуры личности.

Занятия спортом и физической культурой – это территория досуга, управление которым неоднозначно, и практически невозможно (в бюрократическом смысле). Спорт как форма активного досуга и отдыха стал одним из исследовательских направлений социально-культурной деятельности (Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников, А.Д. Жарков А.Л. Гордон и Э.В. Клопов, Г.П. Орлов, Г.А. Пруденский) [17, 8, 6, 15, 22]. Институциональные характеристики спорта изучает Л.А. Акимова [1].

Проблема нашего исследования роли и места массового спорта и физической культуры в жизни человека определяется противоречием между необходимостью создания условий для поддержания здорового образа жизни и занятий любительским спортом как свободной досуговой здоровьесберегающей деятельностью. Но мы замечаем слабую разработанность технологий управления развитием спортивно-оздоровительной спортивной инфраструктуры на уровне местных муниципальных образований, которая необходима для организации спортивного вида досуга.

Для изучения проблемы развития массового спорта, как инструмента здоровьесбережения, мы анкетный

опрос среди жителей Новосибирска (18–45 лет, март-апрель 2023 г., 160 чел. – 100%). Это, своего рода, результаты реализации и вызовы управленческим стратегиям руководителей спортивной сферы. Ответы респондентов сравнивались с мнениями экспертов (опрос экспертов, интервью, Новосибирская область, март-апрель, 2023 г., 3 чел.). Экспертность (список экспертов см. в примечании) респондентов определялась квотами: высшее образование, опытом и стажем работы в сфере спорта не менее 10 лет, высокий управленческий уровень решаемых проблем (руководство спортивным учреждением, обществом, подразделением департамента спорта и физической культуры), наличием наград и публикаций по проблемам развития спорта.

Результаты анкетного опроса показали, что граждане занимаются спортом и физической активностью ради удовольствия, для улучшения своего физического состояния, хорошего самочувствия и поддержания здоровья. Наши респонденты считают, что занятия спортом являются полезным видом отдыха (16,7%), практикой здорового образа жизни 10,9%, помогают при необходимости эмоциональной разрядки (9,9%), укрепляют сердечно-сосудистую систему 2,9%. Регулярно занимаются спортом 35% респондентов.

В ответах проявились предпочтения гендерного характера. Девушки указали, что выбирают фитнес (17,5%), легкую атлетику и плавание (13,7%). Такой выбор спортивных видов, по их мнению, позволяет «поддерживать свою фигуру в форме» (27,1%), «помогает похудеть» (10,4%). По мнению С.Г. Антонычевой, эти виды спорта более доступны и могут принести пользу своим общеукрепляющим действием. Легкая атлетика является «королевой спорта», где задействованы все группы мышц. Плавание – это средство для восстановления и укрепления организма, фитнес может быть полезен как для укрепления психического самочувствия. Мужчины чаще всего выбирают волейбол, футбол, баскетбол и волейбол, стрельбу. Менее востребованы респондентами хоккей (1%), лыжи (2%), сноуборд (3%), конный спорт (4,5%), теннис (3,7%) (таблица 1).

Таблица 1. Выбор вида спорта гражданами (Опрос март-апрель 2023, г. Новосибирск, 160 чел.)

Перечень видов спорта	Женщины (чел.)	Мужчины (чел.)
легкая атлетика	22	0
футбол	0	7
волейбол	6	11
баскетбол	1	7
хоккей	0	1
фитнес	28	0
плавание	22	0
стрельба	5	9
лыжи	0	3
фигурное катание	10	0
сноуборд	1	4
конный спорт	7	0
теннис	5	1

Выбор вида спорта объясняется доступностью спортивной инфраструктуры. Значит 26,8% опрошенных заявили, что «живут вдали от спортивных сооружений», около четверти опрошенных (24,2%) пожаловались

на нехватку спортивных сооружений. Жителям города, не имеющим собственного автомобиля, сложно добраться до спортивного клуба, находящегося далеко от дома, на общественном транспорте «далеко не уедешь», особенно в вечернее время. Большая часть респондентов проживает в микрорайоне нового типа (35,6%), центральном районе города (28,7%), остальная часть респондентов в «спальном районе (20,6%), поселке городского типа (13,2%) и селе (1,9%), где спортивной инфраструктуры и проведения спортивно-массовых мероприятий не большое количество или вообще отсутствует.

Экспертов заботит проблема оснащенности спортивных учреждений кадрами. «Хорошо, если в муниципальной администрации есть методист по спортивной направленности. Причем деятельный, неравнодушный. Он может организовать занятия любыми видами активности: скандинавскую ходьбу, волейбол, дартс... Как показала практика, такой кружок по интересам позволяет достичь нескольких целей достичь: люди здоровье сохраняют, общаются между собой, перестают чувствовать себя одиночками и беспомощными».

Любители спорта выражали желание, чтобы было больше возможностей для занятий видами спорта, доступ к которым ограничен или невозможен в силу материальных трудностей, удаленности места жительства. Они ощущают нехватку хоккейных коробок, футбольных полей, баскетбольных и волейбольных площадок, велосипедных дорожек, ледовых арен. Это тот минимум инфраструктуры, который необходим для занятий массовым спортом и физической культурой (таблица 2).

Таблица 2. Спортивная инфраструктура (Опрос март-апрель 2023, г. Новосибирск, 160 чел.)

Городские спортивные объекты	Наличие спортивных объектов (шт.)	Потребность в спортивных объектах (шт.)
хоккейные коробки	20	16
футбольные поля	29	23
баскетбольные площадки	21	19
ледовые арены	13	11
площадки для подвижных игр с детьми	31	29
тренажерные площадки	29	30
волейбольная площадка	12	11
конный клуб	2	12
лесная зона для прогулок	19	34
велосипедные дорожки	11	56

Хоккейные коробки и футбольные поля, волейбольные и баскетбольные площадки должны находиться в каждом дворе, считают наши респонденты. Это позитивно повлияет на популяризацию данных видов спорта. Площадки для детей помогут привить желание с раннего возраста заниматься спортом. Тренажерные площадки дадут шанс для систематических занятий спортом не только молодому поколению, но и людям старшего поколения. Жители г. Новосибирска считают, что площа-

док для подвижных игр с детьми, занятий на спортивных тренажерах, конных клубов должно быть, как минимум, в два раза больше.

Это мнение жителей г. Новосибирска подтверждает В.И. Пунгин: *«для создания благоприятных условий занятиям спортом, необходимо, чтобы в каждом дворе имелось спортивное поле. Летом нужно поле для занятий футболом, зимой – хоккеем или для катания на коньках. У нас в городе детские площадки были оснащены спортивным инвентарем, для пенсионеров и жителей среднего возраста проложены дорожки для прогулок и спортивные снаряды.* Но этого недостаточно. Горожане жаловались, что ощущают нехватку лесных зон для прогулок. Современная городская застройка таких зон не предполагает. Сошлемся на мнение исследователя массового спорта Е.М. Слепокуровой, которая также считает, что проблемы развития массового спорта связаны со спецификой градостроительной застройки, не предполагающей развития парковых зон, набережных и дворовых территорий.

Проблемой остается низкий уровень обеспеченности спортивными сооружениями, в том числе современными спортивными сооружениями. Проблема в их содержании, рациональности использования. В каком состоянии они находятся? Кто за ними следит? Во многих районах практически отсутствуют отдельно стоящие спортивные сооружения, а существующие спортивные залы в общеобразовательных школах заняты для реализации школьных программ, что делает невозможным удовлетворение потребностей в физическом воспитании и спорте других категорий населения. Необходимо сосредоточить внимание на эффективности загрузки существующих спортивных сооружений. Отдельно стоит отметить нехватку финансовых ресурсов в муниципалитетах на аварийный и текущий ремонт спортивных сооружений.

Во многом отказ проводить спортивный досуг объясняется низкой мотивацией и человека, и представителя управленческих структур. Ни образовательные учреждения, ни компании не оказывают должной поддержки развитию массового спорта. Студенческим командам не хватает финансирования, поэтому вкладывать средства в поездки на соревнования за пределы родного города зачастую просто некому. Частные компании практически не заинтересованы в физической подготовке своих сотрудников, да и зачем? Тратить личные деньги работодателей на оплату тренировок и абонементов в спортзалы не совсем выгодно. А строка «хобби» в резюме не вызывает никакого интереса у работодателя. Поэтому сотрудники этих компаний, даже самые молодые, зачастую не находят возможности включить спорт в свой и без того насыщенный распорядок дня [23]. Эксперт Р.А. Гуца видит основную причину в ограничениях, связанных с пандемией, когда были закрыты фитнес-центры. *«Потом многие спортивные залы остались без лишних денег. И если поблизости нет фитнес-центра или двор не оснащен спортивной площадкой, то некоторые люди вообще перестают заниматься спортом».*

Одна из причин, по которой люди не занимаются спортом, – нехватка времени. Из 160 респондентов, половина (53%) откладывают занятия спортом из-за неудобной транспортной инфраструктуры. Необходимость долго добираться до физкультурно-оздоровительных объектов сводит «на нет», желание проводить спортивный досуг. Четверть респондентов (24,5%) пожаловались на отсутствие стадионов и спортивных клубов в районе, где они проживают; еще почти столько же (20,7%) указали на нехватку финансов. Загруженностью на работе, учебе, сложным режимом работы объяснили свою неспортивность 17,1% участников опроса. 13,2%

сообщили, что не могут заниматься спортом «по состоянию здоровья». Из всех участников опроса 5,7% честно признались, что «не могут себя заставить делать регулярно физические упражнения».

Для регулярного спортивного досуга нужна высокая мотивация, которой многим не хватает. *«Некоторым попросту не хватает хорошей компании для занятий спортом, ведь трудовое время проходит быстрее, а удовольствие получаешь в два раза больше – и с другом встретился и потренировался»*, полагает эксперт Р.А. Гуца.

Как замотивировать того, кто вел до сих пор не самый здоровый образ жизни? Знаю случаи, когда люди сами себя мотивировали. Один из ярких примеров: жительница одного из районов области заинтересовалась северной ходьбой и решила попробовать в ней силы. Увлелась, а потом рассказывает: сбросила восемь килограммов, стала гораздо лучше себя чувствовать, похорошела внешне... и повторно вышла замуж в возрасте шестидесяти восьми лет!

Участие в массовых спортивных мероприятиях определяется хорошей информированностью людей. Респонденты сообщили, что, как правило, информацию о спортивных мероприятиях или акциях они получают через общение в интернет-сообществах (46,5%), из рекламных роликов и афиш (13,3%). Молодежь г. Новосибирска узнает о проведении спортивных мероприятий из рекламы, размещенной в сети «Интернет» (67,5%). Молодежь следит за спортивными мероприятиями, проводимыми в их городе. Для пенсионеров получение информации из таких источников затруднено. Они получают информацию о спортивных мероприятиях из газет (3,3%), из городских новостей (6,6%). Необходимо для более возрастной категории размещать информацию в печатных изданиях, где людям старшего поколения будет проще узнать о проводимых спортивных мероприятиях. Можно даже впускать календари с указанием мероприятия, когда оно будет проводиться. Тем более, если речь идет о традиционных мероприятиях, проводимых ежегодно.

Респонденты указали, что они осведомлены о значимых городских спортивных мероприятиях, организованных местным муниципалитетом и принимают в них участие. Четверть опрошенных сообщили, что они участвовали в «Днях здоровья» (23,3%), различных соревнованиях (19,7%) и «спортивных акциях» (18,1%), «марафонах» (14,1%). Они сообщили, что посещают «показательные выступления спортсменов» (6,7%), но спортивных акций должно быть больше (19,6%). Ежегодные городские спортивно-массовые мероприятия, которые проводятся традиционно: Всероссийские соревнования на лыжах «Лыжня России», легкоатлетические забеги «Сибирский фестиваль бега» и «Кросс нации», спортивные и культурные праздники «День города», «День физкультурника», соревнования по футболу и хоккею на призы «Кожаный мяч» и «Золотая шайба». Эти соревнования проводятся на свежем воздухе, в доступных для всех местах. Зрителей и болельщиков приходит много. А на профессионально-спортивных объектах для всех желающих не так много и не так часто проводятся мероприятия. С этим возникают проблемы.

Пожаловались, что «совсем ничего не проводится» в сфере спорта для населения (18,1%), что во дворцах спорта, аренах и стадионах не занимаются популяризацией массовым спортом (23,1%). Эксперты с этим не согласны. Во многих муниципальных образованиях делают ставки на здоровый образ жизни. Особенно это стало заметно с появлением северной (скандинавской) ходьбы. В ряде районов города появились секции. Большой стимул дают областные спартакиады пенсионеров,

зимние и летние, которые проводятся у нас в регионе с 2011 г. Изначально участников таких соревнований было немного, но потом, глядя на других, к этому движению стали примыкать все новые и новые люди.

Это мнение подтверждают и аналитики. Развивая и популяризируя массовый спорт необходимо учитывать личные интересы граждан. В обществе сформирован заказ на комфортную и доступную физкультурно-спортивную деятельность, культурную и спортивную среду для занятий «спортом». Это позволит сформировать приоритет физкультурно-спортивной деятельности перед другими формами досуга [13].

Сегодня активно развивается самбо, проводятся различные мероприятия для спортсменов-профессионалов, для «людей-новичков». Как рассказал Р.А. Гуца, «Самбо – это не только спорт, но и система воспитания, в основу которой положены национальные традиции. В Федерацию Самбо НСО поступает много заявок от директоров школ, которые хотят подключиться к нам. Когда ребёнок приходит на самбо, он становится дисциплинированным. У нас есть кодекс самбиста и каждый, кто его принимает, обязуется хорошо учиться, защищать ближних, уважать старших. Будущее – за спортивными клубами».

Заключение

По результатам нашего исследования и с учетом мнения специалистов мы выявили основное противоречие между необходимостью создания условий для ведения здорового образа жизни и занятиями физкультурой и спортом как свободной досуговой деятельностью. Следует отметить, что технологии управления развитием спортивно-досуговой инфраструктуры на уровне отдельных муниципальных образований, необходимые для организации спортивно-досуговой деятельности, развиты недостаточно. Поэтому для восстановления и дальнейшего процесса развития в области физической культуры необходимо изучение стратегической составляющей управления. Спорт как самостоятельная, незаменимая и многоструктурная ценностная подсистема современной культуры обладает созидательным потенциалом для формирования физического, психосоциального, нравственного и духовного здоровья человека, гармонизации межличностных отношений. Здоровье нации и уровень развития физической культуры страны зависят от стратегии управления массовым спортом. Чтобы спорт давал необходимые положительные результаты, он должен быть не только зрелищным и созерцательным, но и непосредственно вовлекающим.

Литература

1. Акимова Л.Н. Психология спорта: Курс лекций. Одесса: Студия «Негоциант», 2004. 127 с.
2. Арвисто М.А. Культура в спорте и культура личности // Система культуры личности и ее значение для научно-технического прогресса: Тез. докл. к XIII межзон. симп. Горький, 1985. С. 156–158.
3. Артемов В.А. Об изучении социологического аспекта физической культуры // Теория и практика физ. культуры. 1963. № 4. С. 58–60.
4. Болозин А.А. Методологические основы изучения доступности массового спорта для молодежи // Caucasian Science Bridge. 2020. Т. 3. № 1 (7). С. 50–54.
5. Ведерникова Н.С. Социология спорта: история развития и современное [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tnu.podelise.ru/docs/index-325574.html>. (Дата обращения: 23.1.2023)
6. Гордон А.Л., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972. 162 с.
7. Дридзе Т.М. Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. 1998. № 2. С. 95–99.
8. Жарков А.Д. Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: учебник для магистрантов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 071800-«Социально-культурная деятельность». Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Московский гос. ун-т культуры и искусств». Москва: МГУКИ, 2012. 456 с.
9. Жолдак В. И., Коротаяева Н.В. Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие / Моск. обл. гос. ин-т физ. культуры. пос. Малаховка (Моск. обл.): МОГИФК, 1994. 295
10. Захаров М.А. Социология спорта: учебно-методическое пособие / М.А. Захаров. 2-е изд., перераб. и доп. Смоленск: СГАФКСТ, 2008. 216 с.
11. Кутепов М.Е. Ценности в области физической культуры и спорта как предмет социологического анализа // III Всес. конф. по социологич. проблемам физич. культуры и спорта: Тезисы. М., 1977. С. 32–33.
12. Логунова Л. Ю., Маженина Е.А., Ушаков Д.В. Проблемы профессиональной самореализации молодых преподавателей // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 4 (36). С. 52–59.
13. Малиновская Н. В., Мальчевская Н.Н. Организация спортивно-массовых мероприятий, как технология привлечения студенческой молодежи к активным занятиям физическими упражнениями // Физическая культура, спорт и здоровье. 2016. № 28. С. 47–49.
14. Матвеев Л.П. Обобщающая теория физической культуры на текущем этапе своего становления // Теория и практика физической культуры. 2009. № 9. С. 16–17.
15. Орлов Г.П. Свободное время как социологическая категория. Свердловск.: Изд-во Уральского ун-та, 1973. 109 с.
16. Орлов М.О. Ценностные основания бытия человека: философский и социокультурный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Социология. 2017. № 4. С. 398–404.
17. Основы социально-культурной деятельности: Учеб. пособие / Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников; Моск. гос. ин-т культуры. Москва: МГИК, 1993. 164 с.
18. Пилюян Р. А., Суханов А.Д. Модель раздельного управления спортом для всех и спортом высших достижений // Теория и практика физической культуры. 1999. № 12. С. 26–26.
19. Платонов В.Н. Фундаментальный труд (к 85-летию со дня рождения ЛП Матвеева) // Вестник спортивной науки. 2010. № 3. С. 67.
20. Пономарев И. Е., Стриева Л.Ю., Олопец С.Б. Массовый спорт и спорт высших достижений как современный социокультурный феномен // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 236–240.
21. Пономарев Н.А. Основы социологии физической культуры. Л., 1976. 129 с.
22. Пруденский Г.А. Проблемы рабочего и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972.-335с.
23. Слепокурова Е.М. Проблемы развития массового спорта в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2019. № 3–2 (90). С. 125–126.

24. Столяров В.И. Социология физической культуры и спорта основные проблемы, новые подходы и концепции). Часть I. Объекты исследования социологии физической культуры и спорта: Уч. пособие. М.: РАО, РГАФК, 1999.
25. Тагаков Н.Е. Стратегии управления развитием массового спорта и физической культуры // Сборник научных трудов по материалам Межвузовской научно-практической конференции, посвящённой 75-летию кафедры «Физическая культура и спорт» СГТУ имени Гагарина Ю.А.. Саратов, 2023. С. 124–130.

IMPLEMENTATION OF A HEALTH-SAVING MODEL FOR ORGANIZING MASS SPORTS AS AN ELEMENT OF URBAN SOCIAL INFRASTRUCTURE

Tagakov N.E.

Novosibirsk State University of Economics and Management

Today, sport has ceased to be an exclusively recreational or competitive activity that performs the functions of improving the health of human nature and society. Nowadays, modern sports competitions represent a significant area of the global economy, generating significant profits; this is the direction and most important resource of not only domestic, but also foreign state policy. In the article, the author examines two key sports areas: elite sports (professional sports) and mass sports. A comparative analysis of the Soviet period in the history of physical culture and sports, and the period of the arrival of market relations in the Russian Federation in the 1990s, is carried out. Two types of strategy are defined in accordance with the idea of the sports management model – achievement-based and health-saving. The problem of this study of the role and place of mass sports and physical culture in human life is interpreted by the ambiguity between the need to create conditions for maintaining a healthy lifestyle and physical education as a free leisure health-preserving activity.

Keywords: mass sports, elite sports, physical education and sports, healthy lifestyle, sporting events, competitions, leisure.

References

1. Akimova L.N. Psychology of sports: Course of lectures. Odesa: Negotiant Studio, 2004. 127 p.
2. Arvisto M.A. Culture in sports and personality culture // System of personality culture and its significance for scientific and technological progress: Abstracts. report to the XIII interzone. symp. Gorky, 1985. pp. 156–158.
3. Artemov V.A. On the study of the sociological aspect of physical culture // Theory and practice of physical education. culture. 1963. No. 4. P. 58–60.
4. 4Bolozin A.A. Methodological foundations for studying the accessibility of mass sports for youth // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol. 3. No. 1 (7). pp. 50–54.
5. Vedernikova N.S. Sociology of sport: history of development and modern [Electronic resource]. Access mode: <http://tnu.podelise.ru/docs/index-325574.html>. (Date of access: 23.1.2023)
6. Gordon A. L., Klopov E.V. Man after work. Social problems of everyday life and non-working hours. M.: Nauka, 1972. 162 p.
7. Dridze T.M. Eco-anthropocentric paradigm in social cognition and social management // Man. 1998. No. 2. P. 95–99.
8. Zharkov A.D. Theory, methodology and organization of socio-cultural activities: a textbook for undergraduates of higher educational institutions studying in the field of study 071800-“Social and cultural activities”. Federal state budgetary educational institution of higher education prof. Education “Moscow State University of Culture and Arts”. Moscow: MGUKI, 2012. 456 p.
9. Zholdak V. I., Korotaeva N.V. Sociology of physical culture and sports: Textbook. allowance / Moscow. region state Institute of Physics culture. village Malakhovka (Moscow region): MOGIFK, 1994. 295
10. Zakharov M.A. Sociology of sports: educational manual / M.A. Zakharov. 2nd ed., revised. and additional Smolensk: SGAFKST, 2008. 216 p.
11. Kutepov M.E. Values in the field of physical culture and sports as a subject of sociological analysis // III All-Union. conf. in sociology physical problems culture and sports: Theses. M., 1977. pp. 32–33.
12. Logunova L. Y., Mazhenina E.A., Ushakov D.V. Problems of professional self-realization of young teachers // Professional education in Russia and abroad. 2019. no. 4 (36). pp. 52–59.
13. Malinovskaya N. V., Malchevskaya N.N. Organization of mass sports events as a technology for attracting students to active physical exercises // Physical culture, sport and health. 2016. No. 28. pp. 47–49.
14. Matveev L.P. Generalizing theory of physical culture at the current stage of its formation // Theory and practice of physical culture. 2009. No. 9. pp. 16–17.
15. Orlov G.P. Free time as a sociological category. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1973. 109 p.
16. Orlov M.O. Value foundations of human existence: philosophical and sociocultural analysis // News of Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Sociology. 2017. No. 4. pp. 398–404.
17. Fundamentals of socio-cultural activities: Textbook. manual / T.G. Kiseleva, Y.D. Krasilnikov; Moscow state Institute of Culture. Moscow: MGIK, 1993. 164 p.
18. Piloyan R. A., Sukhanov A.D. Model of separate management of sports for everyone and sports of the highest achievements // Theory and practice of physical culture. 1999. No. 12. pp. 26–26.
19. Platonov V.N. Fundamental work (to the 85th anniversary of the birth of LP Matveev) // Bulletin of sports science. 2010. No. 3. P. 67.
20. Ponomarev I. E., Strieva L. Yu., Olonets S.B. Mass sports and high achievement sports as a modern sociocultural phenomenon // State and municipal management. Scientific notes. 2019. no. 1. pp. 236–240.
21. Ponomarev N.A. Fundamentals of the sociology of physical culture. L., 1976. 129 p.
22. Prudensky G.A. Problems of working and non-working time. M.: Nauka, 1972.-335 p.
23. Slepokurova E.M. Problems of development of mass sports in the Russian Federation // Bulletin of the Master’s degree. 2019. no. 3–2 (90). pp. 125–126.
24. Stolyarov V.I. Sociology of physical culture and sports (main problems, new approaches and concepts). Part I. Objects of research in the sociology of physical culture and sports: Proc. allowance. M.: RAO, RGAFK, 1999.
25. Tagakov N.E. Strategies for managing the development of mass sports and physical culture // Collection of scientific papers based on the materials of the Interuniversity scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the department “Physical Culture and Sports” SSTU named after Yu.A. Gagarin. Saratov, 2023 pp. 124–130.

Унификационный тренд в развитии локальных цивилизаций

Николенко Анастасия Алексеевна,

кандидат политических наук, доцент, Владивостокский
государственный университет
E-mail: Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru

Статья ставит задачей проанализировать взаимовлияние унификационных стратегий в политике и объективно существующую реальность локальных цивилизаций. Соотношение локалитет – общий тренд, проблема не новая, но тем не менее острая, особенно в данный период времени. Развитие обществ как унифицированных локальных акторов вполне объяснимое, но в то же время противоречивое явление. Однообразие с одной стороны – это способ жизни в крупном образовании, с другой стороны угроза многоукладности, баланс почти невозможен или возможен с уступками. Возможность сохранения уникальных черт отдельных сообществ, которые рано или поздно обособляются в локальные цивилизации и общие моменты в устройстве политических систем и поведения населения, не сводятся только к проблеме унификации, сколько раскрывают комплекс более глубоких причин изменчивости и адаптации как индивидов, так и сообществ. Современная научная задача уяснить законы этой изменчивости и выяснить что становится ценным для политической практики и почему, а что остается в состоянии «заморозки» до следующего цикла развития. Кроме социокультурного контекста, важным становится и внешний, условно объективный фактор, зачастую не предсказуемый. Аналитические построения, представленные в статье, помогают раскрыть сложность феноменов и их взаимосвязь.

Ключевые слова: «цивилизация», локальная цивилизация, общественный процесс, власть, особенности политического процесса, цивилизационный подход.

Рассматривая современную проблематику, связанную с понятием «унификация» зачастую можно отметить, что под унификацией понимается только один тип социально-политического взаимодействия, условно обозначаемый как англо-саксонский. На самом деле изменчивое понятие универсального имеет как более глубокие корни, так и более сложные причины в основании, чем принято считать. Так, например, традиционное представление о разделении властей, которое принято, как общий тренд развития политических систем необходимо также рассматривать как конкуренцию внутривластных структур, при неопределенной природе и свойствах понятия «власть». Реализация целей присвоения полномочий и распределения внутри группировки областей влияния, чуть позже стала неким мифом, объясняющим необходимость как самой борьбы, так и условного блага такого разделения. То есть объективная потребность, элемент противостояния стал мифологемой, которая чаще рассматривается, как сакральное «благо». Такая же ситуация происходит и с унификацией, как в эпоху империй, так и в современности.

Но если в архаичных структурах социальная жизнь общины была максимально узкой и закрытой, универсальность и принуждение были обязательными, то на современном этапе возникает вопрос необходимости универсального как мышления для масс, так и рациональности попыток унифицировать разнообразный опыт [1, с. 1]. Отменяя кастовость и ее элементы, локальные цивилизации становились все более гибкими и восприимчивыми, но при этом не единообразными, поэтому следует рассматривать не столько унификацию, сколько «информатизацию», открытых сообществ, где иерархия не носит четких границ и похожа на кастовую [1, с. 3].

Также стоит отметить, что процесс обратного сращивания разновидностей методов управления, а следовательно, видов властей достигает наивысшей точки, поэтому принцип разделения при унификации становится спорным, если не устаревшим [1, с. 4].

Тем не менее, связь универсальности и дифференциации носит диалектический характер. По мнению М.П. Полякова, что касается правовых аспектов управления «...в том, что унификация является общим правилом конструирования уголовного судопроизводства, а дифференциация является исключением из него. Нам ближе все-таки позиция авторов, которые видят в унификации и дифференциации два полноценных метода организации уголовного судопроизводства» [2, с. 211]. Следовательно, в практическом применении, в рамках управленческих практик обе методики, оба концепта равны, но при этом усложняющиеся системы внутрицивилизационного политического и социального бытия делают понятия более актуальными и одновременно изменяют их смысл.

Те же процессы коснулись и основных институтов социализации, ярким примером становится система образования и воспитания, для каждого локалитета также имеющая особенности и плохо поддающаяся трендам унификации. Индустриальная логика предполагала рационализацию, в том числе использования знаний. Культурные явления осмысливались подобным образом, соответственно социальный заказ такого общества строился на минимизации «иррационального» как в поведении,

так и в воспитании. Характер и смысл труда стал заключаться в отчуждении субъекта от своей сущности [4, с. 54].

Современные локалитеты только имитируют глубокий интерес к «духовной» стороне бытийности, а также подменяют стратегию развития «иррационального» попытками монетизации, слабых мест человека постиндустриального. При этом как социальная жизнь, так и экономика не стали более «не материальными». Популярные термины «экономика впечатлений», «экономика услуг», как стало понятно потерпели крах и в методическом срезе тоже. Но при этом старые методики управления по объективным причинам становятся менее эффективными.

Что касается международных отношений, а соответственно своеобразных контактов между «локальными цивилизациями», межгосударственные и межправительственные договоры, входящие в полномочия исполнительной власти, становятся всё менее эффективным инструментом. Но их также не заменяет феномен так называемого «мягкого сотрудничества» или «мягкой силы». Учитывая, что прямые аналогии в науке, тем более политической не уместны, тем не менее можно сказать, что ситуация складывается подобно периоду между двумя войнами, или ситуации перед Первой мировой войной. Старые универсальные правила постепенно отходят на второй план, меры, применяемые в настоящее время имеют низкую эффективность, а новых соглашений, опирающихся на баланс сил еще не созданы.

В таких условиях данный промежуток времени можно обозначить как ситуацию вызревания новых универсальных правил, или новой унификации. Но характер такого «универсума» еще до конца не ясен. Тем более подобная схема должна будет основываться на потенциале разных цивилизаций, скорее всего без ярко выраженного «мирового центра», догма которого также довольно устарела.

В этой ситуации можно отметить, что назревающие отношения постепенно создают новую реальность, в то время как регулирующие акты и оформленные взаимосвязи не вызрели, при этом инструменты контроля и парадигмы остаются старыми. Стоит отметить еще и то, что международные договоры являются неотъемлемой частью источников международного частного права, регламентируют правоотношения на международном уровне с участием иностранного элемента [4, с. 5]. Буквально это те точки соприкосновения «локальных цивилизаций», которые регламентируют как сами отношения, так и интересы всех сторон процесса.

В этой связи базовыми понятиями становятся: «мегаполис» и «киберпространство», как новейшие структурные элементы системы взаимоотношений в цивилизационном взаимодействии. Особенно это актуально в период смены унификационного тренда и размытых очертаний назревающих условий. Так, мегаполис представляется как топографическая форма развития политической системы, имеющая высокую степень дифференцированности и вступающая в ряд противоречий с собственной функцией, и как следствие сущностью. Здесь важна не только инфраструктура, но и взаимовлияние на популяцию людей, проживающих внутри сложной организованной среды. Противоречие динамики и статичности системы, выливается не просто в конфликт социального или бытового характера, но вопросы выживаемости. При этом данная ситуация усложняется противоречием замкнутости и открытости системы.

Как система «захватывающая» пространство и ресурсы крупные агломерации с одной стороны становятся причиной развития «унификации», с другой отрицают

универсальность внутри самих же себя. В этом случае функциональная необходимость такой структуры становится спорной, так как для части «локальных цивилизаций» принцип мегаполизации несет деструктивно-дисфункциональный характер. Кроме прочего являются заимствованием «внешней» среды, то есть иной этнической и популяционной среды, где подобное построение пространства вытекает из условий [5, с. 148]. Как построение монотонной среды, так и утрата целостных структур на протяжении короткого периода, становится частью социализации современного человека, но возникающая дезориентация в смыслах и ценностях приводит к утрате и тех и других, также к большей нестабильности [6, с. 97].

Компенсаторный механизм в этом плане порождает еще больше негативных аффектов как среди индивидов, так и в обществе в целом. По мнению А. Гелена «Таким образом, мы можем понять часто встречающийся, ставший практически обязательным тип приспособления. Вся наша культура с ее богатством, бесчисленными противоречиями и несовместимостями подводит нас к фиктивной всесторонности, к попыткам следовать за ней с помощью обогащения сферы чувственных впечатлений, образов и мыслей. Напряжение такого рода просто висит в воздухе, а тот, кому удастся избежать этой атмосферы, чувствует дуновение кошмарного или потустороннего. Из хаотизации действительности с определенной степенью необходимости происходит вся та пена, которую мы относим к развитию и обогащению субъективности (по большей части ложному). Но если представить себе, что всего этого нет, то останется только сухой остаток ограниченных жизненных обстоятельств и крайне малый запас собственных впечатлений и способностей. Теперь вряд ли кто согласится вернуться к таким жизненным обстоятельствам, не очень отличающимся от унылого существования промышленных рабочих – пока они не стали получать хорошее вознаграждение за свой труд» [6, с. 98].

Еще одной формой адаптации и компенсации за «унификацию» становится развитие сетевых форм взаимодействия и новый вид топоса – киберпространство.

Как новая регулятивная модель, данный феномен усложняет правовые отношения, при этом уводя реальный социальных конфликт, а также конфликт цивилизаций в русло более мягкого, игрового противостояния [6, с. 99].

Как долго данный способ адаптации будет оставаться актуальным предсказать невозможно, но окружающая среда и ресурсы оставаясь материальными сжимают пространство действия данного механизма значительно.

В киберпространстве кроме прочего возникает так называемый конфликт юрисдикций – проблема, приобретая междисциплинарный характер – опирается преимущественно на фундамент МЧП и МГП, которые с учетом огромного накопленного юридического знания рожают спектр потенциально возможных решений, как на национальном, так и на международном уровнях. Поиск универсальных моделей регулирования конфликта юрисдикций в киберпространстве возможен также посредством унификации и гармонизации [7, с. 243]. Который со временем будет выливаться или в реальное противостояние систем, связанный с также с ценностями и пропагандой, но также может в потенциале приводить к угасанию киберпространства как механизма адаптации. Следует понимать, что цивилизация как идея, пройдя ряд изменений также продолжает являться неустойчивым, динамическим комплексом, который накаплива-

ет в себе противоречия и новые черты, имеющие потенциальные последствия.

Так по словам исследователя Журавель О.Д. «Эсхатологические переживания кризисных моментов вызывают ностальгию по «золотому веку», поскольку эсхатология всегда связана с утопической мечтой или тоской по утраченной гармонии, утопия связывается то со Святой Русью, то с СССР, то их образы сливаются в некое духовно-символическое единство, вплоть до «пятой империи» А. Проханова. Идеи, лежащие в основе мировоззренческого ядра традиционализма или консерватизма, предполагают включение индивидуума в некую общность и недоверие к «пресловутым» правам человека, тем более – к свободе личности» [8, с. 80].

При этом борьба моделей дифференциации и унификации – реальность, которая усложняет и обостряет как социальные конфликты, так и противостояние «мягкосилового» характера локальных цивилизаций по всему миру.

Литература

1. Головатова Д.Е. Теория разделения властей и современное информационное общество / Д.Е. Головатова. // Вестник науки и образования. 2022. № 7(127). С. 67–72.
2. Курс уголовного процесса [Текст] / [Арутюнян Анна Аветиковна и др.]; под ред. Л.В. Головки; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Юридический фак., Каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 2-е изд., испр. Москва: Статут, 2017. 1278, [1] с.
3. Дианова Н.Ф. Об историческом опыте индустриальной культуры и сознании общества / Н.Ф. Дианова. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4–1(67). С. 52–54.
4. Байрамов О.М. Международный договор как источник международного частного права: понятие и виды / О.М. Байрамов, Д.В. Анисимов. // E-Scio. 2022. № 3(66). С. 3–8.
5. Нотман О.В. Концептуализация понятия «мегаполис»: формально-количественный, правовой, функциональный и системный подходы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 143–149.
6. Гелен А. Конец личности? [перевод А.Н. Портнова] // Ноосферные исследования. 2022. Вып. 2. С. 90–100.
7. Мажорина М.В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 230–253.
8. Журавель О.Д. Державный миф в поздней публицистике В. Распутина: «русская идея» в эсхатологическом контексте // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 70–87.

UNIFICATION TREND IN THE DEVELOPMENT OF LOCAL CIVILIZATIONS

Nikolenko A.A.

Vladivostok State University

This article aims to analyze the mutual influence of unification strategies in politics and the objectively existing reality of local civilizations. The correlation of locality is a general trend; the problem is not new, but nevertheless acute, especially in this period of time. The development of societies as unified local actors is a completely understandable, but at the same time, contradictory phenomenon. On the one hand, monotony is a way of life in a large education; on the other hand, there is a threat to a multi-structure, balance is almost impossible or possible with concessions. The possibility of preserving the unique features of individual communities, which sooner or later become isolated into local civilizations and general aspects in the structure of political systems and population behavior, are not reduced only to the problem of unification, but rather reveal a complex of deeper causes of variability and adaptation of both individuals and communities. The modern scientific task is to understand the laws of this variability and find out what becomes valuable for political practice and why, and what remains in a state of “frozen” until the next cycle of development. In addition to the sociocultural context, an external, conditionally objective factor, often unpredictable, also becomes important. The analytical structures presented in the article help to reveal the complexity of phenomena and their interrelationships.

Keywords: «civilization», local civilization, social process, power, features of the political process, civilizational approach.

References

1. Golovatova D.E. Theory of separation of powers and modern information society / D.E. Golovatova. // Bulletin of Science and Education. 2022. No. 7(127). pp. 67–72.
2. Course of criminal procedure [Text] / [Harutyunyan Anna Avetikovna et al.]; edited by L.V. Golovko; Lomonosov Moscow State University, Law Faculty, Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision. 2nd ed., ispr. Moscow: Statute, 2017. 1278, [1] p.
3. Diana N.F. On the historical experience of industrial culture and the consciousness of society / N.F. Dianova. // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 4–1(67). pp. 52–54.
4. Bayramov O.M. International treaty as a source of international private law: concepts and types / O.M. Bayramov, D.V. Anisimov. // E-Scio. 2022. No. 3(66). pp. 3–8.
5. Notman O.V. Conceptualization of the concept of “megapolis”: formal-quantitative, legal, functional and systemic approaches // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Polyology. 2021. Vol. 21, issue. 2. pp. 143–149.
6. Gehlen A. The end of personality? [translated by A.N. Portnov] // Noospheric research. 2022. Issue. 2. pp. 90–100.
7. Mazhorina M.V. Cyberspace and methodology of international private law // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 2. pp. 230–253.
8. Zhuravel O.D. The Sovereign myth in the late journalism of V. Ras-Putin: “the Russian idea” in an eschatological context // Bulletin of the NSU. Series: History, philology. 2020. Vol. 19, No. 6: Journalism. pp. 70–87.